

Андреас Эшбах

ВЫЖЖЕНО

Предупреждение

Все приведённые в этой книге цифры по разведанным месторождениям, запасам нефти, резервам и добыче взяты из официальных источников, главным образом из «Oil & Gas Journal», «BP Statistical Review of World Energy» и из исследований «United States Geological Survey (USGS)».

«Society of Petroleum Engineers» действительно существует. Это всемирная организация, в которой состоит 65 тыс. членов из всех областей нефтяной индустрии, с резиденцией в Ричардсоне, Техас.

Закон о пополнении энергетических запасов и соответствующие учреждения существуют в том виде, как они описаны в этой книге.

Тот факт, что ОПЕК с 1982 года больше не публикует данных о добыче по отдельным месторождениям, соответствует действительности.

Правда также и то, что в Австрии была найдена нефть и добыча в настоящее время ведётся.

Пролог

Ускориться можно даже на последней капле бензина. Правда, Маркус Вестерманн не догадывался, что эта капля – последняя. Он ехал по автостраде 80, только что оставив позади мост через расселину Сускеханна, и собирался всего лишь обогнать этот грузовик с прицепом, который полз перед ним с изматывающей нервы скоростью в сорок семь миль в час.

Итак, он выехал на левую полосу. Шёл дождь. А он держал возле уха мобильный телефон.

– Подождите, слышите? – крикнул он. – Не кладите трубку. Поверьте мне, мистер Таггард ждёт моего звонка.

– Возможно, – произнёс женский голос на другом конце провода. – Только его, как я уже сказала, нет в здании.

Стеклоочистители разметали брызги, отброшенные мощными колёсами грузовика. Взгляд Маркуса упал на стрелку спидометра. «Помедленнее, – напомнил он себе, – тут ограничение скорости пятьдесят пять миль в час». А в полиции он числился в розыске. И совсем незачем было попадаться на превышении скорости.

– Послушайте, – сказал он, – я знаю, что на самом деле вы никакое не общество торговли американскими фруктами и овощами. Мистер Таггард тоже никакой не менеджер по продажам. Но у него в кармане совершенно точно есть телефон...

– Номер его мобильного телефона конфиденциален, и я не могу...

– Да-да, естественно. Прошу вас, мэ. Я готов поспорить, что в его адресном файле стоит моя фамилия. И пометка, что-нибудь вроде «соединять всегда и немедленно».

Грузовик казался бесконечным. Неужели он ускорился, чтобы не дать себя обогнать? Но зачем же это? Маркус глубже продавил педаль газа.

– Посмотрите ещё раз. Прошу вас. Это действительно очень-очень важно.

Она что-то пробормотала, потом он услышал стук клавиатуры. Ну вот, все-таки. В зеркале заднего вида он заметил сумасшедшего, который догонял его по левой полосе и уже мигал ему дальним светом. Маркус Вестерманн прибавил газу.

Но машина не реагировала. Его не вдавило от ускорения в спинку сиденья, даже когда он прожал педаль газа до самого пола. И звук у мотора был совсем не такой, какой должен при этом быть!..

С внезапным испугом Маркус понял, что слышит только, как шины катятся по мокрому асфальту, а мотор – мотор больше не работает.

– Мистер Уэстман? – послышалось из трубки. – Сейчас я соединю вас с мистером Таггардом.

– Я перезвоню. – Маркус бросил телефон на пассажирское сиденье, схватился за ключ зажигания, повернул его, услышал звук стартера. Но мотор не завёлся.

Датчик горючего. Бог ты мой! Он всегда знал, что датчик сломан и показывает, что хочет. Просто электронный мусор. Но ведь совсем недавно он показывал полбака, полбака, чёрт возьми! Не мог же он показывать полбака, а потом вдруг...

А поставил ли он на ноль счётчик текущего пробега, когда заправлялся в последний раз? Нет. Вот чёрт! В баке просто-напросто больше не было бензина.

Гениальный момент. Грузовик, ослепительно белый, бесконечной длины, и высокий, как гора, ехал себе как ни в чём не бывало рядом, непоколебимый, как луна на своей орбите. Ясно, что водитель даже ни о чём не подозревал.

А машина позади, уже неудержимо приближаясь, нервничала. Это был большой красный внедорожник с целой батареей фар, которыми водитель первоклассно манипулировал.

– Марк? – послышалось из телефона, брошенного на сиденье. – Вы здесь?

Ну просто гениально!

– Yes, shit! – крикнул Маркус и нажал на тормоза. Он мог бы много чего сказать: например, что попал в переплёт и дел у него выше крыши, но сейчас он бы ни за что не вспомнил, как это выразить по-английски.

Тормозить! Он стиснул руль так, что ладоням стало больно. «Без паники!» – сказал он себе. Так говорят именно тогда, когда уже паникуют всюю. Ему нужно было лишь замедлиться, снова пристроиться за грузовиком, на последней инерции съехать на обочину и остановиться. Никаких проблем, в конце концов, тормоза-то ещё работают.

– Марк? В чём дело? Я вас слушаю, где вы?

Проблема всё же есть. Грузовик угромыхал, но Маркус потерял столько инерции, что уже почти встал. Видимо, от испуга он слишком сильно тормозил?

А придурок позади него, как видно, умеет управляться только со своими мигалками, но никак не с тормозами.

Маркус ударил по рулю, заколотил по нему кулаком, крича «Shit, schit, shit!» и раскачиваясь всем телом взад и вперёд, как будто мог сдвинуть машину с места хотя бы таким образом.

– Марк? Что случилось?

Идиот на красном джипе, кажется, наконец начал тормозить или нет?

О Боже, да, сейчас он вспомнил! Есть приём для таких ситуаций, как же там... ну да, сдвинуть машину при помощи стартера! Включить вторую передачу и запустить стартер. Маркус схватился за ключ зажигания.

В этот момент что-то протаранило его с силой, более убийственной, чем всё, что он когда-либо испытывал. Мир распался на вихревые движения, боль, какофонию скрежета и треска металла. Он едва успел понять, что переворачивается вместе со своей машиной, а потом была только тьма.

Оба минарета Большой мечети тянулись в небо, тени от них были короткими. «Как персты указующие», – подумал старик.

Они смотрели вниз из окна на просторный двор, где на коленях стоял мужчина с повязкой на глазах, со связанными за спиной руками. Он дышал тяжело, панически. Даже сверху это было видно.

Пятничная молитва закончилась. Правоверные расходились из Большой мечети, и каждый снова шёл своей дорогой. Кроме тех, кто остался, чтобы присутствовать при казни.

Сегодня таких было больше, чем обычно. Похоже, сегодня обезглавят не обычного убийцу или насильника.

– Я бы не хотел, чтоб вы позволили вашим детям видеть это, – пробормотал седовласый принц. – Это зрелище не для детей.

Его собеседник, шеф полиции Эр-Рияда, покашливая, гладил бороду.

– Есть учёные, которые другого мнения.
– Вы имеете в виду Аль-Шаммари, как я полагаю. Аль-Шаммари – старый человек.
– Он говорит, что ужас пережитого зрелища казни может удержать детей от того, чтобы их самих впоследствии потянуло на преступление.

Было очевидно, что шеф полиции разделяет эти взгляды.

– Может быть. Но я в этом сомневаюсь.

– Шейх! – воскликнул второй. – Этот человек торговал наркотиками! Неужто вам его жалко?

На мгновение у принца Абу Джабра Фарука-ибн-Абдул-Азиза Аль-Сауда возникло смутное подозрение, что шеф полиции его обманывает. Что, разумеется, было невысказано.

Он недовольно покачал головой.

– Я беспокоюсь за души детей, вот и всё. Дети – наше будущее.

Внизу на площади палач встал позади осуждённого. На груди его скрещивались ремни. Лезвие меча сверкало на солнце.

– Так откуда он, вы сказали? С Кипра?

– Да, – мрачно ответил шеф полиции. – Киприот. Был студентом академии короля Фахда. В стране достаточно давно, чтобы уже знать законы Аллаха.

Удар мечом, сделанный как будто быстрее, чем мог заметить глаз – и тело осуждённого упало вперёд, тогда как голова покатилась прочь, туда, где её задержала бетонная стена. Вздох ужаса пронёсся по толпе. Кровь хлестала из разрубленной шеи и впитывалась в песок – несколько мгновений, пока не перестало биться сердце.

Большие окна из коричневого стекла в центральном терминале аэропорта Ла-Гарди вели на улицу. Пахло фритюрным жиром и луком, у кассы была давка. Никто не обратил внимания на двух совершенно разных мужчин, сидевших рядом на высоких барных табуретах у стойки, перед каждым стоял поднос с фастфудом.

Один из них, худой, загорелый, лет пятидесяти, поглощал свой гамбургер и говорил при этом сдержанным голосом, с болью во взгляде. То, что он говорил, перекрывалось дешёвой музыкой, прерывалось объявлениями по радио и последними звонками и было неразличимо уже за ближайшим столиком.

Второй не прикасался к своему подносу и только слушал. Он походил на бывшего футболиста-профессионала. И только пасторский воротничок, выглядывавший из-под тёплой куртки, нарушал это сходство.

– Эта игра в прятки долго не продержится, – сказал он, когда первый наконец смолк.

– Разумеется. В том-то и беда.

– А сколько? Как вы думаете?

– Две недели. Самое большее. Скорее даже меньше.

– Это значит, что момент, к которому мы готовились, настал. – Широкоплечий кивнул. – Хорошо, что вы мне позвонили. Хоть и рань была несусветная.

– По-другому было нельзя.

– Вам не надо оправдываться.

– Я не ожидал, что встречу вас. Я не знал, что вы как раз были в Нью-Йорке.

– Божья воля, сын мой. Последнее выступление моего лекционного турне.

– Ваше преподобие... Честно говоря, тогда я не хотел в это верить. Но вы оказались правы. – Он вынул из кармана пальто конверт с письмом. – Это моё прошение об отставке. Я возьму его с собой в Вашингтон и там брошу в почтовый ящик. И буду собираться. Я хочу уехать ещё сегодня вечером.

– Мы вас ждём.

– Поэтому я и хотел с вами поговорить. Это риск – принимать меня. Вы должны отдавать себе в этом отчёт.

– Дело не дойдёт до того, чтоб вас стали искать всерьёз, – сказал мужчина, которого собеседник называл «ваше преподобие». – Перед концом-то света.

Часть первая

Глава 1

Прошлое

Нью-Йорк! Это было как прибытие в другой мир – тот, что ярче сиял, был обширнее и полнился куда большей энергией, чем мрачная, тесная, усталая Европа, из которой приехал Маркус.

Он проснулся, когда его мягко потрясли за плечо и несколько раз повторили:

– Маркус! Мы прилетели!

Он встрепенулся, увидел яркий дневной свет, льющийся из иллюминатора, глянул вниз на сверкающую синюю воду и угадал силуэт города, невероятного города на горизонте. Нью-Йорк.

– Ещё не совсем, – спросонья сказал он. В следующий момент на него нахлынуло ощущение счастья – такое сильное, что захотелось издать ликующий крик. – Но всё равно что прилетели! – воскликнул он и улыбнулся своему соседу по креслу. То был итальянец из их группы, симпатичный худощавый человек его возраста, говоривший по-английски с забавным акцентом, но бегло.

Стюардесса раздавала зелёные бланки для въезжающих, на которых надо было удостоверить своей подписью, что не везёшь контрабандой наркотики, не собираешься убить президента и так далее. Все те вещи, в которых ни один человек не сознается добровольно, тем более если он действительно замышляет что-то подобное.

Маркус едва успел проставить во всех графах «нет», как самолёт уже зашёл на посадку, которая оказалась мягкой, словно скольжение горячего ножа сквозь сливочное масло. Когда готовились к выходу, вокруг были бледные, промаявшиеся целую ночь люди. Маркус, напротив, чувствовал себя выспавшимся и полным сил; он и в самом деле спал так крепко, как ему уже давно не удавалось.

Они покинули самолёт через телетрап, лучшие времена которого давно миновали: стенки проржавели на швах, а покрытие пола протёрлось до металла. Но разве это имело значение? Как-никак, телетрапы стали обыденностью в аэропорту Кеннеди ещё тогда, когда повсюду в мире приходилось топтать от самолёта по лётному полю сквозь непогоду и ветер.

На сгибе телетрапа одна дверь стояла раскрытой. Внутрь проникали интенсивный запах бензина (керосина, мысленно поправил себя Маркус), громкий гул двигателей на холостом ходу – и гнетущая, удушающая жара! После ночи в прохладе на борту самолёта это было так, будто в нос ему ударило дыхание страны, покорить которую он прибыл. И вот, поди ж ты, это дыхание оказалось драконовым, огнедышащим!

Потом они стояли в очереди на контроль и смотрели, как вооружённые люди в униформах орудовали металлоискателями. Очередь продвигалась медленно, прямо-таки мучительно медленно. Надо было перестать поглядывать на часы. Кабинки становились ближе с каждым шагом. Дойдёт и его черёд, это было неизбежно. И какая разница, когда это случится?

В какой-то магический момент взгляд Маркуса упал на паспорт винно-красного цвета у него в руках, на зелёный бланк, вставленный в него, и на первую напечатанную на бланке строчку: «UNITED STATES OF AMERICA».

Вид этой строчки будто током пробил его. В продолжение мгновения у него было такое чувство, будто все тайны и загадки мира лежат перед ним разгаданными и раскрытыми, и одна из этих тайн состоит в том, что нет более всесильного, более могущественного порядка букв, чем этот. Затем спины стоящих впереди продвинулись ещё на один шаг, ему надлежало замкнуть промежуток, и магический момент растаял.

Но эти слова всё ещё были на бланке и сиять не переставали.

На главном выходе четверо мужчин в ливреях сопротивлялись людскому прибою, вытягивая вверх таблички с надписью «Lakeside and Rowe». Надо было подождать, пока пройдут контроль все и группа соберётся в полном составе. На парковке ждали четыре чёрных длинных лимузина, и кто-то пошутил, всерьёз не веря: уж не на этих ли машинах их и повезут в город? На лицах мужчин в ливреях при этих словах не дрогнул ни единый мускул, но именно так всё и случилось. Группа состояла из шестнадцати человек – как раз на четыре машины.

Это было как в кино. Они двигались к серому контуру на горизонте, пересекли мост и, наконец, с гулом ворвались сквозь ущелья домов в Манхэттен. Боже, эти дома и впрямь были так высоки, как он всегда и представлял себе! Повсюду сновали велосипеды и жёлтые такси, знакомые ему по тысяче фильмов. И автобусы. И серебристо сверкающая, неправдоподобная дымка поверх всего – то ли выхлоп, то ли просто пар, светившийся в солнечном свете, неожиданно ярком, горячем и интенсивном. Нью-Йорк, чёрт побери, он наконец добрался до него! Он был там, куда стремился: в столице мира, в центре всего, где бьётся пульс человеческой цивилизации.

Небоскрёбы стали выше, а улицы сузились: Верхний Манхэттен. Центральный офис фирмы – серое, угловатое строение, построенное ещё во времена основателей, – в реальности оказалось меньше, чем казалось на картинках и проспектах. Однако тут был собственный въезд, лимузины остановились под солидным навесом, и им открыли дверцы.

В вопросах шоу америкосы собаку съели. Когда дело касалось выхода и точно просчитанного эффекта, им не было равных.

Людей проводили наверх таким образом, что они чувствовали себя высокими государственными гостями. Наверху перед лифтом их приветствовал Ирвин Янг, руководитель «Human Resources», собственной персоной. Некоторые из глав различных департаментов тоже здесь присутствовали, и через открытые двери Маркус заглянул в глубь офисного пространства: это было по-настоящему красиво. Да сможет ли он вообще работать перед такой панорамой? Очертания Манхэттена, река, сверкающая на солнце, словно ртуть... Об этом он и мечтать не мог.

«Я здесь, где мне и положено быть!» – пронеслось у него в голове. Невозможно было удержать внимание на том, что говорил Юнг, к тому же делал он это исключительно заунывно.

Наконец пошли дальше, поднялись этажом выше, в приёмную, где уже стояли наготове шампанское и закуски. На стенах висели иллюстрации из последнего бизнес-отчёта. Тут же стоял пульт. Значит, следовало приготовиться к длинным речам.

К удивлению Маркуса, вскоре появился седой Саймон Роу, последний из поколения основателей, ему было более девяноста лет, но он всё ещё сохранял за собой пост председателя наблюдательного совета. Он не преминул пожать руку каждому из них. Говорят, утром он приходит в офис так рано, что может попрощаться с ночным дежурным. Работа держит его на плаву, как он любил признаваться сам. Когда это объяснение приводилось в СМИ, ему всегда сопутствовали ссылки на то, что партнёр Роу – Эрик У. Лэйксайд – некогда удалился на покой в нежном возрасте 57 лет, чтобы играть в гольф, выращивать розы, колесить на своей парусной яхте у берегов Флориды – и умереть в 63 года. А вот Роу, собственноручно написавший первые модули программной системы, которой они ошастливили финансовый мир, ещё на языке COBOL, всё ещё жив.

С трогательным усилием он взошёл на подиум, высотой едва по щиколотку, на котором стоял пульт. Оттуда Роу оглядел всех собравшихся, затем развернул лист бумаги настолько потёртый, будто его таскали с собой лет десять, и произнёс речь, в которой подчеркнул, как им повезло, что они могут работать на лучшую фирму мира. Пафос был намазан слишком толстым слоем, типично по-американски, – Маркус увидел, как француз из их группы наморщил нос, – однако сам по себе такой жест производил впечатление.

Когда все уже решили, что он закончил – простительное предположение, поскольку он истово сложил бумажку с речью и снова упрятал её в пиджак, – старик наклонился к микрофону и сказал:

– Вспомните о том, дорогие леди и джентльмены, что деньги правят миром. Сейчас это верно как никогда. Финансовые институты, банки, инвестиционные фонды и так далее – наши клиенты, одним словом, – держат в своих руках беспримерную власть. Это не могущество орудийного ствола, это бескровное, субтильное, но тем более эффективное могущество. Однако власть означает также и ответственность. Решения, которые принимают наши клиенты, оказывают влияние на жизнь миллионов людей. Многие из этих решений основаны на данных, которые поставляют им наши программные продукты. Ответственность за то, чтобы эти данные были достоверны и точны, насколько это в человеческих силах, – лежит на нас. А что касается вашего проекта, то на вас. Прошу вас постоянно помнить об этом. – Он кивнул своим лысым черепом, лишь в некоторых местах опушённым седыми волосами. – Благодарю вас.

Престарелый шеф сошёл вниз под аплодисменты. Затем настроение торжественности быстро рассеялось. Полупустые бокалы из-под шампанского были отставлены на столы, тартинки, сырны топазики и мясные рулетики утратили привлекательность, и Маркус наконец не выдержал, поинтересовавшись, какой офис отведён для них.

– О, – сказал Юнг, человек с лавандово-синими глазами и улыбкой, которая казалась привинченной к лицу, – не здесь.

Отдел разработчиков, как узнал Маркус, к своему безмерному разочарованию, находится теперь не в «Lakeside and Rowe Building», а в здании технического сервиса «Western Union», далеко в Пенсильвании, в местечке с неправдоподобным названием Райская Долина. Вот уже полгода. Из соображений экономии. Однако там красиво, разработчики вполне довольны. Горы Поконо – просто мечта. И всего в сотне миль от Нью-Йорка.

– Сотня миль? – переспросил Маркус, будто услышав себя со стороны.

– Около того, – кивнул руководитель «Human Resources». – Ну, чуть больше.

И они снова поехали на лифте вниз. Действительно: почти у каждой кнопки красовалась табличка другой фирмы. Поднимаясь вверх, Маркус не заметил этого. «Lakeside and Rowe» занимала лишь верхние два этажа.

Когда они вышли наружу, лимузинов уже не было; вместо них на въезде стоял серый автобус. Несколько чернокожих рабочих в синих комбинезонах как раз грузили в него их чемоданы.

– Снять квартиру в Нью-Йорке всё равно неподъёмно, – сказал итальянец, садясь в автобус. Его звали Сильвио Дамиано. Было заметно, что он пытался уговорить своё разочарование. – Я слышал, что некоторые платят за однокомнатную квартирку с туалетом в коридоре столько, сколько в Риме стоит четырехкомнатная квартира. В Риме!

– Да, – мрачно кивнул Маркус. – Однако они не стали бы столько платить, если бы не находили это офигенным: жить в Нью-Йорке.

Сильвио бухнулся на свободное двойное сиденье и, казалось, не имел ничего против того, чтобы Маркус сел рядом с ним.

– Райская Долина, – сказал худой итальянец. – Звучит как «Край света».

Проект состоял просто-напросто в том, чтобы локализовать LR-8, новую программную систему, которую должны были вывести на рынок в конце года.

Локализация означала, что все программы должны быть подогнаны к местным условиям так, чтобы их можно было ввести в разных странах. Например, чтобы во все планки ввода, в меню и в выходные отчёты были введены соответственные немецкие, итальянские, французские и тому подобные термины. Следовало проверить, чтобы все форматы данных и цифровых изображений были применены правильно. Перевести инструкции по применению и функции помощи, создать обучающие инструкции и далее в том же духе. Но в первую очередь речь шла о том, чтобы приспособить программы к предписаниям законов разных стран. Поскольку в версию 8 входили многочисленные новые модули, это была большая часть задания. Для этого им предстояло регулярно связываться с юристами и налоговиками у себя на родине, претворять в жизнь их консультации и пожелания, обсуждать это с собственно

разработчиками и, наконец, перепроверять то, что у тех получится. Все изменения должны быть отражены в инструкциях по применению и, само собой разумеется, во всей документации.

Локализация программы представляла собой ответственную и кропотливую работу, качество которой во многом определяло шансы на внедрение на том или ином рынке. Традицией фирмы «Lakeside and Rowe, Inc.» было в принципе доверять это задание не программистам, а исключительно сотрудникам отделов сбыта, которые лучше знали пожелания и потребности клиентов.

Шесть месяцев, отведённых на этот проект, были скорее сжатыми сроками. Им придётся вкалывать как сумасшедшим, чтоб управиться к тому моменту, когда придёт пора лететь домой. То, что локализация означала тяжёлый труд, было достаточно хорошо известно. Несмотря на это, попасть в проект стремились: поскольку благодаря этому автоматически становишься бесспорным специалистом в своей языковой версии, и личная карьера после этого заметно идёт в гору.

У Маркуса Вестерманна, правда, были другие планы. Он попал в страну своей мечты, и он не собирался опять её покидать. Ни по истечении шести месяцев, ни тем более для того, чтобы вернуться в Германию.

Настоящее

Он пришел в себя, увидел свет, услышал голоса и снова погрузился в восхитительную тьму. Но всё же настало время, когда он смог раздвинуть веки и оглядеться. В замешательстве он обнаружил, что лежит на белой больничной кровати, и почувствовал запах дезинфицирующих средств. Затем вспомнил, как и почему всё произошло. Боли он не чувствовал.

Маркус поднял руки. Кисти в порядке. Одно предплечье перевязано; прозрачная трубка уходила под слои бинтов. Он осторожно ощупал лицо. Повязки, пластыри. Должно быть, выглядел он ужасно. Но вроде бы всё было цело. Повезло с несчастьем.

Вошла, улыбаясь, медсестра, проверила уровень жидкости в прозрачном пакете капельницы. Он с усилием спросил, как давно он здесь, и она ответила не то с русским, не то с польским акцентом:

– Sorry. I don't speak English.

Он глянул на неё в недоумении. Что-то здесь было не так.

На груди у неё он увидел маленькую голубую табличку: «Сестра Малгожата». «Сестра» – по-немецки!

Он откашлялся и попробовал на родном языке:

– Давно я здесь?

Она виновато улыбнулась.

– Не знаю. Я сама здесь первую неделю.

– А какой сегодня день?

– Среда, – ответила медсестра и снова вышла.

Он огляделся, ища, на чём остановить взгляд. Вторая кровать в палате пустовала. Ветер за окном шевелил чахлое деревце. Листья на нём были бурые, и некоторые облетали прямо на глазах. Маркус постепенно начал понимать: осень.

То была осень. Он не только почему-то очутился в Германии, но с момента его автокатастрофы прошло, должно быть, пугающе много времени.

Глава 2

Прошлое

Маклер, когда показывал им дом, казалось, следил за тем, чтобы ни на минуту не оставить одних. Он расхваливал его, как будто в этом была нужда, потом зазвонил телефон – и они уллучили, наконец, минутку для себя.

– Дом – просто с ума сойти! – шепнул Вернер. – И за такие небольшие деньги! Надо быть не в своём уме, чтоб не купить его.

У Доротеи голова шла кругом. То ли от захватывающей дух панорамы, которая открывалась с террасы. Или от перспективы, что её мечты о собственном доме вдруг так внезапно исполнятся?

– Зачем люди продают такой дом? Вот это мне действительно хотелось бы знать.

– Давай просто спросим, – Вернер просиял улыбкой во всё лицо. – С бассейном, Боже мой! Уж об этом я бы и мечтать не смел. А тут он идёт в качестве бесплатного приложения! Ты только посмотри – одна гостиная чего стоит. С камином. Галерея. Комнаты наверху, первый этаж, подвал... и огромный участок... Даже без бассейна цена была бы абсолютно приемлемой.

– А ты не боишься, что в этом скрыт какой-то подвох? – Доротея не могла обойтись без подозрений. Если дело выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой, то, как правило, оно оказывалось неправдой. По её опыту, во всяком случае.

Вернер горел воодушевлением.

– Единственный подвох, какой я вижу, это то, что нам не захочется отсюда уезжать, – он поскрёб подбородок. – Да и не так уж это дешево. Без твоего наследства мы могли бы даже не начинать подсчёты.

Наследство, да. Доротея почувствовала укол. Может, в этом и была загвоздка. Маленькая боль, при всей красоте, словно шипы у розы.

Однако дом был сказочный. Он стоял прямо над обрывом, на наружном, северо-восточном склоне Швабской Альбы, и с большой террасы открывался вид на бескрайнюю, слегка холмистую равнину, поверх лесов, крестьянских хуторов и деревень, над петляющими речками и рыбными прудами. Под террасой размещался плавательный бассейн. Сам по себе дом был построен с размахом, со вкусом и элегантностью, места в нём хватило бы хоть на четверых детей, найдётся помещение и для хобби Вернера... Всё, чего только может душа пожелать. Правда, он располагался на отшибе и стоял уединённо, но ведь здесь не та местность, где можно опасаться неприятностей. Это немного дальше от фирмы Вернера, чем они себе представляли. Но оно того стоило.

– Прежний владелец, – ответил на вопрос Вернера вернувшийся к ним маклер, – через наше агентство подобрал себе хороший участок, что-то вроде поместья, историческая усадьба, эксклюзивный случай. – Он улыбнулся, явно исполненный профессионального удовлетворения. – Кажется, тем самым исполнилась его юношеская мечта.

Доротея испытала облегчение, услышав это. Ей было бы не по себе, если бы причиной продажи явилось разорение.

Вернер сказал:

– Тем лучше для него.

Конечно, он имел в виду «тем лучше для нас», это было видно.

Доротея и в самых смелых своих мечтах не представляла, что когда-нибудь будет так жить. Даже кинозвёзды или миллионеры побледнели бы от зависти, увидев этот дом. А его предлагают им! Достаточно только сказать «да»! И всё лишь потому, что Вернер состоит в том же клубе внедорожников, что и владелец агентства недвижимости, начальник этого маклера.

Маклер как раз достал из своей переполненной папки листок в клеточку.

– Прежний владелец пометил несколько пунктов, на которые мы обязаны обратить

внимание интересующихся. Недостатки дома, так сказать, – добавил он таким тоном, будто ему была чужда мысль, что объекты, предлагаемые их агентством, могут иметь какие-то недостатки. – Для него это было очень важно.

Доротея набрала в лёгкие побольше воздуха.

– Порядочно с его стороны, – сказала она.

Маклер болезненно улыбнулся.

– Да. Прежний владелец – очень корректный человек. – Он просмотрел список. – Итак, в первую очередь вы должны отдавать себе отчёт о том, что этот дом дорого отапливать. Он построен в шестидесятые годы. Теплоизоляция не отвечает тем требованиям, какие действуют сегодня. К тому же тут много просторных помещений, высокие потолки и так далее... Рассчитывайте на то, что вам понадобится вдвое больше топлива, чем в нормальном доме такой величины.

Вернер понимающе кивнул.

– Из-за бассейна.

– Да, и из-за незащищённого положения: зимой здесь дуют холодные северные ветры. Это стоит денег.

Вернер и Доротея переглянулись. Уж такую-то роскошь они смогут себе позволить, говорил их взгляд. У Вернера была хорошая, надёжная работа, и он только недавно получил повышение.

– Хорошо, и что дальше? – спросил Вернер.

– Вы должны рассчитывать на то, что вам понадобится две машины, когда вы будете здесь жить. Ближайший супермаркет – в Дуффендорфе, это почти двадцать километров отсюда, – он помахал бумажкой. – Это, кстати, не совсем верно; внизу в деревне есть небольшой магазин. Не очень дешёвый, но если закончится сливочное масло или срочно потребуется три яйца, уж без них вы не останетесь.

– Не проблема. У нас две машины. – При этом одной из них был внедорожник Вернера, в некоторой степени его зеница ока. И вторая – машина фирмы. Одно из транспортных средств ему придётся передать Доротее, и тогда ей придётся привыкать ездить самостоятельно.

Но ничего. Привыкнуть можно ко всему, если надо.

– Школьный автобус тоже отправляется только от деревни внизу. Остановка у ратуши.

Доротея кивнула. Их сын ходил в четвёртый класс, это было, конечно, важно. И они не останутся на одном ребёнке. Тем более с таким просторным домом.

– Уж это мы как-нибудь уладим. – Она посмотрела на Вернера, вдруг забеспокоившись, что он может передумать. – Ирена и Рут тоже каждое утро возят своих детей в школу или на остановку, а ведь они живут в Штутгарте.

Вернер кивнул.

– Что ещё?

– Это всё, – с облегчением сказал маклер.

Райская Долина выглядела именно так, как и называлась: местечко, разметавшееся по живописным лесистым долинам предгорий Аппалачей, где без собственной машины будешь предан и продан. Группу локализаторов разместили в отеле, расположенном прямо у автострады 940. Тому, кто не хотел питаться в ресторане отеля, в качестве альтернативы предлагался не внушающий особого доверия ларёк у бензоколонки на другой стороне дороги. Зато кругом были леса и луга, в каждой комнате кабельное телевидение с сотней каналов, а по утрам их будет забирать автобус, чтобы вечером привезти обратно.

Как оказалось, поездка составляла несколько миль, и каждое утро локализаторы имели возможность полюбоваться большими виллами и просторными участками, раскиданными по всему ландшафту. Кроме того, дети местных жителей, ожидающие школьного автобуса, корчили им жуткие гримасы или швыряли вдогонку камешки.

– Они это делают, потому что у нас нью-йоркские номера, – объяснил водитель.

Центр разработок находился в современном двухэтажном строении, оформленном в

цветах фирмы, там располагался главным образом технический сервис, то есть отделы, которые устанавливали программы клиентам, проводили обновление и принимали звонки, если у клиентов возникали проблемы. С возвышенности, на которой стояло здание, открывался вид, какого не постыдилась бы эксклюзивная курортная клиника, в то время как цены здесь сильно отличались от нью-йоркских: одна территория парковки у здания в Нью-Йорке обходилась фирме дороже, чем вся Райская Долина.

Впечатление широты и размаха пропадало, стоило только войти в здание. Коридоры были узкими и тёмными, воздух – застоявшимся. Помещение на втором этаже, где их разместили, выглядело в точности как в американских фильмах: каждому отводился бокс, огороженный разборными стенками, там стоял письменный стол, стул, шкафчик для папок и компьютер, а размеры бокса были ровно такими, чтобы можно было дотянуться рукой до любой его точки. За исключением компьютеров, всё было расшатанное, хотя зданию не исполнилось ещё и двух лет. Всё чертовски походило на клеточное содержание для служащих.

По крайней мере, в том, что касалось нижней прослойки. Уже на следующей ступени фирменной иерархии кабинеты выглядели существенно лучше. Руководителя проекта локализации звали Джон Мюррэй, это был чернокожий с узкими, удлинёнными ладонями; он никогда не улыбался. У него был настоящий кабинет – с дверью, которую он мог закрыть за собой и закрывал, с большим окном, из которого можно было полюбоваться великолепным лесом, и с солидной обстановкой.

Вот такой кабинет, решил Маркус, должен стать целью очередного этапа.

На следующий день началась работа. Маркус первым делом занялся формулярами ввода данных. Уже утром у него были распечатки всех планок ввода, и перевести их на немецкий было просто детской игрой. Кое-где на экране не хватало места, но это была уже проблема разработчиков, а не его. В первой половине дня Маркус прошёл все планки и половину всех отчётов и уже начал спрашивать себя: а чем он, собственно, будет заниматься остальные шесть месяцев?

Ответ на этот вопрос он получил на следующее утро, когда впервые связался по телефону с Европой, а именно – с Венской налоговой службой, которая заключила с фирмой договор о сотрудничестве. Восемь часов утра в Райской Долине соответствовали четырнадцати часам дня в Вене, и его собеседник, доктор Байсвендер, с самого начала заявил ему, что привык заканчивать работу ровно в шестнадцать тридцать.

– Столько времени нам и не понадобится, – уверенно сказал Маркус.

Это вызвало на другом конце провода снисходительный смех.

– Мой юный друг, нам придётся взаимодействовать значительно дольше, чем вы можете представить себе в самом страшном сне, поверьте мне.

– Как же это может быть? – незлобиво удивился Маркус.

Полчаса спустя он начал понимать, что лучше бы не спрашивал.

Один из новых программных модулей, который «Lakeside and Rowe» закупила вместе с фирмой, разработавшей его, предназначался для того, чтобы анализировать движение на счетах клиентов банков и формировать из них спецификации, которые позволят получать показания о будущем потребительском поведении и о склонности клиента к инвестированию. Эти анализы должны были помочь целенаправленно предлагать финансовые продукты тем, кто с большей вероятностью ими заинтересуется, и всё базировалось на патентованном новом способе анализа, который чем-то похож на нейрональные сети. Маркус прочитал об этом множество статей и в какой-то момент перестал понимать подоплёку.

В США – стране, которая не знает банковской тайны, – внедрение такого механизма не представляло никакой проблемы. Другое дело в Европе. Доктор Байсвенгер прочитал ему почти двухчасовой доклад об основных положениях и о тонкостях австрийского банковского права, дополнив его ссылками на предписания комиссии Евросоюза, не учитывать которые теперь было нельзя. У Маркуса потом рука болела от пометок, которые он делал наспех для себя, исписав ими целый блок.

И это была только Австрия. Германия и Швейцария ему ещё предстояли.

– И кто же консультирует вас по немецкому налоговому праву? – спросил Байсвенгер.

Маркус разминал себе запястье.

– Профессор Мюллер из Кёльнского университета. Но он вернётся из отпуска лишь в начале июня.

– Он может не торопиться. Слушайте внимательно, молодой человек, давайте сделаем так: вы возьмёте ваши тексты, будете переводить по кусочку и посылать мне по мейлу, а потом мы это будем обсуждать. Вы что-нибудь имеете против? Это хорошо, что вы сидите в Америке: у вас будет вторая половина дня на работу, а у меня первая на то, чтобы посмотреть сделанное. Лучше и не придумаешь.

– О'кей, – вяло сказал Маркус. – Так и поступим.

– Тогда до завтра. Всего наилучшего.

Так образовался ритм. Во второй половине дня Маркус переводил, сколько успевал, и посылал это по электронной почте в Вену. На следующее утро они по телефону обговаривали, что следует изменить, и доктор Байсвенгер диктовал ему это по пунктам, которые затем предстояло обсудить с разработчиками.

Маркус больше не задавался вопросом, что ему делать ближайшие полгода. Он скорее думал, как бы успеть в отведённые сроки.

Другим было заметно легче. Швед из их группы каждое утро обстоятельно читал газету или неторопливо беседовал с датчанином. Словенец, казалось, вообще не понимал, что сложного может быть в банковских предписаниях и налоговых законах.

Маркус подкараулил француза Жан-Марка на кухне, где тот по нескольку раз в день варил себе настоящий, заслуживающий этого названия кофе, и предложил ему объединить усилия в делах Швейцарии.

– *Bien, sir*, – кивнул тот, устало прикрыв глаза. – Но мне ещё придётся повозиться с Бельгией.

Судя по всему, он вёл такую же битву.

Вечерами они прочно застревали в отеле. Автобус доставлял их туда после работы, чаще всего в половине седьмого, и после этого не происходило никаких событий. У бензоколонки к этому времени уже были припаркованы несколько огромных фур, и их водители, по большей части типы, внушавшие лишь ужас молодым европейцам, целиком занимали павильон с гамбургерами. Не было ни рейсовых автобусов, ни даже попутных, ни такси. Это не имело бы смысла, говорила хозяйка отеля, постоянно улыбаясь лучистой улыбкой, в Райской Долине нет ничего, что могло бы служить центром города. Кино? Его закрыли два года назад, теперь там по сиденьям скачут крысы. И для чего им кино, если в комнатах отеля есть хорошие телевизоры с большим экраном и подключением к системе Pay-TV. Всё оплачивает фирма.

Итак, деваться из отеля некуда. В 8 часов подавали ужин: гамбургер с салатом, мексиканским или китайским. После этого можно было сыграть в баре в бильярд на одном из четырёх столов или просто посидеть вместе со всеми – за напитками и разговорами. Некоторые уходили к себе пораньше – например Жан-Марк. Он говорил, что у него с собой на электронной книге вся «Человеческая комедия» Бальзака, девяносто один том, и он положил себе до возвращения всё прочитать.

Маркус оставался следить за общей беседой. Речь в основном шла о работе. Поскольку у всех были одни и те же подспудные планы, они без труда находили общие темы, а различия национальных менталитетов давали материал для множества весёлых анекдотов. Нет, что ни говори, а это было интересно.

Но Маркусу было ясно, что на все полгода этот интерес не растянуть.

Другими словами: надо было уносить отсюда ноги.

Однажды утром он обнаружил на своём столе формуляр с жирной пометкой «срочно». Формуляр был роздан всем администрацией офиса, и речь шла лишь о том, чтобы обеспечить

каждого из них на время пребывания здесь визитными карточками. Простыми, отшлифованными в расчёте на полных идиотов фразами его просили вписать в отдельные графы имя, служебный телефон, и-мейл и – при наличии – номер мобильного телефона, и всё это – срочно! – иметь наготове к 10 часам утра. Посыльный от администрации всё соберёт.

Маркус достал ручку из выдвижного ящика. В тот момент, когда он начал писать, в голову ему пришла одна идея. Глупая, ребячливая, но непреодолимая.

В графе «имя» он написал: МАРК.

В графе «фамилия»: УЭСТМАН.

В графе «средний инициал»: С.

Всё это затем он тихо произнёс вслух:

– Марк С. Уэстман. – Ну, разве это звучало не чисто, прямо-таки не чудесно по-американски? Разве не впадаешь поневоле в приятно-жвачный английский, даже просто читая это имя?

Ребячество. Скорее всего, ему вернут этот формуляр не позднее, чем завтра утром, с просьбой всё исправить. Ну и пусть. Он заполнил остальные графы – не особо тщательно, чтобы в случае чего можно было отговориться опiskeй, – положил лист в лоток с исходящими документами и принялся за работу.

Посыльный из администрации, прыщавый, пахнувший немытым телом юнец явился лишь в одиннадцать. И только когда тот ушёл, Маркус снова смог сосредоточиться на тонкостях таблиц годовой отчетности для счетов на рынке капитала.

Однако на следующее утро на его столе лежал не перечёркнутый формуляр, а стопочка из пятидесяти визитных карточек для Марка С. Уэстмана, сотрудника «Lakeside and Rowe, Inc.», Нью-Йорк, США, вместе с бейджиком, в который можно было вставить такую карточку и разгуливать с ней на груди.

Пусть это была и глупая выходка, но она показалась ему хорошим предзнаменованием. «Да, – как будто подмигивали ему эти карточки. – Теперь ты, считай, попал в страну неограниченных возможностей».

Вряд ли кто-то заметил ошибку. Жан-Марк сказал ему, что он должен заявить рекламу:

– Если бы мы допустили такую ошибку, нам бы она с рук не сошла.

Маркус отмахнулся.

– Ах, да что такое имя? Пустой звук и дым.

«Не высовывайся», – сказал он себе. И, разумеется, он ни в коей мере не считал, что имя есть пустой звук и дым. Имена – это магические слова. Всякий, кому приходилось иметь дело с клиентами, знает это.

Когда в конце недели они впервые встретились с разработчиками, он с самого начала представился Марком, и каждый за столом принял это не моргнув глазом. Потом они до темноты обсуждали необходимые изменения. Всё проходило здраво, целесообразно, прагматично. Маркус был по-настоящему *high*. Так вот, значит, как принято работать у этой нации, пославшей человека на Луну!

Но собственно победой было то, что и все остальные из группы локализации тоже стали звать его Марком. Магия подействовала. И она ещё совершит чудо, в этом он был убеждён.

Настоящее

Он встрепнулся, когда в палату кто-то вошёл. Докторша. Стройная, но с седыми висками. Это было примечательно. Из нагрудного кармана у неё торчал стетоскоп, а на носу сидели очки в тонкой оправе с маленькими стёклами. Не взглянув на него, она сразу подошла к спинке кровати и взяла из ячейки его историю болезни.

Долго вчитывалась. Перелистывала с шорохом, который громом отдавался у него в ушах.

«Да есть ли я вообще?» – задумался он. И уже начал сомневаться.

Но потом докторша всё же взглянула на него и сказала:

– Нам пришлось держать вас в искусственной коме. Поэтому вы ещё чувствуете себя несколько странно.

Он ответил на ее взгляд, сглотнул, кивнул.

– Это было необходимо, чтобы вывести из вашего тела все токсины. Когда-нибудь я вам всё это объясню подробнее, а сейчас пока для этого ещё не время. Но в любом случае вам не надо беспокоиться, вы на пути к выздоровлению.

Хорошо. Это было хорошо. Он и сам так думал и чувствовал, но было всё же хорошо услышать это.

Докторша захлопнула папку, подошла ближе, испытующе заглянула ему в лицо.

– Господин Поул! Вы понимаете меня?

«Поул? Какой ещё Поул? Тут какая-то путаница».

На лицевой стороне папки он увидел надпись: «МАТТИАС ПОУЛ».

А ведь он мог бы поклясться, что его имя было Марк. Марк С. Уэстман. Или что-то похожее.

Вот как можно обмануться.

– Да, – отозвался он. – Я вас понимаю.

– Хорошо. Как я уже сказала, вам не нужно беспокоиться. Завтра вам будет уже гораздо, гораздо лучше. Тогда мы сразу и начнём восстановительные тренировки.

– О'кей.

Докторша отвернулась, вставила папку на прежнее место и ушла. Дверь закрылась, и наступила оглушительная тишина.

Глава 3

Прошлое

Прежнего владельца дома звали Ахим Анштэттер, это был крепкий, загорелый человек с тяжёлой походкой и мозолистыми руками. Он говорил короткими, сжатыми фразами. С ним приехали его жена и одна из дочерей. Всего у них было четверо детей, рассказала жена, два мальчика и две девочки, которые рождались, всегда приятно сменяя друг друга. Девочка в легинсах была старшей. Волосы она завязывала в дерзкий конский хвост, а выражение лица свидетельствовало о только что начавшемся пубертатном периоде.

Анштэттер показал, как обслуживать бассейн.

– Вот это фильтр, – указал он на синий цилиндр размером с бельевую корзину. – Отключите здесь, потом перекиньте этот рычаг. Вот так, видите? Теперь снова включайте. – Он указал на смотровое стекло. – Видите, какая поднимается коричневая вода? Это то, что отсекает фильтр. Прodelаете это раз в неделю – и достаточно. Пять минут, максимум десять. Пока не пойдёт чистая вода.

– Только не забудьте снова выключить, – вмешался маклер, который не отходил от них ни на шаг. Будто боялся, как бы они тайно не договорились о чём-то, что отрицательно скажется на его комиссионных.

– Конечно, – со всей серьёзностью кивнул Анштэттер. – Иначе оглянуться не успеете, как откачаете половину бассейна. А вода дорога.

Вернер был в своей стихии. Доротея с удовольствием предоставила это ему – разбираться со всеми этими рычагами, заслонками, кнопками и распределительными щитками; в конце концов, инженер в доме был именно он. Она же делала вид, что заинтересованно слушает, а сама наблюдала за женщиной и её дочерью.

Женщина казалась печальной. Наверное, ей было тяжело расставаться с этим красивым домом. Однако дело не только в этом, поняла Доротея, взглянув украдкой в третий раз. За печалью таилось что-то еще. Страх. Это был взгляд человека, который не знает, что будет

дальше.

Доротeya перехватила взгляд Вернера, многозначительно подняла брови, и, о чудо, Вернер вспомнил разговор, которые они вели по дороге сюда. Он кашлянул, смущенно потёр руки и, наконец, спросил:

– Эм-м, а вот ещё один вопрос, господин Анштэттер, который занимает меня в этой связи...

– Да? – Мужчина поднял на него зоркие, но странно беспокойные глаза.

– Почему, собственно, вы продаёте этот дом?

Маклер вдруг зашёлся в приступе кашля. Анштэттер отвёл глаза, быстро взглянул на свою жену и дочь и затем ответил с тонкой, безрадостной улыбкой:

– Вы, наверное, слышали от господина Освальда, что мы купили крестьянскую усадьбу. Красивое старинное имение; чудесный сад. Такое имение, понимаете ли, господин... эм-м...

– Утц, – подсказал Вернер.

– Господин Утц. Извините, у меня легендарно плохая память на имена. В общем, я всегда мечтал об усадьбе, с детских лет. И вот я её получил. У нас два пони. Дети могут ездить верхом, и вообще – на природе... Это важно, понимаете? Близость к природе.

– Понимаю. – Вернер кивнул с удовлетворённой улыбкой.

Маклер тоже улыбнулся с видимым облегчением.

Но в глазах женщины стояла боль. Муж избегал её взгляда; он посмотрел на часы и произнёс:

– Мне очень жаль, что я вынужден вас поторопить, но у нас ещё одна встреча.

– Он что-то утаивает, – сказала Доротeya на обратном пути в Штутгарт.

– Кто? Этот Анштэттер? – Вернер посмотрел на неё с удивлением. – А что ему от нас утаивать?

– Не знаю. Но ты видел его глаза? Он не выдерживает и двух секунд взгляда. Его мучает совесть. Вот только почему, хотела бы я знать.

Вернер прибавил газу, перегнал едва плетущуюся фуру сети супермаркетов.

– Не придавай значения. У нас в соседнем отделе тоже есть один такой. Доктор физики, блестящего ума человек, но никогда не смотрит тебе в глаза. Это совершенно сбивает с толку. И к этому очень трудно привыкнуть.

– Но этот – не доктор физики. Это человек, работающий руками.

– Да, верно, маклер что-то такое говорил по телефону. Этот Анштэттер вроде бы подолгу работал монтажником за границей. И недавно якобы покончил с этим. Возможно, поэтому и загорелый такой. Строительство под южным солнцем – это оставляет свои следы.

– Я думаю, его жена против продажи дома.

Вернер усмехнулся.

– Это заметил даже я. Если хочешь знать, этот Анштэттер – мачо. Заделал четверых детей – и вся семья слушает его команды. И если ему втемяшилось осуществить мечту своей юности, то никто и пикнуть не смей.

– Сбавь скорость.

– Я и так не быстро еду, – ответил Вернер, однако приподнял ступню с педали газа. – Дочка тоже была ужасно недовольна. И при чём тут близость к природе? Как будто *этой* дом стоит в центре города. Уж куда ближе к природе-то, а?

Они подъезжали к заправке у поворота на Дуффендорф, после этой заправки надо было свернуть чуть позже, чтобы попасть на автобан – здесь они уже дважды ошибались. Доротeya помотала головой.

– У меня такое чувство, будто он утаивает от нас что-то важное, и от этого у него угрызения совести.

Тут задумался даже Вернер, который временами доводил её до бешенства своей невозмутимостью.

– Ты думаешь? – спросил он. – Но что же это может быть?

– Понятия не имею.

– Какие-нибудь скрытые изъяны дома? Но ведь всё проверено экспертом; в таких делах Фолькер бы меня не подвёл. Он бы мне сказал, если бы тут требовался какой-то дорогой ремонт или действовали новые нормы, которым дом не соответствует. Знаешь, в чём он мне признался? Фолькер, этот подлец? Что поначалу он даже уговаривал Анштэттеров запросить за дом больше; якобы эта цена – на нижнем пределе шкалы для таких объектов. И думал, конечно, о своих комиссионных, ясное дело, и заткнулся, только когда узнал, что этим домом интересуемся мы... Но Анштэттер не захотел поднимать цену.

– И что? Ты находишь это нормальным?

Вернер тяжело вздохнул.

– Скорее нет.

– Ну вот. Я и говорю. Что-то здесь не то.

Вернер молчал. Рулил. Переключался.

– Ты хочешь сказать, что нам лучше не покупать его? – спросил он наконец.

Дорога повернула петлёй вниз по склону Альбы, вид открылся сказочный. Автобан сверкал вдали, как серебряная лента.

Было почти так же красиво, как тот вид с террасы дома, который они – при желании – могли теперь иметь.

От них никто не требовал работы по субботам. Однако из разговоров с постоянными сотрудниками Маркус узнал, что большинство из них проводят на фирме по крайней мере первую половину субботы. По воскресеньям же, напротив, действовал категорический запрет на работу: никто не должен был испытывать помехи в посещении церкви.

В субботу после завтрака Маркус перешёл через дорогу к бензоколонке и расспрашивал людей до тех пор, пока не нашёл человека из густонаселённой части Райской Долины и попросил прихватить его с собой. Там, где некогда мог быть центр города, стояло несколько пустующих магазинов, и даже таблички «сдаётся в аренду» покрылись многолетним слоем пыли за стёклами витрин. Филиал «Western Union», адрес которого значился в старой телефонной книге в отеле, ещё существовал, и деньги, которые Маркус перевёл сюда из Германии, можно было получить немедленно. Он чувствовал себя богатым, но вместе с тем опасливо оглядывался, когда с толстой пачкой долларов в кармане снова вышел на улицу, пересёк площадь и вошёл в филиал «First Atlantic Bank». Он открыл счёт и положил на него часть денег. С тем, что осталось, он пустился на поиски торговли подержанными автомобилями.

Одну торговую площадку он, в конце концов, нашёл – хоть и с весьма ограниченным выбором, но поскольку ноги у него уже болели, он вошёл на территорию. Свежевымытые машины сверкали, сначала Маркус некоторое время прохаживался среди них, потом торговец соизволил выйти из своего бюро, откуда до сих пор лишь наблюдал за ним, лениво пережёвывая жвачку.

– Вы ищете, на чём бы можно было ездить, как я полагаю? – спросил он. Это был приземистый мужчина, сантиметров на пять ниже, чем Маркус, одет он был в чудовищную гавайскую рубашку и носил усы, которые сгодились бы и моржу.

Маркус кивнул.

– Точно. И выглядеть автомобиль должен тоже не самым худшим образом. – Он указал на «Корвет» головокруглительно-синего цвета металлик. – Вот этот, например, сколько стоит?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Я бы вам не посоветовал. Металлолом. Хорошо покрашен, это надо признать, но амортизаторы убиты, сиденья протраханы, да и мотор уже постанывает. – Он пожал плечами. – Но что я могу поделать? Это же «Корвет», э-э! Не могу же я запросить за него меньше двух тысяч долларов; иначе это будет просто оскорбление.

– Понял. – Своеобразный был у этого торговца метод продаж. – А какую же машину вы могли бы мне посоветовать?

– Фух! – Торговец огляделся с беспомощным выражением лица. – Если вы так ставите вопрос... то, собственно, вообще никакую. – Он указал на воинственного монстра, похожего на военный джип, перекрашенный под гражданку. – Вон та подделка под «Хаммер», например. Устойчивая, как танк, ясное дело, но бензин жрёт, что твоя дыра. И мерзкая к тому же! Скажите сами, ну кому нужна такая, цвета мочи? – Он вздохнул. – Но ездить на ней просто обалденно. Должен признать. Этим-то меня и взял тот тип, который мне ее всучил. Вот дрянь, изнутри-то цвета не видать. Вот и весь фокус.

Маркус поневоле улыбнулся. Этот мужик начинал ему нравиться. Он овладел искусством так ругать свои машины, что у всякого возникало непреодолимое желание их купить. Тут Маркусу как сотруднику отдела распространения было чему поучиться.

– Я подумывал о чем-нибудь спортивном, – сказал он.

Мужик надул свою жвачку, и она лопнула.

– Что вы имеете в виду под спортивным? Машину, которую нужно толкать? Такая у меня есть.

– Мне бы хватило того, чтоб она просто выглядела круто. Вот как эта, например, – он указал на светло-красный «Форд Мустанг» с откидным верхом. Должно быть, то была возрождённая модель, к которой без особого успеха пытались привязать славное прошлое марки.

– Ах, эта. *Tuna* спортивную, вы имели в виду. О'кей, с этой кофемолкой вы, пожалуй, соберёте в округе больше невест, чем с любой другой рухлядью на этой стоянке. Она принадлежала одному парню, который приходовал женщин со всей округи от Скрэнтона до Аллентауна, легендарный был ходок. Пока одна из них всё же не утянула его к алтарю, она-то и настояла на том, чтобы он продал машину... Но я должен вам сказать, с ней вы навешаете на себя ещё кучу проблем. – Он постучал пальцем по колесу. – Резина лысая, как ластик. Я не выпущу вас с этого двора, пока вы мне не поклянетесь на Библии, что первым делом купите новую резину. Мотор живой. Жрёт в меру, с ней вы много сэкономите, сколько бы ни стоило горючее. Это вы должны ценить. Про указатель горючего, кстати, можете забыть: он показывает всё, что ему в башку взбредёт, фазу луны, или уровень воды в Майами, или бог знает что ещё, но только не то, что вас интересует. Но так уж нынче заведено повсюду, что ремонт стоит вдвое больше, чем сама кофемолка. Что ещё? О'кей, все держатели напитков, какие только подворачиваются под руку, когда трахаешься в машине, конечно, давно обломаны. Стекло на пассажирском сиденье больше не опускается, и видок ещё тот, когда вы хотите проехать с откинутым верхом. Ну да, и взгляните сюда: вся краска исцарапана. Наверно, ревнивые мужья скреблись. Или парень так вёл счёт своим победам, хе-хе. Но в любом случае этот ящик сойдёт на нет прямо у вас из-под задницы, это я могу вам обещать.

Маркус подкупающе улыбнулся.

– Да, вы могли бы немножко уступить в цене.

Мужчина в ответ по-акульи хищно улыбнулся.

– Молодой человек, вот этого я в принципе никогда не делаю.

– Даже в виде исключения?

– Тогда какой же это был бы принцип? – Он обстоятельно перекатывал жвачку из одного угла рта в другой. – Кроме того, я бы вам так и так не советовал покупать эту машину. Развалина. Вы знаете, чем болен мир на сегодняшний день? Тем, что человеку больше никто не говорит правду. Я для себя решил, что я в этом не участвую. Говорю вам так, как есть, всё очень просто. Если вы покупаете у меня этот металлолом, то вы должны знать, что это металлолом. Я не хочу брать на себя лишнюю ответственность.

– Ах, так? – Маркус не знал, что и сказать. Такой способ ведения предпродажного разговора никогда не рассматривался на семинарах, которые он посещал.

Но ему нужна была машина. А этот «Мустанг» был неплохим началом, несмотря на все недостатки.

Мужчина взглянул на него и глубоко вздохнул.

– Я вижу по вашему лицу. Вы хотите эту машину, так?

– Да, – кивнул Марк.

– Ну хорошо. Идёмте, оформим договор, пока меня не загрызла совесть.

На следующий день Маркус сразу устроил на своей новой машине экскурсию в Нью-Йорк. Жан-Марку он предложил это первому, но тот не проявил интереса.

– В Нью-Йорк? Добровольно?

Тогда он спросил Сильвио, и тот с удовольствием согласился. Во время поездки выяснилось, что оба они – фанаты США, сколько себя помнят.

– Моя мать выписывала «Reader's Digest», – рассказывал Сильвио, – и я всегда был первым в семье, кто его прочитывал. Ты знаешь этот журнал? Я думаю, он и на немецком есть.

– Он есть, наверное, почти на всех языках.

Они рассказывали друг другу о своих поездках в США. Сильвио еще ребёнком несколько раз бывал в Штатах, в Бостоне у дяди, который теперь уже умер. А перед началом своей учёбы в университете он прошёл – пешком и на перекладных – всю страну, на что ему потребовалось четыре недели.

– С тех пор я каждый год участвую в лотерее Green Card, – сказал он. – Впустую, разумеется.

– А я с двадцати лет, – признался Маркус. Тогда он вернулся из своей первой поездки в США – из Калифорнии и Аризоны! – и стал «добычей» этой страны. – Иногда мне кажется, что это чистой воды надувательство. По крайней мере, я не знаю ни одного человека, кто бы на самом деле выиграл Green Card.

Сильвио как-то очень по-итальянски отрицательно покачал головой.

– Это просто трудно. У них есть свои правила, и они их строго придерживаются.

– Свои правила? – Маркус засмеялся, не в последнюю очередь оттого, что видел: стрелка указателя горючего уверяла, что бак становится всё полнее по мере того, как они приближались к Нью-Йорку. – Может быть, но тогда они сами их не знают. В консульстве тянули с моей визой практически до дня вылета.

Они добрались до города. Не доезжая до залива Ньюарк, они оставили машину на безбожно дорогом многоэтажном паркинге и на метро, по тёмным тоннелям, изрисованным граффити, добрались до Манхэттена. Мощный лифт поднял их на Эмпайр стейт билдинг, и они стояли там наверху, на площадке обозрения, под небом, похожим на колокол из голубого стекла, и смотрели поверх безбрежного моря домов, пока глаза не начали слезиться от ветра.

Потом они слонялись по дну небоскрёбных ущелий, где пахло выпечкой, ели солёные крендельки и гуляли по Центральному парку, солнечному, светлому и невинному, населённому лишь матерями с детьми, джоггерами¹ и другими празднующими.

Когда они стояли у пруда, скармливая уткам остатки крендельков, Сильвио раскрыл ему свой план: он хочет подыскать себе американку, готовую выйти замуж.

– Мне нравятся американки, – уверял он. – Знаешь, этот тип женщины, у которой всё чуть-чуть преувеличено – глаза, рот, смех...

– Титьки, – кивнул Маркус.

Сильвио ухмыльнулся.

– Ну, ты понимаешь, о чём я говорю.

– А не слишком ли это... поверхностно? – спросил Маркус, оглядывая высотные дома, вздымающиеся за деревьями. – Или для тебя всё упирается в гражданство, а потом ты всё равно разведёшься?

– Послушай, я католик. Нет! Я вполне серьёзно ищу женщину для жизни, – божился Сильвио. – И если она американка, то почему нет? То есть что в этом плохого? Американок здесь больше ста миллионов, и вполне возможно, что среди них окажется одна, которая мне подойдёт, а?

---

¹ Любители бега. (Прим. ред. FB2)

– Да, конечно. Всё в порядке. Я ничего не имею против.

За настоящим итальянским каппучино в «Маленькой Италии» Сильвио признался, что у него уже есть кое-кто на примете:

– Та крошка в канцелярии возле будки охранников, вот она бы могла мне подойти. То есть, конечно, надо узнать её поближе. Но её, по крайней мере, я заметил и выделил.

Маркус задумался.

– Блондинка? Которая в последний раз была в неоновозелёной кофточке?

– Точно. Кэти Блейн её зовут, я это уже выяснил. Она ведёт расчёты по командировкам.

– Ничего не выйдет. Маловероятно, что нас пошлют в командировку, пока мы здесь, – сказал Маркус, с наслаждением прихлёбывая каппучино. Он запрокинул голову, прикрыл глаза и на какой-то миг отдался грохоту города, никогда не смолкаемому, сверхчеловеческому.

– Да, – признал Сильвио. – Это маловероятно.

Они решили поужинать тоже в Нью-Йорке и без труда сошлись на спагетти, которых в отеле не подавали никогда. Сильвио взял на себя выбор ресторана и доказал в этом свою лёгкую руку. Хозяин ругал правительство, налоги и полицию, а в заключение принёс им два больших рамазотти за счёт дома. И потом ещё два, потому что они были ему так симпатичны.

– Мне ещё вести машину, – хотел отказаться Маркус, но оба итальянца не могли ему этого позволить.

Было очень уютно. Улицы погрузились в сумерки, мужчины ели и разговаривали, и в какой-то момент Маркус не смог смолчать – и открыл свою мечту:

– В один прекрасный день у меня будет своя фирма. Здесь, в Америке. Как ни странно, эту мысль я ношу в себе в виде картинки. Я представляю себе башню, круглую, как цилиндр, облицованную стеклом. Она возносится к небу, и я так и вижу, как в ней отражается закатное солнце. И на башне надпись – «Westman Tower», большими чёрными буквами... Ты, может, будешь смеяться, но я это вижу настолько отчётливо, будто вспоминаю о будущем.

Сильвио и не думал смеяться, он выпучил глаза.

– И что же это будет за башня?

– Ну, что за башня... Центральная резиденция моего международного концерна, хотелось бы надеяться, – сказал Маркус.

Сильвио помедлил с ответом – как это делают, когда боятся сказать то, что не понравится другому.

– Если это твоя цель, – сказал он наконец, – тогда ты зря теряешь время в «Lakeside and Rowe». Я хочу сказать, что как бы круто ни пошла твоя карьера, лавочка тебе всё равно принадлежать не будет. Тебе бы стать самостоятельным, с новой гениальной идеей. В пресловутом гараже. Как Хьюлетт и Паккард. Или Стивен Джобс. Или Билл Гейтс.

Маркус с улыбкой отрицательно покачал головой. Травяной ликёр рамазотти настроил его на добродушный лад.

– Не угадал ни одной буквы. Во-первых: гениальная идея не нужна. Идей что песка в море. И тот, у кого есть новая идея, с ней так и не разбогатеет. Во-вторых: мой план не предусматривает никакого такого проекта с долгим расширением. Никакого такого гаража. Я замышляю купить готовую фирму.

– И как же ты намерен это сделать?

– Подыскать фирму с потенциалом, – просто сказал Маркус, – и взять её на себя. С ОРМ, разумеется.

– ОРМ?

– «Other people's money». С капиталом риска. Единственное, что я должен сделать, – это убедить инвесторов, что я управлюсь с фирмой лучше, чем её основатели.

А это не будет проблемой. Ещё во время учёбы он так забалтывал своего профессора экономики, что тот за проваленный с треском экзамен ставил ему «хорошо». Уж если Маркусу удавалось обвести вокруг пальца профессора Освальда, то он сможет сделать это с любым человеком на планете.

– Но такую фирму тебе ещё надо найти, – лицо Сильвио выражало абсолютный скепсис.
– В чём проблема? Пока мы работаем на «Lakeside and Rowe», мы находимся в лучшей из мыслимых позиций для этого, – ухмыльнулся Маркус.

Ему пора уже было закругляться с трёпом. А то он выболтает всё, весь свой роскошный план.

– Ты хоть раз взглянул как следует на новые аналитические программы? На модуль «Datamining»? Это ж молоток. Это рентгеновский аппарат для предприятия.

Довольно. Ещё не хватало ему разжевать, каким образом он собирается это сделать. И без того всё лежит как на ладони. Надо всего лишь перебраться в технический сервис. Технический сервис означает установку программ, а установка означает прохождение тестов. На чьей базе данных? Разумеется, на данных теперешних клиентов банка или инвестиционной компании. Другими словами, если он не будет дурачком, то сможет из каждой фирмы, в которой производит обновление программ, уйти домой с хорошим досье многообещающих кандидатов для своего замысла.

Но Сильвио даже не слушал толком. Рамазотти, казалось, вызвал в нём дух противоречия.

– Я в это всё равно не верю, – заявил он. – Множество людей разбогатело на своих изобретениях.

Маркус перегнулся через стол, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Да? И ты кого-нибудь из них знаешь?

– Но об этом то и дело где-нибудь приходится читать, – ответил Сильвио.

Снаружи долго сигналил какой-то большой автомобиль, потому что не мог проехать мимо автофургона. На тротуарах теснились люди. Запись итальянской музыки прокручивалась уже в третий раз. Маркус снова откинулся назад.

– Мой отец был изобретатель, – начал он, хотя не собирался рассказывать об этом никогда и никому. – Целые дни проводил в мастерской, не думал больше ни о ком и ни о чём. Всё моё детство мы жили на те деньги, которые с трудом зарабатывала мать. Но и те он умудрялся иной раз потратить на какие-нибудь приборы или химикалии, реторты, трубки и прочее оборудование.

– А, вон что, – тихо произнёс Сильвио. – Извини.

– Он никогда и ничего не заработал, – продолжал Маркус. – Лишь в конце жизни он наконец что-то такое изобрёл, что принесло нам деньги. Но сам он ими не успел попользоваться.

Сильвио грустно вздохнул.

– Печальная история. – И спросил: – И что же это было? Ну, то, что он изобрёл?

Маркус смотрел в пустоту, терзаемый воспоминаниями, которые думал, что забыл.

– Это самое странное во всей истории, – сказал он. – Мы этого не знаем.

– То есть как это?

– Он продал своё изобретение одной фирме и вскоре после этого погиб в автокатастрофе. В его лаборатории не оказалось никаких бумаг, ничего. Но на его счету было два миллиона евро.

Он отодвинул стаканчик с ликёром в сторону и смотрел то в окно, то на своего собеседника. Сильвио ответил на его взгляд и, казалось, понял, что Маркус больше не хочет говорить об этом.

На обратном пути Сильвио снова рассказывал о предмете своей симпатии:

– Я думаю, она не замужем. По крайней мере, кольца она не носит. И никто за ней не приезжает забрать с работы, например. А в рамочке на её письменном столе – портрет собаки.

– Да ты за ней по-настоящему шпионишь, – удивился Маркус.

– Ну да, – смущённо признался Сильвио. – Я... В общем, не знаю.

Маркус искоса глянул на него.

– Тебе надо с ней поговорить. Разбуди в себе попугая. Чем раньше ты узнаешь,

нравишься ли ей, тем лучше.

– А если не нравлюсь?

– Пусть пеняет на себя. Зато ты будешь знать, что должен искать кого-то ещё. Как ты уже говорил: американок сто миллионов.

В понедельник утром в автобусе Сильвио настраивал себя:

– Сегодня я с ней поговорю.

Но вечером, когда возвращались, он только вздохнул:

– Не знаю, что со мной. Обычно я не такой робкий.

– Значит, всё не так, как обычно, – сказал Маркус.

Сильвио мечтательно смотрел в окно.

– Знаешь, у неё чудесные глаза. Я только сегодня разглядел как следует.

– Да? Мне кажется, я догадываюсь, что у тебя не так, как обычно.

– Завтра, – заявил Сильвио. – Завтра я решусь.

Во вторник утром он улизнул, как только вошли в здание. Немного позже он, сияя, подошёл к столу Маркуса.

– Я сделал это! Я так всё подстроил, что как бы случайно встретился с ней в коридоре – и сделал комплимент.

Маркус невольно улыбнулся.

– Ну и..? Как она отреагировала?

– Не знаю, – Сильвио пожал плечами. – Она была немного смущена, мне кажется. Странно, вообще-то; я готов был поспорить, что у неё отбоя нет от поклонников.

– Ну и радуйся, если это не так.

Сильвио радостно кивнул, отбил на краю стола короткую барабанную дробь и затем сказал:

– О'кей. Назад к работе. Хотя я не знаю, смогу ли сегодня хоть что-нибудь сделать.

Два часа спустя Маркус был свидетелем, как здоровенный мужик в серой униформе, которого ему ещё не приходилось видеть в этом здании, спрашивал, где Сильвио Дамиано. С ним, мол, хочет побеседовать мистер Мюррей. Нет, сказал он, брать с собой бумаги по проекту не надо.

Через полчаса оба вернулись: Сильвио бледный как мел и с печатью ужаса на лице, а детина в серой униформе на шаг позади него, словно ему было поручено подхватить итальянца на лету, если тот начнёт падать в обморок.

– Ради Бога, что стряслось? – спросил Маркус, не сомневаясь, что дома у Сильвио, верно, кто-то умер.

– Сексуальные домогательства, – еле выдавил из себя Сильвио.

– Что?

– Она на меня пожаловалась. Мюррей сказал, что я приставал к ней сексуально. Это про мой комплимент! Я ничего не понимаю.

Маркус увидел, как лицо человека в серой униформе приобретает признаки нетерпения.

– И что теперь? – спросил он, внезапно заподозрив, что это было ещё не самое худшее.

– Меня уволили, – без выражения продолжил Сильвио. – Я должен освободить мой стол, собрать в отеле вещи, и потом вот этот отвезёт меня в аэропорт. В самолёте на Рим для меня уже забронировано место.

У Маркуса было такое ощущение, будто его душат.

– Не может быть.

– Мистер Дамиано, – подал голос мужчина в униформе. На рукаве у него был знак службы безопасности, Маркус лишь сейчас это заметил. – Я вынужден просить вас не задерживаться.

Сильвио кивнул и бросил в сторону Маркуса последний взгляд.

– Я всё надеюсь, что это только дурной сон.

Они все сгрудились у окна и смотрели, как внизу, на парковке, Сильвио садится в

машину, такую же серую, как униформа людей из службы безопасности. Теперь их было уже двое, этих стражей порядка. В руках у Сильвио была картонная коробка, почти пустая. Некоторые помахали ему, но Сильвио не видел этого, ни разу даже не взглянул наверх. Дверцы закрылись, и машина покатила прочь.

Настоящее

Его разбудила медсестра. На сей раз в руках у неё не было ничего, она настояла на том, чтобы он сел. Потом, когда он с трудом выпрямился, она потребовала, чтобы он встал и прошёл с ней к раковине умывальника.

– Да зачем? – отбивался он.

– Вам надо умыться. И побриться.

– Для чего?

– К вам придут.

Он заморгал.

– Придут? – Он ощущал свой мозг так, будто тот упакован в стиропор² и где-то к нему приклеено указание: «Для ввода в действие переключить тумблер».

Ну ладно. Он встал, доковылял на пугающе ватных ногах до раковины. Сестра поддерживала его, что, несомненно, было кстати. В зеркале он лишь с трудом узнал своё лицо. Неопрятная борода обезображивала нижнюю его половину, а широкий шрам, который тянулся от уха до середины лба, портил верхнюю.

Ах да, верно. Автокатастрофа. Кое-какие картинки в памяти ещё уцелели.

– Далеко не то, что называют мечтой девушек, а? – пробормотал он, обращаясь к своему отражению.

Медсестра пододвинула под него стул, похожий на табурет из бара, с ремнями, чтобы пристегнуться.

– Чуть позже это уберут, – пообещала она. – Не так всё плохо, как кажется. Давайте, умывайтесь.

Она открыла воду и протянула ему мыло и рукавичку для мытья.

Он взял то и другое и удивился, как всё это утомительно. Он бы лёг прямо там, где стоял, и проспал бы ещё полгода.

Глава 4

Прошлое

Новоселье прошло превосходно. Они ещё на приглашениях напечатали фото, изображающее вид с их террасы – в пределах возможностей фотографии, – и гости явились все до одного. Такого не было даже на их свадьбе.

– Ребята, а что же вы не устроили «бассейную вечеринку»? – кричал Ханнес, один из друзей Вернера, когда они во время обязательной экскурсии по дому проходили через плавательный зал. – Это было бы что-то!

Его миниатюрная рыженькая жена ткнула его в бок.

– С твоим-то животом?!

– А что мой живот? Это всё от благосостояния и от хорошей кухни...

Вернер небрежно отмахнулся.

– Бассейную вечеринку устроим в другой раз. Мы решили придержать пару-тройку соблазнительных вариантов, чтобы вы и в следующий раз приехали, несмотря на расстояние.

---

² Стиропор – вид пенопласта, строительный материал.

И Доротея посмотрела на него так, что он чуть не лопнул от гордости.

Юлиан справился с переездом лучше, чем ожидала Доротея. Может, сыграло свою роль то, что он – с собственным-то бассейном – с ходу стал в своём новом классе чем-то вроде звезды. Практически каждый день он приводил с собой школьных друзей поплавать; и хотя Доротея перед переездом удвоила свой запас полотенец, ей было не миновать ещё одного пополнения. И полдюжины купальных халатов для детей тоже не повредит.

Зато можно было сказать, что бассейн используется на всю катушку. Вернер железно плавал по утрам свою дистанцию, пока она отвозила Юлиана к автобусной остановке. За это он должен был приготовить к её возвращению завтрак.

– Здесь чувствуешь себя совсем иначе, – рассказывал Вернер тем, кто хотел его слушать, и даже тем, кто не хотел. – Почти как в отпуске. Даже если целый день проводишь в офисе.

Но с течением времени обнаружилось, что дом на горе, как бы красив он ни был, имеет свои недостатки.

Вопрос с отоплением действительно внушал тревогу. Предостережение прежнего владельца, увы, сбывалось. И Доротея даже начала подозревать, что продать этот дом семье Анштэттера на самом деле побудили счета за топливо.

Бак вмещал три тысячи литров. Это было много, когда приходилось его пополнять и осознавать, сколько это стоит, но мало с точки зрения количества, необходимого для обогрева дома. В первые же ветреные дни стрелка уровня топлива опускалась чуть ли не на глазах – и это в апреле! А что будет зимой, они боялись даже себе представить.

Вернер какое-то время был убеждён, что бак прохудился. Специалист, которого они, в конце концов, вызвали, всё промерил и пришёл к заключению, что течи нет.

– Что же нам тогда предпринять? – спросил Вернер. – Изолировать дом?

– Посмотрим, – сказал специалист и заодно обследовал и стены, окна и чердак. Его предложение практически сводилось к тому, что дом надо построить заново: наружные стены снабдить двенадцатисантиметровым слоем изоляции, все окна поменять, кровлю разобрать, заново изолировать и заново покрыть, некоторые внутренние перегородки убрать, а потолок в гостиной опустить.

– Как же можно было так строить? – разволновался Вернер.

– Дом построен в шестидесятые годы. Тогда нефть стоила дешевле, чем вода.

Но тогда, сказал Вернер, надо хотя бы поставить более ёмкий бак. Если бака будет хватать на годовой расход, это даст возможность закупать топливо тогда, когда цены самые низкие. Он раздобыл каталог современных топливных резервуаров, которые зарывают в саду, и поискал в Интернете. При том что очередное повышение по службе, которое позволило бы ему такую меру, могло состояться не раньше, чем через год-другой.

Но тут топливо как раз подешевело, и это значило, что оно станет ещё дешевле. Может статься, перестройка дома и вовсе потеряет актуальность.

Второй большой недостаток дома был идентичен самому большому его преимуществу, а именно – уединённости. Разумеется, покой был райский. Но Доротея впервые в жизни чувствовала себя отрезанной от мира. Ни телевидение, ни радио положения не меняли, равно как и Интернет с электронной почтой. Единственное, что давало облегчение, это телефон. Её телефонные счета вскоре стали превышать прежние в три раза. Вернер навёл справки о подключении «flatrate»,³ которое всюду рекламировалось, но это оказалось технически неосуществимо: дом слишком удалён.

Всю свою прежнюю жизнь Доротея провела в городе. Родительский дом в Бад-Каннштатте, замшелое, старомодное здание, стояло на оживлённой улице. В детстве ночами, если не могла заснуть, она считала проезжающие грузовики. Когда Вернер посватался к ней, она поставила условием, что когда-нибудь они переедут в деревню, в собственный дом на природе.

---

³ «Flatrate» – режим связи без ограничения.

Но вначале они переехали в съёмную квартиру. В дом, построенный при «трёх партиях»,⁴ стоявший в окружении других таких же. Соседи заглядывали к ним на балкон, было слышно, что идёт по телевизору в соседней квартире, и каждую неделю начиналась ругань из-за того, что мусорные баки переполнены, а виноватого нет.

В деревне обзавестись знакомствами оказалось труднее, чем она ожидала. Многие женщины работали, другие просто не интересовались новыми соседями. Большинство людей, живущих здесь, родом были из других мест, и друзей и знакомых имели где-то на стороне, в таких же отдалённых деревнях. Если они хотели с кем-то встретиться или что-то предпринять, они садились в машину и уезжали. Было в порядке вещей состоять в сквош-клубе, расположенном в сорока километрах, тогда как местное спортивное общество вынуждено было прекратить свое существование за недостатком членов.

Единственный контакт у неё установился с госпожой Бирнбауэр, хозяйкой маленького магазина. Хотя в самый первый раз, когда Доротея там что-то покупала – пакетик соли, кажется, – старуха показалась ей сердитой и молчаливой, словом, не тем человеком, с кем можно поговорить о погоде.

Однако в последующие недели Доротее то и дело требовались какие-то мелочи, поскольку она ещё не научилась покупать про запас. Не хватало то салата, то сливок для кофе, то пары яблок для пирога. В какой-то момент она осознала, что ей нравится покупать в этом маленьком магазинчике. И именно потому, что он маленький. Полки были старые и тесные, зато всё на виду. Тут не приходилось стоять, как в большом супермаркете, перед пятнадцатиметровым рядом макарон всех видов и родов, выбор был лишь между швабскими клёчками и спиральной лапшой, макаронами и спагетти. Горчица – не двадцати двух различных сортов, а только двух: острая и не очень. И просто соль, а не две дюжины разнообразных расфасовок.

Правда, все товары стоили на несколько центов дороже, но качества были хорошего. И без лишней нервной нагрузки и мук выбора. Сделал один круг – и в принципе купил всё, что тебе нужно.

Старая женщина улыбнулась, когда Доротея однажды сказала ей об этом.

– Я беру всех товаров по два сорта – самый дешёвый для тех, кому приходится экономить, и самый лучший для остальных. Большого выбора человеку и не нужно.

С этого момента они стали разговаривать всё больше. Однажды женщина спросила Доротею, не она ли теперь живёт в том доме на горе.

И Доротея узнала историю своего дома.

Построен он был ещё в двадцатые годы – как кафе для туристов, и в те времена это кафе было популярным. После войны оно долго пустовало; две попытки продолжить традицию не удались. В середине шестидесятых дом купил знаменитый и весьма состоятельный архитектор и радикально его перестроил. От изначального строения остался лишь сводчатый подвал да пара несущих стен, все остальное возводилось заново.

– Госпожа Анштэттер – его дочь, – объяснила старуха. – Она унаследовала дом. Но ей к тому времени было лет двадцать; выросла она не здесь.

– Меня удивило, что они его продают, – призналась Доротея.

Старая госпожа Бирнбауэр кивнула.

– Да, это странно. Вроде как им нужны были деньги. Но её муж инженер, хорошо зарабатывал. И на эти деньги они опять же купили имение, как говорят. Так какой же смысл? – Она принялась поправлять баночки на полке. – Очень странно.

Раньше Вернер по вечерам уходил, чтобы встретиться с друзьями. Теперь он стал

---

⁴ «При трёх партиях» – в ФРГ до объединения существовали три крупнейшие партии: социал-демократическая (СДПГ), христианско-демократический союз (ХДС), христианско-социальный союз (ХСС).

приглашать их к себе. Поначалу Доротея думала, что он делает это ради неё, но потом увидела, как он наслаждается этими вечерами, как он горд, что может «изобразить хозяина замка». Вернер был общительнее её, и она за него радовалась: здесь ему удавалось не только поддерживать старые контакты, которые много для него значили, но и завязывать новые. Так и она познакомилась с некоторыми его коллегами.

Вскоре это вошло в привычку: утром Вернер тяжело вздыхал и говорил:

– Кстати, если ты ничего не имеешь против, я бы пригласил кое-кого...

Так она познакомилась с Зигмундом Мюллером и его женой Маргит.

Дом на обоих произвёл впечатление – его местоположение, вид и прежде всего покой.

– Боже мой, какая тишина! – то и дело повторял Зигмунд. – Не знаю, как бы я выдержал столько покоя.

Пришёл Юлиан, воспитанно пожал обоим гостям руки и снова исчез.

– Мы действуем подкупом, – ухмыльнулся Вернер. – Он получит большую упаковку рыбных палочек. С майонезом.

Зигмунд кивнул.

– Почти как у нас в отделе продаж.

Они ели за красиво накрытым столом у окон с видом на бескрайнюю равнину, залитую закатным солнцем.

– Просто вид на Аутланд, – восхищённо сказала Маргит.

– Что это за страна такая? – спросил её муж.

– Аутланд. Толкиен. «Властелин колец».

Он понимающе кивнул.

– Я не читатель книг, вы знаете? – обратился он к Доротее и Вернеру.

– А тебе бы не повредило, – заметила Маргит. – Времени у тебя достаточно: сколько ты проводишь в самолётах...

После главного блюда последовал, как водится, разговор на профессиональные темы. Зигмунд работал в отделе «Ближний Восток – Эмираты» и отвечал за обслуживание «особых клиентов».

– Это значит, что мне дюжину раз приходится летать в Абу-Даби или в Кувейт и залезать там в задницу одному из шейхов, до тех пор пока тот не соизволит поставить свою подпись, – Зигмунд отпил вина из бокала и энергично откинулся на спинку стула. – Но зато потом следует заказ, какого за всю жизнь не увидишь попечителям «особых клиентов» в других отделах. Потому что такой всегда покупает целый флот, и, разумеется, лишь в самом лучшем исполнении. И с особыми пожеланиями. До некоторых идей даже додуматься не так просто. Ну, там, золотые выключатели, приборные панели из благороднейшей корневой древесины и так далее, это ясно, тут и говорить нечего. Но лимузин с встроенной клеткой для сокола на заднем сиденье? Арабы сдвинулись на предмет соколов, вы себе не представляете, до какой степени. Вблизи Абу-Даби есть даже клиника, в которой пользуют исключительно ловчих соколов. Вот такие штуки... И деньги не играют роли. Мы можем запрашивать, сколько хотим. Сколько нам совесть позволит – вот единственное ограничение, но над совестью мы постоянно работаем, – и он громко рассмеялся.

Доротея обратила внимание, что его колени непрерывно ходят ходуном, будто он ни на минуту не может успокоиться.

– Но все эти полеты, – сказала она, – мне даже представить трудно.

Маргит кивнула.

– Он возвращается всегда еле живой.

Ее муж снова потянулся к бокалу с вином.

– Ясно, это стресс, но такую работу ты либо делаешь так, как она должна быть сделана, либо оставляешь её. Третьего не дано.

– Ты мог бы относиться к ней хоть чуточку спокойнее. Я так считаю.

Зигмунд улыбнулся Вернеру и Доротее, но улыбка была натянутой.

– Маргит начиталась таких книг... «Помедленнее», «Довольно этой каторги!» и всё

такое. Звучит-то очень мило, и всё в них, может, правда, но реальность такова, что ты не можешь отстать от других. Ты должен выкладываться на всю катушку, иначе вылетишь из карьеры как пробка. И что тогда, хм-м? А ведь мы уже привыкли ко всем этим премиям и бонусам, разве нет?

Маргит, нахмурившись, разглядывала свой бокал.

– Да. Но темп почему-то постоянно нарастает. Безработных всё больше, а те, у кого есть работа, вкалывают до полусмерти. В этом что-то не так. – Она глянула искоса на своего мужа, который от разговоров такого рода уже привычно норовил уйти в себя. – Ведь ты уже не молодой.

Доротей должна была непременно перевести этот разговор в другое русло. Она встала.

– А сейчас вам предстоит быстро принять решение. На десерт у меня яблочный штрудель с ванильным мороженым. И я должна знать, кому подать его со взбитыми сливками, а кому без? И ещё одно решение: эспрессо подавать потом? Сейчас? Вообще не подавать? Или ещё какой-то вариант?

Это отвлекло их. После дискуссии, в которой фигурировали мужские животы и женские воспоминания о некогда стройных поклонниках, никто не захотел взбитых сливок, но все захотели эспрессо, а Зигмунд даже запросил двойной.

– Это моё горючее, – сказал он.

После стремительного увольнения Сильвио Маркус не мог прийти в себя. Его словно обухом по голове ударили. Впоследствии он не мог вспомнить, как провёл остаток дня; лишь к вечеру очнулся, набив в себя бэриито с салатом и заметив, что перед этим вовсе не был голоден.

А ведь какой был многообещающий план! Маркус и сам об этом подумывал. Он был одинок на тот момент, когда узнал о проекте локализации программы, и написал заявление. И после этого уже не завязывал отношений с женщинами. Он хотел быть свободным к моменту приезда в США. На всякий случай.

Однако, как видно, это бы не помогло. Ему уже приходилось слышать, что отношения между полами в США за последние десятилетия превратились в сплошное минное поле, – однако он не подозревал, что мины лежат так густо.

А ведь он так хорошо подготовился. Закончил лучшие курсы английского языка, какие сумел найти. Самозабвенно шлифовал произношение в языковой лаборатории, искореняя свой немецкий акцент. Читал книги и слушал доклады об обычаях в США – правда, лишь те, что касались деловой жизни. Он знал, что американцы ценят пунктуальность гораздо больше, чем европейцы. Что люди по возможности избегают говорить о религии или политике. Что лучше перехвалить, чем недохвалить, особенно в части профессиональных вопросов, а с критикой надо быть осторожнее, сколь бы конструктивной она ни была с точки зрения европейца. Что Dress Code непреложен – на этом основании он, если не считать двух пар джинсов и нескольких маек для дома, взял с собой только тёмные костюмы, светлые рубашки и сдержанного тона галстуки. В отличие от своих коллег, он каждое утро стоял перед дверью отеля overdressed. Особенно Жан-Марк в своём растянутом пуловере интеллектуала, казалось, тайне посмеивался над ним.

– Хотел бы я знать, что уж такого он сказал этой женщине, – обронил кто-то.

Однако вопрос не в этом, – понял Маркус. Сам факт, что именно в стране, которая производит больше и более жёсткой порнографии, чем весь остальной мир вместе взятый, какой-то комплимент, пусть и неловко сформулированный, может стать основанием для немедленного увольнения, говорил о многом: слишком рискованно рассчитывать на то, что он сумеет сделать это лучше, чем Сильвио. К тому же слишком непрозрачны были правила.

Альтернатив этому плану было мало. Маркус, правда, имел на своём счёте полмиллиона евро из родительского наследства, но это была лишь половина суммы, необходимой, чтобы претендовать на право постоянного пребывания в США в качестве инвестора.

Значит, если он не хочет быть высланным из страны по истечении срока контракта, ему

остаётся одно – сделать то, что считается невозможным, а именно: из группы локализаторов-контрактников попасть в штат головной компании.

О таких случаях Маркусу ещё никогда не приходилось слышать. Но разве Америка – не страна неограниченных возможностей? Вот пусть докажет это на деле.

Но действовать надо быстро. Из шести месяцев, какие были у него в распоряжении, уже прошло пять с половиной недель.

Он обвёл глазами своих коллег. Посмотрел на Павла, уютного чеха, который в это время рассказывал анекдот. Посмотрел на Лурдес, испанку, похожую на валькирию, – она так искренне смеялась, что её могучий бюст колыхался. Посмотрел на Константина, спокойного грека, который с улыбкой тянулся за солью. Посмотрел на Жан-Марка, одухотворённого француза, который беседовал с дюжим шведом Бенгтом.

Отменная группа. Сплошь замечательные люди, с которыми легко было найти общий язык.

Ему следовало отойти от них как можно скорее.

Он снял себе квартиру. Это было далеко не просто, потому что, вообще-то, у них не оставалось свободного времени. По утрам он уносил из зала для завтраков местную газету к себе в комнату и вечерами выписывал телефонные номера маклеров по недвижимости, которые помещали там свои объявления. Днём он использовал всякий перерыв, чтобы по своему немецкому мобильному телефону, использование которого в США было баснословно дорого, назначить встречи с маклерами на ближайшую субботу.

Первая квартира, какую ему предложили, больше походила на стройку, чем на место, где можно было жить. Вторая была чем-то вроде шкафа для одежды, расширенного пристройками. Но уже третий объект оказался хорошеньким деревянным домиком с двумя комнатами, кухней, ванной и верандой, полностью меблированным вплоть до телевизора, холодильника с машинкой для кубиков льда и кондиционера. Очень уютный, очень американский домик. Наличествовала даже типичная складная дверь с сеткой от мух. Как в кино.

– Сколько? – спросил Маркус.

– Сто долларов в неделю, – сказала маклерша. – Электричество и воду оплачивать отдельно.

– О'кей. – По сравнению с ценой за квадратный метр надстроенного платяного шкафа это был просто подарок. – Где мне подписаться?

Разумеется, его переезд не прошёл незамеченным, и, разумеется, ему задавали вопросы.

– Ты что, сумасшедший? – хотел знать Леон де Рийк, голландец. – Тут тебе каждый день постель заправляют и комнату пылесосят, и фирма всё оплачивает – а ты ищешь себе квартиру?

– Мне очень нужно, – уверял Маркус. – Понимаешь, это у меня давно: проживу в отеле неделю – и мне уже хватило.

Марина, миниатюрная полька с русыми кудрями, спросила:

– Тебе что, уже надоела наша компания?

– Нет, что за ерунда, – заверил Маркус самым убедительным тоном, на какой только был способен. – Разумеется, по вечерам я буду приезжать сюда, как обычно. Ясно же: что мне торчать дома одному? Просто я хочу спать в своей постели, которую сам заправляю, вот и всё.

– Это ослабит наш командный дух, – сказал Жан-Марк. Они опять сидели вместе над темой швейцарского банковского права. – Хотелось бы мне знать, почему ты на самом деле так поступил?

Маркус подался вперёд.

– Честно? Между нами? Вообще-то причина детская. Я просто хочу пожить как американец. Покупать в американских супермаркетах, готовить американскую еду в американской кухне и так далее. Иначе всё это для меня не приключение. А времени всего полгода; это не много. Только никому не рассказывай, – добавил он для верности, чтобы

Жан-Марк уж точно игнорировал эту просьбу.

Француз с укором поднял бровь.

– Я лично еле выношу эту страну. Не могу дождаться, когда же истекнут эти шесть месяцев. Но, – он пожал плечами, – *chacun à son goût*.⁵

Дальнейшей целью было не нажить себе врагов. Это была бы плохая стратегия. Однако какое будущее было у их команды? Какими бы симпатичными ни были его коллеги, через полгода они вернутся в свои местные отделы сбыта. И после этого смогут писать друг другу лишь электронные сообщения, где речь будет идти в основном о программных продуктах. И раз в полгода, столкнувшись на каком-нибудь конгрессе или семинаре – а то и в аэропорту, – будут говорить друг другу: «А помнишь?..»

Маркус не хотел быть частью такого будущего.

В первые два вечера после переезда он появлялся в отеле и общался со всеми как ни в чём не бывало. По крайней мере, он тщательно следил за тем, чтобы появиться в нужный момент: когда все сидели за столом. Ни от кого не должно было ускользнуть, что он хоть и присоединился к ним снаружи, но для него это важно: быть частью команды. Он обходил вокруг длинного стола, похлопывая по плечам, пошучивая и источая жизнелюбие и душевный подъём, хотя после многих часов наедине с немецким налоговым законодательством ему впору было упасть под стол и немедленно уснуть. Потом он втискивался между кем-нибудь и просил принести ему столовый прибор, чтобы остаток вечера пробыть вместе со всеми, как обычно.

Правда, уходил он чуточку раньше. И отпуская при этом замечания, которые давали понять, что ему ещё есть чем заняться:

– Шестидесят процентов всей литературы, напечатанной в мире на тему налогов, посвящены немецкому налоговому законодательству, это вам ясно? – таков был аргумент, вызывающий смущение на лицах. – Во всём мире!

И эта цифра даже соответствовала действительности. Вот только для его работы – о чём он, естественно, помалкивал – она не имела ни малейшего значения.

На третий вечер прибор для него стоял уже наготове, поэтому на четвёртый он пришёл лишь после ужина. Он отказался от бильярда посреди игры, извинившись, что хочет спать.

На самом деле он после этого поехал в один из самых больших, открытых круглосуточно супермаркетов за городом, где жители Райской Долины делали покупки явно охотнее, чем внутри города, и запасся всем, чего у него ещё не было, чтобы отныне готовить себе самостоятельно. Там продавалось всё, кроме разве что мини-самолётов и океанических яхт: продукты питания и бытовые приборы, мебель и компьютерное оборудование, одежда и туры в дальние страны, страховки и развлекательная электроника всех видов. Даже если кто-то в час ночи почувствует неодолимую потребность обзавестись бензопилой, охотничьим ружьём и телефонным аппаратом, он непременно удовлетворит её. Тележки для покупок имели размеры малолитражного автомобиля: прокатишь такую тележку через весь торговый зал – и никакого фитнес-центра уже не надо. Фитнес-центр там, кстати, тоже был и работал круглосуточно. И женщины на кассах были так приветливы, будто не представляли для себя лучшего места пребывания в такое время суток.

Америка! Как он любил эту страну, с её неукротимой решимостью сделать невозможное возможным и с её непоколебимой страстью к гигантизму. Он готов был закричать от радости, когда в первый раз извлёк там свою кредитку.

Будильник он ставил на целый болезненный час раньше, чтобы появляться в фирме задолго до приезда группы локализаторов. Половину этого часа он проводил за тем, чтобы попасться на глаза другим, постоянным сотрудникам. Он пожимал руки, делал ободряющие замечания, а главное – тех, с кем здоровался, называл по имени. Узнать эти имена не

---

⁵ *Chacun à son goût* – здесь: каждому свое (*фр.*).

составляло труда. В Интернете имелась вся схема организационной структуры, и рядом с каждым именем была фотография. Он распечатал себе эту схему и перед сном затверживал имена, как когда-то зубрил английские слова. И, естественно, следил за тем, чтобы бейджик с именем всегда висел у него на груди – так, чтобы собеседнику не составляло труда прочитать его. Прошло совсем немного времени – и на его приветствие впервые ответили: «Хай, Марк!»

Музыкой в ушах.

Ещё один раз он отправился вместе со всеми поужинать. Но вмешивался в любую беседу и торпедировал всех непрерывными речами по рабочим вопросам до тех пор, пока кто-то – кажется, Павел – не воскликнул:

– Слушай, да ты просто рехнулся на этой работе!

На что Маркус, вперившись в него взглядом, ответил:

– Я просто хочу её сделать. Только и всего.

По тому, как на него посмотрели остальные, он понял, что его запомнят как фрика, одержимого работой, а не как человека, который отвернулся от них. Этого он и хотел. И больше не приезжал, а проводил все вечера на фирме. Ибо есть тайна, которую никогда не узнать тем, кто уходит с работы вовремя: вечерами, когда секретарши, сотрудники администрации и прочий персонал низшего ранга покидают здание, атмосфера меняется. Воцаряется покой. Те, кто остаётся – сообщники, герои, борцы за интересы фирмы, которые не шадят себя в борьбе против конкурентов. Им, наконец, просто доставляет удовольствие остаться среди своих. Узел галстука можно расслабить, шнурки развязать, верхние пуговицы рубашки расстегнуть. Разговоры протекают непринуждённое, голоса звучат доверительнее, смеются больше. Хотя снаружи опускается ночь, в их распоряжении – немереное время.

Когда автобус с остальной командой отъезжал с парковки, Маркус ещё сидел на месте. Он продолжал работать, съедал между делом пару сандвичей и устраивал так, что его отчёты в Германию, Австрию или Швейцарию уходили до десяти часов вечера. После этого наливал себе чашку свежего кофе и прогуливался с ней в руках по коридору. Если обнаруживал дверь, за которой ещё горел свет, он стучался, заглядывал внутрь и говорил что-нибудь вроде: «Хай, что-то у меня глаза стали квадратными. Вот я и подумал, не выпить ли мне кофе, а заодно посмотреть, кто из сумасшедших ещё при деле. Есть у вас пять минут? Меня, кстати, зовут Марк Уэстман». И вот уже затевался разговор с человеком, с которым в нормальной обстановке ему бы никогда не познакомиться и который был ему благодарен за возможность отвлечься.

Это была чистая стратегия. Стать известным как можно большему числу людей. Найти союзников. Завязать сеть контактов внутри фирмы. Карьеру делает тот, кто действует так, будто непременно сделает карьеру. И, вопреки общему мнению, ни один предприниматель не ценит тех сотрудников, которые умеют распределить работу так, чтобы справиться с ней за отведённое для этого рабочее время. Точно так же стратегически верно было просунуть голову в половине одиннадцатого в кабинет главного шефа филиала «Райская Долина» и непринуждённо спросить, не осталось ли у того немного кофе.

Разумеется, Маркус знал, что человека с румяным лицом и залысынами на лбу, задравшего ноги на стол и углубившегося в чтение отчёта, зовут Ричард Нолан. Он даже знал, что тот женат и имеет двух дочерей, одна из которых ещё учится – изучает историю, – в то время как другая уже вынашивает ему первого внука. И Маркус знал, что ему принадлежит белый «Линкольн» с красными кожаными сиденьями.

Нолан не снял ноги со стола, а лишь коротко кивнул в сторону термоса, который стоял на холодильнике:

– Должно ещё что-то остаться.

– Спасибо.

Как раз когда Маркус подливал себе кофе и ставил термос на место, Нолан спросил:

– Что это вы так поздно? Вы ведь из группы локализации, верно? Германия, кажется.

– Да. Меня зовут Марк. Марк Уэстман. – Маркус занялся своей чашкой, чтобы унять нервозность: сделал вид, что дует на кофе, прежде чем отхлебнуть. – Мне больше нравится

вечерняя атмосфера. Можно сосредоточиться. Это помогает в работе.

Нолан кивнул.

– Понимаю. Да, у меня то же самое.

В том, как он это произнёс, прозвучало что-то вроде: «О'кей, а теперь я бы снова предпочёл, чтобы меня оставили в покое», – так что Маркус ограничился коротким прощанием и вышел.

Несколько дней спустя они снова встретились – в туалете, незадолго до полуночи. И не так случайно, как могло (надеялся Маркус) показаться Нолану.

– Ну? Всё ещё на работе? – спросил тот, когда они стояли рядом у раковин.

Маркус кивнул своему зеркальному отражению, которое выглядело именно так, как и должно было выглядеть: бледный, усталый, круги под глазами. Борец, всё отдавший работе.

– Н-да, сэр, – ответил он. – На самом деле ведь никто не обещал, что будет легко. И что будет присовокуплена экскурсия по достопримечательностям, тоже нигде не написано. – Он пожал плечами. – Что поделаешь? Как-нибудь наверстаем.

Нолан ухмыльнулся. Он тоже казался изрядно уставшим.

– А куда бы вы поехали, если бы у вас было время?

– На Западное побережье, – ответил Маркус, как из пистолета выстрелил. – Первым делом я бы поехал в Калифорнию, в Лос-Анджелес. Голливуд, Сансет Стрип. И посмотрел бы, стоит ли ещё Whiskey-a-Go-Go.

Нолан будто вздрогнул:

– Whiskey-a-Go-Go? А это почему?

– «The Doors», сэр. Не знаю, говорит ли вам это о чём-нибудь. Была такая знаменитая рок-группа в конце шестидесятых. Они написали несколько великолепных песен всех времён, по крайней мере, на мой вкус. – Маркус провёл мокрыми ладонями по лицу. – Ну вот, и мне хотелось бы когда-нибудь пройтись по их следам, как говорят. Там, где всё начиналось.

Когда он снова поднял глаза, то увидел, что Нолан потрясенно его разглядывает.

– «The Doors». Я и не знал, что они и в наши дни ещё известны. Это часть моей юности, должен вам сказать, может, даже лучшая её часть... Вы ведь приехали из Европы, не так ли? Джим Моррисон похоронен в Париже. – Человек, раз в неделю обедавший с Саймоном Роу, махнул рукой. – Да что я говорю? Вы это, конечно, сами знаете. Сколько раз я хотел совершить паломничество, но, как это обычно бывает, всегда более важным оказывалось что-нибудь другое. И моя жена боится ездить за границу...

– Я её понимаю, – сказал Маркус. И больше ничего. Только бы не заболтать это.

– «This is the end, beautiful friend,⁶ – процитировал Нолан, мечтательно кивая. – This is the end, my only friend, the end. Of our elaborate plans, the end⁷». И так далее. Да, это были времена. Пожалуй, лучшие, какие когда-либо были.

Маркус вышел из туалета с верным чувством, что не напрасно почти три часа подкарауливал его в коридоре. И наклейку на машине Нолана, во всём прочем безупречной, он интерпретировал правильно. «Noone here gets out alive».⁸ Только эта фраза. Он запустил её в несколько поисковиков, и Интернет в преобладающей мере был того мнения, что это строчка из песни Джима Моррисона. Называлась она «Five to One», альбом «Waiting for the Sun». Нашлось множество веб-сайтов, которые в наглядной форме держали наготове всё, что нужно знать, чтобы сойти за фана «The Doors».

Может, он даже раздобудет себе когда-нибудь CD «The Doors».

---

⁶ Это конец, мой милый друг.

⁷ Это конец, мой единственный друг. Конец наших планов крутых. Это конец.

⁸ Никому не выбраться отсюда живым.

Первое время всё оставалось без изменений. Шли недели. Каждое утро Маркус выходил из дома до восхода солнца, чтобы вернуться поздно ночью; в воскресные дни отсыпался. Поэтому соседей своих практически не видел, что не мешало им то и дело совать ему в почтовый ящик записочки, что он мог бы в этот или в тот вечер заглянуть к ним на барбекю. Американское гостеприимство. Но, разумеется, он вынужден был отказываться, на это не оставалось времени.

Он начал подавать рационализаторские предложения. Письменно, ясно и кратко – чтобы не выглядело так, будто ему больше нечего делать, – и позитивно, насколько возможно. Бумага для принтеров лежала самым неудобным образом в нише перед кухней; Маркус предложил для этих целей шкаф в тамбуре, к нему было удобно подойти, не загораживая дороги. Часть жалюзи не закрывалась, и некоторые мониторы из-за бликов становились непригодны для работы, когда светило солнце: он предложил заменить их современными роллами. И так далее.

Кто-то спросил его, не заболел ли он: уж очень бледен. Тревожный сигнал. Выглядеть надо работающим на износ, но не настолько, что вот-вот рухнешь. В тот же вечер Маркус купил себе прибор для ультрафиолетового облучения и стал каждое утро проводить под ним по двадцать минут. Кофе можно пить и с голым торсом, и в защитных очках. Кроме того, он подновил свой гардероб; американская стиральная машина слишком бесцеремонно обращалась с вещами, которые он привёз с собой. Тем более что стирал он постоянно: любой комплект одежды после дня работы в бюро пропитывался потом. И парикмахера нашёл себе получше.

Время стремительно летело. Руководство по программе росло, он получил первые тестовые версии немецкого варианта, и доктор Байсвенгер был первым из его телефонных собеседников, кто благословил все изменения. Маркус задумался, не стоит ли ему теперь немного расслабиться и, наконец, хотя бы узнать, как выглядит при свете дня улица, на которой он живёт.

Потом пришло общее для всех сообщение, что бумага для принтеров теперь будет находиться в другом месте: в тамбуре, как предложил Маркус. На следующий день появились рабочие и стали менять жалюзи.

И, наконец, в пятницу утром, в половине десятого позвонили из приёмной Ричарда Нолана. Его хотел видеть «босс». Безотлагательно. Нет, сказали ему, брать с собой бумаги не нужно.

Перед дверью Нолана Маркус набрал полные лёгкие воздуха. С трудно дающейся естественностью он стремительно вошёл в кабинет, излучая деловитость и серьёзную готовность к разговору. Увидев, что в кабинете присутствует и Джон Мюррей с папкой в руках и с лишённым выражения лицом, он осмелился понадеяться, что его стратегия сработала.

– Марк, – сказал Ричард Нолан, глядя на экран своего ноутбука, будто на нём читалась вся история молодого человека из Германии, – я не хочу произносить большую речь. Я вас заметил. С тех пор как вы здесь, вы внесли несколько дельных предложений. Вы хорошо вписались в коллектив и проявляете высокую рабочую активность.

– Мне, эм-м... – Маркус сглотнул. Теперь, когда это свершилось, у него всё же перехватило горло, хотя он всё время работал ради этой минуты. – Мне это радостно слышать, Ричард, – поспешно закончил он.

«Теперь не хватает только музыки, как в кино», – пронеслось у него в голове, а Нолан продолжал:

– Я хотел спросить вас, Маркус, как бы вы отнеслись к тому, чтобы по окончании контракта по локализации не возвращаться в Европу, а остаться в головной структуре? Думаю, что я выражу общее мнение, если скажу, что мы были бы этому рады.

Настоящее

Посетителем оказался всего лишь его брат Фридер.

– Как дела? – спросил он, остановившись у изножья кровати и держа в руке какой-то несообразный букетик цветов.

Маркус скривил лицо, отчего заболели швы.

– Понятия не имею. Но уже становится лучше.

– Тебе повезло. Ты мог и погибнуть.

– А я и не жалею.

– Я просто так сказал. – Фридер прошёл к раковине и засунул цветы в вазу. – Ты хоть помнишь, что произошло?

– Нечётко. У меня заглох мотор. И кто-то въехал в меня сзади. – Маркус с трудом откашлялся. – Это было в Америке. Но очнулся я уже здесь.

Фридер неторопливо кивнул, потом придвинул стул и сел. Прошло много времени с тех пор, как Маркус видел своего старшего брата в последний раз, – больше года. Чем старше он становился, тем сильнее в его облике проявлялось аскетическое начало. А теперь он ещё и стригся экстремально коротко, что делало его похожим на монаха. Монах в костюме-тройке.

– Ты неделю пробыл в клинике в Пенсильвании, в Блумсбери. Там тебя прооперировали. Потом мы тебя забрали. – Фридер разглядывал свои ногти.

Маркус задумался. Мысль давалась ему с трудом; как будто в мозгу у него был вязкий сироп.

– Почему здешние врачи называют меня «господин Поул»?

Фридер выпятил губы.

– Я счёл это лучшим выходом. Только главный врач знает, кто ты на самом деле. Для остальных ты – Маттиас Поул.

– Неужели это так просто – поместить человека в больницу под чужим именем?

– Это было непросто.

Маркус окинул взглядом своего брата. Ясно, Фридер пустил в ход свои связи. В таких вещах он был силен. А сам такой непроницаемый, но уж так было всегда.

– Если это было непросто, – заметил он, – то должна быть веская причина, чтобы приложить усилия.

– Она была, но тебе сейчас не надо обременять себя лишними мыслями, – сказал Фридер без выражения на лице. – Не торопись. Делай гимнастику, хорошо питайся, пусть тебе уберут этот шрам и так далее. И ни о чём не беспокойся. Следующие три месяца думай только о себе и о своём здоровье. Постарайся окрепнуть; всё остальное сейчас совершенно неважно.

Маркус прикрыл глаза, вдохнул больничный воздух с запахом дезинфекции, снова посмотрел на своего брата и тихо произнёс:

– У меня не получится. Тебе ли этого не знать?

Фридер на мгновение сжал губы.

– Ну хорошо, – сказал он. – Я приложу все силы к тому, чтобы ты вышел отсюда только тогда, когда ты будешь снова полон сил. Потому что они тебе понадобятся.

– Для чего?

– Твоя фирма выдвинула иск против тебя. Иск беспощадный. Когда ты встанешь на ноги, тебе на пятки будут наступать столько адвокатов, что ты собьёшься со счёта.

Глава 5

Прошлое

Мюррей не шелохнулся, когда Маркус вошёл в его кабинет. Ни на миллиметр. Он только глянул на него, сказал: «Садитесь», – но даже не указал на стул.

Ох-ох. Что-то было неладно.

Маркус осторожно сел.

– Сэр?

Быстрым взглядом obeжал обстановку. На столе большой портрет семьи. На переднем плане сидит лохматая собака из тех, у которых глаз на морде не видно из-за шерсти. У жены Мюррея была существенно более светлая кожа, чем у него, – что ж, это было нетрудно, – а две старшие дочери уже переросли её. Значит, Мюррей не так молод, как кажется.

На шкафу для документов за спиной Мюррея лежал бейсбольный мяч, такой побитый, что мог быть лишь предметом воспоминаний, рядом покоилась толстая чёрная книга. Наверняка Библия.

Маркус предчувствовал недоброе.

Мюррей выдвинул ящик, достал оттуда что-то и метко бросил на стол перед Маркусом.

То была визитная карточка. Визитная карточка Маркуса.

– Я проверял, – сказал Мюррей. – Вас зовут вовсе не Марк С. Уэстман.

Маркус сглотнул.

– Верно. – Будет лучше, считал он, заранее обезоружить все возможные атаки.

– Тогда почему же это напечатано на вашей визитной карточке?

Немного мелочно всё это, разве нет? Ведь до сих пор он ни одной из этих карточек никому не вручил. И было вполне вероятно, что по истечении шести месяцев вся сотня их так и останется у него на руках.

– Это было... как вам сказать? Такая шутка. – Вот ведь только что у него в голове промелькнул такой удачный аргумент, что же это было?.. Ах да. Точно. – Знаете, сэр, когда я увидел этот бланк у себя на столе, я удивился. Правда. С какой стати мне нужно заполнять такой бланк? Ведь фирме известны все мои данные. Более того: мы фирма, которая занимается обработкой данных. Мы лидируем в этой сфере во многих странах мира. Я считаю, такие бланки вообще не имеют права на существование. – Это прозвучало хорошо. Даже лучше, чем он рассчитывал. Это звучало по-настоящему убедительно. – И я решил проверить, что произойдёт, – добавил он, пожимая плечами. – И должен признаться, меня разочаровало, что никто ничего не заметил.

– Но вы не пожаловались.

– Нет. Не настолько это было важно, – сказал Маркус со всей небрежностью, на какую был способен. И добавил – не во вред себе: – В первую очередь я здесь для того, чтобы делать ту работу, за которую я отвечаю.

Мюррей откинулся на спинку кресла, сложил кончики пальцев и принял вид глубокой задумчивости. Маркус ждал, но уже разрешил себе лёгкий вздох.

– Известна ли вам седьмая заповедь? – спросил Мюррей и объяснил, глядя в лицо Маркусу: – Я говорю о Библии. – Казалось, он с трудом подавил продолжение фразы: *ты, тупой европейский язычник*.

Маркус поспешно кивнул.

– Да, конечно. Седьмая заповедь. – Господи, какая же из них там седьмая? Не убий – это пятая, если он правильно помнит; заповедь номер шесть – это против прелюбодеяния. Значит, седьмая... – Не лги.

– «Не лжесвидетельствуй против ближнего твоего», – процитировал Мюррей. Да, в нём, несомненно, было что-то от проповедника. Ещё и это. – Звучит несколько иначе, не правда ли? А вы не подумали, что есть причина именно для такой формулировки?

– Конечно. Да. Уж наверное.

– Как вы думаете, это хорошая заповедь? Целесообразная?

– Несомненно.

– Как вы думаете, для любой ли области жизни она годится? Или вы считаете, что деловая жизнь является исключением?

Что это струится по спине, неужто пот?

– Нет. Ни в коем случае. Такого я себе представить не могу.

Мюррей кивнул.

– Речь идёт о доверии. Если мы не сможем доверять друг другу, то распадутся связи жизни. Поскольку основа её – доверие. А ложь разрушает эту основу. – Он нагнулся вперёд – быстрым, стремительным движением спортсмена – и снова взял визитную карточку. – Это, мистер *Вестерманн*, и есть «лжесвидетельство».

Маркус заметил, как невольно втянул голову в плечи. Не может быть, что всё это по правде! Урок Библии в кабинете начальника!

– Сэр, как я уже сказал, я имел в виду совсем другое...

– «По делам их узнаете их», – говорит Господь, – перебил его Мюррей. И снова отправил вещественное доказательство к себе в ящик. – Я буду к вам присматриваться, Маркус, и составлю своё мнение. На основе того, *что вы делаете*, – Он кивнул. – Это всё, что я хотел вам сказать.

Маркус покинул кабинет с таким чувством, будто только что нажил себе врага.

На следующий день, когда он шёл из туалета, его перехватил в коридоре человек, которого он прежде не видел, в том числе и в схеме организационной структуры. Это был бледный, крупный, несколько рыхлый мужчина с рыжеватыми волосами.

– Это ты Марк из Германии?

– Да, – озадаченно кивнул Маркус. Кто-то из обслуживающего персонала? Может, тот, кто отвечает за визитные карточки?

– Я Кейт. Идём со мной.

Маркус не успел спросить, по какому праву тот отдаёт ему приказания, поскольку Кейт просто повернулся и зашагал вперёд. Чтобы узнать, что это означает, оставалось просто следовать за ним.

К его изумлению, они направились напрямик в святая святых, в тот отсек, где сидели программисты. Перед дверью в этот отсек всегда и заканчивались вечерние вылазки Маркуса. Чтобы открыть её, требовалась карточка-пропуск, и у Кейта эта карточка была.

За дверью всё выглядело иначе, чем в остальном здании: каждый разработчик имел собственный кабинет, пусть ненамного просторнее шкафа и забитый до отказа компьютерами, справочниками и всякой технической утварью, но всё же это был собственный мир, который он выстраивал как хотел. Несколько дверей стояли раскрытыми; в одном кабинете весь потолок был увешан розовыми воздушными шариками, в другом взгляду открывалась, пожалуй, самая значительная во всей Пенсильвании коллекция пустых пивных банок, а в третьем кто-то сидел буквально на куче мусора – упаковок из-под чипсов, коробок из-под бургеров, пустых бутылок – и в темпе долбил по клавиатуре.

Рядом с дверью, куда ввели Маркуса, была табличка: «Кейт Р. Пеппер». На самой двери красовался постер: «Life as you know it is only a beta version. Would it be the real thing, you would have got a user's manual».⁹

– Садись, – сказал Кейт и закрыл за собой дверь.

Маркус огляделся. Вокруг стояло несколько компьютеров, все без кожуха – видимо, в перекомпоновке. Единственным свободным сиденьем было драное телевизионное кресло, с небрежно откинутой спинкой стоящее перед письменным столом. Неужели это имелось в виду?

– Ах да, – спохватился хозяин. – Подожди. – Он что-то выдернул из угла, и это оказалось бывшей скамеечкой для ног. Освобождая для неё место, он отодвинул ногой стопку справочников, на которой громоздился ржавый ящик с инструментами. – Я, знаешь, немножко ленив, чтобы подолгу заниматься уборкой.

– Это ничего, – Маркус осторожно сел на скамеечку. Кажется, она держала.

Кейт с размаху упал в своё кресло.

---

⁹ Жизнь, как вы знаете, это только beta-версия. Ведь если б это была реальная штука, у вас имелась бы к ней инструкция.

– Ты наверняка удивляешься, зачем я тебя позвал. И так – я среди прочего отвечаю за немецкие языковые версии всех наших программ. То есть я тот самый тип, к которому попадают те дополнительные функции, которые ты там напридумывал.

– Это не я их напридумывал. Их напридумало министерство финансов Германии.

– Да ясно. Они там креативные люди, в этом я раз за разом убеждаюсь. – Кейт стянул клавиатуру со стола к себе на колени и мимоходом заметил: – Я видел, Мюррей вчера вызывал тебя к себе в кабинет. И чего он хотел?

Опа! Вот уж насчёт чего Маркус держал ухо востро – так это чтоб не оказаться втянутым в какие-нибудь офисные интриги.

– Это была скорее личная история, – сказал он, помедлив.

– В самом деле? – Кейт поднял брови. – Хорошо. А я думал, он тебя распекал. Он в основном всегда так делает. Высматривает себе кого-нибудь из группы «L», уж не знаю по каким причинам, и берёт его на мушку. Придирается к каждой запятой. Ну, ты увидишь.

Да, Маркус уже увидел.

– Не хотелось бы.

– На спор. Но вот почему я с тобой заговорил: я заметил, что ты кое-что забыл перевести, и я подумал, что лучше я скажу тебе это, чем ты напорешься на неприятности. На, взгляни. – Он набил на клавиатуре пару приказов, и на экране возникло стартовое окно модуля «Datamining».

Потом всё стояло на месте, не двигаясь.

– Что, программа зависла? – спросил Маркус.

Кейт удивлённо взглянул на него и засмеялся:

– Нет. Это то, что ты не перевёл. Splash screen.

– А что тут переводить?

– «Datamining», к примеру. – Кейт взялся за словарь, готовый рассыпаться от старости, и вытянул оттуда бумажку. – Я посмотрел, как это переводится буквально: «добыча информации», – произнёс он по-немецки. – Так говорят?

Маркус усмехнулся.

– Конечно же, нет. Клиенты бы подняли нас на смех. Нет, «Datamining» – устойчивое понятие; профессиональное обозначение для того, чтобы из имеющихся данных извлечь скрытый контекст. – Он разглядывал стартовое окно. – Так же как и многое другое, это слово остаётся без перевода. «Copyright», например. Или «Version». Самое большее, можно было бы написать: «Все права защищены» вместо: «All rights reserved».

– Хорошо, так и напишем, – его пальцы запрыгали по клавиатуре, стёрли три слова и написали три новых. – Другие переводят всё. Джон вон делает французскую и испанскую версии; ты не найдёшь там в стартовом окне ни одного английского слова. И другие немецкие модули тоже стали называться по-другому – например, Customer Care Modul стал называться, погоди... «Модуль связи с клиентами».

Маркус пожал плечами.

– Я знаю. Хотя я бы не стал это переводить. Или, по крайней мере, перевёл бы не так. – Он поднял глаза на этого внимательного американца. – А ты хорошо говоришь по-немецки.

– Немножечко, – выдавил Кейт и, смеясь, продолжил: – Ровно столько, чтобы мне выпало на долю перепроверять всё, что связано с немецким языком. И теперь мне от этого уже не отвязаться, пока я работаю у «Lakeside and Rowe». – Он поднял вверх свой немецкий словарь. – Наследство. Мой прапрадедушка привёз в Штаты. Он вовремя успел слинять из Германии – ещё до Первой мировой войны.

Маркус кивнул.

– Тогда меня не удивляет, что в нём нет такого понятия, как «Datamining».

Лишь немногие семьи знают свою историю. Обычно знают свою живущую родню – и на этом всё кончается. Как только деды умирают, вместе с ними уходит и память о них. Как правило, люди не знают даже имён своих сколько-нибудь отдалённых предков.

Так, ни Маркус Вестерманн, ни Кейт Пеппер даже не догадывались, что их

прапрадедушки знали друг друга, более того, что они вместе работали на проекте, от которого дух захватывает, – на Багдадской железной дороге, на той ветке, протяжённостью в две с половиной тысячи километров, которая когда-то должна была соединить Берлин с городом на Тигре...

Прошлое 1903

Несясь верхом вслед за молодым туземцем, который служил у них проводником, Фридрих Вестерманн раздумывал, что раньше приведёт его, согласно всем предсказаниям, к смерти: беспощадный зной, царящий здесь, в пустыне северной Месопотамии, или ядовитые скорпионы, которые, несмотря на все меры предосторожности, каждую ночь каким-то образом пробираются в палатку.

В настоящий момент именно солнце увеличивало шансы на это. Устало сощурив глаза, он ещё раз сверился по карте и по компасу, вытер капли пота с бровей и потом крикнул:

– Киф! Киф! – Это было одно из немногих арабских слов, которые он знал, и юноша по имени Абдул, чьей фамилии никто не мог запомнить, должен был понять это слово как «Стой!»

Инженер спрыгнул с коня, поправил шляпу и стал разглядывать очертания Тигра и чахлую равнину вдоль него. Он включил свою техническую фантазию. Следовало представить себе, что через некоторое время здесь пройдёт линия железной дороги. Ветка, которая когда-нибудь соединит Берлин с далёким Багдадом. Строительство ведётся с 1888 года, и вот уже почти семь лет строится первая часть перегона через Константинополь в анатолийскую Конью. Когда всё кончится, линия будет хоть и не такой протяжённой, как Транссибирская магистраль, над которой русские работают уже больше десяти лет, но технически намного превзойдёт её. Преодолевать все невзгоды помогало главным образом сознание, что работаешь на таком смелом проекте – да что там, сам его и создаёшь.

– Что, уже наслаждаетесь пейзажем, который будут видеть пассажиры? – крикнул техник-геодезист, работающий вместе с Вестерманном. Его звали Ганс Пфеффер, это был невозмутимый румяный здоровяк. Родом он был из Кёльна и всерьёз считал Мосул «интересным городом».

– Я всего лишь поджидаю вас, – Вестерманн помахал картой. – Эти карты более чем приблизительны, если хотите знать. Вообще-то, тут надо бы всё картографировать заново.

– По порядку, сначала одно, потом другое, – безмятежно сказал Пфеффер, спрыгивая с лошади. Затем он принялся неторопливо отвязывать от седла свой теодолит.

Ну, это надолго. Кёльнец был парень ничего, но не сказать чтоб самый быстрый. Вестерманн направился к реке, лениво текущей по руслу. Немного зелени у самых берегов, но до чего же голо и безжизненно всё остальное! Каменистые осыпи, песчаные равнины, изредка чахлые кустики, обглоданные козами, которых здесь пасут местные...

Он резко остановился, подозрительно глянул на песчаную землю, поднял стопу и осмотрел подошву. О нет!

Инженер присел на корточки, провёл пальцами по тёмной, слегка лоснящейся поверхности. Уже чувствовался запах. У него в дорожной сумке были все необходимые инструменты, но они ему не понадобились: рыхлую землю здесь можно было черпать прямо голыми руками.

– Можете снова упаковывать ваши приборы, – сказал он геодезисту, вернувшись к коням с пригоршней земли. – У нас проблема.

Пфеффер поднял кустистые брови.

– Да она у нас уже давно.

Вестерманн поднёс к его носу чёрное, жирное месиво.

– Понюхайте.

Кёльнец сморщился.

– Фу! Что это? Нафта?

– Да. Её ещё называют каменным маслом или земляным, по-гречески это петролеум. Боюсь, что вся эта местность ни для чего не пригодна. – Он стёр с ладоней маслянистый песок и вытянул из кармана носовой платок, чтобы привести руки в порядок. – Прежде чем проводить замеры, мы должны обследовать структуру почвы. Если попадаются места, пропитанные этим маслом, там его, как правило, много, и на такой почве строить нельзя. Во всяком случае, железную дорогу. – Вестерманн порылся в своих картах, вытянул общую схему. – Только бы не пришлось менять место и прокладывать дорогу заново.

Ибо выбирать в этой малонаселённой местности было не из чего. Трасса, проложенная до сих пор, вела через северо-сирийскую равнину, пока не упиралась в Тигр в Мосуле, и отсюда предполагалось двигаться к югу, следуя руслу реки. Нимруд уже был позади, следующим крупным городом был Калаат-Шергат, за ним следовали Калаат-Джабаар, Текрит, Самарра и, наконец, Багдад. Другими словами, первым делом им следовало уточнить, велика ли местность, непригодная для строительства, и передать сведения в отдел планирования Анатолийской железнодорожной компании. А они уже пусть думают, как эту местность обойти...

– Ни для чего не пригодна? – повторил Пфедфер. – Я бы не был так категоричен. В Америке и России буквально землю роют в поисках нефти. Из неё добывают керосин; ну, вы знаете, для ламп. Насколько мне известно, на нём могут работать даже автомобили.

Вестерманн опустил карты.

– Автомобили – это игрушки для богатых людей, и больше ничего.

– Может быть, но это тоже означает, что месторождение нефти могло бы иметь известную рыночную ценность, а?

Железнодорожный инженер задумчиво смотрел в пустоту.

– Тут вы не совсем неправы. Хорошо. Используем сегодняшней день, чтобы сделать обзор масштаба проступающих пятен. Тогда завтра вернемся в Мосул и телеграфируем о нашей находке в Берлин.

Ждать ответа им пришлось недолго, но телеграмма из Берлина их ошеломила. Им было приказано немедленно направиться в Константинополь и явиться к немецкому послу для получения дальнейших указаний. Его высочество, султан Абдул Хамид II, владыка Османской империи, хотел бы лично расспросить их относительно находки нефти.

– Что? – возмутился Ганс Пфедфер. – Прodelывать весь обратный путь только ради того, чтобы поболтать с верховным тюрбаносцем?

– Он носит феску, – поправил его Вестерманн. – И от Коньи мы можем ехать по железной дороге.

То, что этот путь им проделать придётся, не обсуждалось: указание было подписано самим Карлом Хельферихом, директором «Doitche Bank», который одновременно был и официальным главой Анатолийской железнодорожной компании.

Но дело до аудиенции дошло не скоро. Прибыв в Константинополь, они день за днём сидели в отеле и ждали, когда же султан наконец соизволит их принять. Однако вместо посыльного из дворца к ним каждый день являлся лишь немецкий посол, тонкогубый, чопорный человек в официальном костюме, носить который при господствующих здесь температурах, должно быть, было мукой, и пытался поддержать их дух.

Вдобавок ко всему тут не было ни капли алкоголя, даже пива. Они пили турецкий кофе, сколько могли вынести их желудки. Одна стена в баре отеля была расписана большой, хоть и не очень точной картой, изображающей Европу, Ближний и Средний Восток и кусочек Северной Африки, с Константинополем в центре, и они развлекались главным образом тем, что обсуждали проект железной дороги на основе этой карты. Иногда им каким-то образом попадалась немецкая газета, правда, всегда многодневной давности, но всё равно они прочитывали её всякий раз от первой до последней страницы. Так они узнали, что сербский

король Александр и его семья были убиты восставшими офицерами, что социал-демократы в Германии на выборах в рейхстаг оказались второй по величине фракцией, а также что состояние здоровья старого папы Лео XIII ухудшается на глазах. Пфеффер с видимым триумфом обнаружил сообщение, что американский промышленник Генри Форд задумал вывести на рынок автомобиль, который должен стоить меньше тысячи долларов.

– Всё равно из этого ничего не выйдет, – мрачно пророчествовал Фридрих. – Что себе думает этот Форд? Что каждый захочет быть сам себе и шофёром, и машинистом одновременно? Тогда как человеку достаточно просто сесть на поезд...

– Но на автомобиле можно ехать когда захочешь и куда захочешь, – возразил Пфеффер. – Мне кажется, что многие люди оценили бы это.

– Чепуха. Вы хоть представляете, сколько пришлось бы для этого построить новых дорог? Немыслимо. Одни затраты!

Это, кажется, убедило Пфеффера; по крайней мере, он успокоился.

Через несколько дней после этого в бар отеля вошёл мужчина лет тридцати пяти, с гладким, круглым лицом, в глаза бросались необыкновенно кустистые брови и элегантный костюм, который в Лондоне мог быть последним криком моды. Он осведомился о господах из Германии.

– Меня зовут Салюст Саркис Гульбенкян, – представился он с приятной улыбкой и каждому из них пожал руку. – Поскольку я имею некоторый опыт в нефтяном бизнесе, его величество султан соизволил поручить это дело мне.

– Значит, вы османец? – задал Ганс Пфеффер вопрос – на взгляд Вестерманна, совершенно лишний.

Но Гульбенкян обозначил лёгкий поклон и серьёзно сказал:

– По рождению я армянин; но в последние годы я имею честь быть подданным его величества короля Эдварда VII.

– Мы были вызваны сюда, потому что с нами хотел говорить султан, – недоверчиво заявил Фридрих Вестерманн. – По крайней мере, так нам телеграфировали. Из Берлина.

Гульбенкян сделал извиняющийся жест.

– У султана возникли более неотложные проблемы, как я полагаю. – Он указал на плетёное кресло. – Может быть, сядем? Я думаю, нам надо о многом поговорить.

– Какие же у него проблемы, у султана? – без обиняков спросил Пфеффер, когда они сели и на столе появился очередной поднос с кофе.

– Восстание в Македонии, например, – объяснил их посетитель. – А также не дают покоя разбойничьи банды ваххабитов, которые в прошлом году захватили Эр-Рияд. Похоже на то, что этот Абдул-Азиз Ибн Сауд замышляет изгнать из страны династию Рашидов, верных союзников османского владыки на Аравийском полуострове. Трудно сказать, куда это может завести.

Ганс Пфеффер погладил свои усы.

– А кто такие, простите, ваххабиты?

– Это что-то вроде пуритан ислама. Стопятидесятипроцентные, понимаете? По крайней мере, там, внизу, расположены Мекка и Медина, важнейшие святыни мусульман. Такое легко может привести ко всяким недоразумениям.

– Но вы-то, стало быть, не мусульманин? – осведомился Пфеффер.

Гульбенкян поднял руки, открещиваясь.

– Мы, армяне – христиане, григорианцы.

– Давайте же наконец перейдём к делу, – нетерпеливо перебил Фридрих Вестерманн. – Само собой разумеется, мне придётся телеграфировать о вас в Берлин; без подтверждения отсюда вашей легитимности я вообще ничего не могу предпринять. Но допустим, что всё, что вы говорите, имеет свою силу: как будут в этом случае выглядеть следующие шаги?

Если он и обидел армянина своей прямолинейностью, тот не подал виду.

– Следующие шаги, – спокойно сказал Гульбенкян, – выглядят так: мы сообщаем осмотрим места, где просачивается нефть. Поскольку у меня была возможность накопить

некоторый опыт в Баку, я надеюсь с его помощью прийти к выводу, можно ли установить в Мосуле нефтяные вышки. Затем я представлю султану мои предложения о том, как добывать нефть и торговать ею. Если смогу – постараюсь быть полезным.

Вестерманн нетерпеливо отмахнулся.

– Признаться честно, мне совершенно всё равно, что вы будете делать с нефтью. Для меня важно определить подходящую трассу, причём как можно скорее. Мы за это время настолько отстали от плана, что я уж и не знаю, как нам это отставание навёрстывать.

Гульбенкян закинул ногу на ногу и достал из кармана серебряный портсигар.

– На этот счёт я бы на вашем месте не тревожился. Вы так и так никогда не построите эту дорогу.

– Что-что? – чуть не задохнулся Фридрих. Армянин предложил им сигареты – от которых оба, поблагодарив, отказались, – взял себе одну и приступил к ритуалу её закуривания.

– Разве вам не ясно? – спросил он наконец невозмутимо и кивнул на большую настенную карту, перед которой они сидели. – Посмотрите просто на географию. Железнодорожная линия Берлин – Багдад привела бы под немецкий контроль огромную область, полную богатств и неприступную с моря. Эту дорогу можно было бы использовать для того, чтобы подвести немецкие и турецкие войска на расстояние выстрела к областям британских интересов в Египте. Из Персидского залива вы могли бы угрожать Индийской империи. С этой железнодорожной веткой Германия приобрела бы контроль над Дарданеллами и портом Александропулос и разом стала бы могучей морской державой. – Он затаился своей сигаретой и отрицательно покачал головой. – Господа, не обманывайте себя. Такого моё правительство не допустит никогда.

Ганс Пфеффер откинулся назад с выражением отвращения на лице.

– Хотелось бы знать, что они смогут против этого сделать. Начать войну? Из-за пары локомотивов?

Гульбенкян с наслаждением попыхивал, устремив взгляд на карту.

– Это в самом деле интересный вопрос. – Он повернулся к грузноватому человеку из Кёльна. – Не могли бы вы показать мне на этой карте точный маршрут прохождения железной дороги? Тогда я, может, смогу ответить на ваш вопрос.

Дважды просить Пфеффера не пришлось. Он тут же встал перед разрисованной стеной и провел пальцем приблизительное направление линии, ведущей от Берлина через Австро-Венгрию, через Болгарию, через...

– Сербию! – воскликнул Гульбенкян. – Естественно. Вот оно. Вечный очаг беспокойства. – Он повернулся к Фридриху. – Любая цепь обладает прочностью её слабейшего звена. Слабейшее звено вашей цепи – Сербия.

– И что это значит конкретно?

– Конкретно? Я не в той ситуации, чтобы иметь право говорить вам что-либо конкретное. Я всего лишь человек, который умеет читать карты. Вы никогда не проведете эту железнодорожную линию до Багдада, и этот план оборвётся когда-то и как-то именно на Сербии. Попомните мои слова.

Фридриху Вестерманну и впрямь ещё не раз пришлось вспомнить слова Гульбенкяна.

После разговора с армянином и после подтверждения его полномочий по телеграфу из Берлина Вестерманн и Пфеффер поехали назад в Мосул. Ожидающие их рабочие приступили к разработке альтернативной трассы, которая после Самарры обходила стороной места, где просачивалась нефть. На условленную встречу Гульбенкян привёл с собой группу специалистов; большинство были из Англии, но среди них оказалось и несколько русских, с которыми взаимопонимание достигалось с великим трудом. Что они там затевали с этой нефтью, которая тут только портила почву, Вестерманн вскоре упустил из виду. У него были другие заботы.

Работы над Багдадской дорогой продолжались. Компания Круппа поставляла рельсы,

фирма «Филипп Хольцман» строила великолепные вокзалы, а железнодорожные инженеры прорывались вместе с армией рабочих, число которых вскоре дошло до тысячи, сквозь анатолийские горы и перебрасывали мосты через долины. Свыше сорока тоннелей нужно было прорыть на участке в 64 километра. В самой высокой точке рельсы прокладывали на уровне почти полутора тысяч метров, и это в непроходимой, недоступной местности. Однако, невзирая на все технические сложности, на финансовые проблемы и все те инциденты, про которые никогда не знаешь, были ли это несчастные случаи или саботаж, – черточка на карте, изображающая продвижение строительства, постоянно ползла вперёд.

Но со времени разговора с Гульбенкяном Вестерманн уже другими глазами читал новости, а также директивы и указания, приходящие из Берлина. И как он только мог быть таким наивным? Разумеется, речь шла об экономических выгодах для всех участников, и об этом много говорилось. Однако между строк нетрудно было вычитать и военные, и стратегические интересы. Не только Германия стремилась усилить своё влияние в регионе, но и султан этой железной дорогой хотел усилить стальной позвоночник своей идущей к закату империи. Финансовые гарантии, которые он давал проекту – то, над чем Фридрих Вестерманн никогда прежде не задумывался, – были достигнуты, так как появлялась возможность в будущем быстро и просто рассылать свои войска по железной дороге.

Ещё до того, как трасса была промерена до конца, лихорадка, от которой он с трудом оправился, заставила Фридриха Вестерманна искать перевода на другую должность. Со спокойного места за письменным столом – сначала в Берлине, потом (после того как женился и жена захотела уехать из большого города) в окрестностях Хемница – он всё же продолжал следить за развитием проекта. В каждой газете он искал в первую очередь сообщения о продвижении строительных работ, выписывал вестник Анатолийской железнодорожной компании и поддерживал контакты со своими прежними коллегами.

Кое-что из того, что он узнавал, наполняло его ужасом. Мало того, что осенью свирепствовала тропическая лихорадка, а зимой инфлюэнца, и что разбойничьи банды нападали на рабочих, – стало известно также, что османское правительство всё чаще использовало труд каторжан, которые содержались в жутких условиях, получали только хлеб и воду. Если они во время работы падали замертво, их зарывали тут же, рядом с железной дорогой. Рассказывая Фридриху об этом, люди приглушали голоса, а в глазах у них стоял ужас, и тогда-то Вестерманн впервые порадовался, что уже непричастен к этому.

Первые двести километров участка, по которому начали регулярно ходить поезда, были торжественно освящены лишь на Рождество 1912 года.

А потом и впрямь грянула Сербия.

В отличие от своих земляков, Фридрих Вестерманн с самого начала заявил, что вокруг убийства австрийского принца поднято слишком много шума. При всём уважении к жизни и власти, мыслимо ли, чтобы смерть престолонаследника оправдывала начавшуюся мировую войну, к тому же между всеми основными европейскими державами? И почему никто, кроме него, не задаётся таким вопросом?

Втайне он признавался себе, что его бы и не беспокоил этот вопрос, если бы не тот впечатляющий разговор с Гульбенкяном. А так ему казался исключительно подозрительным сам факт, что злодеяние произошло именно в Сараеве – городе, через который проходила линия всё ещё не достроенной железной дороги на Багдад. Это было уж никак не побочной деталью.

Его давешний сотрудник, Ганс Пфедфер, похоже, воспринимал всё точно так же. Во всяком случае, незадолго до того, как война и в самом деле разразилась, Вестерманн получил от него открытку – из Соединённых Штатов, куда кельнец, как он писал, эмигрировал ещё в прошлом году. «Думаю, я окажусь прав в том, что касается автомобилей!» – приписал он в конце.

Во время войны работы продолжались. Поговаривали, что дела с каторжанами обстояли теперь ещё хуже: анатолийских армян сгоняли с постоянных мест проживания и замучивали до смерти на строительстве железной дороги. К тому же на железную дорогу совершались

постоянные набеги. Агент английской секретной службы Т.Е.Лоуренс, которого называли «Лоуренсом Аравийским», возглавил арабские племена в их восстании против Османской империи. Именно они напали на участок железной дороги «Хеджасбан», построенный для паломничества верующих мусульман в Мекку, и большей частью разрушили его.

После войны Османская империя прекратила свое существование, и теперь Вестерманн всё чаще слышал имя Гульбенкяна. Тот получил прозвище «Мистер Пять процентов», был влиятельным человеком в нефтяном бизнесе и сказочно разбогател, говорили даже, стал чуть ли не миллиардером.

В тридцатые годы уже можно было прокатиться на так называемом «Восточном экспрессе»; правда, для преодоления ещё не достроенных участков приходилось пересаживаться на автобусы. К самым знаменитым пассажирам этого маршрута принадлежали английская писательница Агата Кристи, которая переработала свои дорожные впечатления в детективную историю, а также тот самый Салюст Саркис Гульбенкян, предсказавший, что эта дорога не будет построена никогда. Со своей женой, принцессой, он познакомился во время этой поездки и прах после её смерти развеял из окна того же поезда.

В 1940 году наконец был готов весь участок от Константинополя (который назывался теперь Стамбулом) до Багдада, но к тому времени он уже давно не имел ни экономического, ни военного значения. Впоследствии дорога опять пришла в упадок, её остатки ныне представляют скорее музейный интерес, чем транспортную ценность.

Фридрих Вестерманн ни разу не проехал по этой дороге, которую некогда закладывал. Он умер в возрасте семидесяти лет в январе 1943 года от воспаления лёгких, по причудливой случайности, в тот же день, когда погиб его сын Эрих, воевавший в чине капитана 17-й армии; причём задачей этой армии был захват месторождений нефти в Баку, Майкопе и Грозном...

Настоящее

Медсестра измеряла Маркусу кровяное давление, когда явился адвокат, молча кивнул им, сел на стул, который под его грузной фигурой казался предметом детской мебели, и стал ждать, положив папку на колени. Только когда сестра вышла из палаты, он откашлялся и сказал:

– Добрый день, Маркус.

Маркус разглядывал этого человека со смешанным чувством. Его звали доктор Герберт Бэр, и он с незапамятных времён был семейным адвокатом Вестерманнов. Раньше это значило, что он защищал в бесчисленных процессах отца, и Маркус помнил их горячие дискуссии по вечерам в гостиной: они доносились до его спальни в виде бормотания – то тревожно нарастающего, то утихающего. Теперь ему казалось, что костюм на адвокате тот же самый.

– Мне позвонил ваш брат и попросил о вас позаботиться. – Он неторопливо расстегнул застёжки своей папки – сперва одну, потом другую.

– Понимаю, – сказал Маркус.

– Он наверняка уже говорил вам, что против вас выдвинуты серьёзные обвинения? – Большие руки раскрыли папку и извлекли оттуда документ. Толщина папки внушала опасения.

– Да.

– Хорошо. Я думаю, будет лучше всего, если я для начала оглашу вам обстоятельства дела.

Он был уже далеко не молод: лет под семьдесят. Маркус не ожидал, что Бэр ещё практикует.

– Мы имеем обвинения с двух сторон. С одной стороны – от вашей фирмы, вашей *бывшей* фирмы, если быть точным, ибо за это время вас бессрочно уволили. Вас обвиняют в хищении денежных средств фирмы в размере трёхсот тысяч долларов: другими словами, предъявляется пресловутое «залез в кассу»; далее идёт похищение и разглашение секретов,

ценность которых в сумме составляет, эм-м... – Ему пришлось перелистнуть страницу и ещё раз удостовериться. – ...сто миллиардов долларов. – Он поперхнулся. – Ты смотри-ка, и правда миллиардов. Ничего себе! Хотел бы я знать, откуда они взяли такую сумму.

– Что ещё? – спросил Маркус.

Зашелестели страницы.

– Далее идёт просьба о выдаче вас Соединённым Штатам. Во-первых, за употребление наркотиков – медицинские обследования в больнице Блумсбурга выявили соответствующие подозрительные результаты, которые были переданы в государственные органы. Во-вторых, речь идёт об убийстве. – Адвокат поднял свои яблочно-зелёные, лишённые блеска глаза и оглядел Маркуса. – Удивительно, как ваш брат вообще сумел вывезти вас из страны! По закону вам сейчас положено лежать в тюремной больнице США.

Маркус ощупал шрам на своём лице.

– Что всё это значит конкретно? – спросил он. – Опасаться ли мне того, что в любой момент сюда может вломиться полиция, чтобы арестовать меня?

Адвокат отрицательно покачал головой.

– Нет. Благодаря мерам, принятым вашим братом, органам в настоящий момент неизвестно место пребывания Маркуса Вестерманна. Правда, в этом состоянии вряд ли можно будет продержаться долго, если не вести нелегальную жизнь.

– Хорошо, – сказал Маркус.

Адвокат достал носовой платок, основательно высморкался и требовательно взглянул на Маркуса.

– Есть ли у вас что сказать мне по поводу этих обвинений? Что-нибудь, что я должен знать?

Маркус глянул вниз на свои руки, осмотрел ногти, снова поднял голову.

– В настоящий момент нет.

– Неужто эти обвинения справедливы?

– Да, – сказал Маркус.

Глава 6

Прошлое

«Аль-Ишрин» находился сразу за углом от отеля «Мариотт» и предлагал хорошую кухню по приемлемым ценам. Майерс объяснил ему по дороге, что ресторан практически всегда полон и без предварительного резервирования туда можно даже не заходить.

– Буду знать, – сказал Чарльз У. Таггард и постарался выглядеть так, будто двигаться по улицам саудовского города для него в высшей степени естественно. Он лишь мельком оглядывал прохожих в бурнусах и разве что краем глаза смотрел на немногих женщин – всегда в сопровождении мужчины и полностью закутанных. *Чадра*, припомнил он слово. Так называлось это чёрное одеяние, которое придавало женщине вид мифологической фигуры.

Даже на третий день своего пребывания в Саудовской Аравии Таггард ещё не освоился по-настоящему в новом офисе. Зато он быстро привык к восьмирядным городским автобанам, которые пересекали Эр-Рияд, сами нигде не пересекаясь, и к тому, что гигантские торговые центры были открыты круглые сутки. Однако то, что этот город посреди пустыни выглядел таким новеньким, будто был построен только в прошлом году, по-прежнему сбивало его с толку. В звенящее от зноя ясное небо возносились современные высотные дома из стали и стекла, невиданного великолепия мраморные здания расположились на просторных площадях, а большинство жилых кварталов выглядели так, будто там жили богатые люди.

Он постарел, наверное, дело в этом. После многих лет службы в ЦРУ умение быть незаметным и приспособливаться ко всему должно бы уже войти в плоть и кровь, однако чем старше он становился, тем труднее ему это давалось. С задачей двигаться ниже порога внимания он, скорее всего, ещё справится – чему научился, тому не разучишься, мастера

делает опыт и так далее, – однако с некоторого времени он стал чувствовать, что внутри него что-то сопротивляется вечной игре в прятки. И с каждым годом всё сильнее.

Хозяин встретил Майерса как постоянного клиента, одарил Таггарда, которого Майерс представил как своего нового коллегу, благожелательным кивком и провёл их к стоящему обособленно и потому спокойному столику. По-английски он говорил бегло, хоть и с сильным акцентом. Официально они считались сотрудниками «American Agrofood Trading Company» – компании, импортирующей сельхозпродукты из Северной и Южной Америки.

Майерс нервничал. Таггард внезапно заподозрил, что у его молодого коллеги могут быть проблемы с возрастом: всё-таки он на пятнадцать лет моложе своего подчинённого.

– Да, – признался Майерс в ответ на его вопрос. – Я знаю, что это глупо, но... мне как-то не по себе.

Таггард устремил взгляд в меню.

– Но вы же здесь профи. Я-то ведь даже не понимаю по-арабски. – Он приподнял меню. – И английский перевод тут мало помогает.

Майерс перегнулся через стол.

– Мечуи – жаренное на гриле мясо ягнёнка, очень вкусно. Шаурма – это мясо с вертела, которое они тут тоже отлично готовят...

– Я просто закажу то же, что и вы.

– В принципе вы можете заказать что угодно. Тут не ошибёшься.

– Побольше бы на земле таких мест, о которых можно было бы сказать то же самое.

В этот момент их внимание привлекли громкие голоса в глубине зала. В ресторан вошёл тучный мужчина лет пятидесяти в компании других мужчин, окружавших его, точно свита. Он вёл себя по-барски, что невольно настроило Таггарда против него.

– Кто это? Мафиозный босс? – тихо спросил он.

Майерс поперхнулся.

– Господь с вами! Это Саид Ибн Фарук Ибн Абдул-Азиз, саудовский принц.

– Никогда не слышал.

– Я бы сильно удивился, если б вы слышали. Их, этих принцев, двадцать тысяч.

Таггард недоверчиво взглянул на своего начальника.

– Двадцать тысяч принцев? Да вы шутите!

– Все мужские потомки Абдул-Азиза Ибн Сауда, основателя государства и первого короля, являются принцами. Они заполняют телефонную книгу Эр-Рияда целыми страницами, – мрачно объяснил Майерс. – Каждый из них находится на содержании государственной казны – и имеет полдюжины жён, с которыми производит на свет следующую порцию из сорока-пятидесяти принцев, ни на секунду не задумываясь о том, что будет с ними дальше.

Таггард тихонько присвистнул сквозь зубы.

– Интересно.

Двое из официантов принялись выпроваживать некоторых посетителей, явно для того, чтобы освободить лучшие столики для принца и его свиты. Посетители вроде бы возмущались, что оставило принца равнодушным; тем не менее требованию все подчинились.

Так вот как оно здесь заведено. Видимо, размышлял Таггард, владелец ресторана воспринимал присутствие здесь принца, несмотря на всю «инфляцию» королевской крови, как честь для себя. Посещение какой-нибудь кинозвезды, например, могло бы так украсить кафе в Нью-Йорке.

Майерс снова уставился в меню.

– Закажу-ка я себе ягнёнка, – решил он. – А перед этим, в качестве закуски, медзех и хумус, а ещё... хм-м... – Это наводило на мысль о том, что Майерс не особенно хочет видеть то, что творилось вокруг.

Они сделали заказ, и после этого Майерс вполголоса сказал:

– Я знаю, спрашивать не полагается... Но я не устаю удивляться, что делать в Саудовской Аравии человеку, который не говорит по-арабски.

– Играть роль офисного служащего, – ответил Таггард. – И до пенсии есть хлеб, полученный в качестве милостыни.

Официальное его задание гласило: писать отчеты о состоянии саудовского народного хозяйства.

– Честно признаться, я не так уж хорошо знаю компанию.

Таггард огляделся, оценивая вероятность того, что их разговор кто-то может слышать. Ещё десять лет назад он бы резко окоротил Майерса: вести служебные разговоры в публичном месте нельзя. Но сегодня он говорил себе: «А, плевать на это».

– Я перед этим был в отделе экономики.

– Да?

– Зарубежной экономики.

Наконец-то Майерс понял.

– Ах, вот оно что. Вот оно какое – оперативное задание...

– Да. Оно самое.

Принесли закуски, две большие тарелки с пикулями, паприкой, баклажанами, томатами, луком и густой светло-коричневой кашей. Приборов не дали, и Таггард делал всё, как Майерс: отламывал кусочки лепёшки и с их помощью отправлял в рот еду.

– Мне кажется, это очень приятно, – говорил Майерс, жуя. – Если, конечно, хорошо разбираешься в экономике. Никакого риска, что дело кончится кровью, не так ли?

– Раньше – да. Но в последнее время... Это было причиной, по которой я подал прошение на перевод. – Таггард кивнул на кашу, вид которой ни о чём не говорил, но вкус был отменный. – Что это?

– Хумус. Каша из нута, турецкого гороха.

– Если честно: арабы могли бы до блеска отполировать свой имидж, просто импортируя свою кухню. Это вкусно – необыкновенно.

Майерс улыбнулся – впервые с тех пор, как встретил Таггарда в аэропорту.

– Это самое большое преимущество для тех, у кого здесь постоянная дислокация.

– Правда, сразу хотелось бы выпить холодного пива.

– И тут мы переходим к самому большому изъяну здешней постоянной дислокации.

– Они тут действительно обходятся? Без алкоголя?

– Тюрьма, наказание палками на площади перед Большой мечетью и изгнание из страны, если вы прилюдно пьёте алкоголь.

– О'кей, – вздохнул Таггард и взял стакан с водой. За столом принца снова поднялся шум, официанты забежали, и вскоре после этого к своим выдающимся гостям вышел хозяин – с таким лицом, будто идёт на собственную казнь. Принц что-то ему сказал, сопровождая речь размашистыми жестами, и когда хозяин после этого кивнул и поклонился с мучительно искажённым лицом, принц извлёк на свет божий чековую книжку.

– Что происходит? – спросил Таггард.

Майерс вздохнул.

– Принц похвалил ресторан и заявил, что он его покупает. И теперь выписывает чек.

– Поправьте меня, если я заблуждаюсь, но мне показалось, что нынешний владелец не особенно счастлив от этой сделки.

– А с чего ему быть счастливым? Но он не может отказаться от этого предложения; принц бросил бы его в тюрьму за нанесённую обиду.

– Ему сделано предложение, от которого он не может отказаться? – Таггард поднял брови. – Где-то я это уже слышал.

Майерс уныло разглядывал свою тарелку.

– Принц платит столько, сколько он считает достаточным. После этого он либо попытается сам вести ресторан, либо перепродает его по многократно увеличенной цене. Как бы то ни было, это значит, что «Аль-Ишрин» скоро перестанет быть рестораном, который можно порекомендовать. – Он вздохнул. – Наслаждайтесь обедом, Таггард.

Таггард изумлённо помотал головой.

– Вы рассказываете об этом так, будто такие вещи здесь случаются сплошь и рядом.
– Так оно и есть.
– Но такими повадками королевская семья может разрушить весь средний слой в стране.
– Принцы страдают хроническим недостатком денег.
– Да что вы? Дом Сауда – богатейшее семейство мира.
– Несомненно. Но и одно из самых больших и избалованных. Личные самолёты, большие яхты и резиденции в лучших районах Лондона или Ниццы требуют больших расходов. Не говоря уже о таких хобби, как разведение соколов или конные скачки, а ещё о шампанском, икре и прочей роскоши.

Владелец ресторана взял чек и много раз поклонился – раз сто, как показалось Таггарду. Уходя, он был похож на человека, который сейчас запрётся в своём кабинете и пустит себе пулю в лоб.

– Этого он не сделает, – Майерс отрицательно покачал головой. – Коран запрещает самоубийство.

– За исключением тех случаев, когда ведёшь священную войну и прихватываешь с собой на тот свет нескольких неверных.

Майерс бросил на него взгляд, всего лишь беглый, но достаточно выразительный. «Он всё знает», – понял Таггард.

Прошлое 2001

В одиннадцать часов вечера второго понедельника сентября 2001 года в маленьком канадском местечке Франктаун четырёхлетняя Тереза Миллер упала с лестницы дома, в котором жила. Её родители в гостиной слышали заспанный голос с верхнего этажа, и мать Терезы как раз хотела встать, чтобы взглянуть на свою дочку, как вдруг из холла послышался ужасный грохот. Оба выбежали и увидели своего ребёнка у подножия лестницы без сознания. Позднее обнаружилось, что защитная решётка перил на верхней площадке не была как следует закреплена.

Машина «скорой помощи» добралась до городской больницы Оттавы в двадцать минут первого, после этого не прошло и десяти минут, как Терезу Миллер покатали в операционную. Там, несмотря на все усилия врачей, она и умерла в пять часов десять минут от тяжёлой черепно-мозговой травмы, полученной при падении.

Врач, которому пришлось сообщить это страшное известие ожидающим родителям, спросил их в заключение, согласны ли они, чтобы у их дочери взяли органы для трансплантации. Что есть длинный список детей, жизнь которых может спасти лишь пересадка сердца.

Многие родные умерших находят некоторое утешение в мысли, что смерть их близкого человека одновременно означает для кого-то другого шанс на жизнь, и на этом основании дают своё согласие. Родители же маленькой Терезы согласились прежде всего потому, что сама Катерина Миллер своим восстановленным зрением была обязана операции по пересадке роговицы, и поэтому чувствовала себя обязанной морально.

После того как оба поставили свои подписи на соответствующем документе, с трупа маленькой девочки были сняты все необходимые медицинские показания, которые затем были введены в североамериканскую сеть трансплантаций. Компьютер в считанные секунды подобрал для сердца Терезы Миллер в качестве оптимального реципиента девочку, которая с недавнего времени лежала в больнице Вашингтона с острой дилатативной кардиомиопатией.¹⁰ Её звали Алиса Таггард.

---

¹⁰ Дилатативная кардиомиопатия – заболевание сердечной мышцы, при котором сердце сильно увеличено, а желудочки качают кровь слабо.

В это утро телефон в квартире Линн и Чарльза Уокера Таггардов зазвонил рано. Они вскочили немедленно и на третьем гудке были уже у аппарата. С тех пор как сердечная болезнь их дочки обострилась и им оставалось только ждать – либо донорского сердца, либо смерти, – мать Алисы всё своё время проводила или в больнице, или за перепиской со страховщиками. Отец девочки, занятый в головной резиденции ЦРУ в Лэнгли делами, о которых никогда никому ничего не рассказывал, даже жене, едва мог сосредоточиться на своей работе и уклонялся от неё как только мог. У своих коллег он встречал понимание, что ошеломляло его, и непосредственный начальник не раз говорил ему, чтобы он не думал о работе, что он выговорит для него любые условия, какие понадобятся.

Когда в это утро Чарльз У. Таггард снял трубку, он только успел назвать своё имя, а затем забыл дышать. То была спасительная весть: они получили донорское сердце, сказал дежурный врач, совместимость тканей оптимальная, и орган уже в пути.

При пересадке самое главное – скорость. Сердце, если защитить его от инфекции и хорошо охладить, может существовать вне тела максимум восемь часов. В то время как врачи в Оттаве ещё эксплантировали орган из тела маленькой Терезы, в аэропорту уже разогревали турбины срочно зафрахтованного самолёта, и машина с опытным в таких делах водителем подъезжала ко входу в центр трансплантации. Вскоре после восьми утра два молодых врача, сопровождающих холодильный бокс, наполненный специальным соляным раствором, поднялись на борт десятиместного реактивного самолёта, который получил разрешение на срочный взлёт и поднялся в воздух в восемь тридцать.

К этому моменту родители маленькой Алисы Таггард давно уже были в клинике. Они прибыли туда как раз вовремя, чтобы успеть поцеловать свою дочку перед тем, как её повезут в операционный блок. После этого им оставалось только ждать.

Пока всё шло нормально. Но когда самолёт был уже на полпути между Оттавой и Вашингтоном, из управления полётами поступил приказ немедленно приземлиться в ближайшем аэропорту. Пилот ответил, что тут какая-то ошибка, он транспортирует живой орган. Но не успел он договорить, как над ним появился истребитель военно-воздушных сил, который взял процесс переговоров на себя, и никакие аргументы уже не действовали. Реактивный самолёт с двумя врачами и сердцем на борту был вынужден подчиниться и приземлился в аэропорту, предназначенном для сельскохозяйственной авиации.

Это было 11-е сентября. Террористы только что направили на башни Всемирного торгового центра два рейсовых самолёта.

В клинике воцарилось чувство парализующего ужаса. Включалось всё большее количество телевизоров. Работа была забыта, люди как загипнотизированные стояли перед телевизорами и ждали новых известий. На экране то и дело возникала одна и та же картина. Горящая башня. Удар второго самолёта. И, наконец, обвал.

В отделении трансплантации, однако, ни у кого не было времени смотреть телевизор. Маленькая Алиса Таггард уже лежала под наркозом. Разрезы, которые наметили хирурги, были прорисованы на её грудной клетке синим цветом.

В то время как бригада врачей ждала в операционном блоке, люди, отвечающие за операцию, пытались договориться по телефону с теми, до кого смогли дозвониться.

Время истекло. Наконец, около 11 часов было получено спецразрешение. Самолёт снова смог подняться в воздух. За час он должен был долететь до Вашингтона. Машина с синими мигалками уже выехала к аэродрому, а хирург вскрыл грудную клетку Алисы Таггард.

Чарльз У. Таггард держал руку своей жены, рассматривал картину на стене, изображавшую Воскресение Христа, и думал, не помолиться ли ему. Но всё же ему показалось неправильным вспоминать о Боге лишь в момент своей нужды, а в остальной жизни не потратить на это ни одной минуты, и он раздумал молиться.

Самолёту с сердцем Терезы Миллер оставалось лететь до Вашингтона всего двести миль. И тут вновь появились два истребителя, пилоты которых ничего не знали о

спецразрешении. Они оттеснили канадский самолёт, не вступая в дискуссии, и опять принудили его к посадке.

Когда стало ясно, что сердце уже не поступит своевременно, хирурги снова зашили грудную клетку Алисы Таггард. Если не считать того, что операция оказалась бессмысленной, она прошла без проблем. Тем не менее девочка не очнулась от наркоза, как было запланировано, а неделю лежала без сознания и в конце концов умерла 19 сентября 2001 года.

2002

Линн Таггард, после смерти своего единственного ребёнка вернувшись к прежней профессии маклера по недвижимости, в апреле следующего года попала в тяжёлую автокатастрофу. Однажды вечером, в половине десятого, возвращаясь с деловой встречи откуда-то из глубинки штата Вирджиния, она не вписалась в поворот, пробила ограждение и рухнула со своей машиной с десятиметровой высоты. Полицейский врач объяснил впоследствии, что она, должно быть, погибла мгновенно.

Выглядело это как трагический несчастный случай, тем более что это место всегда считалось аварийно опасным.

Но когда Чарльз У. Таггард в тот вечер явился домой, он нашёл квартиру непривычно прибранной. Каждый предмет одежды был выстиран и лежал в шкафу тщательно выглаженным. Холодильник был заполнен – и исключительно продуктами, которые он любил. Позднее он обнаружил, что его жена за неделю до несчастного случая отказалась от подписки на журналы и закрыла свой личный интернет-аккаунт на AOL.¹¹ Он так и не нашёл ни прощального письма, ни чего-либо в этом роде. Тем не менее ему было ясно, что Линн ушла из жизни добровольно.

2003

В январе следующего года Чарльз У. Таггард в процессе розысков, касавшихся, вообще-то, совсем другой темы, наткнулся на некую информацию, проходящую по разряду секретных и поразившую его как громом.

Дело в том, что после смерти Линн он с отчаянной энергией окунулся в работу, накапливая сверхурочные часы и проводя в Лэнгли все выходные. В квартире, которая некогда была семейным очагом, он пользовался теперь лишь кухней, ванной и гостиной, где и спал на диване. В свое время они не смогли расстаться с вещами дочери и раздать их; а теперь он не мог спать в их некогда общей спальне. Каждую неделю он собирался подыскать себе новую, меньшую квартиру, подальше отсюда, поближе к Лэнгли, взять туда с собой только самое необходимое, а всё остальное оставить барахольщикам, которые очищали чердаки от хлама. Но так и не сделал в этом направлении ни шага, хотя для этого ему нужно было лишь позвонить на прежнюю фирму Линн.

И вот он стоял в одном из бесчисленных архивов ЦРУ и держал в руках папку, из которой явствовало следующее: в дни после 11 сентября всё коммерческое и гражданское авиасообщение над США было полностью прекращено. Указание FAA,¹² которое было передано во все аэропорты уже через несколько минут после ударов террористов, гласило, что все самолёты над территорией США должны немедленно приземлиться в ближайшем аэропорту и ни один самолёт не может больше взлететь. Предусмотренные исключения: никаких. Дошло до того, что бывший президент США Билл Клинтон, который в это время находился в Австралии, не мог вернуться домой, поскольку все без исключения полёты в

---

¹¹ AOL – интернет-провайдер.

¹² FAA – Федеральная авиационная администрация.

США были запрещены. Бывший вице-президент Ал Гор по той же причине застрял на несколько дней в Австрии. Важные игры в бейсбол пришлось отменить. Сокращение воздушного сообщения было настолько радикальным, что климатологи зафиксировали отчётливые изменения погодных условий.

Но одно исключение всё же было.

В аэропорту Блю Грасс в Лексингтоне один «Боинг-747» получил разрешение на взлёт. На борту самолёта, следующего в Аравию, находились саудовские граждане высокого ранга: члены семьи Сауд, то есть королевского дома, и члены семьи Усамы бен-Ладена.

Разрешение на взлёт не было отмечено в официальных данных FAA, а лишь в документах порта. И там значилось только, что оно пришло *из высших инстанций*.

Таггард не мог поверить своим глазам. Он оцепенел, перечитывая снова и снова. Всё как нарочно! Семнадцать из девятнадцати террористов, совершивших на четырёх угнанных самолётах крупнейшую в истории террористическую атаку, были саудовскими гражданами – и тем не менее, в то время как всем остальным пришлось оставаться на земле, саудовцам было разрешено покинуть страну! Более того, уже тогда можно было предположить, что организация этого злодеяния исходила от Усамы бен-Ладена, которого внутри ЦРУ сокращённо называли УБЛ, – однако, вместо того чтобы допросить или хотя бы расспросить, их беспрепятственно выпустили из страны!

И это в то время как самолёт с сердцем, предназначенным для его маленькой дочери, не мог продолжить свой путь.

И Чарльз У. Таггард начал интересоваться Саудовской Аравией.

Настоящее

В первые дни к Маркусу в палату приходил физиолог, осторожно его массировал, двигал его руки и ноги во всевозможных направлениях и повторял:

– Терпимо?

При этом всё было не только терпимо, но даже хорошо; он воспринимал эту гимнастику как приятное разнообразие.

Но вскоре ему объявили, что настало время принимать участие в общей гимнастике для больных, внизу, в реабилитационном зале. Правда, его возил туда в кресле – по стеклянным коридорам с видом на лесистые окрестности – прыщавый альтернативщик.

Неделю спустя и это кончилось, и Маркусу пришлось проделывать этот путь своими ногами. Это было труднее, чем сама гимнастика, и удавалось лишь благодаря палке, которая с самого начала стояла у его кровати – для походов в туалет или на чайную кухню.

В первый день после этого похода он находился в таком нокауте, что проспал до самого вечера.

На второй день он тоже был измучен, однако смог пару часов смотреть телевизор.

На третий день, когда он вернулся в палату, его ждала высокая, стройная женщина в тёмно-красном пальто. Она стояла у окна и, когда он вошёл, медленно повернулась к нему, плотно сжав губы. Её взгляд казался тревожным; волнение, исходившее от неё, ощущалось почти физически.

– Привет, – сказала она.

Маркус проковылял к своей кровати, отставил костыль и опустился на матрац.

– Привет, Доротея! – хрипло сказал он. – Рад тебя видеть.

Глава 7

Несколькими неделями раньше

Дверь в магазин была заперта. Доротея невольно глянула на часы. Половина одиннадцатого. И обычный будний день, понедельник.

Да, и снаружи не стояла витрина с овощами. Стенд с газетами тоже. Закрыто? Но почему?

Она ещё раз нажала на ручку. Дверь не поддалась. Когда-то, в другом столетии, она была выкрашена в синий цвет; за это время краска облупилась. Доротея попыталась заглянуть внутрь сквозь стеклянные матовые стёкла. Вроде бы внутри горит свет?

Она заметила какое-то движение, потом дверь открыли. Мужчина за пятьдесят, с отвислыми щеками и порослью в носу, стоял в проёме.

– Вы сегодня первая, – сказал он ворчливо под дребезжанье древнего дверного колокольчика. – В половине одиннадцатого. Вы только посмотрите.

– Не поняла, – растерянно сказала Доротея.

– Вы первая, кому понадобился магазин. – Он повернулся, взял с кассового столика кусок картона. В глубине магазина стояли коробки, с полок было всё наполовину убрано. – Я написал объявление да забыл его повесить. Только сейчас заметил.

– Что за объявление?

– Что магазин закрывается. – Он коротко глянул на неё. – В субботу умерла моя мать.

– О! Мне очень жаль. – Доротея сама не ожидала, что примет известие с такой болью. Ведь она только подружилась со старой женщиной, и вот...

– Да что уж там жалеть. Ей было восемьдесят три. И она умерла именно так, как всегда хотела: во время работы. Успела даже всю бухгалтерию свести. Сделала отчёт за месяц, прилегла на софу – и всё.

Это звучало не особенно печально, скорее досадливо.

– Да. Понимаю. – Доротея не знала, что сказать. – А что будет э-э... с магазином?

Мужчина покачал головой.

– Он ведь ничего не приносил. Жила она на свою пенсию. Разрешите? – Он закрепил табличку, на которой было написано: «В связи со смертью хозяйки магазин закрыт на неопределённый срок». Потом отвернулся, не прощаясь, и снова закрыл дверь.

Доротея стояла снаружи и слышала, как он там орудует. Судя по звуку, ему всё это было безразлично, да даже и противно.

Она повернулась, посмотрела через деревенскую площадь, ощущая волнение, будто этот момент выбивался из обычного хода времени. Вот контора управления, где работал местный начальник, и то лишь два раза в неделю. Трактир «У кружки» – серая, пришедшая в упадок нора. Здание рядом было когда-то магазином, возможно, модным, судя по пустой витрине за пыльным стеклом. Церковь имела такой ветхий вид, что Доротея не решилась бы в неё войти.

И что это за деревня? Вся такая... мёртвая. Как пыльный чулан, полный старых, забытых вещей. Это было не пространство для жизни, а какая-то свалка жилых домов.

Исполненная странной печали, которая относилась не только к старой госпоже Бирнбауэр, но и к состоянию мира в целом, Доротея вернулась домой словно в транс. Она беспомощно стояла перед раскрытым холодильником, раздумывая, что бы приготовить на обед. В деревне больше нет ни одного магазина. Нет, ради шести яиц она за тридцать километров не поедет. Придётся искать какой-то выход.

Ну, может, кто-то другой возьмёт на себя магазин? Какая-нибудь из больших сетей. Это, конечно, будет уже не так романтично, но всё же лучше, чем ничего.

А тут ещё и телефон звонит. Не удаётся спокойно подумать!

– Утц, – назвала Доротея свою фамилию.

Незнакомый мужской голос. По-немецки говорит отрывисто, с акцентом.

– Алло! Это говорит... – и он назвал имя, которое Доротея не расслышала. – Ахим дома?

Ошибся номером, ясно.

– Здесь нет Ахима.

– О! Разве я попал не в дом Ахима Анштэттера?

Теперь Доротея поняла.

– Ах да... Это был прежний владелец дома. Семья Анштэттер здесь больше не живёт.

Возникла долгая пауза.

– Я понял, – сказал наконец мужчина. – Он продал вам дом.

– Да.

– Быстро же он среагировал.

Моментально в ней очнулось подозрение, словно зверь, подстерегающий в темноте. Она-то считала, что с ним покончено. По спине пробежал холодок.

– Простите? Что вы имеете в виду?

На это он не ответил.

– Не могли бы вы ему передать кое-что?

– Что значит «быстро среагировал»? – настаивала на своем Доротея. – Что кроется за этим домом?

– Ничего. Я оговорился. Немецкий – не родной мне язык; я его владею с большими пробелами. – Глубокий вдох. – Пожалуйста, передайте господину Анштэттеру вот что...

Доротея металась по кухне, как тигрица, рассказывая Вернеру про этот звонок.

– Он не захотел сказать мне, что имел в виду. Он просто открестился, что вообще сказал это. Но я же не сумасшедшая; я это точно слышала. «Быстро же он среагировал». Именно так он сказал.

– Это совсем не обязательно должно что-то значить. Может, и в самом деле оговорка. Когда я в офисе говорю по телефону по-английски, у меня тоже случаются такие ошибки. Иной раз просто стыдно.

– А если нет? Если тут действительно что-то нечисто? Если дом... отравлен или что-то в этом роде?

Вернер вымученно улыбнулся.

– Мы обыскали каждый закуток. Всё было как надо.

– А если есть что-то такое, чего не видно? Ртуть, например. Может, где-то тут разлили ртуть, и мы уже несколько месяцев вдыхаем её пары? Ты можешь быть уверенным, что всё в порядке?

– Нет. Но если хочешь, давай вызовем специалиста, ну, я не знаю, из института химических исследований, или вредных веществ в жилых помещениях, или что-нибудь в этом роде. – Вернер разминал ладони. – Что он передал тебе для Анштэттера?

Доротея пренебрежительно махнула рукой.

– А, я толком и не поняла. Что кто-то на последнем издыхании. Не то Рамар, не то Рабар, не знаю, кого он имел в виду. Да мне это и безразлично. У меня сейчас такое чувство, что весь мир на последнем издыхании.

В этот момент снова зазвонил телефон. Оба оцепенели.

Звонок повторился.

– Подойди ты, – Доротея невольно перешла на шёпот.

Вернер встал.

– Ладно, подойду. – Он прошел в холл и снял трубку. – Утц. Да. – Некоторое время он молча слушал, потом сказал только: – О. Понял. Да, всё ясно. А ты?.. Хорошо. Я ей скажу. Пока.

Он вернулся назад с таким серьёзным лицом, что у Доротеи перехватило дыхание.

– Это был Фридер. Он... – Вернер сглотнул. – Твой брат Маркус в Америке попал в автокатастрофу. Фридер сказал, что он лежит в тяжёлом состоянии в больнице, и состояние его критическое.

Дахран расположен у Персидского залива, в пятнадцати километрах к югу от Даммана, важнейшего контейнерного порта королевства, и всего лишь в трёх километрах от Эль-Кобара, самого популярного городка на побережье Персидского залива. В Дахране находится головная резиденция саудовской компании «ARAMCO», самой крупной нефтяной компании в мире. Вместе с тем Дахран – город, который не сравнишь ни с каким другим в Саудовской Аравии. Тут же расположен Университет нефти и минералов им. Короля Фахда, в

котором учится больше десяти тысяч студентов – исключительно мужского пола. Преподают там, за исключением предметов, касающихся ислама, главным образом иностранные профессора, причём на английском языке. Несмотря на то, что здесь, в известной мере, бьётся сердце саудовской нефтяной индустрии, в Дахране человеку может показаться, что он находится в американском городке.

Вся территория города обнесена ограждением, на въездах работает строжайший паспортный контроль. Дахран закреплён за иностранными служащими компании «ARAMCO» и их семьями, выходцами США, а кроме того, из Европы и Канады. Улицы здесь широкие, находятся они в отличном состоянии и обсажены деревьями, дома сооружены из камня и окружены зелёными газонами. Всё устроено на широкую ногу, ибо масштабы здесь не играют роли – ещё пятьдесят лет назад тут была пустыня. Городок на двенадцать тысяч жителей снабжён площадкой для гольфа на 27 лунок, бассейном, теннисными кортами и площадками для сквоша, школами и современными магазинами. Любой вид телекоммуникации – от телефона до доступа в Интернет – бесплатно. Безопасность здесь полная: хоть в Саудовской Аравии и тренируют террористов, готовя их к нападению на жителей Запада, но в Дахране ещё не произошло ни одного такого случая.

Но самое главное: в Дахране не действуют строгие законы Саудовской Аравии. Дахран подлежит собственной юрисдикции, имеет собственную полицию, пожарную команду и службу здравоохранения, и все эти службы финансируются «ARAMCO». Так, жители Дахрана могут употреблять алкоголь, а женщинам не предписываются нормы одежды. По городу они могут разъезжать даже на автомобилях.

«Такая свобода может способствовать легкомыслию», – думал мужчина. Он только что провёл бесплодный телефонный разговор, некоторое время размышлял, что ему делать дальше, в конце концов поднялся и направился в туалет. При этом взгляд его упал на окно, и он увидел, что к дому идут мужчины.

То были саудовцы. Двое из них были вооружены, все в униформах службы безопасности.

Почему-то человек испытывал тревогу.

Поскольку ему всё равно не оставалось ничего другого – из ограждённого Дахрана никуда не убежишь, – он пошёл к двери и открыл её, прежде чем они позвонили.

Они оглядели его с неподвижными лицами. Один из них спросил его имя и протянул руку.

– Ваш паспорт.

Мужчина достал паспорт, вручил спрашивающему и смотрел, как листают документ.

– Вы с Кипра? – спросил тот, что держал в руках паспорт.

– Да.

– А сегодня вы были в Абкуайке?

– Да. Я там работаю.

– Вы были в группе, которая сопровождала инспекцию министерства нефти?

– Да.

– Вас предупредили, что на всё, что вы при этом увидели и узнали, распространяется обязательство о неразглашении?

Он нервно сглотнул.

– Да.

Рука, которая держала его паспорт, начала постукивать им по костяшкам пальцев другой руки; мелкие, нервирующие звуки.

– С кем вы недавно говорили по телефону?

Они это знали! Откуда? Он использовал свой мобильный телефон, а ведь это всегда значило...

– Я хотел позвонить своему другу. Но его не оказалось на месте.

– В Германии?

– Да.

Мужчины переглянулись. Один из них, до сих пор молчавший, сказал:

– Пройдёмте.

После нескольких дней пугающей неизвестности всё же стало ясно, что Маркус выживет. Более того, врачи заявили, что скоро он станет транспортабельным, тогда Фридер организовал его перевозку в Германию и устроил в подходящую клинику.

Когда Доротея впервые навестила там Маркуса, он лежал в искусственной коме, в которой ему, по словам врачей, придётся находиться ещё некоторое время, – Фридер отвёл её в сторонку и объяснил, что это чудо, что Маркуса вообще удалось вывезти из страны, поскольку против него выдвинуто много тяжких обвинений. Он даже объяснил, о чём идёт речь, но она пропустила его слова мимо ушей. Вид её тяжело покалеченного брата, все эти шрамы и аппараты... Это было слишком.

Настоящее

– Мне пора было уходить. Ты выглядел так... жутко. Я еле заставляла себя поднять на тебя глаза. Все эти повязки, трубки... – Доротея подвинула стул к кровати и села. – Я так рада, что теперь тебе уже лучше.

Маркус криво улыбнулся – движение, которое по-прежнему отдавалось болью в шраме. Он потрогал лицо.

– Да, – сказал он. – Приз за красоту мне уже не выиграть.

Она оглядела его.

– Разве ничего нельзя сделать? Со шрамом, я имею в виду.

– Можно. Они хотят его ещё раз прооперировать. Послезавтра, я думаю. Но полностью он уже никогда не исчезнет, это ясно. Вечное напоминание.

Доротея задумчиво кивнула, потом пожала плечами.

– Мужчин это даже украшает. Не обезображивает, а наоборот, делает интересными.

Маркус чувствовал, как на него наваливается усталость. Нагрузка в гимнастическом зале, обратный путь и разморившее его в палате тепло...

– Брат рассказал мне о вашем новом доме. Говорит, что это просто мечта. С бассейном, видом и так далее.

Глаза её засияли.

– О да, ты непременно должен к нам приехать, как только выйдешь отсюда. Это правда чудесно. – Она осеклась и потом поправилась: – Конечно, не всё; есть и отрицательные стороны, как у всего в жизни. Вернеру приходится каждый день очень далеко ездить на работу, а ты ведь знаешь, он не любит рано вставать. И это значит, что вечером он приезжает поздно. И дом не продуман в смысле отопления: высокие потолки, много смежных помещений без дверей, которые можно закрыть, и так далее...

Маркуса окутало тёплое доверительное чувство. Это было связано со звучанием её голоса. Он невольно вспомнил, как они были ещё детьми и спали в одной комнате; только Фридер как старший уже имел свою отдельную комнату. Тогда по вечерам они всегда перед сном разговаривали.

– Судя по тому, что ты рассказываешь, дом довольно старой постройки, – сказал Маркус, стараясь не выказывать усталости. – В наши дни так уже не строят.

– Да, построен он лет сто назад. Правда, от первоначального вида остался лишь подвал. Сегодня там бы уже и разрешение на строительство не дали. – Она разговорилась, рассказала о старой женщине и деревенском магазине, о том, что вся деревня какая-то безжизненная и не с кем словом перемолвиться, а хозяйка магазина умерла, но успела многое поведать ей об истории дома. Маркус не всё понимал, но это было не так уж и важно.

– Понимаю, – вставлял он время от времени. Он не хотел ей говорить, что устал. Но и засыпать тоже не хотелось.

– Как видно, магазин больше работать не будет. Наследников он не интересуется, крупные

торговые сети – тоже. От них уже приезжали эксперты, но все в один голос заявили, что деревня магазин не потянет.

– Откуда ты всё это знаешь, если не знакома ни с кем из деревни?

Она смущённо засмеялась.

– Я пошла к местному начальнику и спросила. Знаешь, люди вообще-то приветливы, к ним надо только подойти... – Она разглядывала свои ладони, потом снова подняла глаза. – Я уже раздумывала об этом... Всего лишь сумасшедшая идея, но... что, если *мне* взять этот магазин? Хотя бы на полдня. Например, с утра, пока Юлиан в школе.

– И у тебя будет то же самое, что у этой старой женщины. Люди будут заходить, только чтобы купить пачку сливочного масла или лимон.

– Для меня важнее принять какое-то участие в жизни деревни. Кроме того, от местных крестьян я могла бы получать экологически чистые фрукты и овощи напрямую, минуя окольные пути, и недорого.

– В наши дни всё это есть и в супермаркетах. Люди хотят покупать всё в один заход. Большой закупочный день раз в неделю. Ты ведь тоже так делаешь.

– Но мы могли бы сэкономить на налогах, ведь так?

– Пока ты ничего не зарабатываешь – да. Но что вам даст это в целом, не знаю. Ты должна всё просчитать. – Он не смог подавить зевок, который одолел его посреди фразы и скомкал все слова во рту.

– Ты устал. – Доротея поднялась, что он воспринял с сожалением, но и с радостью. – Тем более что мне и самой пора ехать обратно. Это ведь далеко, ты знаешь, иначе я бы приезжала чаще.

– Ничего, ничего, – у Маркуса было лишь смутное представление о том, где вообще находится клиника. Где-то близ Франкфурта, насколько он смог понять из весьма схематичной карты, найденной в одном из проспектов. В этом проспекте речь шла главным образом о муковисцидозе,¹³ для лечения которого здесь был разработан уникальный курс, якобы известный на весь мир. Странно уже то, как Фридер додумался поместить его именно сюда.

– Может, в следующий раз тебе что-нибудь привезти?

– Нет, у меня всё есть. Спасибо. – У него мелькнула мысль, ещё раз вырвав его из усталой сонливости. – Вернее, да, привезти.

– Что, говори.

Маркус завёл ладони на затылок и стал его массировать, тем временем раздумывая, как бы это лучше объяснить.

– Это довольно сложно. Но очень важно, чтобы ты сделала это совершенно определённым способом.

Глава 8

Прошлое

Никто из коллег в ЦРУ не знал, что Чарльз У. Таггард очень хорошо говорит по-арабски. Майерс тоже не догадывался об этом. Казалось бы, чего легче – закончить курсы в самом ЦРУ. Только и нужно, что кликнуть мышкой, и одно это принесло бы ему благоволение организации, которая имела фактически неутолимую потребность в сотрудниках, знающих иностранные языки. Тем более что языковые курсы ЦРУ считались лучшими. Там были выдающиеся преподаватели, применялись новейшие методы психологии обучения и самая современная техника.

Вместо этого Таггард однажды, словно ведомый высшими силами, в одном торговом

---

¹³ Муковисцидоз – наследственное заболевание желёз внутренней секреции.

центре подошёл порыться в коробке, заваленной дешёвыми компьютерными языковыми курсами. Спецпредложение, десять долларов за штуку, включая наушники. Там были почти сплошь курсы испанского языка, но попадались и коробки другого цвета. Когда в руки Таггарда попал курс арабского, он почему-то, ни минуты не раздумывая, взял эту коробку и направился к кассе.

После этого он перестал бессмысленно коротать на работе сверхурочные часы. Он уходил вместе со всеми и проводил дома долгие одинокие вечера, зубрил арабский.

Он много раз был близок к тому, чтобы бросить. Его мозги как будто заржавели. Это было ужасно. Когда-то он считал себя способным к языкам, но обучаемость, кажется, утратил.

И вдруг начался прогресс. Зелёная кривая на мониторе сделала ободряющий скачок вверх. Чарльз У. Таггард начал робко привыкать к мысли, что его мозг всё ещё функционирует.

Станным образом интеллектуальные усилия настолько развеяли его скорбь, что жизнь опять пришла в движение. Сменить жильё вдруг перестало быть такой уж проблемой. Он переехал в предместье Вашингтона, оказавшись по воле случая в доме по соседству с врачом-арабом. Они сдружились. Хамид Аль-Шамри был родом из Эр-Рияда, где до сих пор жила его семья, и был в восторге, когда узнал об учёбе Таггарда. Забавлялся, исправляя ужасные ошибки в произношении, и много давал ему в бытовом, повседневном арабском.

На его примере Таггард узнал, как нормальный мусульманин исповедует свою веру: спокойно и естественно, не поднимая шума и не воображая, что он является правой рукой Аллаха в битве со злом. Смотреть на это было... ну, почти завидно. Под влиянием Хамида Таггард через некоторое время взял с полки свою Библию и перечитал некоторые места, которые помнил ещё с детства. И так получилось, что, проезжая мимо церкви, он остановился, чтобы отметить для себя расписание богослужений.

В конце концов, впервые после долгого перерыва он снова исповедался и причастился. Потом стал ходить и на лекции, которые читались в зале приходской общины.

Среди них была одна, которая его особенно увлекла. Это побудило его к тому, чтобы привести в порядок свои дела, незаметно принять надлежащие меры и, в конце концов, обратиться к своему начальнику с просьбой направить его в Саудовскую Аравию.

Джим Риджио, широкоплечий мужчина с золотисто-коричневой кожей, оглядел его.

– В Саудовскую Аравию? – переспросил он, вместо того, чтобы задать вопрос, который был написан у него на лице: *Какого чёрта вам там надо, Чарльз?*

Но как раз этого Чарльз У. Таггард и сам не знал. В принципе он и хотел в Саудовскую Аравию, чтобы найти ответ на этот вопрос.

И вот он здесь. Его считали человеком, который умеет лишь читать цифры да отчеты других. Его официальная должность – аналитик места пребывания, его задача – выносить суждения об экономическом развитии страны. Неофициально он – человек, которому после тяжёлого удара судьбы хотели дать возможность на годик отвлечься и обрести свою прежнюю форму. Его отчёты будут погребены на жёстких дисках в Лэнгли: их классифицируют так, чтобы никакой поисковый запрос никогда не обнаружил их. Это был оплаченный отпуск под жарким солнцем, и если он возьмётся за дело засучив рукава, вместо того чтобы пустить его на самотёк, прохладяясь в бассейне отеля, то пусть пеняет на себя.

Таггард получил маленький кабинет в штаб-квартире ЦРУ в Эр-Рияде, но уже по тому, как его вводили в дело, объясняя лишь самое необходимое, становилось ясно – никто и не рассчитывает на то, что он будет проводить здесь много времени. Да и работы было немного. Штаб-квартира ЦРУ в Эр-Рияде не была ключевым звеном в цепи, а работа не предполагала ничего из того, что публика представляет себе, говоря о спецслужбах. Саудовская Аравия была союзником Соединённых Штатов, между ними интенсивно развивалось военное сотрудничество, и саудовский министр иностранных дел регулярно проводил выходные на ранчо американского президента. Всё саудовское правительство состояло из членов одной семьи.

ЦРУ получило задание собирать информацию о радикальных группах среди населения страны, прежде всего – о «Мусульманском братстве» и о сети исламистских воителей Аллаха, пресловутой «Аль-Каиде». Фирма-прикрытие действительно импортировала кое-какие продукты, чтобы у агентов был повод ездить на склады аэропорта или в морской порт Даммам, где можно было, не привлекая внимания, встретиться с местными информаторами.

Без сомнения, соответствующие сведения передавались и в саудовское правительство, но это было уже вне компетенции агентов. От последних, правда, не оставалось в тайне, что саудовские силы безопасности, напротив, все данные ревниво держали при себе.¹⁴ Или, как это формулировал Майерс: «Если кто-то задумает взорвать королевский дворец, нас это не касается. Лишь бы мы не оказались там не вовремя».

Первое, что Таггард сделал в Эр-Рияде на свой страх и риск, было исполнение одного обещания.

Изучив путеводители и карты, которые были в его распоряжении в штаб-квартире, он взял такси и поехал к Национальному музею. Он прошёл через дворец Мураббе из красного кирпича, до 1953 года служивший резиденцией правительства первого короля Абдул-Азиза Ибн Сауда, в тень деревьев, на удивление многочисленных и старых, сквозь зелёные насаждения парка Аль-Фонтах до его южного выхода и сел там в другое такси, назвав конечную цель: городской район Аль-Насирия.

– А там куда? – спросил водитель, молодой индус.

– Потом подскажу, – ответил Таггард.

Он направлял шофёра то по одной, то по другой улице, просил говорить их названия, пока не добился ощущения, что знает, где находится. На очередном оживлённом углу вышел и дальше отправился пешком.

Это оказалось проще, чем он думал, – с помощью расспросов добраться до дома Мусахеда Аль-Шамри, отца Хамида. Но вот чего Таггард никак не мог ожидать – это того, что мужчина, возникший на пороге дома, недоверчиво оглядывая его, был ему знаком!

Это был владелец ресторана «Аль-Ишрин». Вернее, бывший владелец.

– Что вам угодно? – неприветливо спросил он. Но потом тоже узнал Таггарда: – А, вы ведь недавно были... были в...

– В вашем ресторане, – подсказал Таггард.

Мужчина презрительно фыркнул.

– Я его продал.

Поскольку вид у него был такой, словно он вот-вот захлопнет дверь, Таггард быстро продолжил:

– Я пришел, чтобы передать вам привет от вашего сына Хамида из Вашингтона и письмо от него. – Он достал из кармана конверт и протянул мужчине.

– Хамид? – Аль-Шамри схватил письмо так, будто боялся, что бумага окажется миражом. Он шупал его, вертел в руках и был очевидно потрясен, узнав почерк. Потом широко распахнул дверь. – Входите, пожалуйста. Будьте моим гостем.

Он крикнул что-то в глубину дома – Таггард не понял слов, – и две женские фигуры, словно тени, метнулись прочь.

– Откуда вы знаете Хамида? – спросил Аль-Шамри, проводя Таггарда в полутемную, скупо обставленную гостиную, в которой потрескивал, остывая, телевизор.

– Он мой сосед, – объяснил Таггард и сел.

Хамид не знал, что Чарльз работает в ЦРУ. Таггард рассказывал ему, что работает в международном продовольственном концерне и что заграничный филиал – это единственная возможность хоть какого-то карьерного продвижения в его возрасте. Если его сосед и учитель и сомневался в этой истории, то виду не подавал.

Хамид, со своей стороны, подробно объяснял ему, почему ему приходится избегать

---

¹⁴ Хотя мотивов такого поведения в ЦРУ никто не понимал.

контактов со своей семьёй: саудовская религиозная полиция нашла у него когда-то книгу сирийского исламского теолога Мухаммада Шахрура, все сочинения которого были запрещены в Саудовской Аравии. К счастью, его предупредили, и он смог благодаря цепочке благоприятных обстоятельств вовремя бежать из страны.

– Наказание плетью – поверьте мне, не сахар, – сказал он тогда.

– Что же такого говорит этот теолог, что его книги запрещены? – расспрашивал его Таггард.

– Шахрур? Он говорит богохульные вещи, утверждает, что в Коране речь идёт якобы о свободе. Получается нечто в высшей степени неприемлемое: например, что демократия и ислам совместимы. Но в первую очередь он указывает исламским священнослужителям, что они пока служат лишь правителям, а не людям. – На лице его отразилось ожесточение, какого прежде Таггард за ним не замечал. – Наша культура, какова она на сегодняшний день, зиждется на подавлении жизни и свободы. Единственное, чему нас учат, – это как мы должны умереть. – Он ударил себя в грудь. – А я люблю жизнь, дарованную мне Аллахом через моих родителей. Что же, поэтому я плохой мусульманин? Можно обвинить меня в этом? А у нас на каждом углу стоит мулла, который проповедует именно это.

Отец Хамида рассказал Таггарду эту же историю, только более подробно. Так Чарльз узнал, что ведущую роль в спасении Хамида сыграла одна sms-ка, а также то обстоятельство, что брат Хамида Вадид работал в «ARAMCO» и знал в отделе командировок человека, оформившего ему авиабилет, который подвергся не столь жёсткому контролю.

В гостиную вошла жена Аль-Шамри, закутанная по самые глаза, и сервировала чайный стол. Затем она шепнула мужу, чтоб он спросил гостя, как у Хамида дела.

– Джайжид, – сказал Таггард. – Хорошо.

Оба были поражены, что он говорит по-арабски, и ещё более удивились, когда он сказал, что учился у Хамида. Женщина тихонько всхлипнула; оба, извинившись, вышли в холл, чтобы вместе почитать письмо сына. Они прочли его несколько раз, шёпотом указывая друг другу на отдельные места. Наконец мать Хамида исчезла с письмом в глубине дома, а Аль-Шамри вернулся в гостиную и спросил:

– Как мне вас отблагодарить?

– Вам не надо меня благодарить, – ответил Таггард. – Хамид – мой хороший друг. Я сделал это с удовольствием. – У него было чувство, что пора уходить. – Если вы тоже захотите написать ему письмо, то я зайду к вам еще раз, чтоб забрать его, – добавил он.

Аль-Шамри растроганно кивнул, схватил руку Таггарда и долго тряс её. Глаза его наполнились слезами.

– Мы вынуждены были отречься от него, – прошептал он, с трудом подбирая английские слова. – Нам пришлось, но не получается. Так нельзя. Нельзя отречься от собственного сына!

Момент молчания затянулся и стал совершенно невыносимым. Старик, казалось, всё никак не хотел выпускать его руку.

Таггард кашлянул.

– Мне жаль, что вы лишились ресторана.

Аль-Шамри отпустил его руку и откинулся назад.

– Уже второй раз. – Он пренебрежительно отмахнулся. – И последний. В этой стране не имеет смысла стараться. Я подыщу себе спокойную работу, где-нибудь в администрации. Одну из тех, где работать нужно только один час в день. – Он сжал кулак. – Они сами этого хотят. Так что пусть кормят меня.

– Мне бы хотелось вам чем-то помочь, – сказал Таггард.

Аль-Шамри мрачно взглянул на него.

– Вы американец. Вы помогаете *им*.

Далёкое прошлое Февраль 1945

В начале февраля 1945 года союзнические войска уже стояли у границ «Третьего Рейха». Красная Армия готовилась к большому наступлению на Силезию, Восточную Пруссию и Берлин. Последнее, декабрьское наступление немцев в Арденнах было разбито за несколько дней. Конец войны в Европе был лишь вопросом времени.

На фоне этих событий Франклин Делано Рузвельт, Уинстон Черчилль и Сталин встретились в Ливадии близ Ялты, на Южном берегу Крыма. Встретились для того, чтобы определить, как будет устроен мир после войны. В первую очередь говорили о Германии: сошлись на том, чтобы разделить её на зоны оккупации, и Сталин предложил линию по Одере и Нейссе в качестве новой западной границы Польши. Но и остальной мир подавал тему для обсуждения: так союзники пришли к соглашению относительно того, чтобы основать международную миротворческую организацию, впоследствии ООН, создать собственный Совет Безопасности и предоставить в нём крупным державам право вето.

Историки рассматривают Ялтинскую конференцию как точку отсчёта, когда стрелки были переведены на послевоенное время. Но всего три дня спустя после этого состоялась еще одна встреча, которая известна куда меньше, но которая тоже серьёзно сказалась на будущем.

Когда Рузвельт, единственный в истории США президент, отработавший на этом посту четыре срока, покидал Ялту, он делал это с целью, о которой его партнеры-союзники даже не догадывались. Он тайно полетел в Египет и поднялся там на борт военного корабля «USS Quinсу», который взял курс к Большому Горькому озеру на Суэцком канале. Там американский президент встретился с египетским королём Фаруком I, а на следующий день – с эфиопским императором Хайле Селассие. Четырнадцатого февраля на борт прибыл наконец и арабийский король Ибн Сауд.

Рослый, с гордой осанкой, мужчина даже и в преклонные годы оставался воином до последнего дюйма. Полное его имя было Абд аль-Азиз Ибн Абд ар-Рахман Ибн Сауд. Руководствуясь ваххабистским учением «чистого ислама» и претендуя на легитимное наследование прежнему владыке, он в 1902 году отбил Эр-Рияд у Рашидитов, нелюбимых в народе наместников Османской империи. Закрепив свою позицию в Неджиде, он покорил в 1922 году эмират Хайл, в 1925 году завоевал священный город Мекку и королевство Хиджас, а уже в 1927 году аннексировал эмират Асир. В конце концов, в 1932 году он объединил все эти области в королевство Саудовская Аравия, владыкой которого и стал с тех пор.

К его приезду команда «USS Quinсу» натянула в носовой части корабля большой шатёр из парусины. В шатре стояли два кресла для короля и для американского президента, вокруг лежали многочисленные ковры и подушки для свиты. Корабельная кухня по мусульманскому ритуалу забила барана, чтобы угостить всех изысканными блюдами.

И вот два старых больных человека сидят друг против друга. Рузвельт уже много лет был прикован к инвалидному креслу из-за перенесенного в детстве полиомиелита; никто тогда не мог предположить, что он после Ялты не проживёт и двух месяцев. Ибн Сауд ещё с военных времён страдал от старого ранения в ногу, которое с годами давало о себе знать всё сильнее; на борт «USS Quinсу» его пришлось заносить. Возможно, это и было причиной того, что все участвовавшие во встрече переводчики были впоследствии единодушны в своём впечатлении: эти старые мужчины, во всём прочем столь не похожие друг на друга, прямо-таки сдружились в ходе многочасового разговора.

При том что встреча началась с недоразумения. Рузвельт открыл переговоры горячей речью о том, как технический прогресс приведёт к расцвету пустыни Саудовской Аравии. Король улыбнулся и перебил Рузвельта, объяснив, что вопросами водоснабжения не интересуется, что любит пустыни, что он бедуин; и хотя в мысли сделать плодородными необжитые районы есть что-то рациональное, в мире всё же должно оставаться достаточно места и для пустынь.

Ибн Сауд приехал на эту встречу в надежде обрести в лице США союзника, который

помог бы ему удержать в руках империю. Традиционными политическими партнёрами Саудовской Аравии были британцы, которые поставляли и большую часть продовольствия, импортируемого страной. Однако Великобритания имела за плечами прочную репутацию колониальной державы, склонной вмешиваться в региональные интересы; и существовал риск, что в случае конвенции с британцами его королевство вскоре станет управляться из Лондона. И наоборот, было известно, что американцы в прошлом часто уходили восвояси из зоны конфликта: то ли полагались на союзников, то ли теряли интерес к далёкой стране.

Рузвельт, напротив, был осведомлён, что под почвой Аравийской пустыни покоятся неслыханные запасы нефти и что в скором времени это будет иметь большое стратегическое значение. Соответственно после войны США ни в коем случае не должны терять интерес к этому. А предложить президент мог хозяйственное сотрудничество и военную помощь. Кроме того, он смог убедительно – и, как показало время, искренне – заверить саудовского короля, что США тут не преследуют территориальные интересы. Это и решило исход встречи. Здесь нефть, там военный потенциал – так наметился взаимовыгодный союз.

Таким образом, во-первых, США получили доступ к саудовским портам и могли теперь размещать на саудовской территории свои военные базы. Поначалу лицензия на это была ограничена сроком в пять лет, но базы существуют там и по сей день. Во-вторых, «ARAMCO», «Арабо-Американская нефтяная компания», находившаяся главным образом в руках «Standard Oil of California», получила разрешение протянуть трансаравийский трубопровод до Средиземного моря и, таким образом, открыть доступ к нефтяным резервам страны, в которой тогда еще не предполагали крупнейших в мире месторождений.

К торжественному завершению их встречи на «USS Quincy» оба руководителя обменялись подарками. Ибн Сауд вручил Рузвельту одеяние шейха и клинок из массивного золота, а американский президент подарил саудовскому королю двухмоторный самолёт, а также точный дубликат своего инвалидного кресла. Этим креслом Ибн Сауд был очарован с первого мгновения. Он тотчас уселся в него и заявил, что больше никогда не захочет вставать с него.

Так оно и получилось. Восемь лет, до конца своей жизни, он покидал это кресло лишь для того, чтобы лечь спать. И это очень быстро состарило короля.

Через день после разговора с Рузвельтом Ибн Сауд встретился в Каире с британским премьер-министром. Рассказывают, что Уинстон Черчилль толком не знал, с кем вообще имеет дело; он принял Ибн Сауда за члена иранского королевского дома. Саудовский король уехал, получив мало удовольствия от встречи. Тем самым жребий был брошен.

В первые годы после войны в торговле с Ближним Востоком продолжали доминировать «British Petroleum Corporation» и британско-нидерландское совместное предприятие «Shell» – обе корпорации уже инвестировали в Иран огромные суммы. Однако по мере того, как увеличивались объёмы саудовской нефти, а параллельно рос «нефтяной голод» мирового хозяйства, соотношение сил изменялось необратимо. Имея в качестве партнёра и союзника США, Саудовская Аравия чувствовала себя хорошо защищенной от своих традиционных врагов и конкурентов – Египта, Иордании и Ирана. Королевству не приходилось также бояться и мести шиитов, которые считали ваххабитов неверными и беспощадно преследовали их в прошлом. Саудовская Аравия поставляла США дешёвую нефть, которая привела американское послевоенное хозяйство к беспрецедентному буму. Прежняя европейская гегемония на Ближнем Востоке была сокрушена.

Глава 9

Прошлое

Наступил сентябрь. Стало заметно, что жаркое время года прошло; листва на деревьях начала желтеть. По утрам машина Маркуса блестела от росы. Работы по созданию немецкой версии практически завершились; профессор Шильдкнехт из Цюриха, который

консультировал его по швейцарскому налоговому и банковскому праву, был доволен, а профессор Мюллер из Кёльнского университета даже похвалил его работу.

Между тем всё это для Маркуса почти безвозвратно отошло в прошлое. В ближайшее время, в соответствии с договорённостью, он перейдёт в технический сервис, а поскольку ему, если не считать последних исправлений в обучающих инструкциях, почти нечего было делать, он постепенно начал вникать в инсталляцию системы и уже освоился со многими проблемами, которые могли возникнуть в зависимости от типа процессора.

Однажды в конце сентября в здании возникло странное волнение. Ещё утром, когда Маркус только приехал на работу – солнце ещё не выбралось из-за деревьев и лишь окрасило верхушки в цвета зари, – здание уже покидала большая колонна уборщиков. Мужчины и женщины казались такими усталыми, будто трудились всю ночь напролёт, да так оно, наверное, и было, судя по тому, как всё изменилось. Немного позже подкатил фургон из сервиса готового питания, и женщины в нарядных униформах стали вносить в здание аппетитного вида подносы и напитки. Затем были отодвинуты в сторону большие цветочные вазоны, выставленные у входа, чтобы там никто не парковался. Что происходит? Никто не знал, и вскоре половина сотрудников выстроилась у окон, следя за дальнейшим ходом событий.

В десять часов на площадку перед зданием вышли трое руководителей. Казалось, они просто коротают время. Нолан и Мюррей беседовали друг с другом, а Говард Менс, руководитель технического сервиса «Северо-Восток», полноватый мужчина лет шестидесяти, отошёл от них на несколько шагов и просто стоял, сцепив мясистые ладони за спиной и глядя в пустоту.

– Похоже на то, что явится высокое начальство, – сказал Маркус стоящему рядом сотруднику.

Тот отрицательно помотал головой.

– Ни в коем случае. Роу *терпеть не может*, когда из-за него затевается такой сыр-бор. Поэтому если он является, то без предупреждения.

Около половины одиннадцатого на территорию фирмы свернули три чёрных БМВ с тонированными стёклами. Автомобили остановились в ряд на свежееубранной площадке, проделав синхронные, точно отмеренные манёвры, будто специально отработанные. Из машин вышли двое молодых мужчин и одна женщина, одетые в чёрное и странным образом похожие друг на друга. Они производили впечатление... Богатых? Могущественных? Во всяком случае, не простых. Как кинозвезды. Тайные агенты. Боги. Нолан, Мюррей и Менс многословно приветствовали их, обильно жестикулируя, но не вызвали у гостей заметной реакции и, в конце концов, повели своих холодных посетителей внутрь.

На этом приём окончился, однако напряжение осталось, наполнило всё здание, заставляя немалое количество людей понижать голос и вздрагивать от телефонных звонков. Только когда три черных автомобиля уехали, напряжённость снизилась.

– То были представители «трёх Р», – объяснил Кейт. – Из «Peak Performance Pool».

Дело было в воскресенье под вечер. Они снова сидели у Кейта в гараже, и Маркус потягивал пиво, а Кейт ковырялся в моторе. Сильно пахло картошкой фри. У Кейта были грязные руки, а рядом стояла коробка с ненужными распечатками. Он то и дело брал оттуда лист, чтобы подстелить его под винтики или что-нибудь вытереть им.

– Сокращённо «PPP»? – удостоверился Маркус.

– Точно. Тебе это о чём-то говорит?

– Да. – «PPP» за несколько лет добилось легендарной славы в качестве частного правового общества. Они вкладывали капитал риска в небольшие, неизвестные, но многообещающие предприятия и получали почти непристойно высокую прибыль, если означенное предприятие оправдывало ожидания, становясь большим и рентабельным. Прибыльный, но, разумеется, и очень рискованный бизнес, в котором «PPP», между тем, превзошло многие другие фирмы, такие как «ККР» – «Kohlberg Kravis Roberts», – «АРАХ»,

«Candover» или «Blackstone». «PPP» пользовалось уже такой славой, что было непонятно, то ли они извлекали выгоду из успеха начинающих предприятий, то ли создавали им этот успех. Само участие «PPP» в деле многие оценивали уже как гарантию удачи: ведь фирма, от которой все ожидают успеха, становится успешной именно поэтому. – Значит ли это, что «PPP» – наши клиенты?

– Вот именно. Старый Роу знает основателей, и он, пожалуй, и сам инвестировал туда пару своих миллиардов.

– Ты смотри-ка! – удивился Маркус и отхлебнул глоток пива.

Кейт отложил в сторону гаечный ключ, рукой ещё раз проверил, хорошо ли закручены гайки, вытер пальцы, за неимением лучшего, бумагой и сказал:

– Так. Теперь попробуем завести.

Он поднял канистру и залил в бак её содержимое – использованное фритюрное масло, потемневшее и вонючее. Затем завёл мотор, и тот, о чудо, заработал.

Маркус помотал головой.

– Из всех хобби, которые мне приходилось видеть, твоё самое странное.

Кейт любовался громыхающим мотором, как любящая мать своим дитятей.

– Какое там, – ответил он. – Джим из клиентского отдела «Средний Запад» разводит летучих мышей, вот это действительно...

– Разводить – это не странно.

– А я что делаю? Развожу моторы-мутанты.

Маленький, едва приметный перебой в работе мотора заставил Кейта насторожиться. И только после нескольких минут бесперебойного тарактения морщинка озабоченности исчезла с его лба.

Ворота гаража стояли раскрытыми, и шланг из жёлтого пластика отводил выхлопные газы наружу. Несмотря на это, всё сильнее воняло жаровней.

– Как только твои соседи терпят.

– Я им за это машины чиню.

– И они подпускают тебя к своим машинам? Это ещё удивительнее.

Мотор снова дёрнулся, но на сей раз не выровнялся, а продолжал дёргаться всё сильнее. Кейт взялся за хромированный регулятор и сбавил обороты.

– Почти, – сказал он в тишину, насыщенную фритюром. – Но ещё не совсем.

Маркус встречал в своей жизни уже многих программистов, но ни одного с такими умелыми руками, как у Кейта.

– Это оттого, что я Водолей, – объяснял тот. – Проследи как-нибудь: Водолей-компьютерщик разбирает свой прибор как минимум раз в месяц. Если вообще хронически не держит корпус снятым. Это зодиакальный знак гайковерта, поверь мне.

Это было два хобби Кейта Пеппера: в офисе он при всякой возможности принимался ковыряться в «железе» своих пяти с половиной компьютеров, а дома развлекался, перестраивая моторы всех видов, чтобы они работали не на бензине или дизельном топливе, а на другом горючем.

– Фритюрное масло вполне годится, если достаётся тебе даром, – объяснил Кейт, опять разбирая мотор. – Макдоналдс рад от него избавиться: если я не заберу, то ему придётся платить за утилизацию. А технически это, по существу, вопрос хорошего фильтра.

Маркус сыто рыгнул.

– Да, но вонь.

– Да уж, вонь, – Кейт кивнул. – Надо что-нибудь придумать.

Поначалу это было для Маркуса просто развлечением: смотреть, как кто-то заливает в топливный бак масло для салата. Однако он уже усвоил, что любая жидкость, которая способна гореть, может заставить работать и мотор.

– Спирт – превосходное топливо. Но дорогое. Однако автомобиль с запахом виски – это было бы что-то.

– Да. Полиция останавливала бы его на каждом углу.

– Если хочешь знать, в Бразилии моторы легко переключаются с бензина на спирт. Там, наверное, процентов сорок ездят на спирту. Там это обычное дело.

– Но ты же только что сказал, что спирт – это дорого, – возразил Маркус.

– Да, если брать водку или виски. Но промышленный спирт, естественно, дешевле. А если исходить из баланса CO₂, то спирт даже лучше: его производят из растительного сырья, и в атмосферу попадает ровно столько углекислого газа, сколько его оттуда взяли растения. То есть по нулям. Но вот с энергетической стороны это, к сожалению, невыгодно.

– Почему?

– Алкоголь приходится дистиллировать. На это тратится больше энергии, чем спирт потом выделяет. – Кейт поднял к свету деталь в форме трубки и посмотрел сквозь неё. – Нет, ну ты смотри-ка. Так дело не пойдёт. – Он направился к своему верстаку, порывшись в ящике с инструментами. – Знаешь, что по-настоящему офигительно? Авиабензин. Это полный улёт. На нём любая колымага превращается в ракету.

Маркус смотрел на него с недоверием.

– Разве это не опасно?

– Еще бы! Как в преисподней. Кроме того, его трудно раздобыть. – Он кивнул на фото, висевшее на стене в рамочке. – У Брюса фольксваген-«жук», который ездит на керосине. Это у него уже второй, а первый – взорвался.

Маркус соскользнул со своей табуретки, подошёл к Кейту и присмотрелся к картинке. Там на фоне пустынного ландшафта была изображена странная, дикого вида группа с ещё более дикого вида транспортными средствами. На заднем плане вздымались обрывистые горы.

– Брюс посередине, – объяснил Кейт, прочищая трубку изнутри.

– Где это?

– Аризона. Горы Аквариус, – Кейт засмеялся. – Кстати, там есть город, называется Багдад.

– И там вы всегда встречаетесь? И ездите наперегонки на ваших керосинках и фритюрницах?

Кейт несколько раз сильно дунул в трубку и снова посмотрел её на свет.

– Или там, или в другом месте. Где разрешат. – Он снова засмеялся. – Второй раз в одном месте, как правило, не разрешают.

Маркус поднял руку.

– Вот чёрт! – Опираясь на верстак, он угодил в маслянистое пятно.

– Вот так всегда, в отделе продаж работают одни белоручки, – ухмыльнулся Кейт. Он полез в коробку с черновой бумагой и протянул Маркусу лист.

Бумага для принтера была, о чём Маркус и так догадывался, мало пригодна для гигиенических целей. Он тоскливо огляделся в поисках рулона бумажных полотенец или какой-нибудь ветоши, но у Кейта Пеппера, любителя использовать вещи не по назначению, ничего подобного в мастерской не водилось.

– Наверху у лестницы есть раковина с мылом, – посоветовал тот.

– Вот только наберусь смелости взяться за ручку двери. – ответил Маркус. Он глянул на лист. На нём был распечатан программный код, испещрённый правкой. – А ты уверен, что это тебе не нужно?

– Распечатать, исправить, внести правку в код, лист выбросить. – Кейт уже снова стоял у своего мотора и привинчивал детали, которые только что открутил. – Если это правило не вошло в твою плоть и кровь, ты моментально потонешь в бумаге.

– Понятно. – Маркус посмотрел на заглавную строку: *PPP_MainEntry()*. А под нею: *Автор: Кейт Пеннер*. – А что, разве вы разработали для «PPP» собственный модуль?

Кейт резко обернулся.

– С чего ты взял? Да, мы разработали, но это строго секретно.

Маркус протянул ему лист.

– Тогда, наверное, лучше было засунуть этот лист в измельчитель, а не выбрасывать в

корзину.

– Fuck! – вырвалось у Кейта. – Неужто я и эту распечатку?.. О Боже мой! – Он бросился рыться в коробке, выкладывая оттуда бумаги, и вид у него был встревоженный.

– Так уж и секретно? – с любопытством спросил Маркус.

– Будь здоров как, – простонал Кейт. – Если бы люди из «трёх Р» узнали про это вот безобразие, они бы меня завтра же вздёрнули на рее. Носятся с этим модулем, как со святыней; ты себе не представляешь. Аж противно!

– Что же это за модуль? – Это было проявление любопытства, но Маркус не мог сдержаться.

Кейт был сильно занят, роясь в бумагах и сокрушённо качая головой:

– Fuck, даже документация! – Гора бумаги на полу росла. Он искоса глянул на Маркуса с заметным беспокойством. – Они заказали разработать для них собственный метод прогноза и оценки рисков. Заказали одному математику, даже весьма знаменитому, не могу только вспомнить фамилию. Мандельбаум или вроде того. Но точно не хозяйственник.

Маркус наморщил лоб.

– Но ведь в наших бизнес-моделях задействованы все известные методы. Блэка-Сколза, Марковица, CAPM, APT, Value-at-risk и так далее. – Маркус знал названия, но лишь смутно представлял, что за ними стоит.

Кейт кивнул.

– Это биржевая модель. Тут у этих «трех Р» тоже есть нечто своё, но я к этому непричастен. Я делаю систему для «Seed-Investment» – и тоже только так, как мне объяснили. – Он собрал бумаги в стопку. – Сплошная строжайшая секретность, производственная тайна и всё такое.

Маркус медленно произнёс:

– Звучит безумно интересно.

Кейт глянул на него, держа в руках бумаги, и решительно тряхнул головой.

– Нет, Марк, нет. Забудь об этом.

– Ну, ладно, ладно, – сказал Маркус. – Я всё понимаю. – Он придал лицу как можно более трагическое выражение и отрешенно смотрел в пустоту. – Если я когда-нибудь открою собственную фирму и потерплю фиаско из-за того, что буду не в состоянии оценить риски по самым лучшим из возможных методов, ты будешь снабжать меня иногда канистрой фритюрного масла, чтобы я не замёрз зимой под мостом.

– Ты подлец, тебе это уже говорили? – улыбнулся Кейт. Потом поднял стопку бумаг и серьёзно добавил: – Ты хоть представляешь себе, каковы по договору штрафные санкции на случай, если что-то из этого просочится наружу?

Марк отрицательно покачал головой.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Там много нулей. *Очень* много нулей.

– Кроме того, наружу ничего не просочится. Всё останется здесь, – Маркус постучал себя по голове. – И я помогу тебе обыскать и это, – он показал на бумаги, подстеленные под мотор и уже выброшенные в корзину.

Кейт стукнул себя свободной рукой по лбу, украсив его тёмно-коричневым пятном.

– Fuck! Я бы про них забыл, ты можешь себе представить?

– Ну хоть кто-то из нас двоих должен оставаться в здравом уме и трезвой памяти.

Кейт задумчиво смотрел на эти взрывоопасные документы.

– Знаешь, – вздохнул он, – мне следовало бы всё это сжечь. И я бы сжёг, если бы не был так перепачкан маслом... Хм-м...

Маркус посмотрел на своего друга, поискал и нашёл в его глазах плутовское согласие.

– Ты хочешь сказать, что охотно свалил бы эту работу на меня?

– Лучше всего наверху, в камине, – предложил Кейт и протянул ему стопку, которую держал в руках. – А я тут пока пороюсь. Так что ты можешь... не торопиться.

Настоящее

Его лицо исчезло под новой повязкой, которая была ещё толще прежней. Ему сказали, что трогать лицо нельзя, но он временами не мог удержаться, и тогда подушечки пальцев слегка окрашивались красным. Ему сказали также, что операция прошла хорошо, даже очень хорошо. Шрамов впоследствии не будет видно. Почти не будет.

Но он их ещё чувствовал. Собственно, шва было два. Один косо проходил по лбу, рассекая правую бровь; острый обломок металла, который они извлекли оттуда, чуть не задел глаз. Другой шов тянулся от переносицы через правую щеку. Ещё один случай везенья в несчастье.

Он ощутил глухое биенье пульса в черепе, и ему показалось, что со временем оно усиливается. Он лишь теперь узнал, что врачи, которые латали его в США, в нескольких местах собирали его череп по кусочкам и скрепляли их.

Опять приходил Фридер. Сидел у его кровати и, казалось, не обижался, когда он то и дело впадал в дремотное состояние. Хотя ему совсем не хотелось спать, нет.

– Это наверняка продлится ещё, – сказал Фридер. – Пусть тебя это не тревожит.

– Меня это и не тревожит, – сказал Маркус.

– Вот и хорошо.

Бух. Бух. Бух. Он мог вызвать медсестру, чтобы попросить обезболивающее. В капельнице над ним болталось... как, собственно, называется этот прибор? С виду напоминало телевизионный пульт, но это слово показалось ему неподходящим.

Кроме того, он хотел не спать, а всё обдумать, разобраться, что к чему. Должно быть, эта сонливость – от лекарств. Если он уснёт, Фридер уйдёт. А ведь Маркус хотел его расспросить.

– А скажи-ка, брат, – начал он, – давно хотел тебя спросить...

– Да?

– Что изобрёл наш отец?

Фридер поднял брови, что означало у него крайнее удивление. Ещё бы, ведь эта тема всегда была для них табу. Фридер был первенец, старший сын, который всегда брал сторону отца, защищая его высокие идеалы. А он, Маркус, – последыш, который всегда осуждал отца, поскольку тот оставил семью в небрежении. За долгие тихие недели в клинике Маркус впервые задумался об антиамериканских настроениях отца и о его убеждении, что корень всех бед мира – в американских концернах. Уж не это ли привело его к своего рода протесту, не потому ли он с такой одержимостью рвался в США?

Фридер откашлялся и сел на стуле поудобнее.

– Я этого не знаю, – сказал он. – И я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем это. Ничего нового на этот счёт не всплывало. А почему ты спрашиваешь?

Да, почему он спрашивает?

– Я поневоле думал об этом. – Речь пока давалась ему с трудом; нижняя челюсть плохо подчинялась. – У меня было много времени, понимаешь? И всплыли детские воспоминания. Как я подслушивал у двери его лаборатории, когда он там работал. Я слышал, как он чертыхался; ты ведь знаешь, как он раздражался...

Фридер кивнул.

– Да.

– Я вспоминал, какая тяжёлая была атмосфера вечерами, когда он выходил из лаборатории. – По мере того, как отходил наркоз, нижнюю губу пощипывало. Но он всё же надеялся, что говорит разборчиво. – И потом тот несчастный случай...

– Это не было несчастным случаем. – Он всегда так говорил. И тем же тоном, что сейчас. – Автокатастрофа случайно произошла в тот самый вечер, когда ограбили его лабораторию и похитили все его бумаги. Даже не тронули приборы, а ведь некоторые из них были очень дорогие. Взяли только бумаги. Какой же это несчастный случай?.. Это было убийство. Его убили, потому что он связался не с теми людьми.

– А может, и не было никаких бумаг? Или, может, он их сжёг?

– Отец-то? – Фридер не то всхлипнул, не то хохотнул. – Отец никогда не выбрасывал ни одной бумажки. И если ему нужно было просчитать всего два числа, он уже заводил отдельный список. Он вообще не мог думать, не записывая при этом.

Маркус закашлялся. От этого стало больно вокруг рта.

– У него бывали депрессии, – сказал он, несмотря на боль. – Довольно часто. Чёрт, однажды он выкинул мой велосипед на помойку только потому, что тот был произведён международным концерном.

Фридер кивнул. Казалось, он слушал вполуха, погрузившись в собственные воспоминания.

– Да, он всегда боролся. Он истощил себя в борьбе, в которой у него заведомо не было шансов. – Он заморгал, тряхнул головой, словно для того, чтобы взять себя в руки. – С чего бы вдруг ему уничтожать документы договора? Лицензия, вот ведь о чём был спор!

– А что же доктор Бэр? Разве у него на руках не было копии договора?

– Да они же задолго перед тем рассорились. – Фридер провёл ладонями по своему коротко стриженному аскетичному черепу. – Вы с Доротеей этого не знали. Вы ещё были слишком малы. Мать после смерти отца позвонила доктору Бэру, чтобы он помог ей уладить все формальности, но тот даже этого не захотел сделать.

Нет, Маркус всё же помнил. Смутные, печальные воспоминания. Мать, тихо говорившая в гостиной с адвокатом, то и дело повторяла: «Этого я не знаю» и «Об этом Альфред никогда со мной не говорил», – и по её тону было ясно, что она стыдилась этого. Как будто это была её вина, раз она не знает того, что ей следовало бы знать. А ведь это была целиком *его* проклятая вина!

Воспоминания... В студенческом общежитии, телефонная трубка в руке – и голос Фридера: «Апоплексический удар». У больничной кровати, когда она шепнула: «Зачем мне оставаться тут одной?» Похороны, все эти люди, выражающие соболезнования.

Фридер был единственный из детей, кто пошёл в отца. Он перенял его ценности и боролся за то же, за что и отец, только *своим* способом. Альтернативные энергии. Его фирма вывела на рынок одно из изобретений отца, небольшое техническое усовершенствование, которое позволяло использовать солнечные батареи несколько дешевле и с несколько более высоким коэффициентом полезного действия. Изобретение, задуманное, скорее, для южных стран, а не для пасмурной и облачной Германии, однако Фридер выжал из него всё, что мог. Он хотел спасти человечество – не меньше, чем отец. Разве что был при этом выдержаннее и рациональнее. Фридер не находил удовлетворения в самопожертвовании. Он не был так горяч, зато был более вынослив. Отец мог бы им гордиться.

Маркус собирался, но так и не смог рассказать Фридеру о другом своём воспоминании: как он однажды вернулся после школьной экскурсии и вдруг понял, что это был за запах, который часто пробивался из-под двери отцовской лаборатории. То был запах сидра. В тот день они осматривали яблочную давяльную, и там он ощутил тот же запах – забродившего фруктового сока.

И во фридеровскую теорию заговора он не верил, потому что был убежден: в конечном счёте, отец просто гнал в своей лаборатории шнапс. Отчаялся и разочаровался в мире и топил своё отчаяние в пьянстве. И несчастье с ним случилось оттого, что он слишком много выпил.

Нет. Этого он Фридеру не скажет никогда.

Глава 10

Прошлое

Чем ближе надвигался октябрь, тем чудеснее расцветивался ландшафт, и Маркус наслаждался видом, хотя от многих слышал, что «бабье – индейское – лето» ещё красивее на северо-востоке. Ему и здешней красоты хватало.

Остаток группы локализации постепенно готовился к отъезду на родину. Теперь, когда

работа была сделана, лица у всех стали более открытыми, а настроение иногда напоминало скорее о вечеринке или школьной вылазке. После изгнания Сильвио к группе присоединилась элегантная неаполитанка Мария, у которой в работе была лёгкая рука. Только Бенгту приходилось на финишной прямой напрягаться, поскольку шведская версия единственная пока не получила одобрения его местных консультантов, а с переводом обучающих инструкций он затянул настолько, что уже не успевал к сроку.

– Ну и что, это я могу сделать и дома, – пренебрежительно отмахивался он, пока Лурдес не заявила ему напрямую, что надо было поменьше читать газеты и побольше работать.

– А ты правда хочешь остаться? – спросил Жан-Марк. Он спрашивал об этом уже раз десять, и на сей раз Маркус похлопал его по плечу и ответил:

– Оставь это, *mon ami*. Тебе этого никогда не понять.

Остальные его поздравили, пригласили на прощальную вечеринку, которую собирались устроить в отеле перед вылетом, и Лурдес сказала:

– Я тебе желаю, чтобы решение, которое ты принял, оказалось правильным.

Однако в первый рабочий день октября с утра по рассылке пришло сообщение. В нём доводилось до общего сведения, что Ричард Нолан с первого октября отозван в правление. Новым руководителем подразделения «Райская Долина» отныне назначен Джон Мюррей.

Маркус читал это сообщение с таким чувством, будто у него почва уходит из-под ног.

И действительно: не прошло и двадцати минут, как зазвонил его телефон. То была прежняя секретарша Ричарда Нолана, та самая женщина, что вызывала его в кабинет шефа в ту памятную, благословенную пятницу. Но на сей раз она сказала:

– Вас просят безотлагательно явиться в кабинет мистера Мюррса.

И – нет, ему не надо брать с собой документы по проекту.

Когда Маркус вошел в кабинет, за столом Нолана сидел, сцепив пальцы, Мюррей. Свой бейсбольный мяч, своё семейное фото и свою Библию он уже перетащил сюда, но остальное пространство кабинета казалось пока необжитым.

Мюррей коротко с ним поздоровался, вежливо и холодно, ровно так, чтобы его не в чем было упрекнуть.

– Как там с вашим проектом? – спросил он.

– Всё готово, сэр.

– Какая версия программы?

– Версия LR-8.1.23 Build 5 DE.

– А что с документацией?

Маркус осмелился снова вдохнуть. Может, напрасно он так тревожился?

– Документация полностью переведена, проверена нашими консультантами в Германии, Австрии и Швейцарии и одобрена. Руководство уже в печати, обучающие инструкции уйдут в печать, насколько мне известно, на следующей неделе.

Мюррей кивнул. Он не сказал ничего одобрительного, просто принял это к сведению. И потом сидел молча – может, час, может, сто лет, этого Маркус впоследствии не мог с уверенностью сказать, – перед тем как откашляться и заговорить:

– Мистер *Вестерманн*, – невозможно было пропустить мимо ушей, как он это подчеркнул, – мистер Нолан сделал вам предложение остаться в головной структуре после завершения проекта локализации.

Ну вот. Дошло до дела.

– Да, – подтвердил Маркус. Он это сказал? Или только подумал?

– Я отзываю это предложение, – холодно продолжил Мюррей. – По двум причинам. Во-первых, между нами не сложилась *химия*. Я не доверяю вам; вы знаете, почему. Во-вторых, я считаю, что это послужит интересам фирмы: если специалист по местной версии программы будет и впредь работать в *своей* стране. Это всегда было политикой нашей фирмы, и она себя оправдала.

Маркус только кивнул. Ему вдруг стало ясно, что с момента получения сообщения он ни на что другое и не рассчитывал. К его собственному удивлению, он даже не огорчился.

Мюррей выдвинул ящик стола.

– Я придаю большое значение корректности отношений, как вы знаете. Это распространяется и на корректные взаиморасчеты. – Он выложил на стол лист, испещрённый цифрами, и теперь разглядывал его. – В минувшие месяцы вы накопили огромное количество сверхурочных часов. Я хотел бы, чтобы вы своевременно использовали их, прежде чем вернётесь в Европу.

Маркус непонимающе уставился на него.

– Сэр? – услышал он свой собственный голос. Он не имел представления, *что* Мюррей хотел этим сказать. Не имел он представления и о количестве сверхурочных часов; сам он их никогда не подсчитывал.

Мюррей протянул ему лист с расчётом рабочего времени, который автоматически производила пропускная система.

– Можете взять две недели отгулов, а потом вам останется только собраться.

Лишь в тот день, когда Таггард перебрался из отеля «Мариотт» в жилой квартал «Двенадцать пальм», он задним числом выяснил, что означала загадочная золотая стрелка на потолке его комнаты: она показывала направление к Мекке. В шкафу лежал аккуратно свёрнутый молитвенный коврик. Расписание молитв золотым шрифтом значилось на доске у стойки портье; поскольку в отеле жили в основном неправовверные иностранцы, призывать к молитве по громкоговорящей радиосвязи там было не принято.

Итак, «Двенадцать пальм». Жилой квартал, обнесённый стеной, находился милях в шести от центра города и состоял из двухсот современных роскошных вилл. Причиной недавнего возведения стены были покушения на иностранцев. Жили здесь главным образом ливийцы, египтяне и сирийцы, но также несколько французов и англичан. Арабы с Чарльзом не разговаривали, европейцам же, напротив, не терпелось объяснить ему, как скучна жизнь в Эр-Рияде.

– Ни театров, ни кино, ни концертов, – перечислял ему англичанин, работавший в одном из банков. – Всё запрещено. Единственное преимущество, что в магазинах тебя со всех сторон не оглушает музыка.

О том, что выходить в город одному не следует, его уже предупредил Майерс – с разъяснением, что против иностранцев, главным образом американцев, то и дело совершаются злодеяния. Но Таггард всё равно выходил, не ставя об этом в известность Майерса.

Странно было, что враг – ненавистная Америка, – вопреки всем арабским надписям и чужеродной одежде, присутствовала всюду. Молодые люди носили американские джинсы, американские кроссовки, американские майки. На каждом углу попадался какой-нибудь американский ресторанчик фастфуда – «Макдоналдс», «Пицца-хат», «Кентукки-фрид-чиккен», «Бургер-кинг» и так далее, и все они хорошо посещались. И невозможно было не заметить, что особенным успехом, как и всюду в мире, они пользовались у детей и подростков.

Когда ему попалось уже второе заведение с золотой буквой «М», он с любопытством вошёл внутрь, встал в очередь и заказал себе биг-мак. Стоило это пятнадцать риалов, и за едой он подсчитал, что это равно приблизительно четырём долларам. «Недёшево», – подумал он и стал наблюдать за происходящим. Несколько закутанных женщин пришли с детьми, кланчившими главным образом яркие пластиковые фигурки, которые подавались к некоторым блюдам. Они понесли свои подносы в огороженные семейные отсеки. Таггард спросил себя, как эти женщины вообще едят: для каждой дольки картошки-фри поднимают свою паранджу? А как с чизбургерами? Но выяснить это не представлялось возможным, поскольку семейные отсеки были, естественно, защищены от посторонних взглядов.

Таггард снова и снова ходил по городу, наблюдая, старался найти, но сам бы не смог сказать – что. Иногда ему становилось плохо от жары; тогда он брал такси и ехал назад, в «Двенадцать пальм», ложился на кровать в своей кондиционированной квартире и говорил себе, что он уже не мальчик и слишком стар для таких приключений. Но в следующий раз

опять выходил, и хотя держался в тени, рубашка все равно прилипала к телу, обгорали нос и лысоватый череп – в тех местах, где волосы росли слишком редко для того, чтобы прикрыть кожу от солнца. Противозагарный защитный крем от столь яркого солнца не спасал.

Таггард проходил мимо медресе и видел, как молодые мужчины, выходящие оттуда, бросали в его сторону мрачные взгляды. Перед одной такой школой он остановился, держа в руках карту города, притворился туристом и спросил по-английски, где здесь находится «сук Дирах», знаменитый рынок антиквариата. Он знал, что это рядом, за углом, и это без сомнения знали и те, кого он спрашивал, однако те делали жест отрицания и говорили: «No. We do not know». Он благодарил, как это сделал бы турист, снова погружался в свою карту и слышал, как они высмеивали его между собой – подло и ненавидяще. Один предложил отрезать американские яйца, другой заметил: почему бы и не голову заодно?

Страха у Таггарда не было. Страх он потерял вместе со своей семьей. Он просто хотел понять.

Но не понимал. Откуда эта ненависть? Саудовская Аравия своим богатством и государственной независимостью была обязана США. Саудовские граждане откровенно любили вещи, которые поставляла всему миру американская экономика. Какие же у них были причины столь страстно ненавидеть американцев?

Этого он не понимал. При этом ответ казался близким, стоило лишь руку протянуть. Но поймать этот ответ ему никак не удавалось.

Маркус не мог сказать об этом коллегам. Остаток дня он провёл в состоянии шока, сидя за своим столом и рассеянно играя в обычные компьютерные игры. Вечером, когда остальные члены группы уже уехали, он прибрал на своём столе и поехал домой. Оглушённость постепенно проходила; он начал чувствовать боль.

Но нет, он не сломается. Две недели отпуска? Вот и прекрасно. Это шанс. Всегда надо думать о шансах. Наконец-то он сможет осмотреть страну своей мечты. Такое путешествие ему не повредит.

Он заехал в супермаркет и купил себе атлас, над которым просидел остаток вечера. Он складывал мили, силясь не переводить их в километры, а приучиться мыслить в этих единицах, и опять заметил, что в голове у него по-прежнему не укладывается, как велика эта страна, какие расстояния простираются перед ним и что на самом деле означает понятие «даль». Он потерялся на этой карте, водя пальцем по отрезкам, соответствующим дневному пути, читал названия местечек, очарованный их звучанием, и забывал, что с ним произошло. Более того, он уже не мог отвлечься мыслями от этой колоссальной страны. Когда он лёг в постель – далеко за полночь, – эта страна продолжала гореть в нём. Всё равно когда-нибудь он будет здесь жить. Сейчас – это было лишь временное отступление, но не поражение. Пока он не сдался, это не могло быть поражением.

На следующее утро он упаковал вещи и пустился в путь – куда глаза глядят. Он поехал на запад, решив на половине пути между Блумсбергом и Мильтоном свернуть к Великим озёрам. Только никаких достопримечательностей, избави Бог. Он не турист. Он будущий житель этой страны, дающей безграничные возможности.

Но сперва ему хотелось просто ехать, час за часом находиться в пути. Радиостанции менялись, а музыка была одна и та же. Названия и цифры на дорожных указателях менялись, ландшафт же оставался почти прежним.

Он попадал в пробки, потом снова оставался один на бескрайних просторах. Он видел уродливые промышленные сооружения, от которых в небо поднимался маслянистый жирный дым, потом снова проезжал мимо сонных деревень, среди холмов, мимо пасущихся стад, играющих детей. Он видел огромный комбайн, одиноко прогрызавшийся сквозь последнее, забытое поле кукурузы. Комбайн срезал коричневые стебли, заглатывал их, а непригодные для использования части изрыгал из себя вязанками. «Какие затраты», – промелькнуло у него в голове. Если подумать, какая малая часть растения кукурузы идёт в пищу – с каждого стебля снимают лишь несколько початков, а с самих початков в пищу идут лишь зёрна, – то кажется

просто чудом, что баночка этих зёрен в магазине стоит всего пятнадцать центов.

Мир был полон чудес, если присмотреться.

Он доехал до западной оконечности самого западного из Великих озёр – Сапериор, нашёл хорошенький отель у залива Чеквамегон и провёл там несколько великолепных дней, к тому же ещё по специальным ценам, поскольку сезон давно закончился. Было прохладно и ветрено, и в воздухе ещё пахло походными кострами. Деревья сбрасывали ему жёлтые и красные листья, и те шуршали под его ботинками. Однажды вечером на озере начался шторм, и он следил из окна уютно натопленного ресторана, как на небе сжимали кулаки тяжёлые тучи, как их беззвучно пронизывали молнии, пока гроза не добралась до берега и обрушившийся ливень не перекрыл всю видимость.

Покой действовал на него благотворно. Он чувствовал, как к нему возвращается уверенность и боевой дух. То, что разгорелось в нём в ночь перед отъездом, теперь превратилось в жар. И хотя он пока не знал, что будет делать и как устроится, его переполнял бездонный оптимизм.

Кроме того, он истосковался по большому городу, по высотным домам и толкотне на улицах, по шуму, смогу и оживлению. Он решил пуститься в обратный путь и осмотреть Чикаго – может, провести там несколько дней.

Но время пока не поджимало. Его отвлёл дорожный указатель на резервацию индейцев, в заколдованный озерный край, где он с готовностью заблудился, чтобы посидеть на берегу зеркального озера и предаться мыслям, а потом осмотреть маленький музей, которым заправляла старуха индианка с узкими, как щёлочки, глазами. Он остановился в отеле рядом с капустным полем, на котором мужчина, совсем один, до позднего вечера убирал урожай, вырезая тесаком из середины растения белый кочан цветной капусты, а остальную зелень оставлял гнить на поле. Перед закатом он перетаскал свою добычу в ящиках в пикап и уехал.

Маркус плохо спал в эту ночь. От озера летела мошकारа и неотступно мучила его. К утру он весь был искусан и разбит, а в комнате воняло капустой.

Усталость оказалась роковой. В какой-то момент он очнулся за рулём, проезжая дорожный указатель на Зелёный залив. Откуда тут взялся Зелёный залив? Силы небесные, он был слишком измучен, чтобы вести машину. Сейчас же, немедленно он должен был выпить кофе. Большую чашку, поскольку американцы, при всей любви к напитку, не умели варить по-настоящему крепкий кофе. И вот на горизонте показались первые высотные дома! Въезжать в таком разбитом состоянии в большой город нельзя. Он свернул на первый поворот с дороги, и этот поворот привёл его в аэропорт – Austin Straubel International Airport. Самая дешёвая парковка, какую он нашёл, означала доллар в час, но оно того стоило. Он поставил машину в спокойный уголок, откинул спинку кресла и наконец-то сомкнул глаза.

Спустя два доллара он проснулся и почувствовал себя уже намного лучше. Так долго спать в машине ему не приходилось ещё никогда; видимо, столь неотложной была потребность. Теперь бы ещё кофе – и жизнь могла бы продолжаться. А уж кофе в аэропорту он наверняка раздобудет.

Там было тихо и пустынно. В кафетерии пахло свежей краской, зато там варили эспрессо, и Маркус взял к нему пончик. Он как раз собирался вонзить в пончик зубы, когда до его слуха донеслись звуки, наэлектризовавшие его до предела.

Кто-то за его спиной говорил по-немецки.

Вернее, по-австрийски, скорее всего.

Маркус неторопливо повернулся. Он не хотел, чтобы его заметили. Через два столика от него сидел седобородый костлявый мужчина. Он раздражённо говорил в мобильник:

– ...во втором выдвижном ящике. Да нет же, сверху! Да. Там должен лежать листок. Да, этот. И на другой стороне. Роберт Куртцман, через *т-и*, сколько раз я должен вам... Да, продиктуйте мне номер.

В руке у него была ручка, цифры он записывал в записную книжку.

– Ну вот! – недовольно воскликнул он. – Этот номер у меня уже есть. Он неверный. Да, я его уже, естественно, попробовал. И мне выдали какие-то фразы! А я что, по-вашему, сейчас

делаю? А почему, вы думаете, я тут пытаюсь до них дозвониться? Да потому, что они встречают меня в аэропорту Чикаго! В правильном. А я застрял здесь без денег с карточкой «Eurocard», которая не действует. Потому она и называется «Eurocard». Иначе бы она называлась «Worldcard»... Алло? Госпожа Яцек! – Он отнял трубку от уха и уставился на дисплей. – Неужто и этот сдох? Самое время! Одно к одному!..

Почему-то Маркус почувствовал, что не может бросить тут в беде этого человека. Он встал, подошёл к нему и сказал:

– Я всё равно еду в Чикаго. Я мог бы вас подбросить, если это вас спасёт.

Мужчина глянул на него вначале недоверчиво, потом кивнул, выражая взглядом: «А что мне ещё остаётся», – и сказал, что его зовут Карл Вальтер Блок, что он из-под Штейра в Верхней Австрии и что приглашён Чикагским университетом прочитать доклад.

– Я промахнулся с авиакомпанией. Рейс только называется Вена – Чикаго, на самом деле самолёт взлетел не из венского аэропорта, а на двести километров дальше, и ещё пришлось вначале добираться туда. И тут та же история. С этими полётами надо держать ухо востро...

Дальше они ехали вдвоём. Разумеется, не обошлось без того, чтобы рассказать друг другу о себе, а поскольку человеку из Штейра было далеко за шестьдесят и история его жизни была лет на сорок длиннее истории Маркуса, он в основном и рассказывал.

Глава 11

Сорок пять лет назад

Карл Вальтер Блок был единственным сыном Ирмгард Блок, урождённой Мучек, и Генриха Марии Блока, который в войну был капитаном и состоял в Берлине на некоей секретной службе, пока по приказу Гитлера и по причинам, которых никто так никогда и не узнал, не был с позором уволен и отослан назад в Австрию. Там ему не оставалось ничего другого, как до конца своей жизни с утра до вечера вкалывать в унаследованном от родителей крестьянском хозяйстве, каменистые поля которого никогда толком не кормили их. Свою озлобленность на судьбу он вымещал на сыне. Бил его, когда тот не слушался, или слушался недостаточно быстро, или делал что-нибудь не так, или просто потому, что так хотелось. Он называл его тупым и негодным для жизни, называл его хилым, что оказалось совсем не так, ибо Карл Вальтер подрастал удивительно быстро и превратился в упорного, выносливого паренька, который брался за все и стал настолько сильным, что, начиная с какого-то момента, отец перестал его трогать.

Карл Вальтер подчинялся своему отцу, но ненавидел его и поклялся отомстить. Мать, которая никогда не защищала его от отца, он только презирал. Она роптала на судьбу, связавшую ее с этим чудовищем, и, хоть и не говорила ничего такого, сын чувствовал, что часть вины в этом она возлагала на его существование.

В школе Карлу Вальтеру Блоку не удалось добиться тех успехов, которых требовали учителя. Учение по книгам у него не шло. Зато он мог посмотреть на работу мастера и потом проделать всё так же или даже лучше, и то, чем овладел на практике, он больше никогда не забывал. А книги и бумага – это был не его мир.

Другой причиной неудач было то, что ему приходилось много работать по хозяйству, и он часто не успевал выполнить домашнее задание. К тому же в школе у него частенько по утрам ломало кости от усталости, и он с трудом боролся со сном. Одет он был беднее всех, и это давало учителям повод не прилагать к его обучению особых усилий. То, что на насмешки одноклассников он частенько отвечал кулаками, тоже приносило ему плохие отметки и штрафные работы, что, в свою очередь, влекло за собой побои дома.

Однажды, после своего пятнадцатого дня рождения, он решил, что с него хватит. Рано утром он с хладнокровной решимостью сунул в ранец вместо учебников кое-что из одежды, взял все деньги, которые втайне долго копил, и покинул родительский дом, чтобы не возвращаться туда почти три десятка лет, в том числе на похороны матери. Его глаза даже не

увлажнились, когда он уходил из дома, и он ни разу не оглянулся.

Вдали от дома Карл Вальтер Блок управился лучше, чем сам ожидал. Он был готов к любой работе и к любому наказанию, лишь бы больше не возвращаться. Поскольку он был достаточно рослым, чтобы выдать себя даже за совершеннолетнего, если не особенно приглядываться – и кто будет уж особенно приглядываться? – а претензий было у него немного, то ему казалось, что мир принимает его с распростертыми объятиями. А мир сам был поистине необъятным! Единственным городом, который он знал до этого, был Кремс-мюнстер. Штейр показался ему огромным, Линц – вообще городом мирового значения, который, без сомнения, не мог уступать таким мифическим местам, как Париж или Нью-Йорк. Чем дальше он продвигался в своих странствиях, тем сильнее его наполняло неукротимое желание узнать мир поближе. Путешествовать по дальним странам – чем дальше, тем лучше!

Так он стал пробиваться в Гамбург – с голыми руками и смелым планом наняться на судно дальнего плавания. В одном старом журнале он как-то читал, что один человек начал с этого и в течение жизни объездил весь мир. Возможно, ему придётся немного потерпеть – смотря по тому, насколько внимательно на корабле приглядываются к документам – а может, ему удастся пробраться на борт безбилетным пассажиром. Если удастся, то он просто выбросит свой паспорт за борт и назовётся чужим именем, чтоб никто никогда не узнал, откуда он родом.

Однако едва прибыв в Гамбург, он познакомился с человеком, который недавно нанялся буровым техником в одну нефтяную фирму и предложил ему:

– Да пойдём со мной.

Карл Вальтер Блок так и сделал, и вечером того же дня у него на руках был билет в Венесуэлу и договор найма на работу, в котором стояла фальшивая дата рождения.

Ремесло нефтяного бурения он освоил на практике. Он шел с остальными, делал то же, что они, сразу стал орудовать алмазным и шарошечным долотом,¹⁵ буровой лебедкой и промывочными шлангами, которые были толще его бедра. Если надо было, брался маневрировать крюко-блоком, который вместе с вертлюгом¹⁶ мог весить восемь тонн, а то и больше. Общими усилиями они поднимали буровые трубы с долотом или обсадные трубы, если нужно было закрепить пробуренную скважину. И если буровые трубы рвались, ему не находилось равных в сноровке, чтобы снова достать голову аварийного инструмента ловильным метчиком¹⁷ или колоколом.¹⁸ Он рылся голыми руками в буровом шламе¹⁹ и учился по запаху и на ощупь определять, что творится там, в глубине, откуда этот шлам откачали. Между делом он учился английскому и испанскому, обращению с алкоголем и девушками, которые там, в Маракайбо, пахли так волнующе и были так доступны.

В Венесуэле они работали что было сил и добывали нефти до черта. Национализация нефтедобычи была лишь вопросом времени, и уж они хотели взять из земли как можно больше, пока было можно. Действительно, через несколько лет была учреждена государственная фирма «Petroleos de Venezuela», но к тому времени Карл Вальтер Блок был уже далеко.

Как раз когда ему уже наскучило в Венесуэле, ему предложили поработать в Индонезии.

---

¹⁵ Инструменты при бурении.

¹⁶ Инструменты при бурении.

¹⁷ Инструменты при бурении.

¹⁸ Инструменты при бурении.

¹⁹ Шлам – осадок.

Карл Вальтер Блок не знал об Индонезии ничего, но сказал:

– Конечно.

Несколько дней спустя он простился со своими товарищами, поцеловал на прощание девушку, с которой был тогда вместе, и сел в самолёт, который доставил его на Суматру. Там он работал вначале на нефтяном поле Дури, где осваивались новые методы, поскольку это поле давало лишь тяжёлую нефть – и приходилось вгонять в землю пар, чтобы вытеснить нефть наружу. После этого его прикомандировали к группе, которой предстояло осваивать явайские месторождения, с буровых платформ, сооружённых в прибрежных водах. Тогда много говорили про *off-shore*, и это значило, что добыча из моря имеет большое будущее. В конце шестидесятых годов американцы полетели на Луну, и никто всерьёз не думал, что запасы нефти могут быть ограничены.

Потом Карл перебрался в Африку, где «Shell» уже лет десять добывала нефть в Нигерии. Собирались продвинуться в дельту Нигера, на шельф шириной свыше пятнадцати километров, глубина воды на котором достигала двухсот метров, и Карл Вальтер Блок впервые попал в группу разведки.

Это был новый опыт. С одной стороны, полный разочарований, поскольку из десяти бурений девять оставались бесплодными, но с другой – волнующий, поскольку, несмотря на все предварительные изыскания, несмотря на всю сейсмоку, всю аэрофотосъёмку и магнитные измерения, в конечном счёте, это была охота, поединок с природой и неизвестностью, битва готовых на всё мужчин против сил природы. Над ними проносились тропические бури, а они в это время свинчивали буровые штанги и вновь и вновь запускали дизельные моторы, приводившие в движение ротор, и вымокали насквозь, и чуть не падали с ног от усталости. Потом их опять испепеляло беспощадное солнце экватора, так что они едва могли дышать и становились почти такими же коричневыми, как и местные жители. Одного человека они потеряли: тот присел по нужде на штанге плавучего деррик-крана, а штанга располагалась слишком близко к воде, – подплыла хищная рыба и утащила его, осталась только лужа крови; так они и не узнали никогда, что это было за чудовище.

Но бурение так и оставалось бесплодным. Геологи корпели над своими картами, над оценками сейсмических исследований, над буровыми кернами, совещались, звонили по телефону, делали расчёты – чтобы потом узнать, что место, которое они наметили, снова ничего не принесло. Пришёл корабль из Европы, волоча за собой по воде приборы нового образца для исследования недр – нечто вроде дистанционно управляемых компрессорных пушек, вызывающих в воде вибрации, отражение которых со дна записывали подводные микрофоны. По этим отражениям, переданным по радио, большая вычислительная машина в Голландии рассчитывала и печатала карту. А потом бурение опять шло вхолостую.

– Это безнадежно, – в конце концов заявил главный геолог, собрав всю команду. Шёл апрель 1968 года, на стене барака висели карты, на которых красным были обозначены все проведённые бурения, и им объяснили – столь же подробно, сколь и непонятно – где на основании геологической структуры можно рассчитывать на нефть, и что места, которые ещё остались, были слишком малы для того, чтобы добыча себя оправдала, даже если с сегодняшнего дня они начнут наткаться исключительно на нефть.

И тут, сидя среди остальных, с бутылкой ледяного пива в руке, Карл Вальтер Блок впервые ощутил то, что он впоследствии назовёт «чутьем».

Он смотрел на карту, самую первую, самую старую сейсмическую карту, и то, что говорил учёный, превратилось в глухой, нечленораздельный шум. Одно место на захватанном, выцветшем, обветшалом листе бумаги как будто светилось. Или подмигивало ему? Карл Вальтер Блок поднялся, подошёл к карте и указал на это место.

– Вот тут. Тут надо бурить.

То был инстинкт. Плевать на технику, и к чёрту всю науку, если нефть они так и не нашли. Охотничий инстинкт, вот что это было. Самая древняя способность человека.

Геологи не засмеялись. Они лишь посмотрели на него с обидой.

– Да нет там ничего, – сказал один, – это же ясно. Шансов никаких.

Блок, которому было тогда двадцать два, хотя все считали его старше, упрямо помотал своей бычьей башкой.

– Нефть – тут. – Он поднял бутылку с пивом чуть повыше. – Я нутром чую.

– Вы пьяны, Карл.

– Ну, как хотите, – и он снова сел.

На следующий день группа геологов назначила место последнего бурения. Это место почти в точности совпадало с тем, на которое указывал Карл Вальтер Блок. Они пробурились и наткнулись на нефть. Впоследствии это поле было оценено в миллиард баррелей и получило название Форкадос Йокри.

Прошлое

Вид на озеро Мичиган был великолепный. И если судить по карте, таким и останется до самого Милуоки.

– Нигерия? – повторил Маркус. – А я, признаться, и не знал, что там добывают нефть.

– Это самый крупный в Африке производитель нефти, – сообщил Блок.

Воспоминания. Новости. С некоторыми странами связываешь лишь одно-два события, как будто больше там ничего и не происходило.

– Нигерия... Припоминаю, что-то слышал в новостях. Что-то политическое. Должно быть, лет десять назад. Ещё в школе. – Да, вспомнил. Хеннером звали того долговязого типа из параллельного класса. – Один школьный товарищ всё время раздавал листовки Международной амнистии. И там было про Нигерию. Какому-то борцу с режимом грозила казнь, и были протесты.

Блок смотрел за окно.

– Кен Саро-Вива. Он был писатель.

Хеннер вскоре после этого гулял с грудастой блондинкой классом младше. Вера или Верена; за ней все бегали.

– Честно говоря, политика никогда меня особенно не занимала, – признался Маркус. – Все эти люди, что рвутся к власти... Мне даже имя запомнить сложно.

Блок недовольно буркнул:

– Политика – дело несложное. Это вам только кажется, потому что вы смотрите на неё не с той стороны. А под правильным углом зрения всё встанет на свои места и будет как дважды два.

Маркус мельком глянул на него – движение не позволяло большего.

– И каков же этот правильный угол зрения?

– Нефть, – ответил Блок.

Маркусу стоило труда не вздохнуть. Почему-то он ждал, что так и будет.

– А не однобоко ли это? Хорошо, нефть действительно играет роль в политике, но...

– Я приведу вам один пример, а вы уж судите. – Блок некоторое время задумчиво смотрел на проносящийся мимо ландшафт Висконсина. – Вот эта красивая страна, например. Со своими замечательными президентами. Говорит вам о чём-нибудь имя Рональда Рейгана?

– Который умер от болезни Альцгеймера? Конечно. Сороковой президент США, с 1980-го по 1988-й. Своей политикой внёс заметный вклад в распад Советского Союза.

– Считаете ли вы его великим президентом?

Маркус некоторое время обдумывал ответ.

– Гм-м. Но и не мелким, нет. Насколько я знаю, он тогда своей политикой снижения налогов и свободного рынка вывел США из экономического кризиса. И загнал Советы в гонке вооружений, от которой они и погибли.

– А вы знаете, что есть серьёзная инициатива высечь его голову на скале Рашмор рядом с остальными четырьмя?²⁰

---

²⁰ Имеются в виду изображения самых знаменитых деятелей США: Дж. Вашингтона, А. Линкольна,

– Это, наверное, шутка? – Маркус коротко глянул на него.

– Такими вещами я не шучу, можете мне поверить.

– Может, тогда уж сразу и канонизировать?

– Скорее всего, найдутся и такие, кто добивается этого, но, насколько я знаю, Рейган был протестант. Как бы то ни было, сейчас я расскажу вам, как времена его правления выглядят из нефтяной перспективы. – Блок скрестил руки на груди. – Теперь известно, что Советский Союз стоял уже вплотную к коллапсу, когда к власти пришёл Рейган. Советское правительство тогда больше, чем когда-либо, зависело от твёрдой валюты, поэтому они добывали нефть и продавали её столько, сколько могли. И это действовало, особенно после того, как в 1978 году рухнул шах Персии, к власти пришёл аятолла Хомейни, и Исламская Республика Иран прекратила экспорт нефти. В 1981 году, к началу президентства Рейгана, баррель сырой нефти стоил свыше семидесяти долларов, если пересчитать на нынешнюю покупательную способность доллара. Советский Союз от этого выигрывал, а в США царило упадническое настроение. Но в это время началась добыча нефти в Северном море, где начали бурить полным ходом после нефтяного кризиса 1973 года. При такой цене эта добыча даже была рентабельна. Рентабельным было и освоение месторождений на Аляске и в Мексиканском заливе. В придачу ко всему такие страны, как Нигерия и Венесуэла, вообще-то члены ОПЕК, настолько нуждались в те времена в деньгах, что решили игнорировать квоты добычи. Каковы были последствия? В середине правления Рейгана нефтяной рынок рухнул, и цена на нефть начала падать, процесс, продлившийся больше пятнадцати лет. Советский Союз, для которого экспорт нефти был основным источником валютных поступлений, попал в экономический капкан, – это и было началом конца. С точки зрения США, напротив, это значило, что энергия опять подешевела, транспортировка по всему миру не стоила почти ничего, – поэтому американская экономика шла в гору. Никакой налоговой политикой такого результата не добьёшься. Успех Рейгана был следствием цен на нефть.

Маркус помолчал, осваивая услышанное, а машина спокойно катилась вперед, и крошечная часть того вещества, о котором только что шла речь, поступала из бензобака в карбюратор, распылялась там, чтобы затем сгореть в цилиндрах мотора.

– А не слишком ли это просто?

Блок отрицательно покачал головой.

– Я это знаю. Если очень долго верить, что всё должно быть тяжело и сложно, не так-то легко смириться с обратным.

– Но не станете же вы утверждать, что налоговая политика правительства не влияет на экономику?

– Ещё как влияет, но главным образом негативно. Понимаете, энергия – это основа всего. Техническая энергия. На ней строится всё. В той мере, в какой вы располагаете энергией, вы можете добывать сырьё, обрабатывать, производить из него, а то, что производите, транспортировать по всему миру. Глобальная экономика – это машина необъятной величины и сложности, и она работает тем быстрее, чем больше энергии в её распоряжении. С государством это не имеет почти ничего общего. – Блок сделал движение рукой, будто хотел стереть сказанное со стола. – Другой пример. Маргарет Тэтчер. Что приходит вам в голову при этом имени?

– То, что в школе мне пришлось писать сочинение о временах её правления.

– Чудесно. Тогда у вас наверняка припасено несколько фактов.

– Тэтчер была у власти дольше, чем Рейган, но вела похожую политику и добилась такого же успеха. До неё английская экономика была так себе – устаревшая, негибкая, удушенная профсоюзами. Потом она победила инфляцию, сократила бюджетный дефицит, ограничила государственный сектор, урезала дотации и социальную систему – и всем этим высвободила такие производительные силы, что экономика Англии не только снова встала на ноги, но и превратилась в одну из самых оживлённых в Европе.

– Браво. Отлично, садитесь.

– Я получил тогда всего три с минусом. Наш учитель был из левых и настаивал на том, чтобы её не одобряли. – Маркус посмотрел на счётчик дневного пробега, чтобы прикинуть, не пора ли запрапляться. – Но вы мне сейчас, конечно же, объясните, что всё это было связано с ценами на нефть.

– Естественно, было связано. Я не устаю удивляться, почему это обстоятельство всегда упускают из виду. Каким-то образом все политики, независимо от направления, так умеют себя подать, что оказываются в центре событий, и всем заметно только то, что они говорят и делают. Даже если то, что в итоге происходит, не имеет ничего общего с тем, что они сказали и сделали.

– Если цены на нефть в середине восьмидесятых упали, то ведь они упали для всего мира. Значит, счастливые последствия такого развития событий должны были пойти во благо всем.

Блок вздёрнул свой крючковатый нос.

– Правильно, молодой человек. Но вы упускаете из виду, что Великобритания во времена правления Тэтчер стала экспортировать нефть – впервые за свою историю. Только что упомянутая нефть с Северного моря, помните? И тёплое денежное течение *Голдстрим* потекло в кассу британского правительства – и Норвегии, которая, однако, предпочла разбогатеть без лишнего шума, в тишине и обособленности.

Маркус озадаченно смотрел на прямую стрелу дороги. Чёрт возьми, всё верно. Об этом он как-то никогда не думал.

– Ну, хорошо, – признал он наконец. – Может, и правда цены на нефть не такая уж второстепенная вещь.

– Ага, дошло, – произнёс Блок с явным удовлетворением. – А какое у вас образование? Что вы изучали?

– Немного информатику, немного маркетинг, – ответил Маркус и нехотя добавил: – Всего лишь профессиональное высшее училище. – В признанные высшие школы управления его не взяли. Не те оценки.

– Хорошо. Профессиональное училище? И радуйтесь. Университеты только портят людей. Сворачивают им мозги набекрень так, что они больше и думать не могут. То и дело вижу этому подтверждения. Ужасно.

Далёкое прошлое

По его наводке компания открыла нефтяное поле, из которого в последующие годы добудет миллиард баррелей и получит много миллиардов прибыли, однако Карл Вальтер Блок не получил за это даже слова благодарности, не то что премии. Это его расстроило.

Но самым непростительным было то, что никому из инженеров не пришло в голову спросить его, как он это сделал и откуда узнал. С этого момента Блок был для компании потерян.

Нет, он остался. И продолжал работать. Даже больше, может быть. Он шёл на самые тяжёлые работы, на такие операции, где компания приплачивала надбавки. Потом он перешёл в другую фирму, бурил в Северном море, вкалывал на буровых платформах, над которыми свистели ураганы с силой ветра свыше ста сорока километров в час, а море ревело иной раз так, что люди орали – и не слышали друг друга. Он уехал на Аляску, где в конце шестидесятых предстояло освоить самое крупное нефтяное поле Северной Америки, залив Прюдо, в условиях жуткого холода и снежных ураганов, жертвой которых пал не один техник. Жил он теперь экономно и деньги свои относил не в бордель, а в банк.

То, что впервые проявилось тогда в Нигерии, со временем превратилось в уверенность: он мог находить нефть там, где другие её не находили. Он обладал каким-то шестым чувством в отношении того, что таилось под землёй.

Когда представлялась возможность, он работал в группе разведки – правда, теперь

держал язык за зубами. Но подолгу рассматривал карты, на которые заносились сейсмические данные, минералогические заключения, аэрофотосъёмка, а позже и спутниковые картинки. Он смотрел на всё это часами и ждал, когда в нём заговорит интуиция. Он определял на карте точки и говорил себе: «Вот здесь найдут нефть... и здесь... и здесь...» И почти всегда оказывался прав.

Но никому не говорил ни слова. Никогда больше ни одна нефтяная компания не поживится за счёт его таланта. Настанет день, когда он сам найдёт нефть, на свой страх и риск, но и к своей выгоде. Настанет день, и он всем им покажет.

День настал раньше, чем он ожидал.

Однажды – Блок как раз был занят в одном оффшорном проекте в Мексиканском заливе, – пришло письмо с множеством штемпелей и пометок и австрийской маркой в уголке. Участковый суд Штейра извещал его, что его отец, отставной капитан Генрих Мария Блок, родившийся 13 августа 1925 года, умер и что он теперь является единственным наследником отцовского имения – крестьянского двора и земельного участка. И что его просят незамедлительно явиться для улаживания всех формальностей.

Карл Вальтер Блок улетел на материк ближайшим вертолётom и сел в ближайший самолёт на Австрию. Два дня спустя он был владельцем хозяйства Блоков. Разыскивать могилу своего отца он не стал.

В следующие дни он обследовал дом и хозяйство, выдвигал каждый ящик стола, открывал каждый шкаф и инспектировал каждую полку. Он выбрасывал все, что не представляло собой ценности, вышвыривал прямо из окна во двор, где вскоре скопилась заметная куча, которую он потом загрузил на тележку и трактором уволок на свалку.

Затем он стал обходить свои поля и покосы – медленно, основательно, не отрывая глаз от земли, будто что-то разыскивая. Он повторял эти обходы в разное время дня, в дождь и в солнце, а иногда, по рассказам любопытных соседей в деревенском шинке, он где-нибудь ложился, прямо в стерню, посреди поля – будто прослушивал землю.

– И как вы теперь поступите с хозяйством? – спросил однажды человек, просто подъехав к дому на своей машине. На нём был коричневый костюм в полоску, и он мог быть, пожалуй, только маклером по недвижимости, который подстерегал хорошую добычу. – Такой человек, как вы, лучше чувствует себя на нефтяных полях, а не на сельскохозяйственных.

– А я и буду, – спокойно сказал Карл Вальтер Блок, – добывать здесь нефть.

Конечно, все считали, что он рехнулся, причём полностью. Его первые заявки органы возвращали ему с резолюцией, что оскандалиться могут и без его помощи. Банки отказывались даже вести с ним переговоры о кредитах. В деревне он сделался предметом постоянных насмешек, его прозвали «нефтяным шейхом».

Но если они думали, что смогут остановить Карла Вальтера Блока, то они просчитались. Он взял себе адвоката, по сравнению с которым голодный доberman показался бы комнатной болонкой, и тот заставил органы разобраться с заявками о выдаче разрешения на бурение. Разумеется, на заявки был получен письменный отказ, но причины отказа адвокат разобрал по косточкам, не оставив от них камня на камне, и в конце концов первые разрешения были выданы – правда, со строжайшими экологическими требованиями, и против этого был бессилён даже адвокат.

Теперь Карл Вальтер Блок мог бурить – но должен был, хотя нигде там даже близко не было жилья, соблюдать предписанную законом границу шума 45 децибел ночью и 55 децибел днём. К тому же его обязали оснастить все агрегаты и приспособления дорогими шумозащитными капсулами и, помимо того, возвести вокруг места бурения шумоизолирующую стенку высотой пять метров. Отходы, возникающие в процессе бурения, он должен собирать в специальные контейнеры, причём раздельно; эти отходы должны утилизироваться исключительно концессионными предприятиями, и должен вестись детализованный учёт всего потока отходов.

Неважно, нефтеносными окажутся скважины или нет, Карл Вальтер Блок по окончании

работ обязан доверху заполнить их бетоном, устранить буровую площадку и рекультивировать местность. Да, ещё он был обязан при сооружении буровой площадки снять слой дёрна, складировать его в подходящих условиях, а по окончании работ снова вернуть на место.

Все эти меры будут контролироваться государственными инспекторами часто и без предупреждения – за счёт Блока, разумеется.

– Лишь бы я смог наконец бурить, – только и сказал Блок, когда его адвокат со скептической миной перечислил ему все условия разрешения.

Инвесторов-пайщиков он не нашёл, несмотря на щедрые условия. Маленький банк на другом конце Австрии, отыскать который ему стоило нескольких месяцев, предоставил ему в конце концов кредит, и он заложил под него дом, весь земельный надел, полученный в наследство, и, кроме того, инвестировал в дело каждый шиллинг и каждый доллар, отложенный им за несколько лет. Всё, что он имел, было пущено в ход с твёрдым намерением отвоевать нефть у каменистой почвы Австрии.

Но денег всё же было слишком мало. Поскольку он не мог себе позволить нанять рабочих, работал он один. Не мог он оплатить и современные машины, которыми можно было бурить под углом. Вместо этого Блок обзвонил весь мир и добыл себе подержанные агрегаты, изношенные, списанные буровые трубы, побитые буровые головки и обсадные трубы для крепления скважины, у которых для начала предстояло устранить производственный брак, из-за которого они попали в расход.

Деревенские смотрели издали с недобрим чувством, как постепенно выростала буровая вышка, которая под конец достигла пятидесяти метров. Пять дизельных моторов, по 400 л.с. каждый, приводили в движение бур, который в конце концов забурился в австрийскую землю. Четыре промывочных насоса, каждый из которых прокачивал тысячу литров суспензионной жидкости в минуту, вымывали из скважины перемолотую каменистую породу. Сантиметр за сантиметром дело продвигалось вперёд в изматывающей гонке с тающими деньгами.

Блок всё делал один. Он скреплял трубы, запускал таль, подсоединял вертлюг, обслуживал лебёдки. И это была лёгкая часть работы. Если дело стопорилось, оттого что буровое долото окончательно изнашивалось, это значило: снова вынимать все буровые трубы, развинчивая одну трубу за другой, пока наверху не окажется буровая головка, подлежащая замене. И после этого всё в обратном порядке: закрепить трубы, привести в нужное положение, прикрутить и затем осторожно и чутко заглубить на несколько метров в скважину – и проделывать всё это с дюжинами, а под конец и с сотнями труб.

Деревенские лишь головами качали над этим безумцем, который от восхода солнца до поздней ночи вкалывал так, будто за ним гналась тысяча чертей. Да ел ли он когда-нибудь вообще? Да спал ли он? Медсестра, живущая в деревне, взяла себе за обыкновение по дороге на работу проезжать мимо двора Блока, чтобы глянуть, жив ли он ещё или уже не встанет.

Потом в один прекрасный день в скважину ушли уже все трубы, а нефти не было и следа.

– Теперь хоть до него дойдёт наконец, – говорили люди.

Однако Карл Вальтер Блок возразил:

– Труб надо больше.

Вот только денег у него больше не было. Несколько шиллингов в кармане, которых не хватило бы и на один горячий обед, – вот всё, что у него осталось. Последние недели он питался одной картошкой, которую выкапывал на старом картофельном поле своего отца и пёк в костре.

Он попросил медсестру отвезти его в больницу и там предложил сдать кровь, если ему за это заплатят. Врач сперва отказался, но потом согласился хотя бы обследовать его и, к своему удивлению, обнаружил, что мало кому случалось видеть перед собой столь здорового человека, да к тому же с редкой группой крови АВ, резус отрицательный. Блоку разрешили сдать кровь, он получил свою выручку и сверх того калорийный обед, и медсестра снова подвезла его в деревню.

Однако денег не хватило даже на одну-единственную следующую трубу.

Блок спрашивал у всех в деревне, нет ли для него какой работы, которая быстро принесла бы ему какие-то деньги. Один хозяин нанял его в конце концов ухаживать за скотом, но выдать аванс отказался. Однако Блок, несмотря на это, трубы заказал: с теми деньгами, что были, пошёл на почту и рассылал телеграммы, до тех пор пока не нашёл поставщика, который не требовал предоплату.

Через две недели трубы привезли. Транспортировка стоила дороже, чем сами трубы. Но в тот же вечер Блок подтащил их к своей буровой вышке, прикрутил, запустил дизеля и пробурился глубже ещё на двадцать метров. Манёвр был опасный, поскольку, если приостановить бурение на две недели, а потом возобновить, легко можно всё порвать.

Однако обошлось, трубы исчезли в скважине, как и все предыдущие – и опять безрезультатно. Блок выключил моторы и долго стоял молча, уставившись на скважину, которая в свете прожекторов походила на рваную рану. Затем он выключил свет и пошёл спать. А на следующее утро опять отправился в деревню работать у хозяина в хлеву.

Счёт за поставку и транспортировку труб он смог оплатить ещё до того, как пришло первое уведомление, и тут же заказал следующие. Те так же скрылись в земле без поломок, и тоже безрезультатно.

Блок повторил этот цикл в третий раз – с тем же результатом. Разве что постепенно наступила осень, дизельное топливо в баках подходило к концу, и долото, как видно, тоже.

– Пойми же наконец, – взмолился хозяин.

– Нет, – отрезал Блок.

Хозяин уже начал побаиваться этого безумца. Он воспользовался мелким недосмотром работника, чтобы уволить его, и Блоку пришлось искать другую работу: на фабрике в соседнем посёлке. Фабрика производила специальные шурупы и поставляла их по всему миру. Ему поручили грузить контейнеры во дворе. Ездить на работу было далеко. Блок откопал в кладовой древний велосипед своего отца и с грехом пополам привёл его в приличное состояние. Но всё равно хотя бы раз за поездку цепь у него соскакивала.

Между тем без предупреждения явилась комиссия по контролю и, не застав его на буровой, оставила извещение, чтоб он либо немедленно продолжил бурение, либо разобрал буровую площадку и приступил к рекультивации. Размер приложенного счёта отбросил бы его на несколько недель назад, поэтому он его игнорировал, а вместо этого заказал следующие трубы. На сей раз поставщик настаивал на предоплате.

Вскоре поступило извещение из органов с напоминанием об оплате, а трубы не пришли.

Второе предупреждение. Тогда Блок позвонил поставщику, металлозаводу в Англии, и ответил ему кризисный управляющий. Завод, как оказалось, ликвидируется и буровые трубы больше поставлять не будет.

– Но я уже заплатил! – вскричал Блок.

– Значит, вам не повезло, – невозмутимо ответил кризисный управляющий.

Пришло третье извещение из органов. Блок пошёл на почту и перевёл единственный шиллинг. На это приводной механизм бюрократии ответил новым *первым* предупреждением, касающимся погашения остальной суммы. На оставшиеся деньги Блок заказал одну трубу у другой фирмы, на сей раз в Голландии.

Стали облетать первые листья. Когда он по утрам катил на фабрику шурупов, горы окутывал холодный туман. Шеф по персоналу предупредил его, что на этой работе его смогут использовать только до конца месяца.

– Ничего, не пропаду, – сказал Блок.

На следующий вечер он обнаружил в почтовом ящике извещение о налогах. Невзирая на тот факт, что «Нефтяная компания Блока» до сих пор несла одни убытки, налоговая служба хотела денег, причём не только за текущий год, но и предоплату за следующий. Суммы настолько превосходили возможности Блока, что он пустил это извещение на растопку. Он разогрел себе картофельного супа, которым практически исключительно питался уже несколько недель, и пошёл спать.

Наконец-то из Голландии поступила труба, на четыре метра короче заказанной. Но Блок

всё равно её смонтировал, завёл моторы, защёлкнул стол ротора вокруг ведущей бурильной трубы и начал бурение.

И пошла нефть.

Глава 12

Прошлое

У Блока хотя бы была с собой карта Чикаго. Правда, маленькая, дешёвенькая, какие раздают бесплатно туристические центры, но всё же лучше, чем карта в атласе дорог, который был у Маркуса.

– Это мне прислали организаторы конгресса, – сообщил австриец и сердито прорычал: – Лучше бы прислали лишний телефонный номер. – Чем ближе подходило время, на которое был назначен его доклад, тем он становился нервнее.

Марк высматривал большой отель или конгресс-центр, наверняка это должно быть какое-то значительное здание. Однако указанный адрес привёл их к приземистому, с виду ветхому строению из тёмного камня, стены были увиты плющом. Между выветренными колоннами, подпиравшими портал, был вывешен транспарант с девизом конгресса: «IMPOSSIBLE POSSIBILITIES – THE FUTURE OF MANKIND IS ABOUT TO BEGIN».²¹

И даже были свободные места на парковке.

Как-то это всё не впечатляло. Декорация отдавала студенческой самодеятельностью и недостатком финансирования. Само здание оказалось музеем истории техники, о чём свидетельствовала бронзовая табличка; под ней был прикреплён простой лист бумаги, на котором был назван организатор конгресса – Трансгуманистическое общество Чикаго. У них был миленький логотип, но явно не нашлось хорошего цветного принтера.

В мраморном вестибюле на приёме сидели две хорошенькие, но явно скучающие девушки. Правда, когда Блок назвал им своё имя, оно вызвало радостное волнение, – они тут же схватили телефон, замахали руками, одна из них бросилась бежать, цок-цок-цок, вдоль по тёмному коридору. Вскоре появился высокий, дородный господин, который, несмотря на впечатляющие объёмы, вряд ли был старше Маркуса. Его длинная светлая грива и сияющие глаза, ярко-красный костюм и белая рубашка без галстука делали его похожим на отвязного поп-певца. При виде Блока во всём его облике отразилось безграничное облегчение.

– Мистер Блок, мистер Блок! – то и дело восклицал он, уверяя, как рад видеть дорогого гостя живым и здоровым. – Мы встречали вас в аэропорту. Но рейса с номером, который вы нам сообщили, не оказалось. И никто его не знал, можете себе представить? Я чувствовал себя так, будто меня забросили в параллельное пространство... И вот вы здесь!

– Да, я попался на обмане с этикетками одной дешёвой авиакомпании, – мрачно объяснил Блок. Он говорил по-английски хоть и с акцентом, но бегло. – А этот молодой человек был так любезен, что спас меня из затруднительного положения...

– Замечательно! – воскликнул блондинистый великан и схватил руку Маркуса, чтобы сильно её потрясти. – Как ваше имя? Марк? Чудесно. А я Боб. Вы, разумеется, тоже приглашены. С этой минуты вы наш почётный гость.

Он дал девушке в приёмной указание, и Маркус смог прицепить на грудь бейджик, на котором значилось: «Марк С. Уэстман, особый гость» и имелась широкая лиловая полоса, какой не было на других бейджиках.

И всё понеслось.

– А я уже боялся, что придётся отменить ваш доклад, – сказал Боб, когда они пересекали зал музея, в котором была выставлена всевозможная буровая техника. – А ведь именно ваш доклад – хайлайт нашего конгресса! – Это звучало так привычно, будто он говорил это

---

²¹ Невозможное возможно. Будущее человечества – на пороге.

каждому докладчику, но Маркус заметил, что Блок улыбнулся, – и только ли изобилие знакомой ему буровой техники послужило тому причиной?

Они явились вовремя. Голос из громкоговорителя объявил доклад, и все люди двинулись в одном направлении. Боб приостановился, объяснил, что Блока должен взять сейчас с собой, а Марку показал дорогу к аудитории.

– Нет проблем, – кивнул Маркус и оставил их.

Прямо, потом направо и ещё раз направо. В одной нише коридора стоял космический скафандр – настоящий, казалось; словно рыцарские доспехи двадцатого века. Неплохо. За проходом, мимо которого он шёл, виделось нечто вроде выставочного павильона: Маркус углядел таблички с надписями «GOLD FUSION»²² и «ETERNAL LIFE».²³ В следующей нише пустовал информационный стенд о частных полётах в космос. Навстречу ему попались двое мужчин, один из которых был в шлеме с двумя камерами и антенной; но беседовали они между собой так, будто всё это было в порядке вещей.

Девушка у двери уже махала Маркусу, поторапливая его, так что он отложил на потом размышления об этом странном явлении, проскользнул в зал, уже почти заполненный, и нашёл себе место в передних рядах. На сцену вихрем вылетел Боб, такой броский в своём красном костюме, и объявил Карла Вальтера Блока с выразительностью телевизионного проповедника. Человек from Austria, который осуществил mission impossible, найдя нефть в Альпах. Блока встретили воодушевлёнными аплодисментами, что снова вызвало у него улыбку. Судя по всему, улыбаться ему приходилось не так уж часто.

– Ladies and gentlemen, – начал он на своём жёстком, несколько отрывистом английском, – позвольте мне для начала рассказать вам одну историю.

Маркус ещё раз быстро огляделся. Ladies практически не было. За исключением одной-двух персон, в половой принадлежности которых он не был так уж уверен, публика состояла исключительно из мужчин.

– Однажды вечером полицейский увидел пьяного, который ходил под фонарём и что-то искал. Он спросил, что тот ищет, и пьяный ответил: «Ключ от дома». «Давайте я вам помогу», – предложил полицейский, и некоторое время они искали вместе. Но – ничего не нашли. «Скажите, а где вы его потеряли?» – спросил полицейский. Пьяный показал в темноту: «Где-то там». – «Так почему же вы ищите его здесь, под фонарём?» – «Потому что здесь светло, – ответил пьяный, – а там ничего не видно».

Послышался вежливый смех. Маркус невольно втянул голову в плечи. Зачем *это*?

Блок немного отступил от пульта назад и оглядел зал, будто раздумывая, не прервать ли ему доклад из-за недостатка воодушевления в зале. В молчании шли секунды, и в зале копилось роковое напряжение. В любую секунду могли подняться и потянуться к выходу первые слушатели.

Маркус услышал шарканье ног и чей-то шёпот: «Пошли отсюда. Это скучно».

– Сегодняшние академики, – продолжил Блок в этот самый момент голосом, который заставил всех вздрогнуть, – действуют в точности как этот пьяный. Они ищут нефть там, где приятно её искать. А не там, где она есть. – Он выдвинул вперёд подбородок. – Много говорят о том, что в один прекрасный день вся нефть закончится и что к этому моменту надо подготовиться. Много говорят об альтернативных источниках энергии. Много денег тратится на ветряки, на устройства получения биогаза и на солнечные батареи на крышах домов. Всё это чепуха. Я скажу вам одно: альтернативы нефти нет. Это плохая новость. А вот хорошая: она не кончится. Все, кто это пророчествует, ошибаются, и очень сильно. Запасы нефти таковы, что нашего воображения не хватит представить, чтобы мы были в состоянии её когда-либо израсходовать. Однако – надо знать, где её искать. Об этом я и хочу рассказать вам

---

²² Gold fusion – золотой сплав.

²³ Eternal live – вечная жизнь.

здесь и сейчас.

Теперь он безраздельно завладел всеобщим вниманием. Даже вниманием Маркуса, который с удивлением взирал на худого пожилого мужчину, ехавшего с ним рядом последние несколько часов: тот как будто вырос, превратившись в исполина, и светился изнутри.

– Когда я говорю, что альтернативы нефти нет, я не хочу этим сказать, что не надо применять ветряки, или приливные гидростанции, или что там ещё, если это напрашивается. Почему бы нет? Это всё прекрасно, если не впадать в заблуждение, что эти источники могут сделать нефть лишней. Потому что без нефти обойтись нельзя. Вся наша техническая цивилизация неразрывно связана с нефтью. Попытаться отказаться от неё было бы всё равно, что попытаться жить без крови.

Блок нажал кнопку, и на экране возникла первая картинка его доклада. То было старое коричневое фото древнего автомобиля.

– Я хочу продемонстрировать вам это на примере. Сегодня много говорят об электромобилях, о гибридных моторах, топливных элементах и так далее. Это преподносится как новейшее из нового, попросту говоря – прогресс. На самом деле всё это старо. С электромобилем экспериментировали ещё в конце девятнадцатого века. Первая машина с гибридным двигателем была создана ещё в 1903 году! Вы видите её на этом снимке. А топливные элементы... М-да. Я хочу задать вам только один вопрос: верите ли вы, что когда-нибудь самолёт полетит на топливных элементах? Есть в этом зале кто-нибудь, кто в это верит? Кто-нибудь, кто представляет себе самолёт с электромотором и батареей? Нет таких, очень хорошо. Поскольку это и невозможно. Все эти утончённые умники, бескровные теоретики альтернативных двигателей забывают в своих изоциренных теориях один важный параметр – плотность энергии. Но в плотность энергии упирается всё, и зависимость от неё весьма существенна. Взять плотность энергии электропривода: мотор и батарея вместе взятые, кстати сказать, или пусть хоть топливный элемент вместо батареи, по существу, это ничего не меняет, – этого как раз хватит, чтобы привести в движение лучший «гольфик», но и всё. И это обусловлено принципом; тут всё изобретательское искусство мира не в силах ничего изменить.

Он поучительно поднял руку.

– Это факт, что вам не миновать химического привода, если вам нужны большие мощности. И есть только одно-единственное вещество, которое превосходит производные нефти – бензин, керосин и так далее – по плотности энергии: водород. Кислородно-водородная реакция – вообще самая богатая энергией химическая реакция. Поэтому на ней работают ракеты. Однако вопрос: есть ли в зале кто-нибудь, кто сел бы в рейсовый самолёт, который работает на чистом водороде? Ага. Видимо, здесь собрались одни только здравомыслящие люди. Я бы тоже не сел. Пусть водород и богат энергией, но он несравнимо рискованнее.

Блок нажал кнопку, и на экране появилась другая историческая картинка. По залу пронёсся не то шёпот, не то вздох. То был снимок дирижабля Хинденбурга, горящего на аэродроме Лакехурст.

– Вот вам водородная технология, дамы и господа, – воскликнул Блок. – И это вам хотят продать в качестве будущего для человечества. – Он покачал головой. – Как ни крути, а что касается соотношения удобства в обращении с затратами энергии, бензин остаётся непревзойдённым. Уберите нефть – и наш мир перестанет быть тем миром, который мы знаем. Уберите нефть – и наш мир перестанет быть миром, в котором мы можем выжить.

Он убрал с экрана картинку и оперся на пульт, будто желая взобраться на него.

– Но, скажете вы, ведь это же факт, что нефти находят всё меньше! Это же факт, что последнее крупное нефтяное поле, какое было найдено, – это поле Статфьорд под Северным морем! И это было в 1974 году! Если нефти ещё много – почему её не находят? – Его указательный палец уткнулся в зрительный зал. – Потому что её ищут не там! Потому что, уподобляясь тому пьяному из анекдота, ищут там, где светло, а не там, где она находится!

На экране возник сложный график, явно взятый из какого-то учебника.

– Я могу вам посоветовать прочесть хорошую книгу об истории науки, – сказал Блок и весело засмеялся булькающим смехом. – У вас откроются глаза. Не поддаётся описанию, что только не считалось в разное время «научным» уровнем. А единственное, что за этим стоит, – это господа академики и их борьба за звания. Истина для них – дело второстепенное. Побочный эффект. Пусть даже появится новая, лучшая теория, – всё равно будут отчаянно защищать господствующее заблуждение, школярскую мудрость, признанную догму до последней капли чернил. Должно вымереть целое поколение учёных, на их место должны прийти новые, и только тогда новая теория получит хотя бы намёк на шанс.

Блок повернулся к схеме.

– Факт, дамы и господа: *как* возникает нефть – неизвестно. Однако – есть теория. Об этой теории долго спорили, и в ходе этого спора теория становилась всё сложнее, пока не достигла сегодняшнего состояния, став уже такой сложной, что хотелось бы иметь дело с чем-то более простым. С налоговым правом, например.

Смех.

– Тем не менее я попытаюсь её объяснить. По преобладающему в науке мнению нефть есть древняя органическая материя, которая под огромным давлением была разогрета и из-за этого химически преобразовалась в ту смесь различных гидрокарбонатов, которые поддаются выделению из смеси: метан и пропан, например, самые лёгкие молекулы этого семейства; бензолы различной плотности и состава, которые мы знаем как бензин, дизель или мазут; и, наконец, тяжёлые гидрокарбонаты – такие, как гудрон или парафин. До сих пор всё звучит просто. Так просто, что поневоле задумаешься, а почему бы, собственно, не производить нефть самим, на собственном заднем дворе, из всего того, что до сих пор выбрасывалось в компостную яму? А, разве нет? Было бы практично.

На экране возникла другая картинка: рисунок древнего ландшафта.

– По какой-то причине, которую я так и не понял, официальная теория гласит, что исходным материалом этого процесса был не какой-то органический материал, а совершенно определённые водоросли, которые жили в праисторических мелководных морях и во время одного определённого, необычайно жаркого периода истории Земли разрослись в невероятных количествах, этот период начался примерно триста миллионов лет назад, а закончился тридцать миллионов лет назад. Эти водоросли, как считают, отмирали, тонули на дне морей и образовывали осадки, которые позднее из-за движения земной коры оказались в замкнутом пространстве и были утянуты в глубину, где на органический материал, так называемый кероген, воздействовали уже упомянутые высокое давление и высокая температура. Давление и температура не могли быть ни выше, ни ниже, они должны были держаться в определённых границах, и если посчитать, то придёшь к тому, что условия на глубине от 7500 до 15 тыс. футов как раз подходят для превращения керогеносодержащего осадка в нефтесодержащую породу.

Некоторые в зале согласно закивали: эти взаимосвязи явно были общеизвестными. Только не для Маркуса. Он ещё никогда в жизни не спрашивал себя, как, собственно, возникает нефть. В одной книжке с картинками, которую он читал в детстве, было написано, что нефть возникла из мёртвых динозавров, затонувших на дне морском.

Блок снова повернулся к публике, усталым жестом опершись на пульт.

– Дамы и господа, я участвовал в стольких работах по нефтеразведке, что не смогу их даже сосчитать, причём в качестве работника самой низкой иерархии. Я был одним из тех, которым говорят: «Бури здесь!» – и они бурят. Но у меня были глаза. Я видел, как это делается. А делается это всегда одинаково. Господа геологи, остепенённые учёные смотрели на свои карты и ломали головы, где, когда и какой земной слой мог сложиться складкой, и на основании этого устанавливали места бурения. Они всегда имели в голове теорию, понимаете? Они не могли действовать иначе, чем глядя на мир сквозь очки теории. А эта теория, и в этом вся проблема, существенно ограничивает дело. Известно, где, когда и что происходило в истории Земли – по крайней мере, они думают, что им это известно, – и если этому следовать, то останется совсем немного мест, которые вообще можно принимать во

внимание. Всего несколько мест на географической карте. И на многих из них кто-то уже бурил. – Он скривился. – И если совсем честно: если бы вы были высокооплачиваемым сотрудником крупной нефтяной компании, вы бы тоже не отважились назначить бурение в точке, которая не покрывается теорией. Может, вы бы и сделали это разок, если бы у вас хватило мужества. Может, даже два разика. Но такое зондирование дорого стоит. Если вы ничего не найдёте, у вас будут неприятности, и если вам докажут, что вы не следовали признанной теории, то это будет значить: «Зондирование и не могло ничего дать!» Вас обвинят в том, что вы ошиблись в расчётах, что вы не владеете профессией, и уж в этот момент вы точно оставите все попытки. Если вы учёный, вы обречены искать ваш ключ только там, где светло, независимо от того, где вы его потеряли. Так вы попадаете в ловушку.

Блок сделал искусную паузу и затем добавил:

– Но я, к моему счастью, не учёный-геологоразведчик.

Снова смех. На сей раз тише и задумчивей.

Седовласый докладчик оглядел зал.

– Я хочу сказать вам откровенно: я тоже не знаю, как на самом деле возникает нефть. Я знаю только, что я был свидетелем множества вещей, которые не подходили под эту теорию. Буровые скважины, которые, казалось, истощились, через некоторое время снова наполнялись, – чем вы это объясните? Этого вы не сможете объяснить. Раньше, когда теория развилась ещё не настолько, иной раз бурили наугад, по нюху, и натывались на нефть в местах, где вроде бы и не должны были наткнуться. Иногда это могло немного потеснить теорию, иногда нет, – и тогда это попросту игнорировалось. Никто из господ академиков не отважился бы поставить под сомнение признанную теорию, никогда в жизни! Такое может сделать только человек вроде меня, которому не грозит потеря славы. И столь же верно, как то, что я сейчас стою перед вами, я убеждён, что дети наших детей будут так же смеяться над столь признанной ныне теорией возникновения нефти, как мы смеёмся – ну, я не знаю, над теорией флогистона, теорией эфира или над убеждением, что Солнце вращается вокруг Земли.

Он убрал с экрана последний график и заявил:

– Из анонса этого доклада или из медийных источников вы знаете, что много лет назад я нашёл нефть у себя на родине, в Австрии, и добываю её там по сей день. Когда я начал бурить, меня все считали сумасшедшим, и никто не дал мне в кредит ни цента, ни шиллинга. Когда я нашёл нефть, наука встала перед загадкой. Но само за себя говорит то, что ни разу никто из академиков и университетских учёных не удосужился приехать ко мне в Штейр, чтобы разрешить эту загадку.

Он сделал паузу и затем продолжил:

– Но вот чего вы не знаете, так это того, что моя находка не была случайностью. Везение не играло в этом никакой роли. Я с самого начала знал, что найду нефть, и я её нашёл. Не потому, что я следовал теории, а потому, что я применил принципиально другой метод поиска нефти, который идёт вразрез со всем, во что верили до сих пор. Вы поймёте, что здесь и сейчас я больше не хочу вдаваться в детали, только скажу: при помощи этого метода я в состоянии найти столько нефти, что в следующую тысячу лет человечество не будет знать горя.

В зале началось столпотворение.

Настоящее

Телекамеры здесь тоже были. Абу Джабр Фарук Ибн Абдул-Азиз покачал головой.

– А вот это, я считаю, слишком. – Он проверил свой платок на голове, поправил эгаль.²⁴

Машина остановилась прямо перед главным входом больницы Абд аль-Азиза, ее окружила толпа, и кто-то услужливо распахнул дверцу. Люди возликовали, когда Абу Джабр вышел, и возликовали ещё громче, когда он поднял руки, хотя, вообще-то, он как раз

---

²⁴ Эгаль – черный обруч из шёлка или шерсти, закрепляющий платок на голове.

собирался утихомирить их этим жестом. Ему поднесли микрофон.

– Все аплодисменты, – сказал Абу Джабр, – причитаются главному хирургу и его сотрудникам. Хвала Аллаху, ему угодно было сотворить чудо их руками.

Операция длилась восемнадцать часов. К раннему утру двое сиамских близнецов, сросшихся спинами, были разъединены, и было похоже, что они смогут выжить. Это была уже четырнадцатая операция такого рода, проведённая в этой больнице, но по каким-то причинам на сей раз телевидение раструбило об этом особенно широко. Показали этих двух трёхлетних, кофейного цвета девочек – Джоану и Уинни из Южной Африки, – и половина страны, казалось, влюбилась в них. Сразу поднялась шумиха, что принц Абу Джабр взял на себя все расходы на операцию и лечение и, разумеется, на проезд матери с детьми, называлась сумма в 1,2 миллиона риалов. Эта шумиха не входила в намерения Абу Джабра; в шести предыдущих случаях, когда он возмещал расходы на такие операции, эти обстоятельства не становились достоянием публики.

Ну, хорошо, если они ликуют, вместо того чтобы рассматривать его дела просто как дзакат, как исполнение религиозного долга, который каждый состоятельный человек исполняет по отношению к бедным, то с этим ничего не поделаешь. Абу Джабр в последний раз помахал рукою и вошёл в прохладное фойе.

Абдулла аль-Рабия, главный хирург, ждал его. Он был заметно утомлён и бледен, но не преминул рассказать о деталях операции, вооружившись рентгеновскими снимками, подробнее, чем это могло интересовать Абу Джабра. Потом он встретился с матерью близнецов. Она явно плохо управлялась с паранджой и даже коснулась Абу Джабра, что, разумеется, было неприлично: со слезами на глазах она схватила его руку, прижала её к своему лбу, а словесный поток, из которого он почти ничего не понял, всё не останавливался. Он осторожно отнял у неё свою руку; она была чужестранка, к тому же крайне взволнованна, но сегодня ей многое можно было простить.

Наконец их подвели к смотровому окну, через которое они могли видеть реанимационное отделение, там Абу Джабр и женщина долго стояли рядом и молча смотрели сверху вниз на них, впервые спящих в разных кроватях, такие маленькие сгустки жизни среди мигающих приборов. Люди стояли долго, и сердце Абу Джабра наполнялось радостью.

Прошлое

Это было как пробуждение не на том фильме. Когда Блок предложил задавать ему вопросы, первый поднявшийся ни о чём не спросил, но заявил, что хоть это и очень мило, однако перебор, поскольку технология ядерного синтеза стоит уже практически перед прорывом, а прорыв будет означать энергию в неограниченных количествах.

Блок заморгал, сбитый с толку, как показалось Маркусу.

– Ядерный синтез? – ответил он. – Я уже сорок лет слышу, что он стоит перед прорывом.

– Холодный синтез функционирует давно! – крикнул другой слушатель, худой человек с крючковатым носом. – Только эту технологию душил лобби энергоконцернов, поскольку она грозит их монополии! А холодный синтез – это карманный реактор. Прибор размером с термос, но даёт электричества больше атомной электростанции. Безграничная энергия для каждого!

Не успел Блок ответить на этот выпад, как некий лысый загорелый человек в колышущемся белом одеянии завладел микрофоном в зале и елейно заявил:

– Будущее, мои друзья, принадлежит вакуумной энергии. Энергия из ничего, в неограниченном количестве – она сделает возможным даже перенос планет на другие, более благоприятные орбиты...

После этого разгорелась дискуссия безумцев, слушать которых Маркус был не в силах. Ему оставалось только встать и уйти. За дверью аудитории люди тоже жарко спорили. Один говорил:

– Всё, что он сказал, давно известно; ясно же, что материки плавают на нефти, иначе как

такие массы могли бы двигаться без смазки? Под нами целые океаны нефти. Осталось только достать её. Конечно, нефть повсюду, только очень глубоко.

– Вот Израиль, например, – поддакнул другой. – Пробурились бы разок и тоже были бы с нефтью. А так сидят на гигантской подземной соляной пробке – это же по Мёртвому морю видно. Оно же такое пересоленное, а спроси, откуда берётся эта соль, а? То-то. Надо проткнуть эту соляную пробку, вот и всё.

Нет, определённо не тот фильм. Маркус прошёлся по выставочному залу, который заметил перед докладом. Какое-то предприятие рекламировало свою технологию: после смерти отделять голову человека от туловища и сохранять в жидком гелии до тех пор, пока смерть не будет побеждена, а реконструкция остального тела осуществима, и тогда у человека будет уже вечная жизнь. На следующем стенде какая-то организация требовала гражданских прав для мыслящих роботов и генетически дополненных шимпанзе; требовали с опережением, поскольку до сих пор не существовало ни тех, ни других. Ну, мыслящие компьютеры, возвещал другой стенд, это лишь вопрос времени: диаграммы с жирно прочерченными кривыми утверждали, что уже просчитано, когда машины превзойдут людей и захватят власть, – это событие, называемое «редкостью», было якобы неотвратимо.

На следующей линии была выставлена мышь. Голая и перепуганная, она металась в неудобном стеклянном ящике и светилась в темноте, что считалось достижением генной инженерии. На световом табло был представлен ещё один проект: генетическое усовершенствование человеческого глаза до уровня прибора ночного видения путём имплантации в наследственный код нескольких кошачьих генов. Ещё одно провидческое полотно изображало людей с жабрами и перепонками на пальцах: они мужественно осваивали новое пространство жизни в глубинах океанов.

Другие участники выставки искали это новое жизненное пространство скорее в космосе и показывали схематичные изображения космических станций, да что там, гигантских космических городов, да даже и искусственных миров, которые, населённые миллионами людей, вот-вот пустятся в путь в бездны Галактики.

– Если только радикально продлить срок жизни, – авторитетным тоном объяснил Маркусу мужчина у стенда, – то можно будет воспользоваться новыми технологиями и достичь даже самых дальних звёзд.

Маркус в принципе согласился с ним и спасся бегством к следующему стенду, который пропагандировал «фармацевтический буддизм» и то, что просветление и внутренняя гармония достижимы медикаментозным путём.

– Нужно стимулировать левую височную долю, – нашёптывал юноша с кротким лицом и реденькой бородкой. – Исследования на томографе показали, что именно здесь находится центр религиозного восприятия, так сказать, «божественный модуль»...

– Будущее чудесно! – кричал кто-то над ухом Маркуса, пытаясь навязать ему яркую листовку. – Великолепно! Возможным станет всё!

Наконец он снова наткнулся на Блока, который топтался в углу, исполненный досады и злобы.

– Он ведь уверял меня, что это серьёзный научный конгресс. А тут собрались одни чокнутые! Вы только взгляните. Это же сумасшедшие! Что мне проку от их аплодисментов? Мне нужны инвесторы. Я им так и говорил. – Блок сокрушённо качал головой. – Припёрся сюда! Такие расходы. Вот глупость-то с моей стороны. Ошибка...

Маркус оглянулся, присмотрелся к людям, беседующим между собой и жестикующим, увидел причудливые плакаты, световые табло и демонстрационные стенды, и у него возникло странное чувство, будто он попал в тихое око урагана.

– Может, и нет, – услышал он собственные слова. – Может, и не ошибка.

– Выставил себя на посмешище!

– Но если я правильно понял, – сказал Маркус, – вы хотите создать фирму, чтобы использовать ваш метод поиска нефти?

– Да, но для этого мне нужны деньги. Много денег. Того, что я зарабатываю моей

нефтяной скважиной, недостаточно. К тому же я мелкая фирма, и энергетические концерны то и дело щёлкают меня по носу. Скважина, которой хватает только на жизнь. – Блок метал свирепые взгляды в сторону людей, которые смотрели на них. – А я хочу проникнуть на биржу. Мне нужны инвесторы, располагающие капиталом...

Маркус спросил себя, не в этой ли стране причина, что здесь случаются такие вещи, или с ним это могло случиться где угодно? Ведь это же оно, то самое и есть! Не прозевай свой шанс, когда он тебе выпадает! Хватайся за него! Это же и есть американская мечта. И она его настигла.

– Мы должны объединиться, – заявил Маркус. – Вы вносите ваш метод, а я... я добываю деньги.

Блок скептически оглядел его с ног до головы.

– Вы? Вы можете добыть деньги?

– Больше, чем вы себе представляете.

Глава 13

Прошлое

Летом дневная температура воздуха в Эр-Рияде никогда не опускается ниже 45 градусов по Цельсию, а наружная температура имеет роковое свойство становиться внутренней, если не принять предупредительных мер. И потому кондиционеры работали на полную мощность, а все солнечные отражатели на окнах были опущены, что погружало офисные помещения в своеобразные таинственные сумерки.

Несмотря на это, все потели. Глен Майерс сидел за письменным столом, утонув в своём кресле и погружившись в темноту, лишь капли пота блестели на лбу.

– Мне очень жаль, – сказал он, бросив папку на стол перед собой. Она была не особо толстой и эффектного шума не произвела. – Мне очень жаль, но это сообщение я не могу передать по инстанции.

Таггард поднял брови.

– Ваша подпись вовсе не означает, что вы разделяете мою точку зрения.

– Да-да. Теоретически. На практике же самое позднее завтра утром последует звонок из Лэнгли.

– Из-за чего же?

Лицо Майерса выступило из тени кресла.

– Как долго вы здесь? Три месяца? Четыре?

– Четыре.

– Как время летит. И, тем не менее: вы все ещё новичок в империи Аллаха всемилостивейшего. Вы только-только перестали быть туристом.

– Другими словами, – ответил Чарльз Таггард, – мой взгляд на эту страну ещё свеж и непредвзят. Свободен от зашоренности.

Глаза его начальника сузились.

– Вы приписываете мне зашоренность?

– Вот уж точно нет, – заверил Таггард, и это было искренне. – Потому что вы бы так не волновались, если бы не знали сами, насколько я прав в моём отчёте.

– Да?

– И я ещё был достаточно сдержан.

– У меня не сложилось такого впечатления.

Таггард откинулся назад. Его рубашка прилипла к коже.

– Если бы за долгие годы я не научился благословенному искусству дипломатии, я бы просто написал: Саудовская Аравия – это кошмар, и если это империя Аллаха всемилостивейшего, то он, должно быть, учредил здесь совместное предприятие с шайтаном. Единственная трудность, которую я испытал с отчётом, состояла в том, что я почти не знал, с

чего начать. Мне не удалось выяснить, чем Саудовская Аравия отличается от Северной Кореи или какой-нибудь другой диктатуры, за исключением того факта, что мы набиваем карманы семейства Сауд деньгами, потому что нам нужна их проклятая нефть.

Майерс издал рычание:

– Ну, хотя бы это вы поняли.

Таггард начал перечислять по пальцам.

– У людей здесь нет конституции, нет парламента, нет партий. Они даже не знают, что такое профсоюз, а пресса печатает только то, что правительство желает видеть напечатанным. Глен, эта страна – практически частная собственность Саудов. И семейство Сауд, богатейшее семейство в мире, грабит собственный народ. Мы наблюдали это вдвоем, когда ещё не прошло и трёх дней с момента моего прибытия. Они разрушают средний класс. Они сделали всю страну зависимой от их подачек, а деньги им на это даём мы!

– Чарльз, – возразил Майерс, – они за эти деньги продают нам нефть. Нам совершенно всё равно, что они потом делают с этими деньгами.

– Может быть, но нам не всё равно, что Сауды делают с этой страной. – Это всё из-за жары: язык Таггарда говорил, прежде чем мозг успевал подумать, что сказать. – По прошествии десятилетий здесь, кроме нефти, так и не было создано никакой экономики, заслуживающей это название. Мало того, страна по уши в долгах! Мне трижды пришлось перечитать это, прежде чем я смог поверить. Больше двухсот миллиардов долларов долга! Если пересчитать это на душу населения, то на каждого придётся больше долгов, чем их было в Аргентине, когда страна обанкротилась. Так же и валовой внутренний продукт в пересчёте на жителя Саудовской Аравии, несмотря на всю нефть, недотягивает даже до половины того, что приходится на душу населения самых беднейших стран Организации экономического сотрудничества и развития.

– Причина просто в том, что здесь расплодилось слишком уж много этих душ населения, – ответил Майерс. – Со временем и это нормализуется.

Таггард не собирался горячиться. То, что Майерс не захочет подписывать его отчёт, можно было предвидеть. Майерс был кабинетный человек, и его интересовало только, чтоб в его ведомстве всё было тихо и спокойно.

– Нет. Это не нормализуется. Саудовская Аравия – пороховая бочка. Половина жителей – моложе восемнадцати лет, и работы нет практически ни у кого. И даже если бы была, люди к ней не подготовлены. Из трёх здешних выпускников университета двое – специалисты по исламской теологии. – Таггард подался вперёд и снова подвинул к Майерсу папку со своим отчётом. – Мы ведь не хотим, чтобы в Саудовской Аравии вдруг воцарилась демократия, потому что первые же выборы с громадным перевесом приведут к власти исламский режим, по сравнению с которым режим аятоллы Хомейни покажется Вашингтону дружественным. Да что там, первым избранным президентом окажется, скорее всего, Усама бен-Ладен! И тогда уже один баррель нефти будет стоить сто сорок долларов. Вот истинная причина, почему мы держим Саудов у власти: чтобы эта страна *не стала* демократической. И это, Глен, позор для Америки.

Майерс снова спрятался в тень. Его рука потянулась к папке, подняла её вверх, подержала на весу и потом пренебрежительно швырнула через край стола в корзину для бумаг, где она приземлилась, издав металлический «клонк».

– В Штатах не хотят это знать, Таггард. Никто, поверьте мне.

После разговора с Майерсом Чарльз У. Таггард сидит в своём кабинете, весь остаток дня глядит в окно и больше ничего не делает.

По крайней мере, ничего, что можно было бы увидеть.

Время замерло, но в голове его идёт работа. Что-то он проглядел. Не заметил какую-то взаимосвязь. В разговоре с Майерсом была затронута струна, ведущая к пониманию, и она всё ещё вибрирует.

Исламизм. Ключ где-то здесь.

Воздух над крышами Эр-Рияда дрожит от зноя. Машины на широких улицах скользят, как маленькие тёмные игрушки. Небо невероятно чистой, безукоризненной голубизны.

Во время своих рискованных прогулок по городу Чарльзу У. Таггарду случалось видеть наводящих страх мутавайинов, полицейских религии, которые днём и вечером во время молитвы ходили по торговым улицам, стуча палками в стёкла и решётки лавок, чтобы призвать хозяев закрыть заведение и отправиться в ближайшую мечеть на молитву. Он видел, как мутавайины гнали тех женщин, которых считали недостаточно закутанными, и даже били их своими палками.

Кошмар, на его взгляд. Но среди населения мутавайины пользовались признанием и даже уважением.

Он, по виду явно американец, останавливался возле медресе, которым здесь, казалось, не было числа. С простодушным выражением лица он слушал, как его высмеивали и ругали. Иной раз ему с трудом удавалось притворяться, что он не понимает по-арабски. Медресе казались ему инкубаторами лютой ненависти. Как видно, там учат не любви к Аллаху, а ненависти к Америке.

Чарльз У. Таггард спрашивал себя: чего он, собственно, ждёт от своего пребывания здесь?

Он приехал не для того, чтоб выявлять здесь подстрекателей и закулисных организаторов атаки на Нью-Йорк. Это однозначно. И отнюдь не жажда мести руководит им. Он уже не раз за это время говорил себе, что его дочь всё равно умерла бы, разве что чуть позже. Нет, совсем не мести он хочет.

Но чего же тогда?

Его мысли возвращаются назад, к медресе. Вот он стоит там и спрашивает: «Извините, не говорит ли кто-нибудь из вас по-английски?» Большинство саудовцев говорят по-английски, без знания языка не станешь никем, однако молодые люди, выходящие из здания школы, делают вид, что не понимают ни слова. Они называют его сукиным сыном, собакой. Несколько минут назад они штудировали священные тексты, а теперь говорят о том, что надо его убить. Как же они ненавидят его! И только потому, что он американец.

Эти учебные заведения содержатся на деньги Саудов, союзников Америки.

Что же тут не сходится?

Начиная со времён основателя государства и первого короля Ибн Сауда – это Таггард знает из исторических книг, – королевский дом существует лишь с санкции ваххабитских религиозных вождей, претендующих на то, что они исповедуют истинный, «чистый» ислам. У него не укладывается в голове, как эти учёные мужи могут закрывать глаза на образ жизни королевской семьи, который по любым меркам, даже по меркам декадентской Америки, является аморальным и коррупционным. Ему уже приходилось читать отчёты, в которых говорилось о дворцовых интригах, зависти, даже убийствах внутри семьи, и поэтому дом Аль-Сауд видится ему чем-то вроде мафиозного клана. Принцы корыстолюбивы сверх всякой меры, мстительны и склонны к насилию. Эти властители уже созрели для того, чтоб их смело народными волнениями.

Однако народ не восстаёт. Благодаря деньгам. Благодаря обилию нефти.

Сауды финансируют свои учебные заведения, ратующие за «очищение ислама», и тем самым укрепляют позицию ваххабитов внутри исламского мира. В ответ ваххабитские духовные лидеры защищают положение Саудов. Вот в чём сделка.

Проигрывает в этой сделке арабский народ, лишённый прав, лишённый слова.

А США не хотят знать, что происходит. Потому что ситуация – такая, как есть – для Америки удобнее всего.

Когда Чарльз У. Таггард в своё время пошёл в ЦРУ, он сделал это под впечатлением «холодной войны». Он хотел защищать свободу своей страны, но также и свободу других людей. Одно другому не противоречит, даже и теперь, даже несмотря на весьма сомнительные вещи, которые ему уже пришлось делать в профессии. В прежние времена он не хотел бы оказаться на месте молодого кубинца, молодого русского, – теперь он не хотел бы быть

молодым арабом, жителем Саудовской Аравии...

Вдруг всплывает одно воспоминание: он вечером идёт по Эр-Рияду, и ему бросается в глаза множество машин, у которых на заднем стекле закреплён лист с номером мобильного телефона. Так обычно делают, когда хотят продать машину, но почему цифры номера настолько крупные, что их можно различить даже на таком расстоянии, на каком не различишь марку машины? И почему эти машины едут так неторопливо, задерживаясь перед жилыми зданиями? За рулём – сплошь молодые люди, а ведь молодые обычно славятся быстрой ездой.

И наконец он понял. Эти машины не продаются. Мужчины «выгуливают» свои телефонные номера перед домами, где есть женщины, – в надежде, что какая-нибудь запишет номер и потом отважится позвонить.

Таггард припомнил, что, осознав это, он стоял как громом поражённый. Разумеется, он читал об этом. Во всех брошюрах для туристов, въезжающих в страну, написано, что женщины обязаны выходить закутанными, дом они могут покинуть только в сопровождении мужа, брата, отца или близкого родственника – и затем придерживаться лишь тех зон, которые закреплены за женщинами. Мужчины и женщины в Саудовской Аравии живут строго раздельно, и вот перед ним последствия: молодые мужчины не имеют никаких шансов познакомиться ни с одной женщиной. И в отчаянии они пытаются прибегнуть к хитрости, настолько безнадёжной, что хоть кричи.

Таггард выпрямился, положил руки на стол и понимающе кивнул. Вот оно что! Сауды экспортируют свои проблемы. Страна кишмя кишит молодыми, сексуально неуголёнными мужчинами, лишёнными всякой перспективы. Собственно, эти люди и должны протестовать против своих тиранов, должны ненавидеть королевский дом, должны восстать. Но Саудам удаётся этот фокус – перевести ненависть арабских парней с себя на Запад, на США, и это тем более захватывает дух, что им одновременно удаётся заставить Запад верить в то, что они – его союзники.

Потому-то молодые люди, у которых, вообще-то, есть всё, чтобы вести долгую и благополучную жизнь, вовлечены в войну против Америки...

Чарльз У. Таггард берёт в руки свою потрёпанную адресную книжку, листает её. Находит имя. Дональд Р. Хартфельд. Бывший товарищ по учёбе, который, как выясняется, отвечает за контакты с членами правительства и ключевыми руководителями бизнеса.

Он найдёт способ передать свой отчёт этому человеку.

Настоящее

Уж в пустыню Абу Джабра Фарука влекло всегда. Если он подолгу жил в городе, у него накапливалась и становилась нестерпимой потребность вскочить на спину верблюда и пуститься в путь по раскалённым пескам, в непроницаемое безмолвие под совершенным, пустым небом. Только там он чувствовал себя по-настоящему близко к Аллаху; шумная суэта города, как он считал, оскверняла душу.

Видимо, давала себя знать бедуинская кровь его предков.

И хотя он был уже несколько стар для езды на верблюде, верхом он ездил охотнее, чем на джипе, который приносил за собой шум города. Километрах в ста пятидесяти от Эр-Рияда, в оазисе его ждал простой шатёр, у входа в который он мог сидеть и часами смотреть на несколько скудных пальм и дюны на горизонте, есть финики и предаваться своим мыслям.

А ему было над чем подумать. С некоторого времени его терзало смутное чувство, которое он не мог понять, хоть и вгрызался в собственную душу, как мышь в мешок с запасами. Чувство, что некоторые вещи вышли из-под контроля, да, собственно, давно уже совершенно разладились.

Наплыв людей перед больницей, например. Ему было стыдно привлекать к себе столько внимания. Ещё подумают, что он профинансировал эту операцию лишь для того, чтобы заставить говорить о себе.

Однако если прислушаться к себе, то симпатия, исходившая от людей, была ему приятна. Хоть его братья и высмеивали его инициативы.

Его братья...

Да. Вот где сидела заноза.

Абу Джабр Фарук был последним сыном короля Ибн Сауда. Однако его мать была всего лишь рабыней; она ухаживала за владыкой в его последние, отмеченные недугами годы жизни. После рождения сына она была отпущена на волю и получила компенсацию, но этого ей показалось мало: она всю жизнь боролась за то, чтобы её сын был признан принцем. Не было ни дня в его детстве, чтобы она не напомнила ему о его королевском происхождении и о необходимости вести себя соответственно. А её представления о поведении принца были высоки, недостижимо высоки.

Всё-таки она дожила до того времени, когда он был официально признан принцем, хотя и до сих пор его имя введено не во все списки. Но он уже мог носить фамилию Ибн Абдул-Азиз Аль-Сауд, получал содержание принца первой степени родства и имел доступ во дворец короля.

К счастью, ей не довелось увидеть его первую встречу с королевской семьёй.

Какое это было разочарование! Он знакомился с семидесятилетними мужчинами, которые женились на пятнадцатилетних девочках. С мужчинами, которым отстраивали дворцы из лазурита, чтобы они предавались там разврату со шлюхами. С мужчинами, которые откупоривали бутылки с виски в самолёте, как только тот отрывался от саудовской земли. С мужчинами, которые ежевечерне просаживали миллионы в казино Монте-Карло и Ниццы. Которые брали взятки, потому что им не хватало их колоссального содержания, перевозили наркотики или торговали оружием.

Те высокие принципы, которыми он жил, для них просто не существовали. Вся самодисциплина, всё его стремление к добродетели и совершенству, подобающему принцу, чтобы быть готовым взять на себя ответственность, были напрасны и бессмысленны.

Ему становилось тошно при одной только мысли оказаться замешанным в дворцовых интригах. Неужто и он должен тратить свои деньги на бриллианты, ловчих соколов, яхты, дорогие автомобили и личные самолёты? Не было, на его взгляд, ничего бессмысленнее такой жизни.

Итак, он отступил. Поступок, который остальным был только по душе.

Для него было очевидно, что семью испортил лишь контакт с Западом: обилие денег и соблазны, которые Запад в своей испорченности всегда держит наготове. Ради алкоголя и золотых дверных ручек они отреклись от истинного своего наследия: заповедей Аллаха и жизни в кристальной ясности пустыни.

Нефть, принёсшая Саудам колоссальные богатства, явилась вовсе не благодеянием Аллаха, как многие считают, а испытанием, ниспосланным Им. И вот почти никто не выдержал этого испытания. Это было горько.

Облако пыли на горизонте привлекло его внимание. Кто-то ехал сюда – на большом, тяжёлом джипе, слишком быстром для песчаного грунта.

Абу Джабр сидел и ждал. Ещё издали машина показалась ему знакомой; когда она подъехала ближе, он увидел, что предчувствия его не обманули. То была очередная любимая игрушка его второго сына Саида, мощный внедорожник, который остановился, поблёскивая чёрным лаком, покоясь на чудовищных шинах и гудя кондиционером, разогнавшим всю тишину оазиса.

Саид. За него Абу Джабр тоже испытывал немалую тревогу. Отцу никогда не удавалось пробудить в Саиде ту же любовь к пустыне, которая наполняла его самого. Саид стал бизнесменом, и время от времени до отца доходили слухи, что в его бизнесе не всё легально. Абу Джабру оставалось лишь надеяться, что эти слухи – сплетни завистников. Король призвал Саида в Совет – головокружительная карьера для такого молодого человека. Хотя, на вкус Абу Джабра, сын из-за этого слишком много вращался среди американских советников короля.

Они поздоровались. Абу Джабр предложил ему место рядом с собой и миску фиников. Потом они сидели, ели и молчали, как будто шипенье и клёкот кондиционера были концертным номером, который они решили прослушать.

Однако ощутимо чувствовалось, что Саид нетерпелив и напряжён. Он приехал не для того, чтобы просто посидеть рядом с отцом, а потому, что чего-то от него хотел. Чего-то неотложного, иначе подождал бы несколько дней, пока Абу Джабр сам вернётся в Эр-Рияд.

– У тебя много дел? – прервал молчание Абу Джабр.

– Да, это так.

– Слишком много, чтобы рассиживать тут со старым отцом в его старом шатре?

Саид склонил голову в непривычном для него жесте почтения.

– Я приехал просить тебя кое о чём, отец.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Ты это знаешь.

Саид кивнул, полез в карман, достал сложенную вчетверо бумагу и протянул ему. То была страница, вырванная из английского журнала, как понял Абу Джабр, развернув её. Реклама на всю полосу с женщиной, чьё тело было едва прикрыто.

– На другой стороне, – пояснил Саид.

Абу Джабр перевернул лист и прочитал заголовок. Сообщение о чём-то медицинском.

– Клиника в Германии разработала новый метод лечения, – продолжал Саид, – который может дать надежду нашему Мандуру. Я говорил с врачом по телефону. Он говорит, что есть шансы полностью вылечить болезнь.

– Ин ша'алла, – пробормотал Абу Джабр, впечатлённый этим. Маленький Мандур от рождения страдал затруднением дыхания, оно прогрессировало, и врачи до сих пор предсказывали ему только раннюю смерть. – Тогда не медли. Бери сына и поезжай.

Саид кивнул.

– Так я и хотел сделать. Уже обо всём договорился. Но дядя Салман – я имею в виду, король – поручил мне дело, которое не терпит отлагательства. Я не могу уехать. Это исключено.

Старик знал, что если Саид сам не говорит о причинах, то и спрашивать не надо. Без сомнения, речь шла о чём-то таком, что требовало сохранения секретности и имело высшее политическое значение.

– Может, тебе и не обязательно сопровождать сына самому, – заметил он.

– Об этом я и думал. Я отправлю с мальчиком Васиму, но хотел бы, чтобы ты сопровождал её.

Абу Джабр удивлённо поднял брови.

– У тебя хватает взрослых сыновей, которые могли бы сопровождать мать Мандура. Абдулла, например.

– Теоретически да, – сказал Саид мрачно. Его желваки на скулах ходили ходуном, пока он искал подходящие слова. Наконец он выдал: – Васима любит западную цивилизацию и все её «прелести». Она любит её несколько избыточно. Абдулла с нею не управится. Да и никто из остальных не управится. – Он посмотрел на своего отца. – Ты единственный, кого она уважает.

Абу Джабр спросил себя, что же привело его сына к такому заключению, однако во взгляде у того стояла такая настойчивая мольба, что не ответить согласием было нельзя.

– Когда надо ехать?

Облегчение Саида можно было потрогать руками.

– Самолёт завтра днём.

Как раз в этот момент кондиционер в джипе отключился и возвратилась тишина. Слышалось лишь потрескивание остывающего мотора.

– Я сделаю это ради твоего сына, – сказал Абу Джабр.

Глава 14

Прошлое

Блок некоторое время раздумывал, нахмутив брови, и наконец сказал:

– Ну хорошо.

После этого они покинули конгресс – немедленно и ни с кем не прощаясь – и отправились в Нью-Йорк.

– Почему именно в Нью-Йорк? – уже сидя в машине, спросил Блок с вновь проснувшимся недоверием.

«Он ещё не смирился», – отметил Маркус и начал объяснять. Повёл разговор. Речь отдела продаж на языке сбыта – из категории «уболтать клиента вусмерть». Он проговорил всю Индиану. Пока Карла Вальтера Блока не сморила усталость из-за перелёта и смены часового пояса.

Когда стемнело, сонливость одолела и Маркуса. После Толедо они решили, что на сегодня хватит, и остановились в маленьком мотеле, выдержанном в ярко-жёлтом и кактусово-зелёном тонах. Только фиолетовое в цветочек постельное бельё в комнате Маркуса никак не хотело сочетаться с этой гаммой.

После ужина – мексиканская кухня, тортильлы, энчилады и сносное пиво – они ещё немного посидели в пустоватом и не особенно уютном баре, поглядели на машины, проносящиеся мимо, и Маркус чувствовал, как по его жилам разливается приятная тяжесть. Но тут Блок неожиданно сказал:

– Нам надо записать всё, что мы тут зашнапили.

– Зашнапили? – Маркус устало задумался о смысле этого нового слова.

– Так у нас говорят, когда о чём-нибудь условятся. Придут к согласию. – Блок похлопал ладонью по столу. – Всегда лучше, если на руках есть что-то письменное.

– Да. Конечно. Мы это сделаем в Нью-Йорке при помощи адвоката.

– Мне было бы лучше сейчас. Мы можем написать это и от руки. Лишь бы что-то было написано.

Маркус преодолел тяжесть.

– О'кей. Нет проблем. – Он встал. – Пойду спрошу насчёт бумаги и ручки.

Похожий на медведя, явно скучающий бармен перестал полировать стаканы, когда Маркус направился к стойке, и, казалось, был разочарован тем, что от него хотели.

– Найдём, – буркнул он и достал из-под стойки шариковую ручку с кактусами и несколько листов жёлтой писчей бумаги.

Маркус невольно осклабился, глянув на Блока. Бумага была покрыта логотипами заводов, где гнали шнапс.

– Ну, что вы на это скажете? – спросил он, положив бумагу перед Блоком. – Идеально, чтобы закрепить то, что зашнапили, а?

Блок был искренне озадачен.

– Как вы это устроили?

– Вы нашли партнёра, какого надо, – обронил Маркус, сел и начал писать:

«Настоящий договор, имеющий силу также и для возможных
правонаследников, заключён сегодня между Карлом Вальтером Блоком и Маркусом
Вестерманном...»

– Я думал, вас зовут Марк, – сказал Блок.

Маркус кашлянул.

– Вы же знаете, американцы плохо воспринимают чужие имена на слух. Вместо «Мерсе#769;дес» они говорят «Мёрседис», вместо «Порше#769;» говорят «Порш» и так далее...

– Но Маркус – это, на сей раз, ваше настоящее имя?

– Да.

Блок достал из куртки свой паспорт и раскрыл его.

– Запишите ещё дату и место рождения – мои, а потом ваши.

Пришлось Маркусу сбежать и за своим паспортом, чтобы Блок был доволен. Всё остальное пошло уже проще, поскольку основную часть они обсудили еще по дороге. Они договорились открыть совместную фирму под названием «Block Explorations», при этом Блок был назначен техническим, а Маркус финансовым директором. Разделение долей – в соответствии с предложением, высказанным Блоком с категорической решительностью, – было следующим: три четверти принадлежали Блоку и одна четверть – Маркусу. Маркус испытал безграничное облегчение, записывая это: он-то по дороге боролся с собой, стоит ли ему осмелиться запросить для себя хотя бы десять процентов.

Затем Блок настоял на пункте, что Маркус берет на себя обеспечить необходимый стартовый капитал в течение месяца, в противном случае договор считается недействительным.

– Никаких проблем, – улыбнулся Маркус. – Даже месяца не понадобится.

– Тогда мы можем так и записать, – ответил Блок, однако по его лицу было видно, как он боится, что его снова обманут.

– Конечно, – согласился Маркус. – Конечно, так и запишем.

Этого человека можно было брать мягкими бархатными перчатками.

Когда на другое утро они поехали дальше, Блок продолжал демонстрировать мрачный скептицизм. Как, мол, Маркус собирается все это проделать? – то и дело спрашивал он. Ведь это же вопрос не пары тысяч, на такую фирму потребуются миллионы.

– Я не могу себе представить, где вы сможете их раздобыть, – рычал Блок, нахохлившись на своём сиденье и вцепившись в потёртую кожаную папку на коленях. – При всём желании не могу представить. С этим всегда одно и то же. Мне всё время что-то обещают. Как с этим idiotским конгрессом. Сколько можно оставаться таким легковёрным?

Когда они добрались до Кливленда, Блок потребовал, чтобы Маркус заехал в город: Карлу там нужно было кое-что сделать.

– В Кливленде? – У Маркуса не было желания покидать автостраду; до Нью-Йорка было ещё далеко, и ему не хотелось терять время.

Голос Блока посуровел.

– Вы должны немножко считаться со мной, если хотите, чтобы я в этом участвовал.

Бархатные перчатки! – напомнил себе Маркус и ответил:

– Хорошо, хорошо, заедем.

Беспощадный Блок потребовал довезти его до центра города и высадить там у Tourist Office.

– Вы будете ждать меня здесь? – удостоверился он, выходя из машины и зажав под мышкой свою папку. С озера Эри дул холодный ветер, но ему это, казалось, не причиняло неудобств.

Маркус кивнул.

– Я не сдвинусь с места, даже если вы задержитесь там на целый день.

– Хорошо, – сказал Блок.

Маркус смотрел, как он входил в Tourist Office, видел сквозь стеклянную дверь, как он разговаривал с женщиной, которая вначале отрицательно качала головой, однако потом, когда Блок настоял на своём, взялась за телефонную трубку и сделала несколько звонков.

В конце концов он вернулся назад, держа в руке маленькую схему города Кливленда.

– Теперь я знаю, куда надо ехать, – пояснил он, вполне довольный собой, но ничего не объяснил, а стал указывать Маркусу, как туда добраться. – Ещё мне нужно бы немного денег, – сказал он, когда они уже припарковались. – Не могли бы вы мне одолжить долларов двести?

Маркусу уже пришлось заплатить за мотель, поскольку Блок покинул Европу всего лишь

с двадцатью долларами в кармане, но он уже смирился с тем, что австриец так и так будет висеть у него на шее. Двести долларов наличными у него нашлось, и Блок взял их с лаконичным «спасибо».

– Придётся немного подождать, – добавил он.

– Понял. Но имейте в виду, что до Нью-Йорка нам ехать ещё минимум девять часов.

Блок изумлённо поднял на него глаза.

– Девять часов? А что, туда нет автострады?

– Мы и поедем по автостраде. – Как видно, даже много повидавший Карл Вальтер Блок имел неверные представления о расстояниях в США.

– Хорошо. Я буду иметь в виду.

Он ушёл и действительно отсутствовал долго. Маркус обыскал весь радиодиапазон, потом разминал ноги, пока не замёрз, и снова влез в машину, когда мимо проходила группа подростков-шалобаев. Потом наконец показался Блок, прижимая к себе кожаную папку, и они смогли тронуться в путь.

Силы Маркуса были уже на исходе, когда поздно вечером они добрались до Нью-Джерси и нашли на окраине города отель с более-менее сносными ценами. Блок ворчал, что это какая-то развалюха, и тут же снова закомплексовал:

– С одной стороны, вы говорите, что раздобудете миллионы, а с другой – у вас нет денег заплатить за нормальный отель? Как одно с другим согласуется?

– Деньги у меня есть, – ответил Маркус, у которого ныло в затылке и стучало в висках, – только по большей части они ещё в Германии. В банке. Их надо ещё перевести. Это потребует времени и кое-каких затрат – и начать эти операции я смогу самое раннее завтра.

Блок поморщился.

– Да. Такие вещи и мне приходилось использовать в качестве отговорок.

– Давайте-ка пойдём спать, – попросил Маркус. – Утро вечера мудренее. Завтра достаточно будет сделать несколько звонков, и дело сдвинется с мёртвой точки.

– Интересно будет посмотреть, – буркнул Блок.

На следующее утро австриец не оставлял его ни на минуту, настаивая на своём присутствии во время этих «нескольких звонков». Так и сидел с подозрительным взглядом стервятника на краю неприбранной постели Маркуса, когда тот звонил в «Lakeside & Rowe», в головной нью-йоркский офис, прося назначить ему время важной деловой встречи с мистером Роу.

– Мне очень жаль, – сказала ему секретарша, – однако мистера Роу в ближайшее время не будет на месте.

Но это не могло быть правдой. Чтобы Саймон Роу, марафонец, не появился на месте? Да он каждое утро за руку здоровается с ночным дежурным. Для него работа – эликсир жизни.

– И когда он снова появится?

– Это пока неизвестно, но не раньше двадцатых чисел. – То есть больше недели. Через три дня после того, как команда локализации улетит в Европу.

– Всё увёртки! – заявил Блок и встал после того, как Маркус опрометчиво объяснил ему положение дел. – Ничего из этого не выйдет. Пойду, попытаюсь перерегистрировать свой обратный билет, с тем чтобы улететь домой из Нью-Йорка. – Он сделал гневное, но вместе с тем по-детски комичное движение сжатым кулаком, рассекая наискосок воздух. – Мне-то плевать. Посмотрим, как мир управится без нефти.

– Погодите! – воскликнул Маркус. О чёрт, однако же до чего обидчив этот человек! – Погодите, прошу вас. Это ещё далеко не причина, чтобы сдаваться. Я этого добьюсь, поверьте мне.

Блок упрямо помотал головой, опять напоминая строптивного ребёнка.

– Я не верю. Ничего не получится.

Маркус глубоко вдохнул, затем выдохнул. Только не отчаиваться. Излучать уверенность.

– Если бы вы сразу сдались, – сказал он и твёрдо посмотрел старому человеку в глаза, – вы бы так и не нашли вашу нефть, ведь так?

Блок выдержал его взгляд, это длилось минуту. Потом, понурившись, сдался и снова сел на кровать.

– Ну хорошо. Тут вы правы.

Маркус улыбнулся, хотя ему было не до улыбок, и снова взялся за телефонную трубку. Он лихорадочно соображал, но ему так и не пришло в голову ни одной мысли: что же теперь делать дальше.

Настоящее

В Лондоне им придётся пересесть, но они летели самолетом «Saudi Air». Для них зарезервировали переднюю часть салона первого класса, отгородив её тяжёлым занавесом, и пилот приветствовал их лично.

Мандур, с волнением следивший за взлётом, наконец заснул. Васима сидела спокойно; может, она тоже спала, но за паранджой этого не было видно. Абу Джабр попросил стюарда принести последний выпуск «Al Riyadh». ²⁵ Как сообщалось, король заседал по важному поводу с некоторыми советниками, однако не было никаких подробностей.

В Хитроу они вышли из самолёта, заспанного Мандура мать вела за руку. Самолёт прибыл вовремя, и всё, казалось, шло как по-писаному. Но когда они вошли в транзитную зону, Васима сняла с головы свою паранджу и засунула её в чёрную сумку, висевшую у неё на плече.

Это и было то, о чём говорил Саид.

– Не могла бы ты мне объяснить, что это ты делаешь? – спокойно спросил Абу Джабр.

– Вы же сами видите. – Она тряхнула волосами так, что они рассыпались по плечам. – Я сняла паранджу.

– Это я вижу. Мой вопрос имел целью узнать, *что* побудило тебя это сделать.

– Мы же больше не на саудовской территории. Я приспосабливаюсь к здешним обычаям.

Абу Джабр смотрел на неё. Он и не знал, как хороша собой его невестка, гордая красавица с зелёными сверкающими глазами, прямым носом и блестящими густыми волосами. Она была дочерью сирийского дипломата и много ездила по миру; без сомнения, она лучше него ориентировалась в обычаях других стран. И тем не менее это было недопустимо.

– Васима, твой муж хочет, чтобы ты одевалась, как подобает правоверной мусульманке.

Она гневно сверкнула глазами.

– В Коране нигде не написано, что женщина должна укутываться. Ни слова. Я читала его. Да что там, я знаю его наизусть. В отличие от моего мужа, кстати, если это вас интересует. Паранджа, – прошипела она, – это не более чем саудовский обычай. И, если вы хотите знать моё мнение, обычай отвратительный.

Сила её протеста, шокирующее неприличие поведения, которое она демонстрировала, нанесли Абу Джабру ощутимый удар. Ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы сохранить самообладание.

– Скажи мне одно, Васима! – попросил он наконец сдержанным тоном. – Знала ли ты обычаи Саудовской Аравии до того, как вышла замуж за Саида?

Он не спускал с неё глаз, пока она не ответила:

– Да.

– Была ли ты каким-то образом принуждена к этому браку?

Она помедлила. Взгляд её заметался, как у загнанного зверя, который ищет выход.

– Нет, – призналась она наконец.

---

²⁵ «Al Riyadh» – саудовская газета.

Он спокойно кивнул.

– Хорошо. Так вот, мужчина, за которого ты вышла замуж, не хотел бы, чтобы ты его позорила. Решай, пожалуйста, как тебе это сделать.

Васима недоверчиво оглядела его, не говоря ни слова. Неужто она ожидала, что он будет её принуждать?

Он подозвал жестом Ялилу, одну из служанок.

– Да, господин, – прошелестела та. Её глаза под паранджой казались испуганными.

Абу Джабр указал на магазин, торгующий в транзитной зоне галстуками, платками и прочими аксессуарами.

– Сходи туда с Васимой, – приказал он ей, – если она решит купить там себе платок.

Прошлое

Кейт! Да, вот именно. Почему это раньше не пришло ему в голову? Если кто и мог помочь, если и есть ещё какой-то путь остаться в игре, то... Маркус быстро глянул на часы. Почти десять. Да, Кейт Пеппер мог уже оказаться на месте. Он набрал номер, и вот удача: тот снял трубку.

Теперь главное – сохранять непринуждённость.

– Это я, о всеведущий мастер информации, укротитель всех актуальных данных. Марк. И мне нужна справка.

Кейт, кажется, был в прекрасном расположении духа и обрадовался его звонку.

– Ты смотри-ка, принудительный отпускник истосковался по фирме. И где же ты сейчас обретаешься?

– В Нью-Йорке. Мне необходимо переговорить с Роу, но мне говорят, что его нет на месте. Не знаешь ли ты, где он ошивается?

– Это из-за того дела с Мюрреем?

– В каком-то смысле, да. Но история слишком долгая для телефонного разговора, я расскажу тебе её в другой раз. – Ему в голову пришла успокоительная мысль. – Вот если бы Роу заболел, об этом стало бы известно?

– Вообще, может, и нет, но *мне* бы стало, – самоуверенно заявил Кейт. – У меня, можно сказать, есть прямое подключение к «сарафанному» радио. Но не беспокойся, я думаю, Роу просто-напросто дома. Может, обдумывает новые бизнес-стратегии, кто его знает? А может, просто отлёживается.

Маркус заморгал и поднял глаза. Перед окнами дома напротив как раз завис на канате в своей подвесной люльке мойщик окон.

– А я думал, Роу каждый день появляется в конторе первым.

– Если приходит, то да – он первый. Но он приходит не каждый день. Это всё пропаганда. Хорошо воздействует на средства массовой информации, я думаю. Но ведь парню девяносто шесть; чудес не бывает. Время от времени он остаётся на какое-то время дома и подзаряжает свои батарейки.

Маркус подтянул к себе блок для записей с гербом отеля.

– О'кей. И где же находится его дом?

– У него вилла за городом, на Лонг-Айленде. Местечко называется Кедар-Спрингс. Если ты хочешь поехать к нему... Ты ведь хочешь поехать к нему?

– Разумеется.

– Тогда поезжай в сторону Ист-Хэмптона, а там спросишь. Местечко, я слышал, найти непросто.

Найти было непросто, но они его нашли. Богатые жили в Кедар-Спрингсе настолько обособленно и среди своих, что ворота и прочие ограждения были вообще несколько излишними: бесконечная живая изгородь просто закончилась, и широкая, посыпанная белой крошкой подъездная дорога повела к имению Роу. Она тянулась мимо обширных лужаек, из

которых получилось бы несколько футбольных полей, потом из-за густых, окрашенных в осенние тона деревьев показался огромный белый дом, и подъездная дорога упёрлась прямо в портал, украшенный белыми колоннами.

Весь фасад указывал им на тщетность попытки. Блок от самого Нью-Йорка молчал и посматривал скептически. Сейчас главное было не поддаваться. Со всей демонстративной уверенностью, какую только мог продемонстрировать Маркус, он зашагал к порталу и нажал на маленькую, безупречно поблёскивающую золотом кнопку звонка.

Открыл молодой азиат в униформе дворецкого и выслушал с неподвижным лицом, что господам необходимо переговорить с мистером Роу по неотложному делу.

– Но вам не назначено, – это был не вопрос, а констатация факта.

– Да, действительно, не назначено, – признал Маркус, борясь с желанием сглотнуть.

Дворецкий кивнул и сказал:

– Не смогли бы вы минутку подождать? – Он исчез, однако дверь не захлопнул, а лишь притворил.

Время шло. Физиономия Блока омрачалась с каждой минутой всё больше. Он выразительно посматривал на часы и разглядывал небо, словно прикидывая, лётная ли погода.

Однако дворецкий опять появился, широко раскрыв дверь и сказал:

– Мистер Роу ждёт вас, господа.

Холл размером с самолётный ангар был весь выдержан в белом мраморе, с которым контрастировала мебель из различных сортов тёмного дерева, по большей части антикварная. Несмотря на простор, пространство казалось тесно заставленным.

Дворецкий шёл впереди и в конце холла открыл дверь из чёрного, украшенного глубокой резьбой дерева. За дверью располагалось просторное помещение с высокими окнами, откуда открывался восхитительный вид на залив: парусные яхты скользили по синей сверкающей воде, крутые скалы и песчаные пляжи окаймляли берег, по склонам поднимался лес.

В помещении буквой «П» были выстроены длинные столы, и на этих столах стояли компьютеры. Не обычные компьютеры, как определил Маркус, а нечто большее. И перед одним из экранов сидел Саймон Роу, вперившись в программный код.

– Сам-то я давно уже не программирую, не беспокойтесь, – расплывшись в улыбке, вместо приветствия объяснил старик. – Мне просто нравится эстетика языков программирования всех видов. Одна из немногих слабостей, которые мне остались в моём возрасте. – Он приглашающим жестом указал на два стула из кожи и стальных трубок. – Однако прошу вас, господа, садитесь же.

Дворецкий наколдовал откуда-то из воздуха поднос с чашками, кофе и печеньем и кружил вокруг них, пока Роу коротким кивком не отпустил его. Затем он сказал, помешивая свой кофе:

– Вы, должно быть, Марк Уэстман. – Он испытующе оглядел Маркуса. – Я знаю, что вы из Германии, что мистер Нолан, чьё мнение я очень высоко ценю, хотел взять вас в наш технический сервис, но мистер Мюррей, чьё мнение я тоже очень высоко ценю, решил отправить вас назад, в Германию. Это и есть причина вашего прихода?

«В конечном счёте, да», – подумал Маркус, но вслух сказал:

– Нет. – Он спросил себя, каким образом Роу так быстро смог получить все эти сведения. У него действительно было чему поучиться в деле управления информацией. – Я не сделаю ни того, ни другого. Скорее всего, я вместе с моим партнёром, Карлом Вальтером Блоком, открою фирму, причём здесь, в США. Пришёл же я, потому что хотел бы представить вам нашу бизнес-идею – в надежде, что вы, если найдёте её интересной, выведете нас на контакт с «Peak Performance Pool».

Роу оглядел его, подняв брови и, как показалось Маркусу, с благожелательным интересом.

– Понимаю, – сказал он. – Правда, и я попрошу вас понять, что время старого человека дорого. Я ценю, что вы сразу перешли к делу. – Он откинулся на спинку кресла. – У вас есть

полчаса, чтобы убедить меня.

Блок встал, прошёлся нервно по комнате туда-обратно, затем задумчиво остановился и уставился в пустоту, как будто совсем забыл, для чего явился сюда. Маркус смотрел на него, и с каждой секундой, уходящей в молчании, ему всё больше становилось не по себе. Неужто Блок сейчас провалит всю затею?

Но Блок не провалил. Он начал говорить, вначале тихо, проникновенно, потом всё оживлённее и жарче. Как будто кто-то переключил тумблер, и та харизма, которую он излучал в Чикаго, вновь вернулась к нему. Пророческая энергия, движущая им, опять давала себя знать.

Пока Блок говорил, Маркус совсем забыл о присутствии Роу; и только когда его партнёр закончил свой доклад, он снова заметил председателя правления и потенциального инвестора. И посмотрел на него. В глазах Роу что-то блестело, и Маркус не сразу понял, что это было.

Алчность. Саймон Роу почуял наживу.

В это мгновение из облаков выглянуло солнце – неожиданно ярко, – и деревянные полы под ногами засветились медовой желтизной. «Эту минуту я должен запомнить», – сказал себе Маркус. Свершилось. Он был у самой цели!

Глава 15

Больше двух недель ушло на подготовку показа для представителей «Peak Performance Pool».

Причиной тому было то, что Маркус точно знал, как надо подавать Блока. Парни из «PPP», без сомнения, привыкли к высокому стандарту презентаций, и честолюбие провоцировало его предложить нечто такое, что заставило бы их выпасть в осадок. Это требовало времени и стоило денег – а также нервов, поскольку Блок не хотел понимать, что затраты, на которые готов пойти Маркус, будут оправданны.

– Мы пригласим их начальство, и я расскажу им, *что* мы собираемся предпринять, – говорил Блок. – Что тут сложного?

И Маркус в который раз пускался в объяснения, почему всё надо сделать не так. Он начинал с того, что в «PPP» нет начальства в классическом смысле. Внутренние структуры этой инвестиционной компании не были до конца прозрачны для постороннего, но в любом случае фирма состояла всего из пятнадцати человек, которые считались партнёрами, и каждый из них управлял собственным бюджетом в несколько миллиардов долларов. Необходимо было пригласить их всех и убедить большинство из них.

А это было непросто, поскольку люди из «PPP» хронически недоверчивы. Когда Роу позвонил Маркусу, чтобы сообщить, что «PPP» согласились выслушать их предложение, он рассказал ему, что на стене конференц-зала «PPP» висит табличка:

«Вопрос не в том, параноидальны ли мы. Вопрос в том, *достаточно* ли мы параноидальны».

Это была вторая причина, по которой представление не могло состояться немедленно. «PPP» настаивала на том, чтобы в презентации приняли участие ряд экспертов по вопросам энергетики, а из них пока никто не располагал временем.

О том, как отнесся бы отец к тому, что его наследство пущено на такую авантюру, Маркус не задумывался. Основную часть денег он перевел в США, после чего они с Блоком перебрались в более приличный отель. Хотя и не из тех, что невозможно дороги, но всё же людям показать не стыдно. Свою комнату Маркус превратил в командный пункт. Ему подключили второй телефон, и всё завертелось.

Арендовать конференц-зал и заказать готовое питание – было ещё самое простое. Дата тем самым была окончательно утверждена. Труднее было найти подходящих адвокатов, которые защищали бы их интересы в случае конфронтации с «PPP». Кроме того, у Маркуса

были весьма претенциозные идеи насчёт презентации, и реализовать их было делом затратным, это требовало неоплаченных телефонных разговоров и нескончаемых бумажных битв. И надо было подготовить всю документацию по обоснованию, где каждая цифра до последнего знака после запятой должна была быть просчитана.

На Блока при этом рассчитывать не приходилось. Он всё время работал над своим докладом, что Маркус считал нормальным: в конце концов это и было самым важным в деле. Иногда он становился свидетелем того, как Блок говорит по телефону на своём местами непонятном австрийском диалекте с госпожой Яцек, своей секретаршей. Она работала на полставки, и на ней во время отсутствия Блока держалась вся его нефтяная фирма в Штейре. Что, если верить Блоку, было совсем не сложно.

– В принципе ей надо только контролировать счета. А если что-то случится с качалкой, она должна позвонить человеку, который её починит. Но качалка безотказно работает уже несколько лет, так что вряд ли что-нибудь случится.

По крайней мере, теперь Блок оплачивал свою комнату в отеле сам. Госпожа Яцек, иногда присылавшая ему какие-нибудь документы, перевела ему и деньги. Но это была не такая большая сумма, и львиную долю расходов покрывал Маркус. К тому же в «PPP» выразили готовность – предположительно благодаря тому, что словечко замолвил Роу, – взять на себя половину командировочных расходов экспертов-энергетиков, и всё равно это стоило денег, и денег, и денег... После первых пятидесяти тысяч евро Маркус просто перестал считать.

«Это шанс», – сказал он себе. Реальный шанс. Тут требовалось мужество, а не бухгалтерская мелочность.

Однажды вечером, когда он снова разговаривал с менеджером отеля, его взгляд вдруг упал на дату в календаре: это был как раз день его возвращения в Европу. Если бы не встреча с Блоком, в этот момент он уже сидел бы в самолёте на пути через Атлантику.

Маркус на мгновение почувствовал сожаление, что не простился с остальными. Однако, с другой стороны... Это и означало, что он добился того, что замышлял: остался в США.

Проблемой, конечно, могло стать то, что его виза истекла. А у Блока вообще виза была просто туристической. И возможность с такой визой зарегистрировать фирму в США была в высшей степени сомнительной.

Но эти проблемы они как-нибудь решат. Сейчас важно было одно: суметь убедить людей из «PPP».

Удивительным образом настроение Блока улучшалось с каждым днём: он уже начал демонстрировать уверенность, которая снова и снова поражала Маркуса. Да имел ли Блок понятие, насколько скептически были люди из «PPP»? Он говорил ему об этом напрямую, но Блок невозмутимо отвечал:

– Не беспокойтесь.

Он не объяснял, на чём основывалась его уверенность, но действовала она на Маркуса успокаивающе. Он решил и впрямь больше не беспокоиться.

И вот настал великий день. Стояло ослепительно ясное, хоть и холодное ноябрьское утро, когда Маркус проснулся сразу, ни свет ни заря. «Сегодня моя судьба сделает новый поворот», – сказал он себе, глядя из окна на Город всех городов, который, казалось, вибрировал в этом ярком свете.

Первыми явились два адвоката из конторы «Campbell & Simmons», – оба привели с собой по два ассистента, каждый из которых имел при себе большую чёрную папку, и для Маркуса было загадкой, что в них могло содержаться. Скорее всего, ничего существенного. Чисто адвокатская манера произвести впечатление.

Затем прибыли люди из «PPP». Как и в прошлый раз в «Райской Долине», они прибыли каждый сам по себе, каждый в собственном дорогом, исключительно черного цвета автомобиле, и выходили они из машин элегантно, излучая холодное превосходство.

Специалисты по технике нефтедобычи, геологии, энергетике и так далее, прибывшие, по большей части, накануне вечером, один за другим появлялись в фойе и постепенно сбивались,

по контрасту с людьми из «РРР», в курьёзную, пёструю кучку. Кто маленький и толстый, кто сутулый и в очках, кто криворотый, кто лысый, кто седой, кто морщинистый – и ни одного человека, кто не казался бы в этой обстановке крайне причудливым и взбудораженным, вдали от своих кафедр или какие там ещё биотопы²⁶ они населяли.

Кроме того, явилась ещё целая группа людей, которых пригласили непосредственно «РРР»; главным образом специалисты из банка, которые будут впоследствии сопровождать возможный биржевой процесс.

Маркус счёл чудесным знаком то, что это оказался именно «First Atlantic Bank», банк, в котором он открыл свой первый счёт на американской земле. Ему было приятно также, что среди банковских специалистов была одна невысокая, изящная женщина с азиатскими чертами лица; единственный человек в этом помещении, кто был ростом ниже его самого, не считая двух учёных с весьма сомнительной внешностью. Маркус решил держаться к ней поближе; он не любил казаться маленьким.

Ему удалось заполучить из чикагского музея истории техники несколько экспонатов по теме нефтедобычи, которые здесь, в фойе перед конференц-залом, смотрелись впечатляюще, куда эффектнее, чем на своём обычном месте. Доставить их сюда и установить было адской работой, и он даже не хотел знать, в какую сумму это в конечном счёте вылилось, но когда все эти буровые механизмы и модели буровых вышек уже были установлены, картина действовала подавляюще и убеждала, что все усилия были не напрасны.

Однако теперь он наблюдал, как двое из «РРР» стояли перед моделью буровой вышки, держа в руках тарелочки с закусками, и пренебрежительно, если не сказать презрительно, рассматривали её.

– Ну-ну, – услышал он голос одного из них. – Уж это никак не хай-тек.

Другой кивнул.

– А что вы хотите? В нефтяном бизнесе ведь давно уже всё исчерпано.

Маркуса как будто свалил крепкий свинг под дых. Он вдруг понял, что всё пойдёт насмарку. Что он жестоко ошибся, на что-то рассчитывая. Ведь он же почти не знал этого Блока! Всего каких-то две недели! Единственное, в чём он удостоверился: есть такой Карл Вальтер Блок, он действительно в Австрии эксплуатирует одиночную нефтяную скважину, и это тот самый Карл Вальтер Блок, с которым он теперь имеет дело...

– Извините, – в этот момент заговорила с ним маленькая женщина с узкими глазами. – Ведь вы один из двух предпринимателей, я правильно поняла?

Маркус взял себя в руки, кивнул.

– Да. Меня зовут Марк Уэстман. Я финансовый директор.

Она улыбнулась и протянула ему руку.

– Эми-Ли Ванг. «First Atlantic Bank», отдел обслуживания предприятий.

Маркус уже успел сегодня пожать множество рук, но в этом пожатии было нечто, пробравшее его насквозь. Он слышал себя как будто со стороны, – он говорил обычные вещи: как ему приятно с ней познакомиться и так далее и тому подобное, а сам втайне боялся, как бы его немедленно не хватил удар.

– Скажите, – она указала на выставленное буровое долото, – это прибор, который действовал реально, или это лишь... модель, или как это называется?

Сохранять спокойствие. Беседа очень кстати, да, сейчас она не повредит.

– Нет, это настоящее, – сказал Маркус. – По крайней мере, так меня уверяли.

Она рассматривала предмет из массивной стали.

– Выглядит... внушительно, – она сделала ладонями такое движение, будто охватила уменьшенную, несомую модель этого предмета. Что-то было в её голосе или в этом движении, что заставило Маркуса именно в этот момент сообразить, какое поразительное сходство имеет алмазное долото с концом эрегированного пениса.

---

²⁶ Биотоп – пространство, место с однотипными условиями среды (биол.).

Он сглотнул.

– Поверхность состоит из карбида вольфрама. Полосы – это алмазы. Всего лишь промышленные алмазы, разумеется. Такое долото применяется для очень твёрдой породы.

Она кивнула, находясь под впечатлением, что он в этом так хорошо разбирается. Хотя он совсем не разбирался. Он всего лишь провёл две недели с Карлом Вальтером Блоком, который за едой рассказывал ему забавные случаи из своей жизни. Это можно было считать ускоренным курсом по технике нефтедобычи.

– Я пытаюсь себе это представить, – продолжала она, измеряя взглядом прямое стальное долото. – Что, этот бур просто приставляют и проникают им в землю?

Может, и неплохо, чтобы она получила некоторое представление до того, как услышит доклад Блока. От этого сегодня многое зависит.

– Не так всё просто, – сказал Маркус. – Вначале надо знать, где имеет смысл бурить.

– Да, понятно, но допустим, вы знаете, что вы на верном месте, как дальше развиваются события? – Она перевела взгляд на модель буровой вышки. – Тогда там строят вот такую вышку? И после этого опускают бур в глубину, так? – Она подошла к превентору,²⁷ взялась за свисающий с него промывочный шланг толщиной с бедро. – А это для чего?

– Через этот шланг в скважину закачивают буровой раствор. Чтобы долото входило глубже, его нужно постоянно охлаждать и смазывать.

То ли ему почудилось, то ли и впрямь в её глазах возник своеобразный блеск? Кончик её языка прошёлся по губам, уж это ему точно не привиделось.

– Значит, скважина всегда влажная?

– Да. – Чёрт, о чём это они говорят? Ведь речь идёт уже вовсе не о бурении, не так ли?

– И потом зарывается всё глубже и глубже, верно? Буровая труба становится всё длиннее и длиннее.

– Вот именно. Пока долото не изнашивается. Тогда его снова извлекают. Для этого трубы постепенно снова вынимают из скважины... Видите кран наверху вышки? Он служит для того, чтобы отставлять в сторонку буровые трубы. Крюк может переносить огромные грузы. А когда долото заменят, его снова вводят внутрь, постепенно удлиняют и наращивают трубы, пока опять не доберутся до забоя, чтобы продолжать бурение. Процесс называется проходкой.

Она бросила на него странный взгляд.

– Мне всё это представляется неимоверно трудным. Это наверняка требует от участников полной отдачи сил.

– Ещё бы. – Ведь это была игра, разве нет?

– И это ведь приходится всё время повторять. Постоянно туда, оттуда, опять туда, опять оттуда, туда-сюда... – Казалось, ей доставляет удовольствие повторять эти двусмысленности.

Но он ведь тоже так мог.

– Верно, – сказал он. – Постоянно туда и обратно. – И ему это тоже доставляло удовольствие.

– В лоно земли.

– Да, пока не наткнёшься на нефть.

– Которая потом вырывается мощной струёй, да?

– Это кульминация всего.

Она легко вздохнула с чувственным, как казалось, удовольствием.

– Это я могу себе представить, да. Радость, что наконец-то свершилось. Что можно кричать как безумный. И перемазываться в том, что вырвалось на волю.

Маркус ощутил, как у него пересохло во рту. Его бросило в жар. Ну, довольно! Они же не о сексе говорили; это ему только примерещилось, потому что ничего такого у него не было больше полугода. Он должен остудить разговор, пока не стало неловко. Тем более что уже и так наступило время доклада.

---

²⁷ Превентор – устройство для герметизации устья буровой скважины.

Он кивнул ей, улыбнулся.

– Может, мы могли бы углубиться в тему сразу после презентации... – «Стоп, – напомнил он себе. – Прекрати использовать двусмысленности!» – Я имею в виду, если мы... после доклада... Вы понимаете?

Она улыбнулась с азиатской непроницаемостью.

– Да.

И ничего больше.

О'кей. Неважно, что тут произошло сейчас, ему всё равно придётся подождать. Уже пора, давно пора. Он отвернулся, простившись, и направился к Блоку, чтобы посмотреть, готов ли он. Тот кивнул ему с невозмутимым спокойствием, и тогда Маркус повернулся к толпе собравшихся гостей и хлопнул в ладоши.

– Дамы и господа, прошу вас!

Блок, казалось, всякий раз читал другой доклад, но говорил при этом то же самое. Маркус в прошедшие недели временами боялся, что присутствие специалистов смутит Блока, заставит его нервничать или сделает неуверенным. Но ничего подобного не случилось. Он снова завладел вниманием зала, снова преобразился, снова говорил с жаром, со страстной энергией и уверенностью пророка. Маркус с трудом сам оторвался от его речи, чтобы взглянуть, как реагирует публика: они слушали его как зачарованные.

К его удивлению, в конце доклада Блок добавил ещё кое-что. Он вывел на экран карту мира, на которой были отмечены многочисленные области, где нефть не была найдена, но где, по мнению Блока, её можно найти. Однако это потребует новых буровых технологий, а значит и высоких начальных инвестиций.

– Я бы начал, – сказал Блок и поднял лазерную указку, – здесь. – Красная точка попала на заштрихованную область в Атлантике, у побережья Бразилии.

Люди из «PPP», как обычно, ничем себя не выдали. У учёных вид был скептический. А как, собственно, функционирует его метод? – спросила седовласая геологиня.

– Я здесь именно для этого, – заявила она. – Чтобы судить, может ли быть то, что вы утверждаете.

Блок слегка кивнул, прошёлся туда-сюда – казалось, наслаждаясь тем, как в зале нарастает напряжение.

– Мой метод, – сказал он наконец, – зиждется на принципе, таком простом, что можно только удивляться, как это никому до меня не пришло в голову. За ним стоит настолько простая, лежащая на поверхности идея, что впору волосы на себе рвать. – Он улыбнулся в зал, где многочисленные головы заметно подались вперёд. – Сейчас вы, конечно, спрашиваете себя, что же я имею в виду. Однако именно потому, что основополагающая идея так проста, я больше не могу сказать о ней ни слова.

Послышался невнятный ропот.

– Чтобы рассеять ваш вполне понятный скепсис, – продолжал Блок, нажимая на кнопку пульта и вызывая на экран следующую картинку, – я сделаю нечто более убедительное: я на практике докажу действенность моего метода.

На экране засветилась большая пятнистая карта США. Блок показал на неё и сказал:

– Ни одна область на планете не исследована геологами на предмет месторождений нефти так подробно, как территория Соединённых Штатов Америки. Буквально каждый квадратный метр здесь картографирован, подвергнут изучению и оценке. Классическая геология уверена, что про каждый фут американской почвы известно, залегает под ним нефть или нет. – Он сделал жест в сторону геологини. – Вы со мной согласны?

Она кивнула.

– Да, это так.

Блок улыбнулся, затем посерьёзней и возвестил:

– А я докажу, что вы ошибаетесь. С помощью моего метода я найду на территории США доселе не обнаруженное нефтяное поле. – Он отложил лазерную указку жестом, который

означал, что доклад окончен, и добавил: – Вы сможете проверить меня по этому обещанию.

Маркус огляделся и увидел, как засветились у людей глаза.

После этого представители «PPP» вместе с банкирами и экспертами удалились в просторный переговорный зал. Маркус и Блок с адвокатами ждали в фойе.

– Как вы думаете? – спросил Блок. – Мне удалось убедить их?

Дверь переговорного зала ещё раз открылась, и оттуда вышли два техника, которые рано утром прибыли сюда по заданию «PPP», чтобы проверить помещение на защищённость от прослушивания, и охраняли его до сих пор. Через открывшуюся дверь Маркус успел увидеть холодных, элегантных, высокомерных людей из «PPP», раскрывавших в это время свои серебристо поблёскивающие ноутбуки. Потом дверь снова закрылась, и техники, двое здоровенных детин в синих комбинезонах, встали перед ней на вахту.

– Да, – кивнул Маркус, – я вполне уверен.

В эти минуты они там, наверное, вносят в свою аналитическую программу цифры из бизнес-концепта, который Маркус роздал им собственноручно. Самым лучшим во всём этом было то, что Маркус благодаря долгим часам чтения, проведённым у камина Кейта Пеппера, вполне точно знал, к каким результатам эта программа приведёт. Он потратил несколько ночей на то, чтобы согласовать между собой все актуальные цифры, и теперь свойственные «PPP» методы анализа сами приведут к оптимальному результату.

Обсуждение длилось всего сорок минут. Затем их пригласили войти. Когда они уже сидели, слово взял мужчина из «PPP», выступавший у них, видимо, в роли спикера. Хотя на вид ему было от силы лет тридцать, волосы его уже серебрились, и это придавало загадочность его персоне. Он позволил себе краткую улыбку, но ни в коем случае не сердечную, а только деловую. Затем он объявил, что «Peak Performans Pool» будет участвовать в этом проекте, вкладывая свой венчурный²⁸ капитал. Инвестирование последует в две ступени: вначале «PPP» предоставит компании несколько миллионов долларов для того, чтобы профинансировать заявленный Блоком поиск нефтяного поля на американской территории, и – если этот поиск увенчается успехом, – инвестирование возрастет «до настоящих денег», как он выразился. Кроме того, «PPP» сохраняет за собой право решать, когда предать дело гласности. Особенно требует абсолютной секретности всё, что касается первой фазы – поиска источника нефти.

Маркус и Блок переглянулись, Блок кивнул, и в следующий момент адвокаты и люди из «PPP» извлекли свои органайзеры и стали согласовывать сроки подготовки договоров. Маркус откинулся на спинку стула. Дело было сделано. Он смог его сделать. Это было почти сексуальное ощущение, тёплый ток разлился по всему телу. Он проник в зону *большого бизнеса*, более или менее с места, без разбега. Потому что представился шанс – и он за него ухватился. Потому что здесь была Америка. Остальное теперь не проблема. Такие мелочи, как виза, оправдание его пребывания, Green Card – у них теперь были, считай, в кармане. Насколько помнил Маркус, если они в качестве предпринимателей нанимают хотя бы десять американских служащих – что в их случае произойдёт в мгновение ока, – они могут запрашивать Green Card и, в соответствии с «Immigration Act» 1990 года, претендовать на её получение.

Как только условились о следующих встрече и переговорах, все собравшиеся с удовольствием расслабились. Все ещё раз пожали друг другу руки и разъехались, а Маркус сказал своему деловому партнёру:

– Мы должны это отметить, вам не кажется?

– Отметить? – повторил Блок. Кажется, эта мысль была ему совершенно чужда. Глядя на него, можно было подумать, что охотнее всего он тотчас приступил бы к работе.

– Я заказал для нас столик в «Сан-Доменико». Это знаменитый нью-йоркский ресторан.

---

²⁸ От англ. «venture» – рисковать, решаться.

Итальянская кухня.

Блок неуверенно кивнул.

– Да. Хорошо. Почему бы нет?

Странный юродивый, этот его партнёр по бизнесу.

– Погодите, – расплылся в улыбке Маркус, – я попрошу, чтоб для нас вызвали такси.

Он отправился к стойке и как раз высказывал свою просьбу, как вдруг кто-то встал с ним рядом. Та женщина. С особенными раскосыми глазами.

– Хэлло, мистер Уэстман, – сказала она и улыбнулась.

Маркус чуть было не вздрогнул.

– О, хелло, мисс Ванг. Вы ещё здесь? Я думал, все уже уехали.

От неё исходил запах, который его смущал. Не парфюм, что-то другое, однако он не мог бы сказать, что.

– Как бы я могла уехать? Ведь мы хотели углубить то, что начали, не так ли?

– Сейчас? – Чёрт. Кажется, это неподходящий выбор времени. – Мисс Ванг, вы должны меня извинить, но сейчас не очень благоприятный момент... Я как раз собрался ехать со своим партнёром в ресторан, где у нас заказан столик.

– А что, если ваш партнёр уедет раньше, а вы посвятите мне ещё полчаса? – У неё был низкий, чуть ли не прокуренный голос. Раньше он этого не заметил.

– Ну что ж...

– «First Atlantic Bank» впредь будет тесно сотрудничать с вашим предприятием, а ведь вы финансовый директор... – Она, отвернувшись, смотрела в фойе. Взгляд её скользил по выставленной буровой технике, а язык скользил по губам, увлажняя их. – Мне кажется, это как раз подходящий момент, чтобы... активизировать наши отношения.

Маркус уставился на неё и смотрел целую минуту, как ему показалось. К чему она ведёт? Он вдруг твёрдо решил сейчас же выяснить это.

– О кей, – согласился он. – Я скажу своему партнёру, чтобы он ехал пока без меня. Полчаса?

– Это было бы замечательно.

Он направился к Блоку, который уже ждал у выхода, и объяснил ему положение дел. Такси как раз подъехало.

– У меня такое чувство, что это может быть для нас важно, – произнёс Маркус.

Блока это явно огорчило.

– Как скажете.

Маркус дал ему бумажку, на которой был записан адрес ресторана.

– Стол зарезервирован на «Block Explorations».

Блок кивнул. Казалось, это снова примирило его с ситуацией, и он сел в машину.

Маркус провожал такси взглядом, пока оно не слилось с уличным потоком, а потом вернулся к женщине из «First Atlantic Bank», которая так и ждала у стойки.

– Где мы сядем? – спросил он. – Может, в баре?

Оттуда как раз донеслись меланхолические звуки фортепьяно. Отель пригласил певца, который пел блюз в самое неподходящее время суток: это было скорее нарушение покоя, чем музыка.

Она с улыбкой покачала головой.

– Лучше нет. Давайте поднимемся наверх.

– Наверх?

– Ведь у вас же есть комната, я полагаю?

Ему стало жарко. «Нет, это не то, что ты думаешь, – пресёк он свои мысли. – Вспомни о Сильвио! Только ничем сейчас не рисковать!» Он откашлялся и кивнул.

– Да. Конечно. Если вам это не...

– Мне бы это было даже предпочтительнее.

Они направились к лифту, Маркус шёл как по минному полю. Вот и пойми эти новые американские обычаи! На всякий случай он решил держаться на расстоянии. Часы в фойе

показывали половину двенадцатого; да, к этому времени комнаты обычно уже прибраны.

Пришёл лифт, стеклянные двери бесшумно раскрылись. Маркус завёл нейтральный разговор:

– Вы живёте в Нью-Йорке?

Она кивнула.

– Да.

Её запах наполнил кабину. Он надеялся, что она не заметит его возбуждения.

– Я заставляю вас нервничать? – спросила она.

О Боже, а что это должно означать?

– Нервничать? Нет, то есть... Просто я сегодня так или иначе нервничаю. Вернее сказать, волнуюсь. В такой решающий день это неудивительно.

– Но ведь всё завершилось удачно?

– Да, конечно.

– Я уверена, что вам не о чем беспокоиться.

Маркусу стало не по себе.

– Конечно, вы правы. Эм-м, скажите... Что именно вы хотели бы обсудить со мной?

Лифт остановился, двери раздвинулись.

– Сейчас, – сказала она с улыбкой и вышла.

Маркус последовал за ней. «В её взгляде не было ничего интимного, ты слышишь? – сказал он себе. – Забудь об этом. ЗАБУДЬ ОБ ЭТОМ! То, что ты и твой дружок приняли за двусмысленность, просто всего лишь... ну, не знаю, азиатская манера, может быть, вести дружеские беседы. Так что забудь, что ты мужчина, а она женщина; тут всего лишь бизнес. И от этого зависит ВСЁ!»

Они шагали рядом по коридору, по толстому ковровому покрытию, которое поглощало все шумы, мимо множества одинаковых дверей и однотипных картин на стенах. Она шла – Маркус отметил это боковым зрением, – волнуяще качая бёдрами; он приказал себе смотреть в другую сторону. У неё был вид человека, который никуда не торопится и, находясь в отпуске, идёт в сауну. Можно позавидовать такой работе в банке.

Маркус открыл. Да, комната была прибрана, постель застелена, и вокруг не валялись никакие секретные документы.

– Вот мы и пришли. – Он указал ей на маленькое кресло, которое казалось ему слишком тесным. – Всё, что могу вам предложить для сидения. Не особенно удобно, но тут уж гарантированно никто не станет играть на фортепьяно. – Он подошёл к мини-бару. – Что вам предложить выпить?

Она заперла дверь на замок и сказала:

– Спасибо, ничего. – Быстрым шагом подошла к нему совсем близко и начала расстёгивать его рубашку. – Ведь у нас всего полчаса.

Настоящее

В зале, где проводилась гимнастика для больных, было два широких панорамных окна с видом на лес, который начинался сразу за парковкой. Маркусу всё время было здесь зябко, хотя топили хорошо.

Сегодня их было пятеро, не считая медсестры, проводившей гимнастику. Она показывала простые упражнения на растяжку, руки поднять вверх, отвести назад, ноги вот так, потом снова так – сущие пустяки, и было поразительно, в скольких местах при этом его тело болезненно тянуло и щемило, насколько его суставы были непослушны и как быстро начинали дрожать мышцы. Как будто он страдал чахоткой.

– Господин Поул! – окликнула его сестра. – Не надо так энергично. Медленно и с чувством, видите? Вот так...

Маркусу стоило некоторого труда не вздрагивать предательски, когда его называли чужим именем. Он старался не выдать себя и делал, как ему говорили. Чёрт, он чувствовал

себя так, будто части его тела были склеены между собой! Стоит ему как следует дёрнуть – и он избавится от этого чувства. Но ведь это наверняка не так, значит медленно...

Медсестра была невысокого роста, черноволосая, и когда она делала повороты корпуса в стороны, Маркус каждый раз вспоминал Эми-Ли, как она тогда, в отеле, повернулась к часам на ночном столике – после того. Он так и слышал её весёлый голос:

– Ну вот, как раз двадцать минут. – Потом она потянулась, голая и блестящая от пота, к блоку для записок рядом с телефоном и сказала: – Сегодня я буду дома после... ну... семи часов. Позвони, если захочешь продолжения.

– Конечно, захочу! – воскликнул Маркус, сердце которого всё ещё бешено колотилось.

Она встала и ушла в ванную. Вернувшись, сказала, подбирая с пола трусики:

– Ну что? Твой партнёр ведь ждёт тебя?

Маркус однажды читал, что самое худшее, что может сделать мужчина в такой ситуации, – это спросить: «И часто тебе случается это делать?» Но в этот момент ему пришлось действительно крепко держать себя в руках, чтобы не задать этот вопрос.

– ...и очень осторожно, господин Поул! – укоризненно воскликнула гимнастическая сестра. – О чём вы думаете? Руки вот так, видите? И мягко! Вы должны обращаться с собой осторожно. Если вы будете перенапрягаться, это вам ничего не даст.

Маркус кивнул и повторил движение более тщательно.

– Мягко, – сказал он. – Понял.

Через большие окна за её спиной видна была парковка. Туда как раз подъехало несколько больших машин, целая колонна, и оттуда вышли арабы. Среди них было несколько женщин, все закутанные, кроме одной – рослой, полной чувства собственного достоинства женщины, которая лишь с трудом укротила водопад своих локонов головным платком. Она вела за руку маленького мальчика.

Маркус наблюдал, как навстречу им вышел мужчина в белом халате. Он узнал лицо с рекламного проспекта клиники; но встречаться с ним пока не приходилось.

То был доктор Эрнст Ругланд, главный врач клиники. Человек, который знал настоящую фамилию Маркуса.

Глава 16

Прошлое

Переговоры с «Peak Performans Pool» складывались труднее, чем ожидал Маркус.

Первая встреча состоялась в адвокатской конторе «Campbell & Simmons», в библиотеке с бесконечными рядами красных и зелёных кожаных корешков, которыми до потолка были забиты стеллажи. В просветы стеллажей за окнами виднелся лишь поблёскивающий тёмной зеленью фронт стёкол соседнего небоскрёба.

Прежде всего они потребовали, чтобы Блок раскрыл свой метод, как только «PPP» войдёт в предприятие.

Не успел один из адвокатов что-то возразить на это, как Блок встал и поднял вверх нечто, в чём Маркус через секунду с ужасом узнал билет на самолёт.

– Если таково ваше условие, скажите это сразу, – резко воскликнул Блок. – Тогда я уже сегодня улечу домой. Никаких проблем.

Спикер от «PPP» недовольно нахмурился.

– Поймите же и вы нас, – спокойно произнёс он. – Вы требуете от нас вложений в бизнес, который зависит от одного-единственного человека. Который к тому же, если мне будет позволено такое замечание, уже не так молод. Мы не можем это сделать.

– Тогда оставим это. Есть и другие инвестиционные компании.

– Они скажут вам то же самое.

– И я им скажу то же самое: берите что дают, или оставим это. – Блок мгновенно распалился. – Как вы совершенно справедливо заметили, я старый человек. У меня не будет

никаких проблем с тем, чтобы унести свою тайну в могилу, если вы настолько глупы, что не понимаете, сколько теряете вы.

Возникла мучительная пауза. Маркус взял Блока за локоть и потянул его вниз, на стул. Затем один из адвокатов откашлялся и предложил отложить этот пункт на некоторое время.

– Вы что, намереваетесь продать этот метод? – спросил другой представитель «PPP», молодой человек с лишёнными выражения глазами ярко-синего цвета.

Блок издал рычащий звук:

– Да. За пятьсот миллионов долларов.

Мужчина расплылся в улыбке.

– А вам самому эта цена не кажется слегка преувеличенной?

Блок бросил в его сторону взгляд, которым мог бы прожечь стальную плиту.

– Мой метод стоит гораздо больше, и вы это знаете. Вся мировая экономика зависит от нефти, а традиционными методами вы её через пару лет уже не найдёте. Вот так всё просто. И верно обратное тому, что вы сказали: во всём мире не хватит денег, чтобы заплатить столько, сколько стоит мой метод.

Люди из «PPP» тревожно переглянулись. Лица, до сих пор хранившие невозмутимость, слегка исказились. Затем спикер сказал:

– Хорошо, мы согласны отложить этот пункт на некоторое время.

Маркус порадовался, что сидит. Он чувствовал, что кишки его завязались в гордиев узел. Кроме того, нельзя было сказать, что он сегодня выпался: последние ночи он проводил с Эми-Ли и установил личный сексуальный рекорд.

Люди из «PPP» листали свои бумажки и изучали экраны своих ноутбуков.

– Итак, мы представляем это себе следующим образом, – продолжил затем спикер. – Поскольку речь идёт о начальном финансировании, мы с нашими инвестициями приобретаем восемьдесят процентов учреждаемого предприятия...

Блок чуть было опять не взвился, но Маркус успел схватить и удержать его на месте.

– Да это же псы! – тихо прошипел ему Блок по-немецки. – Я в этом не участвую!

– Только спокойно, – ответил Маркус тоже по-немецки. – Они пробуют, это нормально. Остальное – дело переговоров...

Один из адвокатов наклонился в их сторону.

– Давайте ненадолго выйдем.

Они вышли в соседнее помещение, тоже библиотечный зал, разве только книги здесь были с красными и чёрными корешками.

– Наша позиция будет такова – и мы своего добьёмся, вы не беспокойтесь, – зачастил адвокат, не успев даже закрыть за собой дверь, – что мы имеем дело не с начальным финансированием, а по меньшей мере с предприятием в начальной стадии развития, как только будет доказано, что метод функционирует. А начальная стадия развития означает, что речь идёт лишь о непосредственном учреждении предприятия и внедрении на рынок. Учреждение – это чистая рутина, а внедрение на рынок метода разведки новых месторождений нефти – это не такой уж риск.

Маркус кивнул. В расчёте на свои планы он ещё во время учёбы основательно занимался теорией финансирования «Private-Equity», то есть финансированием предприятия частным венчурным капиталом. То, что говорил адвокат, соответствовало тому, что он знал. В фазе начального развития предприятия риски инвестора лежат преимущественно в возможности дефицита продукции или в том, что продукция пробьётся на рынок не в той мере, как ожидалось. Оба риска, на его взгляд, были в их случае минимальны: риск дефицита продукции – если метод Блока не даст желаемых результатов – можно будет оценить уже на первой фазе; коротко говоря, как только Блок найдёт на американской земле новое нефтяное поле, будет доказано, что его метод функционирует. Второй риск, напротив, был чистой теорией: что такой метод не встретит на рынке заинтересованности, было просто непредставимо.

– Мы даже можем аргументировать тем, – продолжал адвокат, – что очень быстро вступим в фазу раннего развития и очень быстро пройдем и её. В нашем случае практически

сразу начнётся экспансия; я даже вижу основную проблему в овладении ситуацией. Однако с этим мы можем, я думаю, добиться выхода на биржу уже в будущем году, так что «PPP» реализует свою инвестиционную прибыль в чрезвычайно короткое время. Это для нас хорошая ситуация, и вам не надо беспокоиться.

Блок слушал его, широко раскрыв глаза – без сомнения, мало что понимая.

– Но они не могут требовать восьмидесяти процентов участия, – воскликнул он наконец. – Тогда ведь я в собственной фирме практически буду лишён права голоса.

Адвокат, приземистый, с бычьим загривком человек с нездорово красным лицом, покачал головой.

– Ну, некоторое участие в предприятии – это, естественно, основа бизнеса компании «Private-Equity», это ясно. Но восемьдесят процентов, тут вы правы, это не подлежит обсуждению. Пробный шар, если хотите, или игра во власть. Не принимайте этого всерьёз. Мы в настоящий момент на базаре, и никто не ждёт, что первое же предложение будет принято. – Он помедлил, жестикуюлирую так, будто месил невидимое тесто. – Я... пожалуйста, поймите меня правильно... хотел бы предложить вам, чтобы вы оба больше не участвовали в переговорах лично, а подождали бы здесь.

Голова Блока взметнулась вверх.

– Это почему?

– Это укрепит нашу позицию, – заявил адвокат. – Это не так легко понять, но я могу вести переговоры из лучшей позиции, если в любой момент смогу сказать: стоп, я должен вначале спросить. Таким образом, мы не только выиграем время для размышлений, но и психологически будем сильнее, поскольку сможем придержать динамику, которая часто развивается в таких переговорах.

Маркус кивнул Блоку.

– Он прав. Я это знаю по своей работе в отделе продаж, – он вынужденно улыбнулся, – правда, с другой стороны.

Блок оглядел его, потом адвоката. Его нижняя челюсть ходила ходуном.

– О'кей, – сказал он наконец. – Так и поступим.

Это означало ждать. Бездейтельно сидеть, чувствуя, как минуты растягиваются в часы. Уставившись на обитую кожей дверь и спрашивая себя, что происходит там, за ней. А ваш адвокат, который имеет возможность в любой момент прервать переговоры, не прибегает к этой возможности.

Блок принялся беспокойно ходить взад-вперёд.

– Не знаю, – забурчал он себе под нос. – Они меня парят. Я это чую. Все меня всегда парят. Они даже думают, что у них есть на это право, поскольку они учились, а я нет.

Маркус смотрел в окно, запутавшись в стеклянных фасадах небоскрёбов, в которых отражались стеклянные фасады других небоскрёбов. Но когда Блок в третий раз завёл всё ту же пластинку, он повернулся к нему и сказал:

– Карл, вы зря беспокоитесь. Метод знаете только вы. Без вас ничего не сдвинется с места. Это неуязвимая позиция.

Блок остановился и упёрся взглядом в пол, покачивая головой.

– Маркус, – медленно произнёс он после паузы. – Что касается метода... Я должен вам кое-что объяснить.

Маркус ощутил, как во рту у него пересохло. И судорожное чувство гордиева узла в животе опять вернулось.

– А именно?

– Метод... он еще не проработан до конца. Не вполне. Понимаете, я в принципе не имею ничего против того, чтобы раскрыть его; только вначале мне нужна возможность доработать его до конца.

О, ч-чёрт. Да быть того не может!

– Что значит «не проработан»? – Маркус старался не закричать, хотя ему очень хотелось.

Блок сделал отметающее движение рукой.

– Нефть я найти могу, это не вопрос. Это я доказал. Я найду нефть там, где больше никто её не найдёт, это я тоже доказал. И я докажу это снова. Но в этом пока что слишком много интуиции, понимаете? Научные принципы ещё не вполне ясны. Формулы, которые я нашёл, слишком приблизительны, чтобы в них можно было ткнуть носом кого угодно. Предстоит сделать ещё много работы. – Он встал перед Маркусом, заглянул ему в глаза, и опять в его взгляде было что-то покоряющее, что появлялось в нём только перед публикой, что-то пророческое. – Маркус, я посвящу вас в тайну, когда мы наконец приступим к работе, но вы должны пообещать, что поможете мне до конца разработать метод.

Маркус смотрел на старика, силясь справиться с паникой, которая поднималась в нём. Только не идти на поводу у фантазии. Он ведь уже принял решение не беспокоиться, а? Беспокойство – оно ведь ничего не даёт. Надо действовать. Это же Америка, здесь можно только так, а не иначе. Мужество, вот что. Мужество и уверенность – и тогда мир принадлежит тебе.

Страхи исчезли. Он вдруг снова взглянул на вещи трезво. Это был его великий шанс, и он им воспользуется.

– Обещаю, – сказал Маркус.

Скоро скрипнула дверь, и вышел адвокат с предложением, на котором, в случае их согласия, все сойдутся: сорок девять процентов для «PPP» и пятьдесят один для них.

– Два следующих условия связаны с этим, – продолжал адвокат. – Во-первых, метод должен быть раскрыт в течение трёх следующих лет, а пока он не раскрыт, «PPP» хочет иметь закреплённое договором особое право в любой момент ликвидировать предприятие без объяснения причин. Во-вторых, «PPP» выставляет третьего директора, который будет отвечать за организацию и построение предприятия. С нашей точки зрения это не представляет проблемы; в таких вещах у фирмы «PPP» большой опыт, от этого мы только выиграем.

– Что это значит точно – пятьдесят один процент для нас? – спросил Блок.

Адвокат излучал уверенность в победе.

– Это значит, что вы вдвоём будете иметь в будущей фирме большую долю участия и таким образом будете обладать решающими полномочиями. Причём этот пятьдесят один процент вы должны разделить между собой. Мистер Уэстман сказал мне, что вы заключили между собой предварительное соглашение?

Маркус кивнул.

– Да. По этому соглашению мистеру Блоку причитаются три четверти нашей доли, а мне одна четверть.

– Нет, мы сделаем не так, – вмешался Блок, отрицательно качая головой. Он по-отечески обнял Маркуса за плечо и заявил адвокату: – Мы поделим пополам. Или, чтобы цифры были целые, двадцать шесть процентов мне и двадцать пять процентов этому молодому человеку. – Повернувшись к Маркусу, он сказал по-немецки: – Для меня дело не в деньгах. Мы заработаем миллиарды – на что они старому человеку? Я хочу завещать миру метод Блока. Для меня важно это.

Адвокат озадаченно поморгал, затем кивнул и удостоверился:

– Значит, вы согласны с достигнутыми договорённостями?

– Да, – сказал Блок.

Маркус был не в состоянии вымолвить ни слова. Он лишь оглушённо кивнул.

Так договоры были подготовлены и в ходе следующей встречи подписаны. То были целые горы бумаг; даже запястья болели от множества подписей, которые пришлось поставить на этих бумагах.

Именно тогда возникло предложение назвать вновь учреждаемую фирму «Block & Westman».

– Звучит как-то лучше, – сказал один из представителей «PPP». – Динамично. Выразительно. Как «Хьюлетт-Паккард». Или «Даймлер-Бенц».

Маркус сразу отказался. Единственным человеком, дающим фирме имя, аргументировал он, должен быть изобретатель метода, ибо без него не было бы и повода учреждать фирму.

– Итак, остаёмся при начальном названии «Block Explorations», – резюмировал адвокат и пошутил: – Это хотя бы избавит нас от необходимости всё заново распечатывать и ещё раз скреплять подписями.

Блок лишь молча слушал и, после того как в дискуссии была поставлена точка, довольно улыбнулся Маркусу.

Маркус же, переверачивая листы и проставляя в нужном месте свою подпись, прислушивался к себе. Он был доволен своим решением, но если совсем уж честно, он принял его не ради Блока. Нет, была другая причина, которая сыграла в этом роль: чувство, что эта фирма для него ещё не конечная станция. В нём всё ещё жил образ стеклянной башни. Башни, на которой будет красоваться: «Westman Tower». Не «Block & Westman», а только Уэстман. Внутренний голос нашёптывал ему, что «Block Explorations», какой бы большой ни была эта фирма, станет всего лишь этапом на его пути.

И что он правильно сделал, приберегая своё имя на потом.

Одним из договоров, подписанных на этой встрече, был договор о зачислении Маркуса в штат. В нём оговаривалось жалование в 100 тысяч долларов год, а также условие, что жалование будет пересмотрено, как только будет найдена первая нефть. Разумеется, в сторону повышения. Значительного повышения.

Это было начало. Маркус отказался от квартиры в Райской Долине и снял маленькие апартаменты в Бруклине, в принципе состоявшие лишь из одной неприглядной комнаты с душем, туалетом и кухонной нишей. Однако, несмотря на это, стоили они зверски дорого. Но ничего, это было лишь временное пристанище; он, естественно, обзаведётся чем-нибудь по-настоящему приличным, как только потекут по-настоящему большие деньги. Кроме того, он и так почти все ночи проводил у Эми-Ли, навёрстывая более чем полугодовое воздержание и накапливая огромный дефицит сна. Но чему быть, того не миновать, и для чего же существует кофе и тому подобное? Рано утром он выпивал несколько чашек крепкого кофе в великолепной трехкомнатной квартире Эми-Ли в Верхнем Ист-Сайде, откуда можно было видеть, как над Атлантикой встаёт солнце и Квинс погружается в расплавленное золото.

Блок же, напротив, предпочитал и дальше жить в отеле. Адвокаты были этим премного довольны, поскольку это, как они объясняли, уменьшает опасность возникновения проблем со Службой иммиграции и натурализации относительно их недостаточного визового статуса. То, что Блок живёт в отеле, документально подтверждало его «намерение вернуться», и это якобы многое облегчало.

Маркусу же было всё равно. Он отказался демонстрировать «намерение вернуться», даже для видимости. Он не имел намерения возвращаться – и basta.

Теперь одно шло за другим. Был арендован офис, наняты первые служащие – секретарши и бухгалтер, которые тотчас начали формировать фирму, набирать геологов и буровых техников, хотя те приступят к работе лишь какое-то время спустя. Организатором этого водоворота был третий директор, назначенец «PPP», рослый, пухлощёкий человек лет сорока, носивший полнозвучное имя Джеймс Уитни Турбер-мл. III. У него были длинные волнистые волосы, делающие его похожим на мужеподобную женщину, однако он был женат, причём даже на известной актрисе, от которой имел троих детей. И дело он знал, это было бесспорно. Джеймс Уитни Турбер и т. д. и т. п. понимал толк в том, как выстроить фирму на пустом месте. Он знал, какие заполнить формуляры, на что обратить внимание, а что лучше не трогать, он знал, где взять людей и как отобрать из них нужных. Пускай он не был симпатичным – холод, исходивший от него, временами был просто пугающим, – но он был даром небес.

У Маркуса первое время работы было не много, разве что обжить свой кабинет. Даже его новые визитные карточки уже лежали на письменном столе: Марк С. Уэстман, *вице-президент*. Он не мог на них наглядеться.

Однако когда он гордо показал такую карточку Эми-Ли, она лишь рассмеялась и

проворковала:

– Знаешь, что меня в тебе привлекло?

– Ну, ты знала, что мне светит крутая карьера!

Она закусила мочку его уха и стала трепать её, мотая головой, а отпустила только после бурных протестов. Больно же!

– Я из тех женщин, которые иногда думают только тем, что ниже пояса, – шепнула она ему в истерзанное ухо. – Я тебя увидела и захотела. Вот и всё. Так просто.

– Я шокирован, – ответил Маркус, в высшей степени польщённый.

Только право на пребывание в США оставалось нерешённой проблемой. Green Card, на которую была вся надежда, маячила, как растолковал ему адвокат, лишь где-то в далёкой дали.

– Вы попадаете в категорию EB-5 как Permanent Resident Investor. Для этого вы должны инвестировать собственные деньги, по меньшей мере миллион долларов, но и то пройдёт три года, прежде чем вы получите Green Card.

Итак, он снова получил лишь временную визу – с разрешением на работу, связанную только с деятельностью его собственной фирмы!

– Да здравствует бюрократия! – прокомментировал он.

Блоку эта бумажная война давалась ещё труднее, поскольку для такого рода визы – что привело австрийца в ярость, – играло роль, есть ли у него свидетельство об окончании признанного высшего учебного заведения или нет. В конце концов, была найдена лазейка, закрывающая вопрос хотя бы на первое время.

Маркус подробнее изучил соответствующие предписания и обнаружил, что человек, желающий получить Green Card путём инвестиций, должен не просто инвестировать деньги, но действительно учредить *новое* предприятие.

Другими словами: если он хочет обосноваться в США, «Block Explorations» действительно может быть лишь этапом на его пути.

В одном из разговоров, которые они вели ночами, голые, среди измятых простыней, Эми-Ли спросила:

– И что, ты совсем не знаешь, как твой партнёр находит нефть?

Маркус помотал головой.

– Он странный. Пообещал, что объяснит. Но, честно говоря, я должен увидеть это своими глазами, чтобы поверить.

– Тебя это не тревожит? – она положила голову ему на грудь и рассеянно водила пальцами по его соску.

– Меня? – Он слушал шум уличного движения, которое ночью хоть и затихало, но не смолкало ни на миг. – Нет. Я с самого начала намеревался открыть предприятие, с OPI или OPM. Именно это я и сделал. Это говорит о том, что я на верном пути.

– Что это значит – OPI, OPM?

– «Other people's ideas» и «other people's money».

С ума сойти, если вдуматься. Метод – от Блока, капитал – от «PPP», а ему, несмотря на это, принадлежит четверть фирмы! О, чудеса капитализма!

– Только вот иммиграционные органы, – посетовал Маркус, – не срабатывают так, как мы рассчитывали. Но ничего. Это только вопрос времени, пока я соберу миллион, и тогда я с этим миллионом открою своё предприятие. Слушай, а что это ты там делаешь?

Она не переставала обрабатывать его сосок.

– Разве ты не на самой верхушке «Block Explorations»? – спросила она, делая вид, что не замечает, как возбуждающе это сказывается на других частях его тела.

Ну, так он ей это показал.

И лишь потом, во время следующей паузы, ответил:

– Я *вице-президент*. Другими словами, есть ещё одна ступенька. Так что я ещё не наверху, не так ли?

Настоящее

Придя домой, Доротея прослушала на автоответчике сообщение Вернера о том, что он придёт позже и чтоб ужинали без него. Голос у мужа был напряжённый. Она поужинала с Юлианом, который без умолку говорил о каком-то футбольном матче штутгартского «VfB»,²⁹ который будут вечером показывать по телевизору.

– Папа разрешил мне его смотреть! – то и дело заявлял он, хоть она и говорила, что не имеет ничего против. Он огласил ей также тонкости состава команды и вслух прикидывал, какие шансы из этого следуют, но она при всем желании не могла следить за ходом его мысли. Зато пожертвовала ему целый пакет чипсов, с которым довольный Юлиан удалился в гостиную.

Она накрывала стол для Вернера, а думала при этом о Маркусе и о его странной просьбе. Ей придётся подождать, когда Вернер будет в настроении помочь ей.

Он вернулся уже после девяти, словно окутанный мрачной тучей. Казалось, мыслями он был где-то далеко, когда целовал её, снимал пальто, шёл за ней на кухню и потом, чего он никогда не делал, взял из шкафа стакан, наполнил его из-под крана и залпом осушил.

– Ты была сегодня у брата?

– Да, – сказала Доротея.

– И что? Как он?

– Хорошо. У него ещё этот шрам, но они его в ближайшие дни прооперируют.

– Хорошо, – сказал Вернер, но казалось, что он не понял ни слова.

Она взяла его за локоть.

– Вернер? Что с тобой?

Он посмотрел на неё – глазами, в которых мерцал ужас, осторожно отставил стакан и тихо, почти шёпотом сообщил:

– Зигмунд умер.

– Что?

– Инфаркт. Сегодня днём, в Дубаи. Объявили его рейс, все встали, а он остался сидеть. С ним вместе летел Унтермейер, сидел рядом с ним. Не заметил, как тот был готов. – Вернер медленно мотал головой из стороны в сторону, будто это происходило помимо его воли. – Умер в один момент. А был на год моложе меня.

Доротея вспомнила круглое, слегка отёчное лицо. Она видела Зигмунда всего один раз, в тот вечер, когда они были здесь с женой. Им был обещан ответный визит, но дело до него так и не дошло – сроки, обязательства, стресс.

И она вспомнила еще кое-что:

– Он тогда постоянно мотал коленями. Ты не заметил? Его словно током дёргало.

Вернер начал беспокойно метаться по кухне.

– Конечно, заметил. Это он ещё являл собой само спокойствие. Видела бы ты его в столовой.

– Но это ведь ненормально. Ему надо было послушаться жену.

– Ох, что делать, такая работа, – выдавил Вернер. Он остановился, тяжело дыша. – Мне тоже грозит командировочная жизнь, когда начнётся внедрение разработки в Бразилии. А может, и того хуже. Знаешь, сколько длится полёт в Южную Америку? Ужас.

Доротея сглотнула. Наконец и до него дошли тревоги, которые мучили её с тех пор, как начались разговоры об этом проекте.

– Да сядь же, – сказала она. – Поешь сперва.

– Я не могу ничего есть.

– А с Бразилией уже определилось?

– Нет, но... – Он смолк, посмотрел на неё. Она обняла его, и так они стояли.

---

²⁹ «VfB» – штутгартская футбольная команда.

Пока не притащился Юлиан, взял из холодильника колу и невозмутимо – лишь скользнув по ним взглядом без всякого интереса – налил себе полный стакан. Казалось, ему некуда было спешить; хотя обычно в футбольные вечера его можно было сравнить с реактивным истребителем на бреющем полёте.

Доротей кашлянула.

– Ты что, не боишься пропустить гол?

– Не-е, – скривился он. – Там сейчас эти чертовы новости.

– Но они сейчас же и закончатся.

– Они сказали, что все передачи сдвигаются на полчаса. – Юлиан поглядел на свой стакан и пришёл к выводу, что тот нетранспортабелен, если не отпить из него глоток. – А на других каналах то же самое.

Доротей, всё ещё обнимавшая Вернера, почувствовала, как он опять напрягся. Она встревожилась:

– Что там за новости?

– С Аравией что-то.

Они с мужем переглянулись, и оба поспешили в гостиную. На экране, озаряемый фотовспышками, перед лесом микрофонов говорил старик в арабском одеянии.

– ...положение под контролем, – с запаздыванием переводил закадровый голос. – Пожарники потушили несколько очагов... кроме одного, который, однако... вскоре тоже будет погашен и... больше не представляет собой опасности; ситуацию держат под контролем... Военные охраняют, эм-м, другие возможные цели атак... И нынче же ночью, – саудовский министр внутренних дел подчеркнул это, – начнутся восстановительные работы.

Переключили на студию, как это обычно бывает во время таких специальных репортажей. За пультом шелестел своими бумажками ведущий. Гость студии оцепенело ждал. На мониторе мерцала надпись: «Взрыв в саудовском нефтеналивном порту». Тема разговора.

– Итак, вот что сказал саудовский министр внутренних дел, – произнёс ведущий и повернулся к своему гостю. – Профессор Шульц, вы являетесь экспертом по вопросам обеспечения нефтью. Что означает потеря такого порта? Грозит ли нам нефтяной кризис?

Тот снисходительно улыбнулся.

– Нет. Саудовская Аравия хоть и крупный, но не единственный поставщик нефти. Европа покрывает из Саудовской Аравии лишь около двадцати процентов своей потребности, а США – вообще всего восемь процентов. И нефть-то ведь есть, как уже сказано, речь идёт лишь о том, что в настоящий момент её нельзя загрузить в танкеры. Но я могу себе представить, что рынки всё же среагируют на это. Саудовская Аравия до сих пор играла роль так называемого *swing producer*,³⁰ которую теперь страна не сможет сохранять за собой, пока не восстановят порт. Это означает...

– Что это значит – *swing producer*?

– Это означает просто, что Саудовская Аравия то повышает, то понижает своё производство в зависимости от потребности в нефти. Другие нефтедобывающие страны производят столько, сколько могут, а саудовцы, в отличие от них, всегда лишь столько, сколько необходимо сверх того. Это значит, в принципе, что цены на нефть определяли они.

Ведущий сделал большие глаза; он явно впервые об этом слышал.

– Э-эм... но это же очень удобная позиция, дающая власть, не так ли?

Гость студии поправил очки.

– Да, причём необходимо сказать, что в принципе они никогда этим не пользовались. Они всегда старались держать цены на нефть на уровне, терпимом для мировой экономики.

– А нефтяной кризис в начале семидесятых? Я вспоминаю о запрете на поездки в воскресенье, пустые бензоколонки и так далее, и все тогда кляли нефтяных шейхов. Ведь тогда тоже были саудовцы... Или нет?

---

³⁰ *Swing producer* – компенсирующий производитель (англ.).

Профессор кивнул.

– Ответственность за это тогда легла на Саудовскую Аравию под руководством короля Файзала; ОПЕК решила пойти на пятипроцентное снижение производства нефтепродуктов. Это имело, конечно, политические причины, и с сегодняшней точки зрения надо сказать, что реакция западных стран была, ну, несколько преувеличенной.

Ведущий схватился за белую кнопку в ухе.

– Мне только что сообщили, что у нас есть новые кадры из Рас-Тануры. Режиссёр, прошу вас.

Из громкоговорителя раздался грохот, заставивший вздрогнуть, а на экране задрожала зыбкая, неясная картинка. Съёмки, видимо, велись с вертолёта, и лишь постепенно можно было распознать гигантские цилиндры, огромное их количество – казалось, они тянутся до горизонта.

– Это нефтяные резервуары, как я полагаю? – спросил голос ведущего.

– Да, верно, – ответил профессор. – Это нефтеналивные сооружения Рас-Тануры. Здесь складывается больше сырой нефти, чем где-либо ещё в мире.

В кадр попало тревожное красно-жёлтое мерцание.

– А это, должно быть, огонь, который ещё не удалось потушить. Это значит, резервуары вне опасности; так ли это, по вашему мнению?

– Да, расстояние от пирса до резервуаров составляет несколько километров. Им никогда ничего не угрожало.

Запись оборвалась застывшим кадром, и на экране снова возникла студия.

– Саудовский министр внутренних дел сказал, что восстановительные работы начнутся немедленно; ещё этой ночью, как он подчеркнул. Как долго, по вашей оценке, они продлятся, пока нефть снова не потечёт в танкеры?

Мужчина в сером костюме покачал головой.

– Отсюда мне трудно судить. Но не меньше нескольких недель, а то и месяцев. Всё зависит от рода повреждений.

Ведущий помедлил, перед тем как задать вопрос, зная, что он может смутить собеседника.

– А когда нефть потечёт снова – как долго она ещё будет течь? Когда запасы подойдут к концу?

Профессор улыбнулся, как человек, которому задали ожидаемый вопрос, ответ на который он уже приготовил.

– В 2004 году государственная саудовская компания «ARAMCO» оценивала свои резервы в 259,4 миллиарда баррелей. Добывается ежедневно в среднем 8–9 миллионов баррелей. Вы легко можете подсчитать, что при такой добыче запасов хватит ещё самое меньшее на восемьдесят лет.

– Значит, нет причин для беспокойства? – с видимым облегчением резюмировал ведущий.

– Сейчас, я думаю, цены поднимутся, но вскоре опять нормализуются.

– Большое спасибо, профессор Шульц, – сказал ведущий и продолжил, повернувшись к камере: – В настоящий момент это всё, что можно сказать о подоплёке нападения на саудовские порты. Мы будем держать вас в курсе дальнейшего развития событий. А теперь далее к программе. Для фанатов футбола: трансляция уже идущего второго периода матча на кубок УЕФА между «VfB» Штутгарт и «United» Манчестер будет лишь сдвинута по времени. Так что вы ничего не потеряете.

На экране возникло зеленое поле, залитое светом, из громкоговорителя вырвались крики тысяч болельщиков, начался второй период.

Юлиан сказал:

– Ну наконец-то! – и уселся на софу.

Вернер сокрушённо покачал головой.

– Вот чёрт! А я как раз собрался заказать котельное топливо. Зря намылился.

– А сколько у нас ещё осталось? – спросила Доротея.
– Ну, на пару недель хватит. Но никак не на месяцы. Тем более что зима на носу.
– А не могли бы вы переместиться с разговорами на кухню? – попросил Юлиан тем резонёрским тоном, который Доротея не переносила. – Матч в самом деле очень серьёзный.

Глава 17

В выходные клиника гудела как улей. Начиналось ещё в субботу; во второй половине дня, если погода хоть немного благоприятствовала, вся парковка была полна выздоравливающими в махровых халатах и их посетителями.

Поэтому Маркус ещё с вечера пятницы запасался книгами из больничной библиотеки, добывал журнал с телевизионной программой и все выходные не высовывал носа из палаты.

Но сегодня он стоял у окна и высматривал. Из его палаты на втором этаже хорошо просматривалась территория. Даже слишком хорошо: ему приходилось держаться в метре от окна, поскольку внизу, среди густого кустарника, наверняка затемняющего весь первый этаж, проходил популярный теренкур для прогулок. Впрочем, там не располагались палаты, если он правильно интерпретировал план здания.

А, ну вот, наконец, и они. Доротея и Юлиан, который сильно вырос с тех пор, как он видел его в последний раз. Вернер не с ними – должно быть, ищет место, где припарковаться. В выходные это не так просто сделать.

Он вернулся в постель, поскольку, по его представлениям, это больше приличествовало поведению больного, и ждал, когда в дверь постучат. На его «Войдите!» в щель просунулась голова Юлиана.

– Привет, племянник, – сказал Маркус.

Юлиан нехотя вошёл, беззащитный одиннадцатилетний подросток, у которого отняли его бесценное свободное время и навязали ему нечто непотребное: посещение больного родственника.

– Привет, дядя Маркус, – сказал он. – Только не говори, что я стал такой большой, ладно?

– Да как бы я посмел? Хотя именно так мне и кажется. Но причина, должно быть, в том, что я лежу, а ты стоишь, а?

Юлиан задумчиво оглядел его.

– Да, – произнёс он серьёзно. – Это вопрос перспективы.

Маркус невольно улыбнулся.

– Вот именно. Вопрос перспективы. Что, с математикой у тебя по-прежнему всё хорошо?

Мальчик не знал, куда девать глаза.

– Ну да. Всё в порядке.

– Да что там хорошо – отлично! – уточнила Доротея. Она извинилась за Вернера, который хотел приехать, но его срочно вызвали на фирму для переговоров из-за взрыва в Саудовской Аравии и возможных экономических последствий для предприятия.

– В выходной день? – удивился Маркус.

Доротея подавленно кивнула.

– Немного тревожно, правда?

– Да. Я видел по телевизору. Впечатляет. Наверняка с понедельника поднимутся цены на бензин; уж энергетические концерны не упустят такого удобного случая.

– Да, и Вернер говорит то же самое. – Она открыла сумочку, достала мобильный телефон и протянула ему. – Вот мобилник, как ты просил.

Маркус взял его.

– Ты сделала всё, как я сказал?

– Да. Купили телефон на имя Юлиана, а он потом поменялся с одним мальчиком из параллельного класса.

Маркус посмотрел на своего племянника.

– И что? Трудно было найти человека, который бы согласился?
Юлиан отрицательно покачал головой.

– Не-а. Каждому ведь охота иметь новейшую модель, но не каждый может себе это позволить.

– И чем ты объяснил, что хочешь поменяться на старую модель?
– Тем, что новый не стыкуется с моим компом, потому что разъём не подходит. Для фотографий и всё такое.

Маркус признательно улыбнулся.

– Но на самом-то деле ведь разъём подходит, а?
– Да ясно, подходит. Но большинство же не сечёт! – Он глянул на мобильник в руках Маркуса. – Это я у Тимо выменял. Тот вообще ничего не сечёт. Он даже не знает, что нам достаточно было поменяться SIM-картами, чтобы у каждого остался его прежний номер.

– Но вот этого я как раз и не хотел, – озабоченно сказал Маркус.
– Да ясно. Мы же и не меняли SIM-карты, – Юлиан пожал плечами. – Да ему что, у него не так много друзей, кому он должен сказать свой новый номер.

– Хорошо, – довольно сказал Маркус. – Спасибо тебе. – Он посмотрел на свою сестру. – И тебе тоже. Ведь тебе пришлось платить за это удовольствие.

– А тебе-то оно для чего? – спросил Юлиан.

Маркус разглядывал маленький, лёгкий предмет у себя в руке, ещё раз соображая, всё ли он продумал.

– Мне придётся звонить человеку, телефон которого наверняка прослушивается, – объяснил он. – Поэтому мне нужен аппарат, который не так легко вывел бы на меня.

Юлиан выпучил глаза.

– Правда? Ну, круто.
– Но это должно оставаться между нами, понятно?
– Логично.

Он сунул телефон в выдвижной ящик тумбочки, где он заранее приготовил для Юлиана несколько выпусков комиксов. Это дало им с Доротеей возможность спокойно поговорить об аренде магазина.

Она рассказала, что приезжал налоговый консультант и они с Вернером всё просчитали. С властями всё улажено, подписан договор аренды домика с магазином.

– Надо посмотреть все помещения, может, что-то я смогу использовать под склад, – сказала она. – Вчера я уже пристроила туда консервы, макароны и всё такое непортящееся. И я всё время раздаю по деревне рекламные листовки. В понедельник в половине восьмого один крестьянин завезёт мне овощи из своего хозяйства, экологически чистые, и в девять магазин откроется. На последней листовке я разместила купон: кто принесёт его в течение первой недели, получит бесплатно полфунта макарон очень хорошего сорта. Как ты это находишь?

Маркусу нравился предпринимательский азарт, которым она светилась. Он находил, что этот азарт ей к лицу.

– Буду держать за тебя кулачки. Вот увидишь, все будет прекрасно.
Она с волнением выдохнула:
– Ой, я так боюсь.
– Без этого какое же удовольствие...

Они ещё немного поболтали, и настало время уходить. Доротеея отправила Юлиана вперёд и, когда он вышел за дверь, повернулась к своему брату и задала ему вопрос, который, должно быть, давно тяготил её:

– Маркус, по поводу того, что сказал адвокат... Я чувствую себя как в фильме про агентов. Надо ли мне за тебя беспокоиться?
– Но Фридер ведь тебе всё рассказал, разве нет? Почему я здесь. И про то, что я под чужим именем.
– Но ведь это же всё неправда, да? Ты же... не употреблял кокаин? Ты ведь – нет?..
– Смотря как толковать слово «употреблял».

Прошлое

Она была сверху, так ей больше нравилось, раскачивалась и билась и, тяжело дыша, погружалась в экстаз, но вдруг приподнялась так высоко, что Маркус выскользнул из неё.

– Подожди, – выдохнула она, перегнувшись через него к ночному столику, голая, блестящая в полутьме, груди её колыхались совсем близко. Она достала из выдвижного ящика что-то шелестящее, пластиковый пакетик, прихватила из него щепотку порошка. Растёрла этот порошок по влажной головке пениса, отчего Маркус застонал, и снова приняла его в себя.

И тут... с ним что-то произошло. У него снесло крышу. Его тело изменилось. Нервные окончания начали гореть. Его пожирал экстаз, он сжигал его, катапультируя в космос. Миллионы лет спустя, когда его мысли снова пришли в движение и выяснилось, что он всё ещё существует, Маркус почувствовал на себе вес Эми-Ли, ощутил запах её пота, вдохнул мускусный аромат.

– Вау! – с трудом выдавил он. Он был неспособен двигаться, чувствовал себя как выжатая тряпка.

Она была едва жива. Он слышал, как она лепечет:

– Я всегда боюсь, что когда-нибудь так и останусь там. Не вернусь больше.

Он не понимал, что она имела в виду, не понимал, что вообще произошло. Должно быть, это как-то связано с тем порошком...

– Что это за вещество?

Она сказала ему.

– Но ведь это... нелегально. Разве нет?

Эми-Ли подняла голову, сердито откинула волосы.

– Ну и плевать. У меня только одна жизнь, и я хочу взять от неё всё.

Блок определил маршрут поездки, и Турбер всё организовал – у него, казалось, всюду были связи. И вот они уже летят в Луизиану: Маркус, Блок и приземистый, бородатый, уютного вида геолог по имени Майкл Квинтон, которого Блок считал засланным от «РРР» – как он шепнул Маркусу, улучив момент, – чтобы разгадать его метод.

– Мы должны чинить ему препятствия, чтоб он за нами не шпионил, – потребовал старик.

– Сделаем, – пообещал Маркус и остаток полёта всё пытался разобраться: Блок то ли страдает манией преследования, то ли всё же прав.

Было холодно и сыро, когда они прибыли на место и пересели в вертолёт, на котором полетели дальше к югу, через туманные болота, полные причудливых, кажущихся ирреальными деревьев.

– Сезон ураганов прошёл, – крикнул им пилот. – К счастью!

Маркус сидел на заднем месте у окна. Ему ещё не приходилось летать на вертолёте, и всё казалось ему в высшей степени авантюрным. Вообще, если подумать, вся его жизнь превратилась в сплошное приключение.

Они достигли побережья и пролетали над нефтяными платформами, тесно стоящими в зеленоватых водах Мексиканского залива. Сверху они казались игрушечными.

– Этим сооружениям от тридцати до сорока лет, – опять прокричал пилот. – Добыча постоянно падает; первые платформы уже демонтируют, потому что они себя больше не оправдывают.

Они летели над морем всё дальше. Полёт их длился уже больше часа. Платформы попадались всё реже, море становилось всё синее, а значит, глубже. Над водой стоял тонкий, морозно-белый туман, и в какой-то момент из этого тумана показалась другая платформа, намного больше прежних. Это был целый город из стали, плавающий на объёмных оранжевых понтонах. На далеко вынесенной консоли ярко и ровно горел газовый факел.

– Мы сейчас над полем «Мэрлин», – пояснил пилот. – Оно залегает на глубине двух

миль под морским дном. Было открыто в 1993 году, максимум добычи составлял сорок восемь тысяч баррелей в день.

– А теперь? – спросил Блок.

– По моим сведениям, тридцать девять тысяч баррелей в день, но сведения уже довольно старые.

– Есть ли на платформе собственные сепараторы?³¹

– Да, вон, внизу. – Пилот показал на огромные, сложного устройства сооружения над поверхностью воды. – Они отделяют газ, воду и песок, а остальное идёт по нефтепроводу на берег.

Чем ближе они подлетали к платформе, тем она становилась больше: настоящий колосс.

Маркус был потрясён тем, каких гигантских затрат требует снабжение бензином и топочным мазутом. Он об этом не задумывался, когда совал заправочный пистолет в горло своего бензобака. А если бы и задумался, то не в состоянии был бы даже приблизительно нарисовать в своём воображении гигантскую машинерию, отвечающую за то, чтобы из пистолета действительно лился бензин, когда на дисплее колонки мелькают цифры.

Но виду он не подавал. Какой бы он был вице-президент нефтеразведочной фирмы, если бы начал задавать вопросы новичка. Срочно надо прочитать хоть пару книжек, сказал он себе, заранее зная, что до этого руки так и не дойдут, потому что каждую свободную минуту он проводил с Эми-Ли, по большей части занимаясь сексом. Время от времени они выезжали в Город городов. Эми-Ли, казалось, знала в Нью-Йорке всех, кто хоть что-то собой представлял. Её приглашали на все вечеринки, и она бывала всюду. В последние недели Маркус сживал за одним столом с акулами Уолл-стрит, сталкивался с политиками, перемигивался с актрисами и поп-звёздочками на танцполах и прохаживался вдоль картин знаменитых художников, делая вид, будто что-то в них понимает. Он с удивлением заметил, что в этом кругу принято приводить себя в соответствующее настроение при помощи кокаина, но на тебя косятся, если ты закуришь сигарету. Могло быть даже так, что человек, только что втянувший ноздрей белую дорожку с долларовой купюры, пускался поучать тебя насчёт вреда курения.

Однажды он стоял у писсуара рядом с Робертом Болдуином, знаменитым теледиктором. Багрово-отёчное лицо, хорошо знакомое каждому человеку в США. Болдуин глянул на него сбоку и сказал, тяжело ворочая языком:

– Мой друг, хотите совет? Наслаждайтесь этими деньками с ней. Такую женщину вы больше не найдёте. А она вас всё равно бросит так же скоро, как и подцепила.

После этого он застегнул ширинку и удалился.

Вертолёт приближался к большому судну, посреди палубы которого размещалась могучая буровая вышка. «GULF ENDEAVOUR IV» – прочитал Маркус, когда они развернулись и взяли курс на вертолётную площадку на корме.

Дул холодный, резкий ветер. Судно сильно болтало на волнах. Для Маркуса было необъяснимо, как в таких условиях, бог знает на каких глубинах, ведут бурение морского дна.

Стройный, долговязый мужчина шёл им навстречу, запахнув на груди ярко-жёлтую ветровку.

– Джим Макинтош, – представился он, пожимая им руки. – Добро пожаловать на борт.

Маркус вспомнил это имя. Оно значилось в плане поездки. Геофизик, который работал на «British Petroleum».

Воняло выхлопом. Каждые несколько минут корабль сотрясало, когда машины увеличивали обороты, чтобы – Маркус уже знал это из рассказов Блока, – судно не сносило течением.

– Давайте спустимся вниз, – предложил Макинтош. – Там будет уютнее.

---

³¹ Сепаратор – аппарат для разделения механических смесей твёрдых и жидких тел и очистки различных примесей.

Внутри было очень тепло. Качка сказывалась на желудке Маркуса; он был рад, что можно наконец сесть, хотя от этого стало ненамного лучше.

– Итак, вы те самые люди, которым я должен показать все наши заветные тайны, – сказал Макинтош, немного смущаясь и не зная, как быть дальше. – Непривычно, но шеф приказал...

– Какое поле вы здесь открываете? – спросил Блок. – «Thunder Horse»?

Макинтош, казалось, был рад, что появилась какая-то конкретность.

– Да, поле в пятьдесят четыре квадратных мили, и сейчас мы проводим двадцать пятое, и последнее, разведочное бурение. Общая стоимость предприятия, включая нефтепровод к берегу, четыре миллиарда долларов. – Он подошёл к столу с картами и достал из ящика компьютерную распечатку плакатного размера. – «Thunder Horse» – возможно, последнее большое нефтяное поле здесь, в заливе. Но оно очень хорошее, даёт высокое пластовое давление, что делает его почти таким же комфортабельным, как скважины Саудовской Аравии.

Он развернул карту. На ней изображалась береговая черта залива с убывающими линиями глубин. Красными тонами разных оттенков были помечены большие и меньшие ступенчатые площадки. Маркусу это напомнило увеличенную версию игры «Морской бой».

– Актуальная карта известных месторождений нефти в заливе. В настоящий момент здесь почти восемь тысяч действующих скважин. Оценочно запасы нефти здесь составляют двадцать пять миллиардов баррелей, часть которых, правда, принадлежит Мексике.

Блок, Квинтон и Макинтош повели разговор специалистов, в котором Маркус вскоре перестал что-либо понимать. Он смотрел в окно, увлекшись созерцанием беспокойного, покрытого пенными гребешками волн моря. В стекло стучал морозящий дождь. Судно поднималось и опускалось в ритме, который наводил Маркуса на мысли о сексе, и он вспомнил, как спросил Эми-Ли, любит ли она его. Это было после встречи с Болдуином, о которой он не рассказал ей, потому что не хотел походить на олуха-ревнивца. Тогда за окнами тоже шёл дождь; ветер мокро хлестал по стёклам, совсем как сейчас.

– Почему ты спрашиваешь? – удивилась она, глядя на него с тем мечтательным выражением, которое у неё часто появлялось сразу после секса.

– Просто хотелось бы знать, – сказал тогда Маркус.

– Ну естественно.

– А допустим, я потерплю неудачу? Обанкрочусь? Тогда ты будешь меня любить?

Она оглядела его своим отсутствующим взглядом, она смотрела на него долго, словно гадалка, разглядывающая свой хрустальный шар, и наконец сказала:

– Ты не потерпишь неудачу.

Эта фраза всё ещё звучала в нём, хоть это и не было ответом на его вопрос. Он не потерпит неудачу, это верно. И даже беспокоиться об этом не надо. Он был совладельцем самой многообещающей фирмы на этой планете; он был на верном пути к колоссальному обогащению; и у него была подруга, которая казалась сексуально ненасытной. Он стоял вплотную к настоящей жизни, а настоящая жизнь была сплошным упоением.

– Маркус? – Блок вырвал его из мыслей, сказав, что им нужно кое-что обсудить с глазу на глаз. – Здесь, в заливе, искать не имеет смысла, – сказал он, когда они стояли на палубе у поручней, держась за холодный металл, а ветер уносил все слова в море. – Придется нам потом бурить и в океане, этого не миновать, но сейчас для нашего проекта это не имеет смысла.

– Почему? – спросил Маркус. До этого ему казалось, что у него отморожена нижняя челюсть; но при мысли, что им придётся на вертолёте в непогоду проделывать обратный путь, ему сразу стало жарко.

– Кое-что изменилось с моих времён. Со всеми вновь открытыми полями карта похожа на лоскутный ковёр. Если мы найдём здесь нефть, это ни на кого не произведёт впечатления. Нам надо на сушу. На суше больше не добывается и половины того, что добывалось в 1970 году. Там будет труднее, но если мы найдём там новый источник, это будет сенсация.

– А мы его найдём?

Блок небрежно махнул рукой.

– Абсолютно точно.

Настоящее

Сразу после новостей началась специальная передача, круглый стол под названием «Конец нефти?» На заднем плане студии красовалось фото горящего нефтяного порта Рас-Тануры. Начиная с момента взрыва, это фото показывали вместо опознавательного логотипа во всех новостных передачах, когда зачитывали сообщения на эту тему.

– Прежде чем мы начнём обсуждение, я должен заявить, что вопрос поставлен совершенно неправильно, – взволнованно сказал один из экспертов. – Что произошло? Вышел из строя порт. Самый большой в мире, согласен, более пяти процентов всей мировой потребности в нефти пока что вывозилось танкерами из Рас-Тануры, это мы твёрдо усвоили в последние дни, – но ведь это всего лишь порт. С самой нефтью ничего не случилось. Она заливается теперь не в танкеры, а в местные нефтехранилища, только и всего.

Ведущий во время этого высказывания важно кивал.

– Но вы согласны, – спросил он, – что этот инцидент показывает, как уязвима мировая экономика, и заставляет нас осознать, что нефтяные резервы конечны. Или вы это видите иначе?

– Вы тут смешиваете две разные вещи. Несчастный случай показывает уязвимость мировой экономики – да. Естественно. Но до конца нефти нам ещё далеко. Мы использовали, может быть, половину имеющейся нефти, и я сознательно сказал «может быть».

Второй эксперт, бородатый, крайне озабоченного вида мужчина, поучающе поднял палец.

– Вторую половину мы израсходуем быстрее, чем израсходовали первую. Подумайте об Индии, подумайте о Китае – две проснувшиеся индустриальные нации, у которых потребность в нефти нарастает с каждым днём. Дальнейший рост цен на нефть неотвратим. – Он говорил монотонно, будто угнетённый тяготами мира. – К тому же запасы не столь уж верны, как все хотели бы думать. Вспомните о «Shell». В январе 2004-го концерну пришлось на 3,9 миллиардов баррелей понизить резервы, которые значились на балансе ещё в конце 2002 года. А это составило двадцать процентов всех нефтяных резервов предприятия, которые считались гарантированными. И лишь вопрос времени, когда и остальные концерны будут вынуждены пойти на такие же заявления.

Третий эксперт, на котором был самый дорогой из всех участников костюм и угловатые дизайнерские очки, слушал всё это со снисходительной улыбкой, и тут ведущий движением руки передал слово ему.

– Пересмотр запасов, о котором вы упомянули, есть следствие глубоководных исследований и касается резервов, которые по ряду причин действительно трудно поддаются оценке. Но, – продолжил он и выпрямился, – вы тоже заблуждаетесь. Мы провели последовательный анализ полей, который показывает ясную тенденцию, что в течение ближайших пяти-шести лет мы получим доселе невиданную прибавку производственных ёмкостей; на двадцать процентов, если не больше. – На экране возникли его имя и звание: он возглавлял World Energy Research Institute.

– Последовательный анализ полей? – возразил бородатый. – И как же вы его проделали? ОПЕК уже больше двадцати лет не публикует никаких данных по отдельным нефтяным полям. В Саудовской Аравии эта информация считается государственной тайной.

Это несколько не смутило мужчину в дорогом костюме.

– Прогнозы, естественно, в принципе сопряжены с неопределённостью. Однако в нефтяном деле самые большие неопределённости таятся не под землёй, а на земле. Политическая нестабильность, конфликты, терроризм – или просто запоздалые решения. Нефтяное дело функционирует длительными периодами. Сегодня невозможно принять решение о строительстве нефтеперерабатывающего завода, а завтра уже иметь его.

– Вы говорите полный вздор! – воскликнул бородатый. – Мы потребляем по двадцать пять миллиардов баррелей нефти в год, тенденция растущая, а находим всего лишь семь миллиардов баррелей в год, тенденция падающая. И вспомните о Мексике. В начале 2005 года правительство объявило, что поле «Кантарель», самое крупное в стране и второе по величине в мире, больше не может давать такую производительность, какая ожидалась. Теперь приходится закачивать туда азот, чтобы снова вывести производительность на желаемый уровень...

– Это совершенно нормальный технический процесс. Пластовое давление на любом поле со временем падает. Такими мерами его снова повышают, всё очень просто.

На миг показалось, что бородатый сейчас схватит мужчину в дорогом костюме за горло.

– Вам прекрасно известно, что такими мерами можно поддерживать производительность на постоянном уровне лишь некоторое время, а когда они становятся недостаточны – а когда это случится, вы не знаете, – то всё, резкий обвал вниз. Вместо того чтобы естественным ходом, постепенно, а главное, предсказуемо свести добычу на нет.

– Вы впадаете в ту же ошибку, что и все пророки гибели, а именно: вы берёте в расчёт лишь нынешние технологии. Но ведь постоянно разрабатываются новые методы, технический прогресс делает возможным...

– Вы намекаете на метод Блока, что ли?

– Пусть он имел плохую прессу, но результаты он давал.

– С тем изъяном, что никто не знает, *как* они были достигнуты...

Ведущий, который временами терял нить диспута и сидел с остекленелым взглядом, поднял табличку с названием канала, как судья поднимает желтую карточку.

– Я хотел бы вернуть вас к поводу сегодняшнего разговора, к аварии в порту Рас-Танура. Что она означает?

Эксперт, который брал слово в самом начале, заявил без промедления:

– Что количество нефти, находящейся в распоряжении потребителей, сократится на пять процентов и будет оставаться на этом уровне до тех пор, пока порт не отремонтируют. И больше ничего не означает.

– Сокращение поступления нефти на пять процентов, – вставил бородатый, сверкая глазами, – в 1973 году вызвало первый нефтяной кризис.

Первый эксперт отмахнулся:

– Да, но с тех пор, наученные горьким опытом, все обзавелись стратегическим резервом нефти. Как раз его-то правительства теперь и пустят в ход, чтобы пережить время ремонта.

– Итак, причин для беспокойства нет? – спросил ведущий.

– Нет. Тем более что хранилище в Роттердаме, самом крупном европейском порту, в это время года всегда заполнено до краёв, поскольку зима на носу и потребность в мазуте вырастает.

– Должны ли мы рассчитывать на повышение цены?

Эксперт свирепо кивнул.

– В этом я уверен. Концерны, как всегда, воспользуются ситуацией. Однако объективно повышение ничем не оправдано, или, если оправдано, то лишь в минимальной степени.

Ведущий повернулся к камере с примирительной улыбкой и сказал:

– На этом, дорогие зрители, мы заканчиваем нашу передачу. Её итогом, я надеюсь, явился вывод: сохраняйте спокойствие. – Он посмотрел в свои бумажки. – А сейчас мы переключаемся на наших репортёров Бербель Мюллер и Торстена Ребуса, которые расскажут нам об открытии автомобильной выставки в Пекине. – Он на мгновение замолк, сообразив, *что* он тут сейчас сказал, и затем продолжил: – Ну, это как раз в тему. Наслаждайтесь.

Пошли титры. На заднем плане в студии ещё были видны дружно смеющиеся участники передачи, потом картинка сменилась.

Самая важная новость дня осталась не оценённой в её значении и потому даже не появилась в большинстве газет. А там, где появилась, занимала лишь побочную колонку в

разделе экономики.

Международное энергетическое агентство IEA сообщает о разрешении на использование стратегических резервов.

Париж. Исполнительный директор IEA Клод Мандель обнародовал заявление о том, что 26 государств, членов IEA, отреагировали совместной акцией на перебои в снабжении нефтью с Ближнего Востока, вызванные разрушением порта Рас-Танура. Разрушения, явившиеся следствием взрыва, обуславливают серьёзный перерыв в обеспечении нефтью согласно Уставу IEA. Страны IEA, как и Комиссия Евросоюза, рекомендуют без ограничений поставлять на рынки для стартового периода в 10 дней эквивалент двух миллионов баррелей сырой нефти в день.

Опять все были недоступны. Абу Джабр захлопнул свой телефон. По телевизору шла передача CNN, убийственная для нервов, со всеми их бегущими строками и лихорадочной сменой картинок.

Было утомительно целые дни просиживать в клинике. С другой стороны, на улицу его не тянуло. Того, что он увидел по дороге сюда, ему вполне хватило. Во Франкфурте на каждой трамвайной остановке висели гигантские плакаты, на которых выгибались женщины, одетые лишь в нижнее бельё. А ведь на остановках стояли школьники! Об этом, похоже, никто не думал.

Несколько раз он видел на улицах явно пьяных людей, они валялись на скамейках, а то и просто на земле. Омерзительное зрелище. А стоит отвернуться, как упрешься взглядом в магазины, где торгуют алкоголем – покупай хоть ящиками.

Нет, уж лучше он посидит здесь. Хотя в помещении, предоставленном ему, было скорее тесновато. Оно состояло из двух смежных комнат, пусть и комфортабельно обставленных, но размерами всего в несколько шагов.

Васима не отходила от своего ребёнка. Мандур в перерывах между процедурами много смотрел телевизор, при этом Васима переводила ему. Абу Джабр и не знал, что она говорит по-немецки. Это произвело на него впечатление. Она оказалась более образованной, чем он предполагал. Возможно, она это скрывала. Ведь многие священнослужители утверждают, что избыток образования вредит душе женщины. Абу Джабр, которому пришлось немало побороться за своё образование, находил этот взгляд достойным презрения, однако знал, что он распространён весьма широко.

Именно Васима обратила его внимание на катастрофу в Рас-Тануре. Она случилась в пятницу, во время вечерней молитвы – и слава Аллаху, иначе погибло бы много людей. А так получили ранения лишь несколько иностранных рабочих, пренебрегавших предписанным перерывом на молитву.

Тем не менее это была катастрофа. И никто ничего не знал. Телевидение показывало картинки, на которых ничего не разберёшь, а репортёры всё время вещали одно и то же. Поэтому он и пытался дозвониться до своего сына. Поскольку Саид был в комитете, который консультировал короля по всем вопросам, касающимся нефти, он наверняка знал подробности. Но Саид был всё время вне зоны доступа.

– Я не понимаю, – бормотал Абу Джабр после очередной попытки. – Не мог же он в такой ситуации просто взять и отключить свой телефон.

Вот, опять кадры, снятые с вертолётa. Какой дым и чад! И это по прошествии двух суток! Что же там случилось?

Он услышал, как вошла Васима. Села у его ног и заглянула снизу вверх ему в лицо.

– Абу, я должна вам кое-что сказать. Я думаю, Саид не хочет говорить с вами.

Он удивлённо поднял брови.

– Что это ты говоришь?

Она потупила взор.

– Тот телефон, номер которого вы знаете, он мог отключить и взять себе другой. Он часто так делает. У него их целый ящик, этих телефонов.

Абу Джабр отрицательно покачал головой.

– С какой стати? Почему бы он не захотел говорить со мной, своим отцом?

– Этого я не знаю. Возможно, я и ошибаюсь. Но ведь он уже не раз звонил вам и объявлял, что у него новый номер телефона. Разве не так?

Абу Джабр изумлённо посмотрел на свою невестку. Она права. Он и сам удивлялся, с чего это у Саида так часто ломаются телефоны.

– У него есть список. Если он не хочет с кем-то говорить, то покупает новый телефон, а остальных обзванивает, чтобы дать им новый номер. – Из другой комнаты послышался кашель ребёнка. Васима поднялась и добавила: – Я не утверждаю, но... Хочу, чтоб вы знали. – И она направилась к малышу.

Абу Джабр взял свой телефон и прошёлся по всем номерам, которые были сохранены в памяти. Он уже звонил по ним, и все, до кого он дозвонился, не знали, в чём дело.

Он нацелился пальцем на кнопку повтора. Что за чушь горюдит эта женщина?

С другой стороны...

Он отступился. Захлопнул крышку телефона, убрал его. По телевизору показывали, как рабочие растаскивали тяжёлые обугленные обломки, а на заднем плане всё чадило. И снова – вид на танкеры, стоящие поодаль, в Персидском заливе. Целая флотилия в ожидании. На этой катастрофе королевство каждый день теряло миллионы.

Глава 18

Прошлое

Поле «Саус-Бельридж» в Калифорнии представляло собой, насколько хватало глаз, лунный пейзаж. Серая пустыня, до горизонта утыканная нефтекачалками, похожими на динозавров, вновь и вновь опускающими голову к своему пойлу. Гигантское стадо в безостановочном кивании. Вся земля была изрыта бесчисленными шинами тяжёлых грузовиков, грязная, промасленная, неживая. Лишь в укромных уголках, где-нибудь вокруг шкафов переключателей или вдоль трубопроводов, сохранилась редкая зелень, засохшие кустики. А нефтекачалки кивали, кивали, кивали...

– Всего здесь 10 200 скважин, – сказала толстая женщина, которая везла их на джипе. – Поле было открыто в 1911 году и с тех пор выдало больше миллиарда баррелей. Теперь добыча, естественно, падает, но несколько десятилетий поле ещё будет что-то приносить.

В этой поездке Маркус чувствовал себя неуютно. Видеть, что здесь сделали с землёй, чтобы добраться до нефти в её недрах... Но по-другому, видимо, нельзя.

Они доехали до обветшавшего строения. Дверь была перекрыта массивной решёткой, которую женщине пришлось открывать отдельным ключом. Внутри пахло пылью и зноем.

– Тут теперь редко кто бывает, – сказала она и набрала код, который отключил сигнализацию.

Короткий коридор, в конце его – открытая дверь в комнату переговоров с замшелым линолеумным полом и слепыми от пыли оконными стёклами. Пришлось включить свет. Одна из неоновых ламп старчески помигала, но зажечься так и не смогла. Женщина раскрыла деревянные архивные шкафы, достала оттуда карты, которые частично были нарисованы вручную: антиквариат.

– Вот. Последние сейсмические измерения, какие были сделаны; я думаю... фу, где-то тут должна стоять дата. Вот, 1957 год, с ума сойти.

Блок, казалось, не очень интересовался датой. Он водил по карте ладонями, рассматривая линии.

– А оригинальные протоколы у вас сохранились?

– Что вы имеете в виду?

– Записи геофона.³²

– А, эти каракули? Нет.

– Жаль. – Блок изучал карты, почёсывая нос.

Маркус пытался понять, что тот ищет. Как проходят сейсмические исследования, он теоретически уже узнал: вызывают искусственное сотрясение почвы, как правило, взрывами, и фиксируют отражения от границ между геологическими пластами. Это был важнейший метод, который применялся в нефтеразведке; своего рода просвечивание глубин.

– А проводились ли магнитные или гравиметрические исследования? – спросил Блок.

Женщина подоткнула прядь своих тусклых волос под резинку.

– Может быть, и проводились, но ничего не дали. Всё, что когда-либо принесло результаты, собрано здесь. И копии у нас в архиве, естественно.

– Я всегда предпочитаю оригиналы, – сказал Блок.

Он ещё долго с молчаливой сосредоточенностью изучал старинные карты. Квинтон, геолог, нанятый Турбером, заглядывал ему через плечо, но ничего не говорил.

Наконец Блок снова выпрямился и кивнул женщине.

– Спасибо. Мы увидели достаточно.

Она снова прибрала документы на место. По ней было заметно, что в этой экскурсии сюда она видит лишь пустую трату времени.

Когда выходили наружу, Блок шепнул Маркусу:

– Мне нужна машина. А вы до конца дня избавьте меня от этого Квинтона.

Маркус кивнул.

– Будет сделано.

Когда они снова вернулись в отель, Маркус – после того как Блок с Квинтоном уже ушли в ресторан, – заказал машину напрокат. С ключом в кармане он последовал за обоими мужчинами. Когда Квинтон вышел в туалет, Маркус протянул Блоку ключ.

– Красная «Хонда Цивис» сразу справа.

– Всё понял, – кивнул Блок.

Он удалился, перед тем как явился кельнер – осведомиться, что принести им на десерт.

– Мне шоколадный крем, – сказал Маркус.

Квинтон помедлил, держа в руках меню.

– Не подождать ли нам, когда вернётся мистер Блок?

В окно за спиной у геолога Маркус видел, как отъезжает красная машина.

– Он не вернётся. Ему ещё нужно сделать кое-что неотложное. – Говоря это, он наблюдал за выражением лица Квинтона. Геолог казался удивлённым, но не так, как человек, который чувствовал бы, что его обвели вокруг пальца.

– Тогда я возьму мороженое, – сказал он кельнеру и добавил, повернувшись к Маркусу:

– Меня изматывает здешняя жара. И это в декабре!

Был уже поздний вечер, когда Блок вернулся. В грязных ботинках и запylённых брюках он явился в бар, где Маркус и Квинтон всё ещё сидели за пивом, и сказал:

– Здесь нам делать нечего. С доступными нам технологиями мы здесь ничего не найдём. Поле «Саус-Бельридж» имеет ясно очерченные границы.

Маркусу стало не по себе. Уже не в первый раз. Что, теперь так и пойдёт? У них не так уж много времени на то, чтобы добиться успеха.

Блок достал папочку для бумаг, которую, должно быть, прихватил в каком-то ресторане быстрого обслуживания. На ней была напечатана карта США со всеми федеральными штатами и всеми филиалами ресторанной сети.

– Сделаем по-другому, – сказал он. – Зайдём с середины. – Он ткнул пальцем приблизительно в центр карты. – Южная Дакота. Мистер Квинтон, есть, по вашему мнению, нефть в Южной Дакоте?

---

³² Геофон – приёмник звуковых волн, распространяющихся в верхних слоях земной коры.

Бородатый геолог отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Блок. – Тогда поищем её там.

Стоял собачий холод, когда они прибыли в Репид-Сити. Отель представлял собой уродливую громаду из красного кирпича. Пол в фойе тоже был кирпичный, а на кирпичах были оттиснуты всевозможные символы, в том числе один, подозрительно напоминающий свастику. Когда они в растерянности остановились перед ним, к ним тут же подбежал служащий.

– Это индейский символ из доисторических времён, – начал он, и по тону было заметно, что ему уже приходилось объяснять это бессчётное число раз. – Он называется «Четыре священные стороны света» и происходит из племени лакота сиу. Основатель нашего отеля умел найти с индейцами общий язык и даже был у них почётным вождём. – Служащий указал на гигантский камин, над которым висел портрет белого старика с индейским оперением на голове. – Вот поэтому, а ещё потому, что знак, как уже сказано, на тысячи лет старше Гитлера, наш дом решил после Второй мировой войны оставить всё так, как есть, и просто объяснять суть дела всем прибывающим.

Маркус всё ещё был озадачен и даже неприятно задет. Квинтон равнодушно кивнул. Блок же налился кровью, уставившись на свастику безумным взором, и, казалось, пропустил мимо ушей объяснения служащего.

– Собака, – прошептал он на своём родном диалекте. – Всюду он тебя достанет, пёс паршивый.

Далёкое прошлое

Карл Вальтер Блок и сам не знал причины своей ярости. Он практически никогда не употреблял словосочетания «пёс паршивый». Его отец – тот да, тот часто так ругался, чтобы выразить своё отношение ко всему тому безобразию, какое, по его мнению, натворил Гитлер. Как правило, это было лишь затравкой для приступа гнева, который кончался тем, что он избивал кого-нибудь до полусмерти – иногда жену, но чаще всего сына. И так, оба образа – Гитлер и пёс паршивый – в подсознании Блока были нераздельно связаны один с другим.

А ведь вначале отец был горячим приверженцем национал-социализма. В результате стремительной карьеры в вермахте Генрих Мария Блок достиг своего потолка, когда его произвели в чин капитана и перевели в секретный исторический отдел военного архива. Этот отдел собирал и готовил к публикации все актуальные документы – в первую очередь приказы фюрера – в расчёте на будущую историографию. То была особо тонкая задача, для которой подбирались лишь самые благонадёжные и преданные люди. Шпион смог бы в этой неприметной организации пожить бесценными для врагов данными о стратегии и планах «Третьего рейха».

Доселе блестящая карьера Генриха Марии Блока оказалась в опасности, когда на его стол легла машинописная копия тайной директивы № 21, подписанной Гитлером 18 декабря 1940 года, в которой был обрисован план «Барбаросса», то есть нападения на Россию. Карл Мария Блок вновь и вновь перечитывал указания, с растущим отчаянием пытаясь постичь их мудрость. Он ночами сидел в своём кабинете над картами и справочниками и, вопреки своему страстному почитанию фюрера, досиделся до убеждения, что план по России был не самым лучшим из всех возможных.

Эту абсолютно крамольную мысль он, разумеется, поначалу благоразумно держал при себе. Однако за событиями следил уже иным, более критическим взглядом.

В феврале 1941 года Гитлеру пришлось послать войска в Ливию, чтобы уберечь своего союзника Муссолини от тяжёлого поражения, – войска, которые позднее образовали ядро знаменитого Африканского корпуса под командованием Эрвина Роммеля. В марте 1941 года греческое правительство посмело дать согласие на размещение четырёх британских дивизий,

после чего Гитлер начал операцию «Марита». 6 апреля 1941 года было совершено нападение на Югославию сразу с пяти направлений: итальянскими войсками из Албании, венгерской армией, а также немецкими войсками, которые были размещены в Австрии, Румынии и Венгрии. Югославская армия тотчас же рухнула, после чего немецкие и итальянские войска прошли маршем в сторону Греции. Греки долго сопротивлялись, но все усилия были тщетны. 27 апреля британцам пришлось бежать из южных портов Греции, причём в самый последний момент бросив ценную тяжёлую технику.

Это был триумф Гитлера. Тем самым он завоевал всю Европу. За исключением Швеции, Швейцарии и Пиренейского полуострова, весь материк полностью контролировался им или его союзниками. Ему осталось одолеть лишь Англию и Советский Союз.

Здесь был вопрос не только военной победы, но и доступа к важнейшим полезным ископаемым, в первую очередь к нефти. Германия не имела собственных источников нефти, кроме небольших румынских нефтяных полей. Она должна была завоевать русскую нефть, чтобы иметь возможность продолжать войну и, наконец, победить Великобританию.

Генрих Мария Блок, в подвал которого стекалась вся информация, ясно видел эту главную проблему. Более того: напрашивалось её решение. На картах, над которыми он просиживал ночами, он видел самых крупных экспортёров нефти: Ирак, Иран и Саудовскую Аравию. После завоевания Греции все они оказывались в достижимой близости.

Когда Гитлер назначил начало плана «Барбаросса» на 22 июня 1941 года, капитан Генрих Мария Блок отважился на нечто неслыханное: он написал фюреру письмо, в котором предложил ему альтернативу и стратегию, которые казались ему более перспективными, – разумеется, снабдив их всеми уверениями в величайшем почтении и низжайшем смирении, какие только можно было вообразить.

Его план был таков: вначале, двигаясь из Болгарии и греческой Тракии, завоевать европейскую часть Турции, взять Стамбул и перейти Босфор, чтобы продвигаться дальше в Анатолию. Он отдавал себе отчёт, что Турция в этой войне пока строго сохраняет нейтралитет, но – если это послужит высшим целям – он не видел препятствий для нападения на страну. Он отдавал себе отчёт также и в том, что турки слывут отважными воинами и что надо предвидеть их ожесточённое сопротивление, однако – поскольку они лишены современной военной техники, аргументировал капитан Блок – их сопротивление заранее обречено на провал. Он принимал во внимание и то, что Анатолийское нагорье представляет собой сложную местность, и обосновывал, почему вермахт всё же в состоянии быстро его пересечь (они действительно потом проделали это в русских степях). А быстрое вторжение на Кавказ обезопасило бы фланг со стороны Советского Союза и позволило бы легко продвинуться в Ирак, Иран и до самой Аравии. Тем самым была бы основательно подорвана позиция Великобритании на Ближнем Востоке, господство королевства в Индии было бы поставлено под угрозу, гигантские энергетические резервы региона перешли бы в распоряжение «Третьего рейха», а уж тогда были бы достигнуты идеальные условия для нападения на Советский Союз. Ничего не стоило взять его в клещи и отрезать от энергетических резервов в Баку.

Это письмо стало для капитана Генриха Марии Блока роковым. Дошло ли оно до Гитлера, так и осталось неизвестным; хотя некоторые очевидцы вспоминают о злобном словоизвержении «великого полководца всех времён», в котором он, брызжа слюной, выкрикивал, что надо «встретить врага лицом к лицу» и «разгромить большевизм железным кулаком», а потом, немного успокоившись, дал кому-то указание «гнать этого субъекта беспощадно», поскольку – о ком бы при этом ни шла речь, «он недостоин носить немецкую форму».

На всякий случай в документах Генриха Марии Блока хранилась одна бумага, в которой его извещали о предстоящем бесславном увольнении и о потере всех прав на получение пенсии. Он также был предупреждён, что, несмотря на это, под страхом смерти обязан сохранять секретность и неразглашение всего, о чём узнал за время своей службы. На этом основании ему было запрещено покидать пределы Германии, а также для него был закрыт ряд

профессий – например, тех, которые могли бы привести его к контакту с иностранцами. Ему только и оставалось, что вернуться в Австрию, в своё убогое крестьянское хозяйство, и это ему ещё несказанно повезло; другие по куда более ничтожным причинам исчезали в лагерях и тюрьмах, а то и были казнены.

После окончания Второй мировой войны историография в течение полувека была того мнения, что после проигрыша в битве за Англию война для Гитлера стала безнадёжной, а победа союзнических сил – неизбежной. Только британский военный историк Джон Киган поставил этот взгляд под сомнение, разобрав некоторые альтернативные сценарии, один из которых был почти идентичен предложению Генриха Марии Блока, о чём историк не мог иметь никаких сведений. Главный редактор видного журнала «Quarterly Journal of Military History» Роберт Кроули предположил, что Гитлер, возможно, был гораздо ближе к цели – подчинить мир своей воле, чем нам теперь известно. «Нефть с Ближнего Востока, – писал он, – вполне могла бы качнуть стрелку весов в другую сторону».

Глава 19

Прошлое

Несколько дней Блок провёл в библиотеке South Dakota School of Mines and Technology, копаясь в книгах, картах и папках и беседуя с профессорами, один из которых спросил потом Квинтона:

– Что, собственно, ищет этот человек?

Маркусу Блок велел раздобыть для них трейлер, поскольку им придётся много колесить по стране. И пусть он проследит, чтобы в жилом отсеке было хорошее отопление. И запасётся зимними шинами. И цепями для езды по снегу.

Пока Маркус рыскал по фирмам проката автомобилей с трейлерами, Блок обзаводился оснащением, руководствуясь загадочными критериями. Он притаскивал большие бутылки с таинственными цветными жидкостями. Он покупал всевозможные молотки и свёрла, а также предметы, которые были бы уместнее в оборудовании какого-нибудь коллекционера бабочек: к примеру, обширные рыболовные сети. Мотки толстой шерсти. Чашки Петри. Клей. Микроскоп и инкубатор.

Квинтон только успевал качать головой.

– Для меня полная загадка, что со всем этим будут делать, – сказал он Маркусу.

Маркус с огромным трудом добился, чтобы на Рождество они вернулись в Нью-Йорк. Эми-Ли приехала за ним в аэропорт и была так возбуждена, что едва дотерпела до своей квартиры. Там у неё уже стояла наряженная ёлка, и под этой ёлкой они вгрызлись друг в друга так дико, что дерево в конце концов упало и погребло их под собой. Хотя половина стеклянных игрушек разбилась и они порезались осколками, Эми-Ли вряд ли почувствовала боль.

К самому Рождеству выпал снег, да такой густой, что весь Нью-Йорк накрыло белой шапкой. Они пошли гулять по городу, бурная жизнь в котором разом замерла. Они видели людей, бегущих на лыжах по Манхэттенскому мосту, видели пустые перекрёстки, над которыми светофоры вхолостую вели своё цветное представление. Весь город был как заколдованный.

В сочельник, под звуки высокопарных рождественских хоров, они обменялись подарками. Эми-Ли подарила ему часы, марка которых Маркусу ни о чём не говорила, но вид у них был жутко дорогой. Он подарил ей неглиже – уж точно жутко дорогое, хотя состояло оно, казалось, из паутины.

– Это ты для себя купил, негодяй! – воскликнула Эми-Ли.

– Скажем так: для нас обоих.

– Я сейчас же примерю. – Она скрылась в спальне, а когда вернулась, выглядела так сногшибательно, что он лишился дара речи.

Она разглядывала себя, явно очарованная.

– А я была уверена, что не подойдёт. Откуда ты знаешь мой размер?

Маркус пожал плечами.

– Он же обычно стоит на ленточках, которые пришиты к одежде.

Эми-Ли посмотрела на него, странным образом растроганная.

– И ты подглядел?

– Ну, был как-то случай.

– Что-то больше никто таких стараний не прилагал. Всем достаточно было сорвать с меня одежду. – Она склонилась над ним, поцеловала его долгим, признательным поцелуем. Потом взяла его голову в ладони, пристально посмотрела на него и заявила: – Марк Уэстман, ты очень опасный мужчина.

Она отпустила его и снова вышла. Накатившее было на него опять улеглось.

Эми-Ли готовила индейку и на последних стадиях не желала, чтобы на кухне ей мешали.

– Давай я помогу, – предложил Маркус. – Я совсем не из тех мужчин, которых нужно обслуживать.

– Я буду рада, только не на Рождество. – Она сунула ему в руку стакан шерри. – Садись в гостиной, поставь CD или что хочешь и жди, когда я позову.

– О'кей, – покорно согласился Маркус. – Я совсем не из тех мужчин, которые затевают спор в Рождество.

Он ушёл в гостиную и присел на корточки перед полкой с CD. Эми-Ли любила старую музыку; чем старше, тем лучше. «Битлз», Элвис, Бадди Холли – и всё такое. Джерри Ли Льюис? Разве это был не актёр? Маркус, в конце концов, поставил группу «Golden Earring», один из самых любимых дисков Эми-Ли.

– Сделай погромче! – крикнула она из кухни, когда прозвучали первые такты песни «Eight Miles High».

Маркус прибавил звук и, упав в кресло, отпил глоток. Шерри было сладковатым на вкус и разошлось по всему телу приятным теплом.

Рядом с креслом стоял столик с телефоном, вазочкой с песочными фигурками... и адресной книжкой Эми-Ли. Он видел книжку в первый раз. Она была ещё раскрыта на букве «Л». Лаура. Эми-Ли располагала адреса не по фамилиям, а почему-то по именам.

– Я очень опасный мужчина... – тихонько сказал себе Маркус и поддел пальцем регистр на букву «М». Вот номер его мобильного и адрес его квартиры в Бруклине, где он практически не бывал.

Он лишь немного помедлил и раскрыл регистр на «Р». Роберт Болдуин, действительно. Его домашний телефон, смотри-ка. Его электронный адрес: true_robert@gmx.com. И родился он 7 января.

Это неприятно укололо его, и он отодвинул книжку. «Не думать об этом», – приказал он себе и сделал ещё один глоток. Это было Рождество. Праздник любви. И она была с ним. С ним, который не потерпит неудачу.

И в сочельник зазвонил именно его телефон, и звонил ему Блок.

– Я вам только хотел сказать, что нащупал горячий след.

– Горячий след? – ошалел Марк. – И где же вы сейчас находитесь, ради всего святого?

– Я как раз пересекаю резервацию индейцев Rosebud. Здесь есть музей индейцев сиу, вы это знали?

– Это что же, вы вернулись назад, в Южную Дакоту?

– Знаете, – объяснил Блок, – я просто больше не выдерживаю всей этой рождественской чепухи.

После Рождества Маркус тоже вернулся в Южную Дакоту и предновогодний день Св. Сильвестра провёл, помогая Блоку выкапывать из земли камни и раскладывать их в непонятные кучки. Начало Нового года они просто проспали, измученные работой на свежем воздухе.

Единственным просветом во всём этом была захватывающая даль ландшафта, грандиозная пустота, сквозь которую они двигались. Южная Дакота была лишь вполовину меньше Германии, население же всего штата не превышало население Штутгарта. Всё было обширным, неохватным, великолепным. Маркус чувствовал себя как на другой планете, в новом мире, полном немыслимых возможностей.

Никогда больше, сказал он себе, он не вернётся в Германию. Это всё равно что снова оказаться в клетке.

Настоящее

Фридер приехал во вторник. Он привёз с собой дорожную сумку, поставил её на кровать и вынул оттуда всю одежду.

– Залежались вещички, затхлостью пропахли, – сказал он, поджав губы. – Если ты оставишь их там дольше, то можешь сразу выбросить.

Маркус устало кивнул.

– Я не планировал, что задержусь так надолго.

– С доверенностью оказалось не так всё просто. Поначалу я попал на молодого парня, практиканта, должно быть. У него вытянулось лицо, и он позвал на подмогу людей поопытнее. В конце концов явился шеф. И тоже заколебался, попросил меня показать паспорт.

– Наверное, он нашёл странным, что не может мне позвонить.

– Да. Но этим мы не должны рисковать. – Фридер пожал плечами. – В принципе хороший знак. Агентство, которому можно доверить свои вещи.

Маркус кивнул.

– А дневник? Ты его нашёл?

– Этот, что ли? – Фридер извлёк плоскую книжечку с корочками из шероховатой стали и надёжного вида цифровым замком. В петле торчала такого же стального цвета шариковая ручка.

– Он самый.

Фридер подал ему книжечку.

– А я и не знал, что ты ведёшь дневник.

– А я об этом никого и не оповещал. Тем более старшего брата.

Фридер затолкал остальные вещи назад, в сумку.

– А почему ты, собственно, не взял его с собой? Сколько тебе пришлось пережить, – был бы уже весь исписан.

– По правде говоря, мне там было не до записей. – Маркус слегка приподнялся. – Металлические корочки, понимаешь? Я боялся, их отнимут в аэропорту.

Фридер поставил сумку в стенной шкаф, сел, закинул ногу на ногу и принялся поправлять свои брюки.

– Мне надо кое о чём тебя спросить.

Маркус оглядел его.

– О чём же?

– В последний год дела фирмы пришли в упадок. Как и у всех, кто так или иначе занимался альтернативными энергиями; очень многие обанкротились. Я тоже – почти. Ну, ты знаешь.

Маркус кивнул с неподвижным лицом.

– Но потом, – продолжил Фридер, – в один прекрасный день был оплачен счёт, которого я вообще не выставлял. Кем оплачен – я не знаю. Счёт на спасительную, чрезвычайно высокую сумму.

Маркус закашлялся.

– Бывает.

– Сумма была не круглая, с девяносто одним центом в конце. Как бы то ни было, вчера мне пришла в голову мысль пересчитать эту сумму на тогдашний курс доллара. И вот у меня

получилось почти ровно триста тысяч долларов. Как раз та сумма, которую ты якобы присвоил. Поневоле задумаешься, случайное ли это совпадение.

Маркус уставился в пустоту, разом вдруг ощутив стены больничной палаты как тюремные.

– Тебе это помогло?

– Это спасло меня.

– Вот и хорошо.

Фридер наклонился вперёд.

– Но почему тебе пришлось для этого пойти на растрату?

– Я собирался их вернуть, – сказал Маркус. – И я бы их вернул. Я был в начале большого дела, величайшего в мире дела. Было лишь вопросом времени, когда я начну купаться в деньгах. Тогда, по крайней мере, это было лишь вопросом времени.

– Но ведь у тебя же было твоё наследство.

Маркус отрицательно помотал головой.

– Нет. Уже не было.

У Фридера от удивления глаза на лоб полезли.

– Что? Это почему же?

– Я всё растратил. Ах, да что там, я всё пустил в трубу. Когда теперь я думаю об этом, мне кажется, будто я истопил деньгами камин. Перелёты. Подарки. Рестораны, одежда. Ты себе не представляешь, сколько денег можно оставить в нью-йоркских ресторанах.

Или сколько стоит кокаин.

– Ты истратил всё своё наследство?

Маркус снова опустил на подушку, почувствовав себя тяжёлым и измождённым.

– На короткую жизнь в экстазе, – ответил он. – На жизнь в дурмане. И на полосе обгона. – Он смотрел перед собой невидящим взглядом, следуя за чувствами, которые заставили его произнести это. – И знаешь, что в этом самое странное? Что я не знаю, стоит ли об этом жалеть.

Глава 20

Прошлое

Прошла неделя после Нового года, а Майкл Квинтон всё ещё не присоединился к ним. Во время Рождества он нажил себе какую-то желудочную историю, звонил каждый день и обещал, что это протянется уже не так долго.

Маркусу было только на руку, что геолог не путается у них под ногами, и Блоку тоже. В трейлере тоже было проще вдвоём.

И наконец настало время задать известные вопросы. Например, такой:

– А вы действительно уверены, что мы найдём здесь нефть?

На что Блок просто отвечал:

– Да.

Они как раз сидели за завтраком. Сквозь полукруглые окна был виден заснеженный, пустынный пейзаж нереальной красоты. Блок ел, как и каждое утро, огромное количество ломтей хлеба с джемом, запивая кофе из злаков, тогда как Маркус по утрам не ел никакой твёрдой пищи, пил только кофе, но настоящий: смолотый вручную, свежезаваренный и такой крепкий, какой только возможно.

– Хотел бы понять, почему вы так уверены. И как вы можете быть уверены в том, что нефти в земле столько, что хватит до конца третьего тысячелетия?

Блок, жуя, оглядел его, потом проглотил и произнёс:

– Вы же сейчас не просто так спрашиваете, да?

– Я спрашиваю потому, что весь остальной мир убеждён в обратном. – Маркус достал журнал, купленный накануне. – Вот журнал «Тайм», например. – Он раскрыл его на статье,

которую заранее отметил, загнув уголок. – Здесь сообщение о том, что концерн «Шелл» – концерн «Шелл»! – в настоящее время является самым крупным в мире частным владельцем лесов. Странно, правда? Что они замышляют? Перейти на аппараты сухой перегонки древесины? В будущем продавать дрова вместо топочного мазута? Я спрашиваю себя обо всём этом, листаю дальше и тут же вижу вот это. – Он перевернул два листа, там на всю полосу было объявление BP. – Ведь BP всегда являлось сокращением от «British Petroleum», не так ли? А теперь взгляните сюда. Этот жёлто-зелёный, похожий на подсолнух, логотип – новый. И единственная задача этого объявления – рассказать нам, что впредь BP будет означать «beyond petroleum». Я хочу сказать, трудно себе представить более внятное признание крупными нефтяными концернами близкого иссякания нефти. И это специалисты, инсайдеры, те, кто имеет доступ ко всей информации!

– Специалисты тоже иногда ошибаются.

– Но в данном случае что-то их многовато.

– Всеобщая история науки вся состоит из ситуаций, когда кто-то один был прав, а остальной мир заблуждался. Истина не демократична.

Маркус разглядывал своего партнёра со странным чувством пустоты. То было разочарование, а за ним, очень вкрадчиво, уже маячил ужас.

– Мне бы хотелось, чтобы вы располагали чем-то более убедительным, чем эти расхожие истории.

Блок молчал. Маркус невольно задержал дыхание. В этот момент всё балансировало на лезвии ножа. Сейчас всё могло рухнуть, и тогда он, считай, проиграл основную часть своего наследства – может, даже решающую.

– Вы хотите знать, – неторопливо повторил Блок, – что делает меня таким уверенным в том, что все так называемые специалисты оценивают запасы нефти слишком низко?

У Маркуса пересохло во рту.

– Да, было бы не лишне.

– Я объясню вам это. – Блок снова сделал паузу, во время которой намазывал себе очередной ломоть хлеба. Как человек может съесть так много земляничного джема, Маркусу не понять никогда. – Но я вам сразу скажу: это просто, как мычание. Это до такой степени лежит на поверхности, что вы будете удивлены, как это вы сами до этого не додумались.

– Я готов к этому.

– Итак, вначале принципы. Когда вы сжигаете нефть, высвобождается двуокись углерода, не так ли? Знаменитый CO₂. При сгорании дерева, разумеется, тоже, но поскольку дерево перед тем высосало углекислый газ из атмосферы, эффект в целом остаётся нейтральным. При сгорании же нефти – или угля – как раз нет. Поскольку углерод в этих веществах происходит из ископаемых резервов, в атмосфере накапливается углекислый газ. Это можно измерить. С тех пор как человек в промышленных масштабах использует уголь и нефть, доля углекислого газа в атмосфере постоянно нарастает. До 1850 года доля углекислого газа в атмосфере составляла 2,9 %, сегодня она составляет 3,7 %.

– Что, кстати, не так уж безобидно, – кивнул Маркус.

– Вы так думаете?

Маркус пожал плечами.

– Ну, об этом столько говорят и пишут. Потепление климата, парниковый эффект и так далее.

– Это всё болтовня. Климат на Земле то холодает, то теплеет, причём это бывало и за миллионы лет до появления человека. – Блок откусил от ломтя и, жуя, продолжал: – Когда мы с вами как-нибудь поедим в Австрию, я вас познакомлю с одним человеком, учёным агрономом по имени Конрад Хаслингер. Он в огромных теплицах выращивает тропические плоды, какие на широтах Австрии и представить себе невозможно. Вот они-то и навели меня на мысль, которая не согласуется с официальной теорией.

– Теплицы?

– Вот именно. Знаете, что делает Хаслингер? Он нагнетает туда углекислый газ. Доля

углекислого газа в его теплицах почти в три раза выше, чем в атмосфере. Он говорил мне, что рад бы увеличить эту долю, но это противоречит каким-то там предписаниям безопасности. Или он должен построить дополнительные сооружения, что для него слишком дорого; понятия не имею.

Маркус удивлённо моргал глазами.

– CO₂? И для чего?

– Он мне объяснил. CO₂, этот простой газ с дурной славой в прессе, представляет собой удобрение, причём одно из лучших. Хаслингер говорит – и это научно неопровержимо, я проверял, – что сейчас большинство растений страдает от недостатка CO₂. Ведь растения вдыхают CO₂, а кислород выдыхают, в противоположность нам. Но в течение большей части истории Земли доля CO₂ в атмосфере была выше, чем теперь, до пятикратного превышения. Это значит, растения приспособлены к высокому содержанию CO₂, и сегодня они в известной мере хватают ртом воздух, задыхаясь. Если бы доля CO₂ в воздухе понижалась, а не повышалась, многие виды растений просто бы вымерли.

– Тогда повышенные выбросы CO₂ должны обеспечивать более высокий урожай.

Блок кивнул и взял себе очередной ломоть хлеба.

– Так оно и есть, но я веду совсем не к этому. Подумайте: если в древние времена в атмосфере было впятеро больше CO₂ – куда же потом девался весь этот углерод?

Это был вопрос из тех, что разом зажигают у тебя в голове люстру. Маркус глянул на этого выносливого, жилистого, до твердолобости упорного мужика и начал понимать.

– Вы имеете в виду?..

– Растения его поглотили. Они вдыхают CO₂, оставляют себе C, а O₂ выдыхают. И когда они становятся ископаемыми, содержащийся в них углерод попадает в естественный круговорот. И так происходило миллионы лет подряд. Пока человек не начал эти ископаемые – мы называем их уголь, нефть и газ – извлекать из земли, а содержащийся в них углерод путем сжигания снова выводить в окружающую среду. – Блок направил на него нож, измазанный джемом. – А теперь подсчитайте. Доля CO₂ была когда-то в пять раз выше, то есть составляла 15 %. С тех пор как используются нефть и уголь, доля CO₂ повысилась на 0,8 %. Не знаю, как это видите вы, но мне это коротко и ясно показывает, что мы лишь поскреблись о запасы ископаемого горючего, которые залегают там, внизу.

Маркус чувствовал себя оглушённым. Действительно: просто, как мычание.

Блок отложил нож и откинулся на спинку стула.

– Ну? Это было убедительно?

Маркус кивнул.

– Да. Куда уж убедительнее.

Несколько дней спустя они снова были в библиотеке, на сей раз в Хароне. Блок перебирал книги, правда, не по геологии или нефти, а по лесному хозяйству. Грибы. Микробы. Библиотекаря, который заодно руководил и городским архивом, он отправил на поиски записей о нашествиях вредителей за последние сто лет. Маркус находил это слишком уж странным, но удивляться давно перестал.

Главное, всё оставалось по-прежнему: Блок с каждым новым днём казался всё увереннее.

На улице стояла сибирская стужа, можно было обморозить лицо, а нос терял чувствительность. Снег громоздился гигантскими сугробами, а небо грозило новыми снегопадами. Хорошо ещё, что у них были снеговые цепи, ведь Блок регулярно гонял машину в самые глухие места.

Среди стеллажей царил приятная тишина. В городе тоже было тихо: Харон, казалось, впал в такую же зимнюю спячку, как и все города, в которых они перебивали.

Никак не соразмерно тому, какая революция тут затевалась.

Маркус сел за компьютер, имеющий выход в Интернет, и вызвал несколько газетных сайтов. Ничего, повсюду одни и те же скучные вещи. Он зевнул, потянулся, посмотрел в

сторону Блока. Библиотекарь вернулся с целой кипой документов, даже издали было видно, какие они пыльные. Оба говорили приглушёнными голосами. Маркус видел, как Блок листает, потом кивает, услышал, как тот сказал:

– Very good! That's what I was looking for.³³

Маркус мягко водил пальцами по клавиатуре и размышлял над старым вопросом: наделает ли шуму дерево, упавшее в лесу, если рядом нет никого, кто бы его услышал.

Он снова повернулся к компьютеру, вышел на сайт бесплатного почтового сервера и завёл себе новый ящик. В качестве имени он выбрал себе «Whistleblower», но такое имя уже существовало, и даже не одно; система предложила ему добавить к имени номер, причём 101. О'кей, почему бы нет. Затем он написал короткое письмо о «Block Explorations» и о намерении найти нефть в Южной Дакоте, чтобы доказать, что метод Блока действует.

В качестве адреса он ввёл true_robert@grnx.com. Сегодня у Роберта день рождения. Посмотрим, что он будет делать с таким подарком.

Маркус двигал по экрану стрелкой мыши, замерев в суеверном благоговении перед тем, как кликнуть на кнопку «Послать». Затем он удалил ящик и оглянулся. Всё оставалось таким же, как было.

Интересно, надолго ли.

Поздно вечером до них дозвонился Турбер: не смотрели ли они сегодня телевизор?

– Нет, – сказал Блок, – а что?

– Включите его.

– Какой канал?

– Сейчас уже всё равно, какой, – сказал Турбер. Его голос дрожал от волнения, с которым он едва справлялся.

Итак, они включили маленький ящик, встроенный в жилой автомобиль, и переключали каналы, пока не возникла картинка нью-йоркского здания, в котором находился их офис. Стоя перед фирменной табличкой «Block Explorations», репортёр вещал, что «нефтяной гуру» Карл Вальтер Блок из Австрии начал демонстрировать профессиональным разведчикам нефти, что они ничего не понимают.

Блок забулькал от радости:

– Уже узнали.

Последовало интервью с экспертом, мужчиной, лицо которого было изборождено ветрами и непогодами и украшено могучими усами.

– Доктор Бель, – прозвучал вопрос, – вы не одно десятилетие работали на все крупные американские нефтяные концерны и лично знаете каждое нефтяное поле на материке. И вот мы узнаём, что мистер Блок из Австрии намеревается найти нефть в Южной Дакоте. Как вы оцениваете его шансы?

– Нуль, – раздражённо ответил мужчина. – Абсолютный нуль.

– А не могло так случиться, что какое-то маленькое нефтяное поле вы проглядели?

Тот отрицательно замотал головой. Усы его взлетели.

– Нет ни одного квадратного фута американской земли, которая не была бы досконально обследована.

Маркус ещё никогда не видел, как Блок хохочет во всё горло.

– Да, конечно, – крикнул он, обращаясь к мужчине на экране. – Но только обследована не теми методами!

На следующий день подспела и пресса. Оставалось загадкой, как журналисты узнали, где находятся Маркус и Блок, но они знали. А поскольку большие машины с логотипами каналов и массивными спутниковыми тарелками уж никак не назовёшь неприметными, за

---

³³ Очень хорошо! Я искал как раз это (англ.).

ними вскоре потянулась целая свита ротозеев. За день вокруг них перетолкалось столько народу, что о регулярной работе нечего было и думать.

– Ничего, – сказал Маркусу Блок. – Я уже знаю всё, что мне надо знать. Даже наоборот, мне это на руку.

– Ну, если так, – протянул Маркус, чувствуя себя неуютно и сомневаясь, не была ли эта его затея с письмом Роберту Болдуину величайшей глупостью, вызванной игрой гормонов.

Блок охотно давал интервью всем, кто приезжал. В каждый микрофон, который ему подсовывали, он с неиссякаемым терпением говорил одно и то же: что он может найти нефть там, где другие её даже не предполагают; что запасов нефти хватит ещё на тысячу лет; что хватит её на всех и что причин для беспокойства нет.

– Учёные в один голос твердят, что ваши поиски здесь безнадежны, – настаивала одна репортёрша. – Что вы на это скажете?

К удивлению Маркуса, Блок лишь мягко улыбнулся и сказал:

– Давайте просто подождём.

Турбер снова позвонил, на сей раз полный воодушевления, которое акустически можно было спутать с сексуальным возбуждением. Он сообщил, что посланники всех больших и малых нефтяных фирм, теснившихся на этом рынке, передают дверную ручку из рук в руки, как эстафету. Хотят больше знать о методе, о Блоке и обо всём, что за этим стоит. Делают предложения. Задают вопросы.

– «Exxon-Mobil». «Chevron-Texasco». «BP-Amoco-Arco». «Tosco». «Valero». «Ultramar-Shamrock», – перечислял он пресекающимся от волнения голосом. – А сейчас за дверью ждут люди из «Elf-Aquitaine».

– Это я предполагал, – ответил Блок, на которого это не произвело никакого впечатления.

– Но это должно оставаться секретом! – крикнул Турбер. Это он повторял уже минимум дюжину раз. – Я это твёрдо обещал. Ни слова об этом ни в одном интервью, слышите, Карл?

– А что, вы думаете, они сделают? Обиженно бросят нас и передадут дело другим?

– Прошу вас, Карл, я вынужден настаивать на этом...

– Да ладно-ладно. Я держу язык за зубами.

После этого разговора Маркус другими глазами посмотрел на людей, на свой трейлер и на поле, где они вели розыски. Он был уверен, что здесь собрались не одни зеваки. Некоторые из них, глядевшие в их сторону через полевые бинокли, казались слишком уж спокойными, слишком уж сосредоточенными и выносливыми. Так не ведут себя люди, которые ищут развлечения, так ведут себя люди, которые работают. Можно было держать пари: это нанятые нефтяными концернами лазутчики.

В конце концов Блок определил некоторые места для бурения – на авось. Они находились южнее маленького городка Уиннер, неподалеку от реки Кейя-Паха – то есть на краю огулнительно красивого ландшафта, который был к тому же местом обитания редких видов птиц.

Защитники природы вышли на баррикады. Не прошло и двух суток после того, как фирма «Block Explorations» подала соответствующую заявку, как судья запретил продолжение работ до дальнейшего выяснения положения дел.

– Бурение не затрагивает природоохранную зону, – заявил Блок представителям прессы.

– Но располагается в сотне ярдов от её границы, – возразил один репортёр.

– Для этой цели и определяются границы, – ответил Блок. – Чтобы можно было говорить, что находится внутри, а что снаружи. И запланированные бурения находятся снаружи.

Итак, дело предстало перед судом, другими словами, затянулось. Они приостановили работы, сдали прокатный трейлер и остаток января, как и большую часть февраля, провели в перелётах между Нью-Йорком и Южной Дакотой, подчиняясь требованиям адвокатов. Чем дольше тянулись переговоры, тем чаще Маркус прибегал к успокоительным средствам, чтобы хоть как-то заснуть; одного секса было уже недостаточно.

Суд наконец вынес решение. Судья дал добро – но только на одно-единственное бурение!

– Этого должно хватить, – свирепо заявил неукротимый Блок.

Тут же начались работы. Блока не остановило то, что ещё стояла суровая зима и условия никак нельзя было назвать идеальными для того, чтобы сверлить в земле глубокие скважины.

– Я бурил на Аляске, уж там условия не лучше, – сказал он и велел Турберу обеспечить необходимую технику и специалистов. А пока суть да дело, он целыми днями в глубокой задумчивости сидел над своими картами и бумагами, чтобы определить, в каком именно месте начинать бурение.

Пока воздвигалась буровая вышка, пока здоровые мужики, обладавшие медвежьей силой, ворочали стальные трубы, пока тягачи устанавливали грозные агрегаты, не обращая внимания на пикеты и лозунги кучки протестующих – главным образом подростков, – Маркус смотрел по телевизору передачу об их ситуации и перспективах. Один эксперт вещал, что, мол, наличие нефти на юге Южной Дакоты, в пограничной области, примыкающей к штату Небраска, долгое время предполагалось, поскольку этот регион пролегает по геологической линии, соединяющей месторождения в Техасе и Оклахоме с месторождениями в Канаде и на Аляске.

– Но, – продолжал он, – всё оказалось не так-то просто. – Он поднял несколько объёмистых томов. – У нас имеются результаты подробных изыскательских работ, проведённых геологом Фордом Рэймондом Яспером. Он умер в 2000 году, родом он был именно из этих мест и буквально всю свою жизнь искал там нефть – но так и не нашёл её. Если этот мистер Блок хочет оказаться умнее человека, который знал регион как свои пять пальцев, то это более чем смело. Хотя, на мой взгляд, это смешно.

Бурение началось. Густой чад от дизельных моторов поднимался в холодное, ясное зимнее небо, и трубы одна за другой вгрызались в отвратительную дыру.

Средства массовой информации с наслаждением судачили о том, что у британских букмекеров активно делаются ставки на исход буровых работ; квоты дошли уже до уровня 50:1 против Блока. Самого же его вместе с Маркусом титуловали «нефтепророками», и не проходило дня, чтобы их лица не маячили на матовых экранах или на страницах газет.

И всё же – ещё не минул март – они наткнулись на нефть. На *большую* нефть.

На сей раз Майерс сам зашёл в кабинет Таггарда.

– Похоже на то, что нашлось решение всех наших проблем, – сказал он и бросил на стол присланную по факсу первую полосу газеты с ударным заголовком «Наше будущее – нефть!». – Вы это уже читали?

– Разумеется, – ответил Таггард.

– Факс пришёл из Лэнгли, вместе с распоряжением, касающимся вас, – продолжал Майерс. – Вы получите группу людей и возьмёте этих парней под свою опеку. – Он положил перед ним остальные листы.

Таггард игнорировал их, взял лишь газетную полосу и стал разглядывать фото, изображающее двух столь непохожих мужчин, которые взялись задавать новые правила игры для мировой политики.

– Что-то вид у них нерадостный, – отметил Майерс. – Не так просто, видимо, привыкнуть к ничегонеделанию?

Таггард опустил листок.

– Да просто некуда деваться, Глен, – задумчиво ответил он. – Чем бы человек ни занимался в своей жизни, рано или поздно это его достанет.

Майерс не понимал. Да и не мог понять. Он лишь закатил глаза и вышел, и Таггард не имел к нему претензий.

Шум поднялся неправдоподобный. Не хватало только парада по улицам Манхэттена, с духовым оркестром и дождём конфетти. У людей из «PPP» просто крыша поехала от

сознания, какая крупная рыба попала им в сеть, и они заявили, что теперь нужно как можно скорее выходить на биржу. Первые прикидочные подсчёты показали, что общая стоимость предприятия благодаря акционированию взвьётся до многих миллиардов, и это ещё по самой консервативной оценке. Теперь возможным стало всё. Будущее ослепительно сияло чистым золотом.

Маркус решил сделать Эми-Ли предложение.

Настоящее

– Я, кстати, так и не дозвонился, – вспомнил Фридер. – Номера, который ты мне дал, больше не существует. Тогда я позвонил в справочную, и они сказали, что Эми-Ли Ванг в Нью-Йорке нет.

Маркус надолго устался в пустоту, будто не услышал того, что сказал его брат. Потом он прошептал:

– Это странно.

– Мне очень жаль, – сказал Фридер.

Маркус поднял на него глаза.

– Жалеть не о чем.

Глава 21

Прошлое

Со времени обнаружения нефти пресса охотилась за ними, как за какими-нибудь поп-звездами. Это было очень обременительно. Из дома стало невозможно выйти, даже чтобы купить обручальное кольцо. Маркус позвонил, в конце концов, одному именитому ювелиру с Пятой авеню и обрисовал ему свои трудности.

– Не проблема, – тотчас ответил тот, – мы с удовольствием придём к вам домой с целой коллекцией.

Маркус оглядел помещение, которое так и не стало его домом, а теперь уже и не станет: захудалая меблированная двухкомнатная квартира с капающими кондиционерами на окнах, с видом на кирпичную стену соседнего здания и запахом помойки, проникавшим из переулка. Кухонный уголок, которому было как минимум лет двадцать, с газовой плитой, питающейся от баллона, и хрипящим холодильником. Эми-Ли не ночевала здесь ни разу.

– Лучше я сам к вам приду, – сказал он. – Нельзя ли устроить это как-то незаметно?

Это тоже не составило проблемы. В магазине был задний вход, ведущий в отдельное помещение, холодное, старомодное, облицованное тиком. Там царил тишина и стоял стерильный запах. Кольца, которые выложили перед ним, на взгляд Маркуса, казались более или менее одинаковыми, и все были невероятно дорогие. Пожалуй, ни одно из них он не мог себе позволить. Он давно перестал следить за состоянием своего банковского счёта, но знал, что с тех пор, как повстречал Блока и Эми-Ли, тратил денег больше, чем их на счёт поступало. Существенно больше. Жизнь, которую он вёл, была возможна лишь потому, что у него был тыл в виде наследства родителей; но сколько от этого наследства ещё оставалось, он даже не хотел знать. Жизнь-то идёт сейчас! И другого времени не будет.

Он склонялся над элегантными футлярчиками, разглядывал бриллианты, оправы, огранку и чувствовал при этом, как всё его воспитание протестует и взывает: «Экономь! Ты не знаешь, что ждёт тебя впереди!» Эта часть его существа никак не могла справиться с пониманием того, что он находится в центре неслыханного преобразования своей жизни. В этом плане он был сформирован бедностью, в которой его родители провели большую часть жизни. От них он перенял привычку со страхом цепляться за то, что имеешь.

А ведь при этом он добился своего! Пройдёт несколько месяцев – и суммы, которые ему здесь называют тоном сдержанного пренебрежения, будут вызывать у него лишь улыбку.

Приготовления к выходу на биржу шли полным ходом, не пройдёт и года, как он будет миллиардером. Хотя бы на бумаге, поскольку отдельный параграф договора разрешал ему покупку акций самое раннее через три года. А до того времени ему придётся довольствоваться жалованьем, которое, конечно, тоже в ближайшее время существенно повысится.

И он хотел жениться на Эми-Ли. А почему нет? Они с ума сходили друг от друга и были созданы друг для друга. Союзники в проекте извлечения из жизни максимума – счастья, удовольствия, успеха.

Кроме того, это имело приятный побочный эффект: раз и навсегда закрыть вопрос права пребывания в США. К его досаде, вся теперешняя шумиха не произвела на Службу иммиграции и натурализации никакого впечатления: знаменит ты или нет, здесь роли не играло. У них были свои правила, и они железно придерживались их.

Одно из этих правил и гласило, что Маркус сразу после женитьбы на американской гражданке может претендовать на Green Card. А через пять лет – на гражданство.

Эми-Ли, правда, отнеслась к этому не так, как он себе представлял.

Он пригласил её в «La Grenouille». Этот ресторан он выбрал потому, что оба его зала были романтично оформлены шёлковыми световыми ширмами и обставлены бархатными красными креслами, а также до потолка украшены цветами. Они ели равиоли с омарами, спинку ягнёнка, а на десерт заказали тёплый, нежно-горький шоколадный торт, которым славился этот ресторан, и когда эспрессо уже стоял на столе, Маркус, по его мнению, ловко повернул разговор так, что оказалось уместным и естественным протянуть ей футлярчик с кольцом от Картье и попросить её выйти за него замуж.

Но она смотрела на это кольцо изумлённо, почти потрясенно. Так принимают весть о смерти близкого друга.

– Что? – спросил Маркус, вдруг испугавшись, что она уже замужем и просто не говорила ему об этом.

– Это для меня... – тихо сказала Эми-Ли, – немного неожиданно.

– И всё-таки?

Она взяла футлярчик, повертела, посмотрела на кольцо и защёлкнула крышку – с глухим звуком, который странным образом навёл Маркуса на мысль об ударе топором.

– Я ничего не могу ответить, – продолжила она. – Это не так просто. Сначала ты должен познакомиться с моим отцом.

– О'кей, – сказал Маркус. – Какие проблемы?

Мать Эми-Ли умерла, когда дочери было шесть лет, от болезни настолько редкой, что её случай вошёл в медицинскую литературу.

– Но он, ты знаешь, чересчур... китайский, – добавила она.

– Просто скажи, где и когда.

– Сначала я должна позвонить ему. – Она открыла коробочку, вынула кольцо, примерила его. Оно подошло. Естественно. Потому что Маркус предварительно измерил маленькое серебряное колечко, которое она иногда надевала и которое однажды оставила лежать на полочке в ванной комнате.

Она подняла на него взгляд и наконец улыбнулась.

– Ты опасный мужчина, Марк.

Маркус вспомнил: Эми-Ли упоминала как-то, что её отец живёт где-то на западе США. Поэтому он не удивился, когда несколько дней спустя они поставили свои дорожные сумки в багажник его машины и поехали в аэропорт. Он был озабочен, так ли на нём сидит костюм и в порядке ли стрижка. Он специально сходил к дорогому парикмахеру. Никогда не помешает произвести благоприятное впечатление приличным видом; будущий тесть придаёт этому значение, независимо от его происхождения.

– Ты мог бы купить себе и новую машину, – сказала Эми-Ли, когда они выехали из подземного гаража и ждали просвета в уличном движении.

– Как только руки дойдут, – ответил Маркус.

Правда состояла в том, что он уже подумывал об этом, но ещё не чувствовал достаточной уверенности. Его машина казалась ему чем-то вроде талисмана: с тех пор как она у него появилась, дела его постоянно шли в гору. Зачем же сейчас рисковать этим? Тем более что машина бегала безупречно, если не считать известных недостатков, с которыми он научился жить.

– В другую сторону, – сказала Эми-Ли, когда он собирался повернуть на Квинс.

– Почему? – Он кивнул на табличку, которая указывала направление в сторону аэропорта «La Guardia». – Я знаю дорогу, поверь мне.

– Эту нет. Езжай через туннель Линкольна. Нам надо в Нью-Джерси, в аэропорт «Teterboro».

– Никогда о таком не слыхал, – ответил Маркус, но послушно повернул.

«Teterboro» оказался маленьким аэропортом – по нью-йоркским меркам, конечно. Не успели они войти в зал, как к ним подошёл азиат в нарядной серой униформе и сказал:

– Добрый день, мисс Ванг.

Эми-Ли просияла улыбкой.

– Привет, Ксяо. Как дела? Это Марк.

Мужчина обозначил короткий поклон, что было совершенно непривычно.

– Очень приятно, мистер Марк. Меня зовут Лунг Ксяо. Я ваш пилот.

Маркус уставился на него как на привидение.

– *Наш* пилот?

Аэропорт «Teterboro», как оказалось, предназначался в основном для частных самолётов. Не успел Маркус до конца осознать, что это будет за полёт, как Ксяо уже подхватил их багаж и повёл их к маленькому электромобилю, состоящему в основном из стекла, как «папа-мобиль» Иоанна Павла II, и они тут же поехали на нём по лётному полю, мимо множества роскошных маленьких самолётов: «Lear-Jets», «Falcons», «Challengers», «Hawkers», «Citations», «Gulfstreams». Маркус не успел заметить, какой марки был тот самолёт, в который они поднялись, но пахло в нём кожей – и деньгами, *большими* деньгами. Кресла, подголовники и края стола были обтянуты жёлтой и светло-коричневой кожей. Все выключатели, ручки и лампы были позолоченные. На передней стенке висел огромный плоскоэкранный телевизор. Тут было телефонное устройство со спутниковым приёмом, факсовый аппарат и подключение к Интернету. Бар и бортовая кухня. И было невероятно просторно.

– Боже мой! – ахнул Марк. – Сколько же стоит такая вещь?

– Сорок пять миллионов долларов, – спокойно ответила Эми-Ли.

– И она принадлежит твоему отцу?

– У него их шесть. Этот – самый маленький.

Маркус почувствовал, как кровь ударила ему в лицо. Боже правый! А он-то думал, что произведёт на неё впечатление своей фирмой, своим успехом, своей карьерой. Хорошенькая молоденькая штучка из отдела инвестиций «First Atlantic Bank». В горле у него засвербело, и он закашлялся.

– Судя по всему, отец у тебя человек не бедный.

– В списке богатейших людей США он всё время кочует где-то между тридцатым и тридцать пятым номером.

Маркус поднял брови.

– Ванг? Не тот ли это Ванг, который производил компьютеры?

– Нет, он не тот Ванг, который производил компьютеры. – Судя по тону, ей уже тысячу раз приходилось отвечать на этот вопрос.

«В любом случае она – единственный ребёнок», – пронеслось у него в голове. Когда-то она унаследует всё: шесть частных самолётов, а к ним всё остальное. Не удивительно, что она относится с таким недоверием, когда ей делают предложение.

Маркус опустил в широкое кресло, потеряв интерес к остальному миру.

– Этого я не знал. Честно, я понятия не имел.

Эми-Ли нагнулась к нему с загадочной улыбкой, поцеловала в губы и сказала:

– Я знаю.

Где-то под ними раздался глухой рёв запущенных турбин. Голос пилота из громкоговорителя оповестил их, что получено разрешение на взлёт через десять минут. Потом загорелось табло: «Не курить», «Пристегните ремни».

– Не хватает только стюардессы, – попытался пошутить Маркус.

– Обычно есть и стюардесса, но я предпочитаю летать без них, – ответила на это Эми-Ли со всей серьёзностью. Она встала. – Чего бы ты хотел выпить?

Маркус заморгал.

– Что я хочу выпить? Понятия не имею. Колу. – Самолёт пришёл в движение. Маркус предпочёл остаться сидеть.

Эми-Ли, напротив, двигалась с полной естественностью. Она скрылась в маленьком камбузе в носу самолёта, сразу за кабиной пилота, и вышла оттуда с колой и минеральной водой. Сквозь иллюминатор Маркус видел, что они уже стоят в очереди перед взлётной полосой, в очень короткой очереди, и ему стало спокойнее, когда Эми-Ли наконец тоже села и пристегнулась.

Один глоток, чтобы стакан не был таким полным, – и он снова поставил его в держатель. Турбины взревели на полную мощность, машина понеслась по взлётной полосе, оторвалась и стала быстро подниматься вверх. Снаружи проносились клочья облаков, потом стало светлее, ярче, ослепительнее. Наконец табло погасло, и самолёт перешёл в горизонтальное положение.

Маркус снова взял стакан, отпил ещё немного.

– Вау. – Он огляделся, пытаясь привыкнуть к тому, что всё это происходит с ним на самом деле. Взгляд его остановился на большом экране телевизора. – А теперь? Теперь мы можем выбрать себе какой-нибудь фильм, нет?

Эми-Ли встала.

– Идём. – Она взяла его за руку, потянула назад по коридору, который, как он считал, мог вести к туалетам. Однако самолёт оказался длиннее, чем он думал; раздвижная дверь привела их в спальню с овальной кроватью, обшитой по периметру серой кожей и застеленной свежим, душистым бельём.

Эми-Ли закрыла дверь и заперла её изнутри.

– Я хочу, – сказала она, расстёгивая его рубашку, – чтобы ты взял меня здесь. Сейчас. На этой кровати. На высоте восьми миль.

«Eight Miles High». Её любимая песня.

«Мне это снится», – думал Маркус, когда они раздевались. «Я сплю», – думал он, пока в нём нарастало возбуждение, небывалое, невиданное возбуждение, которое было связано скорее не с Эми-Ли, а почти исключительно с ситуацией, в которой они находились. Агрегаты самолёта прокачивали по трубкам авиационный керосин; его сердце прокачивало по жилам кровь, насыщенную адреналином. Машина скользила по небу; он скользил по её телу. Керосин сгорал в турбинах и растворялся в атмосфере; он сгорал в её лоне и пропадал в её объятиях. «Я сплю», – думал Маркус, пока не потерял способность думать.

– Посмотри в окно! – крикнула Эми-Ли, когда он был уже на грани. – В окно! – Она взяла в ладони его голову, отвела её вверх от себя, и его взгляд сквозь иллюминатор упал на бесконечную даль, на сверкающие облака, на свет неземной интенсивности.

На мир, который принадлежал ему. Он кончил, содрогаясь от мысли, которая была похожа на победный крик: «Вот оно! Я сделал это!»

Настоящее

Маркус в купальном халате медленно пересёк фойе больницы и вышел мимо перегородки охранника наружу. Охранник не поднял головы. Перед ним стоял телевизор с чёрно-белым экраном, шёл какой-то скучный сериал.

Снаружи уже темнело, и Маркус вдохнул морозный воздух. Он делал это уже с неделю: вечерами, когда кончалось официальное время посещений и снова воцарялся покой, Маркус

выходил прогуляться ещё раз по больничному парку.

Сегодня он направился по дорожке, проходившей под окном его палаты. Перед кустами, затемнявшими первый этаж – там были складские помещения, – он остановился и посмотрел на часы. Всё по графику.

Не смотрит ли кто сюда? Нет, вокруг ни души. Маркус нагнулся и достал дорожную сумку, которую перед этим выбросил сверху в кусты. Всё по плану. Теперь главное – сохранять спокойствие.

Чуть дальше располагался уголок со скамьями, летом наверняка уютный. Сейчас, осенью, тут никого не было, зато кирпичная стена хорошо защищала от посторонних глаз. Маркус освободился из своего халата, под которым – чего не должен был заметить охранник, – находилась уличная одежда, и засунул халат за скамью. Эту серо-зелёную вещь он и без того всегда терпеть не мог.

Было полседьмого, когда он пришёл на условленное место. Такси уже дожидалось; шофёр, казалось, испытал облегчение, что пассажир действительно появился. У него были усы, которые придавали ему прямо-таки анатолийский вид, однако шофёр спросил с натуральным мягким гессенским акцентом:

– Ну, и куда поедем?

– К станции *S-бана*.

– Всё понял.

Наверное, это он и есть, думала Доротея, этот холодный северо-западный ветер, о котором их предупреждали. Он набегал на дом порывами, и всякий раз казалось, будто некий титан бьёт по стенам огромным мешком овса. Во всех окнах и трубах свистело и завывало – казалось, ветер досадовал, что не может сдуть этот дом с горы.

И как нарочно именно теперь приходилось сокращать отопление до возможного минимума. Может, удастся растянуть остатки топлива, пока не минует кризис и цены не опустятся до человеческого уровня. Отопление бассейна они отключили; вода уже имела такой странный вид, будто вот-вот замёрзнет. Юлиан и его друзья переносили утрату стойко; с типичной для детей креативностью они открыли новую площадку для игр – сводчатый подвал. Они играли там в «шайку контрабандистов» – возможно, под воздействием книги, которую Доротея подарила сыну на день рождения.

Но до чего же быстро выстывал дом, как только пытались хоть чуть-чуть уменьшить расход топлива! Доротея уже не снимала свой самый тёплый пуловер и всё равно целый день мёрзла; а что будет, когда наступит настоящая зима? Та первая половина дня, которую она проводила в магазине, была для неё спасением. Старое здание стояло в защищенном месте, и маленькой угольной печи, походившей на музейный экспонат, действительно хватало, чтобы довести весь торговый зал до приятной температуры. Здесь она могла как следует согреться, чтобы запастись теплом на весь остаток дня в её собственном доме на горе.

К сожалению, в этом состоял единственный положительный аспект её предприятия. Когда она сидела за кухонным столом, раскрыв журнал, в котором вела бухгалтерию своего магазина, трудно было отделаться от чувства, что она совершила гигантскую глупость.

Торговля шла плохо. И даже это слово ещё сильно приукрашивало положение. В день открытия магазина – в понедельник – пришло всего лишь несколько человек: посмотреть да забрать свой пакетик макаронных изделий – 125 граммов швабских клёцек с высоким содержанием яиц, – по рекламному купону, напечатанному на каждой листовке. Во вторник пришла одна-единственная женщина, она купила шесть яиц.

Сегодня *вообще никто* не пришёл. Ей пришлось выбросить увядший салат, подпорченные томаты и засохший хлеб.

Магазин был убыточным, это факт. Бездушные специалисты из больших сетей розничной торговли были безусловно правы: деревне магазин не потянуть. Горько было признаться себе в этом. Даже если Доротея как можно скорее выйдет из этого бизнеса, деньги всё равно уже потеряны. Хорошо ещё, что в договоре аренды магазина она хотя бы настояла

на своём праве в любой момент его расторгнуть; кто-то рассказывал ей, что для недвижимости, используемой в производственных целях, такого права у арендаторов обычно не бывает.

Она отложила свой бухгалтерский журнал, услышав, что приехал Вернер. И свои мрачные мысли тоже припрятала поглубже. У Вернера своих забот хватает, а продержит она магазин на день больше или на день меньше – это погоды не сделает.

– Удушить! – воскликнул Вернер, ворвавшись в дом, предельно взвинченный. – Поубивал бы всех!

– Кого? – спросила Доротея. Она никогда не понимала до конца всего многообразия конфликтов, о которых Вернер ей рассказывал.

– Этих, из бюджетного комитета. Зарабатывают все по сто тысяч евро, а нос задирают ещё выше зарплат, и знаешь, что они говорят по поводу растущих цен на горючее? Да это же прекрасно! Дескать, меньше будут ездить, и на дорогах станет свободнее. И эти люди принимают решения в мировом концерне, уму непостижимо! – Он достал из кармана свой мобильник и свирепым жестом отключил его. – Всё, я вне зоны доступа. На сегодня хватит. А про завтрашний день и думать не хочу.

Словно услышав его, тут же зазвонил телефон в холле. У Вернера обмякли плечи, он поднял на жену тюлений взгляд, какой у него бывал, когда ему действительно было совсем уж плохо.

– Пожалуйста, Доро, подойди, а? И если это с работы, то меня нет дома. Я сейчас могу только нагрубить.

Но звонок был вовсе не с работы, а от Фридера. Он хотел знать, не объявлялся ли у неё Маркус.

– Маркус? – повторила Доротея. – Нет, а что?

– Он пропал из больницы. Они считают, что он сбежал.

– Сбежал?

Фридер покорно вздохнул, запасаясь терпением.

– Могу тебе сказать только то, что услышал сам. Ночная сестра нашла палату Маркуса пустой. Она бы и не спохватилась, ведь он уже ходячий, но что-то ей понадобилось в шкафу, а там лежала записка: «Большое спасибо за всё», – и рядом купюра в 100 евро. После этого она поставила в известность главного врача, а тот – меня.

Доротея помотала головой – частью потому, что Вернер задавал ей жестами вопросы, которых она не могла понять и которые к тому же сейчас мешали ей.

– Но с какой бы стати Маркусу сбежать?

– Понятия не имею, – сказал Фридер. – Далеко-то он и не уйдёт без паспорта; а паспорт его в прокуратуре. Он тебе ничего не говорил? Ни на что не намекал? А что он сказал, для чего ему деньги?

– Какие деньги?

– Ну, эти сто евро, например. Он не у тебя их взял?

– Нет. Денег он у меня не брал. – Доротея вспомнила про мобильный телефон, который она устроила для Маркуса. Было ли это как-то связано со всей этой историей? Или она только всё усложнит, если сейчас расскажет об этом Фридеру? Она не знала. Слишком много всего навалилось; слишком много.

– Интересно, – хмыкнул Фридер. Это было для него типично. – Как бы то ни было, в пятницу я туда съезжу; я так и так собирался. Может, к тому времени что-то прояснится. Если он объявится, дай мне знать, хорошо?

– Да, – сказала Доротея. – Обязательно.

Она повесила трубку с нехорошим чувством. Всё одно к одному.

В 11 часов Маркус сел на поезд, идущий в Роттердам. Билет он купил в предыдущем поезде у кондуктора, который его, может, вспомнит, а может, и нет. Скорее нет, поскольку вспоминать особо не о чем.

S-баном он добрался до Франкфурта, оттуда поехал в Дортмунд, а дальше в Фенло, что на границе Нидерландов. Поезд эту границу, должно быть, уже пересёк: язык на щитах и табличках, которые были видны из окна, уже сменился на голландский.

Раскрылась дверь, ведущая в соседний вагон. Пограничная служба. Двое голландцев и двое немцев, тихо беседуя между собой по-английски, шли по проходу и оглядывали пассажиров.

Маркус полез в дорожную сумку и достал свой дневник с металлическими корочками. В тусклом освещении вагона цифры комбинационного замка едва виднелись, и ему понадобилось некоторое время, чтобы наконец открыть замок. Эта книжца когда-то действительно была задумана как дневник, но теперь в середине блока бледно-линованной бумаги зияла прямоугольная дыра, которую Маркус сам тщательно вырезал бритвенным лезвием. В ней лежали банкноты по сто евро, всего восемь тысяч: последняя часть денег, унаследованных от отца. Кроме того, заграничный паспорт и водительские права. И то и другое – дубликаты.

Обзавестись в своё время дубликатом прав ему не составило труда: достаточно было заявить о потере старых. С заграничным паспортом было сложнее. Кто-то рассказал ему однажды, что можно законно получить два паспорта, если убедительно заверишь их, что собираешься ездить как в Израиль, так и в любую арабскую страну: поскольку человеку, скорее всего, откажут во въезде, если в паспорте уже стоит израильская виза, то органы идут навстречу и по заявлению выдают второй паспорт.

Маркус решил попробовать этот способ, – и надо же, он сработал. Так появился этот, как он его называл, *подстраховочный комплект*. Это была чистая блажь, и он уже вообще забыл об этом комплекте. А вспомнил, лишь спросив себя, где же может быть его запасной паспорт. Этот был ещё нетронутым, правда, срок его действия истекал через семь месяцев. Как раз достаточно для того, *что* он задумал.

Пограничный контроль не заинтересовался ни им, ни его паспортом. Они проверили пожилую темнокожую женщину и с виду опустившегося, худого мужчину с неопрятной бородой, который вскоре после этого сошёл.

За полночь прибыли на Центральный вокзал Роттердама. В привокзальном отеле ещё были свободные комнаты – к счастью, поскольку он очень устал и чувствовал себя полумёртвым. Последние недели он слишком долго лежал и находился совсем не в форме.

Мысль, что побег был несколько преждевременным, он просто отгонял от себя.

Здесь тоже никто не спросил его паспорт. При вселении его попросили заполнить бланк, и он, повинувшись импульсу, написал в графе «Имя»: ЧАРЛЬЗ ТАГГАРД. В этом был свой умысел. Сигнал. Даже пусть этот сигнал и некому было воспринять.

В комнате он достал мобильный телефон и сделал последний, самый тяжёлый звонок, который всё равно надо было сделать. Всю поездку он подбирал нужные слова и доводы и мысленно провёл этот разговор добрую дюжину раз.

Но по этому номеру никто не ответил. На это Маркус никак не рассчитывал. Он не знал, что это может значить, но уж точно ничего хорошего.

Глава 22

Прошлое

Маркус проснулся от объявления пилота, что через двадцать минут они приземлятся. Он сконфуженно сообразил, что он голый и лежит на смятых простынях, сплетясь с Эми-Ли, такой же голый, да ещё и пахнущей сексом. Тут он вспомнил все подробности, постепенно, одну за другой. Должно быть, так приходят в себя после комы.

Самолёт? Летучая комната отеля класса люкс, вот что это было. Он глянул из иллюминатора, холодного на ощупь, увидел облака и горы и не смог себе представить, где они летят.

– Скорее одеваться! – Эми-Ли вскочила, засмеялась, казалась взвинченной. – А то осраимся...

Тут был и душ. И подогретые полотенца. Правда, было тесновато, и приходилось торопиться, но когда машина пошла на снижение, они, уже одетые, чинно сидели на местах, пристегнувшись ремнями. Кто потом будет убирать развороченную постель и делать из этого свои выводы, Эми-Ли, казалось, ничуть не беспокоило.

Они совершили одну из самых мягких посадок в жизни Маркуса, приземлившись на узкую полосу посреди *Hugde*. На травянистом ландшафте было лишь несколько строений уютного вида. Но в ангаре, мимо которого они пронеслись, стоял тем не менее настоящий «Боинг», явно новенький.

– Где это мы? – наконец додумался спросить Маркус.

– В Голубых горах, – ответила Эми-Ли.

– А-а, – только и промямлил Маркус. Это название ему вообще ни о чём не говорило.

Самолёт остановился. Пилот вышел из кабины с непроницаемой азиатской улыбкой на лице. Неужто он знал, чем они тут занимались?

И следующая за этим неприятная мысль: а не проделывала ли Эми-Ли тот же самый трюк уже не раз, но с другими? Маркус выбросил эту мысль из головы. Не будет он сейчас об этом думать.

Ксяо открыл дверь, опустил маленький встроенный трап и зафиксировал перила. Внутри ворвался свежий, прохладный воздух.

– А тут теплее, чем я ожидала, – сказала Эми-Ли, обращаясь к Ксяо.

Пилот кивнул.

– Да. Говорят, это самый тёплый апрель за последние сто лет.

– Глобальное потепление климата, – услышал Маркус собственные слова, сказанные почти автоматически. Потом он подошёл к двери, увидел невероятную панораму и забыл всё, что у него ещё вертелось на языке из читанного и слышанного на эту тему. Вдали поднимались величественные, покрытые снеговыми шапками горы, целая цепь. Вокруг зеленели невысокие, округлые холмы, кристально-ясное синее небо простёрлось над ними, наполненное неправдоподобным свечением.

– Я сплю? – пролепетал Маркус. – Я знаю, это сон. Грёза. Мечта. И никто меня почему-то не разбудит...

Подъехал большой, похожий на внедорожник автомобиль. Из него вышли двое мужчин и занялись ответственным делом, перегружая две небольшие дорожные сумки из самолёта в багажник и затем распахивая и удерживая дверцы для прибывших гостей.

– Ну, и далеко ли до имения твоего отца? – спросил Маркус, когда машина тронулась.

Эми-Ли посмотрела на него странным взглядом.

– Это и есть имение моего отца.

– То есть?

Она сделала лаконичный круговой жест.

– Всё, что ты видишь. За исключением вершин.

На это он даже не нашёлся что сказать. Всё, что он видит? Он видел много чего. Они ехали мимо пастбищ, на которых паслись немереные стада мохнатых коров, мимо навесов с сеном, ручьёв, озёр и уже приближались к деревеньке, которая и оказалась их целью. В центре обнаружился огромный жилой дом, самый большой, какой Маркусу приходилось видеть. Усадьба Роу в Хэмптоне показалась бы халупой в сравнении с *этим*.

Человек пятнадцать прислуги выстроились шпалерой, когда машина остановилась у подъезда; некоторые, казалось, дрожали на прохладном воздухе. Тут были горничные, одетые и впрямь как в старых фильмах. Тут стояли слуги в ливреях, а также изысканный человек в костюме – наверняка дворецкий. Когда Эми-Ли и Маркус вышли из машины, их приветствовали хором, а потом окружили. Эми-Ли пожимала всем руки, называя слуг по именам. Затем дворецкий повёл их в дом, в зал, где им навстречу с распростёртыми объятиями вышел мужчина в костюме кофейного цвета: отец Эми-Ли.

Хунг Ванг был ростом ещё меньше Маркуса и являл собой сбивающее с толку зрелище: широкая, насквозь американская улыбка под хитро сощуренными китайскими глазками. Скроен он был очень ладно и излучал осязаемую энергию, активность и властную волю. Не могло быть никакого сомнения, что он и был центром силы этой долины.

– Значит, вы Марк? – спросил он после того, как коротко обнял и поцеловал свою дочь. Он подал Маркусу руку и оглядел его с пронизательностью, от которой становилось беспокойно. Пожатие было тёплым и умеренным: ни мягким, ни преувеличенно сильным. Несмотря на это, Маркуса не оставляло чувство, что Ванг был в состоянии в следующее мгновение перекинуть его через плечо, если бы захотел. – Милости прошу.

В доме Ванга придерживались приличий и обычаев. Маркус получил собственную гостевую комнату, вдали от комнаты Эми-Ли, даже в другом крыле здания, если он правильно ориентировался. Он разбирал свои вещи, когда девушка прошмыгнула к нему. Вид у неё был такой, будто она делала что-то запретное и знала это. С тревогой, которая прямо-таки растрогала Маркуса, она сказала:

– Ты должен понять одно, Марк. Я не американка. Я ношу в себе китайские гены, а в их состав входит то, что без благословения отца я не могу выйти замуж. Этому не бывать, понимаешь? Я бы никогда не смогла... выйти замуж, сбежав с женихом, или что-то вроде того. У меня бы потом не было чувства, что всё последующее имеет силу.

Маркус поневоле улыбнулся.

– У меня нет такого впечатления, что тебе понадобится бежать с женихом. Твой отец, кажется, ничего против меня не имеет. На первый взгляд, по крайней мере.

Эми-Ли кивнула, но, казалось, была рассеянна и почти не слышала, что он сказал.

– Да. Я только хотела... – Она встала перед ним, испытующе заглянула ему в глаза. – Марк, если мой отец тебя о чём-то попросит, не отказывай ему. Пожалуйста.

У Маркуса не было даже предположения о том, *что* она имела в виду. Наверное, какая-то старая проблема в отношениях между нею и отцом.

– Разумеется, – ответил он.

– Хорошо. – Она поцеловала его в обе щеки и исчезла крадучись, так же как и пришла.

И что там бы ни гласили правила игры, они не помешали Эми-Ли опять обратиться к нему ночью.

Они проводили чудесные дни. В боковом флигеле дома был просторный бассейн, длиной сто пятьдесят футов, с трёхметровой вышкой для прыжков – утром можно было проплыть там несколько дорожек и, приняв освежающий душ, сесть за завтрак. В пристройке, окружённой густым садом, располагалась просторная гидромассажная ванна, а в подвальном этаже – сауна и тренажёрный зал.

Под руководством Эми-Ли, умирающей от смеха, Маркусу пришлось предпринять первые попытки верховой езды. Ему досталось исключительно миролюбивое животное, которое сносило всю его неумелость, и вскоре они с Эми-Ли уже вместе скакали верхом по лугам вокруг имения. Воздух был свежий и пряный, пахло лесом и наступающими тёплыми днями.

Для завтрака, обеда и ужина в доме были отдельные залы. Завтрак накрывали в зимнем саду, оформленном современно и в жизнерадостных красках, обедали в светлой, маленькой, бело-голубой столовой, а ужинали вместе с отцом Эми-Ли и, время от времени, с каким-нибудь деловым гостем в пышно декорированном помещении, полном золота и антиквариата. Во время своих прогулок по дому Маркус обнаружил и большую столовую, со столом двадцатиметровой длины, которая предназначалась, видимо, для больших торжеств, равно как и примыкающий к ней танцевальный зал.

Здесь – пронеслось в голове Маркуса, – они будут праздновать свадьбу.

Почти невозможно было поверить в это. Здание было настоящим замком, замаскированным под обычный дом, а имение вместе с прочими владениями Ванга – королевством...

И он, Маркус Вестерманн, был кронпринцем. Потому что его любила дочь короля.

Трудно было думать об этом без чувства абсолютной ирреальности происходящего. Маркус всегда считал себя честолюбивым – но то, что с ним происходило сейчас, превосходило всё, что он был в состоянии пожелать или хотя бы представить себе.

Ванг не показывался целыми днями. Он имел обыкновение, рассказывала Эми-Ли, сживать дни в своём обширном кабинете, где в его распоряжении была система видеоконференций. Кроме того, от Маркуса не укрылось, что постоянно приезжали и уезжали какие-то люди. Иные из них походили на курьеров, другие на директоров. Но аэродром и авиафлот Ванга, как видно, не простаивали.

Однако после одного обеда, в котором неожиданно принял участие Ванг, это свершилось: потенциальный тесть решил проверить потенциального зятя на зуб. Когда уже убирали со стола десерт, Ванг походя спросил: не имеет ли Маркус что-нибудь против маленькой прогулки вдвоём?

– С удовольствием, – ответил Маркус. Уф! Сейчас это случится.

Снаружи было слякотно, а у Маркуса не оказалось подходящей обуви, но это не составило проблемы: здесь были наготове резиновые сапоги всех размеров. И они отправились мимо конюшни по дороге, которая вела к озеру и лодочной станции, где дожидались лета несколько парусных лодок.

– Моя дочь – это всё, что у меня есть, – завёл наконец разговор Ванг. – Её мать рано умерла. Это было для меня трагедией.

У Маркуса сжалось сердце.

– Могу себе представить. – А что ещё он мог сказать?

– Всё это, – продолжал старый китаец, окидывая долину жестом, – я купил когда-то в попытке спасти жизнь моей жены. Это было давно. И, к сожалению, тщетно. С тех пор я здесь. Маркус только моргал.

– Угу, – сказал он помедлив. Куда клонит китаец? И какое отношение эта долина имеет к здоровью его жены? Загадочно.

Ванг проводил взглядом птицу, которая вспорхнула прямо перед ними и полетела через озеро.

– Ну, это долгая история. Оставим это. – Он посмотрел на Маркуса. – Эми-Ли мне о вас кое-что рассказала. Мне кажется, вы везунчик.

Маркус, подумав, кивнул.

– Наверное, можно сказать и так.

– Вашего партнёра... вы действительно встретили случайно?

– Да, если верить в существование случайностей.

– И вы угадали свой шанс и схватились за него обеими руками?

– Я слышал, что здесь, в Америке, именно так и делают.

– Правильно, – Ванг невольно засмеялся. В его смехе промелькнуло что-то такое, что не понравилось Маркусу. Но, может, это было всего лишь различие культур: азиаты, как известно, смеются как-то иначе. – Это вы хорошо выразились, – продолжал Ванг. – Да, здесь так и делают. Старая добрая американская мечта. Но если вы хотите её осуществить, вы должны быть в состоянии определить, *когда* этот шанс представится вам. Вы в состоянии, Марк?

Маркус кивнул.

– Думаю, да.

Они дошли до причальных мостков. Над зеркальной гладью озера лежал холодный туман. Всё вокруг казалось покинутым, на горизонте собирались тяжёлые тёмные тучи.

Ванг остановился у перил, оперся на них и сказал, устремив взгляд на воду:

– Шансы. Я хочу вам рассказать кое-что про шансы, Марк. Когда я приехал в эти Штаты, я был никто. Худой китайчонок, всё состояние которого было на нём. Первое время задача заключалась только в том, чтобы выжить. Никто мне ничего не дарил и не рассказывал. Но я

использовал всякий шанс, который мне предоставлялся; я пускался вдогонку за всем, что хотя бы отдалённо напоминало шанс! Это было тяжело, поверьте мне. Действительно тяжело. Но при этом я научился тяжело работать. Я научился принимать трудные решения. И я научился заставлять считаться с собой тех людей, которые хотели обвести меня вокруг пальца. – Он закашлялся. – Когда такой человек, как я, делает состояние на торговле с Азией, он на каждом шагу встречает подобных людей.

Возникла пауза. Наверняка не случайно.

– Я думаю, – осмотрительно сказал Маркус, – что даже близко не могу себе представить, *как* это было. – Он повернулся к Вангу. – Всего этого я не знал, можете мне поверить. Об этом я узнал, только садясь в самолёт с Эми-Ли. Она никогда ничего не рассказывала мне об... – Он окинул жестом долину со всеми ее лугами и полями, зданиями, ручьями и озёрами. – В первую очередь я здесь потому, что люблю вашу дочь и хотел бы на ней жениться.

Ванг тоже повернулся к нему и проницательно его разглядывал.

– Вы понимаете, что дело здесь не просто в том, чтобы родить детей и как-то просуществовать? Вопрос совсем в другом.

Маркус кивнул.

– Да. Я понимаю.

– Построить состояние – это одно. Удержать его – совсем другое. Здесь речь о том, чтобы в будущем управлять многомиллиардным концерном. Никто не может делать это в одиночку; для этого оба супруга должны тянуть одну лямку. Вопрос в том: такой ли вы человек для Эми-Ли? Готовы ли вы делать то, что должно? Тот ли вы человек, Марк?

Маркус выдержал его сверлящий взгляд. Только не тянуть теперь.

– Да, – твёрдо ответил он.

– Хорошо. – Ванг скрестил на груди руки. – Будем говорить открытым текстом. Я хочу получить этот метод, при помощи которого ваш партнёр находит нефть там, где другие её даже не предполагают.

Оп-ля! Это ещё что такое? Маркус закашлялся.

– Эм-м, ну, я боюсь...

– Прежде чем вы ответите, я вам кое-что скажу. Фирма, в которой вы являетесь вице-президентом, вам не нужна. Фирм, которые ищут нефть, – что песка в море. *Метод* – вот единственное, что представляет собой интерес. Ещё раз выстраивать вокруг этого лишнюю фирму – пустая трата времени. – Хунг Ванг слегка подался вперёд. – Если вы женитесь на Эми-Ли, вы сможете занять в моём предприятии любую должность, какую захотите. Вы получите американское гражданство, вы получите... всё, будь оно неладно. Эми-Ли – моя единственная наследница. Когда я скovyрнусь, всё это упадёт вам в руки. – Он ткнул Маркуса в грудь пальцем. – Но я *хочу* получить этот метод. Принесите мне метод Блока, и я дам согласие на брак. Это сделка. Это написано на этикетке самого большого шанса, какой только мог встретиться в вашей жизни.

Настоящее

Маркус проснулся после беспокойного, измучившего его сна и был далеко не в форме. Возможно, сыграл свою роль неудобный матрац гостиничной кровати, но Маркус боялся, что дело не только в этом. Ему пришлось заставить себя принять душ, а каждый шаг по залу для завтрака стоил ему усилий.

Никто с ним не заговаривал, никто не оставлял для него никаких сообщений, никто от него ничего не хотел. Он беспрепятственно выписался из отеля и поехал в Амстердам, в аэропорт Шифоль. В окошечке KLM он купил билет до Монреаля, это было просто. Он стоил 1900 евро, вылет в 14.20. Более дешёвого рейса ему пришлось бы ждать целые сутки, а это даже не обсуждалось.

Он пережил напряжённый момент, когда впервые вручил свой паспорт пограничному

служащему. Но мысли молодого человека витали явно где-то в другом месте, и он ограничился тем, что проверил паспорт на подлинность, сопоставив лицо с фотографией, после чего кивнул ему, указав на проход.

Маркус был уверен, что во франкфуртском аэропорту такое бы не прошло. Поскольку он значился в полицейском розыске, его имя, без сомнений, находилось в компьютерной базе данных; тут бы ему и второй паспорт не помог: о существовании дубликата немецкие органы, конечно, знали. Однако, как он и надеялся, органы полиции европейских стран работали далеко не так слаженно, как рапортовали об этом.

Тем не менее остаток времени ожидания Маркус провёл в нарастающей тревоге. Он наблюдал за окружающей обстановкой, в любую минуту ожидая появления полицейских, ищущих именно его. Но ничего такого не происходило. Зал ожидания перед выходом на посадку наполнялся людьми, едущими в разных направлениях, скучающими и взволнованными. Всё шло своим обычным чередом.

Незадолго до посадки подошёл мужчина и заменил газеты в держателях на свежие. Перед тем как пройти в самолёт, Маркус взял себе экземпляр немецкой газеты.

Титульным шло сообщение, что причиной взрыва, нанёсшего такой сильный ущерб порту Рас-Танура, явилась бомба. Совершенно очевидно, что саудовская полиция хотела удержать такой результат расследования в тайне, но произошла утечка, подтвердившая подозрение американских экспертов. Теперь предполагалось, что за этим стоит пресловутая террористическая сеть «Аль-Каида».

Комментатор писал о «злодеянии „Аль-Каиды“ против мировой экономики», требовал решительных действий, но предостерегал от начала войны, которая, без сомнения, превратилась бы в пожарище.

Заняв своё место, Маркус сунул газету в кармашек кресла, закрыл глаза и стал ждать, когда они наконец поднимутся в воздух.

Теперь ему оставалось лишь надеяться, что он не опоздал.

Глава 23

Прошлое

Тело Маркуса непроизвольно отреагировало так, будто его шарахнули об стену. Или выхватили нож и наставили прямо в сердце. Разом взмокли спина, грудь, всё тело; на холоде это неприятно.

Так вот по каким правилам играют на этом уровне общества! Уровне, куда он зачем-то так стремится.

Первым импульсом было с негодованием отказаться. Сохранить свою честь, свою самостоятельность. Не дать подчинить себя никому. И так далее. Во всех хороших книжках и в кино герои поступают именно так, тем самым обрекая себя на трудности, а в конце, несмотря ни на что, достигают всего. Благородство вознаграждается. В сочиненных историях.

Но каково оно, когда имеешь дело с реальным миром? Тут лучше быть благоразумным. Реалистичным.

Да, и ещё одна мысль: а не было ли это тестом на твёрдость характера? Может, он должен как раз отказаться, чтобы выдержать этот тест? Чего этот Ванг хотел на самом деле?

А уже надо было что-то отвечать.

Маркус откашлялся и тихо ответил:

– Это не мой метод. Его разработал мой партнёр...

– Это я знаю, – сухо сказал Ванг. В его взгляде вдруг появилось подозрение. – Надеюсь, вы не собираетесь нести здесь всякую чушь о принципах морали и долге чести, Марк?

Маркус понял: это был не тест. Ванг действительно хотел получить всего лишь метод Блока.

– Я хочу только сказать, что сам я не знаю этого метода. – Блеск в глазах мужчины,

который станет его тестем – а может, после этого разговора и не станет, – побудил Маркуса поспешно добавить: – Однако мы договорились с ним, что он обучит меня. Это одно из условий договора. Другими словами, это лишь вопрос времени...

Ванг испытующе взглядывался в него.

– Это ведь означает «да», Марк?

Что проку притворяться честным мальчиком? Ведь это было бы одно притворство. На самом деле он ведь ничего другого не хочет так сильно, как попасть именно в ту сферу, где вращается Ванг.

– Да, – сказал в итоге Маркус.

Ванг протянул ему руку.

– Слово мужчины?

– Да. Честное слово, – повторил Маркус, и они ударили по рукам.

Не так ли это происходит, когда заключают соглашение с дьяволом? Не заложил ли он сейчас свою душу? Или принял чертовски умное решение?

Этого он не знал. В кино-то всегда знаешь точно – благодаря музыке за кадром. В реальной жизни ощутимо не хватало как раз чего-нибудь эдакого.

«Всё чепуха», – заверил он себя. Пусть это, может, и нехорошо, но ведь он стремился не к тому, чтоб быть хорошим, а к тому, чтоб быть богатым. У него был план добиться успеха с ОПИ или ОРМ, «other people's ideas» или «other people's money», и если смотреть под этим углом зрения, он был сейчас на лучшем и верном пути.

– Хорошо, – проговорил Ванг довольным тоном. Он коротко кивнул и обнял Маркуса за плечо. – Ну, так дави на него, Марк. Разузнаешь, как он это делает, и объявляйся. А я назначу день свадьбы.

– О'кей, – ответил Маркус.

– И, Марк... Ни слова об этом Эми-Ли. Такого рода сделки касаются только нас, мужчин, о'кей?

Марк кивнул со странным облегчением.

– О'кей.

И назад, в Нью-Йорк. На фирму, которую буквальным образом било током высокого напряжения.

Всё завертелось. Поступил очередной транш денег инвестора: пятьсот миллионов долларов. Были назначены переговоры с правительством Бразилии, касающиеся запланированных пробных бурений в Атлантике. И «PPP» одобрило повышение статьи расходов на оклады руководства компании – миллион долларов в год плюс премии, начиная с июля.

– Вылетаем в следующий вторник, – заявил Блок, когда Маркус вошёл в его кабинет. Ни тебе «Как отдохнул?» или «Как дела?»; на такие пустяки Блок не отвлекался. – В четырнадцать часов разговор с министром энергетики, вечером приём у президента.

Маркус кивнул, взял досье, которое протянул ему Блок. Всё о людях, с которыми им придётся иметь дело.

– Было бы неплохо, если б я знал побольше о методе.

– Я вам объясню. Я же обещал.

– А мы не могли бы приступить к этому занятию прямо сейчас?

Австриец недовольно посмотрел на партнёра.

– Всему своё время, – проворчал он, взял какую-то бумажку и что-то быстро на ней нацарапал.

Потом протянул эту бумажку Маркусу. «Не здесь!» – было написано там.

Маркус выпучил глаза.

Блок приписал ещё: «Прогуляемся в 12 часов?»

– Хорошо, – кивнул Маркус. – Всему своё время.

– Так-то оно лучше, – подтвердил Блок и сунул клочок бумажки в измельчитель.

– Тут нужен глаз да глаз, – говорил Блок, когда в полдень они шли вдвоём по ущельям нью-йоркских улиц, куда уже проникала весна. – Весь мир охотится за моим методом.

Маркус едва поспевал за ним.

– Тут вы правы, я думаю.

– И в первую очередь наши чистенькие инвесторы. У стен кабинета есть уши, вам не кажется? И я скажу вам одно: в тот момент, когда они получают метод, они отшвырнут нас, как горячую картошку.

Он нигде не находил места, достаточно надёжного для разговора. Ни открытые улицы, ни рестораны не казались ему безопасными. Парковые скамейки... нет, тоже нет. В конце концов, они дошли до ярмарки на краю Центрального парка, и Блок предложил прокатиться на колесе обозрения.

– Не знаю, можно ли нас подслушать там, наверху, но думаю, что это будет сделать уже труднее.

И они купили два билета. Очередь посетителей была так мала, что, окружённые пустыми люльками, они тут же вознеслись в лучистое синее небо.

– В Вене есть знаменитое колесо обозрения, – рассказывал Блок. – Гораздо больше этого, просто гигантское. В Пратере. Кабины там из старых железнодорожных вагонов, можете себе представить, каков масштаб. Но я никогда на нём не катался. Мне всегда хотелось, всю мою жизнь, но до этого дело так и не дошло. Абсурд, правда? Я австриец, а про гигантское колесо обозрения в Пратере знаю только понаслышке.

Маркус кивнул, обеспокоенный тем, что Блок отклонился от темы.

– Не приступить ли нам уже к курсу «Введение в метод Блока»? Лекция номер один?

– Да, – ответил Блок, неотрывно глядя вниз на движение между киосками. Казалось, он даже не услышал, что сказал ему Маркус. – Что приходит вам в голову при слове «бактерии»?

– Бактерии? Хм-м. – О'кей. Подыграем. Должно быть, отвлекающий манёвр для возможных соглядатаев. – Это возбудители болезни.

– А больше ничего?

– Воспаление лёгких. Понос. Гигиена. Мыть руки. Дезинфекция...

Блок тяжело кивнул.

– Вот видите? Всё ошибочно. Вы можете мыть руки как хирург, а на коже у вас всё равно останутся миллиарды бактерий. Бактерии на вас повсюду – на волосах, на ресницах, на глазных яблоках, на зубной эмали. В вашем кишечнике живут сотни миллиардов микроорганизмов, свыше четырёхсот видов, множество из которых настолько жизненно важны, что вы умрёте, если они исчезнут. Бактерии жизненно важны, вы понимаете? Вам внушили о них совершенно неверное представление. Но так уж оно есть. Весь интеллектуальный мир заражён неверными представлениями.

Всё это он изложил с нарастающим озлоблением и после вспышки снова умолк.

– Наверняка всё так и есть, – сказал наконец Маркус, – но какое отношение это имеет к нефти, я не понял.

Тут Блок заговорил тише:

– Я объясню вам это по порядку, с самого начала. Я хочу, чтобы первым делом вы поняли, что сами вы состоите примерно из десяти триллионов клеток, но содержите при этом свыше ста триллионов бактерий. Таково соотношение. Десять к одному. Затем я хочу, чтобы вы усвоили, что без этих бактерий вы не можете жить. Это исключено. Понимаете, бактерии существовали за миллиарды лет до того, как стало возможно появление людей. Мы бактериям не нужны. Земля – это их планета. Мы живём лишь постольку, поскольку они снабжают нас всем, что нам необходимо. Они производят кислород, которым мы дышим. Они очищают воду, которую мы пьём. Они делают плодородной почву, а растения, которые мы на ней выращиваем, они разлагают на вещества, которые нам необходимы, – на сахар, аминокислоты и так далее. Без бактерий мы бы с пищей не управились.

Маркус по-прежнему не понимал, к чему всё это, однако находился под впечатлением от

сказанного.

– Хм-м. Я об этом никогда не задумывался.

– Так вдумайтесь в это. Дайте этому представлению укорениться в вас как следует. Мы, люди, всем обязаны миру бактерий. Всем нашим существованием. – Блок подождал, когда люлька достигнет нижней точки своей траектории и снова станет подниматься вверх, и затем добавил: – Не дойдёт ли ваша мысль до того, что, может быть, и нефтью мы тоже обязаны им?

Маркус непроизвольно раскрыл рот, но не произнёс ни слова. У него было такое чувство, будто его огрели мешком песка.

– Об этом вы ведь никогда не думали, так?

– Никогда, – выдавил Маркус. – Это так.

– Вот видите. Промывание мозгов системой нашего академического образования. Это ограничивает людей, сужает их взгляд. – Они поднимались выше, Карл снова смотрел вдаль. Его голос приобрёл почти мечтательные интонации. – Бактерии существуют всюду. В глубоких вулканах, в вечных льдах, в серной кислоте, в отработанных отходах атомных реакторов, в скалистой породе, в глубине океана, даже на обшивке космических спутников. И в глубине земли. Это всегда подтверждается при бурении. Они поедают камни – поедают в них железо, серу, марганец. Некоторые учёные уже дошли до предположения, что многие месторождения таких материалов возникли благодаря бактериям: залежи железа, хрома, кобальта, даже урана могли быть произведены бактериями. Станным образом учёные не дошли до мысли, что нефть и газ тоже продукт их жизнедеятельности. Нет, они предпочитают выстраивать теории – сложнее, чем античная планетарная модель. В неё когда-то вцепились, потому что непременно хотелось, чтоб Земля была центром Вселенной. Легче было смириться с эпициклами и ещё бог знает с чем – пусть и не всегда сходилось – только бы не отказаться от этого представления. Если хотите знать, примерно то же мы сейчас переживаем с теориями образования нефти. Лишь бы не признаться, что в центре универсума стоим не мы, люди. А какие-то, понимаешь, бактерии. Будущие поколения будут только смеяться над нашим упорством в заблуждениях.

Маркус был словно оглушён.

– Бактерии? – переспросил он.

– Глубоко в земной коре. Они пожирают чёрт знает что и выделяют нефть. Вам остаётся лишь найти эти бактерии – и нефть будет находиться в вашем распоряжении до тех пор, пока не потухнет солнце. Вот вам основополагающий принцип моего метода.

Маркуса стало понемногу отпускать. Он почувствовал, как в нём поднимается буйная радость.

– Бактерии! Это гениально. Это поистине гениально.

Блок улыбнулся.

– И просто, не правда ли? Теперь вы понимаете, почему я никогда не входил в детали?

Маркус едва мог усидеть на месте. Ему стоило немалого труда, чтобы не вскочить и не запрыгать от восторга.

– Это же... Нет, право, это самое великое открытие двадцать первого века.

Люлька остановилась наверху. Внизу шла фаза высадки-посадки. Блок посмотрел вниз и сказал:

– В последнее время я стал задумываться, почему я не женился. Возможностей для этого было много. Сейчас у меня мог быть сын вашего возраста. – Он задумчиво покачал головой. – Странная мысль.

Все последующие дни Маркуса нёс ветер восторга. Они летали в Бразилию, и в разговорах с министром и его сотрудниками Маркус аргументировал, требовал и уговаривал так живо и красноречиво, что не только сам себе удивлялся, но даже от Джима Турбера получил нечто вроде комплимента.

Правда, эти правительственные чиновники сами были лёгкой добычей, легко на всё соглашались. В своё время, когда Маркус работал в отделе продаж «Lakeside and Rowe», ему

приходилось вести переговоры с партнёрами совсем другого калибра. Против тех волков эти простодушные представители народа были просто ягнята.

Соответственно, и договор они выторговали себе хороший. Компания получала разрешение не только на пробные бурения, но и на участие во всём последующем, имели право голоса и долю в прибыли. Особенно дорого было последнее. Несколько прикидочных расчётов, которые Маркус проделал на своём компьютере вечером, в комнате отеля, выдали суммы, от которых у него голова пошла кругом. Да он просто утонет в деньгах. Скоро он будет мыслить только в миллионах.

При условии, если они найдут нефть. А до того как это станет ясно, придётся провести на суше ещё несколько месяцев, поскольку предстояло построить специальное новое оборудование. Блок в общих чертах набросал эскизы новой буровой техники; в Нью-Йорке они уже всю подыскивали фирму, которой можно будет поручить проектирование.

Ах да, и потом ещё Ванг.

Маркус решил до поры до времени просто не думать на эту тему.

Обратный рейс запаздывал. Маркус воспользовался паузой, чтобы побродить по аэропорту, и обнаружил в одном киоске немецкое издание журнала «Шпигель» – и не какой-нибудь, а тот самый номер, на обложку которого был вынесен заголовок «Нефтепророки» – и фотография его с Блоком!

Какое странное совпадение! Маркус стал разглядывать фото. Где вообще был сделан этот снимок? Перед местом бурения в Южной Дакоте, должно быть. Верно, теперь он припомнил; кто-то ему рассказывал, что «Шпигель» дал о них обширный материал, но во всей этой суматохе до этого так и не дошли руки... Так вот как это выглядит! Импозантно. Номер был уже не самый свежий, как это часто бывает за границей, но, разумеется, он его купил.

Во время полёта времени было достаточно, чтобы прочитать весь журнал. Там было сразу несколько статей, связанных с Блоком, с его методом, с их предприятием и воздействием их находки на мировую экономику. Нефтяная индустрия, как сообщалось в одной статье, вновь очнулась. В США впервые за последние тридцать лет снова планируют строительство нефтеперегонного завода. Нефтяные концерны, до сих пор занятые только слияниями и поглощениями – то есть процессом свёртывания, который обычно предвещал консолидацию рынка, а то и близкий его конец, – почуяли свежий ветер. «Военно-полевые» кассы, как говорилось в тексте, наполнялись, чтобы при ближайшем выпуске акций фирмы «Block Explorations» урвать как можно больший кусок пирога.

Другими словами, эмиссионный курс акций взвивался на головокружительную высоту. У Маркуса тоже кружилась голова при попытке представить себе, сколько это будет в долларах.

Он опустил журнал на колени и посмотрел в окно на тёмный, пенистый океан, над которым они пролетали. Если так пойдёт, то миллиарды Ванга ему вообще не понадобятся. Он и без них станет богаче, чем мог себе когда-либо представить.

Оставалась только Эми-Ли. Но её он получит лишь в обмен на метод. Только за предательство.

Проклятье!

Он уже хотел отложить журнал и попытаться немного поспать, но всё же перелистнул страницу и наткнулся на статью по одной из тем, обозначенных на обложке. «Конец всем „эко“», – гласило название статьи с подзаголовком: «Свыше тридцати лет экологи предвещали конец нефтяной эры – и вот вместо этого пришёл конец экологам».

Текст провозглашал «окончательную победу» американского образа жизни. Отныне будущее якобы бесспорно принадлежало безграничному использованию энергии и сырья, неограниченному потреблению и тотальной глобализации.

Открытие месторождения «Кейя-Паха» в Южной Дакоте, говорилось дальше, является не просто находкой в ряду других; скорее всего, «метод Блока» означает смену парадигмы, да что там, просто коперниковский поворот в оценке планетарных резервов. Биржи, которым

свойственно опережать будущее развитие событий, уже сейчас повсюду в мире наказывают те предприятия, которые сделали ставку на дорогие альтернативные энергетические концепции. «Shell» под давлением курса акций ликвидировала свой отдел по изысканию альтернативных энергий. В университетах и на автомобильных производствах вычеркнули статью расходов на разработку нового топлива для двигателей. Мобильная связь объявила о новом поколении мобильных телефонов с бензиновым питанием, и это сразу повысило котировку их акций. А оборот производителей ветряных двигателей, биодизеля, тепловых насосов, геотермических электростанций и солнечных батарей, напротив, пришёл в состояние коллапса; многие уже обанкротились, остальным банкротство ещё предстояло.

Маркус перевернул страницу и увидел фото: у входа в здание своей фирмы с удручённым видом стоял Фридер Вестерманн. Подпись под снимком гласила: «Брат нефтепророка: штат сотрудников сокращён с 70 до 5 человек».

Маркус разом ощутил дурноту.

– Чёрт, – прошептал он. Но этот шёпот потонул в рёве турбин, безостановочно сжигающих керосин.

В этот вечер, несмотря на собачью усталость из-за полёта и изматывающих переговоров, он долго не уходил. Первым сломался Турбер, потом и Блок, обычно неутомимый.

– Я смываюсь, – сказал он Маркусу около часу ночи. – Может, и вам следует поступить так же. Вид у вас, с позволения сказать, не самый цветущий.

Маркус кивнул, ответил умышленно вскользь, якобы не придавая делу никакого значения:

– Сейчас и я уйду. Только кое-что докончу, а то эти дела не дадут мне уснуть.

Оставшись один, он отодвинул в сторонку бумаги и вошёл в компьютерную систему. Ведь он был тем человеком – о чём на фирме, к его счастью, не знали, – который прекрасно разбирается в компьютерах. Системный администратор, правда, тоже отлично знал компьютер, однако программу, с которой они работали – а работали они, естественно, с программой, разработанной «Lakeside and Rowe», – знал лишь в общих чертах. Маркус при первой же возможности проследил по его пальцам пароль, который тот вводил. И теперь мог замести все следы, оставленные в деле, которое он задумал.

Целых три часа ушло у него на то, чтоб незаметно отстегнуть от капитала фирмы изрядный кусок. Перевести же брату анонимно эти деньги – триста тысяч долларов – оказалось, напротив, делом простым. Мировая экономика представляла собой гигантский организм, и финансовая система была его кровоснабжением. Капилляры системы, разветвляясь на тонкие и тончайшие нити, дотягивались всюду – и как из кровоснабжения тела не ускользнёт ни единая капля крови, так и из финансовой системы не ускользнёт ни единый цент. И его манипуляции не могли произвести деньги из ничего, однако перевод их в другой капилляр мог оставаться незамеченным ещё, по крайней мере, полгода. А уж за это время он сможет возместить эту недостачу столь же незаметно и без напряжения из своих личных доходов, которые в скором времени, несомненно, потекут бурным потоком.

Настоящее

Абу Джабр испытывал нарастающую тревогу, которую находил неуместной для своего возраста и достоинства. Но каково ему было в часы такой беды находиться на чужбине! Телефон не заменял ему личного присутствия.

Те, до кого он смог дозвониться за это время, рассказывали разное. И он не знал, что же произошло на самом деле. И почему он не может дозвониться до Саида? Этого он не понимал. Точно так же он не понимал, как Васима может говорить о своём муже такие неуважительные вещи.

В соседней комнате закашлялся и тут же захныкал Мандур. Абу Джабр открыл дверь. Служанка старалась успокоить мальчика.

– А где Васима?

– Ушла, – ответила женщина. Родом она была из Малайзии, и её арабский почти не поддавался пониманию.

– Когда?

– Полчаса.

Абу Джабр даже не заметил, когда это произошло. Видимо, эта женщина делает что хочет, стоит только от неё отвернуться!

В этот момент входная дверь открылась. Вошла Васима, держа под мышкой продолговатый свёрток. Что-то, без сомнения, купила. Женщины, как видно, и живут только для того, чтобы покупать.

– Где ты была? – строго спросил Абу Джабр.

Васима широко раскрыла глаза.

– На молитве. Ведь сейчас время послеобеденной молитвы, – она протянула ему свои наручные часы. Из тех новомодных, что напоминали человеку о времени молитвы.

– На молитве? – повторил Абу Джабр. – И где же?

– На первом этаже есть молельная комната.

Только теперь он увидел, что под мышкой у неё был вовсе не свёрток с покупкой, а скатанный молитвенный коврик, какие берут с собой в дорогу.

– Так, – сказал он и откашлялся. – От Саида есть какие-нибудь новости?

Васима отрицательно покачала головой.

– Он знает, что Мандур болен. Этого ему достаточно.

Мандур снова закашлял, и она пошла к нему, больше не добавив ни слова. Абу Джабр удалился в другую комнату и оттуда слышал, как она ворковала над мальчиком.

Он со вздохом посмотрел в окно на парковый ландшафт в морозном свете. Здесь он потерял чувство времени. Не наверстать ли ему пропущенную молитву? Нет, решил он, взглянув на свои часы, слишком поздно. Главное – теперь не пропустить магриб, молитву после захода солнца. Прежде всего необходимо обрести покой. Неизвестность душила его, а тут ещё эта своевольная женщина...

Обрывки разговора в соседней комнате заставили его прислушаться.

– А я правда выздоровлю? – тихо спросил Мандур.

На что Васима ответила:

– Этого я не знаю, дитя моё. На это воля Аллаха. Как и на всё в мире.

– Тогда для чего мы вообще лечимся?

Абу Джабр поневоле улыбнулся. Хороший вопрос. Ему было интересно, как на него ответит Васима.

Некоторое время она молчала. Затем сказала:

– То, что на всё воля Аллаха, не означает, что ничего не нужно делать. Мы лечим тебя в надежде, что тебе это поможет. Возможно, тебе станет лучше, а может, и нет. От нас это не зависит, только от Аллаха. Но это означает лишь то, что нам не нужно об этом тревожиться. Аллах хочет, чтобы мы всегда делали лучшее, на что мы способны, но он не хочет, чтобы мы при этом тревожились. Понимаешь? Потому что когда тревожишься, делая что-то, невозможно сделать это хорошо.

Абу Джабр озадаченно разглядывал мобильник в своей руке, только сейчас осознав, что всё это время он машинально раскрывал и закрывал его. Слова Васимы произвели на него впечатление. Это было совсем не глупо. Это было даже исключительно умно для женщины.

Он отложил телефон и вздохнул. Потом скатал свой молитвенный коврик, взял его под мышку, просунул голову в соседнюю комнату и спросил:

– Васима, эта молельная комната... Ты можешь мне объяснить, как её найти?

Маркус приземлился в международном аэропорту Монреаля в 16 часов. Он был одним из немногих пассажиров, не сдавших в багаж свои вещи, что сэкономило ему время ожидания у багажного конвейера и, кроме того, позволило первым оказаться у окошечка фирмы,

выдающей напрокат автомобиля.

Вводя в компьютер данные его водительского удостоверения, служащая спросила:

– Машину будете возвращать здесь же или в другом нашем отделении?

Последнее, как он понял из вывешенных условий аренды, стоило дополнительной платы.

– Здесь, – ответил Маркус. – Завтра днём, самое позднее в двенадцать часов.

После проставления нескольких подписей – под несколькими договорами и на формуляре, где были зафиксированы показания пробега и уровень топлива в баке, – она объяснила ему дорогу так, как ей приходилось объяснять по многу раз на дню:

– Идите по указателям до нашей парковки. В маленькой конторке у входа сидит молодой человек. Это Уилл. Он проводит вас к машине и даст ключ. Хорошей поездки.

Уилл довольствовался тем, что, мельком глянув на бумаги, сунул ему ключ и буркнул:

– Третья слева, – а затем снова вернулся к своим комиксам.

Десять минут спустя Маркус уже ехал по шоссе № 10, четырёхполосной дороге, которая сначала вела на восток, а потом свернула к югу. Он пообвыкся в машине и уже наткнулся на подходящую радиоволну. До границы оставалось тридцать миль.

Музыка закончилась, пошли новости. Первым было сообщение: американские секретные службы располагают сведениями о том, что «Аль-Каида» после нападения на порт Рас-Танура теперь планирует нападение на нефтехранилища. Якобы американский президент в настоящее время совещается со своим кризисным штабом о дальнейших действиях, в частности о том, должны ли США взять на себя военную защиту саудовской нефтяной индустрии. Кроме того, всё было приведено в высшую степень боевой готовности. Повсюду в Соединённых Штатах усилена защита общественных зданий и сооружений, ужесточён пограничный контроль.

Глава 24

Прошлое

Спустя короткое время объявился клиент, на которого никто не рассчитывал.

Они только что закончили первые переговоры с людьми, которым предстояло изготовить оборудование для пробных бурений у бразильского побережья. Несколько часов просидели вместе над первыми чертежами, Блок красной ручкой вносил изменения, которым инженеры поначалу дивились, затем хмуро качали головами, а потом с целым списком пожеланий заказчика отправились восвояси. Тут-то и явился Турбер с факсом и известием.

– Саудовская Аравия? – повторил Блок, скептически нахмурил лоб. – Вроде бы у них-то нефти и без нас полно.

– Это выгодное предложение, – сказал Турбер. – Идеальное, чтобы скоротать время ожидания, пока не изготовят оборудование.

Блок поскреб подбородок.

– У меня нет желания, откровенно говоря. И я бы не сказал, что нам тут совсем нечего делать. Видели бы вы этих типов, которые только что ушли. Стоит только потребовать от них чего-то, что не укладывается в их заезженную мыслительную колею, как они впадают в ступор. С этих ребят нельзя глаз спускать, помяните моё слово!

Турбер кивнул.

– Это точно. Но это в наши дни можно проделать и через Интернет или посредством видеоконференций. – Он помахал факсом. – А предложение саудовцев и в самом деле выгодное, и я уверен, что смогу выторговать у них условия получше.

Блок откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. Повторил:

– У меня абсолютно нет никакого желания. Кроме того, у меня слишком мало опыта разведки в пустыне. Именно сейчас, когда на нас смотрит весь мир, мне бы не хотелось начинать с нуля.

Маркус заметил, что Турберу от такого развития разговора стало не по себе. Он пытался повернуть его и так, и эдак. В конце концов вздохнул с выражением «давайте говорить открытым текстом» и сказал:

– Карл, запрос пришёл к нам через Вашингтон. Эти люди обратились сначала в Белый дом, а тот напрямую обратился к нам.

Блок озадаченно посмотрел на него.

– И что это значит?

– Что король Ибн Сауд попросил нашего президента, и тот пообещал ему прислать вас. Вот что это значит. Большая политика, Карл.

Блок медленно покачал головой, не соглашаясь.

– Мне, честно говоря, плевать, что там ваш президент кому пообещал, Джим. Он мне не указ, ваш президент.

Маркус положил ему ладонь на локоть и сказал по-немецки:

– Нам надо поговорить с глазу на глаз, прежде чем вы продолжите.

Блок был прав. Без сомнения, они не обязаны были считаться с Белым домом больше, чем с любым другим клиентом. Американский президент не мог ничего приказывать им.

Однако с другой стороны, если они его рассердят, он мог поговорить со Службой иммиграции и натурализации. А это в свою очередь могло повлечь за собой последствия, к которым Маркус вовсе не стремился.

Разговор с глазу на глаз длился недолго. Может, четверть часа или двадцать минут. После этого они все сообща решили, что примут поручение саудовцев.

Ночи перед вылетом в Саудовскую Аравию были короткими. Эми-Ли чуть не пожирала его, а ему это только нравилось. Но когда они засыпали, она спала спокойно.

– Мне приснился сон, – сказала она однажды, пробудившись среди ночи. – Но я знаю, что это было со мной когда-то на самом деле... Я своими глазами видела твою фамилию на одной карточке из картотеки.

– На карточке из картотеки? – спросонок удивился Маркус.

– Такая большая, бледно-желтая карточка с тонкими красными линиями. Где же это было? – ломала она голову в сиреневых тенях занимавшегося дня. – Мы с матерью были в доме, который отец только что купил. Точно. Значит, это было в Сиэтле. Мы с мамой осматривали дом. И там в подвале стоял большой шкаф с деревянными выдвигаемыми ящиками. Я его открыла, там были карточки. И я с ними играла. На одной стояла твоя фамилия.

Маркус с улыбкой помотал головой.

– Это просто тебе приснилось.

– Нет. Я припоминаю... – Она задержала дыхание. – Нет, там был не ты. Там было написано «Вестерманн, Альфред».

– Так звали моего отца, – озадаченно сказал Маркус. Разве он когда-нибудь рассказывал ей об этом? Такого он что-то не помнил. Может быть.

Эми-Ли снова опустилась на подушки, просунула ногу между его коленями.

– С чего это мне приснился твой отец? Странно...

Прибыв в Дахран, они чувствовали себя так, будто и не покидали США. Предназначенная для иностранцев, огороженная часть города могла бы располагаться и где-нибудь в Америке: тут были торговые центры и сооружения для отдыха – теннисные корты и плавательный бассейн, а также площадка для гольфа, которая, как здесь говорили, не оставляла желать лучшего. Ограждения было практически не видно.

Правда, здесь царил температура середины лета и солнце палило, убийственным образом вгоняя зной в каждую клеточку тела. Спасти от него можно было только в кондиционированном помещении.

Их было пятеро – Блок, Маркус, два техника, которые отвечали за аппаратуру, и

мужчина, который был «за всё про всё». Трое сотрудников разместились в доме с апартаментами, а Блок и Маркус получили каждый по отдельному бунгалу.

Первое же знакомство с жильём произвело на Маркуса впечатление. Дом был большой, весь кондиционированный, и в нём не было недостатка ни в чём. Целая толпа прислуги – в основном миниатюрные, почти невидимые индианки – содержала дом в чистоте и безупречном порядке, а если и показывалась на глаза, то лишь для того, чтобы справиться о его желаниях, – достаточно было сказать, и всё исполнялось. Это был для Маркуса совершенно новый опыт, к которому он моментально привык.

Да, он мог поздравить себя с тем, что уговорил Блока. Сами саудовцы! Распорядители цен на нефть просят у них совета! Если это не посвящение в рыцари, тогда как же это назвать?

Настоящее

Южнее Монреаля Маркус съехал со скоростной дороги на местную, а с неё, в свою очередь, тоже свернул – отъехав ровно на 1,6 мили от торгового центра, с голубой головой лося на крыше, где он кое-что купил себе, – на узкий, неукреплённый просёлочек, ведущий в лес.

Дорога закончилась ничем не маркированной площадкой среди деревьев и кустов, со следами бесчисленных шин. Единственным знаком цивилизации здесь была табличка с просьбой не бросать в лесу мусор.

Маркус остановил машину и вышел. Воздух был ледяной, постепенно темнело. До границы оставалось около трёх миль.

Он достал из багажника вещи, которые только что купил. Горные ботинки оказались впору; он надеялся, что не сотрёт в них ноги. Большой карманный фонарь давал достаточно света. Компас был куплен со скидкой. А пуховик на подкладке хорошо держал тепло.

Прекрасно. Он запер машину, сориентировался, нашёл тропинку, которую ему описали. Потом повесил свою поклажу на плечо и двинулся в путь.

Описание дороги было подробное, и он нашёл все указанные приметы и знаки. Примерно час он шёл через холмы над озером Чамплен. Где точно кончалась Канада и начинались Соединённые Штаты, разобрать было невозможно. Не было ни пограничной маркировки, ни электронного наблюдения. Зато протоптанная тропа выдавала, насколько исхоженным был этот тайный переход.

Наконец дорога снова пошла вниз. Холмы остались позади, местность выровнялась. Лес поредел, и показались первые дома селения, про которое Маркус знал, что оно называется Хайгейт-Спрингс и расположено в двух милях южнее границы.

В селение он не пошёл. Тропа вела к небольшому соснячку и заканчивалась посреди него на парковочной площадке. Там стояла одна-единственная машина.

Маркус двинулся к ней, но ещё не дошёл до цели, как водительское стекло опустилось.
– Добро пожаловать в США, – сказал Кейт Пеппер.

Глава 25

Прошлое

Работы начались на следующий день по их прибытии в Саудовскую Аравию – правда, в условиях, которые грозили немедленно сделать её невозможной. Территорию посёлка для иностранцев в Дахране они имели право покидать лишь в сопровождении вооружённого эскорта, который не отступал от них ни на шаг – даже когда Блоку приходилось вести свои изыскания, которые он по-прежнему окружал секретностью, а в этих условиях и подавно. К тому же здесь не были готовы к тому, чтобы допустить их к уже известным нефтяным полям. Блок пытался объяснить, что должен градуировать по ним свои приборы, чтобы настроить их на особые условия Аравийской пустыни. «К сожалению, это невозможно», – неумолимо

объяснил ему порученец от королевского дома.

– Я не знаю, как быть, – признался Блок Маркусу в конце дня, который они проехали впустую. – Вроде бы должен начинать с нуля. Но эта работа отнимет недели. Если не месяцы.

– Нам же лучше, – Маркус пожал плечами. – Пока саудовцы всё оплачивают...

Турбер выторговал у их заказчиков более чем удвоенную сумму ежедневных выплат; кроме того, оплачивались все возникающие издержки, включая любое количество трансатлантических перелётов.

Блок задумчиво кивнул, потёр кончики пальцев, как он иногда делал, словно примериваясь, чтобы получше ухватиться за что-то.

– Вы должны мне помочь, Маркус.

– Нет проблем. Для этого я и приехал с вами.

– Будет много работы. Нам придётся заново изобретать метод сообща.

– Мне только того и надо, – ответил Маркус.

Но потом, видимо, кто-то в саудовском «ARAMCO» одумался, и их стали допускать к некоторым документам, которые запрашивал Блок: сейсмическим, радиологическим и магнитным исследованиям почвы, с которыми Блок немедленно уединился. Коротко объяснив, что поначалу ему никто не понадобится.

– Было бы неплохо, если бы я мог видеть, что вы делаете, – стал упрямиться Маркус.

– После, – был ответ. – Я вам всё объясню, но потом.

Прошёл день, ещё один и ещё один, а Блок всё не показывался. Трое техников проводили свободное время в бассейне или перед телевизором. Маркусу это было слишком скучно. Он решил немного осмотреться на местности. Сопровождаемый охраной из трёх-четырёх широкоплечих мужчин, он гулял по выложенному в шахматном порядке Эль-Кобару, великолепные сооружения и парки которого позволяли забыть напроць, что ты находишься, вообще-то, в пустыне. Маркус посетил один оазис, Хофуф, деревенского вида городок со старинно-живописным крытым базаром, где нашёл оригинальные подарки для своей избалованной подруги, причём они были на удивление дешёвыми. К телохранителям он уже привык, и они не мешали ему, а в толчее базара было даже спокойнее с бдительной охраной. К тому же он заметил, что присутствие охранников при торге было немалым аргументом в его пользу.

Опустилась ночь, когда они ехали назад, в Дахран. Дорога проходила мимо буровых вышек, гигантских нефтяных резервуаров, сооружений для сжигания попутных газов, чадающее пламя которых далеко озаряло ровную, лишённую растительности пустыню. Параллельно автостраде, километр за километром в усыпляющем однообразии, проходили дюжины трубопроводов и линия железной дороги.

Когда Блок и в четверг не показался к обеду, Маркус недолго думая позвонил ему на мобильный телефон и спросил: ничего, если он слетает на выходные в США? Якобы они с невестой приглашены на одно важное торжество.

– Да отправляйтесь, никаких проблем, – ответил Блок. Тон у него был отсутствующий. – Лишь бы вы вернулись на следующей неделе. Уже начнём работать.

Насчёт торжества Маркус не соврал, хоть это и не было полной правдой: уикенд у Эми-Ли и правда никогда не проходил как минимум без двух вечеринок. А Маркусу не хотелось оставаться на выходные без Эми-Ли, потому что после недели, проведённой под палящим солнцем Аравии, гормоны в его теле просто кипели.

Так впоследствии и повелось: по пятницам после обеда он садился в самолёт, который летел в США, а по воскресеньям последним рейсом возвращался в Дахран – разумеется, всё за счёт «ARAMCO».

В первый раз Эми-Ли приехала за ним в арендованном безразмерном лимузине из тех, в которых пассажирский салон целиком отделён от водителя непрозрачной стенкой. Как только они покинули территорию аэропорта Кеннеди, Маркус немедленно закрыл эту переборку и без лишних слов стал раздевать Эми-Ли.

С тех пор она встречала его таким же образом, и первый секс уикенда регулярно

происходил у них по дороге в город.

В квартире Эми-Ли они принимали душ и готовились к вечеру, что в большинстве случаев тоже не обходилось без секса; затем они ехали на первую вечеринку: на вернисаж в Гринвич-Виллидж, в известный клуб, на ужин с безумно важными людьми. При этом Эми-Ли всегда была в ударе. Ей доставляло удовольствие быть в центре внимания, она искрилась энергией и пребывала в хорошем настроении, а то и в состоянии буйного веселья. Маркусу нужно было немало постараться, чтобы составить ей достойную партию, и скоро он понял, какое это действенное вспомогательное средство – кокаин – для того чтобы быть в блестящей форме и оставаться коммуникабельным. Видимо, такая же незаменимая субстанция, как и нефть. Только белая. Чёрное и белое, они неразделимы, это ясно. Его первоначальные опасения теперь казались ему чем-то вроде страхов девственницы, а всё, что об этом обычно пишут, – как опасен кокс и как его употребление приводит к привыканию и к зависимости, – казалось ему чепухой. Можно превосходно держать всё под контролем; вообще никаких проблем.

Когда в пятницу вечером – как правило, это означало в субботу утром – они с Эми-Ли возвращались домой, они всё ещё были на взводе, так что о сне нечего было и думать. Для этого в их телах сидело ещё слишком много оргазмов, которые необходимо было выпустить на волю.

Для сна почти не оставалось времени. В субботу утром они, как правило, устраивали шопинг, днём открывали для себя какой-то новый ресторан, а вечер проходил точно так же, как вечер пятницы. По воскресеньям, после долгого-долгого завтрака в постели и прощального секса, которого должно было хватить про запас на всю неделю, он снова отправлялся в аэропорт, и как только самолёт взлетал, Маркус засыпал с чувством, что всё удалось – именно так, как ему хотелось. Он вёл именно такую *энергетическую* жизнь, о какой ему всегда мечталось, жизнь, каждая минута которой наполнена волнующей деятельностью и в которой совсем нет однообразия и скуки.

Правда, он пока не представлял себе, какой напряжённой будет эта жизнь.

В один из таких субботних вечеров из-за сгоревшего, как потом оказалось, распределительного устройства и, как следствие, каскада перегрузок остальных систем, в Нью-Йорке отключилось электричество. Эми-Ли и Маркус как раз собирались на вечеринку по случаю открытия нового клуба (только приглашённые гости), как вдруг разом стемнело: свет выключился не только в квартире, но и на улице, всюду. Город погрузился в *Ничто*.

Они зажгли свечи и принесли из ванной радио, которое работало на батарейках. Местная радиостанция передавала предупреждение полиции о том, чтобы люди по возможности оставались дома; метро тоже не работало, равно как и все светофоры. Заправочные станции не действовали, все туннели были перекрыты, поскольку в них не работала вентиляция. Звонить по телефону тоже было нельзя из-за перегруженной сети, мобильная связь вырубилась. Ремонтные работы, как передали по радио, уже начались, но пока нельзя сказать, как долго они продлятся.

Было очевидно, что без электричества не состоится и вечеринка, и они остались дома. Стояла душная летняя ночь, и, разумеется, кондиционеры тоже не работали. Скоро в квартире стало невыносимо жарко. Они сидели в темноте голые на кровати и просто разговаривали, рассказывали друг другу о своём детстве. Какие-то истории они уже поведали друг другу раньше, какие-то нет. Они ждали, когда лампы и приборы снова включатся, а потом забыли ждать и просто предались течению времени. Всё остановилось. Мир, казалось, перестал вращаться. Казалось, всё теперь так и пребудет вовеки. Во тьме.

Среди ночи стало прохладнее, и они нашли друг друга. То была молчаливая, медлительная и беззаветная встреча, совсем не такая, как все предыдущие – жаркие, дикие состязания в силе оргазма, поединки возбуждения и встречи на высшем уровне похоти. Они забыли про всё, это были просто нагие мужчина и женщина, которые делали то, для чего были созданы Творцом.

Потом молчание, влажная рука на влажной коже, полусон. Эми-Ли шепнула в тишину:

– Никогда бы не подумала, что могу так влюбиться. Нет, это больше, чем влюблённость... мне даже страшно...

И в этот момент зажёгся свет. Но вместо того, чтобы разрушить волшебство мгновения, он его только усилил: в спальне была включена лишь маленькая лампа, которая не ослепила их. Они посмотрели друг другу в глаза, и это было так, будто в этот момент каждый из них смог заглянуть другому в самую душу, до самого дна. Они не в состоянии были что-либо сказать, да это и не требовалось. Маркус с ошеломляющей уверенностью понял, что они предназначены друг для друга, и эта мысль совсем не показалась ему смешной.

Настоящее

Кейт вёл машину по дороге, которая становилась всё уже, и рассказывал про свой летний домик: когда и как он его купил, и что свозили сюда контрабандой из Канады он и его друзья, но у Маркуса в какой-то момент просто закрылись глаза.

Он очнулся оттого, что вдруг стало тихо. Свет фар выхватывал из темноты маленький дощатый домик.

– Ты в порядке? – спросил Кейт. Мотор, остывая, потрескивал.

– Да, – ответил Маркус. – Да. Я в порядке.

– Выглядишь ты не самым лучшим образом.

– Ничего. Я должен.

– Что уж такое ты *должен*?

Маркус посмотрел на домик. У крыльца громоздились мусорные мешки, под навесом от дождя стояли два газовых баллона с бутаном, а рядом с ними – вторая машина, накрытая брезентом.

– Если бы я знал... Может быть, спасти мир...

Глава 26

Прошлое

Что это было?

Он сидел на кровати, в простыне, влажной от пота. Открытое окно, мягко колышутся шторы, бесцветные, прозрачные, вот дохнуло ночной прохладой... И звёзды на небосводе блещут, как алмазы в сокровищнице из «Тысячи и одной ночи». Достаточно было один раз увидеть этот небосвод, чтобы понять, почему первыми астрономами были арабы.

Вот, опять. Пронзительный дребезжащий звук. Откуда он доносится? Маркус повернулся. Почему-то от изголовья кровати.

Телефон! Какой-то чокнутый дизайнер решил так упрятать его в основание лампы на ночном столике, что Маркус до сего момента его даже ни разу не заметил. Телефон прозвенел ещё раз, прежде чем Маркус разобрался, как выудить трубку из держателя.

– Алло?

Это был Ванг. Одному небу известно, где и как китаец раздобыл этот номер телефона.

– Вспоминаете ли вы хоть иногда о нашей договорённости, Марк? – Голос отца Эми-Ли звучал раздражающе бодро и энергично. Ведь у него в Америке до глубокой ночи было ещё далеко.

– Что? – хрипло переспросил Маркус. – Да, конечно.

– Да? Тогда почему же я ничего от вас не слышу? Ни слова! Проходят недели, а вы продолжаете делать вид, будто нашего разговора вовсе не было.

Марк помотал головой, пытаясь стряхнуть с себя сонливость.

– Нет-нет. Я помню. Просто это требует времени. Не так всё просто.

– Могу ли я вам верить, Марк? Скажите мне правду. Знаете, ведь я недоверчивый человек. Я говорю себе: ведь вы и так спите с моей дочерью – вдруг вы решили, что с вас

довольно и этого? Вот я и решил позвонить вам.

– Мистер Ванг, я могу вам только сказать, что делаю всё возможное, – объяснил Маркус. И уж совершенно точно он не стал бы обсуждать с этим человеком свою сексуальную жизнь. – Но пока что я могу сообщить вам лишь самые поверхностные вещи. И не по телефону. Дайте мне ещё несколько недель.

Молчание. Трансатлантическая тишина.

– Хорошо, – сказал наконец Ванг. – Я предлагаю вам приехать ко мне на ранчо ровно через четыре недели, в этот же день. Там будет несколько специалистов, которые с интересом выслушают вас. А дальше будет видно.

Маркус сглотнул, надеясь, что это не было слышно на другом конце провода.

– О'кей.

– Знаете, – продолжал Ванг, – Эми-Ли будет больно, если я запрещу ей видеться с вами. А она меня послушается. В этом отношении она примерная дочь. Подумайте об этом. – И он положил трубку.

Маркус неподвижно сидел в темноте. Вот оно, значит, как. Оказывается, нужно быть готовым платить высокую цену за жизнь с таким высоким числом оборотов.

Он услышал, как в глубине дома кто-то ходит. Прислуга, должно быть. Он пристроил трубку на место.

При этом упреки Ванга были несправедливы. Маркус уже несколько недель работал вместе с Блоком, который прилагал все силы к тому, чтобы ввести его в суть своего метода. Однако либо Блок был плохим преподавателем, либо Маркус – плохим учеником, а может, и то и другое; но Маркус пока что так и не постиг основной принцип метода Блока.

Или, другими словами: то, что делал Блок, с виду казалось Маркусу – как прежде, так и теперь – чистым шаманством. И он не смог бы это даже толком объяснить своему будущему тестю.

Дни за днями протекали одинаково. По утрам Блок изучал карты, пока не определял следующее место для исследования, куда они и ехали потом со всем своим эскортом, который, казалось, становился всё больше. По каким критериям Блок выбирал то или иное место? Уже одно это оставалось для Маркуса неясным. Австриец много чего твердил о «линиях искривления», о «касательных к вершинам и горках с отрицательной высотой», а поскольку говорил он это с таким видом, будто всё это должно быть хорошо известно любому мало-мальски грамотному человеку, Маркусу только и оставалось, что просто кивать.

Он говорил себе, что улучит минутку и разузнает это. И что не отступится, пока не разберётся.

Как только колонна останавливалась – посреди пустыни, у подножия скалы или ещё где-то, – Блок первым делом проверял при помощи своего навигатора, на том ли они месте. Его недоверие было оправданным: уже дважды координаты оказывались неверными. Один раз с этим не было проблем; им просто пришлось проехать на несколько километров дальше. А второй раз, когда Блок стал настаивать на том, чтобы поехать в нужное место, им объяснили, что этого сделать нельзя, туда нет доступа.

Как только выяснялось, что они на нужном месте, сооружалась палатка, и тут же начинали рыть. Частью простым ручным буром, частью более серьёзными приборами забирали пробы почвы, которые Блок собственноручно упаковывал, надписывал и заносил в каталог. Когда это бывало сделано, проводились обширные сейсмические исследования, к которым привлекались сопровождавшие их арабы. Заложить взрывчатку и распределить сенсоры по местности Блок предоставлял трем инженерам; он настаивал лишь на том, чтобы позиции постоянно согласовывались как по навигатору, так и по триангуляции.

Сейсмические исследования, это Маркус понял быстро, были чистым отвлекающим манёвром. Пока над пустыней гремели взрывы и к знойному небу поднимались облачка пыли, оба они оставались в палатке и сообща перебирали те пробы минералов, которые Блок считал действительно релевантными.

– Если вы почитаете научно-популярные книги про нефть, у вас сложится впечатление, что нефтяное поле представляет собой что-то вроде подземного озера, – объяснял Блок. – Это в корне неверно. На самом деле нефть пропитывает определённый слой минералов, как вода губку. Такие минералы называют накопителями. Чаще всего это песчаник или известняк, но в любом случае осадочная порода. Понимаете? Порода, которая образовалась в ходе миллионов лет из отложений. Поэтому она пористая, пронизанная бесчисленными каналами и пузырьками пустот. В отличие от изверженных горных пород, которые возникли в результате вулканической деятельности: гранита, гнейса, базальта и так далее. Это виды минералов, которые применяют для мостовых, для подоконников или памятников – почему? Потому что они не допускают проникновения влаги. Поэтому содержать нефть они не могут. Но если они окружают нефтесодержащий слой минерала, то нефть остаётся там, где она есть. Потому и ищут согласно традиционным теориям геологические формации, при которых осадочные породы заперты в изверженных породах – в раздувах, короблениях,³⁴ в стратиграфических или тектонических залеганиях.

– Понятно, – сказал Маркус, хотя не имел ни малейшего представления о *стратиграфических залеганиях*.

– Для скважины, эксплуатация которой оправдывает себя, роль наряду с этим играют и другие факторы: стабильность носителя, вязкость нефти, давление месторождения, газовая составляющая, контурные воды, температура и так далее. Но для этого надо сперва найти нефтяное поле, не так ли? – Потом Блок объяснил ему, что существует гораздо больше сортов минералов, чем принимает в расчёт классическая геология. – Видите два этих куска? Оба – гранит, но вот этот кусок того сорта, который я называю «Гранит-1», а вот этот – «Гранит-26А». Видите разницу? Здесь текстура типичная. Всего я различаю 32 подвида одного только гранита; вы тоже должны научиться их распознавать. От этого зависит всё.

– О'кей, – сказал Маркус. – Всё ясно. – Он, правда, понятия не имел, как это применить. Он таранился на полированные пластины пород, не видя между ними никакой разницы.

В молитвенное время арабы делали перерыв; это распространялось и на них, «неверных». Среди эскорта был один рослый человек с рыжеватой бородой, который носил на поясе хлыст и следил за тем, чтобы религиозный долг исполнялся как следует. Блок называл его «политруком».

«Вообще, странное государство эта Саудовская Аравия», – думал Маркус. Религиозная страна. Пожалуй, если бы они искали нефть в Ватикане, они не столкнулись бы с такой строгостью религиозных правил. Кроме того, казалось, что в Саудовской Аравии живут одни мужчины, что могло означать только то, что они держат своих женщин взаперти. Если и попадалось на глаза существо женского пола, оно было закутано, словно человек, пересекающий заражённую эпидемией местность.

То есть полная противоположность тому, что представлял себе Маркус в качестве страны своей мечты.

Он всякий раз вздыхал с облегчением, возвращаясь в Дахран, в анклав, где можно было выпить пива без риска быть наказанным плетью. В нём постепенно нарастало нетерпение, когда же их задание будет отмечено галочкой и они снова смогут покинуть эту чокнутую страну.

Вечерами он всё больше времени проводил с Блоком в лаборатории, которую тот организовал у себя в подвале. Маркус смотрел, как Карл готовит культуры из проб породы, соскребает с камней тонкий налёт и исследует его под микроскопом.

– Этого никто не должен видеть. – снова и снова повторял Блок. – Стоит только глянуть, что я тут делаю, как с моим методом все станет ясно.

Но этого мнения Маркус разделить не мог. Он не только ничего не усматривал в действиях старого бурового техника, но даже ничего не понимал из его объяснений.

---

³⁴ Коробление – деформация.

– Видите, посверкивает? Характерно для «Гнейса-3», – говорил Блок, но Маркус не видел никакого посверкивания.

– Вот они, эти серповидные структуры. Я думаю, что это отрицательная реакция на петролеонты. Есть или была. Это могло быть и миллионы лет назад. – Маркус не видел никаких серповидных структур. Но он хотя бы понимал, что петролеонты – это и есть те гипотетические нефтеносные бактерии, которые Блок искал и про которые предполагал, что выделить их невозможно, поскольку живут они глубоко в земле и отмирают при извлечении оттуда.

Когда Блок управлялся со своими делами в лаборатории, они переходили в гостиную, которую тот переоборудовал в большую рабочую комнату. Свою прислугу он отослал, поскольку подозревал среди них шпионов. Соответственно выглядел и его дом: всюду пыль, песок, пустые упаковки, нестираное бельё. Здесь, как и в подвале, Блок установил приборы, чувствительные к «жучкам» – три разные модели, привезённые с собой, и к ним он никого не подпускал. А ещё дополнительно включал музыку – что за пределами анклава Дахран тоже было наказуемым деянием. Здесь Блок на основании полученных данных вычерчивал линии на больших картах местности: поля связи, направления преобладаний и, главное, возможные микрошлоты. При этом речь шла, как выяснил Маркус, о тончайших, капиллярных связях внутри земли, проникавших до невероятных глубин.

– Классическая геология их тоже не знает, – объяснял Блок, – открыл их я. Вначале сам не зная, что они означают. Но если бы такой человек, как я, написал статью и послал её в научный журнал, её бы просто выкинули в мусорную корзину. Если перед вашим именем не значится «профессор» или «доктор», можете забыть про это.

– И что же они означают? – допытывался Маркус. – Ну, эти микрошлоты.

Блок нагнулся вперёд и поманил его к себе поближе, чтобы можно было говорить ещё тише.

– Тайна в том, что нефть возникает из круговорота. Через бактериальные процессы – то есть разложение, гниение и тому подобное. Начинается это на поверхности земли и идёт всё глубже вниз; поскольку нет пункта, на котором процесс остановился бы. Таким образом углерод постоянно попадает назад, в землю, где он превращается в новую нефть. И накапливается, естественно. Расчёты с CO₂ я вам уже приводил. При этом петробактерии, которые всё это проделывают, находятся на страшной глубине, в том-то и проблема. Происходит это потому, что процесс возникновения нефти, который в них протекает, требует огромных окружающих температур. Их и даёт ядро Земли. Другими словами, совершенно неверно нам говорят, будто нефть есть ископаемая солнечная энергия – наоборот, это превращённая энергия ядра Земли. И потому она точно так же неисчерпаема.

– А я думал, что ядро Земли постоянно остывает...

– Неправильно думали. Найдите хорошую книгу и почитайте. Температура в ядре Земли за те четыре миллиарда лет, которые существует Земля, опустилась градусов на сто. Ядро Земли имеет температуру между четырьмя и семью тысячами градусов. Это вы должны уяснить себе: оно так же горячо, как поверхность Солнца.

– Серьёзно? – Маркус даже растерялся.

Блок откинулся на спинку стула.

– Можете мне не верить. Наведите справки. Это научно подтверждённый факт.

Позднее Маркус действительно проверил. Так оно и оказалось. Причём особенно его смутило равенство с температурой на поверхности Солнца. Он-то держал в голове миллионы градусов, но то оказалась температура солнечного ядра, где протекают процессы ядерного синтеза, откуда оно и черпает свою энергию.

Просто он плохо ориентировался во всех этих естественнонаучных предметах. Физика и химия ещё в школе не были его коньком. И теперь оказалось, что наверстать это упущение было тяжелее, чем они с Блоком себе представляли.

Особенно когда постоянно устаёшь, как он.

Блок же, казалось, был неутомим.

– Микрошлоты транспортируют нефть из глубины наверх, – объяснял он, набрасывая соответствующие схемы. – Благодаря капиллярному эффекту или осмосу – примерно так, как пропитывается бумага кофейных фильтров, понимаете? И потом она собирается в осадочных слоях, как я подозреваю, за счёт их собственного впитывающего действия.

– Но тогда нефтяные поля должны были бы вновь и вновь пополняться, – заметил Маркус.

Блок кивнул.

– Так оно и есть. Этот феномен называют «refilling» – нечто вроде дозаправки горючим. Это наблюдали в Мексиканском заливе, в газовых месторождениях Оклахомы и на Среднем Востоке тоже. У науки пока нет этому объяснения, но это её не беспокоит по причинам, которых мне никогда не понять. – Он сделал движение рукой, будто отметая всё это в сторону. – Что происходит на самом деле, не знаю и я. Может статься, при бурении такого поля что-то делается неправильно; что-то такое, что перекрывает микрошлоты, блокирует, забивает, почём я знаю. Но это и не так уж важно, поскольку refilling так и так происходит слишком медленно, поэтому экономического интереса представлять не может. Нет, я-то хочу пробраться глубже, к самим петролеонтам. Понимаете? Они как раз и являются источником.

– То есть надо пробуриваться глубже сквозь эти опустевшие поля? – спросил Маркус. – Неужто так всё просто?

– Нет, совсем не просто. Тут-то и вступают в игру микрошлоты. Они явно способны проводить нефть на очень большие расстояния. Если бурение ведётся на соответствующую глубину, то даже маленькое отклонение от вертикали означает большое удаление от цели. Вспомните об алмазах. Это кристаллы из чистого углерода, для их возникновения требуется давление, которое имеется на глубине не меньше ста сорока километров. Что, кстати, доказывает, что на такой глубине в мантии Земли есть в наличии углерод – мой исходный тезис, если вы помните. Но это академиков тоже не беспокоит.

Маркус уже начинал понимать очертания теории Блока. Трудности у него были лишь с применением её на практике.

– Итак, всё дело в том, чтобы найти микрошлоты и их направление? – спросил он.

– Точно, – Блок кивнул как довольный учитель.

– И, – продолжал спрашивать Маркус, – как же это сделать?

Лицо Блока вдруг замкнулось.

– М-да. А вот это в очень высокой степени интуитивно. Это я и имел в виду, говоря, что метод ещё не разработан до конца. Вы наверняка скоро поймёте, *как* это делается, – если будете при этом присутствовать и внимательно смотреть... Но интуиция – это же совсем не то, что можно запатентовать. – Он уставился в одну точку в дальнем конце комнаты, будто не мог ни на секунду оторвать от неё глаз. – А ведь наверняка есть убедительная формула. Я уверен, что она есть. Я просто пока не нашёл её. Но если мы её найдём... то все они будут у нас в кулаке. Все. И мир будет принадлежать нам.

Наконец-то Блок определил и назначил три места для пробного бурения.

Прибыли от «ARAMCO» три команды, с тяжёлой техникой и специалистами – преимущественно филиппинцами, индусами и пакистанцами, а также арабами из других арабских стран, – опыт которых, набитая рука и профессионализм так и выпирали из всех пуговичных петель. На Маркуса и Блока они смотрели поначалу свысока, однако старый австриец, разговаривая с ними на профессиональном жаргоне, осматривая технику и рассказывая о своём опыте бурений у Явы, бурений, которые вообще относились к первым оффшорным вскрытиям, быстро завоевал их симпатию и уважение.

– Хорошие люди, – сказал Блок, когда они возвращались вечером назад.

Маркусу нечего было рассказать, и он ограничивался тем, что слушал и смотрел. Он заметил одного араба, который лишь наблюдал за всем со стороны. Выглядел он как человек, которому не нравится то, что происходит, и втайне уже сочиняет донесение тем, кто его сюда направил.

Но Блок, когда Маркус рассказал ему об этом, лишь пожал плечами.

– Я ничего не заметил.

Однако на следующий день всё изменилось. Буровые работы продолжили уже совсем другие люди; все говорили исключительно по-арабски. Мужчина, на которого Маркус обратил внимание накануне, выступал в качестве переводчика. Он холодным тоном объяснил, что вчерашние техники, к сожалению, заняты в другом месте и сегодня не смогли сюда прибыть.

Эта замена крайне возмутила Блока.

– Тут что-то не то, – шепнул он Маркусу, когда они осматривали третье место бурения. Солнце стояло в зените, и зной, как обычно, стал нестерпимым. – Эти новые люди ни на что не годятся. Одни неумехи.

Маркусу тревожно было видеть, как старый человек топчется по площадке, грызёт ногти и мечет свирепые взгляды. Ему-то какая разница, кто будет работать на буровой? Всего-то и нужно, что просверлить дырку в земле, больше ничего.

– Не нравится мне это, – Блок снова принялся за своё. – Кто-то здесь ведёт свою игру, скажу я вам, и мы в этой игре всего лишь пешки. – Это звучало как параноидальный бред, считал Маркус. – Тут нужен глаз да глаз, слышите, Маркус? Иначе они нас обдурят.

Может, Маркус не понимал чего-то такого, что для Блока было ясно как божий день? Очень может быть. Маркус чувствовал, что начинает нервничать.

И действительно, бурение шло всухую, как бы глубоко они ни проникали. Блок предсказывал появление нефти на глубине двух тысяч метров. В тот день, когда была достигнута эта отметка, они застали на всех трёх местах бурения группы саудовцев, мужчин в тонких белых бурнусах и платках, вид которых всегда напоминал Маркусу посудные полотенца. Они не работали, только смотрели, переговариваясь между собой, и, казалось, забавлялись результатом.

Маркус догадался, что это геологи «ARAMCO», которые благодарили Аллаха за то, что оказались правы и не остались в дураках.

Блок с неподвижным лицом принял это к сведению, коротко отдал приказ продолжать бурение и кликнул водителя, чтобы тот отвёз его назад в Дахран.

– Я должен всё ещё раз просчитать, – сказал он Маркусу. – Это пустыня, вот в чём дело, я думаю. Жара, многотысячелетняя сушь... тут вступают в силу другие законы.

– Могу я вам чем-то помочь?

– Нет, – он отрицательно помотал головой. – Мне надо побыть одному, наедине со своими мыслями. Углубиться во всё это. Я вам объясню всё, что найду, но потом. Когда приведу в порядок мысли, а то в голове у меня чехарда... А вы тут пока последите за бурением.

С этими словами он уехал.

Маркус остался, не зная, что имел в виду Блок. За чем он тут должен следить? Он смотрел, как мужчины орудовали буровыми трубами, как на экранах мониторов мелькали цифры, как ревели моторы и густые клубы дыма поднимались к знойному небу. Песок взлетал вверх, когда бур вращался, и ветер относил его в сторону. Было скучно и вместе с тем волнующе – скучно, потому что он мог только смотреть, мало чего понимая в происходящем, а волнующе – ибо, несмотря ни на что, с этим была связана его судьба.

Он вернулся вечером измученный – от зноя, а главным образом от ничегонеделанья. Блок не появился, а по телефону был настолько скуп на слова, что Маркус оставил его в покое. В нём зарождалось недоброе чувство, что ситуация ускользает из рук, однако он подавил неприятные ощущения и отправился принимать душ.

Только он управился, как в дверь позвонили. Одна из девушек открыла и исчезла, когда вышел Маркус в одном лишь полотенце, обёрнутом вокруг бёдер. Но то был не Блок, а мужчина, которого он прежде никогда не видел. Американец протянул Маркусу руку, ничуть не смутившись его видом.

– Меня зовут Джим, – представился он. – Мы соседи. – На нём была майка без рукавов,

открывающая татуированные плечи; если отвлечься от этого, он выглядел как начинающий лысеть бухгалтер. – Наконец-то я вас застал. Вы в основном в разъездах, да? Сегодня я устраиваю с друзьями вечеринку с барбекю и хотел спросить вас: не заглянете ли вы к нам? Совершенно неформально; мы как раз рубим стейки для гриля, а женщины принесут салаты...

«Ну вот ещё!» – было первой мыслью Маркуса. Ему совсем не хотелось. Вообще-то, у него сильно болела голова; его тревожило, что начавшаяся было карьера миллиардера может разбиться о здешние непрозрачные арабские интриги; и наконец, он был просто измучен неудачным днём.

С другой стороны – искусство жизни состоит по большей части в том, чтобы не пропустить её.

И, может, это наведёт его на другие мысли?

– С удовольствием, – сказал он. – Спасибо за приглашение. К сожалению, у меня нет ничего под рукой, что бы я мог прихватить...

Джим отмахнулся.

– Да, я вас огорошил, простите. Прихватите с собой хорошее настроение и голод, этого вполне достаточно. Скажем так, часов в девять?

– Хорошо, в девять, – подтвердил Маркус. – Договорились.

Когда ровно в девять он, побрившись и одевшись так, чтобы не стыдно было показаться людям, покинул свой дом и перешёл через лужайку, он очутился в обстановке, взятой будто из кино: мужчины вокруг барбекю, в рубашках с короткими рукавами, громко хохотали. Стол ломился от соусов и салатов. Тарелки пластиковые, зато ножи для стейков настоящие. И факелы в земле, разгоняющие рано опустившуюся темноту. Это невольно напомнило Маркусу о газовых факелах в пустыне.

Ему сунули в руку банку пива, великолепно охлаждённого, и тут же вовлекли в приятный разговор. Последовали безобидные расспросы: как долго он уже здесь, сколько ещё пробудет, ах да, а погода, нестерпимый зной, не правда ли? Иногда прямо-таки тоскуешь по дождю, да, ещё как. Потом речь зашла о бейсболе. Тут Маркусу нечего было вставить от себя, он ощутил это как чувствительный изъян. И решил как можно скорее подобрать себе любимую команду и следить за её играми. «New York Yankees», например. У него хотя бы есть майка с их изображением.

Барбекю между тем дошло до кондиции; от него уже веяло великолепным ароматом жаркого. Одна из женщин дала Маркусу в руки тарелку и направила его к решётке.

– Как почётному гостю вам полагается первый кусок, – заявила она с непреклонным дружелюбием. – Попробуйте и скажите, готово ли.

Мужчина у барбекю улыбнулся ему. Он был рослый и костистый, с глубоко посаженными глазами, слегка за пятьдесят. Во взгляде глубоко таилась меланхолия.

Они ещё раз исполнили весь ритуал беседы. Он здесь уже шесть недель, сказал Маркус. Дахран, да, восхитительный город, почти как в Америке, точно. Жара в самом деле нестерпима. Уже ранним утром еле выдерживаешь, и ведь так целый год. Да, он первый раз в Саудовской Аравии. Он сосед справа. Его пригласил Джим, прямо сейчас, да, совершенно спонтанно.

Мужчина потыкал щипцами кусок мяса.

– По виду готово, как вы считаете?

– Ещё как готово, – сказал Маркус, поднял тарелку и огляделся. Рядом с ними никого не было.

– А где же остальные?

Мужчина положил ему на тарелку стейк.

– Они не хотят нам мешать.

– Отчего же?

– Это, – признался мужчина, – не совсем невинное барбекю. Оно было инсценировано, чтобы мы могли встретиться, не бросаясь в глаза арабам. – Он протянул Маркусу руку. – Меня

зовут Чарльз Таггард. Я работаю на ЦРУ.

Глава 27

Что говорят, когда знакомятся с кем-нибудь из ЦРУ? Маркус чуть не выронил тарелку со стейком, после чего произнёс:

– ЦРУ? Как это волнующе. Скажите, ну и как оно, вообще, работать на тайную службу? Таггард не принял этого фривольного тона.

– В основном это работа за письменным столом, – спокойно пояснил он. – Даже наполовину не так увлекательно, как это принято считать.

– И как вы к ней пришли, если можно спросить? – Маркус чувствовал настоятельную потребность задавать вопросы и тем самым удерживать инициативу разговора, чтобы за это время освоиться с неожиданностью.

– Совершенно будничным путём. Я изучал экономику в университете штата Огайо, потом занимался совсем другим, а когда настало время для спокойной работы, я наткнулся на предложение ЦРУ. – Он неторопливо переворачивал стейки на решётке. – Такую карьеру не взял бы себе в книгу ни один автор триллеров. Но на самом деле такая карьера скорее правило, чем исключение.

Маркус набрал в грудь побольше воздуха.

– Так. И вы хотите завербовать меня в агенты, как я полагаю.

– Для начала я просто хочу поговорить с вами.

– Для начала? – подозрительно повторил Маркус.

– Как экономист с экономистом. Вы ведь тоже изучали экономику, насколько мне известно. – Таггард и себе взял на тарелку стейк и перешёл на немецкий язык. – Кстати, мы могли бы говорить и по-немецки. Я долгое время работал в Европе, и моя работа была во многом связана с Германией.

На Маркуса это произвело впечатление. Таггард говорил на самом беглом немецком, какой ему приходилось слышать до сих пор из уст американца.

– Совсем не обязательно.

– На всякий случай, – настаивал его сухопарый собеседник. – С немецким у саудовских секретных служб куда больше проблем, чем с английским. – Он повесил щипцы на крючок подле решётки и указал на стоящий поодаль столик. – Идёмте, сядем, чтобы и остальные могли подступиться к барбекю. Будет жаль, если стейки пропадут.

Мясо было превосходно, салаты тоже, только соусы могли бы быть и поострее. Пиво пили американское – другими словами, горькую жижу, которая у немца могла вызвать разве что вежливое терпение, – но это было только кстати: Маркусу необходимо было сохранять ясную голову.

– Задумывались ли вы когда-нибудь, – начал Таггард после первых кусочков, – почему, собственно, нефть нынче такая дешёвая?

Маркус удивился:

– Дешёвая? Весь мир постоянно жалуется, что она дорогая.

– Я вас умоляю, – поморщился Таггард. – Люди в основном имеют самое убогое представление об экономике, а считают как деревенские молочницы, вы это знаете так же хорошо, как и я.

– Да тут и считать особенно не надо. Бензоколонка сама показывает, сколько это стоит, и цены с каждым годом скачут вверх.

– Хорошо. Я могу вам разложить всё по полочкам, идёт? – Таггард взял в руки ещё не открытую банку пива. – Скажем, пусть это будет литр нефти. Сколько он стоит здесь, где его достали из земли? Баррель – два доллара. Один баррель – 159 литров, значит, получается где-то 1,2 евроцента стоит литр нефти, когда он попадает из недр в резервуар саудовского нефтехранилища.

Маркус задумчиво смотрел на зеленоватую банку «будвайзера». Чуть больше цента? Маловато.

– О'кей, – кивнул он. – А дальше?

Таггард передвинул банку дальше по столу.

– Теперь наш литр прокачают по наземному нефтепроводу к морю, например, к порту Рас-Танура. Там уже пришвартован танкер, VLCC, как говорят, «very large crude carrier». Он может взять 300 тысяч тонн, среди которых и наш литр. – Банка перешагнула через щёлочку в столе. – На борту танкера он стоит уже 18 евроцентов. По этой цене его купила фирма, которая наняла этот танкер, причём купила уже давно, за несколько месяцев вперёд. Гешефт на времени. Хороший или плохой – смотря по тому, как изменяется цена на нефть на сырьевых биржах.

Маркус кивнул.

– Ясно. – Об этих вещах он уже слышал или читал, но они его мало заботили. Торговля нефтью была не их работа. Их работа – искать нефть.

Таггард медленно передвигал банку дальше, покачивая её как на волнах.

– Наш литр плывёт из Персидского залива в Красное море. Чартер такого танкера стоит от 18 до 23 тысяч долларов в день, пошлина за проезд по Суэцкому каналу – 305 тысяч долларов. Рейс до Роттердама длится 25 дней, на горючее уходит 315 тысяч долларов, а пошлина за использование порта – ещё 130 тысяч. Всего расходов больше миллиона евро, что сказывается на стоимости нашего маленького литра где-то в недрах танкера, добавляя к его цене ещё 0,3 цента.

– Итого, теперь он стоит 18,3 цента, – подтвердил Маркус, ему уже стало интересно: к чему, собственно, клонит Таггард?

– Правильно. В Роттердаме нефть выкачивают из танкера, это длится около 36 часов. Наш литр течёт в резервуары, которые способны взять четыре миллиона кубометров, а потом по трубопроводу Роттердам – Рейн, скажем, попадает на нефтеперерабатывающий завод – ну, пусть в Весселинге у Кёльна. Нефтепровод принадлежит консорциуму «Shell», «BP» или «Техасо», это приращивает к цене нефти за транспортировку от трёх до четырёх евро за тонну: таким образом, наш литр спустя четыре дня, по прибытии на нефтеперегонный завод, стоит ровно 19 центов.

– Всё ещё не много, – признал Маркус.

Таггард кивнул и вскрыл банку.

– Теперь сырая нефть перегоняется – то есть химически разлагается на сжиженный газ, газойль, среднее масло, тяжёлое масло, бензин, топочный мазут, керосин, бензол, пропилен и так далее. Происходит это очень быстро, за несколько минут. Но за это время можно успеть сообразить, как вести калькуляцию дальше. Ведь из одного литра сырой нефти получится, естественно, не литр бензина, а разве что треть литра. Двадцать процентов станет топочным мазутом, шесть процентов керосином, и так далее. Но как ни считай, всё равно не придёшь к цене 1,30 или 1,40 евро, которые ты платишь на заправке за литр бензина.

– Потому что сюда ещё прибавляются налоги, – сказал Маркус.

– Да. Вам уже случалось задумываться, что это значит? – Таггард отпил из банки большой глоток. – Больше всего на нефти зарабатывают правительства стран-потребителей. В Германии налог на нефтепродукты составляет 75 процентов цены на бензин, свыше евро за каждый литр, с которого нефтяная фирма зарабатывает лишь четыре-пять центов. – Он сделал второй глоток, покороче. – Не то чтоб нефтяные концерны превращались из-за этого в убыточные предприятия; многие из них принадлежат к числу самых прибыльных фирм в мире. Но теперь ответьте мне: почему саудовцы довольствуются такой малостью? На рынке за литр бензина без проблем можно получить 1,40 евро, столько вы платите у себя в Германии, и если на колонке стоит 1,20, вы уже радуетесь: «О, как дешево сегодня». А саудовцы отдают литр меньше чем за 20 центов – почему? Такой большой пирог. Почему они довольствуются таким маленьким его кусочком?

– Зато им не приходится её транспортировать, перегонять и продавать. Что тоже стоит

денег.

– Но не настолько же много; я вам только что всё подсчитал. Кроме того: посадить яблони, снять урожай, отжать сок, разлить его по пакетам, доставить в супермаркеты – тоже недёшево. А всё же яблочный сок дешевле, чем бензин. Почему?

Маркус раздумывал. Он постепенно начал понимать, к чему клонит Таггард. Простым ответом на его вопрос было бы то, что яблочный сок не облагают таким налогом. Но главное не в этом. Главное в том, как экономически функционирует то, что бензин может быть дороже яблочного сока.

Он посмотрел на своего сухошавого собеседника. На агента ЦРУ, облик которого никак не совпадал с обычным представлением об агентах.

– Может, саудовцев вынуждают отдавать нефть так дешёво?

– Вынуждают? Кто, например?

– Не знаю, что там разыгрывается за кулисами американской внешней политики на самом деле.

Таггард насторожился, а потом рассмеялся.

– Боже правый, вот уж не ожидал ещё раз услышать такое... Вы всерьёз в это верите? Что саудовское правительство держит такие низкие цены на нефть, потому что боится оккупации со стороны США? Мистер Вестерманн, в семидесятые годы король Файзал национализировал американские нефтяные компании в стране. То есть попросту забрал все здания, сооружения и технику, возведённые американцами, оплаченные американцами, против воли США, выплатив лишь символическую компенсацию за это. Он сохранил даже название – «ARAMCO» было сокращением «Arabian-American Company», первоначально основанной компаниями «Chevron», «Техасо», «Mobil» и «Еххон». А ведь тогда США были уже самой большой военной державой мира. Нет, эта теория не выдерживает критики.

Маркус наморщил лоб.

– О'кей, может, саудовцы просто относятся к числу тех людей, которые считают, как деревенская молочница?

Таггард снова посерьёзnel.

– Поначалу наверняка так и было. Но теперь всё уже давно не так. Сегодняшнее поколение училось в лучших университетах мира, и это те ещё ребята.

– Хорошо, тогда я весь внимание. Скажите мне, в чём дело.

Таггард некоторое время смотрел на него молча, потом допил своё пиво и шумно смял банку.

– Демпинг, – сказал он.

– Демпинг?

– Когда кто-то практически дарит свой товар, это демпинг, и если на этом рынок застукуют, ему придётся заплатить большой штраф. Демпингуют для того, чтобы взять измором нежелательных конкурентов. В отличие от рынка, саудовцам никто не может этого запретить, а они могут выдержать такую цену, потому что у них с большим отрывом самые значительные на планете запасы нефти. На сегодняшний день у них разведано свыше 260 миллиардов баррелей, – ни у одной страны больше нет столько нефти, даже близко. Саудовская Аравия – нефтяная сверхдержава, единственная на земле. – Таггард подался вперёд. – И мы здесь говорим не о томатах, не о майках и не о DVD-плеерах. Мы говорим о нефти – субстанции, которая в корне изменила мировую экономику. Субстанции, от которой мировая экономика *зависит* и становится всё более зависимой, поскольку все процессы требуют ещё больших энергозатрат. Если не слушать, что саудовцы говорят, а только видеть то, что они делают, то становится ясно: для них главное – чтобы мир, в первую очередь Западный, в известной мере оставался на игле. Или на нефтепроводе, в нашем случае. Они боятся – и знаменитый бывший министр энергетики Захи Ямани при всякой возможности не устаёт заявлять это открыто, – что в случае, если цены на нефть поднимутся выше известного низкого уровня, то станут рентабельными нефтяные поля вне зоны их влияния. Что ведь и произошло после нефтяного эмбарго 1973 года; цены поднялись так, что стало рентабельно

добывать нефть из Северного моря. А если цены поднимутся ещё выше, они боятся, что на рынок пробьются и альтернативные энергии.

Маркус недоверчиво поднял брови.

– Альтернативные энергии?

– Никто в мире так убеждённо не верит в перспективность альтернативных энергий, как нефтяные шейхи, – объяснил Таггард. – Даже ваш брат.

Фридер. Проявляющий упорство, которое в любой другой отрасли экономики давно уже обогатило бы его.

– А вы хорошо информированы.

– Это моя работа.

Маркус откинулся назад и скрестил руки на груди.

– И для чего вы мне всё это рассказываете? Такая щедрость на информацию, по-моему, не очень-то свойственна секретным службам.

– Я хочу подвести вас к двум выводам, которые касаются вас. Первое: считайте дальше. Это я предоставляю вам; цифры все в открытом доступе, а впечатление сильнее, когда получишь собственные результаты. Вы увидите, что, если прикинуть известные в мире запасы нефти и пересчитать их на норму добычи, то лет через десять-пятнадцать доступная нефть останется только в Персидском заливе. – Таггард сцепил пальцы и посмотрел на Маркуса. – И что тогда? Тогда здешние страны будут иметь позицию неслыханного могущества. И не нацелена ли нынешняя демпинговая стратегия как раз на это?

Теперь Маркус с интересом разглядывал этого сухощавого человека. Совсем не глупо было то, что он говорил. И наглядно, когда тебе это так объясняют.

– О'кей. Понимаю. Только не вижу, каким боком это касается меня.

– Это покажет второй вывод. Тут в игру вступает ваш партнёр. Если моё допущение хоть сколько-то верно, Блок представляет собой массивную угрозу этой стратегии. В принципе, саудовцы должны бы приложить все силы к тому, чтобы убрать его с дороги, и прежде всего – его метод. А вместо этого вы оба здесь работаете на саудовское правительство! Почему?

– Потому что это было выгодное предложение. – Маркус развёл руки широко в стороны. – И потому что ваш верховный босс настаивал на том, чтобы мы это предложение приняли.

– Мой верховный босс?

– Президент. На нас давили из Белого дома.

Кажется, это озадачило Таггарда.

– Вот как? – Он задумался. – Это усложняет дело. Я знаю, что между саудовцами и американцами есть множество деловых отношений, а многие из этих людей, в свою очередь, тесно связаны с правительством... Однако это ничего не меняет. Пока метод Блока известен лишь вам двоим, жизнь вас обоих находится в большой опасности.

Маркус смотрел мимо него в пустоту, на улицу, с виду мирно спящую под великолепным ночным небом. Вот их уже двое – тех, кому от него нужно то, чем он даже не располагает, а только *делает вид*. И он не может выдать Таггарду, что на самом деле ни во что не посвящен.

– И что вы предлагаете?

– Прекратите сохранять тайну вокруг метода. Правильный путь – запатентовать его и после этого обнародовать.

– А потом?

– Благодаря лицензиям вы будете участвовать во всех прибылях. В этом и заключается смысл патента. В итоге для вас это будет означать меньше работы и больше прибыли, чем вы можете получить на том пути, которого придерживаетесь сейчас. Прежде всего это устранило бы опасность утраты метода. – Таггард почесал подбородок. – Или попадания его в нежелательные руки. С точки зрения моей работы, это почти такой же важный аспект.

Патент. Прекрасно. Но это была как раз та идея, на которую Блока лучше не наводить. Ибо тогда он, Маркус Вестерманн, ему уже не понадобится. Если Блок запатентует свой

метод, Маркус окажется вне игры.

– Почему вы говорите об этом со мной? Почему не с Блоком?

– Попытка была, но ему, видимо, недоступна подобная логика.

В самом деле? Об этом Блок ни разу не проронил ни словечка. Странно.

– Я должен об этом подумать, – сказал Маркус.

– Подумайте. И ещё подумайте о том, что речь идёт не только о деньгах, но и, в определённых условиях, о войне и мире. – Таггард достал визитную карточку. Там значился «менеджером по продажам» некоей «American Agrofood Trading Company». – Фирма для прикрытия, разумеется. По этому номеру вас всегда соединят со мной, если вы назовёте своё имя, – он криво усмехнулся. – В случае чего настаивайте на том, чтобы телефонистка посмотрела. В последнее время стали нанимать дешёвых сотрудников, не совсем вменяемых. Это печально, но даже секретные службы вынуждены экономить.

Маркус изучал карточку. Телефонный номер американский, но адрес – рядовский. Интересно.

– Откуда мне знать, что вы действительно работаете на ЦРУ? Может быть, на самом деле вы лишь менеджер по продажам, который что-то пронюхал и теперь пытается провернуть большой бизнес?

Таггард кивнул.

– Правильно мыслите. – Он полез в карман, достал несколько листков, свернутых вместе, развернул их, разгладил, насколько это было возможно, и подвинул к нему. – Это список телефонных разговоров, которые вы вели с момента вашего прибытия в Саудовскую Аравию. Дата, время, номер вашего собеседника и краткие замечания по содержанию разговора. Прослушка мобильных – ведь это наша прерогатива, верно?

Маркус таранился на смятые листки. Его будто обухом по голове ударили.

– Вы прослушиваете мои телефонные разговоры?

– Конечно. А вы как думали?

Все верно. Он увидел телефон Эми-Ли, по которому звонил практически ежедневно.

– Вы подслушиваете даже наш с невестой любовный лепет?

– Ваша невеста? – Таггард удивлённо поднял брови. – Мисс Ванг ваша невеста?

– Если вы не возражаете.

– Я – что вы, нет, но только... – Он помедлил. – Мистер Вестерманн, говорю вам это неохотно, но мисс Ванг для нас персона небезызвестная. Она то и дело заводит шашни с влиятельными людьми, чтобы выуживать из них информацию. Какое-то время мы считали её агентом, пока не выяснилось, что она действует по заданию отца. То, что она выведывает, он использует для своего бизнеса.

Маркус смотрел на своего собеседника, чувствуя, как жар приливает к лицу, будто он только что получил пощёчину.

– Это неправда.

– Вчера у меня был долгий телефонный разговор с коллегой, который этим занимается. Мы больше не ведём наблюдение за мисс Ванг, но я готов спорить, что ваша встреча с ней – не случайность.

– Я не хочу это выслушивать.

– Вы хотели знать, действительно ли я работаю на ЦРУ.

Маркус встал, оставив протоколы прослушки на столе, бросил туда же визитную карточку и сказал:

– Спасибо за приглашение.

Сквозь шум крови в ушах он успел услышать, как Таггард крикнул ему вслед:

– Подумайте о том, что я сказал вам *перед* этим!

Но он лишь гневно дёрнул рукой, не обернувшись. Ярость накатила на него. Он мог бы сейчас закричать или сломать что-нибудь. Ему пришлось держать себя в руках, чтобы не сделать ничего такого, о чём впоследствии пришлось бы пожалеть.

Разумеется, и думать было нечего о том, чтобы спокойно уснуть. Маркус метался по комнатам своего дома, миллион раз хватался за телефон, чтобы миллион раз снова его отложить. Нет, он не станет звонить Эми-Ли. Нет, он не допустит, чтобы какой-нибудь бледный очкарик в каком-нибудь бункере невесть где на земном шаре слушал при этом, как он спрашивает Эми-Ли, действительно ли она его любит или ложится с ним в постель только по воле своего отца, в надежде выведать у него всё про метод Блока.

Кроме того... Нет, этого быть не могло. Отвратительная клевета. Известно ведь, как работают секретные службы. Бессовестно. Ложь у них – ещё и самое невинное средство; они не остановятся перед убийством, шантажом или применением наркотиков.

Несмотря на это, обвинение засело в нём, как гарпун с крючком в теле кита. И болело так же. Потому что он слишком хорошо помнил, как всё началось. С места в карьер.

Понятно, что у него и самого случались ситуации на одну ночь, при которых он тоже недолго-то раскачивался. Раз-два и – спасибо, до свидания. На университетских летних праздниках это было любимым видом спорта для обоих полов.

Но разве можно было это сравнивать с банкиршей, которая ложится в постель с будущим клиентом?

Проклятье! Он стоял у окна, задыхаясь и сжав кулаки. Это было гнусно. Они точно знали, чем его взять, как вселить в него неуверенность. Они хотели сделать его податливым!

Надо поговорить с Блоком... Нет! Ни в коем случае. Когда тот слышал про ЦРУ, он сразу приходил в неистовство.

Как бы чего не вышло! Голос Таггарда до сих пор звучал у него в ушах. Эти рассудительные фразы, и каким он казался по-отечески заботливым, прямо дядя родной!

И воспоминания о дне презентации. Он вновь и вновь прокручивал их. И, чёрт бы их побрал, всё выглядело так, будто она и впрямь подъехала к нему целенаправленно. А он, оголодавший, сразу и не смекнул...

В какой-то момент он даже проглотил пару таблеток, чтобы успокоиться. Кажется, они подействовали быстрее, чем обычно, хотя он почти не превысил дозу. Ему стало лучше.

Он её спросит. Очень просто. В ближайшие выходные, когда снова полетит в Нью-Йорк, он поговорит с ней.

Маркус упал на кровать, закрыл глаза и почувствовал, что ему страшно. Он не знал точно, чего боится: может, правды? Или чувства, что его обманули?

Следующие дни он провёл как в тумане. Действие таблеток как будто больше не ослабевало, он так и бродил с пустой, соломенной головой, а вокруг словно поднимался пар от дерьма.

Глубина скважин дошла до двух тысяч пятисот метров, и всё впустую. Три тысячи. Арабские геологи уже открыто не сдерживали насмешек.

– Мы сейчас глубже формации «Араб-Д», в которой залегают практически вся нефть на востоке Саудовской Аравии, – сказал Маркусу техник Джим Энглес, приземистый человек с волосатыми руками. – Потому они и смеются.

– Понятно, – сказал Маркус, ничего не поняв. Как же так? Выходит, метод Блока не безошибочен?

Блок уходил от объяснений. Маркус очень долго скрёбся в дверь лаборатории, прежде чем тот впустил его.

Австриец кипел от ярости: теперь ему всё ясно, он понял, что стоит за всей этой игрой; саудовские геологи срывают его работу, учёная сволочь, свора академиков, они подменили их пробы почвы, он может это доказать.

– Нам придётся всё пройти заново, всё, строго от начала до конца, перепроверить каждую цифру, каждый замер провести заново, слышите, Маркус?

Рассказать ему о встрече с церэушником сейчас было бы невозможно.

– Звоните Турберу! Нам тут нужны наши собственные люди. Исключительно свои специалисты и буровые техники, в случае необходимости пусть наймёт людей дополнительно.

Но мы должны контролировать всё, абсолютно всё делать сами, своими руками. – Блок сжал кулаки. – Им меня не одолеть. Меня ещё никто не побеждал, и это не удастся никому и никогда.

Маркус отрицательно помотал головой.

– Карл... Зачем? Надо просто бросить всё это. Скажем, что исследования показали, что в Саудовской Аравии нет других нефтяных полей. И точка. Шейхам облом. И пусть кто-нибудь попробует доказать обратное, а?

– Поджать хвост, как побитая собака? – Блок смотрел на него с негодованием. – Да они только этого и ждут!

– Ну и что? Какая нам разница, сколько у саудовцев нефти.

– И хорош же я буду после этого! Ведь это будет означать, что мой метод не работает. И на другой же день каждому крикуну будет ясно как дважды два, что метод и не мог работать, что просто вылез такой выскочка, который ничему не учился, ничего не кончал, не имеет никакого диплома. Нет уж. Этот вариант даже не рассматривается. Я не позволю вешать на себя всех собак.

Несмотря на сумеречное состояние, на Маркуса в этот момент снизошло озарение. Он вдруг понял то, чего не понял Таггард: почему они здесь.

– Карл, – спокойно сказал он, – я думаю, это задание с самого начала было задумано как отвлекающий манёвр. Саудовцы хотят занять нас, чтобы воспрепятствовать нашим поискам нефти в других местах мира. Ведь это могло бы нанести урон их престижу и положению на нефтяном рынке.

Но Блок совсем не слушал его, только повторял своё: «Звоните Турберу!»

– Только свои люди, своё оборудование! Иначе нельзя. И все накладные расходы пусть вставит в счёт, слышите? Всё до мелочей.

Маркус смотрел на своего партнёра с ватным отрезвлением. Блок скорее сотрётся в порошок в этой борьбе, он лучше погибнет, но никогда не сдастся.

Проклятье, во что он сам-то вляпался?

Выходные. Впервые Маркус взлетал из каверноподобного аэропорта Дахрана без всякого предвкушения радости. При посадке он как на автопилоте шёл уже привычными путями, полный боли, которой он не знал названия. Как на автопилоте сел в лимузин, в котором Эми-Ли в тоненьком, даже не доходящем до колен летнем платье, выгибалась на сиденье и шептала:

– В спешке я забыла натянуть трусы, представляешь...

Маркусу показалось, что он выдохнул впервые за весь этот день:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Эми-Ли оглядела его – встревоженно и недовольно, что её выбили из настроения.

– Что-то случилось?

– Я встречался с одним человеком. Он рассказал мне, будто ты уже не раз сходишь с мужчинами, чтобы вытягивать из них информацию для твоего отца. – Ему больно было говорить это. Как будто он вырывает у себя из мяса тот самый гарпунный крючок. К тому же сам себе он казался просто глупцом, смехотворно ревнивым, по-детски незрелым. Он ещё не договорил до конца, как ему уже стало ясно, насколько беспочвенным было это обвинение и какое прозрачное намерение стояло за ним. Только слова уже нельзя было остановить, они срывались у него с языка будто сами собой. – С тех пор я спрашиваю себя, неужели и со мной то же самое?

Он посмотрел на неё. Наверное, ей следовало бы дать ему пощёчину, и тогда бы он провёл все выходные, ползая перед ней на коленях и вымаливая прощение.

Эми-Ли села, поправила платье, лицо её превратилось в непроницаемую маску. Взгляд соскользнул с него и перешёл на проносящиеся мимо улицы.

– О чёрт! – пробормотала она.

Маркус смотрел на неё, не понимая. Этот гул в его ушах, что это – шум мотора? Или

кровь шумит в голове? Снаружи солнце палило так, будто хотело сжечь город.

Его как будто подменили, снова и снова уверяла Эми-Ли, когда они сидели на ковре её гостиной, он слушал, а она рассказывала. О своём одиноком детстве. О сексе, её волшебном царстве, в котором она была королевой. Об учителе английского, с которым она спала, когда ей было шестнадцать, потому что она знала, что он к ней равнодушен. И как потом, несмотря на плохие отметки, она выдержала экзамен.

– То есть проституция, – без выражения сказал Маркус.

Эми-Ли пренебрежительно отмахнулась. И слово как будто отскочило от неё.

– Это всегда было делом обоюдным. Мужчины получали победу, а я получала своё. А папа просто умел превращать информацию в деньги.

– И он находит это нормальным?

– Китайцы думают о сексе иначе, чем люди Запада. – Она некоторое время задумчиво смотрела в пустоту. – Он никогда не говорил: переспи с тем-то и с тем-то. Он это даже порицал. Однако выгоду никогда не упускал, таков уж он. – Она откинула назад свои чёрные волосы. – О вашей презентации, и в чём там дело, я узнала от одного человека из «PPP», с которым у меня кое-что было раньше. Я привела в действие все рычаги, чтобы попасть туда. И потом выбирала между тобой и Блоком...

– Ты думала, что метод известен нам обоим.

Она вздохнула.

– Да. Но потом это становилось всё менее важно, тут ты должен мне поверить!

– Твой отец потребовал от меня, чтобы я выдал ему секрет метода. Только после этого он даст согласие на свадьбу.

Её лицо было непроницаемым, как никогда.

– Про это я не знала.

– И я должен тебе верить?

– Но я так и думала. После того, как он узнал о методе, а я не смогла ему добыть его, он был совершенно... как бы это сказать?.. – Она помотала головой. – Всё это было ошибкой, теперь я это вижу. Нельзя делать то, что делала я, но это я заметила только потом. Я трусила, да, если признаться. Я думала, наплевать на это и забыть, что прошло, то прошло, считается только то, что будет... Я надеялась, что смогу уйти от этого. Но, видимо, это уходит не так просто. Видимо, человека всегда настигает то, что он когда-то сделал.

Маркусу хотелось закричать, громко, как раненому быку. Но он заставил себя говорить спокойно, хотя у него было такое чувство, что его душат.

– Почём мне знать, может, ты и сейчас рассказываешь мне то, чему тебя научил отец? Чтобы держать меня на привязи.

Она прочёсывала волосы пальцами, снова и снова.

– Иногда делаешь глупости. Не задумываясь, куда это приведёт. – Она замолчала, устремив взгляд в бесконечность. – В колледже я была свидетелем, как один парень поспорил со своими друзьями на бочку пива, что окрутит одну девушку. И он её действительно окрутил – но потом всерьёз влюбился в неё. А она узнала про этот спор, и он оказался в таком же дурацком положении, как я сейчас.

Она выглядела такой ранимой, такой взволнованной, такой раскаявшейся. Маркус разрывался на куски. Всё в нём требовало, чтобы он поверил ей. Но ещё сильнее был протест против того, чтобы его использовали, водили за нос.

– Я не знаю метода, – заявил он. – И постепенно убеждаюсь, что слишком глуп, чтобы его понять.

В уголках её глаз блестели слёзы.

– Марк, мне это безразлично. Я люблю тебя. Правда.

– Тогда выходи за меня замуж. Сейчас.

Эми-Ли отпрянула.

– Нет, Марк. Нет, так не пойдёт.
Маркус чувствовал, как что-то происходит у него внутри. Что-то угрожающее.
– Тогда зачем ты говоришь, что любишь? – спросил он. – Что это значит?
– Я разобью отцу сердце, если так пренебрегу им.
– Лучше ты разобьёшь сердце мне, так? – На него накатила убийственная ярость. Кровь, казалось, ударила по глазным яблокам, грозя выдавить их из орбит. – Всё понятно. – Он встал, взял свою сумку и направился к двери.
Эми-Ли побежала за ним.
– Марк! Нет!
Он резко повернулся к ней.
– У тебя свои приоритеты, у меня свои. И они не совпадают, как оказалось. Хорошо, что мы вовремя объяснились, ты не находишь?
И он ушёл ещё до того, как она заплакала. Уж этим оружием женщин он был сыт по горло и по первое число.

Настоящее

Кейт настоял на том, чтобы приготовить ему сытный ужин, пока Маркус не рухнул замертво. Он перемешал в тяжёлой чугунной сковороде картофель, сало, кукурузу, яйца и приправы, а в кофейной машине с шипением заваривался крепкий кофе. Термос уже стоял наготове.

– Машина принадлежит одному другу, в ближайшие недели она ему не понадобится, – сказал Кейт. – Мотор, кстати, может работать на масле, имей в виду.

Маркус кивнул.

– И где мне заправляться? У Макдоналдса?

– Нет, нет, он перестроил его обратно, на нормальный дизель. Кстати, заменённые детали лежат в багажнике, в пластиковом пакете. Ты их, пожалуйста, не выбрасывай, они ему ещё понадобятся.

– Всё понял.

– Вот, – Кейт поставил перед ним дымящуюся сковороду. Выглядело это странно, но пахло хорошо. – Специальная закуска Кейта Пеппера для силы и выносливости. Тебе добавить в кофе молоко и сахар?

– Нет, спасибо. Мне лучше чёрный. – Маркус подцепил вилкой первую порцию. – И за это, кстати, тоже спасибо.

– Да ладно, – быстро ответил Кейт. Он был немного тронут, но – типично по-американски – не хотел, чтоб это было заметно. – Всё-таки дело чести – помочь спасителю мира. Для Брюса Уиллиса я бы сделал то же самое, честно.

– Ценю. – На вкус тоже было неплохо. Вернее, даже хорошо. К тому же после долгого пешего марша он проголодался. – И Брюс Уиллис тоже бы оценил.

Наконец сковорода была выскоблена дочиستا, машина передана, маршрут до ближайшей дороги проложен по карте, а термос с кофе погружён в бардачок. Кейт проводил его, не обошлось и без сердечного хлопка по плечу, который Маркус чувствовал и тридцать миль спустя.

Итак, он ехал. По возможности соблюдая правила, притормаживая перед каждым знаком ограничения скорости, хотя это давалось ему нелегко. Американцы были непостижимо осторожными водителями; и чтобы не слишком выделяться своей манерой вождения, человеку, выросшему в Германии, приходилось ехать так, будто на заднем сиденье у него сидит инструктор-экзаменатор.

А Маркус не хотел выделяться. В США он всё ещё числился в полицейском розыске. Если только он попадётся полицейскому контролю, его путь на этом закончится.

Но потом ушибленное плечо всё же утихло, он приспособился к темпу, и рычание мотора стало равномерным. Маркус включил радио, как раз на ночных новостях.

Президент отдал приказ выступить немедленно войскам, базирующимся в Катаре, и, кроме того, перевёл два авианосца из Индийского океана в Персидский залив. В соответствии с задачей защиты саудовской нефтяной индустрии от нападений «Аль-Каиды».

– По сведениям секретных служб, – сообщил диктор, – террористы располагают ракетами, которыми они хотят обстрелять нефтяные резервуары Рас-Тануры. Один такой удар стал бы не только экономически опустошитель, но и вызвал бы экологическую катастрофу первой степени. Огонь такого пожара был бы виден из космоса, и возникший при этом дым на многие недели затмил бы небо над Аравийской пустыней.

Глава 28

Настоящее

Пробуждение было тяжёлым. Светлый прямоугольник загадывал загадку, в конце концов оказавшись окном. Обои в цветочек, которых он никогда не видел, хотя они уже пожелтели от времени. И телевизор. Который казался новеньким, словно только что из коробки.

Маркус сел. Мотель, всё правильно. Он не мог вспомнить название, перед глазами была только смутная картина, как он завернул сюда поздно вечером, потому что от усталости больше не мог ехать.

Будильник тоже был. Только он забыл его завести. Уже перевалило за восемь часов. Проклятье!

Приняв душ, Маркус пустился на поиски завтрака, который нашёл в кафе основного корпуса, там были не только обычные кофейные помои, но и настоящий эспрессо, причём сколько хочешь. А поскольку в животе у него просто зияла дыра, он взял ещё два рогалика.

В кафе работал телевизор. CNN сообщали о продвижении американских войск, которому препятствовали разъярённые исламисты, из-за чего американцы мало что могли сделать, поскольку у них был приказ не применять силу против гражданского населения. В кадре подростки, заматанные в платки, швырялись камнями. Показывали также американских офицеров, дискутирующих с разгневанными демонстрантами. «Руки прочь!» и «Американской агрессии – нет!» – было написано на транспарантах. И всякий раз, когда в кадре появлялся комментатор, на заднем плане маячили снятые с воздуха нефтяные резервуары Рас-Тануры, содержимого которых жаждал мир.

– Давно бы уже следовало сделать это, – сказал Маркусу мужчина, собиравший грязную посуду и пополнявший буфет. – Захватить их поганые нефтяные поля – и все дела.

Маркус удивлённо взглянул на него.

– И по какому же праву? Ведь это их поля.

Мужчина сощурился.

– Так вы из левых, верно? Это из-за таких, как вы, наша страна пришла в упадок, если хотите знать моё мнение.

Десять минут спустя Маркус снова был в дороге.

Прошлое

Гостиная Блока выглядела так, будто в ней потерпел аварию грузовик с писчебумажными товарами. Все стены были в несколько слоев увешаны листами, диаграммами, эскизами и расчётами, то же самое было с каждым столом, с каждым предметом мебели, с каждой дверью и даже окном. Сам Блок был бледен как призрак.

– Боже мой, – воскликнул Маркус, – вы хоть спали в эти дни? И хоть что-нибудь ели?

Карл, казалось, его не слышал, погружённый в свои мысли.

– Я понял, в чём тут дело. – Он пошёл вдоль диаграмм, чуть ли не поглаживая их ладонью. – Фатально объединились против меня последние пробелы моей теории и саудовцы

в своих попытках обвести меня вокруг пальца. Однако порода не обманет, а бактерии не врут. Надо только быть настойчивее. – Он остановился перед картой мира, подвешенной на гардеробную стойку: на ней были обозначены все известные крупные нефтяные поля. – Моя ошибка состояла в том, что я считал, будто в жарких странах микрошлоты залегают выше, чем в других местах. Но оказалось наоборот: они залегают ниже. Жара сверху препятствует их образованию. Они могут возникнуть только там, где устанавливается равновесие между жарой снизу и сверху. Совсем просто, если до этого однажды додумаешься.

Под большим, непонятно изрисованным листом бумаги Маркус увидел несколько термосов и чашек с засохшим кофе. Ну, хотя бы это. И одну тарелку. Может, Блок всё-таки что-то ел?

– Вот. – Старый австриец ткнул пальцем в карту, в одну точку в Канаде. – Смоляные пески на реке Атабаска. Пятнадцать тысяч квадратных миль нефтеносного ила. Нефти столько, что Канада была бы вторым номером после Саудовской Аравии, если бы её там было просто добывать. И никто не знает, откуда взялась эта нефть.

– Что, правда? – вырвалось у Маркуса.

Блок отмахнулся.

– Есть теории, конечно. Мол, она просачивается наверх из каких-нибудь подземных резервуаров. Но где эти резервуары? Ведь в них тогда должна быть нефть. И ни один человек, кажется, не додумывает эту мысль до конца! Давайте рассуждать: если бы нефть возникала так, как утверждают учёные геологи, в мире бы всё кишело областями смоляных песков. Ибо по классической теории хорошо изолированные, перекрытые слои нефти являются лишь счастливыми исключениями. – Он повернулся к Маркусу, поучающе воздев указательный палец. – Говорю вам, решающим пунктом является то, что в Канаде *холодно*. Я готов спорить, что найду под рекой Атабаска микрошлоты, причём на такой малой глубине, на какой они до сих пор ещё нигде не наблюдались.

Он отвернулся, начал рыться в бумагах на одном из столов, и извлёк листок.

– Или вот. Взгляните на это. Узнаёте местность? Немножко грубо нарисовано.

Маркус склонился над листком. Нарисованные фломастером береговые линии, несколько чёрных пятен, больше ничего. Но стоп, это похоже на...

– Это здесь. Саудовская Аравия, это Персидский залив, а это... Турция?

– Правильно, а вот Сирия, Ирак, Иран, вот – Кувейт, Оман, Эмираты... Практически весь Ближний Восток. – Блок указал на заштрихованные пункты. – Я просто нанёс все нефтяные поля, какие здесь есть. Всего лишь грубо, но этого достаточно. Просматриваете узор?

Маркус уставился на листок. Действительно. Нефтяные поля казались составными частями одного связанного региона, растянутого примерно на три тысячи километров, который начинался на востоке Турции, тянулся по прямой линии через Ирак и потом, слегка расширяясь, проходил насквозь под Персидским заливом, чтобы на северо-восточном конце Аравийского полуострова снова сузиться.

– Наподобие... ленты, что ли. Как будто под землёй есть громадное море, из которого тут и там что-то просачивается наверх.

– Это вы хорошо выразились. Я уверен, что так оно и есть. – Блок, казалось, пришёл в восторг. Он размашисто вытянул другой листок, вырванный из атласа, на этом листке тот же самый район был изображён в цвете и в подробностях: явно та самая карта, с которой он скопировал очертания для своего эскиза. – Штука в том, что местности, которые принадлежат к этому региону, не имеют ни одного общего геологического или топографического признака. В Турции: горы, результат экстремальной складчатости. В Ираке вдоль Тигра: равнинная наносная земля. Персидский залив: изрезанный ущельями спад. В Омане холмистое нагорье. Плоские пустыни в Саудовской Аравии. Нефть находится в различных видах пород различного возраста, под совершенно разными верхними слоями отложений. Эти местности все настолько отличаются друг от друга, что и в прошлом – когда нефть якобы возникала в отложениях – здесь должны были царить совершенно разные условия с точки зрения климата и растительности. И, несмотря на это, вся нефть, найденная в этом регионе, сходна по

химическому составу. Странно, вы не находите?

– Верно, – подтвердил Маркус, совершенно убитый словесным напором своего партнёра. Он был под впечатлением, да. Он начал постепенно представлять, как это было, когда Блок у себя дома пробурился к нефти, несмотря на все препятствия, с упорством, граничащим с безумием.

– И ещё... – Блок понизил голос. – То, что вам следует знать. Не помню, говорил ли я, – тогда, когда я учуял нефть на моём собственном дворе, я вёл нечто вроде дневника. То была первая попытка записать основные черты моего метода, облечь его в формулы и правила и так далее. Это всё ещё нужно довести до ума, я вам это уже говорил, но... – Он указал на хаос вокруг себя. – Мы стоим перед прорывом. Я это чувствую. В доступных данных прячется скрытый узор, и я близок к тому, чтобы открыть его. – Он сжал кулак и победно посмотрел на Маркуса. – Однако то, что метод в принципе функционирует, я ведь окончательно доказал в Южной Дакоте, не так ли? Это знание не должно быть утрачено, – настойчиво добавил он. – Даже если со мной что-то случится...

– Но... – начал Маркус.

– Нет, вы слушайте сюда. Помните тот день после моего доклада на той конференции идиотов в Чикаго? В тот вечер мы договорились в мотеле о нашей совместной работе, и на следующий день я попросил вас заехать в Кливленд. Не так ли?

Маркус кивнул.

– Да. У вас там были какие-то секретные дела.

– Я наводил в туристическом бюро справки насчёт фирмы, где можно арендовать сейф. В США такие есть повсюду. Там я поместил свои записки на хранение. – Блок извиняющимся жестом развёл руками. – Поскольку я был недоверчив, должен признать. Но теперь я хочу выдать вам этот тайник, на всякий случай.

– О-о, – протянул Маркус.

Блок нагнулся к нему.

– Вы должны мне обещать, что – если я сам не смогу это сделать – сохраните эти записки и доведёте метод до конца своими силами.

Маркус смотрел на него, потрясённый. Ему вдруг стало ясно, что он, должно быть, много значит для этого старика. А сам был готов так коварно злоупотребить его доверием.

– Я вам обещаю, что ваш метод не будет утрачен, – осторожно заверил он. Будто клятву произносил. – Я сделаю всё, чтобы этого не случилось.

Ещё не договорив, он почувствовал, что и для него самого доверие Блока значит много. Не только он был сыном, которого у Блока никогда не было, – Блок тоже стал для него отцом, какого только можно себе пожелать: человеком, который воспринимал его всерьёз и возлагал на него надежды. Не то что его родной отец, постоянно блуждавший где-то мыслями и занятый спасением абстрактного «человечества» настолько, что уже не замечал страданий собственной семьи...

– Хорошо, – сказал Блок и жестом поманил его ещё ближе. – Итак, запомните название фирмы, номер сейфа и, главное, пароль доступа...

Настоящее

Был уже вечер, когда Маркус прибыл в Кливленд. В поисках той парковки, к которой его тогда направил Блок, он ехал мимо фирмы «SecureBox» и увидел, что прямо перед зданием, напоминающим по виду крепость, было несколько свободных мест для машин клиентов.

Он припарковался, заглушил мотор и оглядел серый фасад. Два месяца. Столько в итоге ему потребовалось на то, чтобы проехать расстояние от Нью-Йорка до Кливленда. Во время полёта на самолёте он подсчитал, что его скорость составила бы полтора километра в час, даже если бы он ехал лишь по восемь часов в день. Пешком он добрался бы сюда быстрее.

Он посмотрел на окна, напоминающие бойницы, узкие настолько, что и человек не пролез бы, но тем не менее зарешеченные. Стены, казалось, были из массивного бетона и

имели лёгкий наклон. Бункер, другими словами.

О'кей. Маркус вышел из машины.

Глава 29

Прошлое

На следующие переговоры с представителями «ARAMCO» Блок явился с картами, испещрёнными таинственными знаками и линиями, из этих карт он назвал пять новых мест, в которых они должны бурить. Бурение трёх уже начатых скважин должно быть продолжено до той глубины, какую только позволит техника.

Переводчик передал высказанное по-арабски возражение одного геолога:

– Он говорит, что это не имеет смысла. Там нет нефти.

– Откуда он это знает?

Короткий обмен фразами.

– Это следует из геологической формации.

– Мы будем бурить глубже этой формации.

На сей раз, как заметил Маркус, араб неприветливого вида не стал ждать перевода, а сразу же что-то сказал переводчику.

– Он говорит, – передал тот, – что это и вовсе не имеет смысла. Глубже шести тысяч метров нефти нет.

– И откуда он это знает?

– Это следует из того способа, каким возникает нефть. «Нефтяным окном» называют глубину между двумя и шестью тысячами метров.

Блок подался вперёд.

– В тех местах, которые я вам назвал, уже когда-нибудь бурили?

– Нет.

– Значит, это неизвестно, так? Это предполагается лишь на основании теорий. – Блок откинулся назад. – А у меня другая теория. По этой причине я и здесь.

В конце концов, арабы отступили, ропща и сомневаясь.

Маркус сообщил Блоку о своих наблюдениях, на что тот ответил:

– Естественно, они же все понимают по-английски. В здешнем нефтяном университете преподавание ведётся по-английски; его нельзя закончить, не владея английским. – Он свернул свои карты в рулон. – Ничего. Я думаю, на сей раз получится. Мы должны только проследить, чтобы они бурили в нужном месте. Лучше всего, чтобы кто-то с ними поехал и удостоверился.

– Хорошо, – кивнул Маркус. – Я скажу нашим техникам.

– Может, даже лучше сделать это самим. – Блок достал из кармана конверт. – Эту идиотскую подборку Турбер и вам прислал? Отвратительно. Грязные, убогие публикации.

Маркус ничего такого не получал. То были копии вырезок из газет. Пресса всё негативнее отзывалась о «нефтяном гуру» и его неудачах.

– Откуда они вообще об этом знают? – удивился он. Сами же саудовцы с самого начала настаивали на строгом соблюдении секретности.

– Всегда найдётся оборот, который проговорится.

– Или это кампания. Хотят вас дискредитировать.

Блок разорвал копии и затолкал обрывки в конверт.

– В Бразилии мы бы уже давно нашли. В Атлантике у Рио-де-Жанейро находится огромное нефтяное поле, в этом я абсолютно уверен. А мы здесь топчемся...

Они уже несколько раз звонили по спутниковой связи, защищенной от прослушивания, своим конструкторам в США, и состояние дел было таково, что два образца оборудования были уже близки к готовности и могли быть поставлены в Бразилию самое позднее в конце сентября.

– Надо было всё же отказаться от этого контракта. С самого начала. Всякий раз, когда я не слушался своего инстинкта, ничего хорошего из этого не выходило.

Маркуса тревожило недоброе чувство, что он вот-вот поймёт, как оно есть на самом деле.

– Может, это всё-таки была ловушка. Саудовцы вас отвлекли, чтобы помешать вам найти нефть в другом месте.

Блок воинственно выдвинул челюсть.

– Это мы ещё посмотрим!

Однако новые бурения не обнаружили нефти. Ни одно из пяти.

Равно как и первые три, которые между тем достигли глубины семи тысяч метров.

Блок настоял на том, чтобы каждый день они лично ездили к одному из мест бурения, а эти поездки длились по нескольку часов. В испепеляющем зное он поднимался на буровую, контролировал состояние долота, выброс, буровой шлам.

Во время одной такой инспекции Маркус обратил внимание на одного саудовца, которого прежде никогда не видел и по отношению к которому все остальные, казалось, выказывали необычайное уважение, если не сказать страх. «Это принц», – шепотом объяснил ему переводчик. И даже имя назвал – не то Саид, не то Заид – и пробормотал что-то в том духе, что он личный ассистент министра нефти. Во всяком случае, этот принц Саид или Заид наблюдал старания Блока с серьёзной миной и даже имел такой вид, будто надеется на успех бурения.

Было тут и несколько геологов из «ARAMCO», но на сей раз никто из них не ухмылялся.

Странное чувство возникло у Маркуса. Они не походили на людей, которым удалась злая проделка. Они как будто в самом деле искали нефть, и прямо-таки отчаянно.

Блок закончил свою инспекцию и спустился с платформы в промокшей насквозь рубашке и с нездорово багровым лицом.

– Мне нехорошо, – сказал он. – Жара. Поеду назад.

И с этими словами напрямик пошёл к машине, не удостоив взглядом ни рабочих, ни геологов.

Маркус последовал за ним, во-первых, потому что не хотел, чтобы его вместо Блока донимали вопросами, а во-вторых, потому что беспокоился за здоровье старика.

В дороге Блок оставался неразговорчив, на вопросы Маркуса о результатах осмотра только неопределённо хмыкал, а всё остальное время смотрел в пустоту. Впервые с тех пор, как Маркус с ним познакомился, он по-настоящему казался старым.

В Дахране он попросил высадить его у дома. Не вызвать ли для него врача? – спросил Маркус.

Австриец бросил на него усталый взгляд.

– Вы думаете, я сам не смогу вызвать? Нет. Мне нужен лишь покой. Я должен подумать. – Он опять отпустил ручку дверцы и невидяще уставился перед собой. – Знакомо вам такое чувство, когда вы точно знаете, что вот-вот, сейчас? Уже вертится на языке?

– Да, – сказал Маркус. Он внимательно посмотрел на Блока. Его партнёр казался вялым и измотанным. Его слова не соответствовали его виду.

Блок нагнулся, открыл дверцу.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал он и вышел. – Мне всегда что-нибудь приходило в голову. Не вешайте носа, ладно?

И, не оглянувшись, скрылся в доме.

На следующее утро он не открывал дверь и к телефону не подходил. Маркус выждал час. Когда тот снова не отозвался, Маркус позвонил на сервис и велел взломать дверь.

Блока в доме не было.

Большая часть бумаг из гостиной исчезла. Столы были перевернуты, один стул сломан, в одной из дверей выбито стекло. На плитках пола виднелись тёмные пятна, и когда Маркус

нагнулся и потрогал пальцем, это оказалась кровь.

– Ничего не трогать! – крикнул он людям из сервиса. – Вызовите полицию.

Блока похитили, в этом не было сомнений. И, судя по всему, он дался похитителям не так легко.

Люди из сервиса прокрались за дверь так осторожно, будто ступали по сырым яйцам. Один из них что-то взволнованно говорил по-арабски в телефон. Звонил, надо думать, в полицию или в приставленную от «ARAMCO» службу безопасности, которая здесь, в анклав Дакрана, представляла собой верховную власть.

Маркус достал из кармана свой телефон и попытался припомнить номер, который стоял на карточке Таггарда.

Видимо, он правильно его запомнил.

– «American Agrofood Trading Company», – ответил мужской голос, – чем могу быть вам полезен?

Маркус сказал, что хочет поговорить с мистером Чарльзом Таггардом, мужчина попросил его назваться и после этого сразу соединил.

– Таггард.

– Уэстман. Это сделали вы?

– Что именно?

– Похитили Блока.

– Похитили? Да Бог с вами. – Звучало это искренне. Либо Таггард умел врать по телефону лучше, чем кто-либо из тех, кто пытался задурить Маркусу мозги, когда он работал в отделе продаж «Lakeside and Rowe», либо он и правда не был в этом замешан. Он лично не был; но ведь ЦРУ огромно.

Маркус рассказал ему, что произошло. Таггард расспросил его о некоторых подробностях, которые показывали, что ему не впервые приходилось сталкиваться с подобным: были ли заперты задние двери, не оставили ли похитители записку и так далее, – и пообещал заняться этим делом.

И Маркус остался стоять посреди хаоса, чувствуя себя неприятно беспомощным и потерянным. Он не знал, что ему теперь делать. А это было постыдно: как-никак, он вице-президент «Block Explorations», и множество людей теперь ждали его указаний.

Почём он знал, какие указания давать.

Он отдышался. Только спокойствие. Это, без сомнения, серьёзное испытание, но он намеревался выдержать его. Что предстояло сделать? Остаться на своём посту. Давить на саудовскую полицию. Может быть, похитители Блока объявятся со своими требованиями; тогда кто-то же должен вести с ними переговоры...

Хотя – похитители Блока, скорее всего, адресуют свои требования напрямую к жертве. Ведь речь идёт о методе. Не о деньгах и не о политических мотивах. Уж в этом можно даже не сомневаться.

Маркус обошёл дом, и задняя дверь вывела его на маленькую, окружённую стеной террасу. В углу террасы стояла старая бочка с облупившейся надписью, а в бочке была – зола.

Запах совсем свежий. Что бы это значило? Маркус выудил из пепла обгоревший кусочек карты Саудовской Аравии, испещрённый линиями, цифрами и символами, нанесёнными от руки и, судя по всему, в большой спешке.

Маркус беспомощно разглядывал находку. Ничего из того, что Блок с трудом пытался преподать ему, он здесь не обнаружил: линии были совсем не те, какими Блок обычно изображал свои пресловутые «поля связи», таких символов Маркус ещё никогда не видел, а цифры не говорили ему ни о чём. Несмотря на это, вид был впечатляющий; от этого клочка исходила некая пассионарная энергия. Он мог живо представить себе, как Блок сидел ночью над картой и лихорадочно чертил на ней свои значки...

И кто-то всё это потом сжёг. Почему?

Он обошёл дом снаружи, держа свою находку кончиками пальцев. С улицы подъехало несколько машин. Мужчины принялись огораживать место преступления маркировочными

лентами, один тащил к двери дома тяжёлый чемодан с инструментами.

– Мистер Уэстман? – К нему подошёл саудовец, одетый в белое, похожее на длинную рубашку одеяние, которое называлось здесь дишдаша, и с красно-белой куфией на голове. В его взгляде чувствовалась привычка отдавать команды.

– Да, – подтвердил Маркус.

Тот назвал своё имя, слишком быстро, чтобы Маркус успел его запомнить или хотя бы разобрать, но в начале имени стояло «Абдул», – и продолжил:

– Я здесь по поручению «ARAMCO», чтобы сообщить вам, что ваше задание с сегодняшнего дня закончено. Командировочные, равно как и ещё не возмещённые расходы, будут перечислены вам в ближайшие дни. – Он сделал жест, приглашающий его к автомобилю, который ждал с открытой дверцей. – Сейчас я провожу вас к вашему дому и помогу вам собрать вещи.

Позднее

Таггард остался в Саудовской Аравии, чтобы выйти на след Блока и раскрыть тайну его метода. Указаний было мало, и в одну картину они не сводились. Интерес его начальства к этому случаю быстро иссяк, а среди людей, занятых в нефтяной индустрии, скоро уже никто не признавался, что когда-то интересовался Блоком.

Однако Таггард продолжал своё. Он собирал этот паззл деталь за деталью. Он использовал старые связи, взыскивал старые долги по услугам, даже попрошайничал, если надо. Постепенно складывалась картина, но она ему не нравилась. Последним неизвестным оставался вопрос, для чего Блока заманили в Саудовскую Аравию.

Возможно, он был единственным, кто задавался этим вопросом. Расследование случая Блока давно стало его частным развлечением. Просьба Таггарда о продлении его деятельности в Эр-Рияде была отклонена; от него ожидали, что он вернётся на свою прежнюю должность и снова займётся европейской экономикой.

За два дня до его уже забронированного обратного рейса случился взрыв, нанёсший порту Рас-Танура такие тяжёлые повреждения, что загрузка танкеров нефтью приостановилась на несколько месяцев. Таггарду казалось, что он чувствует на улицах Эр-Рияда тревогу, когда на следующий день он ещё раз отправился в семью своего друга Хамида Аль-Шамри, чтобы проститься.

Когда он пришёл, у отца Хамида, Мусахеда, уже был гость: его младший брат Тарик, который работал в саудовской нефтяной индустрии, стройный усатый мужчина, казавшийся сейчас очень взволнованным. По просьбе брата он объяснил «амрикани», которому брат явно доверял, что на самом деле стоит за взрывом в порту. С каждой фразой Тарика дополнялась та картина, над которой в последнее время бился Таггард. И, наконец, он всё понял.

У него болело сердце, когда они прощались. Он больше никогда не увидит этих людей, в этом он отдавал себе отчёт с болезненной ясностью.

Во время полёта он написал рапорт о своём увольнении. Заклеив конверт и надписав адрес – марку он наклеит и опустит письмо в ящик в аэропорту, – он откинул спинку кресла, закрыл глаза и размышлял о том, как бы устроить так, чтоб на некоторое время исчезнуть с экрана радаров своих будущих экс-кормильцев. То, что сделать это будет не так просто, он понимал хорошо. С другой стороны, он знал приёмы. Несколько месяцев ему бы хватило.

Глава 30

Прошлое

Всего-то и отдыха Маркусу выпало, что несколько часов беспокойного сна во время обратного полёта в Нью-Йорк. В аэропорту Кеннеди его ждал лимузин, а также двое широкоплечих посыльных, повадка которых не оставляла сомнений в том, что их вежливо

высказанное приглашение есть приказ.

В офисе его встретили испуганные лица служащих, а напряжение в воздухе было такое, что металлические приборы на письменных столах того и гляди заискрят. Почти вся команда «РРР» собралась в комнате переговоров. Когда Маркус вошёл, там у всех ходили желваки, глаза сверкали молниями, а подошвы под столом шаркали. Это напоминало обстановку перед казнью.

Его попросили доложить, что произошло в Саудовской Аравии. Маркус рассказал о неудачных бурениях, о подозрении Блока, что саудовцы манипулировали их исследованиями, и, наконец, о злополучном похищении.

– По дороге сюда я ещё раз звонил в саудовскую полицию, – завершил он свой рассказ. – По-прежнему нет ни следов, ни известий, ни требований, выдвинутых похитителями. В настоящий момент неизвестно, чем всё это кончится.

Наступило неловкое молчание. Затем спикер «РРР» откашлялся и произнёс:

– Прискорбно, чрезвычайно прискорбно. Однако чем бы это ни кончилось, нас при этом уже не будет. – Его руки двигали бумаги по столу, а взгляд сверлил Маркуса. – Мистер Уэстман, засим мы воспользуемся своим правом, закреплённым за нами в договоре, ликвидировать фирму «Block Explorations» в любой момент, какой сочтём нужным, если увидим, что успех наших инвестиций больше не гарантирован. Сейчас как раз такой случай. Вы уволены, и это решение вступает в силу немедленно; то же самое касается мистера Блока, равно как и всех служащих. На последних, впрочем, распространяется действие предписаний закона. – Он сцепил пальцы. – Это всё.

Действие слов этого человека было сродни ударам кузнечного молота. Правда, Маркус на такой поворот рассчитывал и был к нему готов. Это была битва, вполне заурядное дело. Он против их вождя. И на поясе его противника уже висело немало кровавых скальпов.

– Это всё, что вы нашли нужным сказать? – ответил Маркус, надеясь, что произносит это тоном превосходства, а ещё лучше – заносчивости.

Спикер покачал головой.

– Если стремишься к экономическому успеху, приходится иногда принимать жёсткие решения. Мы делаем лишь выводы, которые давно напрашивались.

– Нет. Вы совершаете непоправимую ошибку.

– Непоправимую ошибку мы совершили, когда инвестировали в вас первый доллар, – ответил его противник.

Touche. Задел. Выманил из резерва. Царапнул кожу.

– Вы совершаете ошибку, – повторил Маркус, – впадая в панику и тем самым подыгрывая целенаправленной кампании, развернутой против нас. Поскольку саудовский контракт был не чем иным, как ловушкой. Он имел целью исключить саудовскую монополию на нефтяном рынке. Угрозу для них представлял Блок и его метод.

Уничтожающий взгляд.

– Вы провели в Саудовской Аравии почти четыре месяца. Ни одно пробное бурение за это время не увенчалось успехом. И мы знаем, что эти бурения были назначены в тех местах, про которые *известно*, что нефти там не может быть по определению.

– А теперь вы, помимо прочего, совершаете ещё и логическую ошибку, – заявил Маркус. – Ибо, как известно, метод Блока позволяет находить нефть там, где традиционная теория даже не предполагает её наличия. По логике, если следовать этому методу, как раз в таких местах и надо бурить.

– Однако нефти вы там не нашли.

– Потому что наши исследования саботировались, и Блок это обнаружил. – Маркус повернулся к остальным. – Дамы и господа, задумайтесь же: саудовцы не могут быть заинтересованы в том, чтобы потерять свою позицию, диктующую на мировом рынке цены на нефть!

– Этой позиции не повредила бы разведка новых месторождений на саудовской земле, – возразила невысокая блондинка с холодными зелёными глазами.

Маркус кивнул.

– Верно. Но повредил бы человек, который умеет найти нефть в других местах мира.

– Мистер Уэстман, – снова перехватил инициативу спикер, – мы, честно признаться, больше не уверены в том, что мистер Блок был или, может быть, есть как раз такой человек.

– Тогда кампания саудовцев подействовала на вас именно так, как они того и хотели.

Мужчина склонил голову набок.

– Вы вольны видеть это так, как вам угодно. Но нашего решения это не изменит.

Крепкий орешек попался Маркусу. Если уж выигрывать, то следует пойти на больший риск.

Почему бы и нет? Он подался вперед.

– Извините, сэр – не подскажете ли мне ваше имя?

Спикер наморщил лоб.

– Джордж Гардинер, – сказал он, помедлив.

– Спасибо. – Маркус встал, неторопливым шагом подошёл к окну, где лежали несколько карандашей и блоков для заметок, и стал под озадаченными взглядами представителей «PPP» записывать. – Гардинер через «и»?

– Да, через «и», – грубо ответил спикер. – Мистер Уэстман, я вынужден уже серьёзно попросить вас...

– Сейчас. Сейчас я уйду. Я хотел лишь убедиться, что правильно впишу вашу фамилию в свою автобиографию. Знаете, я считаю, вам будет отведено достойное место в галерее знаменитых опрометчивых решений. Ну, вы помните – тот менеджер студии грамзаписи, который отверг «Битлз». Или издатель, который не захотел опубликовать «Гарри Поттера». Босс программных продуктов, который отправил IBM к Биллу Гейтсу. Именно такого рода решения я имею в виду.

Гардинер быстро овладел собой. На его губах заиграла насмешливая улыбка.

– А вы погибаете с высоко поднятым флагом, Уэстман, надо отдать вам должное.

– Я не погибаю, я только начинаю оживать, – ответил Маркус, не отрывая взгляда от своих записей. – Вы ещё будете удивлены. Поскольку, безусловно, я продолжу дело Блока с того места, где его принудили его прекратить, а уж в инвесторах, поверьте мне, недостатка не будет...

– Хорошо, – ответил Гардинер, – тогда я предлагаю вам обратиться к ним, а нас впредь...

– Джордж, – перебил его худой седовласый мужчина, который был явно старше Гардинера. Маркус знал, что его зовут Джон Хей Элдрич. Он всегда подозревал, что именно этого человека слушали все в «PPP». – Ещё одну минуточку. Молодой человек, – обратился он к Маркусу, – до сих пор *modus operandi* было то, что метод на некоторое время останется коммерческой тайной мистера Блока. Этому он, насколько я припоминаю, придавал особенно большое значение. Могу ли я понимать ваше высказывание так, что теперь вы тоже посвящены в тайну метода?

Маркус кивнул не колеблясь. Теперь только не медлить.

– Он мне его доверил.

Элдрич посмотрел на Гардинера и сказал:

– Мы инвестировали столько денег, может, мы всё-таки дадим делу ещё один шанс, как вы думаете?

Спикер недовольно скривил лицо.

В это мгновение Маркус вспомнил одно выражение – его постоянно употреблял один из представителей немецкого отделения «Lakeside and Rowe», с которым Маркус ездил в командировки, старый зубр по части деловых переговоров: «Если хочешь чего-то добиться, требуй вдвое больше предельного». Ни в коем случае, понял он, нельзя довольствоваться тем, что готовы дать они сами. Сейчас он был в наступательной позиции, и ослаблять её нельзя.

– Стоп! – произнёс он со всей решимостью. – Вот только не так, это я вам сразу скажу. Теперь, когда я своими глазами видел, насколько вы боязливы и нерешительны, насколько

ненадёжны и насколько скупы в сочувствии, договор должен быть основательно пересмотрен, если вы хотите, чтобы я работал дальше. – Говоря это, он прошёлся немного вдоль окна. Одна из гардин прикрыла его левое плечо, поскольку он небрежно оперся о подоконник. За гардиной стоял, почти невидимый, телефон. – Я настаиваю на гарантиях. На введении минимального срока действия. Прочных инвестиционных обязательств. Вот так.

Он видел, как люди из «PPP» переглянулись. Взгляды такого рода обычно означали, что они хотели бы обсудить это между собой.

Маркус, под прикрытием занавеса, потянулся левой рукой к телефону. Он снял трубку, чуть сдвинул её так, что при беглом взгляде казалось, что она лежит нормально. Затем он нажал кнопку короткого набора номера в своем собственном кабинете.

Элдрич произнёс:

– Спасибо за то, что вы прояснили свою позицию, мистер Уэстман. Не мог бы я вас попросить на некоторое время оставить нас одних, чтобы мы смогли обсудить между собой основные принципы?.. Потом я попрошу позвать вас.

Маркус отодвинулся от подоконника.

– Хорошо. Только не заставляйте меня ждать долго.

И он ушёл. Никто не произнёс ни слова, пока Маркус не закрыл за собой толстую звукоизолирующую дверь.

Служащие «Block Explorations» всё ещё ходили с глазами испуганных кроликов.

– Ну как, мистер Уэстман? – спросила Линн Эйерс, секретарша. Её обычно пышные локоны обвисли, пылающий махаон волос превратился в тусклый коричневый.

– Я пытаюсь спасти то, что ещё можно спасти, – услышал Маркус собственные слова. Не останавливаясь. Борьба ещё не кончена. Люди встали шпалерой, и он шёл сквозь неё, ободряюще улыбаясь, хотя ему впору было кричать от отчаяния; говорил слова поддержки, хотя кто бы его самого поддержал; хлопал по плечу людей, которые сплошь были старше его самого. По крайней мере, согласно календарю. У него было такое чувство, что за последние дни он постарел на годы.

Телефон в его кабинете всегда был установлен на самый нижний уровень громкости, и звонки не были слышны через обитую дверь, это он знал по опыту. Поскольку звонок из переговорной комнаты был местный, соединение на экране телефонистки не высветилось. Ему достаточно было лишь снять трубку – и он оказывался свидетелем внутреннего обсуждения легендарного «Peak Performance Pools».

Маркус не смог подавить улыбку, когда, оставшись наконец один, поднёс трубку к уху и действительно услышал голоса. Ему невольно вспомнилось высказывание, которое висело у этих людей на стене их собственного переговорного помещения. На сей раз они оказались недостаточно параноидальны.

– ...ему ни слова, – услышал он голос озлобленного Гардинера. – Уэстман – очковтиратель. Он хочет обвести нас вокруг пальца, и за одно это надо бы снять с него скальп, если вы хотите знать моё мнение.

Волна других голосов, перебивающих друг друга. Понять можно лишь обрывки фраз:

– ...риск... метод решающий... удерживает дверь ногой... наличность... и куда большие суммы уходили в песок... возможный выигрыш превзойдёт всё, что мы себе...

«Звучит хорошо», – сказал себе Маркус. Может, ему и правда удастся втереть им очки и обвести вокруг пальца.

Не навсегда, конечно. Но ему нужна была финансовая свобода действий, чтобы реконструировать метод Блока на основе его документов. После этого потекут такие деньги – и нефть, что все грехи ему простятся.

– Я скажу вам, что мы сделаем, – услышал он слова Элдрича. Его никто не перебивал. – Этот геолог, Квинтон, должен предоставить нам несколько листов данных, а именно: об успешных и бесплодных бурениях. Данные, собранные Блоком в Южной Дакоте, ведь Квинтон по большей части присутствовал при этом. И предъявим их Уэстману. Я хочу

посмотреть, что он будет делать с ними. Если он действительно владеет методом, то должен отличить нефтеносные места от глухих.

Маркус отвёл трубку от уха. Его бросило в жар. Чёрт! Если он пойдёт на это – он пропал. А если не пойдёт – тоже.

Он почувствовал стеснение в груди. Бумаги Блока! Он должен их добыть – опередив других. Что бы там старик ни заложил в сейф в Кливленде, это был последний шанс Маркуса выйти из дела целым и невредимым.

Он положил трубку. Вот именно. Достать те документы и надеяться, что он сумеет разобраться в них. Ведь на что-то же Блок рассчитывал, когда выдавал ему этот тайник.

Он выдвинул ящик стола. Ключ от машины лежал на месте. Это значило, его машина всё ещё стоит в подземном гараже. Он сунул ключ в карман и, перед тем как покинуть кабинет, прихватил с собой несколько бесполезных факсов, чтобы иметь в руках хоть что-то и казаться занятым.

– Мисс Эйерс, – сказал он как бы между прочим секретарше, – дамы и господа из «трёх Р» ещё будут какое-то время заняты. Я пойду, сделаю кое-какие неотложные дела; если кто меня спросит, я вернусь через сорок минут. – Некруглые цифры времени, это он знал по опыту, действуют убедительнее, чем круглые. Если кто-то говорит, что у него всего десять минут, с ним можно спокойно проболтать и полчаса, но если он говорит, что у него только одиннадцать минут, то дело с большой вероятностью уложится даже в семь.

Секретарша посмотрела на часы и после этого, как всегда, поправила волосы, прежде чем кивнуть.

– Хорошо, мистер Уэстман.

Маркус тоже кивнул, стараясь делать вид, что всё в порядке. Никто и не взглянул, когда он направлялся к двери. Никто его не остановил. Он вошёл в лифт, нажал кнопку, и когда дверь снова открылась, он стоял в подземном гараже.

Было неправдоподобно буднично – сесть в машину, повернуть ключ зажигания и тронуться с места. Как ни в чём не бывало. Вверх по рампе, наружу и прочь.

Уличное движение было, как всегда, плотным, но Маркус всё же продвигался вперёд. На красном светофоре он достал из бардачка карту. Через сорок минут он уже будет на автостраде 80, и она выведет его из города.

Он достал свой телефон, включил его и позвонил в офис.

– Это Уэстман. Как там?

Вздых облегчения.

– Мистер Уэстман! Как хорошо, что вы позвонили. Эти люди из «PPP» спрашивают о вас каждые пять минут, – ответила секретарша. – Хотя я им сказала, когда вы вернетесь. Вы только за порог – и они явились...

Маркус выдохнул. Значит, ему повезло.

Если что-то в этой ситуации можно назвать везением.

– Отправьте их, – велел он.

Секретарша стала хватать ртом воздух.

– Что?

– Мои... планы на сегодня изменились, – объяснил ей Маркус. – Сегодня я уже не вернусь в офис. Дамам и господам из «PPP» на сегодня хватит; скажите им, я появлюсь в ближайшие дни.

Момент укоризненной тишины.

– Не думаю, чтоб это им понравилось.

– Знаете, – сказал Маркус, – мне тоже многое не нравится. Можете им это передать. Бай!

И он отключился и вообще отключил телефон. Чтоб его никто не доставал. Ему надо как следует подумать, так, как ещё никогда в жизни. Выехать на автостраду, поддать газу и думать.

Через два часа пришло успокоительное чувство, что всё дело пережёвано, разложено на

части и по полочкам.

Выглядело это следующим образом: Блок исчез, а возможно, и убит. Если нет, то в этот момент преступники выпытывают из него знания, чтобы злоупотребить ими. Он, Маркус Вестерманн – единственный в мире человек, имеющий доступ к оригинальным записям Блока и, следовательно, шанс реконструировать метод, утерянный вместе с Блоком.

Но если он хочет попробовать это сам, ему понадобятся средства, которых у него нет – для пробных бурений, например. Уж это было никак не дёшево, а в настоящий момент он не смог бы профинансировать даже одну-единственную обсадную трубу. Напротив, как только жалование перестанет поступать на его счёт, «First Atlantic Bank» немедленно объявится и спросит, как он намерен устранить образовавшийся на его счёте впечатляющий минус.

Значит, он должен добыть денег. Затем нужно было принять во внимание, что записи Блока означали только шанс. Гарантий не было. Может статься, то, что он найдёт в Кливленде, окажется совершенно непонятным. Однако в настоящий момент эти документы были его единственным козырем, и он старался не упустить его из рук. Другими словами, ему придётся играть ва-банк.

В таком состоянии раздумий Маркус снова достал телефон, включил его, набрал номер и ждал, когда пойдут гудки.

– Да? – услышал он голос Ханг Ванга.

Маркус назвал, и отец Эми-Ли подозрительно спросил:

– Откуда у вас этот номер?

– Такой же вопрос и я задавал себе, когда ваш звонок разбудил меня в Дахране, – ответил Маркус. – Будем считать, что у каждого из нас свои источники. – Разумеется, этот номер у него был из записной книжки Эми-Ли.

– Что вы хотите?

Маркус улыбнулся. Дорога как раз вела через горы Поконо, вид был грандиозный.

– Продолжаете ли вы интересоваться методом Блока?

– Хм-м... Сказать честно, это дело я уже списал со счетов. И, как я слышал, оно и не содержало того, что обещало.

– Это всё пропаганда. Если вы намекаете на события в Саудовской Аравии, там была целенаправленная кампания по дискредитации Блока.

– Надо же.

Маркус напрягся. Что это сейчас было? Ведь Ванг так жаждал этого метода! А если отец Эми-Ли откажется выступить в качестве инвестора? Какие возможности тогда останутся?

Он набрал в лёгкие воздуха. За дорогой приходилось следить, поскольку впереди начинался дождь. На горизонте громоздились густые, тёмные тучи. Сейчас он должен показать уверенность в себе. Потребовать чего-то, чтобы вернуть делу привлекательность.

– Если вам это больше не интересно, просто скажите, – заявил он. – Условия, однако, изменились, это прежде всего.

– А именно? – спросил Ванг.

Уже кое-что.

– Мне нужна твердая финансовая поддержка. Блок, как вы уже, наверно, слышали, бесследно исчез, и если он не объявится снова, остаётся единственный шанс – реконструировать метод по его оригинальным записям.

– И они у вас есть?

– Да.

Ванг, казалось, задумался.

– Это можно обсудить.

– При этом все договоренности мы, естественно, зафиксируем письменно.

– Вы бы меня разочаровали, если бы не сделали этого, – заметил Ванг и засмеялся. – Хорошо. И это всё?

Маркус подумал об Эми-Ли, его кожа вспомнила её кожу, мягкую и электризирующую, и ему почудилось, что он вживую ощутил её запах. Но только на мгновение. Вообще впредь ему

следует строго разделять деловое и личное.

– Да, – ответил он. – В настоящий момент всё.

– Тогда считайте, что я согласен. Как мы будем действовать дальше?

Выдохнуть. Ему показалось, что он сдерживал дыхание несколько километров.

– Я должен кое-что оформить, – сказал Маркус, – потом снова позвоню.

– Не заставляйте меня долго ждать, иначе я начну думать, что этот разговор мне лишь приснился. Я не очень терпеливый человек, вы ведь это знаете.

А что было это? Игривая уловка? О нет, мистер Ванг, вы снова на крючке. Вы будете ждать, ждать и не сорвётесь с этого крючка, пока ад не подёрнется льдом.

– Я знаю, – сказал Маркус и отключился. Ах, как приятно быть тем, кто кладёт трубку первым!

И снова – адреналин, давно не испытанное чувство движения по дороге победы. Теперь он снова обрёл это чувство. Ванг попался ему на удочку, и, да, вот именно, он выторгует очень-очень выгодный договор, сформулированный так, что он в любом случае выиграет. Это потребует времени и будет непросто, Ванг ведь старый лис, но он просто лопаётся от вожделения. Он так жаждет получить метод Блока, что примет любой параграф из страха, что Маркус встанет и уйдёт к кому-нибудь другому.

Если сейчас он не провалит дело, то будет человеком, добившимся положения в обществе, чем бы это дело ни кончилось.

Для таких мгновений, как это, требуется соответствующее звуковое сопровождение. Маркус включил радио, искал подходящую музыку, которая рвала бы его на части. Вот, отличный рок. Ни группа, ни композиция не были ему знакомы, но сразу пришлись впору; ударные зажигали, бас гремел, а гитара была чистым электричеством высочайшего напряжения.

И к чёрту дурацкое ограничение скорости! Маркус выехал на полосу обгона и дал газу. Ему хотелось откинуть верх и громко кричать, но первые капли дождя уже изукрасили лобовое стекло, размазав на нём пыль...

Ах, shit! Ну что это за мир такой, что так и норовит его затормозить?

Итак, снова вернуться в правую полосу, убрать ногу с педали газа. Дождь забарабанил вовсю. Совсем некстати в это время года. Музыка сменилась голосом диктора. Кажется, передавали новости. Китай опять заявил, что Тайвань является его мятежной провинцией и он сохраняет за собой право прекратить это непрочное состояние, сообщил диктор и связался по телефону с неким Биллом. Да, невозмутимо комментировал тот, это следует трактовать как выпад, направленный против США.

– Китайская Народная Республика видит себя в качестве будущего глобального противника Америки и такими заявлениями занимает определённую идеологическую позицию. Но самое интересное здесь – выбранный для этого момент. Китайская экономика на подъёме, собственных запасов нефти у них уже недостаточно, чтобы обеспечить энергоснабжение. Китайцы всё более зависимы от импорта, если не хотят, чтобы подъём остановился. Меньше всего они могут быть заинтересованы в военных акциях, которые повлекли бы за собой бойкот.

– Может, китайцы знают то, чего не знаем мы? – спросил радиожурналист.

– Может быть, но что именно? Придётся подождать.

– О'кей. Спасибо, Билл. А теперь мы продолжим...

Маркус выключил радио. Китай! Ванг был китаец. Мало того, своё состояние он нажил торговлей с Китаем. Не было ли то, чего не знал Билл, сделкой, которая позволяла китайскому правительству рассчитывать на метод Блока? Уж не продал ли его Ванг и не находился ли теперь в безвыходном положении, обязанный предоставить Китаю этот метод?

И получалось, он, Марк С. Уэстман, собирается предпринять нечто такое, что нанесёт ущерб интересам США? Страны, гражданином которой он надеялся когда-нибудь стать?

Может, бизнес с Вангом не был такой уж хорошей идеей?

В этот момент зазвонил мобильный телефон. Откуда, вообще, ведь он же его... Ах нет,

не выключил. После разговора с Вангом он забыл снова отключить его.

Он глянул на дисплей: номер, который высветился, не говорил ему абсолютно ничего. Отсесть звонок и отключиться? С другой стороны, сейчас он далеко и всегда сможет отговориться тем, что была плохая связь... Он нажал зелёную кнопку.

– Да?

– Мистер Уэстман, слава Богу, что я до вас дозвонилась, – прохрипел ему в ухо голос Линн Эйерс. – Сюда прибыла полиция! У них ордер на обыск вашего кабинета.

– Что-что? С чего это вдруг?

– Вас подозревают в убийстве мистера Блока. – На заднем плане слышались какие-то шумы. – Я звоню из будки телефона-автомата; они про это не знают. Карточка уже на исходе... Что мне им сказать, где вы?

– А что вы говорили до сих пор?

– Что не знаю, где вы.

– Так и говорите. Всё скоро прояснится. – Маркус понятия не имел, каким образом, но он был шеф и в первую очередь обязан был внушать другим уверенность. – Обвинение, разумеется, абсолютно беспочвенно, ну просто взято с потолка.

– Хорошо. Тогда я просто ничего не знаю. Удачи и... – Соединение с хрипом оборвалось.

Маркус держал в ладони телефон и заметил, что проехал изрядный путь, вообще ничего перед собой не видя. Что всё это могло означать?

Сердце его колотилось, приходил запоздалый ужас. Полиция его подозревает?

Плохо дело. Очень плохо. Одно дело *быть* невиновным, и совсем другое – *доказать* это. Особенно когда приходится выступить против чьих-то невидимых козней.

Ему требовалась помощь.

Таггард! Он должен обратиться к Таггарду. Уж если кто и мог ему помочь, так только он.

И надо успеть воспользоваться рукописями Блока до того, как ему смогут в этом помешать. Сейчас это важнее всего.

Он схватил телефон. Какой там у него был номер? Только бы не ошибиться. Он набрал номер большим пальцем, половину внимания уделяя дороге. Впереди ехал тяжелый грузовик, один из тех гигантских, нескончаемых, крытых брезентом.

«Уж не обессудьте, мистер Ванг. Видимо, между нами всё бесповоротно кончено».

Шли гудки. Бесконечно. Ещё и это. И грузовик перед ним еле тащится.

Наконец отозвался скучающий женский голос:

– «American Agrofood Trading Company», добрый день, чем я могу вам помочь?

– Моя фамилия Уэстман, – крикнул Маркус. – Марк Уэстман. Я хотел бы поговорить с Чарльзом Таггардом.

Крохотная пауза. Тон не изменился ни на гран.

– Мне очень жаль, но мистера Таггарда сегодня нет на месте. Перезвоните в другой раз. – Казалось, она сейчас же сбросит его с провода.

– Погодите-погодите, не кладите трубку! – Чёрт, ну все на этой планете так и норовят не пустить его, затормозить или поставить подножку! Люди из «PPP». Эта телефонистка. Этот грузовик впереди него. Маркус начинал терять терпение.

Он выехал на встречную полосу.

– Поверьте мне, мистер Таггард ждёт моего звонка, – продолжил он.

И ускорился на последней капле бензина...

Глава 31

Настоящее

И вот он наконец прибыл. Надпись «SecureBox» стояла – каждая буква высечена из массивного гранита – посреди цветочной клумбы перед входом. Грузовик разбился бы об эту

надпись.

Свербящая головная боль, будто кто-то вытягивает длинную, тонкую проволоку из костей его черепа. Шрамы. С тех пор как они стали невидимы, он их чувствовал. В память об автокатастрофе, чтоб не забывал.

Если бы иметь хоть что-то материальное в руках, входя в двери из бронированного стекла, – какое-нибудь удостоверение, доверенность, клиентскую карточку. Не располагая ничем, кроме пароля, он чувствовал себя почти голым.

Приёмный зал был облицован сталью и казался таким холодным, что начинало знобить. За стойкой, закрытой ещё одним слоем бронированного стекла, сидела чернокожая матрона в униформе. Она поздоровалась с ним так приветливо, будто он являлся сюда каждый день, причём раз в неделю – с букетом цветов.

А может, ей просто было скучно, и она была рада разнообразию.

Но Маркус-то не скучал. Он должен был предъявить удостоверение личности. Он, находящийся в розыске у американской полиции. Ему пришлось выжать из себя уверенную улыбку, протягивая ей своё европейское водительское удостоверение. По крайней мере, это был дубликат с другим номером; до США этот номер, возможно, ещё не дошёл.

Он смотрел, как она вбивала в свой компьютер данные. Ждал тревожного звука сирены или лязга запирающейся решётки. Но вместо этого рядом с приёмной стойкой с жужжанием отодвинулась в сторону часть стальной облицовки. Возникла ниша, и там стояла клавиатура. Ему сказали, чтобы он набрал там номер сейфа и пароль, последнее – дважды.

Хитро всё приспособлено. Маркусу уже стало интересно, что будет дальше. Может, образуется ещё один вход, через который он попадёт прямо к сейфу? Он тщательно набрал номер и пароль: «Затворник». И ещё раз. Раздался писк, и облицовка вновь задвинулась – медленно, но неотвратимо.

Но когда он снова повернулся к стойке, женщина с тревогой смотрела на свой экран.

– Пароль верный, – сказала она. – Однако сейф пустой. Кто-то уже побывал здесь и забрал содержимое.

Маркус уставился на неё с внезапным жгучим чувством, что вот-вот произойдут какие-то неожиданные вещи. Блок. Это мог быть только Блок. Неужто он снова объявился? Но как это могло быть? В газетах, которые он читал в больнице, не упоминалось ничего, и люди, которым он звонил по этому поводу, не располагали никакой новой информацией об исчезнувшем австрийце.

– Когда это было? – спросил он.

– Семнадцатого сентября.

Через три дня после автокатастрофы. Это было ещё более странно.

– Может, он оставил какое-нибудь сообщение?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, мне очень жаль.

Маркуса заполнило беспомощное чувство одиночества.

– И в данных, которыми вы располагаете, нет ничего, каким образом я мог бы связаться с этим человеком? Или передать для него какую-то вест?

Женщина сцепила пальцы.

– Сэр, их было двое. Я припоминаю, это было в мою смену. Пришли двое мужчин из органов, предъявили законное судебное решение и конфисковали содержимое сейфа.

– Из органов? – непонимающе повторил Маркус. – И из каких же?

– Мне очень жаль, я не имею права этого говорить.

Он запустил в волосы пятерню, стараясь сохранять невозмутимое спокойствие.

– О'кей, – сказал он. – Послушайте. Это... очень важно для меня. Разумеется, я не хочу вас уговаривать нарушить предписание, но... – Он улыбнулся ей доверчиво как человек, не помочь которому значит бросить его в беде. – Но просто качнуть головой вы могли бы? Из ЦРУ?

Она сжала губы, уставилась на него и затем еле заметно кивнула.

Значит, Таггард их подслушивал в Саудовской Аравии. Несмотря на всю аппаратуру Блока. Несмотря на все меры предосторожности. Невзирая на всю паранойю.

Что за игру он ведёт, чёрт возьми?

– Спасибо, – сказал Маркус. – Большое спасибо. Это было не то, на что я надеялся, но... Спасибо.

Уходя, он чувствовал затылком её взгляд, но не обернулся.

Снаружи начинался дождь, холодная морось предвещала худшее. Он быстро перебежал к машине и немедленно уехал. На тот случай, если эти пресловутые церэушники оставили указание оповещать их, если кто-нибудь объявится и будет интересоваться сейфом Блока.

На ближайшей большой парковке он остановился, чтобы всё обдумать. И так, люди Таггарда похитили бумаги, которые Блок предназначал для него. Этого он не мог так оставить. Но для начала стоило задуматься, что за всем этим стоит.

Он достал из кармана телефон и с минуту смотрел на него. В последний раз, когда он набирал номер Таггарда, с ним произошёл несчастный случай. Это может повториться, даже если он будет звонить из стоящей машины. В том, что ЦРУ прослушивает мобильники, он ведь уже убедился.

Беспокоит ли ЦРУ, что персона, контактирующая с ними, находится в полицейском розыске? Об этом он понятия не имел. Маркус убрал телефон, вышел из машины и направился к телефонной будке, одиноко маячившей на краю парковки.

Ему по-прежнему ответила «American Agrofood Trading Company». Снова женщина, на сей раз другая. Он назвал её и попросил соединить его с Чарльзом Таггардом.

– Как вы сказали, «Марк С.» или «Маркус»? – переспросила телефонистка.

– Маркус, – неохотно ответил он.

Пауза, стук клавиатуры.

– Сожалею, мистер Вестерманн, но мистер Таггард больше в нашей фирме не работает.

День сюрпризов.

– Извините, что это значит? Если он больше не работает в «American Agrofood», разве не могу я разыскать его где-то в другой части концерна?

– Концерна? – не поняла она.

Чёрт бы побрал эту дурацкую клоунату!

– Я имею в виду ЦРУ, бог ты мой.

Он услышал, как она поперхнулась.

– Момент. – Его переместили в цикл ожидания с классической музыкой, потом на проводе снова объявилась она же: – Я могу вам только сообщить, что мистер Таггард недавно уволился.

– И где он теперь?

– На это мне при всём желании вам нечего ответить.

– Может, кто-то другой может сказать?

– Боюсь, что нет.

После этого он стоял в телефонной будке, не зная, что делать, слушал, как дождь нетерпеливо стучит в стекло, смотрел, как нескончаемым потоком идут по улице машины. Мысли проносились в его голове со скоростью, по сравнению с которой машины на дороге казались ползущими улитками.

«Опоздал», – стучало у него в ушах. Несчастный случай обошёлся ему гораздо дороже, чем в два месяца времени.

Таггард уволился. Что это значило? Что он захватил бумаги Блока и теперь работает на себя?

Он толкнул дверь будки и направился к машине, медленно шагая по американской земле. Куда теперь? Он чувствовал неодолимое желание привлечь Таггарда к ответу. Но как? Где его искать? Он ведь ничего о нём не знал. И, коли уж тот работал на ЦРУ, вовсе не факт, что Чарльз Таггард – его настоящее имя...

Вот. Одно воспоминание.

«Я изучал экономику в университете штата Огайо...»

Так он сказал. Это могло быть и ложью, но для чего ему было врать? Ведь он мог бы и просто не упоминать университет.

Может, это зацепка? Вполне. По крайней мере, другой у него не было.

Болела голова – то ли оттого, что он часами пялился в экран телевизора, то ли от картинок, которые они видели? Абу Джабр не мог бы сказать точно. Американские танки на улицах Эль-Кобара и Даммама! Комментаторы американской телекомпании не уставали объяснять, что это не нападение, но что же это было, как не нападение?

В немецких средствах массовой информации американская позиция решительно осуждалась. Некоторые даже проводили параллели с «Пражской весной» и вводом советских войск в Чехословакию. Об этом ему сказала Васима, которая следила за телевизионной программой и каждый день покупала немецкую газету. Но втайне все надеются, рассказала она, что американские войска скоро прекратят нефтяной кризис и снова воцарится привычная обстановка. И что это лейтмотив всех разговоров в клинике.

Значит, они говорили одно, а думали совсем другое. Головная боль Абу Джабра усиливалась.

– Такое чувство, что порча Запада перекинулась и на меня, – сказал он своей невестке. – Как будто она заразная...

Что это было? Она что, закатила глаза? Или она тоже страдает от этого всего?

– Абу, вам надо просто выходить на воздух, – посоветовала Васима. – Прогуливаться. Парк тут, при клинике, очень красивый.

Абу Джабр последовал её совету, уже хотя бы потому, что ему не хотелось просить у врачей таблетки от головной боли, и оказалось, что Васима права. Ему приятно было вдыхать свежий воздух, ощущать вокруг себя простор и смотреть на растения, на холмы и озёра или на бледное, бессильное солнце на пасмурном небе. Было холодно, хотя считалось, что стоят хорошие дни, возможно, последние солнечные дни этого года. Ну да, ведь он не привык к европейской погоде; у него было такое чувство, что Полярный круг где-то неподалёку.

Однако головные боли прекратились. Он пришёл к выводу, что бессмысленно было ломать себе голову над вещами, на которые он не мог повлиять. На то была воля Аллаха, чтобы в эти дни он оказался здесь, вдали от дома, и вместо того, чтобы скорбеть об этом, лучше было попытаться понять причину происходящего. С этого времени он старался не включать телевизор. Он также перестал звонить Саиду. У его сына в такой ситуации наверняка было больше забот, чем беседовать с ним...

– Приятно встретить вас на воздухе, ваше высочество, – перебил его мысли директор клиники.

Абу Джабр обернулся, оглядел директора и попытался вспомнить, как его зовут. Тщетно, как и в большинстве случаев, когда он имел дело с западной публикой.

– Ас-салааму 'алайкум, – сказал он простоты ради. Это всегда уместно.

– Ва'алайкум ас-салаам, – ответил седой господин почти без ошибок и наклонил голову.

Абу Джабр ещё при первой встрече по прибытии сюда спонтанно почувствовал к нему симпатию: приветливый, опытный и открытый человек. – Ну как, вы довольны?

Абу Джабр обозначил поклон.

– Я чувствую себя желанным гостем.

– Лечение вашего внука даёт хорошие результаты, я видел.

– Аль-шамдуллах, – пробормотал Абу Джабр, как надлежало, и продолжил: – Но на сей раз, в виде исключения, меня тревожит не здоровье моего внука, а события у меня дома. Вы наверняка о них слышали.

Директор клиники – как же всё-таки его зовут? – энергично закивал.

– О да, конечно. Я слушаю новости. Дела плохи. Надеюсь только, что положение скоро улучшится.

– Если захочет Аллах. – Абу Джабр указал на своеобразное, поблёскивающее серебром устройство на одной из крыш, назначение которого оставалось для него загадкой. – Скажите, что это за устройство вон на том здании?

– А, это наша маленькая солнечная электростанция. Она отапливает бассейн отделения реабилитации. И работает очень хорошо, хотя у нас тут, в Германии, солнца гораздо меньше, чем у вас в Аравии. – Он засмеялся. – Так что вам не о чем беспокоиться, мы и впредь будем зависеть от вашей нефти.

Абу Джабр удивлённо кивнул.

– Солнечные батареи я знаю. Но у этих совсем другой вид.

– Да, у этих другой принцип действия, – подтвердил директор клиники. – Но вот, я вижу, как раз идёт человек, который это сооружение построил и установил у нас. Он вам лучше меня расскажет, если вам интересно.

Абу Джабр обернулся. От парковки в их сторону шагал стройный, едва ли не аскетического вида человек. Он коротко поднял руку, когда увидел, что директор его заметил.

– Что, установка сломалась? – спросил Абу Джабр.

– Нет-нет, она действует безотказно. Он... – директор закашлялся. – Он приехал забрать вещи одного пациента, который неожиданно покинул нас пару дней назад. – Он простёр руки для приветствия. – Фридер! Как я рад вас видеть! Как дела?

Абу Джабр с признанием отметил, что главный врач из вежливости продолжал говорить по-английски. И подошедший к ним тоже немедленно перешёл на английский.

– Добрый день, доктор Ругланд. Мне очень жаль, что я не смог приехать раньше...

– Никаких проблем. Позвольте мне вас познакомить? Ваше королевское высочество, это Фридер Вестерманн, производитель солярного устройства, которое вас заинтересовало. Фридер, а это Абу Джабр Фарук Ибн Абдул-Азиз Ибн Сауд – надеюсь, я всё правильно запомнил?

Абу Джабр улыбнулся.

– Да. – Он пожал протянутую ему руку. – Очень рад.

– Это я очень рад, – ответил мужчина, которого звали Фридер Вестерманн. – Я полагаю, вас удивил в этом устройстве блеск серебра?

– Да, – подтвердил Абу Джабр. – Именно это.

– Все удивляются. Но я могу объяснить...

Доротeya поглядывала на Юлиана, который сидел за кухонным столом и старательно писал. Ей как-то не удалось скрыть от него, что у неё проблемы с ведением магазина, и вот он уже не первый час занят тем, что набрасывает для неё эскизы рекламных листовок. Трогательно. Ей хотелось обнять его и потискать, но вряд ли он одобрил бы эти телячьи нежности.

– Ну вот, я всё подсчитал, – оторвался он от бумаг. – При помощи тройного правила. Если машине на сто километров требуется 8 литров бензина, то за один километр она сжигает 0,08 литра. До супермаркета пятнадцать километров, в два конца будет тридцать. Тридцать умножить на 0,08 будет 2,4 литра. Если литр стоит 1,42 евро, то экономия, если покупать не в супермаркете, а в твоём магазине, составит 3,41 евро. Вот это ты и должна объяснить людям! Это значит, что если даже у тебя они заплатят за покупку на 3 евро больше, чем в супермаркете, они всё равно оказываются в выигрыше.

Доротeya удивилась. Столько стоит поездка в супермаркет? Об этом она и сама никогда не задумывалась.

– Ты прав, – сказала она. – Я должна им это объяснить.

Юлиан великодушным жестом протянул ей листок.

– На. Можешь пересчитать, если хочешь.

– О, твоим расчётам я вполне доверяю. – Учитель математики возлагал на её сына большие надежды.

– У папы Симона, – вспомнил он, – знаешь, какая у него машина? Такая, что расходует

двенадцать литров. Это мне Симон рассказывал. Так он бы сэкономил ещё больше. Только он живёт не у нас в деревне, а в Блаукирхе.

Доротeya перевернула листок. На обратной стороне был распечатан какой-то текст, из статьи или вроде того, по-английски.

– А что это за бумага, на которой ты пишешь? – спросила она с нехорошим предчувствием. – Откуда она у тебя?

Юлиан испуганно посмотрел на неё.

– А что?

– Ну, ведь... – Она взяла другие листки, перевернула их. Диаграммы. Предложения – такие как «Super-K-zones have often been described as horizontal lenses». – Это похоже на что-то важное. Надеюсь, ты взял это не в кабинете у отца?

– Нет. Мы нашли это в подвале.

– В подвале?

– Да, недавно, когда здесь были Симон и Оливер. Целую коробку. Она стояла в старом шкафу в комнатке за котельной, там, где кирпичные стены, а потолок круглый, помнишь?

– Сводчатый, – поправила Доротeya. С тех пор как они въехали, у неё никак не доходили руки прибрататься в старом подвале.

– Я думал, эта бумага уже никому не нужна, – сказал Юлиан, надув губы.

– Можно подумать, в доме больше нет бумаги. – Она смотрела на лист, видимо, титульный. «The imminent collapse of the Ghawar oilfield as a result of long-term overproduction». ³⁵ – И где эта коробка теперь?

– В моей комнате.

Под заголовком стояли имена авторов: Дэвид Барнс. Гиоргос Лефтакис.

И Ахим Анштэттер.

У Доротей подкосились ноги.

– Принеси сюда.

– Явно пробные оттиски, – сказал Вернер. Он осторожно перебирал стопку бумаги из отсыревшей картонной коробки. Страницы повторялись; титульный лист попадался ему уже несколько раз. – Разные версии одной статьи или доклада, над которым работал и Анштэттер.

Доротeya стояла у раковины, обхватив себя руками. Ей было зябко.

– Значит, он инженер или ещё какой-то специалист по нефти.

– Похоже на то.

– Доклад, который предвещает крах какого-то нефтяного поля, если я правильно поняла.

– М-м-м. Да.

Доротeya сделала глубокий вдох – как будто через силу.

– Ты видел дату в нижней строке?

– Конечно.

– Он написал этот доклад и сразу после этого выставил свой дом на продажу. Этот дом, на который уходит столько мазута, будто у него дыра в топливном баке.

Вернер посмотрел на неё укоризненным взглядом, говорящим о том, что жена явно преувеличивает.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал он подчёркнуто спокойно. Почти так, как разговаривают психиатры. – Ты думаешь, Анштэттер, будучи инженером-нефтяником, узнал, что нефть на исходе, и после этого быстренько нашёл глупца, которому и продал этот дом. – Он отрицательно помотал головой, быстро, пока она не успела ему возразить. – Но, Доро, это чепуха. Речь тут идёт о каком-то конкретном, единичном нефтяном поле. Таких полей тысячи. Каждую неделю какое-то из них теряет производительность. Зато разведывают другое. Ничего необычного. – Он потряс листами, которые держал в руке. – Такие отчёты пишем и

---

³⁵ Объяснение этой фразы см. в тексте на стр. ³⁵³⁵

мы. Это происходит, ну, я не знаю, когда речь идёт, например, об усталости металла в определённых деталях мотора, но если такой отчёт прочитает неспециалист, у него сложится впечатление, будто мы строим моторы, которые могут в любой момент взорваться. Такие отчёты рассматривают частные проблемы сквозь лупу, – надо быть осведомлённым, чтобы правильно позиционировать их. А в нефтяной отрасли мы с тобой оба профаны.

Всё это звучало вполне разумно. Только её недоброе предчувствие не поддавалось доводам рассудка.

– Всё моё детство я слышала, что нефти хватит только до 2000 года. Может, вот оно и наступило, это время?

Вернер снисходительно посмотрел на неё.

– Извини, конечно, но твой отец был в этих вещах несколько... как бы это сказать...

– Это говорил не только мой отец. Все так говорили. Даже в школе нас так учили. – Она решила высказать всё, что и без того витало в воздухе. – Этот звонок тогда, помнишь? В тот день, когда мы узнали об автокатастрофе Маркуса. Какой-то мужчина хотел говорить с Анштэттером. И когда я ему сказала, что мы новые владельцы...

– Доро! Но это же...

– «Быстро же он среагировал». Вот что он тогда сказал. Это многое выдаёт, ты не находишь?

– Знаешь, если честно, мне всё это кажется немного параноидальным.

Доротей не сводила с него глаз.

– Давай поедem к Анштэттерам и спросим у них.

– Мы даже адреса их не знаем.

– Ну, это, наверное, не проблема. В конце концов, человек, который продал им свой новый дом, тебе знаком, разве нет?

Вернер аккуратно сложил бумаги в стопку.

– Завтра я пороюсь в Интернете и посмотрю, как обстоят дела. Что означают все эти недомолвки, например. – Он взглянул на неё, и от него не ускользнуло, что она осталась недовольна. – Эй, послушай! Хотя цены на бензин и поднимаются, но это ещё не значит, что вот-вот наступит конец света, верно?

Глава 32

Движение было просто адское. Маркусу казалось, что он двигался в исключительно сложной компьютерной игре, и дело дополнительно осложнялось тем, что авария стоила бы ему не только денег, но и привела бы его в тюрьму. Он ехал предельно внимательно, стараясь двигаться чуть медленнее, нежели чуть быстрее. Ад. И хуже всего было то, что этот ад был в нём самом.

Накануне в Кливленде, в Интернет-кафе, он заглянул на веб-сайт университета штата Огайо. Развёрнутый, *state of the art*,³⁶ как обычно в американских университетах. Практически всё, что касалось административных вопросов, можно было оформить в режиме онлайн, был там и список *Alumni*, прежних выпускников, однако доступ к этому списку имели только сами бывшие выпускники. Он бился целый час, чтобы преодолеть эту преграду, и в конце концов отступился. Значит, в некоторых случаях онлайн не помогал. Требовалось пустить в дело личное обаяние.

В тот же вечер он поехал в Колумбус, езды было два с половиной часа. Заночевал в дешёвом отеле в пригороде и встал по будильнику, рано. И теперь, въезжая в город, спрашивал себя: то ли он просто не выспался, то ли гораздо хуже – ещё не выздоровел?

Территория университета штата Огайо в районе Верхний Арлингтон была обширной – проехать мимо, не заметив, было нельзя. Если верить указателю, где-то к северу был даже

---

³⁶ State of the art – современное состояние; здесь – современный.

аэропорт университета штата Огайо – ничего себе! Он припарковался и зашагал пешком, пробираясь сквозь толпу молодых людей, едущих на велосипедах или на роликах, через огромную, какую-то просто королевскую лужайку, испещрённую тропинками и окружённую учебными корпусами. Административный корпус был самым маленьким и старым, и только очутившись после долгих расспросов перед его дверью, Маркус сообразил, что сегодня суббота, выходной день.

Нет, он действительно был ещё не в форме.

Что же делать? Он изучал текстуру старой благородной деревянной двери и раздумывал. Ему не оставалось ничего другого, как ждать до понедельника. Открыто будет с восьми часов.

Две лишние, незапланированные ночёвки. С деньгами становилось туго. Но об этом ему сейчас лучше не думать. Повинуясь импульсу, он всё-таки нажал на ручку двери, и, о чудо, она поддалась.

Внутри, казалось, полным ходом шла не то инвентаризация, не то генеральная уборка. Из шкафов кто-то вынимал папки, громоздил их стопками, складывал в коробки, кто-то что-то пересчитывал и делал пометки в списке, кто-то готовил из плоского картона новые коробки...

– Кто, чёрт возьми, оставил дверь открытой? – крикнула женщина в карамельно-розовом брючном костюме, разворачиваясь к Маркусу. – Молодой человек, мы закрыты. В понедельник с восьми часов утра мы снова в вашем распоряжении...

– У меня только один вопрос, на который вы мне наверняка ответите с ходу, – быстро сказал Маркус.

– Да? И что же это за вопрос?

– Я ищу человека, которого знаю по фамилии и который учился здесь лет тридцать назад...

– Понятно, – язвительно перебила она. – Да, вы правы, на этот вопрос я действительно могу ответить с ходу. А именно: мы не даём справок о бывших студентах, разве что по судебному решению. Так что вам незачем ждать понедельника. А теперь извините, мы заняты, вы же видите. – Она повернулась к прыщавому юнцу, толкавшему к двери тележку, гружённую коробками. – Айзек, заберите его с собой и запирайте дверь снаружи, о'кей?

Доротeya смотрела новости, хотя она ненавидела их смотреть. Но оторваться от телевизора не могла.

Вчера вечером, после пятничной молитвы, обострились протесты против американских танков, введённых в Саудовскую Аравию, и ночью, конечно же, была стрельба и первые убитые. Сегодня уже полным ходом шли уличные бои, которые CNN в прямом эфире заботливо переносили в дома телезрителей. Таким образом, американская акция окончательно стала войной.

Время от времени передавали и другие новости, но все они – спорт, чудачества богатых и знаменитых, события в других странах – отошли на задний план. Стали второстепенными.

Одна новость касалась Китая. В своём выступлении на Совете Безопасности ООН китайский представитель назвал поведение США «замаскированным вторжением в суверенное государство» и очередной провокацией империалистов. А в Пекине председатель партии и государства принял военный парад, самый большой за последние двадцать лет. Кроме того, было проведено успешное испытание новой межконтинентальной баллистической ракеты. Китайский министр иностранных дел, как стало известно, завершил поездку по нескольким арабским странам. Неизвестно, о чём они там говорили, но, по слухам, Китай предлагал себя арабским государствам в качестве державы-гаранта. Комментатор огласил соблазнительную логику такого геополитического устройства: Китай не только географически находился к этим государствам ближе, чем США, но и исторически их отношения ничем не были отягощены. Пусть китайцы и не исповедуют ислам, однако они никогда не предпринимали крестовых походов против арабов.

Американский вице-президент прокомментировал эти слухи так:

– Да бросьте вы, китайцам тоже нужна только нефть! – что опять же вызвало

возмущение из-за словечка «тоже», которое вырвалось у него.

Ведь это соответствовало истине: Китай нуждался в нефти так же настоятельно, как США, а в стране было мало своих месторождений. Стремительный подъём китайской экономики увеличил и жажду нефти; в 2004 году Китай сменил Японию на месте второго в мире потребителя нефти. И Китай был не только ядерной державой, третьей в мире, но и содержал самую большую в мире – с большим отрывом – армию.

И снова и снова – нефтехранилища Рас-Тануры. Двести миллионов баррелей сырой нефти. Когда отремонтируют загрузочные терминалы, понадобится больше месяца, чтобы разлить всё это по танкерам.

Вернер спустился по лестнице, держа в руках несколько распечаток.

– Так, – произнёс он, – я тут нашёл ещё кое-какую информацию...

В это мгновение в кадре появился закутанный подросток: он сидел на крыше, прицеливаясь фаустпатроном в БМП «Брэдли». Именно сейчас. В это самое мгновение, только за тысячи километров отсюда.

– Ты подумай-ка, – прошептал Вернер, – и ведь выстрелит! Что же это у них за штука?..

Снаряд покинул противотанковый ручной гранатомёт и понёсся, оставляя за собой дымный шлейф, к БМП. Почти в тот же миг что-то сверкнуло из прибора в верхней части БМП, и снаряд взорвался, так и не долетев до своей цели.

Маркус раскрыл перед молодым человеком дверь, чтобы тот смог проехать со своей тележкой. И потом проследовал за ним наружу.

Айзек застенчиво улыбнулся.

– К сожалению, я всё равно должен запереть дверь.

– Конечно, – подтвердил Маркус. – У каждого свои обязанности.

– Тут вы правы.

Пока Айзек орудовал связкой ключей, Маркус разглядывал картонные коробки на тележке и спрашивал себя, не находится ли в одной из них личное дело Таггарда. Судьба иногда устраивает такие проказы.

– Скажите, Айзек, вы производите впечатление человека, который хорошо знаком со всей системой управления, – сказал он. – Можно вас спросить?

Айзек польщённо улыбнулся. У него были не только устрашающие прыщи, но ещё и кривые зубы. Собственно, впечатление, которое он производил, было в первую очередь страшным.

– Ну, честно говоря, знаю я не всё...

– Если я разыскиваю человека, который много лет назад учился здесь, какие есть возможности узнать, в какие годы это было и с кем вместе он учился?

Айзек осклабился.

– А он закончил университет?

– Да.

– Тогда есть одна очень простая возможность... – И он объяснил ему, какая.

Двадцать минут спустя Маркус стоял в библиотеке, которая по субботам, естественно, работала без перерыва до двадцати двух часов, и объяснял библиотекарше, что ему нужно.

Это было эфирно-воздушное создание с большими глазами и светлыми волосами, без сомнения, мечта двух третей мужского состава студентов.

– Ежегодники? – спросила она. – И за какие именно годы?

– За все, – сказал Маркус.

Когда они выключили телевизор, в гостиной воцарилась гнетущая, зловещая тишина.

– Итак, – сказал Вернер, раскладывая перед Доротеей на журнальном столике свои распечатки: листы с длинными колонками цифр, – SPE – это аббревиатура «Society of Petroleum Engineers». Это международная организация специалистов нефтяной индустрии с резиденцией в Ричардсоне, Техас. Похоже на то, что Анштэттер тоже член этой организации,

вполне может быть; в SPE состоят шестьдесят–семьдесят тысяч членов, и половина из них – не американцы. Распечатки, которые нашёл Юлиан, скорее всего, остались от одного доклада, который Анштэттер прочитал или собирался прочитать на мероприятии этой организации. Таких документов сотни, но выступить с ними может только член организации. И это Гхавар – большое нефтяное поле в Саудовской Аравии. Одно из восьмидесяти или девяноста, которые сейчас нещадно эксплуатируются.

Он положил ладонь на листы с цифрами и продолжил:

– А чтобы ты не беспокоилась, я раздобыл ещё несколько данных и проделал с ними несколько утешительных расчётов. Вот это – гарантированные резервы и ежегодная добыча всех нефтедобывающих стран, состояние на 2004 год. – Он пододвинул ей один лист. – В четвёртой колонке я разделил резервы на ежегодную добычу; получилось число лет, на которые ещё хватит нефти. В следующей колонке я прибавил это к 2004 году, так что видно, когда в какой стране кончится нефть. Смотри, вот пример. Первая строка. Египет. Годовое производство – 274 миллиона баррелей. Разведанные запасы – 3700 миллионов баррелей. Хватит на 13.5 лет, то есть нефть иссякнет, если они больше не найдут новой, в 2018 году. Так что им уже пора задуматься. Но таким странам, как Саудовская Аравия, ещё долго можно ни о чём не беспокоиться. Годовое производство 2500 миллионов баррелей, резервы 261 000 миллионов баррелей – хватит больше, чем на сто лет. У них нефть не закончится к 2018 году, видишь? Или Кувейт – там она кончится только в 2174 году.

Это звучало так успокоительно. Так безмятежно. Доротей разглядывала колонки, и ей очень хотелось, чтоб хотя бы часть этой безмятежности перешла на неё.

– А внизу я ещё раз всё суммировал, – продолжал Вернер. – Мировая добыча в год 22 693 миллиона баррелей, разведанные запасы 1 079 274 миллиона баррелей – это, кстати, свыше 170 триллионов литров. Хватит на 47,2 года. Это значит, что даже если не будет найдено новых месторождений, мы продержимся на старых запасах до 2052 года. – Он откинулся на спинку кресла. – Я бы сказал, что нам с тобой не о чем беспокоиться.

Он посмотрел на неё так, будто рассчитывал на благодарное одобрение. Доротей сплела руки на груди и сказала:

– Я просила тебя позвонить твоему другу Фолькеру и спросить у него адрес усадьбы, которую он продал Анштэттеру.

– Хорошо, но для чего? Ведь это бесполезно.

Она не сводила с него глаз. Он понял, что не бесполезно. Более того: этого ему не избежать.

Над читальным залом простирался лепной потолок, сквозь высокие окна с частым переплётом на столы падал мягкий, приятно приглушённый деревьями свет: всё казалось столетним. На самом деле библиотека была построена совсем недавно.

Маркус сложил стопкой первые тома ежегодников в кожаных переплётах и принялся листать их с напряжённым вниманием. Он просматривал фотографии юношески незрелых лиц, читал под ними имена, скупые биографические данные и то шуточные, а то серьёзные примечания о хобби и планах на будущее, намёки на проделки, должно быть, легендарные в своё время. Он не мог позволить себе пропустить ни одной страницы. Он должен был взглянуть в каждое мужское лицо, прикидывая, могло ли оно спустя годы выглядеть так, как лицо того мужчины, напротив которого он сидел за садовым столом в Саудовской Аравии.

Он начал с ежегодников, подходящих к возрасту Таггарда, который он оценивал тоже лишь приблизительно. Не найдя его в текущей книге, он переходил на предыдущий и последующий годы.

То был поистине геркулесов труд. Скоро маленькие фотографии заплясали у него перед глазами, и ему пришлось выйти, чтобы вдохнуть свежего воздуха и выпить кофе из автомата. И снова вернуться на место. И продолжить поиск.

И вот наконец...

Да, это был он. Его настоящее имя было Верной Дж. Смит, и он оказался моложе, чем

ожидал Маркус. Видимо, служба в ЦРУ изнашивает человека быстрее, чем следует.

Маркус вышел в туалет, кофе требовал своего. Он чувствовал облегчение, но, вернувшись за стол, уже не был настолько уверен в своей находке.

Продолжая листать, он через три страницы нашёл ещё одного человека, который выглядел так, как мог бы выглядеть в юности Чарльз У. Таггард. Некий Адриан Уитон.

Что дальше? Он заложил бумажками найденные страницы и продолжил поиск. Он пролистает все ежегодники, какие есть, а какой ещё выход? Времени у него до двадцати двух часов. И если этого не хватит, то библиотека открыта и в воскресенье.

Осуществить это героическое решение на деле Маркусу не пришлось, потому что уже в следующем томе нашёлся Чарльз Уокер Таггард. Он сравнил его фото с предыдущими кандидатами и увидел разницу. Это, без сомнения, был тот самый мужчина, которого он встретил в Саудовской Аравии. Агент ЦРУ. И он оказался старше, чем оценивал его Маркус.

Он раскрыл свою записную книжку и стал переписывать имена однокурсников Таггарда и всё, что могло помочь в его розыске.

Боевые действия в Саудовской Аравии набирали силу. Исламские вожди и проповедники призывали к борьбе, причём теперь уже не только против «американских агрессоров», но и против королевского дома Саудов, которые уже давно продавали страну и её богатства «неверным». Полиция охраняла все дворцы, но поскольку дворцов было много, а наличный состав уменьшился, то отряды, представляющие государственную власть, не казались внушительными. Что именно происходило на улицах саудовских городов, понять на экране телевизора уже было невозможно. Беспорядки. Раненые. Убитые. Мужчины, грозящие кулаками. Люди в масках, вооружённые до зубов. Безоружные швырялись камнями. Разгорались пожары, взрывались бутылки из-под колы. И при этом танки третьей пехотной дивизии США упорно продвигались вперёд.

Поначалу репортёры западных СМИ передавали друг другу слухи, которые не отваживались включать в свои репортажи, настолько они казались недостоверными. Потом появились картинки, показанные в открытую всеми телевизионными компаниями, даже «Аль-Джазирой»: семейство Саудов, то есть королевский дом, бежало из страны, носившей его имя.

Все увидели, как король поднимается в самолёт, покидающий Эр-Рияд в неизвестном направлении. Прочие знатные члены семейства последовали за ним – кто в маленьких бизнес-самолётах, кто в больших боингах, которые, как выяснилось, принадлежали им. Ни одному репортёру не удалось подойти к выходу на посадку ближе, чем на пятьдесят метров, и из официальных источников не последовало никаких комментариев.

– Смешно, – сказал Абу Джабр. – Подлая пропаганда западных СМИ. Абсурд. Абсолютно немыслимо. Кто может поверить их басням?

В конце концов, он смолк. Потрясённый, поскольку картинки не прекращались.

– Саид предупреждал меня, – тихо произнесла Васима. – Он сказал, что такое может произойти.

Абу Джабр посмотрел на свою невестку.

– Что именно? Что на нас обрушат такую ложь?

Васима потупила взгляд.

– Нет. Он сказал – может так случиться, что нашей семье придётся бежать. Он даже считал, что это весьма вероятно.

– Что? Но... Как он мог дойти до такого?

– Он уже несколько лет твердит, что господство королевской семьи продержится недолго. – Она встретила его взгляд и продолжила: – И большинство думают так же, как он. Потому они и жили так – будто нет никакого завтра.

Абу Джабр невольно закашлялся.

– Как Саид мог дойти до таких мыслей?

– Он говорит, что дом Саудов покупает свою власть. Простите, Абу, это его слова. Мы бросаем народу столько денег, сколько можем, сказал он, но народ становится всё недовольнее и считает, что мы недостойны руководить страной, охраняющей священные города. Мы даём им деньги, и они пока молчат, но как только иссякнет нефть – откуда брать деньги?

– Нефть? Но... ведь она ещё течёт.

Васима достала ключ и протянула его Абу Джабру.

– Это ключ от имения в Марокко. Саид называет его «наше соколиное гнездо». Он сказал, если... случатся непредвиденные вещи, которые помешают нам вернуться, то мы должны ехать туда.

– В Марокко?

– Это имение находится в горах. Там очень хорошо, сказал Саид. Правда, там я никогда не бывала.

– Крепость для бегства?

– Да.

Абу Джабр взял ключ, сжал в ладони холодный металл.

– Так вот в кого превратила нас нефть. В лишённых совести, одуревших от роскоши люмпенов. Жалких беженцев, которым теперь приходится покидать собственную родину.

Остаток дня Маркус провёл в Интернет-кафе, где имелись и закрытые телефонные будки.

Удалось отыскать нескольких однокурсников Таггарда. Миф, который рассказывал Маркус в обоснование своего звонка, гласил: мужчина, о котором он знает только то, что его зовут Чарльз Таггард и что тот учился в университете штата Огайо, помог ему, когда он перевернулся на машине в пустынном месте. Благодаря его помощи он сделал бизнес своей жизни и вот теперь разыскивает этого человека, чтобы отблагодарить его и вернуть ему положенную долю. Не поверил в этот миф лишь один человек, объяснив, что не видит причины отвечать незнакомому человеку по телефону на вопросы личного характера, и положил трубку. Все остальные были в восторге от этой истории, с готовностью рылись в своей памяти или в старых записных книжках, и, да, он всегда с готовностью приходил на помощь, Чарльз Таггард.

– Если бы не он, я бы вылетел ещё на первом курсе, – поведал один. – Вообще приятный человек. Изрядного ума, получал отличные оценки. Вот только с женщинами ему не везло, трагически. Будто над ним тяготело какое-то проклятье.

Но никто при этом не знал, где он живёт. Все отвечали, что, к сожалению, давно потеряли с ним контакт.

Один знал, что по окончании учёбы Чарльз Таггард устроился в какую-то консалтинговую компанию. «Евроконтакт» или что-то в этом роде. Но это, правда, было уже давно.

Другой, однако, вспомнил, что родители Таггарда жили в Блумингтоне, в соседнем штате Иллинойс.

– Разумеется, я не знаю, живы ли они ещё, – уточнил он, листая старую адресную книжку. – То есть им ведь уже лет за восемьдесят. Но, с другой стороны, это вполне реально, да? Мой отец ещё жив, а ему девяносто один. А, вот, я нашёл. Действительно. К сожалению, только адрес.

– Это поможет мне в дальнейшем поиске, – сказал Маркус.

– Хорошо. Есть у вас чем записать?

– Я готов.

После этого звонка Маркус вернулся к компьютеру и порылся в телефонном справочнике Иллинойса. Нашёл: адрес ещё существует, есть и телефонный номер.

Он позвонил, но трубку никто не снял.

Ничего. Он поедет туда. Он дал задание дорожной компьютерной программе составить

ему план поездки. Она займёт ровно семь часов. Хорошо, тогда завтра к вечеру он уже сможет быть на месте. Как раз вовремя, чтобы попроситься на кофе с пирогом, если повезёт.

Глава 33

До усадьбы Анштэттера им пришлось ехать двести километров. Она находилась среди лесистой, довольно безлюдной местности севернее Штутгарта. Друг Вернера Фолькер прислал ему по и-мейл описание дороги, оно содержало такие, например, пассажи: «На выезде из этого местечка установить счётчик дневного пробега на 0; когда на счётчике будет 2,1, свернуть направо и ехать по просёлку километра 2».

До просёлка они добрались, но там не было ни таблички, ни указателя, ни ящика для писем. Трясаясь по ухабам на заросшей травой колее, Доротея спрашивала себя, каким же образом человек, живущий на таком отшибе, получает почту. Уж на газеты Анштэттеры наверняка не подписываются.

– Хорошо, что мы поехали на джипе, – сказал Вернер.

– Да, – кивнула Доротея. – Но как же его дети добираются до школы?

Километра через два лес неожиданно расступился. Дорога повела через большое запущенное поле, на котором не росло ничего, кроме бурьяна. Над полем висел лёгкий туман. Дорога шла под уклон, в низину, сформированную, видимо, ручьём, и на середине этого склона стояла усадьба, обнесённая оградой.

Она состояла из нескольких строений: пары древних хижин из каменного лома, крытых гонтом, с крохотными окошками, одного большого нового дома, деревянного сарая и двух теплиц. И кроме того...

– Смотри-ка, – сказал Вернер, – он сделал себе автономное электропитание.

Кровли дома и сарая были целиком покрыты панелями солнечных батарей. Не того типа, что производил Фридер, но всё же. В настоящий момент бездействующие – из-за пасмурного неба, – эти приборы странным образом усиливали отталкивающее впечатление, которое производила усадьба. Казалось, всё здесь говорило: «Отстаньте, вы мне не нужны».

Они остановились перед воротами, сбитыми из бруса и усаженными поверху железными шипами. Пахло навозом, под ногами была грязь. Где-то хрюкала свинья, а когда Вернер дернул за верёвочку, приводящую в движение настоящий старинный колокольчик, испуганно закудахтали куры.

– О Боже, какой ужас! – пробормотал он. Доротея показалось, что ему не по себе.

По дороге сюда они спорили, как начать разговор. Вернер искал пути, как объяснить их внезапный приезд – ибо, по настоянию Доротеи, они не предупредили о нём заранее – и как подойти к вопросу, который ими двигал, а именно: почему Анштэттеры *на самом деле* продали свой дом? Доротея же, напротив, была за то, чтобы начать без обиняков. Поэтому именно она несла под мышкой коробку с бумагами, найденную Юлианом.

Бумаги были тут уже не все. Те, что Юлиан исписал, они оставили себе, а ещё полную распечатку всего доклада.

Послышались шаги. Открылось смотровое оконце, и в нём показалась голова Ахима Анштэттера, подстриженная так коротко, что от волос осталась только тень на черепе.

– О! – воскликнул он. – Это вы?

– Мы кое-что нашли в подвале, это ваше, – сказала Доротея, указывая на коробку. – И решили привезти.

– Подождите, я открою. – Вид у него был отнюдь не обрадованный.

Ворота заскрипели. Во дворе стоял невзрачный грузовик, а рядом телега. Вокруг жужжали мухи. За штaketником лошадь пережёвывала сено и смотрела в их сторону, будто только того и ждала, что её запрягут. На помосте лежал плуг, лемехами вверх.

И стояли бочки для дождевой воды. На каждом углу по бочке.

– Автономно вы, однако, здесь устроились, – сказал Вернер, пожимая Анштэттеру руку. Жилистый мужчина в грязном комбинезоне тонко улыбнулся.

– Назад к природе, мой девиз.

Разговор грозил перейти в благожелательный трép. Пора уже было проявить немного враждебности.

– Господин Анштэттер, – начала Доротея, – мой сын нашёл эту коробку в подвале. Мы посмотрели эти бумаги и хотели бы знать, что они означают.

Анштэттер пожал плечами.

– Ну, я теперь и не помню, что за бумаги...

– Наброски доклада о нефтяном поле. Мы их прочитали и разошлись с мужем во мнениях. У меня такое впечатление, что вы, будучи инженером-нефтяником, узнали, что нефть в скором времени станет непомерно дорогой, и стали искать дурачка, который купит у вас дом с дорогим отоплением. Одним словом, нас...

– Доро... – ощущая мучительное неудобство, пролепетал Вернер.

Мужчина помедлил, затем сказал:

– Не хотите ли зайти в дом? Там будет удобнее говорить. А это всё довольно трудно объяснить.

– Время у нас есть, – ответила Доротея.

– Как скажете, – кивнул Анштэттер.

Он провёл их в одну из каменных хижин, что-то вроде кухни или хозяйственного помещения. Тёмные, затхлые бочки штабелем громоздились у стены, на верёвке висели пучки сушёных трав, а у мойки сушились стеклянные банки для домашнего консервирования. Скамья и стол были сколочены из грубых досок давным-давно.

– Это верно, я был инженером-нефтяником, – подтвердил Анштэттер, когда Доротея вручила ему коробку с бумагами.

– И поэтому вы знаете, что нефть будет дорожать?

Тема была ему явно неприятна.

– Скажем так, у меня есть теория. Которая побудила меня изменить мою жизнь... *Нашу* жизнь, поскольку это касается и моей семьи... И я решил рискнуть, бросить всё и начать с начала.

Доротея стало тревожно. Что-то он ходил вокруг да около.

– Господин Анштэттер, почему вы продали дом?

– Там бы у меня этого не получилось. Вы же видите.

– Потому что нужно слишком много топлива?

– Это лишь одна деталь. Там и земля неподходящая, на ней ничего не растёт, кроме травы. И прикупить земли нельзя, потому что вокруг – заповедная зона. – Он поставил коробку на стол, посмотрел на неё и заговорил тише. Почти виновато. – Мне нужны были деньги, чтобы купить нечто вроде этой усадьбы. Я требовал от маклера, чтобы всех потенциальных покупателей он предупреждал о недостатках дома. Он уверял меня, что вас он тоже о них предупредил.

– Да, – кивнул Вернер. – Он предупреждал.

– Но это прозвучало бы иначе, если бы он сказал, что нефть подорожает, – добавила Доротея. Лишь бы не сползать в доброжелательный тон. Вернер снова кивнул, не желая никого обидеть.

– Сомневаюсь, что мне удалось бы заставить его сделать это. Кроме того, это только теория. Даже мы, авторы, не смогли прийти к единому мнению, насколько серьёзно к этому относиться. – Анштэттер включил тусклую электрическую лампочку, висевшую над столом, и поднял крышку коробки. – Под конец я работал в Саудовской Аравии, на королевскую нефтяную компанию «ARAMCO». Там хорошо зарабатывают. Но для этого вы должны подписать договор, который запрещает вам разглашать информацию об отдельных нефтяных полях. Статистика – государственная тайна. Если хочешь прочитать доклад, написать статью или что-то такое, ты должен предоставить текст комитету при «ARAMCO» и еще в одно место в саудовском министерстве нефти, и они вычеркнут всё, что может указывать на какие-то конкретные географические детали. Когда я отказался вычеркнуть название нефтяного поля,

вышла ссора, и я решил уйти.

– Гхавар? – спросил Вернер.

Анштэттер кивнул.

– Кстати, произносится не так. Сочетание «гх» в арабской транскрипции произносится как гуттуральное³⁷ «р». – Он продемонстрировал, закатив звук далеко в гортань. – Не спрашивайте, почему, система идёт от англичан. Как бы то ни было, поле называется Равар.

Едва услышав это слово, Доротея вспомнила:

– О, тот звонок!

Мужчины посмотрели на неё с недоумением.

– Что-что? – спросил инженер-нефтяник.

– Некоторое время назад звонил человек, он хотел поговорить с вами. На ломаном немецком. Имени не назвал, но просил передать вам, что вы были правы. И потом он сказал, что *Равар* на последнем издыхании. – Она посмотрела на Анштэттера. – Он имел в виду нефтяное поле, не так ли?

– Да.

– А я тогда подумала, что речь идёт о человеке. И у меня не было номера вашего телефона.

Анштэттер потёр шею.

– Это мог быть только Гиоргос. Один из моих соавторов, киприот. Он остался в Саудовской Аравии. Наши расчёты казались ему чистой спекуляцией... Вы не помните, когда это было?

– Помню. Это было в тот день, когда я узнала об аварии моего брата. Четырнадцатого сентября.

Анштэттер задумчиво смотрел себе под ноги.

– Тогда это уже не теория, – сказал он. – Тогда случилось то, чего я и боялся.

Далёкое прошлое

Мысль, что нефть когда-то кончится, не нова. Она сопровождает человека с тех пор, как он впервые нашёл нефть.

Первые промышленно эксплуатируемые источники в Пенсильвании истощились быстро. Учёные, пересчитав опытные данные первых десятилетий и приложив их к месторождениям, известным в 1920 году, пришли к чрезвычайно пессимистическому прогнозу относительно нефти как источника энергии.

Но едва эта дискуссия началась, как в восточном Техасе, а позднее в Персидском заливе открыли нефтяные поля столь гигантских размеров, что все прогнозы оказались просто смешными. Нефтяная индустрия бурно развивалась, потребление нефти росло, но каждый год находили нефти больше, чем были в состоянии добыть. И тот момент, когда все это может кончиться, больше не просматривался.

Человек, которому предстояло выяснить, как на самом деле рассчитать будущее нефти, родился в октябре 1903 года в Техасе, неподалёку от центра тогдашней нефтяной индустрии. Его звали Марион Кинг Хубберт. Ещё ребёнком его притягивали такие предметы, как телефон или паровая машина, и он решил выбрать себе научную карьеру. Он изучал геологию, математику и физику в Чикаго, а в 30-е годы увлёкся геофизикой в университете Колумбия, Нью-Йорк. Попутно он работал на Геологическую службу США, пока в 1943 году не возглавил исследовательскую лабораторию компании «Shell». В 1964 году он снова вернулся в Геологическую службу, на руководящий пост, который покинул лишь в возрасте семидесяти трёх лет.

Первым из его многочисленных вкладов в геофизику в 1937 году явилось

---

³⁷ Гуттуральное – занёбное.

математическое доказательство, что каждая порода, даже самая жёсткая и пористая, под достаточно высоким давлением может течь, то есть проявляет свойства приблизительно как у глины или грязи. Тем самым он разрешил парадокс относительно твёрдости породы, из которой состоит земная кора, являвшийся предметом долгих споров. В 50-е годы он нашёл доселе неизвестные геологические констелляции, которые под землёй могли заключать в себе жидкость. Это привело к развитию совершенно нового способа разведки и добычи нефти.

Однако самое значительное его открытие уходило корнями ещё в 1926 год. Тогда, будучи студентом в Чикаго, он выяснил, что добыча из типичного источника следует кривой в виде колокола. То есть совсем не так: пробуриваются в нефтяное поле, откачивают определённое количество нефти и прекращают, когда нефти больше нет. Нефтяное поле не походило на резервуар.

На самом деле эксплуатация нефтяного поля протекает следующим образом: вначале нефть находят, но пробными бурениями можно добыть лишь ограниченное количество. Однако при этом картографируют всё нефтяное поле и бурят следующие скважины, так что добыча возрастает; ещё и потому, что в первую очередь эксплуатируют те источники, которые легче освоить. Но с какого-то момента это становится труднее. Добываемое количество начинает снижаться, хотя бурят дополнительные скважины. Потом добыча останавливается, хотя нефть в земле ещё есть, но доставать её становится экономически невыгодно, а то и технически неосуществимо. Есть месторождения, из которых смогли извлечь лишь 40 процентов наличной нефти, а то и меньше.

Кривая, которую вывел М. Кинг Хубберт, была сходной для всех нефтяных полей, которые он обследовал. Разумеется, для большого нефтяного поля она была больше; разработка длилась дольше и достигала больших показателей. Но основная, математически описанная форма была всегда одной и той же.

И максимум добычи достигается, когда добыта ровно половина нефти, имеющейся в поле.

В 1949 году ему бросилось в глаза, что и разведка в целом следует той же кривой. Он взял за основу расчётов статистику известных запасов нефти и газа в мире, а также о растущем круто вверх их потреблении и на одной конференции American Petroleum Institute в 1956 году сделал прогноз, что добыча нефти в США, тогда самом крупном в мире производителе нефти, перешагнёт свой максимум между 1966-м и 1972-м годами, а потом снова начнёт падать.

Этот прогноз был встречен в штыки. Большинство специалистов считали, что такие прогнозы вообще невозможны.

Однако М. Кинг Хубберт оказался прав. В декабре 1971 года добыча нефти в США достигла своего максимума и с тех пор падает. Эта тенденция оказалась необратимой, вопреки всем стараниям: поля, которые ещё находили, были всё меньше, добываемые объёмы – тоже, зато затратность добычи повышалась. В 1975 году National Academy of Sciences подтвердила расчёты Хубберта и отрёклась от своих собственных, более оптимистичных, прогнозов.

Хубберт между тем вычислял момент максимума глобальной добычи. Это намерение было сопряжено с большими неопределённостями, чем поиск максимума для США, поскольку остальной мир был и остаётся разведан не так подробно, как американские нефтяные поля. Хубберт пришёл к выводу, что глобальная кульминация добычи нефти, «пик нефти», придётся на период между 1990-м и 2000-м годами. Сам же он умер в 1989 году.

Это предсказание не подтвердилось. Осенью 2000 года мировая добыча нефти всё ещё росла, следуя при этом – из-за политических влияний и биржевых кризисов – кривой, которая лишь при развитой фантазии могла походить на кривую Хубберта.

Однако в 2001 году общая добыча нефти оказалась ниже, чем в предыдущем. А в 2002 году ниже, чем в 2001-м.

В 2003 году США напали на Ирак, диктатор Ирака Саддам Хуссейн был свергнут, и доступ американцев к закрытым на тот момент иракским запасам нефти в 115 миллиардов баррелей, по величине третьим в мире, снова снял напряжение.

Потребление нефти по-прежнему с каждым годом растёт. Ещё не было года, в который

потребление оказалось бы ниже, чем в предыдущий.

Настоящее

Анштэттер принёс бокалы и два кувшина, из которых налил им холодного, прозрачного белого вина и воды.

– Что именно вас так испугало? – спросила Доротея.

– Что с полем Равар случится коллапс.

– Что это значит?

Инженер-нефтяник достал несколько отпечатанных листов, потом снова положил их назад.

– Для этого я должен сначала объяснить вам, как добывают нефть в Саудовской Аравии. Полагаю, вы знаете, как выглядит буровая вышка – этот непрерывно кивающий железный динозавр? Такие и в Германии встречаются, в Шварцвальде, например. Ну, в кино-то вы их точно видели.

Вернер кивнул.

– В фильме с Джеймсом Дином. «Гиганты».

– Похоже на то, – согласился Анштэттер. – Однако в Саудовской Аравии нет ни одной такой вышки.

– Интересно... А как же они добывают нефть из-под земли?

– Она там под давлением и сама вытекает наружу. Нефтяная скважина в Саудовской Аравии – просто труба, которая торчит в земле и перекрывается вентилем. И действующих скважин не так уж много – по моей оценке, меньше двух тысяч. Все они соединяются с системой нефтепроводов общей длиной 17 тысяч километров, по которой нефть направляется прямым путем к обогатительным установкам, нефтеперегонным заводам или в порты погрузки. Невероятное сооружение, если вы его увидите.

Доротея хотела возразить, что это уводит их слишком глубоко в детали, но Вернер, совершенно зачарованный (технарь он и есть технарь!), опередил ее:

– А давление, откуда берется давление? Ведь его, наверное, создаёт газ. Как удаётся его поддерживать? Если я правильно припоминаю, некоторые арабские нефтяные поля эксплуатируются довольно долго.

– «Довольно долго» – это мягко сказано. Девятнадцать процентов саудовской нефти добывается всего с шести полей, и все они уже эксплуатируются как минимум тридцать лет. Фактически в Саудовской Аравии после 1967 года не было разведано ни одного поля, заслуживающего упоминания, – сказал Анштэттер. – Чтобы поддерживать давление в месторождениях, туда закачивается вода.

– Вода?

– Морская вода. Из Персидского залива. Водозабор на побережье называется Курайях и является самым крупным из подобных сооружений в мире. Он берёт из моря свыше миллиарда литров воды в день, чтобы закачивать её в саудовские месторождения нефти. Больше нигде в мире такой системы нет.

Вернер был в восторге. Даже слишком, по мнению Доротеи.

– И всё получается? – воскликнул он.

– Под нефтеносными пластами, как правило, так и так залегают вода, которая давит вверх. Она и создаёт часть давления. Другая часть обусловлена газом, который скапливается поверх нефти.

– Извините, – вмешалась Доротея, – но я пока что поняла лишь одно: саудовские арабы вполне умеют управляться с нефтью.

Анштэттер кивнул.

– Они там профи, спору нет. Проблема в том, что хозяева страны – не профи.

– Хозяева редко бывают профи, – заметила Доротея.

Вернер достал из коробки верхний листок. На нём стояло название доклада.

– «The imminent collapse of the Ghawar oilfield as a result of long-term overproduction», – прочитал он вслух. – Что это значит? «Предстоящий коллапс...» – хорошо, вы говорите, если ваш друг звонил из-за этого, то коллапс уже случился. А «как результат продолжительного перепроизводства» – что это значит?

– В конце девяностых, помните, резко упали цены на нефть? Поскольку в наши дни и Саудовская Аравия не может отказаться ни от доллара выручки, нефти тогда добывалось больше, чем могли выдержать нефтяные поля. – Анштэттер сцепил пальцы. – Видите ли, нефтяное поле – это не резервуар. И не подземное озеро. Нефть находится в пористом слое породы, и добываемое количество зависит от того, насколько проницаем этот слой – то есть как быстро в нём продвигается нефть. Чем проницаемее слой – тем доступнее в нём нефть.

– Хорошо, – сказал Вернер. – Но ведь саудовские поля не являются в этом смысле чем-то особенным?

– Ещё как являются. – Инженер-нефтяник, превратившийся в крестьянина, поискал листы с иллюстрациями и выложил их перед Вернером. – Поле Равар состоит из слоя породы Араб-Д, образовавшегося ещё в юрский период. Он подразделяется на четыре зоны, из которых зона 2-Б действующая. Она не только содержит нефть «Arab-Light-Crude» высшего качества, но и необычайно пористая, а также необычайно проницаемая. Маленькое геологическое чудо. Проницаемость обозначается в формулах буквой «К». В зоне 2-Б есть области такой высокой проницаемости, что правомерно введение понятия «Супер-К». Эти пласты в десятки, в сотни, а то и в тысячу раз проницаемее, чем вообще могут быть. Вот уже тридцать лет геологи и эксперты по месторождениям, в том числе и я, пытаются понять, что это за зоны Супер-К. Однако это так и остаётся загадкой. Но именно этим зонам саудовские нефтяные поля обязаны своими необычными свойствами.

Доротея потирала виски и размышляла, как ей остановить эти разглагольствования. Ведь они ни к чему не вели.

– Зона Супер-К – это почти резервуар, – продолжал Анштэттер. – Нефть может вытекать оттуда почти с любой скоростью – хотите быстро, хотите медленно. Вы даже можете временами закручивать вентиль, когда набрали достаточно, и открывать его, когда вам снова понадобится нефть. Большинство других нефтяных полей вам бы этого не простили. А Равар – поле с самыми большими и самыми лучшими слоями Супер-К. Только поэтому саудовцы могли все эти годы поднимать своё производство и снова уменьшать, когда требовалось.

– Тогда я не вижу, в чём проблема, – сказал Вернер.

«Я тоже не вижу», – подумала Доротея.

– Изначально мы с соавторами собирались, – серьёзно начал Анштэттер, – разработать метод, который бы помог отобразить прохождение зоны Супер-К внутри зоны 2-Б, при помощи сейсмологических исследований, компьютера, визуализации и так далее. При этом мы столкнулись с тем, что в некоторых местах вода была близка к тому, чтобы попасть в зону Супер-К. – Он смолк, как будто рассчитывал на аплодисменты.

– Вода? – непонимающе повторил Вернер.

– Да. Закачанная морская вода. Её нагнетали к нефтеносным пластам, чтобы повысить добычу, явно плотнее, чем прежде. И она была уже близка к тому, чтобы коснуться суперпроницаемой зоны.

– А это нехорошо...

– Совсем нехорошо. Если зоны Супер-К сверхпроницаемы для нефти, то уж для воды и подавно. У воды куда меньшая вязкость, поэтому она поневоле перегонит нефть по пути к скважине, а если это произойдёт, то оставшаяся нефть, считай, становится недоступной. Вода загородит ей выход.

Вернер медленно кивнул.

– Понятно. Но ведь при необходимости можно пробурить и новые скважины, так?

– На практике это несколько сложнее, чем я объяснил, – сказал Анштэттер. – Пласты Супер-К то и дело перемежаются нормальной породой... Это приведёт к тому, что оставшаяся нефть разделится на бесчисленные мелкие пузырьки. Пара литров тут, бочка там – к каждому из

этих резервуаров вам придётся буриться по отдельности. Можете забыть про это.

– Вы полагаете, именно это и случилось? – перебила Доротея, чтобы наконец подвести итог.

Анштэттер поник головой.

– Мы настойчиво советовали им прекратить закачивать морскую воду и снизить производительность. Это дало бы возможность нефти, склонной к более высокому сцеплению, чем вода, собраться и образовать род защитного слоя. Примерно так, как олифят дерево, чтобы сделать его водостойким. Но об этом никто и слышать не хотел.

– И как же такое могло не попасть в новости? – рассуждал Вернер. – Ведь там так много говорят о Саудовской Аравии.

– Думаю, они скрывали это сколько могли. – Инженер-нефтяник разглядывал свои мозолистые руки. – Само бегство семьи Саудов... Уже это странно.

Доротея нервно щёлкала костяшками пальцев.

– Боже мой! – воскликнула она. – Может, хоть кто-нибудь из вас объяснит мне сейчас в двух словах, что всё это означает практически?

Анштэттер посмотрел на неё.

– В двух словах? Что ж, извольте. Это означает начало конца нефтяной эры.

В его голосе было что-то, повергшее Доротею в ужас.

– А это что означает?

– Ну, это несколько преувеличено, не так ли? – глухо произнёс Вернер.

– Подумайте сами. – Анштэттер вдруг показался им очень усталым. – Нефть отапливает наши дома. На бензине ездят наши машины, грузовики, которые привозят в супермаркеты продукты, трактора, которые эти продукты добывают. Из нефти производят удобрения. Медикаменты. Пластик. Наша экономика функционирует только потому, что есть нефть, и потому, что она чёрт знает какая дешёвая. Если в этом хоть что-то изменится, всё рухнет. Именно это сейчас и произойдёт. Близится конец того мира, к которому вы привыкли.

– Вы говорите какую-то чепуху! – выкрикнул Вернер. – Извините. В мире есть ещё тысячи источников нефти, все они на разных стадиях эксплуатации. Нефть не может кончиться в один день.

– Я говорю не о нефти. Я говорю о дешёвой нефти. Разница как между небом и землёй. Дешёвая нефть очень даже может кончиться в один день. Вы правы в одном: в мире есть тысячи нефтяных полей. Их даже около 43 тысяч. Но, – сказал Анштэттер и подлил вина, – ни одно из них не может сравниться с Раваром. Равар – это самое большое нефтяное поле, когда-либо разведанное. Оно так велико, что поначалу думали, будто имеют дело с несколькими нефтяными полями. Поля Фазран, Хаин-Дар, Шедгум, Утманиях, Хавиях и Харадх – на самом деле лишь части Равара. Равар вдвое больше, чем Саарланд, и по прикидкам шестьдесят процентов всей нефти, когда-либо добытой в Саудовской Аравии, взяты из Равара. – Он посмотрел на Вернера. – Понимаете? Это не абы какое нефтяное поле. Без Равара богатой Саудовской Аравии крышка.

– Хорошо. И что? – Вернер достал из кармана несколько сложенных листков. – Что это изменит в общей картине? Уж не так много, чтобы из-за этого немедленно впасть в панику. – Он развернул свои листки. – Вот. Я тут кое-что посчитал. Это статистика по нефти за 2004 год. Согласно ей, нефти хватит до 2052 года. Без вашего Равара – может быть, до 2050-го или 2048-го. Всё равно это не причина, чтобы терять голову.

Анштэттер удостоил колонки цифр лишь беглого взгляда.

– Об этом можете забыть, – сказал он. – Всё это расчёты деревенской молочницы. Нефтяной бизнес функционирует не так просто.

– Ага. А как же?

– Во-первых, все данные об имеющихся запасах, которые дают страны ОПЕК, сомнительны и наверняка завышены. – Он сплёл руки на груди. – Страны ОПЕК на своих конференциях всегда бьются за более высокие квоты, потому что хотят собрать как можно больше денег. И важнейшим критерием в соглашениях картеля были резервы, которые может

предъявить страна. Чем больше резервы страны, тем выше её доля в согласованной общей добыче. Так что эти страны исправно рапортууют об открытиях, которых на самом деле не было. С 1983 года Ирак, например, дважды считает большое поле к востоку от Багдада – сразу рост на 11 миллиардов баррелей. К сожалению, лишь на бумаге, но кого это интересует? В 1985 году Кувейт удвоил свои общие резервы, просто так. Вы не найдёте ни одного инженера-нефтяника, который знает, где находится это новое супернефтяное поле. То же самое в Венесуэле, в Эмиратах, Иране, Саудовской Аравии... Вы должны вычесть из вашей суммы самое меньшее триста миллиардов баррелей. Это нефть, которой никогда не существовало.

Вернер в замешательстве смотрел на свои цифры.

– Ничего себе!

– Чтобы скрыть эту практику, ОПЕК с 1983 года вообще больше не публикует данные по отдельным нефтяным полям. В противном случае кому-нибудь пришлось бы в голову пересчитать. Я всегда удивлялся, почему это никогда не становилось темой обсуждения в новостях.

Доротейа оцепенела, полная судорожного испуга, под тяжестью которого сердце её еле билось. Она-то надеялась на безобидное объяснение. Она-то боялась неприятного. Но теперь она догадывалась, что действительность была намного хуже, чем она могла себе представить.

– И всё же, – не сдавался Вернер. Он достал калькулятор, который всегда носил с собой, и стал тыкать в кнопки. – Допустим, ваш Равар выпадает, и допустим, он действительно давал шестьдесят процентов саудовской нефти – тогда это всё равно означает снижение количества доступной нефти лишь на шесть процентов. Шесть процентов, я вас умоляю.

Анштэттер отрицательно покачал головой.

– Неважно, сколько процентов. Главное то, что как только Саудовская Аравия перестаёт быть *swing producer*, пик нефти достигнут, то есть глобальный максимум добычи нефти перейдён. В последние годы все нефтедобывающие страны производили максимум, какой могли. Кроме Саудовской Аравии. Саудовцы всегда поставляли столько, сколько требовалось для того, чтобы держать цены стабильными. Если они больше не смогут это делать, мировая добыча нефти будет только падать, тогда как потребность в ней постоянно растёт. Вы можете себе представить, что будет с ценами? На нефть. На всё. Это мать всех кризисов, и мы к ней движемся.

– Другие страны повысят добычу. Если цена на нефть подтянется, станут рентабельными месторождения, которые до этого не были таковыми.

– В США всё это было сделано. И всё равно они уже не добывали больше, чем в декабре 1970 года.

Вернер отрицательно покачал головой и похлопал ладонью по своим цифрам.

– Да почему же? Нефть-то есть. Даже если потребность растёт, хорошо... Но нефти ещё очень много – миллиарды литров!

– Дело не в этом. Да, мы израсходовали пока лишь половину всей нефти, какая есть в мире. Но, – сказал Анштэттер и подался вперёд, – это была легкодоступная половина. Та, что остаётся, залегает глубоко внизу, добыть её труднее и затратнее, находится она в суровых, труднодоступных местностях. Ясно, что нефть будут продолжать доставать из-под земли. Но её станет меньше, и она будет дорожать. Окончательный предел будет достигнут, когда вам придётся затратить на добычу литра нефти больше энергии, чем можно получить из этого литра. С этого момента нефть перестанет быть источником энергии.

Вернер в замешательстве смотрел на него.

– Верно. Да. С этой точки зрения я на это ещё не смотрел.

– Как и большинство людей, – усмехнулся инженер-нефтяник. – А самое худшее то, что за неё будут биться. Мы не только более зависимы от нефти, чем когда-либо, но и нас самих так много никогда не было. Эта планета могла носить на себе шесть миллиардов человек только потому, что была нефть. Теперь её не будет. Как прокормить всех этих людей? Не говоря уже об одежде, лекарствах, кондиционерах, самолётах, всех этих удобствах, к которым

мы привыкли.

Внезапно установилась тишина, холодная, ледяная тишина, словно эхо ужаса, который был слишком велик, чтобы воспринять его.

– Боже мой! – прошептал Вернер.

Доротeya посмотрела на человека, который продал им дом их мечты.

– Всё это серьёзно, не так ли? – спросила она. – Поэтому вы и воздвигли себе эту... крепость? В расчёте на худшие времена.

Анштэттер подавленно кивнул.

– Да, вы правы. Я рассчитываю на худшие времена. Самое худшее то, что саудовцы умалчивали истинное положение дел. Управиться с пиком нефти было бы трудно, но к нему хотя бы можно было подготовиться. Технологии есть, пока ещё есть. Можно было бы перейти на них, если бы вовремя начать, теперь уже поздно. Теперь этот пик ударит по нам как кузнечный молот.

В это утро Маркус наконец подумал, что надо бы дать о себе знать родным. Перед тем, как выписаться из отеля, он позвонил своей сестре. Застал он только Юлиана, который сказал, что родители уехали; куда, он точно не знал. Но они были чем-то встревожены.

– Тем, что я так внезапно исчез? – предположил Маркус.

– Не-а, – беззаботно ответил Юлиан. – К этому они уже привыкли.

– Да? – Трудно было сказать, приятно ли ему слышать это.

– Дядя Фридер говорит, что ты всегда поступал как хотел. И папа говорит, что ты в состоянии за себя отвечать, можно не беспокоиться. – Мальчик кашлянул. – Но мама всё равно беспокоится.

Ну, хотя бы это.

– Скажи ей, что у меня всё хорошо. Можешь передать?

– Конечно, – ответил Юлиан. – А где ты вообще?

– В Америке.

– Ах, вон что, – протянул он почти разочарованно. – Я и сам должен был догадаться. Ну и как, ты добрался до того человека, телефон которого прослушивается?

– Нет, – сказал Маркус. – К сожалению, нет.

– И что ты теперь делаешь?

Да, что он, собственно, теперь делает?

– Скажем, я занимаюсь поиском важных документов, которые у меня украдены.

– Что, правда? – удивился Юлиан. – Круто! И что это за документы?

– Не могу рассказать по телефону. Но если найду их, когда-нибудь покажу тебе.

– Обещаешь?

– Обещаю. Но это между нами, о'кей? Родителям скажи только, что я в США, что у меня всё хорошо и чтоб они за меня не волновались.

– О'кей, передам.

В этом отношении на племянника можно было положиться, Маркус это знал. Он закончил разговор и собрал свою сумку. Пора пускаться в путь.

Дело было уже к вечеру, когда он приехал в Блумингтон, Иллинойс. Над городом нависло пасмурное небо, пока он петлял по улицам в поисках Сансет-роуд. Деревья вдоль велосипедных дорожек были мокрыми. Из труб над крышами домов шёл дым.

В конце концов, он нашёл этот дом, одноэтажный, старый, обшитый деревянными панелями. Однако на почтовом ящике стояла другая фамилия, и когда он позвонил, ему открыл мужчина лет тридцати пяти, который во время разговора не переставал поедать чипсы из пакета. Таггард? Да, такая фамилия была у предыдущих владельцев дома. К сожалению, он с ними не познакомился, он знает лишь, что они умерли вскоре друг за другом: старик от рака, а его жена от сердца вроде бы.

– На этой улице за последние годы многие сменились, – добавил он, хрустя чипсами. – Соседи, которые мне рассказывали о Таггардах, тоже умерли. Вот оно как, да?

– Вообще-то говоря, я разыскиваю сына, – сказал Маркус. – Чарльза Таггарда.

Мужчина раздумывал на протяжении трёх чипсов.

– Да. Имя мне знакомо. Но у меня есть только его подпись на договоре купли-продажи, сам я его никогда не встречал. Всё оформлялось через маклера. «Black Bird Property». Отличные ребята. Если вам надо что-то подыскать...

– И когда же это было? – спросил Маркус.

На сей раз тот приостановил процесс хруста, так крепко задумался.

– В 1999 году. В декабре. Я купил дом, и маклер мне рассказал, что хозяйева умерли в одно лето.

– И где теперь может быть сын, вы тоже не знаете?

– Нет. К сожалению. Я бы его даже не узнал, – он хохотнул. – Хе-хе, будь то даже вы, я бы и не заметил.

Маркус расстался со своей надеждой.

– О'кей, – сказал он. – Спасибо. И извините за беспокойство.

– Нет проблем, – беспечно ответил мужчина. – Хорошего дня.

Соседи тоже ничего не знали. Большинство и в самом деле жили здесь недавно, лишь одна старушка через три дома, с прямыми, как солома, волосами, ещё помнила молодого Чарльза Таггарда.

– Такой долговязый, всегда слишком худой для своего возраста. И вежливо всегда здоровался, да, помню.

– Где он теперь может быть?

– Этого я не знаю, – сожалела она. – Впрочем, погодите... Вашингтон. Я как-то слышала, что вроде он живёт там.

Маркус поблагодарил, но по лбу себя хлопнул, лишь вернувшись к машине и усевшись за руль. Вашингтон, конечно же! Логичное место жительства для агента ЦРУ, который числится офисным сотрудником какой-то там фирмы.

Нет, он и в самом деле был ещё далеко не в форме.

В городе он нашёл кафе с Интернет-терминалом. К моменту, когда принесли заказанный капучино, Маркус уже знал вашингтонский адрес и номер телефона Таггарда. Он наменял побольше четвертаков и зашагал к ближайшей телефонной будке.

После третьего гудка трубку сняли, но никто не ответил.

– Алло? – сказал Маркус.

– Кто говорит, простите? – спросил низкий голос, который уж точно принадлежал не Чарльзу Таггарду.

В воображении Маркуса промелькнула сцена из давнего шпионского фильма, где киллер сидел в квартире своей жертвы. И отвечал по телефону так же странно.

Маркус положил трубку и только после этого отважился снова выдохнуть.

Глава 34

На обратном пути в машине царил надорванная тишина. Только когда они снова выехали на асфальтированную дорогу и проехали по ней уже несколько километров, Доротея смогла спросить:

– Ты думаешь, он прав?

Вернер долго пережёвывал ответ. И потом выдал лишь скупое:

– Я тоже не знаю.

И снова молчание. Впервые Доротея заметила, как, вообще-то, шумно внутри такого джипа. Слышно было, как работает мотор. Сжигает бензин литрами, что вскоре станет недоступной роскошью.

Которой, может, и вообще не будет.

Представить себе невозможно.

И когда? – спросила она у Анштэттера. – *Когда это произойдёт?*

Скоро, – ответил он.

Что значит скоро? Через десять лет? Через пять? На будущий год?

Он отрицательно покачал головой.

Это уже началось, – сказал он. – *Только мир ещё не знает об этом.*

– Не знаю, – снова выдал Вернер, – но мне всё равно это кажется большим преувеличением. Как-то... уж слишком фантастично. Хорошо, даже если это нефтяное поле испустило дух и предстоит нефтяной кризис, – но ведь нефтяные кризисы случались уже не раз. Первый, когда это было? В начале семидесятых. Мне тогда было лет пять или около того. Я помню, как подолгу все стояли в очереди на заправку и как нервничал отец. Наверное, мы были в отпуске, потому что он всё время говорил: «Что, если нам не хватит горючего? Как мы уедем домой?» – Он сухо засмеялся. – И ничего ведь, всё прошло.

– Был запрет на воскресные поездки, – вспомнила Доротея. – У нас дома в холле висело фото, на котором мои родители гуляют по совершенно пустому автобану В14. Мама тогда как раз была беременна Фридером.

– Да, точно. Знаменитый запрет на поездки по воскресеньям. Мы тоже гуляли однажды по трассе. И не мы одни. Мне даже нравилось.

Нахлынули воспоминания.

– Мой отец, – сказала Доротея, – всегда называл В14 наказанием судьбы за то, что Готлиб Даймлер изобрёл четырёхтактный двигатель в Каннштатте. Эта трасса проходила неподалёку от нас, и временами движение было такое, что мы задыхались. – Разговоры за столом часто превращались в доклады отца. Об истории техники. О том, как люди разрушают мир. – Я помню, что отец рассказывал о Берте Бенц: как она совершила первый настоящий автопробег. В 1888 году, из Маннгейма в Пфюрцхайм. Я так гордилась, что на это отважилась женщина. Ей приходилось покупать бензин по дороге бутылочками в аптеках. Бензоколонок ещё не было. Бензин использовали только в качестве чистящего средства.

На некоторое время воцарилась задумчивая тишина, тогда как их машина, совершенный потомок тех первых моторизованных карет, катилась по широкой солидной дороге, каких в те давние времена даже и в помине не было.

– Мир с тех пор сильно изменился, – сказал Вернер.

Доротея кивнула.

– И всё только потому, что была нефть.

Их на умопомрачительной скорости обогнала машина.

– И такие лихачи изведутся, если Анштэттер прав, – позлорадствовал Вернер. – Вот это хорошо бы.

Некоторое время он предавался размышлениям.

– Надо ещё раз посмотреть, как утеплить наш дом. Ну, если топливный мазут подорожает... И мы могли бы заказать у твоего брата солнечные батареи – для бассейна, например. Как в той клинике, где лежал Маркус. А наш бассейн не такой большой, кое-что перепадёт и для дома.

Вот только в настоящий момент они не могли себе это позволить, даже со скидкой, какую Фридер наверняка сделал бы для них. А если всё подорожает... Доротея подумала о своём магазине. С ним тоже всё будет кончено. Надо закрыть его как можно скорее.

– Если бензин подорожает, – рассуждал Вернер, – дороги опустеют. А если вспомнить, что каждый стаканчик йогурта везут за тысячу километров, пока он окажется на полках магазина... Это ведь тоже ненормально. Или консервы везут из одного конца Европы в другой только для того, чтобы наклеить на них этикетки в какой-нибудь стране с дешёвой рабочей силой. Это же безумие. – Он усмехнулся. – Нам-то всё равно, я ведь заправляюсь у себя на фирме, где мне это не стоит ни цента...

Доротея повернула голову и разглядывала Вернера, не веря своим ушам. Как в дурном сне. Что такое он сейчас сказал? Нет, не может быть, чтобы она вышла замуж за человека,

который перед лицом такой опасности не видит дальше собственного носа?

И всё же. Он это сказал. Он даже так *считает*.

– Вернер Утц, – произнесла она, – и это всё, до чего ты смог додуматься? Если нефть действительно кончится, то есть если она действительно придёт к концу, а весь мир от неё зависит, ты ведь не отделаешься своим «я заправляюсь на фирме». Фирма-то где его возьмёт, если его больше не будет, а?

– Вообще-то да... – сконфуженно пролепетал Вернер.

– А потом вспомни, чего только не производят из нефти. Пластик. Всю упаковку. Практически всё, что можно купить в супермаркете, упаковано в коробочку или в плёнку, это всегда пластик. Школьный завтрак я каждый день укладываю Юлиану в пластиковый пакет. И если всё подорожает, машины тоже станут дороже. Дорогие машины, дорогой бензин, это значит, что люди больше не будут покупать столько машин. И что тогда? Откуда тогда взяться твоей зарплате, например?

Вернер побледнел.

– Чёрт! – буркнул он. – Чёрт, да, ты права. Я и не подумал. Ведь я могу потерять работу.

Они молча ехали дальше, километр за километром. Страх, казалось, расплзался внутри машины, словно дурной запах. Стрелка указателя топлива опускалась, это читалось как дурной знак.

– В Германии каждое второе рабочее место связано с автомобильной индустрией, – сказал Вернер. – Я даже думать об этом боюсь. Если то, что говорит Анштэттер, правда, то мы идём напрямик к катастрофе.

Доротей вслушивалась в звучание этих слов. Казалось, ландшафт снаружи на глазах мрачнел.

– Лучше про это не думать... – сказала она. – Может, то была ошибка.

И вот они сидели в VIP-зале аэропорта Франкфурта. Мандур прижимал к себе большую мягкую игрушку – зверя с толстыми лапами, которого медсестры отделения подарили ему на прощание. Васима держала в руках сумку с лекарствами, которые дал им с собой доктор Ругланд. Она отказалась сдать эту сумку в багаж. Багаж, сказала она, иногда теряется, а пока его снова найдут, ребёнок может задохнуться.

Она всё ещё ходила в головном платке и явно не собиралась снова надевать паранджу. В Марокко паранджа ей тоже не понадобится.

– Запад нас разложил и коррумпировал, – с горечью сказал Абу Джабр. – Хоть крестоносцы в своё время и потерпели поражение, зато американские торговцы со своими деньгами победили. Мы продали им нашу мораль, нашу веру...

Он даже вздрогнул, с такой страстью Васима воскликнула:

– Абу, пожалуйста, я больше не могу слышать этого!

– Васима!

Она закрыла глаза и сказала:

– Я. Больше. Не могу. Слышать. Этого. – Потом она снова открыла глаза и бешено сверкнула ими. – Я больше не могу слышать эти наши арабские стенания. Всегда-то, всегда-то мы найдём виноватого. Да, крестовые походы. Конечно, то была катастрофа, свинство высшего разряда – но, Абу, ведь с тех пор минула тысяча лет. Тысяча лет! Это уже не может служить объяснением того, что мы ни на что не способны.

– Ни на что не способны... Что ты говоришь, женщина?

– Попробуйте найти в Эр-Рияде простого мастерового, и вы поймёте, *что* я имею в виду. Если вы его и найдёте, это окажется пакистанец, а не араб. – Она сделала отметающий жест. – Мы контролируем нефть, но мы бессильны. Мы перессорились между собой. Согласно докладу ООН, мы всё дальше отстаём от остального мира по уровню образования, а возразить нам нечего, потому что это правда. Когда Мохаммед – благослови его Аллах и даруй ему спасение – принял Писание, Европа была тёмным, кровавым континентом, а в Америке индейцы с каменными копьями гонялись за бизонами. В цветущие времена Арабского

халифата, во времена таких фигур, как Салах-аддин, Аль-Бируни или Ибн Хазм, арабские города были оплотом культуры и учёности, не было селения без библиотеки, Аравия была светочем свободы и терпимости посреди варварского мира. Никто тогда и подумать не мог, что Европа когда-нибудь будет что-либо значить.

Она говорила словно преподаватель университета. Абу Джабр с потрясением узнал, что его невестка – учёная.

– Известно ли вам, что привело к теперешнему различию? Европейцы учились у нас. Они переняли основы медицины, астрономии, математики. Они по сей день называют свои числа «арабскими», хотя вид у них давно совсем другой. Они до сих пор употребляют слова «алгебра», «алгоритм», «цифра» и так далее – всё арабские слова. Большинство самых ярких звёзд на небе носят имена, которые им дали арабские астрономы. Они у нас учились, вы понимаете, у нас и у других, а то, чему они научились, они развивали дальше, тогда как арабы остановились в своём развитии. Мы никогда не интересовались, что бы нам надо перенять у европейцев. Тысячу лет мы варимся в собственном соку. И если в наши дни араб получает Нобелевскую премию, то он гарантированно гражданин Америки. Мы... – Васима испуганно смолкла, прижала ладони к губам и посмотрела на него. – Простите, Абу! – сдавленно воскликнула она. – Я не хотела быть непочтительной к вам; простите меня. Аллах свидетель, я вас уважаю, Абу...

– Ничего-ничего, – тихо сказал Абу Джабр. – Ведь ты права. Но лучше помолчим.

И они молчали. За большим окном простиралось лётное поле, на котором маневрировали, взлетали и садились самолёты. Миллионы людей проходили через этот порт, день за днём. Как это было организовано, что каждый попадал туда, куда хотел, для Абу Джабра было непостижимо. Ясно было лишь одно: то, что он здесь видел, было проявлением культуры, господствующей во всём мире, культуры, в которую ни один араб давно уже не привносил ничего существенного.

Осознавать это было горько. Но он признавал правду этого утверждения. Учиться, да. Вот в чём ключ.

Их пригласили на посадку в самолёт на Марракеш. Как это горько: остаться без родины, оказаться беженцем в чужой стране, полагаясь на милость чужого короля. Но всё проходило гладко. Сиденья были удобными, Мандур, как всегда, был в восторге, что летит на самолёте, и заснул вскоре после взлёта, упершись лбом в стекло иллюминатора.

– Скажи, дочь моя, – начал Абу Джабр после того, как Васима уложила сына и укрыла его пледом, – вот что мне хотелось бы знать...

Она подняла на него глаза.

– Да?

– Что ты думаешь о солнечной энергии?

– Всё даже хуже, чем мы полагали, – сказал Вернер после того, как два часа собирал в Интернете соответствующую информацию.

Юлиан был уже в постели. Когда Доротей зашла к нему пожелать спокойной ночи, он спросил, уж не поссорились ли они: после их возвращения из поездки в доме такая странная атмосфера.

Она успокоила его, как могла. Нет, они не поссорились. Но есть неприятности, да. Юлиан не спросил, какие, только сказал, что неприятности случаются у всех, он это тоже знает. Временами он рассуждал пугающе по-взрослому. Самое время было бы родить ему братика или сестру. Но, с другой стороны, если с нефтью всё обстоит именно так, то это слишком рискованно...

И Маркус позвонил именно сегодня! С другой стороны – вполне понятно, воскресенье. Он наверняка надеялся застать их дома. Значит, он в США. Она почти так и думала. Жаль, что она не смогла с ним поговорить; она бы разузнала подробнее, что всё это значит.

Потом по лестнице спустился Вернер, держа в руках целую стопку распечаток, и она забыла о тревоге за брата.

– Анштэттер прав, из нефти делают и удобрения. – Он сел со своими заметками в кресло. – И пестициды, и инсектициды. Без применения этих средств урожай в восемь раз меньше. Чтобы вырастить одну голову крупного рогатого скота, требуется в целом тысяча литров нефти – на производство кормов, на приведение машин и механизмов в действие и так далее. Если нефти не будет, это значит, что даже в Европе могут снова возникнуть проблемы с продовольствием. Не говоря уже о странах третьего мира; там это приведёт к чудовищному голоду. – Взгляд его был устремлён в пустоту, и виделись ему страшные картины. – И к потокам беженцев. Они попытаются проникнуть к нам, в богатые страны. Когда человеку больше нечего терять... Можно себе представить. Но это значит, что мир распадётся. Начнутся войны... Хотя как воевать без горючего для танков, военных кораблей и самолётов?

От окна дохнуло холодом. Доротeya выглянула наружу, в далёкую, лежащую в ночи долину, в которой светились тысячи огней. Огней, которые погаснут, если прогнозы сбудутся.

– Я не могу себе представить, – прошептала она. – Настолько это... по ту сторону всего.

Но это было именно то, о чём всю жизнь твердил её отец. «Однажды вся эта техническая цивилизация сломается от перегрузки», – говорил он.

– Другая проблема – медикаменты, – продолжал Вернер. – Я нашёл данные, что в одном крупном фармакологическом концерне производится 150 тысяч различных продуктов, и единственный, в котором нефть не играет решающей роли, это аспирин! Только представь себе: голод; топлива, чтобы доставить хоть немного продовольствия в затронутые районы, нет; а потом не будет и лекарств против болезней, которые начнутся. Это приведёт к эпидемиям, к настоящим пандемиям...

– Ни одноразовых шприцев, – сообщила Доротeya, – ни трубок для переливания крови, ни пластиковых перчаток...

– И так до бесконечности. Краски, лаки, растворители производятся из нефти. Искусственные смолы. Синтетические волокна для одежды и покрытий пола – нейлон, перлон и как их там ещё. Консервирующие средства. Фотохимикаты. Моющие средства. Взрывчатые вещества. Печатающие порошки. Смазочные материалы. Изолирующие и влагостойкие материалы. Косметика. Сладости. Асфальт для дорожных покрытий! – Вернер расслабил воротник рубашки. – Наши новейшие модели транспортных средств больше, чем на сорок процентов, состоят из искусственных материалов. Неважно, найдутся ли на них покупатели, но произвести их мы будем уже не в состоянии.

– А как будут снабжаться супермаркеты? Без горючего и грузовиков?

– Это приведёт к скупке продуктов для спекуляции и к полному опустошению магазинов. – У Вернера началась одышка. – Мне и раньше становилось страшно, когда мои бабушки рассказывали о послевоенных жутких временах. Но всё это покажется цветочками по сравнению с тем, что начнётся потом.

Они переглянулись. Молча, но Доротeya знала, что они подумали об одном и том же: это будет означать конец человечества.

Вернер вскочил и нервно принялся ходить по квартире.

– Надо подготовиться. Мы должны подумать, как нам обеспечить себя. В подвале ещё много места, хотя бы это преимущество. Мы можем сделать запасы на несколько месяцев, а то и на несколько лет. Мука, растительное масло, сахар, консервы. Продукты долгого хранения. Первое время будет хуже всего; если мы его переждём... – Тут он что-то вспомнил. – Раньше в телефонных книгах, в самом конце, всегда были указания, как подготовиться к катастрофам. Рекомендации гражданской обороны. Какие бывают сигналы сирены, какие документы должны быть под рукой и каков необходимый продовольственный запас. Не знаю, есть это сейчас или нет?

Доротeya отрицательно покачала головой.

– У нас вообще нет телефонного справочника, только CD.

– Ну класс! Какой толк от диска, если тока не будет... – Вернер снова принялся метаться по комнате. – Свечи. Нужен запас свеч и спичек. Запас воды у нас есть, но нужно что-то ещё, чтобы отфильтровать хлор и так далее. – Он уставил в жену указательный палец. – К этому

приступим на будущей неделе. Дай подумать... – Он остановился у настенного календаря. – Завтра совещание с руководством, во вторник совещание с группой... В среду после обеда я могу вырваться. Давай устроим большую закупку. Но прежде надо подумать, что именно. Запасись надо тем, что мы сможем постепенно употребить, если тревога окажется ложной...

От внезапного порыва ветра задрожали стёкла. Вернер смолк, провёл ладонями по лицу. Когда он поднял на неё глаза, в них стояло выражение бессилия.

– Или мы преувеличиваем?

Она беспомощно пожала плечами.

– Не знаю.

– Я вдруг вспомнил ту панику, которая царилла из-за ожидания ошибок в 2000 году. Тогда тоже говорили, что это будет конец света. И всё звучало устрашающе логично. Якобы компьютеры подавятся датой, поскольку раньше год указывался двузначным числом, потом они вырубят ток, сотрут все банковские данные счетов, мировая финансовая система схлопнется или стартуют атомные ракеты. И что произошло на самом деле? Несколько 106-летних получили извещения, что должны записаться в школу. И все, кто запасся дизельными генераторами и оборудованием для выживания, оказались в дураках уже 2 января 2000 года.

– Мы тоже тогда хотели запастись продовольствием, – вспомнила Доротейя. – Но не успели, потому что у тебя было много сверхурочной работы.

Вернер криво усмехнулся.

– Единственное, что я сделал вечером под Новый год, – это набрал про запас полную ванну воды.

– Да. Потом я поливала ею цветы.

Он потёр подбородок.

– Может, не так уж всё и страшно? Всегда ведь находятся люди, которые провозглашают конец света, – и что? Когда я учился, на нашем курсе был один тип, он всё носился с Нострадамусом. Он был убеждён, что мир погибнет ещё до того, как он успеет закончить учёбу. Соответственно, не особо напрягался и вылетел в третьем семестре.

Доротейя поднялась и стала задёргивать шторы. Ей было холодно.

– Давай на всякий случай закупим мазут. Ещё раз заполним баки.

– Как раз сейчас дорого, как никогда, – возразил Вернер.

– И всё же давай, – попросила Доротейя.

В понедельник утром Маркус ещё раз позавтракал в кафе с Интернет-терминалом. Он съел яичницу со шпиком, выпил кофе и между делом нашёл банк данных, который выдал ему, что соседка Чарльза Таггарда слева зовут Хамид Аль-Шамри, а справа – Кейт Сноу. Вместе с их телефонными номерами.

Он снова вошёл в телефонную будку. Сначала Кейт Сноу. Это звучит менее проблематично.

К телефону подошла его жена, которая оказалась на редкость словоохотливой. И даже была счастлива, что есть кому её выслушать. Маркус уверял, что он друг мистера Таггарда и вот уже несколько дней пытается до него дозвониться; но никто не отвечает, автоответчик тоже не включён, уж не случилось ли чего? Не знает ли она чего-нибудь?

Она даже не спросила, откуда у него вообще её телефон – видимо, давно уже знала об интернетных каталогах такого рода, – и тут же принялась рассказывать. Что всё это очень странно, она сама не видела Чарли уже целую вечность, а при этом вот уже несколько недель к нему шастают чужие люди.

– Они уже спрашивали моего мужа, представляете, не знает ли он, где может быть мистер Таггард. А другого соседа, детского врача из Бельтсвилла и вполне мирного человека, увезли с собой. И обращались с ним при этом грубо, насколько я могла видеть отсюда.

– Да, все это звучит тревожно, – сказал Маркус, чтобы внести в разговор и свою долю.

– Похоже на то, что мистер Таггард что-то совершил и теперь в розыске. Причём я даже

в страшном сне не могу представить, что такого он мог сделать.

«А я и подавно», – подумал Маркус.

– Через две недели будете жалеть, – сказал водитель автоцистерны, перекачивая в баки топливный мазут. – А то и через неделю.

– Ничего, – ответила Доротея и пожалела, что не накинула тёплую кофту. Ветер дул сильнее, чем могло показаться изнутри, и был такой холодный, будто резал ножом.

– Самое позднее послезавтра американцы уже возьмут резервуары под контроль, – продолжал водитель. Тот же, что приезжал почти всегда, неуклюжий человек с красными прожилками на щеках и светлой бородой; он всегда казался Доротее заблудившимся моряком. Он уже назубок знал дорогу к их дому. – Тогда, скорее всего, цена на нефть вернётся на место, как это бывает теперь на бирже. Для этого даже не обязательно, чтобы танкеры начали загружаться. Загрузиться им недолго. Если американцы всё возьмут в свои руки, то не пройдёт и нескольких дней, как всё образуется.

Насос отключился, баки наполнились. Заправщик не торопился убирать шланг; сначала он хотел дорассказать, что заказов сейчас почти нет, все выжидают, когда цены снова нормализуются.

У неё пресеклось дыхание, когда он вручил ей квитанцию и она увидела итоговую сумму, за которую должна была расписаться. Сумма больше чем вдвое превосходила ту, которую она платила в последний раз!

– Я же говорил, что будете жалеть, – напомнил заправщик.

– Теперь о многом приходится жалеть, – вздохнула Доротея, – но дело уже совсем не в этом.

Повесив трубку, Маркус смотрел сквозь стекло телефонной будки и раздумывал, что теперь делать. Его взгляд зацепился за вывеску над маленькой витриной. «Black Bird Property». Не это ли название упоминал ему мужчина с чипсами? Точно. Агентство, у которого тот купил дом Таггарда.

Может, это сослужит ему какую-то службу?

Человека, сидевшего в агентстве, звали Питер Гуин. У него была вытянутая лошадиная физиономия, но он был готов к услугам.

– Таггард, да, конечно, припоминаю. Даже очень хорошо. То был дом его родителей, всё прошло без проблем, и пару месяцев назад он опять обратился ко мне. – Выдвинув ящик стола, он извлёк сложенную вдвое карточку, какие применяют врачи. Всё его агентство производило впечатление хорошо организованного, хотя в нём, кажется, не было даже компьютера. Самым современным прибором, какой углядел Маркус, был громоздкий факс.

– Точно. Он позвонил мне и спросил, не смогу ли я ему помочь. Он хотел купить летний домик в Монтане или где-то ещё. В глуши, как он выразился.

– Но это не совсем ваш регион. – Маркус мысленно представил себе карту США. Он и в школе с трудом запоминал расположение земель Германии. Монтана – это же почти на другой стороне континента.

Гуин располагаяще улыбнулся. Улыбкой продавца, которой Маркус и сам когда-то владел.

– «Black Bird Property» – это сеть, освобождённая от налогов. Мы все хорошо знаем друг друга. Я переадресовал мистера Таггарда к коллеге в Айдахо, и тот мне потом рассказывал, что продал ему маленький домик в одном гнёздышке на краю света.

– А название этого гнёздышка вы случайно не знаете?

– А как же. – Он заглянул в свои талмуды. – Местечко под названием Bare Hands Creek. Только не спрашивайте меня, где это находится.

Выяснить это оказалось и на самом деле сложно. В Интернете ничего не находилось, не было и нового телефона Таггарда. Маркус перерыл два книжных магазина, прежде чем нашёл карту Айдахо в масштабе, который показывал бы и такие места, как Bare Hands Creek.

Местечко и впрямь находилось в глуши. Крохотная точка в национальном парке Пайетта, на границе с заповедником «River of no Return Wilderness Area».

При помощи своей дорожной карты Маркус прикинул расстояние. Добрых три тысячи километров. Полных три дня на машине.

Он решил выезжать немедленно.

Глава 35

Было почти двенадцать часов, когда Маркус наконец тронулся в путь. Руководствуясь соображением, что в дорогу длиной почти три тысячи километров в машину с пустыми руками не садятся, он обзавёлся снаряжением: тёплым одеялом, термосом, складным блюдом и, естественно, провиантом, хотя ему было ясно, что последнее – излишне в стране, где на любой дороге через каждые несколько миль попадает закусочная или кафе. Он решил было приобрести прибор навигации, но ни один из тех, что ему попались, не обнаружил местечка под названием Bare Hands Creek, и он оставил эту затею. Обойдётся и картой.

В половине третьего он добрался до границы с Айовой, час спустя был в Айова-Сити, где сделал короткий перерыв, чтобы заправиться и выпить кофе.

По сравнению с тем путём, который ему предстояло преодолеть, даже самые монотонные трассы Пенсильвании или Иллинойса были прямо-таки волнующим приключением. Ехать приходилось в основном прямо, справа и слева до самого горизонта простирались поля. Можно было закрепить руль в одном положении и подремать – и ничего бы не случилось.

Когда он добрался до Де Мойна, было уже темно и начался дождь. Из-за этого он не заметил поворота на трассу 80 и спохватился, лишь проехав изрядное расстояние к югу.

Развернулся, поехал назад. Миновал информационный щит, непонятно для чего оповещавший, что Айова в списке американских штатов по площади стоит на 23-м месте, но при этом превосходит Грецию.

Не доезжая до Консил Блафф, он сдался, нашёл мотель, оставил половину ужина нетронутой, лёг в постель и заснул тяжёлым сном без сновидений. Во вторник утром он проснулся рано, но чувствовал себя по-настоящему в форме, торопливо позавтракал и выехал.

В Небраске разрешённая скорость была выше 75 миль в час, что соответствовало хотя бы 120 километрам в час. К сожалению, это так и осталось в теории, потому что пошёл снег, и хотя он тут же таял, приходилось держаться умеренной скорости.

Пролетел мимо Гранд-Айленд. Ландшафт Небраски был, наверно, сказочный, только Маркус не видел ничего, кроме дороги. Точнее, трассы 80, которая постепенно стала казаться ему чем-то вроде его судьбы: будто он едет по ней от начала времён и проклят ехать по ней, пока не погаснут звёзды.

После полудня до добрался до Вайоминга – с головной болью, кашлем и прострелом в шее. Неподалёку от Шайенна – вернее, неподалёку от щита с этим названием, что парил в бесформенном тумане, в который смешались снег и морось, – он нашёл аптеку и купил там средство от простуды, самое сильное, какое только можно было купить без рецепта.

Вблизи Ларамье он закончил свой дневной пробег. Проехав больше 12 часов, он чувствовал себя разобраным на части. В последние часы он впадал за рулём в горячее состояние. Есть не хотелось. Закрыв дверь своей комнаты в мотеле, проглотил максимальную дозу лекарства, лёг в постель и заснул, не успев коснуться головой подушки.

Доротей больше не могла переносить холод в доме и затопила. Голодное фырканье котла пугало её, но вместе с тем так хорошо было сидеть в гостиной и не мёрзнуть.

Вернер приехал раньше, чем обычно, совещание группы отменили. И они сидели вместе, смотрели новости и специальные репортажи, которые заполнили все каналы только одной темой: хаосом в Саудовской Аравии.

Между тем имелось с полдюжины духовных и прочих лидеров, которые претендовали

на власть в пустынном государстве. Каждый из них имел своих приверженцев, которые боролись с приверженцами других. Даже в Мекке дошло до кровопролитных разборок, что заставило вмешаться и другие исламские страны, которые тревожились за святые места.

Самопровозглашённые лидеры были едины в протесте против американской военной акции. США должны были немедленно покинуть Саудовскую Аравию без всяких оговорок и больше не вмешиваться во внутренние дела королевства. Китай поддерживал эту позицию и постоянно вносил в Совет Безопасности ООН новые резолюции, которые там немедленно блокировались правом вето США. Американский президент в телевизионном обращении заявил, что никто из тех, кто сейчас претендует на власть в Саудовской Аравии, не имеет на неё права, а поскольку удары по саудовской нефтяной индустрии учащаются, США как традиционная держава-гарант призваны к тому, чтобы восстановить спокойствие и порядок в рамках своих возможностей и спасти от расхищения нефть, богатство саудовского народа. Кроме того, нефть – стратегически важное сырьё, и мировая экономика слишком зависит от него, чтобы можно было допустить её превращение в разменную монету противоборствующих клик.

Сразу после этого обращения военные силы США распространили в Саудовской Аравии по радио, телевидению, посредством листовок и громких объявлений ультимативные требования больше не оказывать сопротивления продвигающимся вперёд службам безопасности. Отныне это сопротивление будет подавляться всеми доступными средствами.

Маркус проснулся в такой мокрой постели, будто ночью кто-то вылил на него ведро воды, – так сильно он потел.

Хороший знак, решил он. И чувствовал себя неплохо. Большинство гостей уже покинули мотель; когда он вошел в зал для завтрака, там царил великолепная тишина. Телевизор, видимо, сломался: мрачный мужчина, раскрыв его, ковырялся внутри. Единственным недостатком этого неожиданно солнечного утра было то, что в здании пахло бензином.

К обеду Маркус доехал до Утаха, коснувшись лишь его края. Он перебрался на трассу 84 и спустя два часа был в Айдахо. Он знал, что ехать ему ещё километров пятьсот, но у него всё равно было чувство, что он почти на месте.

И опять: ехать, ехать, ехать. Порывы снежного ветра сменялись дождливой моросью, но время от времени завесу прорывало, и открывался ландшафт настолько самобытный и величественный, что у Маркуса готово было остановиться сердце. Какая страна! Даже если он не найдёт Таггарда...

Нет. Эту мысль он себе запрещал. Он его найдёт.

Было уже темно, когда он добрался до Буа. Впервые появилась табличка, указывающая направление в национальный парк Пайетта.

Он хотел заправиться. Горючее в баке подходило к концу, но на двух бензоколонках на его пути стояли абсурдно длинные очереди, и он пока оставил эту мысль. На такую очередь могло уйти и несколько часов, а столько времени у него не было.

Теперь надо быть внимательнее. Вот Каскад. Он действительно был всё ближе к своей цели. Направление Мак-Колл, да, всё верно. Только надо свернуть в нужном месте. Между тем, он ехал как под гипнозом, будто им управляла какая-то сверхъестественная сила. Он сворачивал где надо, перестраивался, читал указатели, сверялся с картой, и всё было правильно. Вместо хайвэев он давно уже ехал по обычным дорогам, которые постепенно становились всё уже и извилистей и были не всегда исправны, но он ехал дальше, сквозь темноту, сквозь дождь со снегом, сквозь туман. На развилках без указателей он не раздумывая ехал по наитию, и потом оказывалось, что он выбрал верный путь. И это его даже не удивляло. Всё так и должно быть. Стрелка уровня горючего стояла уже на резерве, но и это его не беспокоило. Он найдёт Таггарда, в этом он был уверен. Таггарда и бумаги.

Лоб его горел и, казалось, бросал дополнительный свет на узкую асфальтовую дорогу, поднимавшуюся в гору.

И наконец: деревянная табличка. «Vare Hands Creek», – буквы вырезаны и залиты черной

краской. Он доехал. Из темноты смутно выделялись приземистые деревянные хижины, деревья и сараи.

Он опустил стекло и заговорил с двумя мужчинами, которые шли по дороге в дождевиках и с ружьями в руках. Он сказал, что ищет Чарльза Таггарда.

Один показал ему:

– Доедете до перекрёстка, и там дом по правую руку.

Другой ткнул его за это кулаком в бок и потянул прочь.

И это тоже не удивило Маркуса. Он ехал себе дальше, остановился перед домом, вышел и постучал. И ему действительно открыл Таггард.

– Вы? – Он в изумлении поднял брови.

– У вас бумаги Блока, – заявил Маркус.

Худощавый человек из ЦРУ разглядывал его, затем сказал:

– Входите.

Размягчающее тепло охватило Маркуса, когда он вошёл в дом. Воздух был спёртый, пахло жареным мясом, потом, бельём, которое давно бы следовало постирать.

– Я знаю, какую игру вы ведёте, – объявил Маркус.

Таггард указал ему на диван.

– Садитесь же.

Маркус опустился на потёртую обивку. Стены изнутри были обшиты деревом. Тут и там висели выцветшие постеры с полуодетыми женщинами, которые теперь уже наверняка стали бабушками, или с горными ландшафтами.

– Вы нас прослушивали. Меня и Блока. В Дахране. После похищения Блока вы конфисковали его бумаги и уволились из ЦРУ, чтобы сделать на этом бизнес в одиночку.

Таггард сел в единственное кресло, над спинкой которого висело несколько предметов одежды.

– И какой же бизнес вы у меня здесь видите?

– Вам приходится скрываться. Поскольку ваши бывшие коллеги охотятся за вами. В вашей квартире в Вашингтоне они уже устроили засаду.

Таггард тонко улыбнулся.

– У них есть дела поважнее, чем ловить меня. Если б им это было нужно, они бы меня уже давно поймали. В конце концов, ведь вы же меня нашли.

Он сильно изменился с тех пор, как они виделись. Может, дело было в одежде лесоруба – красно-клетчатой рубашке и джинсах, – а может, в бородке, которую он отпустил.

– Вы выжидаете, – сказал Маркус. – Вы наблюдаете за тем, как развиваются события в Саудовской Аравии...

– Да уж развиваются, видит Бог, – сказал бывший агент ЦРУ.

– ...и когда навоз созреет и задымится, когда цены на нефть подскочат до астрономической высоты и мировая экономика окажется на краю пропасти, тогда и явитесь вы с методом Блока. И снимете такую кассу, что Билл Гейтс по сравнению с вами будет выглядеть претендентом на социальное пособие.

Почему этот человек так странно смотрит на него? Почти с жалостью. Не было ни победной ухмылки, ни выражения лица человека, разоблачённого и пойманного с поличными...

Таггард разглядывал его – да, со скорбью в глазах.

– Можно, я вас чем-нибудь угощу? – спросил он. – Я вот только что чай приготовил; идеально для такой погоды. А хотите что-нибудь съесть?

Маркус недовольно пыхтел.

– Вы уходите от ответа.

– Вы плохо выглядите, если мне будет позволено такое замечание. Вид у вас прямо-таки больной.

– Бумаги Блока принадлежат мне. Он предполагал, что с ним что-нибудь сделают. Он много о чём догадывался. – Маркус откинулся на спинку дивана. Хорошо было сидеть. И что тепло, тоже хорошо. – Я даже спрашиваю себя, не имели ли вы отношения к его похищению?

Таггард резко встал, вышел в соседнюю комнату и вернулся с четырьмя пухлыми записными книжками в чёрном переплёте. Он бросил их на журнальный столик перед Маркусом.

– Вот, пожалуйста. Записки Блока.

Маркус в замешательстве смотрел на Таггарда. Что всё это могло значить? Он взял верхнюю записную книжку, ощутил под пальцами потёртый переплёт, раскрыл её. Страницы были исписаны так плотно, что потрескивали при перелистывании. Блок использовал шариковые ручки разного цвета, втискивал пространные таблицы, полные цифр, символов, плюсов и минусов. Списки подробно дифференцированных видов пород. Эскизы буровых вышек, машин, геологических пластов. Наброски карт, а к ним микроскопические замечания неразборчивым почерком. С первого взгляда Маркус ничего не понял, но без сомнения держал в руках кладёзь новаторских познаний.

И потом внезапно, с болью понял:

– Вы меня не выпустите с этим. Не отдадите их мне.

И как он мог быть таким наивным? Причиной тому могла быть только простуда, которую он таскал в себе.

Таггард поднял руки.

– Сегодня я вас не отпущу, тут вы правы. А завтра отпущу только в том случае, если у вас есть с собой цепи для снега. Потому что сегодня ночью всё завалит снегом.

Маркус захлопнул записную книжку, положил её рядом с собой, взял другую.

– Вы, конечно, сняли копии. И тем не менее. Почему вы меня отпустите с этим?

– А почему нет?

– Вы же сами тогда сказали. Дело не только в деньгах, это может быть вопрос войны и мира. – Он положил ладонь на стопочку из четырёх книжек. – Мой бывший бизнес-партнёр, фирма «Peak Performance Pool» предъявила мне иск на возмещение ущерба в размере сто миллиардов долларов. Это минимум, которого стоят эти записки.

Таггард вздохнул.

– Мне очень жаль, но придётся вас разочаровать. Эти записки вообще ничего не стоят.

– Слабая попытка.

– После того, как мы их конфисковали... Да, мы вас прослушивали. Разумеется. Все старания вашего партнёра воспрепятствовать этому тоже были лишь слабой попыткой. Мы показали эти записи экспертам. Многим экспертам. Никто из них ничего не смог отсюда извлечь. Эти четыре записные книжки от первой до последней страницы заполнены абсолютно невразумительной чепухой.

Тут Маркус поневоле улыбнулся. Он даже поверил Таггарду. Оставалось лишь надеяться, что сам он сможет из этого что-то извлечь. И то, что Блок успел ему преподать, поможет ему усмотреть в этих заметках систему.

– Тогда мы дали этим экспертам, – продолжил Таггард, – прослушать записи ваших разговоров с Блоком. Ну, вы помните – бактерии, которые вырабатывают нефть, петролеонты. Это забавное словечко оказалось единственным, что было ново в этой теории.

Маркус невольно сглотнул.

– Да?

– Это вариант теории возникновения нефти, учение, преобладавшее в Советском Союзе. Блок, без сомнения, познакомился с ним во время одной из своих командировок. – Таггард подался вперед. – Это была теория, идеологически мотивированная, как и многое другое в коммунизме. В нефтяной индустрии вы не найдёте специалистов, приверженных этой теории, нет их и в России. С этой идеей покончено как минимум с тех пор, когда при помощи изотопов в нефти сумели точно проанализировать её происхождение.

Маркус прокашлялся. Его удивляло, как можно было так сильно натопить гостиную.

– Но... Блок ведь нашёл нефть. Он бурил на участке своего отца и нашёл нефть.

– Это он вам рассказал. И это даже правда, вот только результаты не столь эффективны, как вы, наверно, думаете. Если бы вы потратили на это некоторое время и навели справки по другим источникам, вы бы обнаружили, что в Австрии, а именно в окрестностях Штейра, нефть добывали ещё в тридцатые годы. В 1906 году неподалёку от Шердинга нашли месторождение тяжёлой нефти на глубине нескольких сот метров. Во времена «Третьего рейха» нефтяные поля Австрии эксплуатировались нещадно, и до 1960 года Австрия сама себя обеспечивала нефтью. Ещё и ныне в Австрии добывают по восемьсот тысяч тонн нефти в год, в основном в Венском бассейне, но также и в молассовых зонах, в формациях, которые тянутся под предгорьями Альп и к которым мог принадлежать также и маленький источник Блока. Предположительно одно из месторождений, известных уже полстолетия, промышленное использование которых, однако, экономически невыгодно. Да и Блок на этой нефти почти ничего не заработал. – Таггард сцепил пальцы, упершись локтями в колени. – Всего этого я тоже не знал. Мне рассказали об этом эксперты, к которым мы обратились.

Маркус изумлённо смотрел на него. Что это было? Да, конечно, очень стыдно, что он не перепроверил факты насчёт нефти в Австрии, но на это как-то всё не было времени...

Нет. Стоп. Всё чепуха.

– Ваши эксперты были уверены также, что нефти нет также и в Южной Дакоте. А Блок её там нашёл.

– В Южной Дакоте?

– Да, – торжествовал Маркус. – Доказательство, что метод Блока работает. Что бы ни говорили эксперты. И во что бы ни верили коммунисты.

Таггард сочувственно вздохнул.

– О'кей. Южная Дакота. Занятная история. Вы, может быть, помните – когда вы там бурили, все средства массовой информации цитировали подробные геологические исследования некоего Форда Раймонда Яспера?

– Который родился в тех местах и знал их как карман своей жилетки, – Маркус кивнул.

– Но в первую очередь он эти места *любил*. Его вдова – а он умер в 2000 году в Уайт-Ривере, – в конце концов рассказала нам, что исследования Яспера были поддельными.

– Поддельными?

О Боже, да что же здесь так жарко-то?

– Яспер, должно быть, ещё в начале шестидесятых в одиночку нашёл признаки большого нефтяного поля. Но поскольку он своими глазами видел, во что превращают местность нефтяные компании, когда бурят, он не только утаил свою находку, но годами продолжал исследования, выглядевшие настолько основательными, что никому и в голову не пришло усомниться в их результатах. Один из его тогдашних начальников ещё жив; он рассказывал, что Яспер то и дело приходил к нему и просил денег на новые измерения – прямо балаган какой-то. Чтобы все поверили, будто он одержим этой идеей. При том что он всего лишь хотел уберечь красоту своей родины. – Таггард растопырил пальцы. – Далее мы выяснили, что Яспер и Блок во время буровых работ в Нигерии жили в одном общежитии.

Маркус уставился на своего собеседника, и у него вдруг возникло странное чувство, будто гигантские маховики, вращавшиеся с незапамятных времён в его мозгу, вдруг остановились. Воспоминания всплывали и снова уходили, потянулась вереница внутренних видений... Он пытался найти аргументы для возражения. Но не находил их.

– Вы хотите сказать, Блок у него эту тайну...

– Выведал? Выкрал? Не знаю, – сказал бывший агент ЦРУ. – Может, Яспер разговаривал во сне, кто знает.

Маркус посмотрел на записные книжки и убрал свою руку.

– Значит, это было... надувательство?

Его собеседник откинулся назад.

– По тому, что удалось реконструировать, я выяснил следующее: незадолго до того, как вы встретились с Блоком, в Саудовской Аравии появились первые признаки того, что

нефтяное поле Равар того и гляди «сковырнётся» из-за прорыва воды. Уместнее всего было бы резко снизить уровень добычи, но Равар ведь самое крупное из разведанных нефтяных полей, оно давало примерно половину добычи Саудовской Аравии, а государство зависело от доходов нефтяного бизнеса, поэтому добычу снизили лишь до критической отметки, образно говоря...

– Но ведь Саудовская Аравия сказочно богата? – возразил Маркус.

– Это было в семидесятые годы. Но то богатство не пошло им на пользу. Королевская семья проматывала деньги, народу тоже кое-что перепало – подачки, чтобы он не возмущался. А перспективы давно уже были нерадостными, задолго до беспорядков. Саудовская Аравия имела самую высокую рождаемость, если не считать Африку, миллиардные долги и фантастическую безработицу. Внутренний валовой продукт на душу населения едва достигал половины самых бедных стран Организации экономического сотрудничества и развития. За все эти десятилетия они не удосужились выстроить, помимо нефтяной индустрии, какую-либо другую отрасль экономики хотя бы с мало-мальским оборотом. К тому же образовательные учреждения – целиком в руках духовенства. Из трёх выпускников университета два – специалисты исламского богословия, а если вам понадобится электрик, то вы пропали.

– Долги? У нефтяных шейхов?

– Страна уже много лет была припёрта к стенке. И тут явились вы.

– Мы?

– Удача Блока в Южной Дакоте понизила цены на нефть. Ирреальным образом, поскольку фактически добыча нефти ничуть не выросла. Пресловутый «нефтяной потоп» конца девяностых тоже был мифом, который держался только на слухах. Как бы то ни было, саудовцы оказались в цугцванге.³⁸ Блок представлял собой опасность, но и шанс. Они решили поставить на шанс и ангажировать его метод.

– Чтобы найти новые нефтяные поля.

– Именно так. На смену угрожающему гибели Равару. Так как ваш партнёр постоянно подчёркивал, что это для него не проблема. – Таггард закинул ногу на ногу. – Саудовская «ARAMCO» в последние годы инвестировала огромные средства в разведку новых месторождений. Втайне, кстати; даже у нас на этот счёт имеются лишь обрывочные сведения. Информация по отдельным нефтяным полям тоже стала государственной тайной. Однако, насколько мы знаем, усилия нефтеразведки не привели к адекватным открытиям. Последним действительно крупным полем, найденным в Саудовской Аравии, было поле Шейбах. А это произошло в 1967 году.

– У нас с Блоком было такое чувство, что саудовцы сознательно саботируют нашу работу.

– Они хотели только одного: чтобы вы не узнали, насколько положение критическое. Геологи из «ARAMCO» – да, они-то вас точно не жаловали. Но нефтяной министр, я думаю, молился за ваш успех.

– И тогда он распорядился похитить Блока?

Таггард отрицательно покачал головой.

– Сначала случилось то, чего они все так боялись. Равар схлопнулся. Через пару дней из всех скважин шла одна вода с примесью нефти. А скважины, которые пробурил Блок, оставались сухими, как песок пустыни. Вас срочно вышвырнули из страны и начали буриться в ещё нескрытые поля. Чтобы выиграть время, нефтяной министр приказал взорвать порт Рас-Танура...

– Что?! – воскликнул Маркус. – Так они сделали это сами?

---

³⁸ Цугцванг – положение в шахматной партии, когда игрок вынужден сделать ход, ведущий к ухудшению собственной позиции, ибо иных ходов больше не существует. Возможен также взаимный цугцванг, когда оба игрока могут лишь ухудшать свою позицию.

– Это должно было выглядеть как несчастный случай. В Рас-Тануре действительно грузилось ровно столько нефти, сколько давало поле Равар. Если растянуть ремонт на продолжительное время – таков был план, – ещё можно было найти замену, так чтобы никто ничего не заметил.

– А президент США решил, что это был террористический акт, и двинул туда армию.

– На это явно никто не рассчитывал. – Таггард взглянул на него со всей серьёзностью. – И Блока никто не похищал. Он сбежал, как только увидел, что его «метод» на самом деле не работает. В ночь своего исчезновения он приехал в аэропорт Дахрана и сел в самолёт на Франкфурт. Мы нашли его в Австрии. Он сидел взаперти в родительском доме, в полной запущенности, а теперь он находится в психиатрической больнице Штейра.

– Где-где?.. – ахнул Маркус.

Таггард указал на записные книжки.

– Блок был одержим, ну, в истинном смысле слова болезненным честолюбием доказать «учёным», что он может тягаться с ними на равных. Личность пограничного типа, которая временами может проявлять удивительную харизму. И способна убедить других, потому что сама железно верит в то, что говорит.

Маркус впился в него взглядом, и ему казалось, что его глазные яблоки того и гляди загорятся. Такая жара...

И было ещё что-то. Маленькое несоответствие в такой, казалось бы, логичной картине. Он размышлял. Это давалось ему с трудом; он был измучен, голоден и буквально на исходе сил.

– Одного я не понимаю, – с трудом выговорил он. – Взрыв в Рас-Тануре – это же случилось позже. Когда я был уже в Германии. Если поле Равар схлопнулось ещё до моего отъезда из Саудовской Аравии, то как же они обходились в этот промежуток времени? Ведь им приходилось разливать нефть по танкерам каждый день.

Таггард улыбнулся.

– Ах, вон оно что! Вы же ещё не знаете этого.

– Чего я ещё не знаю?

– Когда вы заправлялись в последний раз?

Маркус сощурился, пытаясь припомнить:

– Сегодня в полдень, я думаю. Ещё в Вайоминге.

– Довольно далеко.

– Бак у меня сейчас практически пустой.

– Плохо. Вы разве не заметили очередей на заправках?

– Заметил, – признался Маркус, чувствуя, как его охватывает нехорошее предчувствие. –

А что?

– Нефть, которую отгружали саудовцы, бралась не с поля Равар, а из резервуаров, – Таггард поднялся, включил телевизор и перемотал видеоманитофон назад. – Вот это передали добрых часа три назад по CNN. Вы как раз находились где-то в районе Буа.

Это был прямой репортаж наступления на Рас-Тануру. В Саудовской Аравии было чуть за полночь. Почти полная луна, прожектора и сигнальные ракеты освещали темноту, время от времени возникала смутная зелёная картинка прибора ночного видения. Когда в поле зрения попали бесконечные ряды гигантских резервуаров, у диктора вырвался короткий комментарий: «А вот мы видим добычу». До перестрелки дело не дошло. У командующего саудовскими войсками хватило ума отдать приказ к отступлению. Войска США смогли беспрепятственно продвинуться вперёд и захватить нефтехранилища.

Находившийся на переднем танке телеоператор Гленн Фриман Шварц провел съёмки, которым суждено было стать историческими.

– А теперь символические действия, обязательные в таких случаях, – комментировал Шварц, направляя камеру на солдата в полевой форме, который, размахивая звёздно-полосатым флагом, взбирался по лестнице на резервуар.

То был, как стало впоследствии известно, сержант Руста Шелтон из Третьей пехотной дивизии, тридцати одного года, женатый и отец двухлетней дочери. Несколько дней спустя он расскажет в одном интервью, что это оказалось тяжелее, чем он думал – карабкаться по этой бесконечно длинной лестнице, потому что резервуары были больше, чем казались; прямо-таки гигантские хранилища. Наконец он достиг крыши, слегка выпуклой, и под неистовое ликование войск двинулся к её верхушке. Над ним зависли вертолёт и сильными прожекторами освещали его путь. Через микрофон, закреплённый у его лица, миллионы телезрителей слышали его тяжёлое дыхание. Знамя трепетало на ветру. Свободной рукой он открыл центральный люк, откинул крышку и карманным фонарём посветил внутрь. Это длилось минуту.

Потом он обернулся и удивлённо воскликнул:

– It's all empty! Здесь всё пусто!

При этом звёздно-полосатый флаг в его руке опустился столь же произвольно, сколь и символически.

Картинка получилась превосходная.

Часть вторая

Глава 36

Если ехать по автобану A29 от Ольденбурга на Вильгельмсхафен-Рюстринген, то, свернув на указателе Coldewsi, попадёшь к одной из четырёх подземных каверн Северо-Западной компании подземных сооружений, которая хранит здесь 450 тысяч тонн сырой нефти в соляном куполе на глубине в тысячу метров. Она делает это по заданию Союза пополнения запасов нефти – корпорации, которая размещается в великолепном здании на гамбургском Юнгфернштиге и отвечает за то, чтобы по предписанию закона постоянно иметь в запасе резерв автомобильного бензина, среднего дистиллята и тяжёлого котельного топлива самое меньшее на девяносто дней. Эти запасы составляют для Германии более чем 23 миллиона тонн, хранилища их рассредоточены по стране, но по техническим причинам примерно половина этого количества приходится на подземные сооружения Вильгельмсхафен-Рюстринген, Бремен-Лезум, Хайде и Зотторф у Гамбурга. Все нефтяные компании обязаны участвовать в пополнении этой системы, которая финансируется дополнительными сборами в размере 0,005 цента за литр.

Сооружения почти не видны. Со стороны это просто большой амбар, вблизи становятся заметны трубы, загрузочные штуцеры, манометры, регуляторы и распределители, всё это зачастую в зарослях бурьяна, что лишь способствует желаемой неприметности.

Местность обнесена массивным стальным ограждением, по ночам тут патрулируют охранники с собаками. В ту ночь, когда американские войска заняли Рас-Тануру, Карл Петерсен как раз был на дежурстве. Ему было под пятьдесят, от белокурой шевелюры его юности уже мало чего осталось, живот потерял форму, да и с пищеварением дело обстояло не так хорошо, как прежде. Однако его мускулы, в чём он любил удостовериться, всегда были в лучшем виде.

Он сидел в дежурке и смотрел маленький телевизор на письменном столе. Показывали Саудовскую Аравию. Комментатору больше ничего не приходило в голову; если он не повторял то, что уже сказал десять минут назад, то просто описывал то, что и так было видно. Вот уже больше часа шло одно и то же: нефтехранилище.

Снаружи послышался лай собак – и дверь раскрылась. Вошёл его коллега Хайнер Штеффенс, вернувшийся с обхода. Хайнер был на десять лет моложе, всё лицо у него было в шрамах, и он любил делать таинственные намёки на свою бурную прежнюю жизнь. Которая, без сомнения, не могла быть такой уж авантюрной, иначе его не взяли бы сюда на работу.

– Ну что? – спросил он.

Петерсен пожал плечами.

– Всё продолжают искать. Но, похоже, все резервуары пустые.

– Чёрт! – воскликнул Хайнер. – Ну, сейчас будут дела!

Дела не заставили себя ждать. Враз залаяли собаки. Петерсен различил глухой рокот, который становился всё громче, и понял, что слышит его уже довольно давно. По дежурке метнулся свет фар, осветив настенные часы, календарь и телефон. И тут же под окном остановился бронетранспортёр, а Карл Петерсен прочитал надпись: «Федеральная пограничная охрана».

– Полицейская охрана стратегических запасов нефти – это лишь предупредительная мера, – объяснил пресс-секретарь федерального правительства и спокойно улыбнулся. – Во избежание панических реакций. Для которых, хотелось бы добавить, нет никаких оснований.

«Нет оснований для паники», – пометили у себя неопытные журналисты. Стреляные же воробьи грызли свои авторучки и прикидывали, насколько плохо обстоят дела на самом деле, если пресс-секретарь так настойчиво это подчёркивает.

– К вашему сведению, – продолжал секретарь, которого недавно одна бульварная газета назвала в десятке мужчин Германии, одевающихся лучше всех, – приведу несколько статистических данных. В Германии нефть практически не играет роли в электроснабжении; её доля не занимает и трети процента. Основным энергоносителем как был, так и остаётся каменный и бурый уголь, частично также атомная энергия, затем газ, вода и прочее, энергия ветра, например.

Репортёр, сидевший в первом ряду и явно принадлежавший к числу тех, к чьим репликам пресс-секретарь прислушивался, обратил внимание на то, что речь идёт не только о производстве электричества. Гораздо более критическая ситуация с транспортом; кроме того, зима на носу: чем будет отапливаться немецкое население в ближайшие месяцы?

– Здесь дело обстоит так, – пояснил пресс-секретарь, – Германия и без того почти не закупала нефть в Саудовской Аравии. Большая часть нефти, используемой в стране, добыта в Северном море, а также в России или странах СНГ. Если мы и покупаем нефть в Персидском заливе, то лишь в Кувейте.

Можно ли говорить о нефтяном кризисе? – спросил другой журналист.

– Нефтяной кризис? Если вы так хотите, да. Но, как я уже сказал, идут консультации на высшем уровне, чтобы проблемы, возникшие из-за ситуации в Персидском заливе, были урегулированы как можно скорее. Энергетические концерны заверили нас, что располагают достаточными резервами, которые быстро будут мобилизованы. – Он сплёл пальцы с ухоженными ногтями. – Кризис, дорогие дамы и господа, всегда даёт и шанс. Недаром у китайцев для «кризиса» и «шанса» используется один и тот же иероглиф. Полистайте исторические книги, полистайте собственные архивы: первый нефтяной кризис в октябре 1973 года был устранён за несколько месяцев, но и привёл к тому, что были открыты новые ресурсы – например, нефть в Северном море. Были разработаны новые технологии, сознание людей в корне изменилось. Тогда мы научились бережнее обращаться с энергией. Я думаю, мы сможем извлечь уроки и из этого кризиса, и извлечём.

На следующий день цена за литр бензина «супер» впервые превысила два евро.

Пока Совет Безопасности ООН заседал в попытке найти решение для Саудовской Аравии, брошенной на произвол судьбы её правящей кастой, туда уже массовым порядком слетались американские специалисты по нефти. Их задачей было обследовать саудовские источники нефти и активировать неиспользованные резервы.

Не прошло и суток, как первый такого рода конвой, двигавшийся к источникам нефти Сафании и сопровождаемый солдатами, взлетел на воздух. Американское военное руководство в Саудовской Аравии расставило блокпосты, но, несмотря на это, каждую ночь в каждом городе доходило до вооружённых столкновений. Были проповедники, которые призывали к тому, чтобы взорвать нефтепроводы и окончательно поставить экономику Запада

на колени. Другие проповедники требовали укоротить на голову тех, кто одобрял такие удары по бесценному достоянию саудовского народа. Была предотвращена попытка взорвать в горах Арама насосную станцию, снабжавшую нефтепровод Восток–Запад от Абкайка до порта Янбу. Однако радоваться было рано. Каждый день миллион баррелей сверхлёгкой сырой нефти пропускал через себя этот нефтепровод, длиной больше тысячи километров, а ведь даже там, где он проходил под землёй, заглубление было не больше метра. Чтобы саботировать его, хватило бы одной лопаты и одной аккумуляторной дрели, а также одного верблюда, чтобы транспортировать то и другое.

Несмотря на всё это, специалисты довольно быстро составили себе представление о ситуации. Поле Равар вышло из строя почти целиком – об этом было уже известно от некоторых руководящих лиц «ARAMCO», посвященных в дело и готовых к сотрудничеству. Но и поле Абкайк неожиданно показало сильное понижение продуктивности. Открытое в 1940 году одно из самых старых нефтяных полей Саудовской Аравии, Абкайк, несмотря ни на что, до сих пор было одной из самых надёжных рабочих лошадок «ARAMCO», одно из шести больших полей, дававших 90 процентов саудовской нефти.

– Современные техники добычи, – объяснил по телевизору очередной знаток, – затратны, экологически вредны и являются всего лишь соломинкой. Знаете, как это бывает? Вы втыкаете соломинку в банку с напитком и сосёте, и всё вам кажется ОК – и вдруг всё разом кончается. Точно так же и с нефтяными полями. Чем больше техники вы привлечёте, тем более резким будет в конце обрыв нормы добычи.

Ни один канал больше не придерживался объявленной программы. Всюду шли «круглые столы», и обсуждались темы, которые сводились к одному: ложная тревога или гибель цивилизации?

– А какой стоял крик в ожидании паралича всех компьютеров в 2000 году! – забавлялся круглолицый публицист, известный своим несокрушимым оптимизмом. – И что вышло? Ровным счётом ничего.

– Потому что вняли предостережениям и подготовились! – возражала ему хрупкая женщина с пышными волнистыми волосами, проявляя резкость, какой от неё никак нельзя было ожидать. Она была руководителем объединения, которое уже несколько лет занималось темой «Peak Oil». – Причём сравнение с проблемой Y2K хромает. Ибо даже в худшем случае – то есть если бы действительно все компьютеры вышли из строя, – это отбросило бы нас самое большее в 1965 год. А вот без нефти, уважаемый господин, человечество катапультирует прямиком в XVIII век! Со всем своим перенаселением и с той разницей, что тогда ему *ещё* предстояло открыть нефть, а теперь *уже* нет. То, что мы сейчас переживаем, и есть та жёсткая посадка, которой мы боялись. Это удар, от которого мы не оправимся.

Круглолицый непоколебимо улыбался.

– Моя дорогая, вы, как всегда, преувеличиваете. Ну, потеряем мы процентов шесть нефти. Если у вас в кошельке сто евро и вы потеряете шесть из них, вы же не впадёте из-за этого в панику?

Женщина покорно сложила ладони.

– Вот всегда одно и то же. «Титаник» идёт ко дну, а оркестр продолжает играть, – сказала она. – Только спасательных шлюпок на сей раз вообще нет.

Железная дорога Германии обнародовала данные о рекордном количестве пассажиров.

Почта Германии объявила о повышении тарифов. Один её представитель к тому же поставил под вопрос ежедневные отправки в сельские районы; ввиду растущих транспортных расходов в обозримом времени почта больше не сможет позволить себе такое.

Цена за литр бензина «супер» достигла трёх евро.

Глава 37

Французские рыбаки первыми подняли голос против высоких цен на бензин.

– Против чего они будут протестовать в следующий раз? – прокомментировал это, как поговаривали, высокопоставленный член правительства. – Против плохой погоды? Или против силы тяготения?

Однако протесты быстро ширились: к ним примкнули самостоятельные мелкие перевозчики, у которых растущая стоимость бензина поедала и без того небольшую прибыль; вскоре после этого забастовали люди, чьи профессии были связаны с разъездами. В декабре протестующие вышли на улицы и в других странах Европы. Их требованием было вообще убрать налог на нефть.

Вскоре во всех партиях нашлись политики, сделавшие это требование своим. Причём им было совсем неважно, чтоб налог на нефть был тут же отменён. Главное, чтоб они могли выдвинуть это требование, пока длится нефтяной кризис.

Некоторые специалисты по экономике предостерегали от этого, предвидя, что это ничего не даст, однако их голоса потонули в общем хоре. Правительства поддались давлению и отменили прежние постановления. Поскольку налог на бензин почти всюду составлял больше одного евро за литр, цены на заправках немедленно опустились на эту величину, а то и больше: кое-где снова впереди установилась единица, оптический сигнал, обеспечивший такой наплыв клиентов, что заправки не могли управиться с ним.

Цены повсюду росли, сильнее всего в супермаркетах. Рождественские продажи, предсказывали торговцы, пройдут в этом году так плохо, как не было уже давно.

– Сейчас все шишки валяются на биржи, – сказала темноволосая ведущая, которая обычно интервьюировала своих гостей в спокойном, сосредоточенном уединении и уделяла на это по целому часу эфирного времени. – Говорят, что это казино мировой экономики, что во всём виноват неолиберализм и так далее. Так ли это? Отвечают ли сырьевые биржи за цены, которые мы видим сейчас на заправках?

Её гостем был профессор экономики, руководитель института экономических исследований. Он носил ухоженную бородку, а его небесно-голубые глаза насмешливо блестя, когда он говорил.

– Это так, причём уже много лет. Цены на сырую нефть фиксируются на трех биржах: Nymex в Нью-Йорке, SGX в Сингапуре и IPE – International Petroleum Exchange в Лондоне.

– Один депутат предложил поставить сырьевые биржи под контроль государства и назначать цены на сырьё.

Профессор снисходительно улыбнулся.

– Этот депутат явно пребывает в блаженном неведении об экономических взаимосвязях. Разумеется, все биржи с незапамятных времён подлежат государственному контролю; стыдно не знать этого. Однако назначать цены – ну, это плановое хозяйство, а мы ведь уже знаем, куда это ведёт.

– Может, биржи избыточно реагируют?

– Это смотря кого вы спросите. Можно с некоторым правом на объективность придерживаться той точки зрения, что выторгованная на бирже цена всегда правильна. – У него были узкие ухоженные руки, которыми он в разговоре мягко жестикнул. – Видите ли, когда чего-то мало, никому не будет проку от того, что на товар назначат низкую цену. Товара от этого не прибавится.

– Но ведь и от высоких цен его не прибавится.

– Разумеется, нет, но высокие цены обеспечат то, что дефицитный товар получат те, кто больше всего его ценит.

– Или те, кто может себе его позволить, – ввернула ведущая.

Её гость неохотно кивнул.

– Действительно, ситуация у нас такая, что впервые с тех пор, как добывается нефть, на неё образуется реальная рыночная цена. На заре нефтяной экономики «Standard Oil

Corporation» Джона Д. Рокфеллера действовала как монополист и назначала цены по своему усмотрению – то есть как можно выше. Эту монополию в начале XX века худо-бедно разбили, однако выделившимся из неё фирмам часто и, видимо, временами не без основания пеняли, что они образуют картель. В последние десятилетия цену на нефть *фактически* устанавливали саудовцы, подгоняя свою нефтедобычу под потребность. Теперь они больше не могут этого делать. Все прочие производители нефти уже много лет добывают столько, сколько их нефтяные поля способны выдать. Другими словами, в настоящий момент на рынке просто есть определённое количество нефти, и желающие её купить должны за неё драться. На рынке же это делают не кулаками, а предложением цены – более высокой, чем дают другие. Впервые за свою историю цена на нефть действительно определяется спросом и предложением, а поскольку предложение как раз ниже, чем спрос, цена взлетает на очень-очень высокий уровень.

– И разве не следует в таком случае искать пути повышения предложения?

– Высокая цена, естественно, подстегнёт эти поиски. Однако вы должны понимать, что это легко сказать, но не так просто сделать. Месторождение нефти при его использовании следует осторожно разрабатывать в течение десятилетий, чтобы не нарушить в нём равновесие нефти, газа и воды, а то и вовсе не сгубить его. Но и на этом, более длинном пути встречается много узких мест. Пропускная способность нефтепровода ограничивает поток нефти, ёмкости хранилищ тоже конечны, число танкеров, которые могут за сутки пройти через Суэцкий канал, тоже конечно, не хватает и мощностей нефтеперерабатывающих заводов.

Ведущая помахивала карточкой с логотипом канала.

– В США за последние тридцать лет не было построено ни одного нового нефтеперегонного завода. Почему? Ведь растущая потребность была очевидна. Может, нефтяники не хотели идти на расходы, уже зная, что близится конец нефти?

Эта реплика сбила учёного с его концепции.

– Разумеется, концерны никому не позволят заглянуть в их карты... Такой нефтеперегонный завод, конечно, требует огромных инвестиций...

– Предстоит ли нам конец нефти? В какой степени она уже отрезанный ломоть?

Профессор помедлил с ответом.

– В будущем, возможно, нам придётся жить с сокращением производства нефти, да.

– Сокращение – как это выглядит в цифрах?

– Между полутора и тремя процентами в год.

Интервью показывали по телеканалу «Культура», который мало кто смотрел. Тем не менее это высказывание на другой день было напечатано во всех газетах.

Стало отключаться электричество, поскольку многие, ввиду дороговизны котельного топлива, начали использовать электрообогреватели. Строительные рынки бойко торговали ими. Электроснабжающие фирмы рассылали предостерегающие письма с просьбой не перегружать электросети. После того, как эти письма не возымели действия, они решили поменять в домах предохранительные устройства, чтобы ограничить потребление электричества в домашнем хозяйстве. Новость моментально разнеслась по Интернету, и техника не открывали дверь.

Зато, как только падала температура, на улицах отключалось освещение.

В сельской местности крали дрова из лесов, из складов и сараев, началась настоящая эпидемия. Как выяснилось, воровали не безработные и не те, кто сидел на социальной помощи, – эти-то жили в основном в стандартных квартирах с центральным отоплением, – а добропорядочные граждане среднего достатка, с каминами в собственных домах.

Первого декабря Вернер приехал домой, очевидно встревоженный. Хуже всего было то, что он пытался делать вид, будто ничего не случилось. Это был недобрый знак.

– Столько договоров купли-продажи приостановлено. Начальство заморозило наш

проект развития, – сказал он, когда Доротея стала допытываться, что произошло.

– И что тебя *на самом деле* беспокоит?

Он смотрел в пол, кусал губу, сам того не замечая, разглядывал углы и ящики кухонных шкафов, будто видел их впервые, и в конце концов сказал:

– Они отменили бесплатную заправку. Считается, что из-за злоупотреблений.

– О!

Его прорвало настоящим экзистенциальным страхом.

– Доро, тебе хотя бы ясно, что я каждый день проезжаю сто километров туда и назад? По ценам это примерно тридцать евро – и это только для того, чтобы добраться на работу. В неделю сто пятьдесят. В месяц больше шестисот, на один бензин!

Доротея сглотнула.

– За столько мы снимали нашу старую квартиру.

Другой телевизионный канал, другой профессор, на сей раз математик.

– Люди не понимают, что это значит: ежегодное сокращение нефтедобычи на полтора-три процента, – заявил он и вызвал на экране у себя за спиной диаграмму с двумя стремительно падающими кривыми. – А это будет означать, что через десять лет в нашем распоряжении останется на 30–60 процентов меньше нефти, чем сегодня, а через пятнадцать лет – на 45–90 процентов меньше!

– Девяносто? – переспросил ведущий, изящный молодой человек, который до сих пор сводил в своих передачах людей, тоскующих по любви.

– Девяносто, да, – подтвердил математик. – А через двадцать лет...

– Это значит, нам останется только десять процентов?

Профессор окинул его взором, словно взвешивая, не приговорить ли его к штрафным работам за такую непонятливость.

– Десять процентов, – подтвердил он наконец. – Именно так. Конец нефтяной эры в ясных, голых цифрах.

Ведущий улыбнулся своей юношеской улыбкой, от которой обычно таяли его поклонницы всех возрастов.

– Хорошее выражение, – сказал он. – Жаль, что не моё.

Глава 38

После шока от Рас-Тануры Маркус несколько дней провалялся в горячке на диване в гостиной Таггарда. Он спал, просыпался, пил холодный чай, который ему давали, снова засыпал. «Вы перенапряглись», – сказали ему. «Да, – подумал он, – это правда».

В какие-то моменты он не помнил, кто этот костлявый человек, что наливал ему чаю и клал на лоб холодные компрессы, потом он узнавал в нём Чарльза Таггарда и спрашивал себя, почему этот бывший агент ЦРУ за ним ухаживает.

Всё было так, будто однажды он уже пережил это. Снова постель, в которой он бредил. Снова окно, за которым росло дерево. Оно стояло белое, всё в снегу. Вообще снаружи было всё белым-бело. Белое, лишённое контуров небо.

Снова сон, снова кто-то говорил ему:

– Вот. Примите. – Таблетки. Он принимал их, запивал водой.

Одна из девушек на постерах была узкоглазая, и это вызывало в нём мечты об Эми-Ли, да такие интенсивные, что временами он был уверен, что она где-то здесь. Однажды он обыскал вокруг себя всё с твёрдым чувством, что где-то здесь лежит весточка от неё – письмо или записка! Но ничего не нашёл.

В какой-то момент он очнулся оттого, что Таггард кому-то сказал:

– У меня тоже закончился мазут. Надо переходить на дрова.

– Сейчас я покажу вам, как это сделать, – послышался другой, ворчливый голос. – Вот только инструменты принесу.

Позднее он слышал через открытую дверь, как они возятся с котлом. И тот, другой мужчина спрашивал:

– И что вы собираетесь делать с этим лишним ртом?

В этой фразе прозвучал опасный, злобный тон, и у Маркуса забилося сердце, когда он понял, *что* тот имел в виду.

– Он мой гость, – ответил Таггард. – И я мечтаю, чтобы он уже начал наконец есть.

Вечером предположительно седьмого дня Маркус поблагодарил Таггарда за кров и уход и пообещал ему, что уедет как только сможет.

– Это будет не так скоро, – сказал Таггард. – У вас ведь почти пустой бак. Горючего не хватит даже в гараж въехать. Придётся нам её толкать. Ещё бы пара миль – и вы бы застряли посреди пустого леса.

Маркус моргал своими горячими, тяжёлыми веками.

– А что, здесь негде заправиться?

Этот человек с запавшими глазами и реденькой бородкой с сожалением покачал головой.

– Похоже, вы уже больше нигде не заправитесь.

На следующее утро Маркус проснулся оттого, что снаружи кто-то рубил дрова. Он сел в постели и посмотрел в окно. Таггард, конечно, хоть с первого взгляда и трудно было узнать его в стёганой куртке и меховой шапке.

Топором он орудовал неумело, однако от каждого удара разлетались поленья, которые он время от времени собирал в плетёный короб, выпуская изо рта белые облачка пара.

Та часть посёлка, которая была видна из окна, тонула в снегу: маленькие деревянные дома в окружении могучих деревьев казались совсем прижатыми к земле. Маркус усомнился, можно ли вообще заметить этот посёлок с воздуха.

Потом он поднял взгляд и посмотрел на горы. То были гиганты, покрытые заснеженными, бесконечными лесами, зрелище стихийной силы. Маркус отчётливо, как никогда, почувствовал себя на другой планете.

– Почему здесь? – спросил он, когда дверь открылась и вошёл Таггард, а вместе с ним ворвались клубы холода. – Почему именно Bare Hands Creek?

Таггард броском повесил шапку на крючок и высвободился из куртки.

– Кажется, вам уже лучше, – утвердительно сказал он.

Верно. Только теперь Маркус осознал, как хорошо он себя чувствовал.

– Похоже на то, – признал он.

– Я так и думал. Сегодня ночью вы уже дышали по-другому, не так, как раньше. – Таггард шагнул в сапогах к кухонной нише и налил себе кофе из термоса. – Хотите?

– Если есть, – кивнул Маркус.

– Есть. – Таггард достал из шкафа вторую чашку. – Пока, по крайней мере.

Кофе был великолепный, чистейший эликсир жизни. Маркус почувствовал, что может выйти хоть сейчас и вырывать деревья с корнем.

– Bare Hands Creek, – повторил Таггард, усаживаясь в кресло. – Да. Конечно, не случайное название. Деревня была основана, ну, лет сорок назад, людьми, которые решили пережить гибель цивилизации. Когда мне стало ясно, что нам предстоит именно это, я обосновался здесь. К сожалению, всего лишь несколько недель назад. – Он указал вокруг. – Вы же видите, ещё ничего не готово.

Маркус охватил чашку ладонями, согревая их.

– Гибель цивилизации? – осторожно спросил он. – А это не преувеличено... слегка?

– Да, я тоже так думал. Но потом... – Он помолчал. – Нет, я должен вам рассказать историю с самого начала. – Он встал, прошёл в кухню и взял что-то из ящика, овсяное печенье или что-то вроде того. – Хотите тоже? Оно, правда, не совсем свежее, но это, может статься, последний кусочек пирога.

Маркус кивнул.

– Спасибо, хочу.

– Итак, предысторией явилось то, что я после нескольких... скажем так, ударов судьбы снова начал ходить в церковь. Как это часто бывает. Церковь того прихода в Вашингтоне, где я жил, иногда устраивала лекции, и однажды я пришёл на одну такую лекцию – доклад преподобного Смолла, основателя Vare Hands Creek. – Он вернулся, поставил перед ним тарелочку с двумя бледными печеньицами. – И то, что он говорил, я счёл тогда большим преувеличением. Но, приехав вскоре после этого в Саудовскую Аравию, я, так сказать, взглянул на всё другими глазами. Я обратил внимание на вещи, которых без этого доклада не заметил бы. А так я постепенно понял, на каких глиняных ногах стоит наша энергетическая монокультура. Я начал размышлять. Задавать себе вопросы.

Маркус взял одно печенье. Оно было чёрствое, но он всё равно его грыз.

– Вопросы, – повторил он, жуя. – Какие, например?

Таггард снова опустил в кресло и взял свою чашку кофе.

– Видите ли, Маркус, вы знаете, как живут люди в этой стране. Поезжайте в любой городишко. Что вы там найдёте? Главную улицу в несколько домов, обычно с парикмахерской, магазинчиком-закусочной, лавкой «секонд хенд», пиццерией и китайской забегаловкой. И вдоль всей улицы – парковки. Вы увидите, как люди выходят из машин или садятся в машины, но вряд ли увидите человека, который пройдёт пешком больше десяти метров. Дома, в которых живут местные жители, находятся на отшибе, и без машины до них не добраться. В больших городах ещё хуже. Большинство городов внутри почти мёртвые. Население живёт в огромных предместьях из однотипных дешёвых домов, которые распространились по стране как плесень. А теперь подумайте, как всё это должно функционировать, если дешёвой нефти больше нет. В предместье без машины вы пропали; каждому члену семьи необходимо собственное транспортное средство. Многие из этих людей в долгах, без работы или перебиваются на низкооплачиваемой работе, до которой им приходится каждый день добираться за тридцать, пятьдесят, сто миль. Что им делать, если бензин по-настоящему подорожает? И вот ещё о чём подумайте: даже для того, чтобы купить продукты, они должны проехать миль тридцать-пятьдесят. Как это делать, если бензин станет не по карману? Что тогда? Многие попытаются переехать в город – но куда? Старые жилые дома уже обветшали, построить новые – необходимо время и деньги, которых не будет, и, разумеется, горючее для строительных машин, которого тоже не будет, равно как и асфальта, чтобы вымостить улицы, и других строительных материалов, которые производят из нефти. Но даже если бы эти дома и были, кто сможет их себе позволить? Все свои сбережения люди вложили в пригородные дома, будущие доходы уйдут на выплату кредитов – за те же дома, которые станут просто неликвидными, если кончится дешёвый бензин. Дешёвые супермаркеты, до которых им уже не на чем будет доехать, перестанут быть дешёвыми, а то и вообще прекратят существование. Как тогда снабжать население? Где работать тем, кто там до сих пор работал? Как людям отапливать дома зимой, как охлаждать их летом, если электричество подорожает и станет недоступным, а во многих частях страны отключится вообще? Как дети доберутся до школы? Какие профессии будут ещё открыты для них? Уж только не дизайнер СМИ или PR-менеджер. А на что будут жить нынешние дизайнеры СМИ и PR-менеджеры? Начнут кормиться со своего огорода?

Маркус чувствовал себя просто раздавленным потоком слов Таггарда.

– Похоже, ничего другого им не останется, – сказал он, прикидывая, что и его профессия разработчика программных продуктов тоже будет не особенно востребованной.

– Совершенно верно, – сказал Таггард, – но это не так просто, как кажется. Ведь всё нынешнее поколение выросло в уверенности, что молоко берётся из супермаркета. Что эти люди могут знать о том, как бороться с плесенью, мучнистой росой или тлёй? Где, когда и как сеять? Когда и как собирать урожай? Могут ли они защитить свои растения от птиц и диких животных? Да смогут ли они огородить свой участок руками, привычными только к клавиатуре? И где они возьмут для этого материалы, если ближайший строительный рынок находится в сорока милях? Смогут ли они разводить кур, овец или коров? Знают ли они, что

делать, когда корове приспееет телиться?

– А можно ли вообще на участке держать такой крупный скот? – спросил Маркус.

– Да и есть ли у этих людей кусок земли? – ответил вопросом на вопрос Таггард. – Что делать тем, кто живёт на какой-нибудь заброшенной фабрике? Или в социальной квартире? Или в подвале?

Маркус огляделся. Диван, смятые простыни, подушка в худой наволочке.

– У меня и этого нет.

– Вы можете остаться здесь, – сказал Таггард и поднялся. – Вам надо сначала выздороветь, а потом найдётся всё.

Вечером Таггард снова ушёл, «на час-другой», как он сказал. Снаружи уже стемнело, а «темно» в этом медвежьем углу означает: хоть глаз выколи. Надо носить с собой фонарь, чтобы не заблудиться.

Некоторое время Маркус сидел, слушая хруст удалявшихся по снегу шагов своего хозяина и вспоминая то, чему только что был свидетелем: как трудно зажечь фонарь, заправленный растительным маслом. И как тускло горела эта коптилка.

Так вот, значит, в каком будущем он проведёт остаток своей жизни?

Он включил телевизор. По всем каналам шипел лишь белый шум. Он проверил, плотно ли вставлен штекер антенны, но тот сидел надёжно и даже с виду был новым. Чёрт. Не то чтобы ему не доставало взвинченных новостей или уж вовсе рекламных блоков, но хоть что-нибудь увидеть было успокоительно.

Он вскочил, нашёл свою дорожную сумку и вытащил оттуда мобильный телефон. Включить, набрать ПИН-код. Батарея была ещё заряжена на две трети. Ну хоть что-то. Но сколько он ни ждал, как ни подходил к окну, прибор так и не нашёл сети.

Значит, Bare Hands Creek действительно находился на краю света.

Он снова убрал эту бесполезную вещь. А есть ли тут где-нибудь нормальный телефон? В гостиной он не заметил ничего похожего. Взявшись за ручку двери спальни, он замер. Не будет это злоупотреблением доверия? Нет, решил он, не настолько уж это срочно.

Часы показывали десять, когда Таггард вернулся, задумчивый, погружённый в себя. Словно человек, вернувшийся из церкви в осознании своей греховности. Маркус спросил его про телефон.

Таггард потёр лоб и зевнул.

– Был, но я убрал его в гараж. Телефонная сеть умерла. – Он бросил недовольный взгляд на телевизор. – Да и этот ящик тоже можно выкинуть. Если какие-то станции ещё и работают, сюда им не пробиться.

Через два дня Маркус был уже на ногах. После настоящего горячего душа он словно заново на свет родился. Своё постельное бельё, пропитанное потом, он отнёс в гараж, где предполагалось наличие стиральной машины.

Гараж был огромный, его машина в нём почти терялась. Можно было разместить рядом ещё одну-другую...

Ах да. А где, собственно, машина Таггарда?

– Я её продал, – сказал Таггард. – Выменял на инструменты и запасы, так сказать. В деревне почти все отказались от машин; осталось штуки две, они принадлежат общине. На крайний случай.

Упомянутые инструменты занимали маленькую мастерскую, а запасы размещались в шкафах и на полках. Рядами стояли банки консервов – рыбных, мясных, овощных и фруктовых. Мешками – мука, рис, кукуруза, чечевица, сахар, соль, овсяные хлопья и макаронны. Канистрами – уксус и вода. Брусками – маргарин. Коробки с сухофруктами, пряностями, кофе. Запасы туалетной бумаги, стирального порошка, пакетов для мусора. И так далее. Очень много. На первый взгляд могло показаться, что этого хватит на всю жизнь целой семье, но это, возможно, был всего лишь годовой запас для одного человека. А для двоих,

естественно, этого хватит лишь на полсрока.

Отопительный котёл, отгороженный тонкой стенкой, стоял у прохода в жилую часть, а по другую сторону – стиральная машина и раковина умывальника.

Если это вообще была стиральная машина. Предметы американского производства и всегда-то казались Маркусу странными; а этот аппарат, скорее всего, вообще был собственной конструкции.

– Тут всё немного по-другому, – объяснил Таггард. – Деревенский генератор не даёт столько тока, чтобы мы могли использовать обычные стиральные машины. В этой машине есть только мотор, который вращает барабан с бельём, а управление простое, механическое. Горячую воду надо наливать из котла, а порошок сыпать по потребности...

– В деревне есть свой генератор?

– Конечно. Посёлок стоит на берегу сильного горного ручья; выше по течению запружен рыбный пруд, а сток приводит в действие два генератора. Достаточно для электрического освещения, для холодильников и вот для этого.

Стирать бельё в такой машине оказалось делом утомительным. Маркусу пришлось несколько раз сливать воду, набирать новую. Подбрасывая между делом дрова в котёл. И, конечно, отжимала машина слабо, бельё было совсем мокрым, когда он вынимал его и развешивал перед котлом, в самом тёплом месте гаража.

Тут снова появился Таггард.

– А вот с этим я опоздал, – сказал он. – Надо было заменить котёл на кафельную печь. Она экономит дрова. Вы, кстати, знаете, что кафельную печь изобрёл Бенджамин Франклин? Один из отцов американской Декларации независимости? Кто-то недавно мне рассказывал. Занятная деталь.

Маркус наморщил лоб.

– Для чего вообще в деревне, рассчитанной на выживание, построили дом с мазутным отоплением?

– Хороший вопрос. По той же причине, которая привела нас к гибели: потому что нефть всегда была так бросово дешёвой.

– А что делать, когда кончится стиральный порошок?

Таггард прислонился к стене и скрестил руки на груди.

– Тут несколько женщин уже производят его из натурального сырья. Стирает он не добела, но чисто.

Маркус разглядывал прищепки. Они были ещё из пластика. И лучше не спрашивать, что будет, когда они сломаются.

– Тут много работы, чтобы просто обслужить себя, – продолжал Таггард. – Вам придётся тоже в ней участвовать, если вы хотите здесь остаться.

– Я не хочу здесь оставаться, – признался Маркус.

– Я вам верю. Но вам придётся.

Маркус повесил на верёвку последнюю вещь – свои пижамные штаны – и направился к машине. Ключ зажигания торчал в замке. Он открыл дверцу, повернул ключ зажигания и наблюдал за стрелкой уровня горючего.

Она не шелохнулась.

Грандиозно. Маркус вышел из машины, захлопнул дверцу, пошёл к заднему бамперу, встал на него ногами и снова прыгнул, чтобы машина качнулась. Прислушался к шуму жидкости в баке: то был слабенький, смехотворный всплеск. Горючего не набиралось и чашки.

– Вы правы, – сдался Маркус. – Мне не остаётся ничего другого.

Таггард мягко улыбнулся. Его борода становилась всё гуще, отметил Маркус.

– К тому же снега слишком много. Вы бы не пробились.

Постепенно к Маркусу вернулась и его способность ориентироваться во времени. Сегодня было воскресенье, и когда опустились сумерки, Таггард предложил ему пойти с ним в

церковь.

Маркус не считал себя верующим, а тем более набожным, но, пожалуй, здесь было не время и не место возвещать об этом с высокой колокольни.

– Почему бы и нет?

– Воскресная вечерняя служба – что-то вроде сходки всей общины, – объяснил бывший агент ЦРУ. – Я думаю, уместно будет показать вас остальным. Пока не поползли слухи; вы же знаете, как это бывает.

– Что ж, разумно, – согласился Маркус. Слухи. Ага. Ну, это может быть и весело.

Колокол не звонил, люди просто собирались в пять часов. Дом Таггарда стоял на краю деревни. Они поднялись на холм, и дорога снова пошла под горку, дома стали больше, были при них и сараи, стояла и теплица. Маркусу это напомнило амский посёлок меннонитов, который он, правда, видел только в кино, в том фильме с Харрисоном Фордом; как, бишь, он назывался? Ах да, «Последний свидетель».

Он сказал об этом Таггарду. Тот кивнул.

– Да, те тоже выживут. Меннониты в Пенсильвании, мы здесь в Айдахо, какие-то сходные селения в Монтане – и каннибалы из Папуа – Новой Гвинеи. У тех-то проблем будет меньше всего.

Было холодно. Зимние ботинки, купленные Маркусом ещё в Канаде, оказались не особенно хорошими: холод быстро пробрался до колен. Но лучше не спрашивать, где ему взять следующую пару зимней обуви. Может быть, для этого придётся взять ружьё и застрелить подходящего зверя с густой шерстью.

Он не успел додумать эту мысль, как впереди показались двое мужчин с ружьями – судя по всему, патруль. Он вспомнил: такие же патрульные встретились ему, когда он сюда ехал.

Церковь была просторным, строгим строением с простым деревянным крестом на фронтоне. Скамьи уже были почти заполнены, когда они вошли; когда они двигались по проходу, Маркус чувствовал на себе сотни взглядов. Место им нашлось в передних рядах.

Таггард указал на священника, который тихо беседовал с мужчиной и женщиной.

– Это он. Преподобный Эдвард Смолл. Он и те двое, с которыми он говорит, это триумвират, выбранный общиной, который принимает все решения, кроме тех, для которых требуется полный сход.

– Звучит так, будто у вас тут своя Конституция.

– У нас тут даже своя Декларация независимости.

Эдвард Смолл? До чего неподходящая фамилия. С его-то широкими плечами и квадратным лицом он казался скорее воином джунглей, переодетым в священника.

Мужчина, с которым он говорил, носил очки в тонкой оправе, а седые волосы зачёсывал назад. То был доктор Джеймс Хайнберг, врач. Рядом с ним стояла его супруга, строгая матрона с негроидными чертами, заметно моложе него. Она была деревенской учительницей.

Богослужение началось с того, что все запели. На таком старинном английском, что Маркус не понимал слов, однако мелодия звучала скорбно и рассказывала о страданиях. И что-то такое было в том, как слаженно пели сотни сильных голосов.

Затем преподобный Смолл с простёртыми руками обратился к пастве:

– Давайте подумаем о людях, которых нефтяной шок застал неподготовленными. Подумаем о людях, которые не смогли прибегнуть к Божьей милости, приведшей вас сюда. Подумаем о людях, которые в эти тяжёлые времена извели страдание, поскольку грядёт беда, которую мы с вами сподобились предвидеть. – Он достал из недр своего одеяния бумажку. – Как мы узнали, в Фениксе, штат Аризона, в Альбукерке, Нью-Мехико, а также в некоторых районах Лос-Анджелеса нарушено водоснабжение. В этих областях объявлено чрезвычайное положение. – Он опустил бумажку и обвёл взглядом напряжённо слушающих его прихожан. – Общее для этих городов то, что это *города пустыни*, которые до сих пор оставались жизнеспособными только благодаря водоснабжению из-за сотни миль, благодаря кондиционерам и транспорту. Теперь всего этого нет, нет бензина и электричества, поскольку сорок процентов электричества в США производилось путём сжигания жидкого топлива.

Таггард наклонился к Маркусу.

– У Джеймса Хайнберга есть коротковолновый радиоприёмник, – шепнул он. – В настоящий момент это наша единственная связь с внешним миром.

– Для затронутых бедствием городов, – гремел преподобный, – удача, что сейчас зима, иначе всё было бы ещё хуже. Однако я говорю вам: это несчастье! Ибо многие люди поддаются искушению остаться в этих бедствующих городах, этих свидетельствах человеческой мании величия, возникшей из веры, что для техники нет ничего невозможного. И что потом? Разве может бедственное положение снова кончиться, теперь, когда нефть на грани исчезновения? Наступит лето, и что? К тому времени уже другие окажутся в местах, куда эти люди могли бы уйти сейчас. Многие из оставшихся погибнут от жажды и жары, и выживших не хватит, чтобы всех похоронить. Начнутся эпидемии, очаги которых, за недостатком медикаментов и невозможностью их доставки, нельзя будет потушить. – Он смолк и снова заглянул в свою бумажку. – Далее мы узнали, – продолжал он, – что в Мехико начались волнения и что число беженцев, переходящих через границу, с каждым часом нарастает. – Он сложил ладони и опустил свою громоздкую голову. – Помолимся за них.

Этот призыв тут же перешёл в продолжительное, страстное моление на все голоса. На слух Маркуса, это звучало почти нестерпимо сентиментально. Он с облегчением вздохнул, когда наконец все снова запели.

Потом последовали наставления. Теперь надлежит, подчеркнул преподобный, держаться вместе, сохранять уединённость общины и придерживаться правил, которые были выработаны на такой случай за минувшие годы и десятилетия.

– Не падайте духом! – воззвал он зычным голосом. – Даже если вас иной раз охватит чувство бессилия перед лицом катастроф, творящихся вокруг, не сдавайтесь! Помните о том, что людей, переживших ледниковую эру, было не больше двух тысяч. Всё огромное человечество заново произошло от этих немногих отцов и матерей будущих племён и народов. Точно так же будет и теперь, и от нас зависит, от каждого в отдельности, чтобы это стало возможным.

Затем было чтение Библии. Доктор Джеймс Хайнберг – выразительно и весьма к месту – читал историю Ноя. Маркус поневоле разволновался, слушая эту древнюю историю. Казалось, он вот-вот поймёт, как ему повезло в решающий момент оказаться именно здесь.

Глава 39

Бородатый рыжий мужчина по имени Джек, с огромными, как лопаты, ручищами, должен был определить Маркуса к работе.

– А что вы умеете делать? – спросил он.

Маркус беспомощно пожал плечами.

– Ну, в общем...

– Кем вы работали раньше?

– С компьютерами. В отделе продаж, ну, и всё такое.

– То есть ничего не умеете, – подытожил Джек и взял карандаш, который в его лапах выглядел как детская игрушка (чем они будут писать через десять лет?). – Тогда начнём с сена. Там трудно что-нибудь напортить.

Это значило являться в шесть часов утра на большой сеновал посреди деревни и ворошить вилами запасы сена, чтобы оно не слёживалось и оставалось свежим.

От сена исходил душистый аромат, пахло лугами, цветущими склонами, летом и отдыхом. Но Маркус в первый день не доработал и до обеда, кости и суставы у него разболелись от непривычных нагрузок.

– Тогда задайте корм скоту, – сказал Джек, заглянув к нему узнать, как идут дела. – Это не так тяжело.

Это значило перевезти через заснеженный двор возок сена в тележке и распределить его в хлеву по яслям. Там содержались в основном коровы, эти огромные животные косились на

него шоколадными глазами. Сколько же может весить корова? Тонну? Он ещё никогда в жизни не видел корову так близко, не говоря уже о том, чтоб ощущать её специфический запах.

В нескольких боксах стояли и лошади. Они внушали ему особенный ужас. Они всегда беспокоились, когда он входил, начинали пританцовывать в стойлах, как будто прикидывая, как бы перемахнуть через барьер и забить его копытами до смерти. Он старался поскорее задать им корму и уйти.

К счастью, ближе кормушек ему подходить было не нужно. Чистить лошадей скребницей приходила девушка.

Через неделю Маркус понял, что она нарочно приходила именно тогда, когда он находился в хлеву.

Сомнений не осталось, когда он увидел, как она смотрела на него.

Маркус краем глаза разглядел её подробнее. Она была ещё подросток, девочка, грезившая о таинственных знакомцах. У неё были большие чёрные глаза и густые локоны до середины спины. Кожа была такая чистая, что, казалось, мерцала в сумерках хлева, едва освещенного двумя усталыми лампочками. Одетая она была скромно, однако пуговицы ватника застёгивались на груди, казалось, с трудом. Широкие бёдра тоже невозможно было скрыть. Несомненно плодовитое тело, готовое начать историю человечества с начала, если надо.

Чувственность сквозила и в её манере обхождения с лошадьми, и, глядя, как она выгибается и тянется, вычищая животных скребком или щёткой, Маркус ощущал нешуточное напряжение. Она излучала жажду жизни, любопытство, нетерпение. Она была... согласна.

Работа на сеновале спорилась лучше, когда ему было о чём подумать, а дум у Маркуса было много. Так вот, значит, как выглядит его будущее? Это и есть та жизнь, которая уготована ему судьбой? Заниматься физическим трудом, прижиться в Bare Hands Creek, завязать знакомства? Ходить по воскресеньям в церковь, приняв благочестивый вид, чтобы не слыть аутсайдером? Сделать новую карьеру, с другими правилами, но с той же целью, какую карьера имела всегда и во все времена, а именно: подняться выше по лестнице, где бы эта лестница ни находилась и какой бы длины ни была?

В конце концов, жениться на одной из девушек общины, произвести на свет детей и забыть, что когда-то были компьютеры, скоростные автомобили, и телефоны в нагрудном кармане, и космические станции, и роботы для Марса, и небоскрёбы, и автобаны, перекинутые через зияющие пропасти?

Забыть, что когда-то у него была мечта о стеклянной башне, которая носила бы его имя и которую знал бы весь мир?

С каждым днём становилось всё холоднее, и почти каждую ночь выпадал снег. Маленькая запруда покрылась льдом. Поскольку напор воды от этого уменьшился, электричество подавалось нормированно. В течение часа утром, когда все вставали – чтобы не терять время на разжигание ламп и чтобы мужчины могли быстро побриться (а где он будет брать сменные лезвия через два-три года? – спрашивал себя Маркус), и один час вечером. Остальное время задвижки плотины оставались закрытыми, и кто хотел света, зажигал свечи.

– Это хотя бы созерцательно, – сказал Таггард, когда они сидели вечерами за пивом, а на столе между ними горела свеча.

«И примитивно», – подумал Маркус, но вслух сказал:

– Хотя бы от дорожных пробок мы окончательно избавились.

– И от и-мейлов.

– От рекламных буклетов, которые забивали весь почтовый ящик.

– И даже от налоговой службы, – ухмыльнулся Таггард. – Никаких тебе больше деклараций. Уже ради этого стоило, а, вы не находите?

Потом от них потребовали экономнее расходовать дрова. Отныне горячий душ можно было принимать только раз в неделю, а остальное время умываться ледяной водой.

- Это бодрит, – сказал Таггард.
- Да, – согласился Маркус.
- И закаляет.
- Говорят.

Но так оно и было, он чувствовал себя прекрасно. Был здоровым, как никогда. Физические нагрузки действовали благотворно, по ночам он спал как камень, и хотя еда у них была никак не *haute cuisine*,³⁹ редко когда в жизни она казалась ему такой вкусной. Работа уже не утомляла, как вначале; ему даже казалось, что мускулы прибавили в объёме.

Однажды он заговорил с девушкой. Ничего особенного он ей не сказал. Только: «Привет», – когда вошёл, а она скребла в проходе сивую кобылу.

Она улыбнулась. Поощрительно. Волнующе. Вызывающе.

– Что, много возни с конями, а? – продолжил Маркус. Само сказалось. «Что это я такое сморозил!» – мысленно одёрнул он себя, как только эти слова сорвались с языка.

Она улыбнулась.

– Мне нравится.

– Это заметно.

Она, казалось, хотела что-то ответить, но закусил губу и принялась скрести с удвоенной энергией. Она и сама чем-то походила на лошадь. Такая же была... ядрёная. Такая же опасная, размашистая.

«Ладно, – подумал Маркус, так и не дождавшись ответа. – Ну и не надо».

И он занялся коровами, задавая им в ясли сена. Джек за минувшее время уже повысил его настолько, что ему было доверено вычищать из-под коров навоз и подстилать им свежей соломы. Неприятная работа, но ведь кто-то должен её делать. Кто-то делал её и до нефтяного шока. Ведь коровы и раньше не ходили в туалет, а по достижении забойного веса не шагали своим ходом к мяснику.

Никогда прежде он об этом не задумывался. Мясо – это был продукт, запакованный в пластик, снабжённый этикеткой с ценой и сроком годности и выложенный в холодильной витрине. Или кусок мяса просто попадал к нему на стол уже готовым, на тарелке.

Вот ведь, оказывается, ценишь только то, чего уже лишился! Какую же он вёл удобную, приятную, волнующую и привилегированную жизнь, даже не осознавая этого. И был постоянно недоволен своим положением, мечтая о том, как всё будет потом, когда он станет председателем совета директоров. Миллиардером. Обладателем «Феррари», роскошной виллы и собственного самолёта. И чего-то там ещё.

А теперь он был начинающий скотник. От миллионера к посудомойщику, так сказать.

Он управился с коровами и собирался уходить, и тут она его окликнула:

– Эй!

Он остановился.

– Ну?

– Хочешь пойти на обед?

До сих пор на обед Маркус съедал лишь пару бутербродов, прихваченных с собой из дома.

– Да. И куда же?

– В главный дом.

Он понятия не имел, о чём она.

– О'кей. Если ты возьмёшь меня с собой.

Она вышла из лошадиного стойла, заперла его на задвижку и позвала:

– Идём.

Они помыли руки рядышком у длинной стальной раковины. Две тоненькие струйки

---

³⁹ Haute cuisine (фр.) – «высокая» кухня; здесь – высшего качества.

воды падали в поддон, такие холодные, что мыло толком не мылилось, а руки сразу краснели. Из-за этого у Маркуса, когда они уже отправились, осталось чувство, что от него ещё воняет.

– Как тебя зовут? – спросила она и добавила: – Чтобы я могла тебя представить.

– Марк, – сказал Маркус.

– А меня – Ребекка.

– Красивое имя. – Это вырвалось у него тоже само собой. Рефлекс, наработанный в студенческие времена завязывания знакомств? Нет, тогда не говорили так.

– Тебе нравится? – Она по-настоящему обрадовалась. Они перешли через дорогу и направились к большому дому возле церкви. Несмотря на глубокий снег, они шагали чуть ли не вприпрыжку. – Знаешь, я думаю, ты совсем не такой, как все говорят.

Маркус насторожился.

– Да? А как все говорят?

– Ну, что ты явился на готовое, дом здесь не покупал, ничего не умеешь. И хочешь выжить за наш счёт. Многие считают, что это несправедливо.

Маркус задумался.

– А может, это Божья милость, такое никому не приходит в голову?

Эта мысль, казалось, озадачила её.

– Нет, – засмеялась она.

«Видимо, – подумал Маркус, – все тут ходят в церковь, но лишь делают вид, что веруют».

Главный дом встретил их ароматом жаркого, картофеля и приправ, едва они прошли в просторную столовую. На столах стояли плетёные корзиночки с приборами и матерчатыми салфетками, люди сидели на скамьях.

– Я привела Марка, – объявила Ребекка всем, кто здесь уже был. – Он работает в коровнике.

Все вокруг закивали, его окинули любопытными взглядами, но были среди них и критические, и он не смог понять, к кому они относились.

Они сели на край скамьи. Маркус быстро огляделся. Тут были одни женщины, преимущественно пожилые. Некоторые, пожалуй, и к моменту основания деревни не были молоденькими. Они сидели на стульях вдоль стены и – вязали. Носки, увидел Маркус, и нижнее бельё. Он оторопел, представив себе толстые, связанные из узловатой овечьей шерсти кальсоны. И поклялся, что научится штопать и латать своё бельё и следить за ним, чтоб оно носилось как можно дольше.

– Здесь что, едят только женщины? – шёпотом спросил он Ребекку.

Она отрицательно помотала головой и пояснила:

– Мужчины сейчас придут.

Первый явился тут же, будто только и ждал её слов; комбинезон его был в опилках. Он побалагурил с несколькими женщинами у входа, сел, и дверь уже не закрывалась. Не прошло и пяти минут, как столовая наполнилась людьми.

Четыре женщины прикатили из кухни сервировочные тележки и перед каждым поставили по полной тарелке. Аромат, исходивший от еды, на время лишил Маркуса дара речи. Впервые в жизни он на собственной шкуре почувствовал, что значит выражение «слюнки потекли».

Никто пока не начинал есть, и Маркус тоже выжидал, хотя ему это дорогого стоило. Как только разнесли все тарелки, кто-то произнёс короткую молитву, в которой опять были помянуты те, кто после «краха», как это называлось, жил не так хорошо, и все наконец взялись за ножи и вилки.

Это был просто кусок жареного мяса с картофелем и разными овощами под белым соусом, но вкусно было необыкновенно. Если ради того, чтобы и впредь наслаждаться такой кухней, придётся носить вязаные кальсоны, то об этом (решил в эту минуту Маркус), возможно, стоило подумать.

Первые минуты еды проходили молча, потом тут и там завязались приглушённые

разговоры, и вскоре воцарился уровень шума, обычный для столовых. После чего Ребекка спросила:

– А ты любишь лошадей?

Маркус жевал, что помешало ему ответить спонтанно.

– Я их, если честно, скорее опасаясь.

Но она не отнеслась к этому скептически.

– А я от них в восторге. Летом я всегда скачу верхом. Я хорошо умею скакать верхом. Хочешь, тебя научу?

Маркус представил себе картину летней верховой прогулки, зелёную листву над головой, привал в кустах и два обнажённых, потных тела... Потом он глубоко вздохнул, картинка исчезла, и он совершенно здраво рассудил, что научиться верховой езде не только стоит, но даже необходимо, чтобы в будущем быть оснащённым.

– Да, – сказал он. – С удовольствием. Было бы здорово.

Её лицо расцвело улыбкой. Она вскинула голову, отбрасывая назад непокорную прядь, и по этому движению Маркус понял, что в ней так привлекает его: её поразительная жажда жизни, её неприкрытая сексуальная готовность волнующе напомнили ему об Эми-Ли! С той лишь разницей, что у Ребекки условия религиозной общины плотно удерживали это бурное кипение под крышкой.

Эми-Ли. Каково ей там? Наверняка у неё давно уже новый любовник, а про него она даже не вспоминает. Как при нём не вспоминала о мужчинах, бывших до него. К тому же он ведь сам ушёл от неё.

Настало время и ему забыть об этом. Всё это в прямом смысле слова осталось в другой жизни.

– О чём ты думаешь? – спросила Ребекка.

– О человеке, который... как бы это сказать...

– Который попал под этот «крах»?

– Да.

– Женщина? – Верный инстинкт охотницы.

– Да, – сказал Маркус. – Женщина.

Ребекка смотрела в свою тарелку, рисуя вилок в соусе.

– Не все там погибнут, знаешь? Мой отец так говорит. Может, ей повезёт.

– Твой отец?

– Преподобный, – сказала Ребекка.

На следующий день Джек взял у него из рук вилы и объявил, что теперь будет учить его стрелять.

– Стрелять? – непонимающе повторил Маркус.

– Тебе уже приходилось когда-нибудь стрелять? – спросил Джек.

– Нет.

– Ну вот.

Они направились к главному дому, куда на сей раз вошли через другой вход. Лестница вела в подвал, где вдоль стен стояли шкафы из массивной стали. Джек достал из-за пазухи ключ, который носил на цепочке, и открыл один из них. В шкафу висели пять ружей, а внизу стояли коробки с патронами. Джек взял одну.

– Пятьдесят выстрелов, – сказал он и сунул коробку ему в руки. – Это норма для обучения. На пятидесятом выстреле ты должен уметь уже всё.

– О'кей, – сказал Маркус с неуютным чувством.

Ружьё Джек поначалу нёс сам. Он всё запер, они вышли на мороз и зашагали вдоль по улице в другую сторону от дома Таггарда, углубились в лес и добрались до низины, которая явно использовалась здесь в качестве природного тира. На бревне в отдалении стояли пять изрядно помятых консервных банок.

– Итак, правило номер один, – сказал Джек и поднял ружьё. – Обращаться с оружием

надо всегда так, будто оно заряжено. Правило номер два: когда несёшь ружьё, дуло всегда должно смотреть в землю. Правило номер три: за исключением тех случаев, когда ты намеренно в кого-то целишься, чтобы пригрозить или пристрелить его...

От той естественности, с какой рыжеволосый богатырь говорил об убийстве человека, Маркус содрогнулся, как от электрического разряда.

– ...ствол ни при каких манипуляциях нельзя направлять на человека. Ясно? Если я тебя на этом застукаю, получишь десять ударов палкой.

– Ударов палкой?

– Помогает безотказно усвоить правило номер три, уж поверь мне.

Потом он показал, как обращаться с ружьём. Как заряжать. Как держать. Как вскидывать и целиться.

– С предохранителя снимаешь только перед самым выстрелом, – внушал он, – и палец кладёшь на спусковой крючок только в момент выстрела.

– О'кей, – сказал Маркус.

Джек протянул ему заряженное ружьё. Маркус принял его осторожно, стараясь помнить три основных правила, встал в позицию, прицелился в первую банку и...

В момент выстрела ему показалось, что конь лягнул его в плечо. Дуло дёрнулось, и пуля просвистела в ветках.

– Типичная ошибка начинающего, – сказал Джек. – Ты должен крепче прижимать приклад к плечу. На весу отдачу не удержишь. Чем крепче ты прижмёшь приклад, тем меньше у него разгона, чтобы ударить тебя, ясно? Ты должен стать единым целым с ружьём. Отдача должна прийти к вам общий с ружьём центр тяжести, вот это будет правильно.

Маркус сделал девять выстрелов, пока это понял.

С двадцать первого выстрела он впервые попал в банку, а начиная с тридцатого выстрела уже не промахивался.

– Хорошо, – похвалил Джек. – Природный талант, должно быть. Можешь хоть завтра в дозор.

Когда Маркус вернулся вечером, у Чарльза Таггарда уже стояло на огне аппетитное жаркое. Работал он на бойне и временами получал какой-нибудь особенный кусочек.

– Не составите мне компанию? – Таггард старательно поливал жаркое выделившимся соком. – Я тут решил открыть одну из немногих оставшихся бутылок вина. Калифорнийское «сира». Не самое старое, но хорошего года. При условии, потому я и спрашиваю, что кто-нибудь поможет мне выпить бутылку.

– В таких случаях я всегда рад прийти на помощь, – сказал Маркус.

Хорошая еда, вино и свеча развязали Таггарду язык. Он рассказывал о работе на бойне, объяснял, как надо забивать телка – его оглушают сильным ударом молотка по черепу, делают надрез вдоль шеи, не повреждая горло, вскрывают сосуды справа и слева и выпускают кровь. А потом его ещё нужно правильно разделать.

– Удивительное дело, ведь в животном почти всё идёт в дело. Начиная от шкуры и костей и кончая кишками и мочевым пузырьём...

– Не особенно приятно, а? – сказал Маркус и взял себе ещё один кусочек. С черносливом.

– Да, страшновато, – согласился Таггард. – В первый день я еле выдержал, можете мне поверить. При том что я в своей профессии немало перевидал... – Он задумчиво подлил себе вина. – Стараются сделать так, чтобы животное не мучилось. Насколько мы можем это оценить. Но его убивают, это ясно. И разделяют на части. Вначале это живое существо, а потом – только мясо. Пища. Незаменимая в нашем положении. – Он сделал глоток, подержал его на языке, чтоб прочувствовать вкус. – Странно, как в мире всё устроено, вы не находите? Я тем меньше понимаю это, чем становлюсь старше.

Потом он рассказывал о своей семье и о том, как лишился её.

– Это был тяжёлый кризис. Кто-то, пережив такое, идёт к психотерапевту, кто-то достаёт

из шкафа Библию. У меня был вариант с Библией. Не хочу, однако, утверждать, что я обрёл Бога. Я его не обрёл. Но я его ищу. – Таггард рассеянно смотрел в свой бокал, в котором вина осталось лишь на доньшке. – И вот я здесь. А вот то, что вы сюда забрели, да к тому же в последнюю минуту, – уже странно. – Он отставил свой бокал. – Как там говорят? Неисповедимы пути Господни.

Маркус патрулировал вдвоём с Брюсом Бёрджессом, мужчиной лет пятидесяти. У него был нос картошкой и взгляд человека, разочаровавшегося в мире.

Каждый патруль принимал и сдавал пост грузному мужчине, которого все называли Кеном. Каждый из патрульных получал ружьё, заряженное и поставленное на предохранитель, а к нему дополнительный магазин. Брюсу выдали бинокль, Маркусу доверили «уоки-токи», переносной радиотелефон. Кен сверил с ними часы, пометил себе время их выхода и назначил время возвращения.

Брюс знал дорогу. Их распределили на южный маршрут, где проходила и дорога 55, по которой Маркус приехал сюда. Сто лет назад, как ему теперь казалось.

– Мы не встретим ни души, – предсказал Брюс. – Никто сюда не въедет, тем более зимой. Да и вряд ли кто-то знает, что мы тут вообще есть.

Маркус кивнул, и они размеренным шагом пошли по лесной тропе.

– Другими словами?

– Нет, мы всё равно пойдём. Бдительность терять нельзя. Я только сказал, чтобы ты почём зря не палил из ружья.

– Я и не палю.

– Если где-то что-то и затрещит, это в лучшем случае медведь. Или волк. Но никак не мексиканский беженец со своими семнадцатью детьми в рюкзаке или как там себе это представляют наши.

– А здесь водятся медведи и волки?

– Ещё как.

Об этом Маркус и раздумывал. Снег скрипел у них под ногами; предыдущие патрули хорошо утоптали дорогу. Было не очень холодно, меховая шапка из Канады держала тепло, и даже его ботинки пока не промерзли.

Брюс рассказывал, что родом он из Нью-Йорка, работал продавцом ценных бумаг. В школе он учился с Джеймсом Хайнбергом, здешним врачом. Они поддерживали контакт, и, в конце концов, Брюс купил себе дом в Bare Hands Creek. Вместе со своей женой, только вот незадолго до «краха» ей приспичило непременно полететь на восьмидесятилетие её матери, и с тех пор о ней нет ни слуху ни духу.

– Мне очень жаль, – произнёс Маркус и спросил себя, не злится ли на него втайне Брюс: как-никак, он здесь в какой-то мере занял место, освободившееся от его жены.

Лес выглядел вполне безобидно. Одни деревья, и конца им не было. Виднелись следы на снегу, но все они были от мелких животных. Может, Брюс хотел лишь страху на него нагнать.

– Скажи-ка, – начал через некоторое время бывший торговец ценными бумагами, – говорят, у тебя что-то с дочерью преподобного.

– Нет, – ответил Маркус.

Они шли дальше, но чувствовалось, что тема этим не исчерпалась.

– Откуда же тогда такие слухи?

– Понятия не имею. Мы только работаем в одном хлеву. Она при лошадях, а я коровам задницы подтираю.

– Понятно. А то я бы тебе отсоветовал. Слишком опасно. Преподобному бы это не понравилось, понятно?

Маркус кивнул.

– Да уж я думаю.

Каждые пятнадцать минут звонил Кен и требовал сообщать отзыв и местонахождение.

– Скажи, мы у зайчатника, – подсказал Брюс.

Маркус повторил это в трубку и, когда Кен отключился, спросил:

– Ну и где здесь зайчатник?

Брюс отрицательно помотал головой.

– Здесь нам полагалось сделать крюк, который ведет далеко вниз, а потом снова круто поднимается вверх. Это не для моего кровообращения. А тут мы срежем путь, это сделает дорогу гораздо удобнее.

– Я делаю все, что мне говорят, – сказал Маркус.

Идти срезанным путём было удобно. Кен позвонил ещё раз, теперь Брюс подсказал ему такой ответ:

– Точка 15 на карте.

Но когда после этого Маркус хотел убрать переговорное устройство в карман, оно выскользнуло у него из рук и покатилося под откос.

– Ну ладно, – вздохнул Брюс и опустился на пенёк. – Для тех, кто с биноклем, объявляется перерыв. Остальные идут на поиски радиотелефона. Я пока присмотрю за твоим ружьём, если хочешь.

Ничего другого не оставалось. Маркус поставил ружьё около Брюса, а сам пошёл по следу, который, к счастью, был хорошо различим.

Прибор остановился на краю сугроба, нависшего над дырой от вывороченного корня дерева. И, разумеется, стоило Маркусу протянуть руку и коснуться прибора, как он покатилося дальше и упал в дыру.

– Ну замечательно, – тихонько выругался Маркус, спускаясь следом и чувствуя, как снег, набившийся ему в ботинки, начал таять. Остаток дозора из-за этого обещал стать крайне неприятным.

Радиотелефон лежал в круглом углублении в снегу. Поднимая его, Маркус смёл немного снега с круглого края поразительно правильной формы. Под снегом обнаружился чёрный пластик.

Что это могло быть? Маркус сунул телефон в карман и смёл остатки снега. Теперь и рукавицы будут мокрыми, но это уже мало что изменит.

Это был кабель. Чёрный, свёрнутый бухтой. Он размотал его и прочитал надпись: «Property of AT&T».

Телефонный кабель. Он глянул на конец. Конец обрезан. Кто-то перекусил кабель хорошими кусачками, и, судя по свежему блеску на месте среза, это случилось не так давно.

Ответную часть кабеля он нашёл в полуметре от нижнего края дыры. Конец телефонного кабеля, ведущего в деревню.

Глава 40

– Если признаться честно: я не знаю, почему цены на нефть так высоки, – сказал министр экономики на федеральной пресс-конференции. Это был низкорослый лысый человек, в чистом виде солдат партии, который за всю свою жизнь ни разу не отличился никакой инициативой. Его призыванием были вынужденные меры; об этом знали все, в том числе и он сам. – Фактически нефти сейчас на рынке не меньше, чем было до инцидента в Рас-Тануре.

– Однако с момента разрушения порта мы ежедневно недосчитываемся пяти баррелей, – громко возразил репортёр из первого ряда.

– Это верно, – подтвердил министр. – Но эту недостачу страны, являющиеся членами Международного энергетического агентства, возмещают с тех пор из своих резервов. Я подписал соответствующее министерское распоряжение через два дня после взрыва в порту Рас-Танура.

Далёкое прошлое 1937–1947 гг.

Король Ибн Сауд постоянно выражал тревогу относительно плана устройства еврейского государства на землях Палестины. В разговоре с британским посланником в 1937 году он сказал, что поддержит продолжение оккупации и управления Палестиной со стороны Великобритании ещё хоть на сто лет, если понадобится: это будет в любом случае лучше раздела этой территории и основания еврейского государства.

В интервью, которое он дал американскому «Life-Magazine» в 1943 году, он повторил свои возражения.

В 1945 году на встрече с американским президентом Франклином Д. Рузвельтом он сказал, что когда установится мир, евреи должны будут либо вернуться в страны, откуда они были изгнаны, либо, если они предпочитают иметь собственное государство – желание, которое он в принципе находит понятным, – это государство должно быть основано в Европе, например, за счёт урезания территорий побеждённых стран. Желание же создать государство евреев в Палестине, предостерегал он, приведёт к конфликтам с арабским миром, к беспорядкам, а то и к войне. В такой войне, заявил он, ему как правоверному мусульманину придётся принять участие, сражаясь на стороне арабских братьев. Но поскольку, с другой стороны, он ищет дружбы США, таким образом будет запрограммирован конфликт лояльности.

Рузвельт выслушал всё это и пообещал саудовскому королю, что его страна всегда будет иметь место за столом, где будет решаться палестинская проблема.

Но уже его преемник Гарри Трумэн нарушил это обещание. Когда он объявил своему кабинету, что намерен поддержать резолюцию ООН о создании государства Израиль, ему, как рассказывают, возразил госсекретарь Джордж Маршалл, инициатор названного его именем Плана по восстановлению Европы:

– Мистер президент, вы не можете сделать это. Арабы никогда нам этого не простят.

– Арабы не принимают участия в американских выборах, – ответил Трумэн. – А евреи принимают.

Так 14 мая 1948 года было основано государство Израиль, и оказалось, что Маршалл, получивший в 1953 году Нобелевскую премию мира, был прав в своих опасениях.

1973

Король Файзал, правивший Саудовской Аравией с 1964 года и признанный политиком международного масштаба со времён урегулирования саудовско-египетского конфликта, в котором он сыграл значительную роль, неоднократно в течение 1972 года грозил сокращением поставок нефти, а то и вовсе полным эмбарго, если США в ближневосточном конфликте и впредь будут занимать сторону Израиля.

6 октября 1973 года, на еврейский праздник Йом-Кипур, египетские и сирийские войска вторглись в Израиль, чтобы отвоевать назад территории, потерянные ими в Шестидневной войне 1967 года. Несмотря на начальный успех, достигнутый за счёт внезапности, это намерение потерпело поражение; израильская армия смогла отбить нападение и даже захватила дополнительные территории.

Когда президент Ричард Никсон запросил у американского Конгресса согласия на поставку Израилю оружия на 2,2 миллиарда долларов, король Файзал уступил настоянию египетского президента Анвара Эль-Садата: он «занёс нефтяной меч», как это цветисто описали историки, и последовало то, что потом вошло в историю как первый большой нефтяной кризис.

Конкретно произошло следующее: через десять дней после начала военных действий десять арабских министров нефти встретились в Кувейте, повысили цены на нефть на 70 % и договорились сокращать производство нефти на пять процентов в месяц – и так до тех пор,

пока ближневосточный конфликт не будет урегулирован к их удовлетворению, другими словами, пока Израиль не уйдёт со всех оккупированных им территорий. На другой день после выступления Никсона Саудовская Аравия объявила, что будет сокращать производство нефти даже на 10 процентов в месяц; кроме того, на всё время эмбарго нефть больше не будет отгружаться ни в США, ни в Нидерланды. Включение сюда Нидерландов имело под прицелом Роттердам, важнейший нефтяной порт Европы.

На рынок недопоступило лишь небольшое количество нефти. К тому же Иран, которым тогда управлял шах Мохаммед Реза Пехлеви, незамедлительно начал поднимать собственную добычу нефти, чтобы посылить возместить недостающее. Кроме того, через несколько месяцев эмбарго прекратилось, так ничего и не достигнув.

Однако для стран, затронутых им, это был шок. Повсюду в индустриальных государствах узнали, что значит вслепую полагаться на то, что импортная нефть будет течь без перебоев. Резервами не запаслись. О состоянии имеющихся запасов не было никакой информации. Как не было и действующих альтернатив. Вся экономика уже была поставлена в зависимость от нефти.

Это было жестокое пробуждение. Хотя недоставало не столь уж большого количества нефти, но всё же *недоставало*, и это подстегнуло рост цен. Раньше, до конца 1970 года, нефть довольно стабильно стоила 1,9 долларов за баррель, после чего ОПЕК подняла цену сперва до трёх долларов, а незадолго до начала эмбарго – до пяти. К началу 1974 года цена на нефть возросла до 11,65 долларов за баррель.

В 1974-м и 1975-м годах дело дошло до самого резкого падения промышленной активности со времён войны. Продукты питания и потребительские товары стремительно дорожали, фирмы банкротились, банки рушились, и целые отрасли – такие как сталь, судостроение и химия – скатывались в депрессию, из которой им не так скоро суждено было выбраться. В Германии непосредственно из-за нефтяного кризиса потеряли работу около полумиллиона человек. В повседневный язык вошли неведомые до сих пор понятия – «частичная занятость», «государственная задолженность» и «уровень безработицы».

Чувствительнее всего «нефтяной меч» Файзала задел развивающиеся страны, которые вообще не участвовали в конфликте: такие как Индия, Филиппины, Таиланд, а также всю Африку и Латинскую Америку. Рост цен на нефть задушил многообещающий рост сельского хозяйства и промышленности. Дороговизна удобрений, строительной стали и химических продуктов отбросила эти страны назад в бедность, из которой они только-только начинали выбираться.

Кризис привёл к реакции в индустриальных странах, осознавших свою зависимость от нефти.

Во-первых, начали прилагать усилия к разведке новых нефтяных месторождений, – что во многих случаях было рентабельно как раз благодаря росту цен. Самым крупным проектом стала шельфовая добыча в Северном море и у берегов Аляски.

Во-вторых, искали альтернативы. Стала развиваться атомная энергетика. Атомная программа правительства канцлера Хельмута Шмидта предусматривала получение в 1985 году 45 % электричества от атомных электростанций. Испания, Италия и Франция издали похожие программы, причём французская была ещё честолюбивее немецкой, и за её осуществление взялись с ещё большим рвением.

В-третьих, было решено заложить резервы нефти.

1974

18 ноября последовавшего за эмбарго года представители шестнадцати важнейших индустриальных стран поставили свои подписи под International Energy Program – соглашением, призванным избежать ущерба из-за перебоев с обеспечением нефтью. Важнейшей мерой было обязательство каждой страны держать запасы нефти на 16 дней – уровень, который через несколько лет повысили до 19 дней. Далее был учреждён орган,

International Energy Agency (IEA), с резиденцией на Рю де ля Федерасьон в Париже и всемирной информационной системой, чтобы быть в курсе об имеющихся резервах, а также об опасностях, грозящих энергоснабжению.

Самый большой резерв на экстренный случай находится, естественно, в США. Это Strategic Petroleum Reserve (SPR), размещённый в четырёх соляных куполах, а именно в Брайен-Моунд и Биг-Хилл в Техасе, а также в Уэст-Хэбберри и Байю-Чокто в Луизиане. Здесь путём вымывания соли были созданы каверны-резервуары, такие ёмкие, что в каждой из них мог бы поместиться Chicago Sears Tower – и таких резервуаров 62, и все заполнены. Нефти достаточно, чтобы выполнить обязательства перед IEA и ещё сверх того иметь достаточный резерв для национальной обороны.

К системе экстренных запасов IEA пока что прибегали только дважды: в 1991 году во время кризиса в Персидском заливе, в день нападения на Ирак, названного «Бурей в пустыне», и в сентябре 2005 года, когда ураган Катрин разрушил нефтеперерабатывающие заводы и порты Луизианы и сильно подорвал нефтеснабжение США.

Все вопросы, касающиеся экстренных случаев с нефтью, находятся в компетенции так называемой SEQ, Stanting Group on Emergency Questions. Она заседала непосредственно после взрыва в порту Рас-Танура и признала, что этот взрыв является экстренным случаем, который оправдывает обеспечение рынка нефтью из резервов в количествах, которых будет не хватать во время ремонтных работ в Персидском заливе.

Таким образом, в настоящий момент вообще не возникало никаких ограничений в нефти.

А цены всё равно росли.

Раньше Доротей, отвезя Юлиана к школьному автобусу, всегда возвращалась домой, чтобы позавтракать с Вернером, и только после того, как он уезжал на работу, ехала в свой магазин. Теперь они решили, что важен каждый сэкономленный километр. Поэтому завтракали раньше, и она уже не возвращалась, а сразу ехала в магазин.

Но долго держать его она не собиралась.

Ей было грустно открывать голубую дверь. Она уже привыкла к этой атмосфере, любила вступать в тишину с мягким жужжанием холодильных полок, любила запахи – фруктов, пряностей, пыли и моющих средств... короче, запахи магазина. Запахи её маленького царства. Её хобби, которое она не сможет больше себе позволить из-за его дороговизны.

Как жаль, что это было лишь кратким сном.

Она открыла окна-витрины. В свете утренних сумерек полки выглядели таинственно. Было ещё слишком рано. До восьми оставалось больше часа.

Время для небольшого прощания.

Она обошла магазин. Всё было в порядке, ещё накануне она всё прибрала и вымела. Не доставало только покупателей. Рекламные листовки Юлиана они напечатали, и он с друзьями – за несколько евро карманных денег – распространил эти листовки, но и это ничего не дало.

Взгляд её упал на заднюю дверь, ведущую в квартиру при магазине. Не надо ли и там прибраться? Ведь после того, как она приняла магазин, ей было не до этого; слишком много было других, волнующих дел. Когда действительность ещё не разбила её мечты.

Доротей поискала в связке ключ от этой двери. Конечно же, вот этот, старомодный. Она открыла, и в нос ей ударил застоявшийся дух. Завтра надо привезти сюда весь арсенал приборов для уборки. Сын госпожи Бирнбауэр, который ведал всем, что было связано с арендой, всегда безотказно являлся по любому её зову, когда она не могла найти какой-нибудь электросчётчик или запорный вентиль. Если она откажется от аренды, то требующей стороной сразу станет он, и тогда ей придётся отвечать перед ним за порядок.

Квартира тонула в сумрачном свете, проникавшем сквозь маленькие окна. Доротей шла будто по старому дому ведьмы. Хотя квартира, вообще-то, была вполне приличная. Ничего особенного, правда, просто жильё для обычной, практичной жизни.

Мебель сын госпожи Бирнбауэр не вывез. Кое-что было ужасно, но находились и настоящие сокровища, прямо-таки антиквариат. Два ночных столика, например. Стенка в прихожей. Не поговорить ли с ним, может, он ей всё это продаст?.. Ну что за глупости. У них же больше нет денег, тем более на мебель, которая им в принципе и не нужна.

Из кухни дверь вела в уютный внутренний дворик, обнесённый кирпичной стеной, с террасой из каменных плит. Сейчас, конечно, всё по-зимнему голо, но летом здесь наверняка приятно посидеть – посреди деревни и в то же время отъединённо от мира.

Кухня тоже казалась удобной. С чугунной плитой, которая топилась ещё дровами. Бог ты мой, и как только на ней готовили?

Хотя – как знать, не придётся ли вскоре заново этому учиться. Если и дальше так пойдёт с топливом и электричеством.

В середине стоял белый стол с четырьмя стульями. Просто классика. В ней заговорили воспоминания. У бабушки был такой же стол. Она вспомнила, как они ели за таким столом и как бабушка ставила перед ней тарелку с шоколадным пудингом...

– Так, а теперь достань из выдвижного ящичка необходимые инструменты, – сказала она тогда, имея в виду приборы, и Доротее стало смешно. У бабушки были седые волосы, собранные в пучок. И золотой крестик на цепочке. И голубые глаза.

Есть ли и у этого стола выдвижной ящик? И правда, есть. Доротее выдвинула его, но внутри были не вилки и ножи, а старая записная книжка.

Странно. Чем же она служила? Наверно, кассовой книгой. Она осторожно раскрыла её.

Но это оказалась не кассовая книга. Это было руководство, как вести магазин. Все познания Амалии Бирнбауэр, записанные мелким, аккуратным почерком.

Доротее задвинула ящик и села на стул. Уму непостижимо. То была смесь дневника и ассортиментных списков, всё было трогательно старомодно и вместе с тем на удивление современно. Каждая запись была снабжена номером и датой, первая запись была сделана в 1957 году и гласила: «Вести магазин непросто, если хочешь делать это хорошо. Учиться! Всё, чему я научусь, записывать!»

В самом конце было что-то вроде оглавления, которое начиналось с последних страниц и шло в обратном порядке через пень-колоду. Там значилось: «Как выторговывать цену»; «Держать товары свежими»; «Правильно рекламировать» и «Сколько заказывать». После каждого заголовка стоял один или несколько номеров, указывающих на порядковый номер записи. Некоторые из них были зачёркнуты; и тогда там стояло, например: «До сих пор всё неправильно! Теперь см. № 214».

Доротее зачарованно листала. Множество адресов, которые наверняка уже устарели, но также и советы по уходу, инструкции, как ещё раз сделать свежими зачерствевшие булочки (ненадолго окунуть в холодную воду и сразу же поставить в духовку на десять минут при 200°) или сохранить овощи. Морковь госпожа Бирнбауэр всегда держала в ящичке с песком. Интересно. И с влажными салфетками и салатом она тоже умела обращаться. Но самыми очаровательными были её заметки, как обходиться с поставщиками и покупателями. «Будь уверена в себе, – писала она. – Ты не супермаркет, так что не пытайся с ним конкурировать. Твоя сила в другом...»

Доротее вздрогнула. Как будто кто-то постучал? Она встала и вернулась в магазин, держа записную книжку в руках.

Действительно, в дверь постучали. И время было уже за восемь! Доротее открыла. Там стояли две женщины из деревни, и одна из них сказала:

– Ну вот, я же говорю, раз ваша машина стоит, значит, вы уже здесь...

– Я... не посмотрела на часы, – только и нашлась что сказать Доротее. – Входите.

– Вчерашняя листовка и правда выглядит очень миленько, – болтала вторая женщина. – Кто это нарисовал? Ваш сын?

– Да, – сказала Доротее и осеклась. Вчерашняя? «Ах, этот сорванец!» – подумала она. Значит, он забыл их вовремя разнести. Вчера после обеда она его спросила, всё ли прошло благополучно, и он сказал: да-да. А потом куда-то вдруг срочно убежал...

– Но вы совершенно правы, – продолжала женщина, – ведь никогда не задумываешься, чего, собственно, стоит одна поездка в супермаркет...

– У вас только два сорта оливкового масла? – крикнула из глубины магазина вторая.

– Эм-м... да, – ответила Доротея и крепче сжала в руках записную книжку старой госпожи Бирнбауэр. – Я привожу все товары двух сортов: самый лучший и самый дешёвый. Большого выбора человеку ведь и не требуется, я считаю.

Женщина ошеломленно взглянула на неё.

– В этом что-то есть. – Она взяла бутылку оливкового масла – дорогого, хорошего – и положила в корзинку.

К тому моменту, когда пробило полдень, не проходило и минуты, чтобы в магазин не зашёл хотя бы один покупатель.

Вернер в этот вечер вернулся домой в приподнятом настроении.

– Всё не так уж страшно, скажу я тебе, – заявил он и горячо её поцеловал. Потом сказал, что ему ещё нужно позвонить. Уж таков её Вернер.

Она слышала, как он ходит по холлу взад и вперёд.

– Да, меня зовут Вернер Утц. Я сегодня отправил вам и-мейл и пытался дозвониться... Да, правильно. Едешь – экономь. Ах, господин Шнайдер до вас уже дозвонился? Тогда вы уже в курсе... правильно, завтра в семь сорок на парковке Нижние Буки. Договорились.

– Ты как будто сколачиваешь компанию для поездок, – полуутвердительно спросила Доротея, когда он вернулся на кухню.

– Уже сколотил, – расплылся он в улыбке. – У нас в конторе это разошлось со скоростью пожара. Уже есть адрес в Интернете, регистрируешься там, платишь взнос пять евро, даёшь свои данные, когда и куда хочешь ехать, – и сервер подбирает тебе подходящих попутчиков, с планом маршрута, местом встречи и так далее. Нас уже четверо, как тебе это нравится? Завтра мне надо доехать только до парковки «Park & Ride» за Дуффендорфом, а оттуда я поеду уже с тем, кому надо в Штутгарт, и он высадит нас в Зиндельфингене. Программа сама подсчитывает, сколько мы должны заплатить ему за эту поездку в складчину. Так что я изрядно экономлю, и как знать, может, это даже приятно, когда утром едешь не один. – В его глазах появился задумчивый блеск. – По-хорошему, я должен был бы сам до этого додуматься. Всегда кому-то удаётся заработать на таком...

Репортёр, который делал обзор по франкфуртской бирже, комментировал завершение торгов настолько же поверхностно, насколько и прозорливо:

– И хотя нефти на рынке, несмотря на сокращение саудовского экспорта, не ubyло, однако подпитка от резервов, естественно, не может быть долгосрочным решением. Если мы и впрямь перешагнули максимум добычи нефти – а признаки этого множатся, – то ясно, что баррель, взятый из резервных запасов, снова восполнить уже не удастся. Биржа это чувствует. Другими словами, обратный отсчёт времени пошёл. Переход на другие источники энергии предстоит завершить до того, как иссякнут резервы. Перспективы этой задачи оценит биржа. Это и определит, куда двигаться экономике.

Главная послерождественская новость: саудовский король, который – якобы по состоянию здоровья – пребывал в загородной резиденции близ Ниццы, был там убит.

Конгресс США издал срочное распоряжение снять статус заповедника с «Arctic National Wildlife Refuge» на Аляске. Распоряжение вступило в силу немедленно и разрешило приступить к бурению для вскрытия находящегося под заповедником нефтяного поля.

Опросы показали, что большинство американцев одобряют эту меру. Покрытие потребности в энергии, считали они, было важнее защиты природы и окружающей среды.

То, что тамошнее поле способно покрыть потребность США всего лишь на шесть месяцев, было неизвестно почти никому из опрошенных.

Нефтяные концерны наживутся, как никогда, сообщила «Financial Times» со ссылкой на инсайдерскую информацию. Поскольку нефть, которую они продают теперь, была закуплена ими ещё до беспорядков в Саудовской Аравии, то есть много дешевле, рентабельность не имеет примеров в истории.

Руководители концернов опровергали это утверждение, хотя биржевые котировки их акций росли.

Одновременно росла и цена на бензин. Если поначалу, после отмены налога на нефть, она стабилизировалась на уровне в среднем 2,1 евро за литр, то с началом года она опять неудержимо поползла к прежним высоким отметкам.

Берлинская «Die Tageszeitung» пыталась утверждать, что эта стратегия есть результат договорённости концернов. Но никто даже не комментировал это.

Между американскими фирмами, которые имели отношение к открытию месторождений нефти на Каспийском море, и русским правительством дошло до спора. Американцы пренебрегают государственными обязательствами, жаловался представитель российского министерства энергетики. Противная сторона оспаривала это; дескать, они строго придерживаются договорных соглашений. Русский президент упомянул об этом инциденте в телевизионном обращении и предостерег от эскалации. Если кто-то думает, что в силу своих капиталов может не считаться с авторитетом государства, это у него не пройдет.

Глава 41

Вечером в церкви, когда Маркус двигал губами, пытаясь делать вид, что поёт вместе со всеми, он всё ещё не знал, что ему думать про сегодняшнюю находку.

Первым импульсом было позвать Брюса и показать ему перекушенный кабель. Сенсация! Саботаж! Вредительство! Но не успел он набрать воздуха в лёгкие, как возник второй, более сильный импульс, который сказал ему: «осторожно!» Возникло внезапное, жуткое подозрение, что он прикоснулся к вещам, с которыми лучше бы вообще не входить в контакт.

Откуда взялось это чувство? Он стоял неподвижно, держа в руке конец кабеля, а в его сознании брезжило то, что чутьём он постиг мгновенно: телефонный кабель посёлка перерезал человек, который точно знал, где он проложен. Не схожим ли образом выведены из строя ближайшие мачты мобильной связи?

Кто это мог быть? И из каких соображений? Маркус не знал, но у него было предчувствие, что ответы на эти вопросы ему не понравятся.

И он не окликнул Брюса. Заметил место, снова поднялся по склону наверх, и они продолжили патрульный обход.

И где-то вдали он услышал вой – волчий, в этом он был совершенно уверен.

Вечером Маркус выждал, когда Таггард уйдет спать, и потом ещё час пролежал в темноте. В окно светила луна, прямо на шварцвальдские часы с кукушкой, про которые Таггард говорил, что купил их потому, что они работают не на батарейках, а на гирьках.

Похрапывание, доносившееся из-за двери спальни, свидетельствовало о глубоком, крепком сне. Маркус откинул одеяло, влез в брюки и обулся, снял с крючка свою зимнюю куртку и осторожно прокрался в гараж.

Было холодно, огонь в котле еле теплился. Маркус пробрался к своей машине, на ощупь она была как лёд. Когда он открыл дверцу, внутреннее освещение загорелось совсем слабо. «Аккумулятор сел», – подумал он. Но для радио и не требовалось так уж много тока.

Только вот радио в машине больше не было.

Маркус уставился на пустой прямоугольник на приборной панели. Нет, это ему только снится, разве не так? Провода торчали наружу. Он всё ощупал, потрогал держатели и счёл, что для сна это было слишком реально.

Надо срочно бежать отсюда. Каким бы ни было его будущее, оно состоится не в Варе

Hands Creek.

– Кто-то вытащил радио из моей машины, – сообщил Маркус наутро за завтраком.

Таггард поднял глаза.

– А, да. Я забыл вам сказать. Несколько дней назад Джеймс опять охотился за радиоприёмниками.

– Джеймс? – Маркус не сразу сообразил. – А, Хайнберг.

– Да. Он постоянно надстраивает усилитель своего устройства, и для этого ему нужны запчасти. – Таггард пожал плечами. – Честно признаться, я не разбираюсь в электронике. Но недавно он принял новости чуть ли не из Азии, вам это не бросилось в глаза? В последнее воскресенье, когда преподобный рассказывал о голоде в Малайзии и на Филиппинах?

Маркус глотнул кофе. Таггард уже начал смешивать настоящий жареный кофе из своих запасов со здешним, самодельным кофе из злаков; вкус его требовал некоторого привыкания.

– Таким образом, он держит в деревне монополию на информацию, вы не находите? Хайнберг, я имею в виду. У нас нет ни телефона, ни телевизора – а теперь и радио больше нет...

Таггард потёр усталые глаза.

– Да. Ну и что?

– Может быть, мы знаем не всё о том, что происходит во внешнем мире? – Вообще-то он хотел его спросить, не вызван ли глушилкой тот белый шум, который ещё показывает телевизор. Но у него язык не повернулся задать этот вопрос.

– Этого нам всё равно не узнать. Оно и раньше было так же. Кто-то выбирал для нас новости: какие показывать, какие нет.

– Однако правительство и СМИ были не в одних и тех же руках.

Таггард откинулся на спинку стула.

– Маркус, я большую часть жизни провёл – или, лучше сказать, потерял – занимаясь информацией. Все представители секретных служб так или иначе являются информационными фриками, всегда ими были. Это заразно. Мол, информация – важнейшее сырьё, самое острое оружие, решающее всё, бла-бла-бла. Чистейшая болтовня. Я в это верил, а теперь я устал, Маркус. Я узнал о мире больше, чем хотел знать. С меня довольно. Не хочу вдаваться в детали, как там всё идёт к чертям. Я мог бы обойтись и без тех роковых известий, которыми нас пичкает преподобный.

Маркус смотрел в свою чашку.

– Понятно, – сказал он. Другими словами, на Таггарда ему рассчитывать не приходилось.

– Тебе надо явиться к преподобному, – сказал ему Джек несколько дней спустя.

Маркус только что управился с коровами.

– Зачем?

– Уж это он сам тебе скажет. Вот, приведи себя чуть-чуть в порядок, – он протянул ему расчёску. – Можешь тут помыться; горячая вода у меня есть.

Что от него понадобилось преподобному? Наверняка дело в слухах, касающихся его и Ребекки. При том что в последнее время ему удачно удавалось избегать её.

Он с боязнью приблизился к неприметному дому за церковью с садом, оцепеневшим в снегу. Жена священника, как он слышал, умерла давно – от тропической лихорадки во время миссионерской поездки в Юго-Восточную Азию. С тех пор он живёт здесь один, со своей дочерью.

Это, возможно, многое объясняло.

Смолл открыл ему сам. Казалось, в доме он был один. Вблизи он казался ещё импозантнее, чем на богослужении; он словно заполнял всю комнату своей комплекцией и представительностью. Он пригласил Маркуса в кабинет, сел за необъятный письменный стол, и казалось: если снова встанет, то головой непременно пробьёт потолок.

– Садитесь, – сказал преподобный, указывая на стул.

Маркус сел. Стул был узкий, с высокой спинкой, которая принуждала к позе смирения. Психологический приёмчик власти. Этот приём он знал и по другим кабинетам во всём мире.

– Вас зовут Маркус Вестерманн? – удостоверился Смолл.

– Да, – ответил Маркус.

– Ваше имя нам сообщил ваш хозяин. Он также за вас поручился. Мы многим обязаны Чарльзу, чтобы вы знали. В критическое время он был в Саудовской Аравии, наблюдал события вблизи и вовремя предупредил нас о том, что ситуация обостряется. Что близится большой «крах». Хотя мы, разумеется, и так давно готовились.

– Понятно.

– Несмотря на его поручительство, – продолжал преподобный, – я должен потребовать от вас, чтобы вы, если хотите здесь жить, вошли в нашу общину. Это означает, в частности, что вы будете жить по правилам, которые мы приняли для себя. Правила, которые, среди прочего, включают в себя такие вещи, как приличия, скромность и... да... целомудрие неженатого.

«Другими словами, – подумал Маркус, – руки прочь от моей дочери!» Может, за этот пункт следовало ухватиться. Если преподобный так беспокоится за свою дочь, пребывающую в постоянной течке, то он, может быть, согласится его отпустить...

– Ваше преподобие, чтобы было ясно: я приехал сюда, вовсе не имея намерения остаться. Так получилось, и я не знал, что представляет собой это место. Я просто разыскивал мистера Таггарда...

– ...и оказались в нужное время в нужном месте, – довершил преподобный.

– Да, может быть, – согласился Маркус. – Но я хочу сказать, что я вполне готов уйти. В принципе мне для этого недостаёт лишь нескольких литров... то есть галлонов горючего... дизеля, вернее сказать... Я бы давно уехал, если бы бак моей машины не был пуст.

Священник оглядел его.

– Уехал бы, – повторил он и сложил свои огромные ладони. – И куда же вы хотите уехать?

– Не знаю. Куда-нибудь в другое место.

– Внешний мир рушится, Маркус.

– Я думаю, уж где-нибудь найду местечко.

– Вы не понимаете всей серьёзности положения, Маркус. Наверняка это только начало. Могут быть места, где пока что всё выглядит безобидно и не так страшно. Но чему быть, того не миновать. Это неотвратимо.

– Да, но...

– Вам наверняка приходилось слышать про Мальтуса. Экспоненциальный рост населения, по его данным, когда-то неизбежно превысит линейный – всего лишь! – рост продовольственной базы. Это математический закон, и нет сомнений в том, что он верен. Технике и экономике, базирующимся на нефти, удалось лишь на некоторое время развести эти уравнения и тем самым дать нам достигнуть самого высокого прироста населения за всю историю человечества. Число людей на этой планете с момента моего рождения чуть ли уже не утроилось – это чудовищная, невиданная степень размножения. Благодаря так называемой «зелёной революции» удавалось прокормить эти шесть миллиардов, хотя бы относительно. Однако на чём она зиждется, эта «зелёная революция»? Лишь в малой степени на выведении новых сортов, на генетике и других научных методах. Большей частью успех современного сельского хозяйства зависит от введения огромных количеств удобрений и пестицидов, добытых из нефти, и массивного полива при помощи бензиновых насосов. В этом весь секрет: сельское хозяйство двадцатого века было не чем иным, как искусством превращать нефть в продовольствие. Всё-таки нефть – это накопленная солнечная энергия миллионов лет. То, что израсходовано, пропало навсегда. Нам понадобилось всего сто лет, чтобы сожрать эти гигантские запасы – и что теперь? Теперь, когда эта основа сокрушилась, неизбежно окажется, что Земля носит больше людей, чем она в состоянии прокормить естественным образом. Это

может иметь только одно логическое следствие: количество людей будет сокращаться. Другими словами, люди будут умирать. Многие. Чудовищно много людей, и ничто из того, что ещё можно предпринять сейчас, этого не остановит. Ваш единственный шанс, Маркус, избежать этого – остаться здесь.

То, *что* он говорил и *как* говорил, звучало впечатляюще. Пугающе. Почти убедительно.

Маркус откашлялся.

– Сэр, – сказал он устало, – я ничего не привнёс в вашу деревню. Я ничего здесь не построил и не купил, я оказался здесь случайно. И у меня есть серьёзные опасения, что вы недолго будете довольны мною. Несмотря ни на что, я полагаю, что лучше мне уехать отсюда, как только дорога освободится от снега. Всё, о чём бы я хотел попросить, это несколько литров горючего.

Подбородок его преподобия дрогнул.

– Боюсь, не получится.

– У вас нет запасов?

– Запасы-то есть. Надёжно припрятанные. Но я не могу вас отпустить. Я не могу быть уверен, что вы никому не расскажете о нас. Пойдут слухи, и на нас обрушатся тысячи беженцев.

Маркус оцепенел. Это означало открытым текстом, что он здесь под арестом!

– Сэр, я обещаю вам...

– Я думаю, мы поняли друг друга. Вы можете возвращаться к своей работе.

После нескольких морозных дней, когда деревню продувало таким ледяным ветром, что у Маркуса просто отваливался нос, – зимняя куртка из канадского супермаркета для такой погоды не очень годилась, – наконец снова пошёл снег. Густые хлопья кружились в воздухе, который от этого казался тёплым.

Каждый шаг по белому великолепию давался с трудом. Утром мужчины расчищали дороги, а снегопад продолжался, и назавтра предстояла та же работа. После этого Маркус еле-еле ворочал свою тележку. Сено в тележке успевало отсыреть, пока он довозил его до хлева.

Едва он прикрыл за собой дверь, как она бросилась к нему из темноты, прижалась, влажно задышала ему в лицо:

– Где ты пропадал?

Ребекка...

Маркус отпрянул, но позади была дверь.

– А где я должен быть?

– Я тебя ждала. – От неё исходили огненные волны.

– Для чего же?

– Не скажу. – Она обыскивала жадным взглядом его лицо. Руки её непрерывно двигались, но она всё же не посмела дотронуться до него. К счастью. – Ты не хочешь поцеловать меня? – спросила она и жадно приоткрыла губы.

Маркус проглотил комок в горле.

– Знаешь, я думаю, нам лучше оставить это.

– Давай!

– Твой отец оторвёт мне голову.

– Но он же нас не видит.

– Кроме того, ты слишком молода.

– Вовсе нет. Мне почти шестнадцать. Считай, что шестнадцать.

– То есть четырнадцать.

– Если ты мне не веришь, – выдохнула она, – можешь сам проверить, настоящая ли я женщина.

Никогда ещё он не слышал в женском голосе столько желания, даже когда они с

Эми-Ли... И то, что некая абсолютно несознательная часть его тела дико возбудилась, тоже не делало положение легче.

– Ребекка, перестань. Ты милая девушка, но ты здешняя, а я нет, то есть... между нами ничего не может быть. Понимаешь?

Её взгляд задрожал.

– Ты не можешь отказать мне, – шептала она. – Я тебя хочу, слышишь? Ведь я же тебя люблю...

Единственная возможность приглушить её подростковое либидо, раздумывал он, это сделать ей больно.

– Но я тебя – нет.

Она отпрянула, как будто он её ударил. Какое-то время он видел блеск в её глазах, не понимая, то ли это ужасная боль, то ли неистовый гнев, потом она отвернулась и без слов убежала.

После этого Ребекка больше не попадалась ему на глаза. За лошадьми ухаживал другой, безрадостного вида парень лет двадцати. У него была мощная челюсть, прямые как солома волосы, и, разговаривая, он не смотрел тебе в лицо. Казалось, проблема разрешилась.

Однажды вечером после патрулирования он зашёл на сеновал, вспомнив во время обхода, что не повесил вилы на место. Джек этого не любил.

Он вошёл в сарай через узкую боковую дверь и услышал в темноте давящиеся звуки.

– Хмф, хмф, хмф, – будто кого-то душили и тот сопротивлялся изо всех сил.

Маркус пригнулся. Что делать? Звать на помощь слишком долго. Он схватил первую попавшуюся палку, какой обычно погоняли скот, и пошёл с ней на звуки удушения.

Они исходили сверху, с сеного чердака. Он тихо поднялся по лестнице и осторожно заглянул через решётку...

Сквозь узкое окошко в крыше проникал луч лунного света, и прошло несколько секунд, прежде чем Маркус разобрался в том, что видел: скомканная одежда, раскинутые нагие ляжки, а между ними волосатая задница, учащённо ходившая ходуном.

Маркус вытянул шею насколько смог. И правда, Ребекка. Мужчину он не узнал, только увидел, что тот зажимает ей рот рукой, чтобы приглушить крики.

Ну и странное, однако же, занятие – секс, если смотришь на него со стороны. Ну хорошо, с этим, кажется, всё устроилось. Маркус осторожно спустился вниз и торопливо вышел. Что же касалось вил... Нет, пусть уж лучше Джек ругается.

Глава 42

Доротее пока приходилось чуть ли не радоваться высоким ценам на бензин, поскольку именно они в первую очередь и привели к ней покупателей. Она ещё раз повторила акцию с листовками, что тоже оказало действие, и рисунки Юлиана людям понравились – однако обольщаться не стоило: большинство пришли, чтобы сэкономить бензин на поездке в супермаркеты Дуффендорфа.

Как бы то ни было, в настоящий момент дела её маленького магазина шли в гору. Магазин казался уже чересчур маленьким. Всё утро шла бойкая торговля; иногда Доротее не успевала пополнять товары. Всё чаще её спрашивали, не может ли она работать и вторую половину дня. Может, и правда сделать это следующим шагом? Шагом, которого она пока страшилась. Нанять кого-нибудь было ужасно сложно. Она уже наводила справки, получила по заказу несколько брошюр, но после их прочтения ей стало просто дурно. Так много предписаний, которые необходимо выполнять! Кроме того, это был и немалый финансовый риск: если она наймёт продавщицу, а та, например, тут же заболит или вдруг окажется беременной – а задавать такой вопрос при найме противозаконно! – то ей придётся выплачивать зарплату и дальше, ничего за эти деньги не получая. Это сразу же погубит её маленькое предприятие.

Теперь, когда в новостях сообщалось о росте случаев банкротства фирм и увеличении числа безработных, Доротея смотрела на это другими глазами. Её удивляло, что вообще кто-то кого-то ещё нанимает.

Она жадно продолжала читать записную книжку старой госпожи Бирнбауэр. Добрая часть прибыли, узнала она, таится в том, чтобы закупать товары как можно дешевле и всегда быть в курсе цен и возможностей закупок. После этого Доротея снова переговорила с несколькими крестьянами, и один симпатичный молодой человек, которому она, должно быть, нравилась, сообщил ей, что супермаркеты плохо платят и вообще заносчивые, неприятные клиенты. Доротея обнаружила, что она хоть и заказывает не так много продуктов, зато может лучше платить, кроме того, крестьянам с окрестных ферм не так далеко ехать к ней, что тоже было веским доводом. Так у неё появились соглашения на поставку картофеля, лука и нескольких сортов овощей из зимнего запаса. Весной к этому прибавится свежий салат, определённую часть которого она имела право вернуть, если он испортится, не будучи продан; тогда он пойдёт на корм скоту.

Кроме того, она – ещё один совет от Амалии Бирнбауэр – прибила на видном месте у двери доску объявлений. Старая доска ещё стояла в сарае; её оставалось только помыть и прикрепить к стене. Она служила ещё в шестидесятые и семидесятые годы, но потом хозяйка её всё же сняла, потому что доска постепенно пустела, на неё перестали обращать внимание. А пустовать доске было негоже, так она считала. То, что доску пришлось снять, послужило ей поводом к философским размышлениям о глупости людей, которые из-за нескольких марок доверились большому, непроницаемым торговым сетям и допустили то, что жизнь в деревне, где раньше были и магазины, и свои хозяйства, и торговая площадь, и другие места встречи, умерла тихой смертью. У людей слишком много машин, – таков был её вывод.

Доска объявлений не должна пустовать: Доротея позвонила в правление спортивного общества и общества туризма и напрямую предложила им размещать объявления на её доске, где их увидят многие. К своему стыду, председатель общества туризма даже не знал, что в деревне есть магазин.

Кроме того, Доротея положила у кассы нарезанные листки, шариковую ручку и накатку для скотча, чтобы каждый, кто что-то ищет или предлагает, мог наклеить своё объявление. Её собственное первое объявление немедленно увенчалось успехом: она искала человека, который приспособил бы здешний сарай под складское помещение, и на него откликнулись трое молодых мужчин, готовых взяться за перестройку и довольных предложенной платой.

– Вот только я не знаю теперь, законно ли это, – сказала она за ужином Вернеру. Баснословно дорогой мазут обогревал жилые комнаты, а вид на морозный зимний ландшафт был, как всегда, великолепным. – А вдруг это считается нелегальной работой. Понятия не имею. Я решила: прикинусь дурочкой и просто не буду об этом думать.

Вернер кивнул.

– Я тоже не знаю. В этом сам чёрт не разберётся.

Казалось, он слушал её лишь вполуха. Что-то другое занимало его.

– Знаешь, кого я сегодня встретил? Маргит!

Доротея не сразу вспомнила.

– Маргит?

– Маргит Мюллер. Жену Зигмунда. У которого в Дубаи случился инфаркт. Получается, его вдову.

– А, они однажды были здесь у нас! – Казалось, прошла уже целая вечность. Как будто это было в другой жизни. – Как у неё дела?

– Хорошо. Даже не поверишь. Я бы её не узнал... Собственно, я и не узнал её, это она меня узнала. Выглядит прекрасно, одета модно, причёсана и всё такое. Она рассказала, что снова работает. Фирма оплатила ей курсы по веб-дизайну, а теперь держись крепче: тот веб-сайт, через который я сколотил своё транспортное сообщество, принадлежит ей! Она его открыла, когда начался этот «Peak Oil». Сын помог ей с программированием, а остальное сделала она сама. И, судя по всему, зарабатывает на этом бешеные деньги. От одной только

рекламы, которую она там размещает. Кроме того, она получила грант министерства экономики земли Баден-Вюртемберг, и когда я её встретил, она как раз возвращалась с радиоинтервью. У них там передача типа «Люди», где они по два часа допрашивают всяких отличившихся. – Вернер восторженно цокнул языком. – Ну, скажешь, не круто? Говорю же, нет бы мне самому до этого додуматься. Бензин дорожает, транспортные сообщества – это возможность компенсировать расходы, контакты через Интернет – самое практичное решение: раз – и завертелась лавочка. А дальше всё идёт автоматически! Здорово придумано! Вот как надо действовать!

Доротее слухало с нарастающим отчаянием. Вначале она порадовалась за женщину и за то, что та после утраты мужа нашла для себя новый путь, но теперь она думала о ящиках с белокочанной капустой и кольраби, которые ворочала каждый день, взгромождая их на штендер, чтобы продать по восемьдесят центов или по евро двадцать за штуку, и у неё возникло чувство полного провала.

– Что с тобой? – спросил Вернер. Значит, по ней это было заметно.

– Я часами стою в магазине, к середине дня у меня болит поясница, и я рада, если к концу дня имею выручку в сто евро, – глухо сказала Доротее, – а ты мне потом рассказываешь, что кто-то смекнул сколотить пару килобайт и заработать на этом бешеные деньги. Да ещё и прославиться. И ты тоже в восторге! – Она уронила голову на руки. – Одна я такая дура. Деревенская Лизхен.

Несколько дней в их доме держалась тягостная атмосфера. Доротее дулась и была подавлена. Вернер старался подбодрить её, уверяя, что он и не думал её обижать и что она просто замечательно сумела организовать магазин, от которого никто уже ничего не ждал, в том числе и эксперты. И что она сама себе начальник. И что у неё теперь полно контактов, чего она, собственно, и хотела.

Это была правда. За последние дни она узнала о деревенской жизни, об отношениях между людьми, о ревностях и любовях, о том и о сём больше, чем за все предыдущие месяцы, пока сидела дома. И она познакомилась с симпатичной женщиной, примерно её возраста, которая проявила интерес к тому, чтобы работать в магазине во второй половине дня. Её звали Моника Виснер. Она подала идею сообща присматривать за детьми – а у неё была дочь Майя, чуть младше Юлиана, – и тем самым убить двух зайцев, совмещая работу и семью. Это позволяло держать магазин открытым с утра до вечера, и именно это, в конце концов, и подняло Доротее настроение и дало надежду, что дело пойдёт в гору.

Но её не отпускало подозрение, что Вернер всё ещё мечтает втайне «начать хитрое дело», как он это называл. Вскоре он привёл на ужин нового знакомого, коллегу, который работал в организационном отделе и попутно практиковал в качестве консультанта по капиталовложениям, о чём Доротее узнала уже, когда он был здесь.

Его звали Эберхард Кран, у него был ястребиный нос, длинные пальцы и скользкая, высокомерная манера речи. По крайней мере, так показалось Доротее. После экскурсии по дому, которую проводил, как обычно, Вернер, гость, блестя глазами, воскликнул:

– Сказочно! Даже не верится. Я надеюсь, тебе ясно, какой капитал представляет собой этот дом?

Вернер польщённо улыбнулся.

– Я не собираюсь его продавать.

Кран помахал указательным пальцем – жест, который он повторит в этот вечер ещё не раз.

– Ошибочный ход мысли, Вернер. Ошибка начинающего. Тебе и не надо его продавать, достаточно сделать его стоимостью ликвидной. Любой банк предоставит тебе ипотеку под него, ещё и ручки целовать будет. А это будут деньги, с которыми можно работать.

– Конечно, но он сейчас и так под ипотекой, – сказал Вернер. – Этот дом ещё далеко не выплачен.

– Ипотеки как финансирование покупки никогда не исчерпывают стоимость объекта, –

поучал его Кран. – Что-то всегда остаётся.

– Но тем самым мы всё равно ставим дом на кон, – возразила Доротея.

Кран посмотрел на неё, чрезвычайно удивлённый, что женщина берётся судить о денежных делах.

– Да, – согласился он наконец. – Этого, конечно, делать нельзя. Но есть и безрисковые финансовые инструменты. Только надо их знать.

Вернеру нравилось слушать гостя, она это видела по лицу мужа. И застольный разговор во время ужина быстро перешёл на денежные дела. Точнее, Кран форменным образом накрыл их этой волной. Вернер жадно смотрел ему в рот, а Доротея не знала, то ли ей скучать, то ли бояться, что Вернер даст себя уговорить на что-нибудь.

– Сейчас как раз меняются правила игры, – объяснял Кран, небрежно вливая в себя хорошее вино. – Нефтяной кризис ударил по финансовым рынкам и всё перепутал.

– Невзирая на резервы нефти? – ввернул Вернер, принимая тон «мне-тоже-есть-что-сказать», который вызвал бы у Доротеи стон отчаяния, не будь тут постороннего человека.

Кран отмахнулся.

– Резервы ведь не вечные. Факт, что добыча нефти будет сокращаться. Подпитка из стратегических резервов означает лишь смягчение удара. И долго этим не попользуешься: полностью опустошить запасы никто не даст. Надо же что-то оставить – на экстренные случаи, для полиции, военных. Можешь не сомневаться, что расходование резервов скоро прекратится. А финансовые рынки, естественно, это предвидят.

Вернер метнул взгляд на жену.

– Ведь говорят же, что на бирже действуют в первую очередь ожидания.

Ей стоило труда подавить вздох.

– Сокращение добычи нефти заденет прежде всего американскую валюту, – наставительным тоном рассуждал Кран, снова щедро прибегая к помощи своего вздетого указательного пальца. – Нефть пока что оплачивается во всём мире по большей части в долларах, это значит, в долларах всегда есть потребность, и американский эмиссионный банк радостно печатает зелёную бумагу и всё на неё покупает. Его и называют нефтедоллар, но с этим в скором времени будет покончено. Обменный курс доллара будет падать, а евро, в свою очередь, будет расти, что больно заденет наш экспорт, в дополнение к растущим транспортным расходам. – Помахивая пальцем... – Это видно уже сейчас. Капитал бежит из экспортных отраслей, и курс акций теряет высоту. И акции нашей дорогой фирмы тоже.

Вернер озабоченно спросил:

– Ты думаешь, будут ещё проблемы?

– Можешь держать пари. Если всё пустить на самотёк, нас купят китайцы и перенесут производство в Китай.

– Китайцы? – Теперь Вернер уже казался совершенно сбитым с толку.

Кран улыбнулся с чувством превосходства.

– Китай снабжает полмира одеждой и дешёвыми промышленными товарами. Американская сеть «Wal-Mart», самый крупный торговый концерн мира, закупает в Китае на миллиарды. Китайцы уже скопили гигантское количество долларов, и если обменный курс пойдёт вниз, они побыстрее сольют их, пока доллары совсем не обесценились. Что, естественно, загонит курс ещё глубже вниз. – Он помотал головой. – Нет, у американской экономики плохие перспективы. Теперь за себя отомстят и весь дефицит внешней торговли, и вывод производства из страны, который американцы проводили в последние десятилетия. Убери Голливуд и несколько фабрик компьютерных чипов – где в целом тоже занято всего лишь несколько тысяч человек – и из чего вообще будет состоять американская экономика? С девяностых годов в ней, по существу, не делалось ничего серьёзного, кроме того, что строились предместья городов и обставлялись мебелью, да велось управление финансированием этого всего. Да, строились дороги. Да, людям продавались дополнительные автомобили, которые им нужны, если они живут в предместьях, – бизнес, к которому мы тоже

причастны. А во всём остальном – сплошные псевдоуслуги и Интернет-надувательство. А где тяжёлая индустрия, где химия, горное дело, текстильная промышленность? Что ни возьми – практически всё вне страны. Всё покупается и ввозится. А если эти пути обеспечения перестанут функционировать? Или начнут работать с перебоями? Тогда «hasta la vista, baby».

Вернер слушал его, наморщив лоб.

– А не перебор ли это? У американцев ведь полно хай-тека – генная инженерия, космические полёты, самолётостроение...

– Всё это отрасли для высококвалифицированных людей. Такие на дороге не валяются. А здоровая экономика даёт работу всему спектру населения, от птиц высокого полёта до последних дураков. – И старший преподаватель Кран снова воздел указующий перст. – Но это ещё не всё. И строительство, и недвижимость сейчас тоже с треском идут ко дну. А почему? Потому что растущие цены на бензин и перспектива, что по-другому уже не будет никогда, затормозила движение из города в деревню. Наоборот, те, кто *знает*, снова подбираются поближе к городу. Цены на недвижимость – в свободном падении, дом в пригороде больше ничего не стоит. Возьми это и громадную задолженность американского жилищного хозяйства, и ты получишь расписание краха. Первые кредиты уже лопнули, банки один за другим начинают шататься, и волна банкротств уже не за горами.

– Но ведь у банков есть страховой фонд или как там это называется?

Кран взял себе ещё один кусок телячьего жаркого; уже третий, как заметила Доротея.

– Такой фонд хорош, когда тонет *один* банк. Но когда *все* переворачиваются килем вверх... К этому добавляется ещё один пикантный момент. Как все мы видели, саудовский король убит. Его назначенный преемник пропал без вести. Весь правящий класс покинул страну и будет, судя по всему, остаток жизни проедать накопленное. Изрядная часть накопленного – по оценкам, приблизительно триллион долларов – вложена в американский фондовый рынок. Это как дамклов меч: это деньги, которые саудовские принцы могут отозвать в любой момент, и если они сделают это разом, они поставят американскую финансовую систему на колени. И глобальную, возможно, тоже.

Доротея заметила, что пальцы Вернера слегка дрожали, когда он брал бутылку и подливал вина.

– Не понимаю, как в таких условиях куда-то инвестировать деньги и потом спокойно спать.

Кран улыбнулся с видом знатока.

– Так думают все. Как раз это и есть шанс. Когда капитал требуется неотложно, а получить его трудно, можно выторговать лучшие условия. Не говоря уже о том, что существует много инструментов для снижения риска. С «пат»-опционом⁴⁰ ты можешь получить прибыль и при падении рынка, ты можешь захеджить⁴¹ свой риск... а сейчас прямо на ходу будут разрабатываться новые концепции. Большой кризис – это и большой шанс, уж в этом наш правительственный спикер был совершенно прав.

Когда Кран уехал, а они готовились в спальне ко сну, Доротея сказала:

– Он мне неприятен.

Вернер не хотел об этом слышать.

– Заметь, он даже не пытался что-нибудь продать нам. Напротив, я у него многому научился.

Доротея разглядывала своё отражение в зеркале и втирала последнюю порцию крема.

– Дай-то Бог, – пробормотала она так тихо, что Вернер не услышал.

Несколько дней спустя подразделения Российской армии одним ночным броском

---

⁴⁰ «Пат»-опцион – вложение средств с ограниченным, заранее известным риском, продажа ценных бумаг.

⁴¹ Захеджить (от англ. «to hedge») – подстраховать.

захватили буровые вышки в Каспийском море. Это стало главной темой СМИ. Раненых не было. Посол США в Москве уже выразил президенту России протест, который тот с каменной миной принял к сведению. Американский президент говорил об осложнении отношений между двумя странами.

Саид так и не появился в Марокко. Вскоре пришло известие, что он в Сингапуре.

– У него там любовница, – сказала Васима, и Абу Джабр заметил, что ей тяжело об этом говорить.

На следующий день он ещё раз заговорил на эту тему, и Васима рассказала ему, что интрижки у Саида возникали постоянно. Да, он мужчина, он много бывает в разъездах, там много соблазнов, да. Но всякий раз он возвращался к ней. То, что именно сейчас, в такой тяжёлой ситуации, он не возвращается, глубоко травмировало её.

Проходили недели, а от Саида не было никаких известий.

Если не считать этого, проводить зиму в доме на склоне Атласских гор было приятно. С побережья веял благодатный бриз и приносил в покои бархатное тепло. Ясный свет наполнял помещения и способствовал ясности мысли. Абу Джабр наслаждался тишиной.

Но однажды его покой был нарушен: кто-то открыл дверь его комнаты, но это оказалась не прислуга со свежим чаем, как обычно, а Васима.

– Тут три господина, они хотят поговорить с вами, Абу. Американцы.

Абу Джабр оторвался от книги.

– Что им нужно?

– Они говорят, что они из правительства.

Мужчины, к которым он вышел в помещение для приёмов, выглядели до странности одинаково. Полные, лысеющие, средних лет, одеты в тёмные костюмы. В глазах у них читалось нетерпение.

– Мы прибыли по поручению американского президента, – сказал один из них, представившийся Миллером, – он просил передать вам привет.

Абу Джабр нагнул голову.

– Спасибо. Как у него дела?

Этот вопрос, казалось, смутил Миллера.

– Хорошо, – выдавил он. – Он... да, дела у него идут хорошо.

Другой, с поразительно светлыми, почти водянистыми глазами, сказал:

– Президента беспокоит ситуация у вас на родине. События там приняли непредвиденный оборот.

– Это правда, – кивнул Абу Джабр.

– В настоящий момент США являются де факто оккупационной властью в Саудовской Аравии, – признал Миллер, который уже овладел собой. – Мы предпочли бы не играть эту роль. Президент настроен как можно скорее вывести оттуда наши вооружённые силы. Он хотел бы восстановления дружбы между нашими странами, основы которой были заложены вашим отцом, королём Ибн Саудом, и президентом Рузвельтом.

Абу Джабр приглашающе указал на чай, который наготове стоял на низеньком, инкрустированном столике, и на серебряные вазочки с финиками. Трое посланцев послушно принялись за чай, однако скорее подчиняясь дипломатическому этикету, чем собственному аппетиту.

– Это было бы, без сомнения, хорошо – вывести войска, – сказал Абу Джабр. – Народ не согласен с вашим присутствием.

Миллер отставил свою чашку.

– Однако без упорядочивающей силы мы все же опасаемся развязывания гражданской войны.

– Мы считаем, – добавил тот, что со светлыми глазами, – что стране нужен новый король.

Абу Джабр снова кивнул.

– Я тоже так считаю. К сожалению, и я не знаю, где находится кронпринц Мухаммед.
– Мы полагаем, что все те, кто в трудный час бросил страну на произвол судьбы, дискредитировали себя в качестве правителей, – заявил тот, что со светлыми глазами. – Как и кронпринц.

– Наше мнение таково, – сказал Миллер, – что новым королем должны стать вы.

Абу Джабр удивлённо посмотрел на американца. Тот хоть и демонстрировал почтительность, однако в его словах сквозила странная деловитость. Так, будто всем можно управлять, как это любят делать американцы; все-то проблемы им по силам, стоит только приложить достаточно активности.

И он – король?.. Самый младший, последний сын Ибн Сауда? Многие внуки его отца были уже старше него, и скорее, чем он, могли рассматриваться в качестве преемников.

– Меня, – спокойно возразил он, – в час беды на месте тоже не было.

– Вас просто выманили. Ваш сын Саид был организатором взрыва в порту Рас-Танура. Он знал, насколько это рискованный план, и хотел переправить семью в безопасное место.

– В таких делах у меня мало опыта, – заметил Абу Джабр.

– Однако вы пользуетесь большим уважением у народа вашей страны. Вам по-прежнему доверяют. Это намного важнее, чем опыт, – сказал Миллер. – И вы сын Ибн Сауда.

Да, но рождённый рабыней. И из такой позиции претендовать на трон... это было бы слишком смело.

Абу Джабр взял финик, обсосал его и отложил косточку.

– Мне надо подумать. – сказал он.

Миллер поклонился, оба его спутника последовали его примеру.

– Это мы понимаем и с уважением принимаем, ваше высочество. Однако постарайтесь всё же не затягивать с решением. Ситуация развивается не лучшим образом.

Тот, что со светлыми глазами, добавил:

– Самой неотложной мерой было бы, если б легитимное саудовское правительство – вы, например, – заблокировало зарубежные счета, пока те, кто сбежал, не опустошили их.

Абу Джабр посмотрел на этого человека и кивнул. Он понял, как это будет проистекать. Королём будет он, но его американские советчики будут диктовать ему, какие решения он должен принимать.

– Я подумаю об этом, – сказал он своим посетителям и поднялся. – Завтра в это же время я сообщу вам своё решение.

В телевизионном обращении американский президент объявил о введении всеобщей воинской повинности. Он весьма подробно обосновал это решение. Вызовы современности и особая роль США в ней требуют мобилизации всех резервов. Всеобщая воинская повинность – мера, к которой прибегают в бедственном положении собственной страны, когда речь идёт о сохранении правопорядка, о помощи слабым и нуждающимся и о защите собственности, которая находится под угрозой.

Критики истолковали это решение иначе. США, говорили они, готовятся к тому, чтобы воевать за каждую каплю оставшейся нефти.

Глава 43

«Война за нефть между США и Россией?» – такой заголовок напечатала бульварная газета и разместила снимок горящих нефтяных полей Кувейта времён войны в Персидском заливе 1991 года. В снимок был вмонтирован бомбардировщик В2.

Тон дипломатических нот с каждым днём набирал остроту. Американцы тыкали пальцем в договоры, русские напирали на... толком уже никто не понимал, на что. Кажется, они решили на всякий случай оставить каспийскую нефть при себе.

Один видный консультант по нефти объяснил, что это месторождение вряд ли удастся использовать. Нефтяное поле невелико, а для его разработки придётся строить нефтепровод –

короче говоря, оно себя не оправдывает. Однако и эта ясная формулировка не отменила бурю, бушующую в высоких слоях атмосферы мировой политики.

В такой ситуации вдруг упало давление в газопроводе, ведущем из России на Запад и, в конечном счёте, в Германию. Электростанции, работавшие на русском газе, отключились, электросети были обесточены. Треть немецких земель остались в темноте. Это длилось почти полсуток, пока положение не спас мощный импорт электричества из Франции.

– Была допущена ошибка с нашей стороны, – сокрушался представитель «Газпрома», русского энергетического концерна. Один источник газа, по его словам, иссяк, а техники, отвечающие за это, из-за ремонта измерительных устройств не успели вовремя переключиться.

Так общественность узнала, что месторождения газа, в отличие от нефтяных, иссякают не постепенно, а практически внезапно. Из некоторых техасских скважин первого часа, из которых нефть хлестала пятьдесят-шестьдесят лет назад неукротимым фонтаном, неспешные качалки и сегодня высасывают в день по бочке-другой. С природным газом это не проходит. Источник, из которого сегодня газ бьёт под давлением, завтра может оказаться совершенно мёртвым. Иногда это можно предвидеть, но иногда – нет.

Это так, но всё равно никто не верил ни одному слову представителя «Газпрома». Никто не сомневался, что этот случай был демонстрацией силы. «Газпром», самое крупное предприятие России и крупнейший в мире добытчик природного газа, один располагал шестой частью всех разведанных месторождений газа. Через сеть газопроводов общей протяжённостью в 150 тысяч километров этот энергетический гигант экспортировал газ по умеренным ценам в другие страны СНГ, а по рыночным ценам – в Европу.

И, как показал этот инцидент, Германия оказалась полностью зависимой от русского природного газа. Если конфликт между США и Россией расширится, никто не сомневался в том, что Россия перекроет газовый вентиль в случае, если Европа выступит на стороне США в рамках своих натовских обязательств. Запасов природного газа почти не было, да и хранить их технически далеко не так просто, как в случае с нефтью.

И если раньше на соседнюю Францию поглядывали косо из-за её атомных станций, то теперь эти взгляды на другой берег Рейна стали скорее завистливыми. Франция производила 81 % всего своего электричества на атомных станциях – намного больше, чем любая другая страна мира.

Ядерные реакторы и в техническом отношении не в чем было упрекнуть. Неужто будущее за атомной энергией? «Партия зелёных» в Германии однозначно выступала против этой идеи – и на выборах резко потеряла голоса избирателей. Другие партии предпочли вообще никак не выражать свою позицию.

Молодой человек, гримируя его перед телевизионным выступлением, нервничал. Видимо, ему не по себе было обрабатывать кисточкой лицо будущего короля. Абу Джабр улыбался ему в зеркало, чтобы ободрить его. Хотя и сам был напряжён.

Он нашупал в кармане сложенный листок. Он знал, что листок не выпадет, да и текст к этому времени он уже выучил наизусть, но всё равно то и дело ощупывал карман. В принципе, подумал он, ведь эта бумажка была оружием. Разящим мечом слова.

По крайней мере, он надеялся на это.

Он был потрясён масштабом разрушений в Эр-Рияде. Выгоревшие магазины, обрушившиеся дома, повреждённые фасады – и в довершение всего американские танки, патрулирующие улицы! Пора было с этим кончать. Но больше всего его потрясла летаргия, господствующая в городе и в стране, насколько он успел увидеть. Иншалла! Разве это ответ? Разве этого ждал от людей Аллаха? Бои утихли ещё несколько недель назад, но никто пока не брался за лопаты, чтобы разгрести завалы.

Миллер просунул голову в дверь.

– Сейчас начнётся, ваше высочество. – Миллер, как уже успел вытянуть из него Абу Джабр, был женат, имел троих детей и жил в предместье Бостона. И тревожился, как

содержать дом, если кончится топливо.

– Ваша речь у вас? – спросил Миллер.

– Не беспокойтесь. – Абу Джабр поднялся, держа текст речи в руках.

Собственно, то была речь, подготовленная Миллером. Во всяком случае, отредактированная им. И с ним же отрепетированная. Миллер был опытным журналистом и сносно владел арабским, хоть и предпочитал говорить по-английски. Он сказал, что будет консультировать Абу Джабра сколько тот захочет.

Но прозвучало это так, что американцы не собирались предоставлять выбор новому правителю.

Абу Джабр никогда не ходил в школу. Чтению и письму его обучила мать – по Корану. Но он бы всё же предпочёл ходить в школу. И решил побеспокоиться о детях: чтобы они уж точно ходили в школу.

Хотя он уже бывал в студиях, его всякий раз заново ошеломляла яркость света и жар софитов. Так ли это было необходимо? После всего прогресса, проделанного техникой?

Пока Миллер говорил с режиссёром, Абу Джабр достал из кармана листок, развернул его, разгладил и аккуратно вложил между листами готовой речи. Потом один из ассистентов почтительно проводил его к месту выступления.

Последние поправки. Кто-то поправлял его бороду, кто-то проверял, надёжно ли сидит на его платке агаль из простого шнура, на котором он настоял. Ведь он пока что ещё не король.

Началось как на кинопробах. Миллер ободряюще кивнул ему, режиссёр показывал на пальцах обратный отсчёт времени, и потом на камере зажёгся красный огонёк.

Речь была написана хорошо как по звучанию слов, так и по содержанию. В ней говорилось о событиях последних месяцев. Об аварии в Рас-Тануре, которая была попыткой скрыть другую аварию: прорыв воды в нефтяном поле Равар. Как события вышли из-под контроля. Абу Джабр почувствовал, как его голос сам по себе стал резче, когда он зачитывал пассаж, осуждающий бегство правительства от народного гнева.

– Эти люди впредь не могут претендовать на то, чтобы править нашей страной.

Он взял в руки листок с текстом, который отшлифовывал часами.

– Но я считаю недостаточным просто сослаться на моё происхождение, – прочитал он дальше и увидел, как вздрогнул Миллер. – Мой отец, как известно, основал эту страну – но могу ли я из-за этого на что-то претендовать? Не знаю. Однако я знаю, что наша страна должна прийти к единству. Я готов стать вашим королём, но и вы должны быть готовы признать меня своим королём. Мне важно знать, что вы готовы к этому. Мне важно узнать это от каждого из вас в отдельности. Поэтому я назначаю референдум, в котором каждый взрослый гражданин Саудовской Аравии – каждый мужчина и каждая женщина – имеет один голос. Он должен отдать его в уединении, отвечая только перед самим собой и Аллахом, да будет благословенно Его имя. Я назначаю этот опрос народа, который должен состояться в течение следующих двух недель, и приглашаю наблюдателей из разных стран, какие пожелают приехать к нам. Только если большинство признают меня в качестве короля, я приму на себя это достоинство. Ма'а ас-саляама.

Режиссёр, который рассчитывал на более продолжительную речь, не знал, что делать, и растерянно моргал. Пусть он что-нибудь придумает. Абу Джабр спокойно сложил свои листки, не торопясь встал и вышел из кадра. Краем глаза он видел, что кто-то отчаянно жестикулирует, видимо, подавая кому-то знаки закончить трансляцию.

– Мы так не договаривались, – прошипел Миллер, входя в гримёрную.

– Да, – весело ответил Абу Джабр. – Но поскольку это всё же шаг в сторону демократии, я был уверен, что вы ничего не будете иметь против.

Продажа легковых автомобилей между тем почти остановилась. Кроме тех, кому совсем уж было необходимо, никто и не думал покупать новую машину. К началу марта немецкая автомобильная отрасль находилась, как писали, «в тяжелейшем за всю свою историю кризисе». На всех автопроизводствах люди работали с неполной занятостью, и слухи о том,

что предстоят большие сокращения, носились в воздухе.

Поползли шепотки, что, может быть, это уже не кризис. Может быть, это агония?..

Кризис перекинулся и на другие отрасли промышленности. Повсюду можно было услышать, что каждое второе рабочее место в Германии держится на автомобиле. Для прямых поставщиков автоиндустрии, которым вследствие многолетнего оптимизирования цен и без того доставалась лишь небольшая доля прибыли, совсем без резервов, конкурс был лишь вопросом времени. Предприятиям второго ряда – например, в металлообрабатывающем станкостроении – тоже приходилось затягивать пояса потуже, но, поскольку немецкие станки по-прежнему высоко котировались в мире, они ещё подсчитывали свои шансы на выживание. Первыми же в очереди на гибель стояли предприятия начального развития, форейторы новых технологий: молодые, только что вышедшие на рынок. Такие фирмы массовым порядком оказывались в списках банкротов. Одна газета окрестила «переплавкой хай-тека» то явление, что от кризиса гибли именно те секреты производства, от которых ждали спасительных новых технологий.

– Единственное, что ещё расходится – это автобусы, – рассказывал Вернер.

Был поздний вечер, и они сидели в гостиной. Юлиан, при котором они решили не обсуждать плохие вести, давно уже был в постели.

– На автобусы безумный спрос. Американцы, ты не поверишь, покупают именно автобусы. Сегодня в столовой я встретил одного, он ведёт американские дела и говорит, что они еле справляются с потоком экспортных бумаг. Якобы те собираются развить во всех своих гигантских пригородах сеть ближнего сообщения.

– А что, в США своих автобусов не производят? – удивилась Доротея.

– Производят, конечно. Но, видимо, недостаточно.

Кроме того, руководство уже окончательно решило не возобновлять тот проект по новым автомобилям, в котором участвовал Вернер и который был заморожен в начале декабря. Так что развития и пополнения актуальных моделей среднего класса ждать не приходилось.

– Другими словами, – резюмировал Вернер, – двести-триста миллионов ушли в песок.

– Но и смысла не было вкладывать еще больше денег в машины, которые никто не купит, – сказала Доротея.

Вернер смотрел в пустоту.

– Все равно у меня в голове не укладывается. Ну, хорошо, у нас кризис. Но ведь любой кризис когда-то проходит. И что потом?

Казалось, минута молчания вбирала в себя его слова. Стало так тихо, будто он ничего и не говорил. Доротея разглядывала просторную, элегантную гостиную с высокими окнами, с камином, сложенным из серого камня, и впервые думала о том, что это хоть и красиво, но совсем не уютно. В принципе это было построено так, чтобы эффектно выглядеть на снимках.

– А если нет? – тихо спросила она. – Если не пройдет?

Вернер судорожно вздохнул и сверкнул на неё глазами. Но потом продолжил так, будто она ничего не сказала:

– Новое направление, от которого руководство отказалось, это альтернативные концепты! Автомобили на топливных элементах. Электромобили. Водород. Да, они уже есть, и немало, но ведь это только разработки. Только эксперименты. Понадобится ещё лет десять, чтобы всё это появилось на дорогах, чтобы Технический надзор одобрил это. И это ещё по оптимистическим прогнозам. Поскольку неудачи допустить нельзя. Ведь водород взрывоопасен. Чтобы на нём работали машины, надо... Да что там! Я бы не хотел быть испытателем на таких машинах.

– А электромобили? – спросила Доротея.

– Конечно, это было бы здорово. Электромотор – мечта машины. Но тут возникают проблемы с аккумуляторами, и сейчас я уже не верю, что они разрешимы. – Вернер поскрёб затылок. – Скорее нам подошла бы модель с гибридным приводом. Как это уже делают японцы. Раньше руководство говорило: мол, это не для нас, а теперь они твердят, что это надо

было сделать ещё вчера. Но, в конце концов, это тоже всего лишь временное решение, к тому же у нас нет опыта. Теоретически, конечно, известно, как это делать. Запрягаешь вместе электрический и бензиновый моторы и комбинируешь преимущества того и другого. Этот анекдот уже с бородой, такие попытки предпринимались ещё сто лет назад. Но на практике всё выглядит иначе. Как только дело дойдёт до деталей, всё придётся начинать с нуля. – Он запнулся, глаза его расширились. – Если только они не пришли к мысли просто закупить людей с готовыми ноу-хау. А таких, как я, выкинуть, чтобы освободить место для них.

Доротея протянула руку и ласково погладила его ладонь. Вернера была внутренняя дрожь, она весь вечер чувствовала это.

– Не так-то это просто – уволить человека.

Он кивнул. Она заметила, что он немного успокоился.

– Как дела в магазине? – спросил он с вымученной улыбкой.

– Хорошо, – сказала Доротея. – То, что мы теперь работаем и после обеда, сразу дало результаты. Моника прекрасно справляется, и с детьми тоже всё хорошо. Юлиан и Майя подружились.

– А как это выражается в деньгах?

– Не так хорошо, как с некоторыми Интернет-сайтами, но за последнюю неделю вышло почти четыреста евро, и это несмотря на то, что мне пришлось оплатить ремонт холодильной полки. – Только сейчас до неё дошло, что в вопросе Вернера прозвучал своеобразный подтекст. Она взглянула на него. – А почему ты спрашиваешь?

Он посмотрел в потолок.

– Нам сокращают зарплату. Сообщили об этом сегодня. С одобрения производственного совета.

Они справятся с этим, поскольку магазин Доротеи за это время ожил. Миновала фаза, когда всякую заметную прибыль сейчас же съедал ремонт или необходимые нововведения. Теперь в конце недели был уже по-настоящему положительный итог; к тому же собственное домашнее хозяйство она могла теперь вести с продуктами, срок годности которых только что истёк, а это означало дополнительную экономию. С тех пор как магазин стал работать и вечером, к ним приходило всё больше детей, чтобы выложить свои карманные деньги за сладости, комиксы и несусветные, однако, со всей очевидностью, желанные переводные картинки. Магазин стал местом встреч, – именно это направление она и думала поддержать. Летом она намеревалась организовать базарный день, как было здесь заведено ещё двадцать лет назад и как должно было возобновиться. Она уже навела справки, с кем ей об этом договориться в ратуше.

Уже несколько дней она наблюдала за одной женщиной, которая приходила каждый день, подолгу разглядывала полки – наверняка уже подержала в руках каждую баночку и каждую упаковку, – чтобы потом встать в очередь к кассе с корзинкой, в которой товару было всего на пару евро. Доротея не могла избавиться от чувства, что эта женщина следит за каждым её движением. Это было ужасно. При том что женщина совсем не казалась какой-нибудь чокнутой.

Доротея даже стала смотреть за ней в окно, когда та выходила из магазина и садилась в машину с номерным знаком явно не из здешних мест. Хорошо, успокаивала она себя, это ровно ничего не значит; может, машина принадлежит фирме, бог весть где зарегистрированной. Однако в сочетании с остальным её поведением... И она никогда не уезжала сразу, а сидела и что-то помечала в записной книжке. Сумму, которую истратила? Нет, это не заняло бы так много времени.

В конце концов, когда однажды они остались в магазине с глазу на глаз, Доротея просто спросила её, здешняя ли она; мол, в деревне она что-то не видела её.

– Нет, – ответила женщина, – я из Бухфельда.

– Из Бухфельда? – Доротея уже слышала это название, но не могла бы сказать, в какой это стороне. По крайней мере, не так близко. – И вы приезжаете специально в мой магазин?

Ей показалось, что женщина вздрогнула.

– Да. Честно говоря, чтобы поучиться.

– Поучиться?

– Не беспокойтесь, я не составлю вам конкуренцию, – поспешно сказала женщина. – Просто я ношусь с мыслью, не открыть ли такой магазин и у нас. Так же как это сделали вы. Мне кажется, у нас его точно так же не хватает. Вот я и надеялась что-нибудь у вас подсмотреть...

Доротея растерянно разглядывала женщину, не зная, как к этому отнестись. Потом вспомнила пассаж из записной книжки Амалии Бирнбауэр и улыбнулась.

– Можете просто спросить. Не думаю, что я должна что-то утаивать. Меня, кстати, зовут Доротея Утц, – добавила она и протянула руку.

Женщина пожала её с явным облегчением.

– Габриеле Эльзер. Просто Габи.

– Давайте посидим за кофе и всё обговорим, – предложила Доротея. – Если нас будет двое, мы ведь можем образовать общество закупщиков. Тогда мы сможем заказывать больше, получим лучшие условия, и как знать, может, и крупные поставщики запомнят, как нас зовут.

Это случилось в тот день, когда и без того всё было плохо. Вернеру пришлось остаться на сверхурочную работу. Шеф вернул ему представление, которое тот долго шлифовал: якобы по содержанию оно было в порядке, но не отвечало новым директивным линиям. А нужно было к завтрашнему дню.

Вернеру уже приходилось слышать от других жалобы на то, что организационные отделы в эти тяжёлые времена от нечего делать стали производить всяческие новые директивы и формуляры. Теперь это коснулось и его. Во всём представлении надо было применить другие шрифты, другие фоны, другие комбинации цветов и так далее. До конца рабочего времени он не успевал. А с тех пор как он был завязан на своё сообщество попутчиков, задержаться на пару часов составляло проблему.

Он созвонился с другими. Не смогут ли они задержаться? Ему и самому уже случалось это делать, потому что у каждого когда-то возникали проблемы... Но нет. У двоих вечером были неотложные дела, им нужно было вовремя возвращаться.

Он вышел на сайт Маргит, сообщил свой *login* и поискал в рубрике «Спорадические попутчики и экстренные случаи», нашёл двух человек, которые ехали той же дорогой и могли время от времени подвезти кого-то, однако по телефону не застал ни того, ни другого.

А время поджимало. Вместо того чтобы скорее взяться за работу, он целый час потратил на звонки. О том, чтобы оставить представление таким, как есть, не могло быть и речи. В крайнем случае, придётся ночевать в отеле.

Потом ему в голову пришла мысль позвонить самой Маргит Мюллер и по горячим следам сообщить ей, какие у него проблемы.

– Да, такое происходит всё чаще, – вздохнула она, – и я сама хотела бы знать, как это разрешить. Но знаешь что? Позвони мне, когда ты справишься, я тебя отвезу.

– Что, серьезно? – растерялся Вернер.

– Ну, ведь ты как-никак мой любимый клиент, – сказала она.

Был поздний вечер, когда она высадила его на парковке в Нижних Буках. Её машина произвела на Вернера впечатление: роскошный лимузин наверняка с болезненно высоким расходом топлива. Он был рад, что она отвезла его, но вместе с тем испытывал стыд. Не знал, как её благодарить, и махал ей вслед, пока она не скрылась из виду. Только после этого он от души выругался.

Его машина была на стоянке последней, и ещё издали ему почудилось, что с ней что-то не так. Она сиротливо стояла одна в темноте. Из двух фонарей, которыми была оснащена парковка, из экономии горел только один, да и тот беспокойно мигал. В деревьях и кустах вокруг висел лёгкий туман, неотвратимо вызывая в памяти сцены из фильмов с маньяками и убийцами.

Потом он увидел, что с машиной. Проклятье, бензобак был открыт! Но ведь он оставлял его запертым.

Сердце колотилось у него в горле, когда он спешил к машине. Быть не могло того, что он заподозрил...

Но так и есть! Бензиновые воров. В последнее время это приняло характер эпидемии; в газетах постоянно писали об этом. Они просто взломали крышку бака, исковеркали горловину, краска облупилась. Сама крышка валялась на земле. Вернер открыл дверцу и попытался завести машину, но, разумеется, тщетно. Стрелка указателя топлива даже не шевельнулась.

Вернер прикрыл глаза ладонью, проклял воров и нефтяных шейхов, и всё, что ещё могло быть виноватым в этой проклятой ситуации! Потом достал из кармана свой мобильный телефон, подумал про Маргит с её крутой машиной и дорогими тряпками и сказал себе: что-то, что-то он сделал не так.

Под вечер того же дня, незадолго до закрытия магазина, в него вошёл мужчина в костюме, с виду дорогом, и в супермодных очках. Он казался совершенно неуместным тут, и Доротея решила, что он зашёл узнать дорогу или что-то в этом роде, но он спросил:

– Вы, случайно, не госпожа Утц?

– Да, – сказала Доротея.

Он протянул ей руку, которая на ощупь была холодной и жёсткой.

– Эберфельд. Я хотел бы поговорить с вами.

Кто-нибудь из ратуши, по поводу организации летнего базара?

– Да. В чём дело?

Мужчина положил на кассовый стол тонкую кожаную папку.

– Вы переманили к себе покупателей из супермаркетов «Fixkauf» и «EuroCenti» в Дюффендорфе способом, который противоречит правилам ведения добросовестной конкуренции, вы это знаете?

Доротею пронизал холодный ужас. Как будто ей вогнали в живот стальной клинок.

– Простите?

– Всё больше людей покупают у вас, а не в супермаркетах, где они отоваривались до сих пор.

Это был адвокат, что ли? Работающий на запугивании? Невероятно. Что там себе воображают эти супермаркеты? В Доротее проснулся боец. И было даже что-то лестное в том, что эти супермаркеты увидели в ней конкурента.

– И что? – ответила она. – Это самое естественное дело. Я предлагаю товары, вы предлагаете товары, а люди решают, где им покупать. Вообще, что всё это значит? Я ведь не жалею, что «Fixkauf» продаёт молоко дешевле, чем закупаю я.

Мужчина смотрел на неё сквозь очки без всякого выражения.

– На то и существуют правовые нормы, регламентирующие ведение конкурентной борьбы. Законы, регулирующие, что можно делать, а чего нельзя.

– Не знаю, что такого противозаконного я сделала.

– А я вам подскажу. – Адвокат открыл свою папку, достал светло-зелёный листок и сунул ей под нос. Её собственная листовка. – Тут вы предлагаете людям расчет, сколько они сэкономят на бензине, если придут к вам, а не поедут в Дюффендорф. Вы открыто называете имена моих клиентов. Это сравнительная реклама, и в такой форме она не разрешена.

Доротея почувствовала, как у неё задрожали колени.

– Но...

– Вы можете прочитать соответствующие статьи законов. – Он достал из папки конверт. – Мне бы следовало просто послать вам моё предупреждение по почте, однако по желанию моих клиентов я передаю его вам лично, чтобы попутно заверить вас, что мои клиенты готовы идти на обсуждение. – И он протянул ей конверт.

– Что это значит?

– Если вы готовы закрыть ваш магазин – который, кажется, и так не особенно рентабелен, – то мои клиенты откажутся от дальнейшего преследования этого факта. – Он положил перед ней и свою визитную карточку. – Вы в любое время можете связаться со мной по этому номеру. Доброго дня.

И он удалился. Было даже странно, что после него не осталось дьявольского серного запаха, подумала Доротея. А должен был остаться. Может, у неё насморк?

Потом её охватил ужас, и она опустилась на стул. Вот это самое и снилось ей в кошмарах. Нарушить предписание – а их так много, что это целая отдельная работа: все их читать – и нарваться на трудности.

Она надорвала конверт, пальцы у неё сильно дрожали. Развернула бумагу. Пробежала её глазами. Юридическая казуистика, в которой она ровным счётом ничего не поняла – за исключением цифры, которая крупно, жирно и по центру значилась в нижней части листа. Она была недвусмысленна.

Её конкуренты требовали отступных, которые превышали весь оборот, которого она достигла до сих пор со своим магазином. В противном случае они подают судебный иск.

Постепенно Маркус терял чувство времени. Каждый день в *Vare Hands Creek* казался ему похожим на другой. Он просыпался утром оттого, что Таггард плёлся через гостиную в ванную, потом и сам он умывался там ледяной водой, к которой ему никогда не привыкнуть, а Таггард тем временем варил кофе. После дня однообразной, отупляющей работы он уставал, они ужинали почти молча, и он снова засыпал на диване, от которого у него болела спина и который не давал ему ощущения личного пространства.

Он работал уже не в хлеву, а в силосохранилище, как называли большое мрачное строение, походившее внутри на лабиринт из множества кладовок, бункеров и ходов. Здесь хранились запасы пшеницы, проса и ячменя, и его задачей было ворошить зерно и постоянно просеивать заново, а также ставить и проверять мышеловки. Временами ему доверяли молоть зерно – мельницей, которая, к его удивлению, была на электрическом приводе. Есть в резерве и механическая, объяснила ему Абигейль, рослая, унылого вида женщина лет пятидесяти пяти, заведующая хранилищем. Она носила пуловер самодельной вязки, и у неё были длинные волнистые волосы, которых, должно быть, ни разу не касались руки парикмахера.

Между тем уже начался март, если верить календарю на кухне Таггарда. Да и снег всюду сошёл, зато полили дожди, и деревенские дороги развезло. Таким тёплым февраль ещё не был, говорили люди.

Лес без снега казался страшнее, темнее; он сразу наполнился шумом, голосами животных, и когда случалось выходить в дозор, внезапный треск веток заставлял вздрагивать.

В силосохранилище всегда было сухо, но холодно и темно. Иногда Маркус заглядывал в кладовки – и обнаруживал там ящики с орехами, или молотильные цепи, или целые мешки мелких полосатых семечек.

– Это подсолнечник, – объяснила Абигейль.

– Их едят? – спросил Маркус и лишь после этого вспомнил, что в Германии он часто видел хлеб с семенами подсолнечника.

– Можно, – сказала Абигейль. – Только надо, конечно, сперва очистить. Поджаренные, например, идут в салат. Но мы-то из него масло жмём.

– Масло?

– Подсолнечное масло. Прессом.

Масло. Маркус смотрел на семечки у себя на ладони и вдруг вспомнил Кейта Пеппера – впервые после долгого-долгого времени. Как он там? Жив ли вообще? Кажется, минула вечность с тех пор, как он видел в его гараже мотор, работавший на растительном масле.

Не выход ли это? Не держал ли он сейчас в руках билет, который выведет его из *Vare Hands Creek*?

Ему вспомнился пакетик в багажнике – какие-то угловатые детали, завернутые в пластиковую плёнку и перевязанные. Части, которые нужно заменить, чтобы переоборудовать

мотор на сжигание растительного масла. Раньше ему и в страшном сне не могло привидеться, чтобы он ковырялся в машине, но после всего, что ему пришлось уже делать здесь, он больше не считал немислимым хотя бы попытаться. Как-никак его отец был мастер на все руки, а брат и до сих пор мастерит, значит, отыщется и у него пара подходящих генов. Допустим, у него получится, тогда ему придётся...

Украсть. Мешок семечек.

В тот же момент Маркус понял, что не сделает этого. Исключено.

Возвращаясь к кладовой, чтобы высыпать в мешок горстку семечек, он пытался понять, что гнетёт его больше: то, что он как бы пленник в Bare Hands Creek, или то, что он, несмотря ни на что, уже так прижился здесь, что с трудом представляет, как можно куда-то уйти.

Глава 44

– Король Фарук, – пробормотал Абу Джабр Фарук Ибн Абдул-Азиз Аль-Сауд своему отражению в зеркале, поправляя свою гутру.⁴² Ему надо было ещё привыкнуть к этому.

Из окна отеля открывался футуристический вид на Кувейт-Сити. Встреча руководителей стран, экспортирующих арабскую нефть, была его первым выездом за рубеж после восхождения на престол.

Референдум принес ему больше семидесяти процентов голосов. Это обозначилось с самого начала, и после подсчета всех бюллетеней точная цифра оказалась 71,3 %.

– Умный ход, – уныло признал тогда Франк Мюллер. – Никаким другим путём вы не смогли бы так усилить вашу властную позицию.

– Да, – сказал Абу Джабр и лишь потом додумал, что имел в виду посланник американского правительства: и по отношению к США тоже. Оттого-то Мюллер и был таким унылым.

Кто-то сдержанно постучал в дверь.

– Пора, ваше величество, – послышался голос Ахмада, его ассистента.

Да, пора. Пора идти на встречу.

До конференц-центра было всего-то метров триста, однако это расстояние они должны были преодолеть в раззолоченном лимузине и в сопровождении мотоциклетного эскорта. Знамёна вдоль улицы, охрана, оцепление, за которым стояли дети, размахивая флажками. Абу Джабр тоже махал им в ответ, не зная, видно ли его вообще внутри машины.

Наконец он вошёл в конференц-центр, который, как водится, представлял собой смесь воплощённой в бетоне бедуинской традиции и западной техники. Встретив первого же монарха, он заметил, что одно дело претендовать на власть по своему происхождению, опираясь на лояльность армии, и совсем другое – осознавать за собой большинство тех, кем правишь.

Взгляды, которые он встречал, были красноречивее слов. Естественно, он догадывался, что говорили у него за спиной: вот властитель милостью американцев, однако голосование фактически избавило его от этих обвинений. Американцы больше не могли идти ему наперекор, поскольку теперь ясно было, что тем самым они будут противостоять саудовскому народу. И другие лидеры тоже знали, что это так. Он читал в их взглядах недоверие, но прежде всего страх, жалкий, недостойный страх. Никто из остальных не знал, какая часть подданных стоит за ними на самом деле. И никто бы не отважился выяснять это.

Разумеется, Абу Джабр многим был обязан бурным событиям последних месяцев. Они помогли ему достичь того, в чем потерпели неудачу даже такие выдающиеся властители, как король Файзал или король Абдаллах: радикально урезать привилегии королевской семьи, а то и вообще исключить их. Зарубежная собственность бежавших была конфискована и

---

⁴² Гутра – традиционный мужской головной убор (чисто-белый).

заморожена на счетах, апанажное⁴³ содержание тех членов королевской семьи, кто остался, было сокращено до минимума. Тем самым была не только пресечена любовь к роскоши, на которую народ взирал с растущим недовольством, но были оздоровлены и государственные финансы, даже в сложившейся новой ситуации.

И Абу Джабр, когда настал его черед, мог говорить с таким чувством уверенности, каким и сам не надеялся обладать.

После вступительных слов, обычных и ожидаемых в таких случаях, и подробного обзора прошедших событий король Фарук перешёл к теме нефти.

– Саудовская Аравия всё ещё страна с большими запасами нефти и значительной долей мировой добычи. Однако мы должны проститься с былым девизом, что мы можем произвести столько нефти, сколько надо. Наоборот, Саудовская Аравия в ближайшее время сократит производство. Я много совещался с экспертами наших нефтяных компаний, и они убедили меня, что многие из крупных старых нефтяных полей в последние годы эксплуатировались слишком интенсивно. Если мы не хотим, чтобы в ближайшее время их постигла та же участь, что и Равар, то наступило время снизить добычу. Это значит, что цены на нефть продолжат свой рост. – Он кивнул бывшему нефтяному министру и архитектору первого нефтяного эмбарго Ахмеду Заки Ямани, приглашённому на эту конференцию в качестве почётного гостя. – Мы знаем, что шейх Ямани всегда предостерегал нас, чтобы мы не допускали роста цен, ибо тогда нефть лишилась бы своего ведущего значения в глобальном обеспечении энергией. Справедлива была эта тревога или нет, факт тот, что теперь мы больше не можем на это влиять. Я убеждён, что мы должны исполниться решимости одобрить высокие цены на нефть. Даже дорогая нефть представляет собой ценное и востребованное сырьё и останется таковым и впредь. Наши месторождения нефти – самое драгоценное достояние наших стран, и пора перестать стремиться к тому, чтобы как можно скорее и как можно дешевле его растратить. Надо научиться управлять им мудро, а значит – экономно. Нашей целью должно стать то, чтобы и наши дети, и их дети, и дети их детей могли извлекать пользу из нефти.

Эта речь была переведена и разошлась по всему миру. И последнему простаку стало ясно, что старые времена уже не вернутся.

– Уже пошло время начальства.

Сказавший это невысокий человек с львиной гривой то и дело хватался за пуговицу своего воротничка. Было заметно, что он не привык носить галстук.

Остальные за столом кивали, а кое-кто украдкой поглядывал на часы. Время уже на десять минут превысило то, что было обозначено в их приглашениях. И стояло на пропусках. *Cum tempore*. Академические четверть часа. Учёные из числа приглашённых воспринимали это легче, чем боссы из экономики и представители энергетических концернов или автопромышленности.

Правда, вид из конференц-зала, расположенного на одном из верхних этажей государственной канцелярии, открывался великолепный. В Тиргартене уже обозначились первые признаки близкой весны, и чисто вымытый купол здания рейхстага блестел на солнце.

– Идёт, – сказал кто-то.

Дверь открылась, и почти поспешным шагом вошла фрау канцлер. Она обошла стол и пожала каждому руку. Невысокого роста, общительная, целеустремлённая. Только её стальной стержень был знаком не так хорошо.

Она попросила представить ей различные концепции, остроумно переспрашивала, безжалостно пресекая многословие. Откуда Германии брать энергию – для промышленности и транспорта, для жилищного хозяйства? Это был вопрос, и то, что не являлось на него

---

⁴³ Апанаж – в монархических государствах сумма, предусмотренная государственным бюджетом на личные расходы монарха и содержание его двора (цивильный лист).

ответом, не приветствовалось.

Вначале речь шла о так называемых альтернативных энергиях. То, что сила воды является почти идеальным источником энергии, и то, что в Германии практически всюду, где можно было ее реализовать, она уже использована, выяснилось за пять минут. Соляная энергия? Да, согласился председатель правления одного энергетического концерна. Несмотря на весьма умеренную в Центральной Европе солнечность, это пока остаётся неиспользованным потенциалом. Если бы на каждой черепице крыши стоял солярийный элемент, это бы кое-что дало. Но всё равно есть две проблемы: во-первых, соляная энергия появляется как раз тогда, когда она не нужна, поэтому придётся инвестировать не в сами батареи, а в аккумулирующие сооружения. Последнее же очень дорого. Во-вторых, экологический баланс солярийных элементов вызывает большие споры.

– Это настоящая тревога или отговорка? – спросил представитель экологического союза.

– У меня есть внуки, – ответил председатель правления. – И я бы не хотел, чтобы они жили при свете коптилки.

Канцлер подняла руку, чтобы остановить диспут.

– Можно ли сделать ставку на это?

Все отрицательно покачали головой.

– Если б спохватились лет тридцать назад, можно было бы об этом говорить, – сказал учёный. – Но в нынешнем положении это неподъёмно из-за одних только капитальных затрат. Кроме того, во многом отсутствует инфраструктура для их производства, обслуживания и так далее.

– А как обстоит дело с ветром?

Для этого, сказали ей, пришлось бы этими торчками утыкать весь ландшафт.

– Если мы хотим, чтоб ветряная турбина функционировала не только как модель ухода от налогов, а воспринималась всерьёз, – сказал руководитель ветряного парка, – тогда имеет смысл создавать ветряные парки только в шельфовой зоне. – Он спроецировал на стену компьютерную картинку роторной платформы в Северном море. – Тут наши коллеги из нефтяных фирм помогли бы нам, кстати, с ноу-хау. У них уже накоплен опыт с платформами.

– Вы будете смеяться, но у нас уже наготове соответствующий проект, – с улыбкой сказал руководитель разведки одного нефтяного концерна. Известно было, что его отозвали с пенсии, на которую он был отправлен преждевременно.

– Как быстро это можно сделать? – спросила канцлер.

– Пять-шесть лет, если напрячься.

– Так долго?

– Я обращаю ваше внимание, – взял слово председатель правления, тот самый, у которого были внуки, – что энергия ветра может лишь частично покрыть нашу потребность в энергии. Это обусловлено принципом действия. Ветер дует не по плану. На каждый киловатт энергии ветра мы должны держать в резерве 0,9 киловатта. Иначе бесперебойная работа не гарантирована. – Он пожал плечами. – А это опять-таки проблема аккумулирования энергии. Нам нужна энергия по требованию. Все остальное никогда не станет больше чем подспорьем.

– А что у нас есть из энергии по требованию? – уточнила канцлер.

Человек с львиной гривой стал перечислять по пальцам:

– Нефть и газ – это то, от чего мы хотим или будем вынуждены оторваться. Уголь – тоже ископаемый энергоноситель, который, естественно, тоже доживёт когда-то до своего пика, но, слава Богу, лишь через сто или более лет... – Он посмотрел на представителей экологических союзов. – Уж это бесспорно, не так ли?

– Хотя, конечно, пик приблизится, если весь мир перейдёт на уголь, – сказала седовласая женщина.

– Что для нас, в Германии, не так проблематично, поскольку у нас большие запасы угля.

– Использование угля для получения энергии негативно скажется на качестве воздуха, – вмешался мужчина, единственный из присутствующих одетый в пуловер.

– Сегодняшние воздухоочистительные сооружения справятся с этим.

– Но только не с выбросом CO₂. Кроме того, значительная часть немецких угольных месторождений состоит из бурого угля, – это означает крупномасштабные разрушения ландшафта и жизненного пространства.

– Итак, уголь, – резюмировал мужчина с львиной гривой, загибая следующий палец. – И, конечно, атомная энергия.

– От неё мы тоже хотели бы отказаться, – сказала канцлер.

– Это вам не удастся.

За столом возникло беспокойство, которое лишь с трудом удалось погасить.

– Атомная энергия оспаривается, я знаю, – объяснил мужчина с львиной гривой, когда канцлер снова дала ему слово. – Однако это единственный источник энергии, который не выделяет парниковых газов, с успехом может заменить ископаемые горючие материалы и обладает достаточным потенциалом, чтобы удовлетворить глобальную потребность.

Некоторое время дискуссия стихийно перескакивала с одного на другое. Лишь один человек не участвовал в ней; по существу, он до сих пор ещё не произнёс ни слова, если не считать приветствия при входе. То был известный профессор философии из Южной Германии, который временами вёл на телевидении «круглый стол» и был приглашён в Берлин по личному желанию канцлера – и к его собственному удивлению. Этот человек с усами и несколько всклокоченными волосами сидел, сцепив ладони на внушительном, как у будды, животе, и наблюдал происходящее так, будто всё это его не касалось.

– Господин профессор, – напрямую обратилась к нему в конце концов канцлер, – я хотела бы услышать и ваше мнение на этот счёт.

Он кивнул, подождал, когда все взгляды устремятся на него, и потом откашлялся.

– Я могу ошибаться, но у меня такое впечатление, что до сих пор дискуссия вообще не коснулась собственно проблемы. Вопрос, откуда мы будем получать электроэнергию, в настоящий момент не самый актуальный. Самый актуальный: на чём ездить? И чем отапливаться? В последнем я, пусть и неохотно, но вижу некоторое применение электричества, а то и угля, но вот в автомобилях и самолётах – тут, к сожалению, узкое место. И если вы не решите эту проблему, вам не поможет ничто, поскольку неважно, строите вы атомные станции или ветряки, вам для этого нужны строительные машины, а их вы не сможете привести в движение ни ураном, ни ветром.

И воцарилась тишина. Испуганная тишина.

Вернер молча сидел за кухонным столом, вновь и вновь перечитывая письмо адвоката, и Доротея могла наблюдать, как его лицо постепенно краснеет, что с ним случалось крайне редко.

– Когда я читаю такие вещи, мне так и хочется бросить гранату, – наконец произнёс он. – Один этот тон, заносчивый... высокомерный... Этих проклятых адвокатов надо всех закинуть на Луну. Без скафандров.

Рядом, в гостиной, бубнил телевизор. Юлиан смотрел какую-то научную передачу – это было его последнее увлечение. Речь шла о намерении федерального правительства возвести несколько установок для сжижения угля, чтобы обеспечить себя горючим в отсутствие импорта нефти. Комментатор говорил, что технология была изобретена в 1913 году немецким химиком и лауреатом Нобелевской премии Фридрихом Бергиусом и в тридцатые годы применялась для получения из угля синтетического бензина. Этот способ себя опорочил, поскольку горючее, произведённое таким образом, привело в движение главным образом военную машину Гитлера.

– Юлиан, – крикнула Доротея, – нельзя ли сделать чуть потише?

Послышалось недовольное:

– Сейчас.

Звук стал чуть тише. Разговор, всё ещё хорошо различимый, перешёл на запланированное расширение тепловых сетей. Строительство квартальных ТЭЦ, то есть маленьких электростанций, отвод тепла от которых можно использовать для отопления

окружающих жилых домов города, будет поощряться налоговыми льготами.

От чего их семье здесь, на отшибе, не будет никакого проку.

– Вопрос в том, – сказала Доротея, – что нам конкретно делать. Что, мне закрыть магазин?

Вернер молчал, продолжая пялиться в эту бумагу.

Доротея судорожно втянула воздух и обхватила себя за плечи, стараясь согреться. Даже выговорить эту мысль было почти больно.

– Я не хочу. Я не хочу этого.

– Это низость, – сказал Вернер надтреснутым голосом. – Такие большие фирмы, и грозят человеку процессом, который его в любом случае угробит одними затратами на адвокатов. Сами-то они оплатят это из своих почтовых расходов. – Он горько рассмеялся. – Вот тебе и равенство перед законом.

Доротея казалось, что ещё чуть-чуть – и её начнёт трясти.

– Я тут совершенно бессильна, – прошептала она.

Наконец он оставил в покое это дурацкое письмо, подошёл к ней и обнял. Наконец-то. Пусть сам он так же бессилён, как она. Всё равно.

– Первым делом проконсультируемся. Я позвоню Фолькеру, он, я думаю, знает какого-нибудь хорошего адвоката. Который хотя бы не выставит нам астрономический счёт. – Он гладил её по спине. – А я... я посмотрю, как нам получше распорядиться деньгами.

Доротея хотелось отдаться только его рукам и объятиям, но мысли то и дело возвращались к его последней фразе. Что он хотел этим сказать?

Она начала понимать это вечером следующего дня, когда Вернер снова притащил этого крючконосового консультанта по капиталовложениям, Крана. На сей раз Кран принёс толстую папку с бумагами.

– И ты, и ты – вы оба наверняка следите за новостями, верно? – начал он. Доротея с раздражением отметила, что он без спросу перешёл с ней на «ты». – Теперь и до нашего правительства дошло, что мало иметь одни электростанции. Они могут привести в движение только поезда и разве что троллейбусы, на этом и конец списку. Для всего остального нужно горючее. Сейчас и до людей наконец дойдёт. Пока что им непонятно, – продолжал он, опять возводя вверх свой сухой указательный палец, – но скоро станет понятно, что наш добрый старый бензин не так-то легко заменить. Собственно, вообще нечем его заменить.

Доротея поставила на журнальный столик блюдо с бутербродами. Вернер позвонил и предупредил её о приезде в самый последний момент, так что она успела приготовить только это.

– Но сейчас так много говорят про водород, – вставила она. – Что якобы это – горючее будущего.

Юлиан, перед тем как лечь спать, прочитал ей об этом целый доклад. Должно быть, эта тема обсуждалась даже в школе.

Кран с тонкой улыбкой отрицательно покачал головой.

– Надо ясно представлять себе, какая это невероятная субстанция – нефть. Каждый её литр содержит огромное количество энергии. Её легко транспортировать – можно перекачивать её по простым трубопроводам, на тысячи километров, если надо; её можно перевозить в цистернах, на танкерах или на грузовиках; можно транспортировать её даже на самолётах, которые заправляют в воздухе другие самолёты. Нефть легко хранить при нормальном давлении воздуха и при комнатной температуре, в непритязательных металлических резервуарах, и ей ничего не сделается, она не портится, не испаряется. С ней фантастически просто обходиться. Да, это горючее вещество, она огнеопасна, но в этом и состоит её смысл. – Он растопырил пальцы. – Ничего этого, мои дорогие, нельзя сказать про водород. Или про какую-то другую субстанцию, известную нам. Ничто не может соперничать с нефтью по части плотности энергии, удобства обращения, транспортабельности и пригодности к хранению. И до сих пор она была к тому же дешёвой и общедоступной. – Он

помотал головой. – Уж мы пожилы с ней неплохо, верно? И даже не замечали этого. Подумать только.

Доротее совсем не нравилось, что этот пошлый и бестактный человек называет её «моя дорогая». И опять этот менторский указательный палец!

– Братя Райт, – между тем продолжал разглагольствовать он, – осуществили первый моторный полёт не потому, что уж настолько больше других разбирались в аэродинамике. По профессии они были веломеханики, так? Им это удалось, потому в их распоряжении был бензиновый мотор, достаточно сильный и вместе с тем достаточно лёгкий. Этот пункт упускают из виду, когда говорят о транспорте. Постоянно имеют в виду автомобили – а как быть с самолётами?

– Точно, – сказал Вернер, явно находясь под впечатлением от его речи. – Об этом совсем не говорят.

Кран заглывал очередной бутерброд с лососем.

– Все авиакомпании сегодня пребывают в состоянии пике, – возвестил он с набитым ртом. – Они ещё до Рас-Тануры боролись за жизнь, а теперь просто истекают кровью. Раньше расходы на керосин составляли четверть всех расходов предприятия, а теперь их доля уже по ту сторону добра и зла. И это – пока ещё есть топливо из резервов. Как только оно перестанет оттуда поступать, то всё, спокойной ночи. – Последовал бутерброд с салями. – Это смертельный штопор. Цены полётов растут, число пассажиров падает. Как только обычные граждане не смогут позволить себе летать хотя бы раз в год, в отпуск, в туристическую поездку, то все основы этой лавочки будут подорваны. Авиаотрасль требует большого вала, всё построено в расчёте именно на это – аэропорты, самолёты, терминалы, сами расписания полётов. На одних только пассажирах бизнес-класса такой флот не удержится. Ибо цены на билеты, какими бы высокими они ни были, всё равно дисконтные. Авиакомпании не получают прибыли, и долго им не продержаться. Сейчас они поглощают резервы, отодвигают на потом необходимые инвестиции – что опять же плохо сказывается на авиапромышленности – и так далее. Смертельный штопор. В итоге останется лишь несколько частных самолётов для богатых, но для них потом не будет и аэропортов с обычным на сегодняшний день стандартом. Всё откатится назад, к насыпным взлётным площадкам.

Вернер казался потрясённым.

– Значит, в принципе всё сводится к горючему, – сказал он и посмотрел на жену. – Должен признаться, я об этом никогда не думал.

Доротее откинулась на диванные подушки и скрестила на груди руки.

– Ну и что делать? Вот нефть кончается, это факт. И бензин, и керосин, и так далее.

Кран с победной улыбкой наклонился к своей папке и вынул из неё большой проспект.

– А теперь наступает время термальной деполимеризации, – возвестил он тоном директора цирка, объявляющего аттракцион аттракционов. – Известной как ТДП.

Он торжественно развернул проспект и расстелил его на столе. Там были цветные диаграммы, проясняющие сложный химический процесс, фотографии зданий в промышленном районе, блестящих машин и, в конце концов, трубы, из которой текла тягучая чёрная масса: по виду нефть.

– Основополагающая идея – подражание тому, что делает природа, – объяснил Кран. – Другими словами: делать нефть самим. При этом процесс, конечно, должен идти чуть-чуть быстрее, поскольку миллионов лет у нас в запасе нет. Но не правда ли, ведь сегодня чего только не производят искусственно? Например, бриллианты. Природе требуются тысячи лет и гигантское давление, – а мы строим машину, и она за пару минут сжимает кусок угля в фианит. Итак, почему бы нам не создавать и нефть?

– Где это? – спросил Вернер.

– Снимки сделаны на фабрике в Канаде, где был разработан метод. ТДП одним ударом убивает двух мух, поскольку превращает в нефть отходы. Единственное условие, чтобы эти отходы базировались на углероде, в большинстве случаев так и бывает. – Он постучал пальцем по цветному листу. – Они умеют перегонять нефть из старых шин, из пластиковых

бутылок, старых компьютеров, садовых отходов, макулатуры, больничных отходов, шлама нефтеперегонных заводов и так далее; конкретно этот завод стоит рядом с фабрикой, перерабатывающей индеек в шницели, и использует её отходы.

– И это реально? – удивилась Доротея.

Кран осклабился, глядя на неё.

– Нефть – не волшебное вещество. Это комплексная смесь из углеводородов, вот и всё. – Он снова постучал пальцем по снимкам. – Если бы я свалился в эту машину, из меня бы получилось в итоге двадцать литров нефти, немного газа, три кило минеральных веществ и шестьдесят литров дистиллированной воды.

Доротея на секунду представила себе эту картину, и ей невольно пришлось подавить улыбку.

Кран порылся в своей папке и достал – с некоторым вроде бы колебанием – несколько документов, простых распечаток, скрепленных в одном углу.

– Итак, а теперь настоящая дружеская услуга. В Бадишене сейчас как раз проектируется такая установка, только больше, современнее, мощнее. Переработка отходов и производство синтетической нефти в одном – это будет пилотный проект для целого ряда других установок, которые запланированы по всей Германии. – Он передал бумаги Вернеру. – Финансировать всё это будет закрытый инвестиционный фонд, в котором я вам, если вы быстро решитесь, ещё смогу устроить доленое участие.

Вернер хмыкнул и полистал страницы, испещрённые цифрами.

– Я и сам вложил туда деньги, – добавил Кран. – Логично. Ведь иначе я не мог бы и рекомендовать. Но я уверен, что это будет ходкий товар. Это принесёт такую прибыль, что у нас голова пойдёт кругом. – Он засмеялся. – А самое лучшее то, что владельцы акций будут получать котельное топливо по специальным ценам, как только устройство заработает. Это пойдёт по статье расходов на собственные нужды, и стоить будет только налоговая составляющая.

Доротея глянула на Вернера, увидела выражение его лица и только и смогла подумать: «О Боже, нет!»

– Ты должен мне ещё раз объяснить, как оформляется ипотека на дом, – сказал Вернер, обращаясь к Крану.

Ночью, в два часа, натянув одеяло до подбородка и устав от долгих разговоров, Доротея наконец сдалась. На её вновь и вновь приводимый аргумент, что Кран-де подозрительный тип и совсем не симпатичен ей, Вернер отвечал только, что ей же не выходить за него замуж. А не могли бы они, если уж они берут дополнительный кредит, на эти деньги просто встроить новое отопление? Которое, например, работало бы на топливных таблетках из древесины, – их сейчас усиленно рекламируют. Или просто работало бы на разном топливе...

– Ты думаешь, дерево, или что уж там ещё, так и останется дешёвым, когда кончится нефть? – возразил Вернер. – Нет, это не решение. Вот установки ТДП – да, это наш шанс присоединиться к чему-то большому! Пусть даже расчёты прибыли в проспекте наполовину преувеличены, всё равно нам достанется хороший кусок, Доро, и я бы избавился наконец от этой вечной тревоги из-за денег раз и навсегда!

Она вздохнула.

– Ну ладно, как знаешь.

По Bare Hands Creek пошли слухи. Ребекка, дочь преподобного, беременна. Никто не знал, кто отец ребёнка; девушка его не выдавала.

Маркус не обращал внимания на эти сплетни. Его это не касалось, кроме того, у него были другие планы. От Абигейль он узнал, что на конец апреля запланировано что-то вроде экспедиции на двух грузовиках вниз, в Yellow Pine, а то и дальше, смотря по обстоятельствам. Целью было разузнать, как и чем торгуют в остальном мире, чтобы как-то выйти на медикаменты, если они ещё производятся, или на запчасти.

Маркус хотел попасть в эту поездку. Только не знал, как. Но время на это ещё оставалось.

Однажды вечером Брюс подкараулил его на улице, взял за локоть и произнёс:

– Слушай, старина. У меня к тебе вопрос, и я тебя прошу сказать мне правду: это ты отец ребёнка Ребекки?

Маркус выпучил на него глаза.

– Что? Нет.

– Она утверждает другое.

– Что? Это ложь.

Брюс крепче стиснул его локоть.

– Пока что она сказала это одному только Хайнбергу. Он мне этого, конечно, не рассказывал, но я видел, как она от него уходила, а Джеймс после этого расспрашивал меня о тебе, поскольку он знает, что мы часто патрулировали вместе. Об остальном мне было уже нетрудно догадаться.

У Маркуса было такое чувство, что на его шее затягивается удавка.

– У меня с ней ничего не было, ясно? Мы только один раз поговорили, и она пригласила меня на обед в главный дом.

– Только поговорили?

Маркус оглядел Брюса.

– Она... да, она хотела. Я это видел. Набивалась, можно сказать. Но я к ней не притронулся. Она даже дулась на меня за это.

Брюс испытующе посмотрел на него и, видимо, поверил, потому что отпустил наконец.

– Дело в том, что она была малолетка, когда это случилось. Будут неприятности. Я так думаю, Джеймс скажет об этом преподобному сегодня, когда они соберутся после церкви на свой триумvirат. И если я сделал правильные выводы из своих наблюдений, тебе светит процесс в деревенском суде.

– В деревенском суде? – переспросил Маркус.

Брюс серьёзно посмотрел на него.

– Если это было изнасилование, мы тут приговариваем к смертной казни.

Глава 45

По всему телу расползался страх. Если поставить слово против слова, что тогда будет? Кому поверят? Ему, беженцу, чужаку, дармоеду?

Маркус оглянулся. Ему показалось, что он очнулся от дурного сна. Вот дома, почти прикипшие к земле. Небо, на котором собираются чёрные тучи близящейся бури. Лес кругом, тёмный, неведомый, грозный, чёрная стена, перед которой стоят деревья, словно часовые на страже. Что он здесь делает? Нет, настала пора уходить. Даже если они и сочтут его побег признанием вины.

У него есть машина. Никто пока её не отнял; она по-прежнему стояла в гараже. Единственное, что ему было нужно, это горючее. Он соображал. Запасы бензина и дизельного топлива хранились, как он уже узнал, в подземном склепе на восточном краю деревни. Это место обнесено забором, вход под замком, а внутри ограды живёт большое стадо гусей, которые при всяком приближении поднимают такой гвалт, что слышит вся деревня.

Там-то в первую очередь и будут искать. Нет, идея с растительным маслом была куда лучше. Сколько ему понадобится? Лишь бы хватило добраться до Yellow Pine. Как это далеко? Километров сорок, может, пятьдесят? Пять-шесть литров?

Глупо, что Чарльз Таггард предпочёл завестись маргарином. Кейт Пеппер и его друзья наверняка приняли бы этот вызов, но Маркус не знал, что с этим делать. Он должен был раздобыть настоящее подсолнечное масло. На кухне главного дома. Он был уверен, что уже видел там однажды целую канистру.

Быстро. Надо торопиться. Сейчас начнётся служба в церкви, и его отсутствие бросится в

глаза... Он зашагал, продрался сквозь кусты, двинулся окольным путём. Подоспел он к тому моменту, когда женщины, работавшие на кухне, как раз уходили, пересмеиваясь и перешёптываясь.

Он даже мог представить, о чём они шушукуются.

Дверь осталась незапертой. Дома в Bare Hands Creek не запирали. Маркус юркнул внутрь, прислушался. Больше здесь никого не было. Он толкнул дверь на кухню.

Там было темно, если не считать смутного свечения красного светодиода на холодильнике. Но этого источника света – даже привыкнув к темноте – было мало, чтобы увидеть хоть что-то, кроме самых общих очертаний. Маркус пробирался на ощупь мимо разделочных столов из промасленного или выщербленного дерева, натываясь на рукояти ножей, на хлебные крошки, пока ему не пришло в голову, что если кто-нибудь войдёт и застанет его, в темноте он будет выглядеть гораздо подозрительнее. Лучше включить свет и придумать какое-то подходящее оправдание.

Он повернул выключатель, и газовая трубка на потолке наполнила кухню клинической яркостью. Надо же, ещё позволена была такая роскошь. Ему хватило беглого взгляда, чтобы найти то, что он искал: на полке под плитой стояли две пластиковые канистры, белая и синяя. Синяя была полной. Маркус поднял её, отвинтил крышку и понюхал: уксус. Это ему ни к чему.

В белой оказалось масло, но на самом доньшке. Даже литра не наберётся, даже пол-литра. С этим он далеко не уедет.

Что же делать? Он понятия не имел, где могут быть остальные запасы масла. Поискать в других домах или уже пойти к гусям...

И то и другое было одинаково рискованно.

Он быстрым шагом обошёл кухню, осмотрел все полки, заглянул под все столы...

Вот. Что это? Что-то вроде пресса? Старомодный, с виду массивный прибор с ходовым винтом, которым можно было вдавить пуансон⁴⁴ внутрь цилиндра. Маркус ощупал край сточного желобка и понюхал пальцы: масло.

Он разом понял, что он сделает. План был полностью готов, как будто его подсознание давно работало над этим, чтобы выложить в нужный момент. Он возьмёт с собой в силосохранилище этот винтовой пресс, почти пустую канистру и воронку, а там он уже знает, в какой кладовке ему никто не помешает давить масло из семечек.

Далёкое прошлое

1913

29 сентября 55-летний инженер Рудольф Дизель поднялся на борт почтового парохода «Бремен». Целью его поездки был Лондон, где он хотел принять участие в собрании «Consolidated Diesel Manufacturing Ltd».

Рудольф Дизель был известен как изобретатель мотора, названного его именем. Прошло уже шестнадцать лет с тех пор, как этот мотор был впервые с успехом запущен; уже почти пятнадцать лет он выпускался в Аугсбурге серийно. На нём уже работали теплоходы, грузовики и локомотивы.

Рудольф Дизель был гениальный мастеровой, а вот деловой хваткой не отличался. Тянувшиеся годами патентные судебные процессы высосали из него все соки и подорвали его здоровье. Тем не менее его попутчики впоследствии рассказывали, что Дизель, уходя вечером к себе в каюту, пребывал в хорошем настроении.

После этого Рудольфа Дизеля никто не видел. В ту ночь он исчез с парохода, идущего в Лондон.

10 октября команда голландского катера «Кёртсен» заметила в воде труп. Был такой

---

⁴⁴ Пуансон – одна из основных деталей инструмента, производящая деформацию металла.

сильный шторм, что поднять его на борт не удалось. Только достали из одежды утопленника несколько предметов: футляр для очков, портмоне и жестянку с таблетками. Ойген Дизель, сын изобретателя, впоследствии признал эти вещи отцовскими.

Точные обстоятельства смерти или исчезновения Рудольфа Дизеля так и не удалось выяснить. До сих пор существует подозрение, что он был убит по заданию нефтяников, только-только завоёвывающих влияние. Поскольку к тому времени Дизель как раз работал над созданием мотора, приспособленного для привода на растительном масле. После его смерти эти исследования были остановлены, и чуть ли не до конца века совершенствовался лишь мотор для дизельного топлива ископаемого происхождения.

Настоящее

Маркус вздрогнул. Что такое? Он заснул на стуле, прислонившись головой к голой стене...

О, у него всё болело. Голова кружилась. И руки затекли...

Всё ещё наполовину оглушённый, он огляделся, пытаясь сообразить. Который час? Он понятия не имел. Вот винтовой пресс, и... правильно. Масло.

Теперь, увидев перед собой следы всей этой бойни, он снова всё припомнил. На полулежали кучи подсолнечного жмыха. Мешок был наполовину пуст. А в посудине, куда он собирал отжатое масло, жидкости было всего-то на два пальца.

Он припомнил, как впал в транс, повторяя одно и то же действие: рукоятку налево, остатки наружу, новую порцию семечек внутрь, рукоятку направо, сильнее, сильнее, пока не выжмет капля или две... Тупо продолжать, приказал он себе. Не думать. Не считать. Просто давить эти семечки, не отвлекаясь ни на что.

И в какой-то момент он забыл, для чего это делает.

Он ведь не представлял себе, насколько это трудоёмко. Насколько бесплодны эти маслосодержащие плоды. Это было безнадежно; ему понадобится миллион лет и урожай целого года только для того, чтобы наполнить бак.

А сколько образовалось отходов! Вещества, казалось, стало больше, оно покрывало весь пол.

Чу, какой-то шум. Задвижку отодвинули. Шаги. Что, неужели снова день? Неужто он провёл здесь целую ночь?

Быть того не может. Или всё-таки? Отсюда ничего не было видно, ни темноты, ни света.

Он пригнулся, суетливо начал прибирать мусор, очистки руками, поскольку ни совка, ни веника сюда не захватил, а теперь было поздно за ними идти.

Шаги приближались. Маркус замер, пытаясь усилием воли сделаться невидимым.

Дверь распахнулась. Разумеется, то была Абигейль, кто же ещё?

– Хай, Аби, – сказал Маркус и попытался улыбнуться. – Всё это выглядит хуже, чем есть на самом деле...

Она вообще его не слушала. Она лишь вытаращила глаза, потом повернулась и убежала, крича:

– Он здесь! Он здесь!

Как будто он подкарауливал её здесь с занесённым ножом.

Маркус побежал за ней, но было поздно.

Они обращались с ним грубо и бесцеремонно. Хватали его – за волосы, за руки, за ноги, за горло, кричали о запасах, на которые он посягнул. Кажется, это оказалось даже хуже, чем изнасилование, из-за которого они его разыскивали; это подогрело гнев мужчин прямо-таки до кипения. Они заломили ему руки за спину так, что затрещали суставы, связали запястья грубой верёвкой и больно затянули. Ноги связали тоже. И поволокли по грязной улице, по лужам, до самой площади перед церковью. Маркус внезапно понял, для чего был предназначен столб, врытый там. С момента своего прибытия в деревню он спрашивал себя об

этом, и вот...

– Зовите преподобного! – крикнул кто-то, пока Маркуса, истерзанного и вывалянного в грязи, привязывали к столбу.

Другой крикнул:

– Будем его судить!

– Какой там суд – так разделаемся!

– Повесить его!

– Нечего тут долго рассусоливать!

Они кричали на него, били его, и мужчины, и женщины были вне себя от ярости. Они ненавидели и боялись его. Боялся и он, да, страх овладел им полностью; лёгкие его ходили ходуном, сердце колотилось, и он не мог с этим справиться.

– Да где там преподобный? – послышалось из общего крика, из этого ведьмина котла, который клокотал вокруг него.

– Ему уже сказали, сейчас придёт...

– Нечего тут долго цацкаться! Повесить его!

И снова удары. И пинки. И плевки в лицо. Он посягнул на запасы. Обрюхатить девушку, это ещё куда ни шло, изнасиловать её – ну, бывает, но посягнуть на запасы...

Боже мой! Почему он просто не ушёл в лес? Никакой медведь не мог быть хуже того, что творилось здесь...

И потом, откуда ни возьмись и всё перекрывая – знакомый голос:

– Прекратить!

То был Таггард.

Они неохотно расступились, пропуская его. Что-то натекло Маркусу в глаз, то ли плевков, то ли, может, кровь, но он почувствовал, что улыбается. Он искал взгляд своего заступника и улыбался.

Таггард не ответил на улыбку и только смотрел на него со всей серьёзностью.

– Он имеет право на порядочный суд! – крикнул он, обращаясь ко всей толпе. – Он имеет право на то, чтобы его выслушали. Он имеет право...

– Эй, Таггард! – крикнул кто-то. – Кончай выделываться!

– Вот именно. Тебе тут нечего сказать.

Таггард осмотрелся, пытаясь определить говорящего.

– Неважно, есть мне что сказать или нет, – ответил он. – Мы пока что ещё в Америке. Здесь действуют закон и право...

– Этот парень воровал! И девчонку преподобного расстелил! Что нам с ним волокититься?

– Это не доказано! – крикнул Таггард. – Любой человек считается невиновным, пока его вина не доказана.

Кто-то крикнул, захлебываясь:

– Мы же видели! Мы своими глазами видели, как он сидел среди пустых мешков!

– Да где там застрял преподобный? – роптали вокруг.

И тут откуда-то взялся человек с пистолетом.

– А ну, все отойдите в сторону! Сейчас я его...

Все отпрянули. Все, кроме Таггарда, который остался стоять, где стоял, лишь укоризненно качая головой.

– Только не это, Джо.

Джо фыркнул.

– Кто-нибудь может оттащить этого козла в сторону?

К Таггарду потянулись руки, схватили его и оттянули с линии огня.

Маркус смотрел в чёрное, круглое дуло пистолета. Мысли его разом остановились. Все, кроме одной. «Так вот оно как, – думал он со странным спокойствием. – Вот оно как – умирать».

Затем произошли одновременно два события. Таггард с негодующим криком рванулся, и воздух разорвал оглушительный хлопок.

Солнце вырвалось из-за туч, мокрые от дождя верхушки деревьев вспыхнули россыпью алмазов. Мир наполнила бездыханная тишина.

«Я совсем ничего не чувствую», – подумал Маркус.

Потом он увидел Таггарда, который, повернувшись к нему спиной, упал на колени, прижал ладони к груди и повалился на бок.

Кровожадность толпы словно ветром сдуло. Таггарда испуганно окружили, сгрудились над ним, перевернули его на спину, возились с его рубашкой, намокшей от крови, кричали, чтоб принесли одеяло, чтоб дали воды, чтоб позвали врача.

– Он ещё жив!

– Скорее, зовите доктора Хайнберга!

Появился врач, вместе с преподобным, и опустился на колени перед раненым.

– Надо отнести его в дом, – сказал он священнику.

– Внесите его, – приказал преподобный, указывая на свой дом. Потом на Маркуса: – И развяжите этого.

Взгляд, которым он окинул Маркуса, был ледяным.

То был очень длинный день. Маркус сидел в кабинете преподобного под охраной мужчины с ружьём, не произносившего ни слова. Проходил час за часом. Им принесли попить, и другой, столь же молчаливый человек сменил охранника.

Комната с белыми стенами была совсем голой. Единственным украшением были растения на подоконнике.

И книги. Они стояли в трёх шкафах за стеклом, и Маркус коротал время, пытаясь прочитать названия на корешках. Естественно, много было религиозных книг. Конец света, казалось, был здесь преобладающей темой. Преподобный держал также много книг по экологии, политике и сельскому хозяйству. На пюпитре для чтения лежал толстый труд под названием «Библейское земледелие».

Через полуоткрытую дверь можно было видеть происходящее в остальной части дома. Мимо проносили окровавленные полотенца и миски. Пахло дезинфекцией. Слышались приглушённые голоса:

– ...нехорошо...

– А он может?..

Двери открывались и тихо закрывались. Шелестели шаги. Текла вода.

На Маркуса приступами накатывала такая усталость, что он мог бы заснуть на месте. Одна женщина принесла ему яблоко и краюху хлеба, это снова оживило его.

Он услышал голос преподобного:

– Да, я иду. – Хлопнула дверь, и снова воцарилась тишина.

Может, размышлял Маркус, они его теперь просто прогонят? Изгнание – это ведь было чувствительным наказанием для людей, которые посягнули на продовольственные запасы общины. Наверняка так и будет.

В какой-то момент он заметил, что солнце выглянуло из-за туч уже на другую сторону дома. Неужто он просидел здесь уже целый день?

– Мне надо в туалет, – сказал он своему охраннику.

Тот странно посмотрел на него, и Маркус понял, что снова сделал ошибку. В Америке не ходят «в туалет», здесь ходят «в ванную». Никогда ему не научиться этому.

Охранник проводил его к месту, обозначение которого здесь не использовалось. Окна были зарешечены, о бегстве нечего было и думать. Маркус помочился, вымыл руки и, снова выйдя в коридор, увидел, что его ждёт преподобный – в полутьме маячила его высокая, могучая фигура.

– Вам надо зайти к нему, – сказал он.

Маркус подавленно кивнул.

– Хорошо. – И медленно двинулся к священнику, чувствуя за спиной охранника и его оружие.

Преподобный Смолл жестом велел ему подойти поближе.

– До утра не доживёт, – шепнул он Маркусу. – Он это знает. Он хотел поговорить с вами с глазу на глаз. Ведите себя сообразно этому.

Маркус судорожно проглотил комок в горле.

– Постараюсь.

Он вошёл, услышал, как дверь за ним снова заперли, его окружил запах больницы и смерти. Он только и мог, что смотреть на человека, который лежал на кровати, высоко поднятый на подушках, перевязанный, бледный, с глазами, запавшими ещё глубже, чем прежде.

– А, – еле слышно выдохнул Таггард. – Маркус. Это вы. Хорошо.

Маркус подошёл ближе.

– Мне очень жаль, что так получилось. Так глупо было с моей стороны посягать на продовольственные запасы.

– Зачем вы вообще это сделали?

– Я хотел выжать подсолнечное масло, чтоб заправить мою машину. Вместо дизельного топлива. И уехать, пока на меня не навесили это, с дочкой преподобного.

Таггард задумчиво смотрел на него.

– Да, – произнес он наконец. – Это было действительно глупо.

– Мне очень жаль, – сокрушённо сказал Маркус.

Таггард указал ему на стул.

– Я должен рассказать вам кое-что. Сядьте. Это потребует времени.

Маркус кивнул, подвинул стул и сел так, что они хорошо могли видеть друг друга.

Бывший агент ЦРУ, казалось, собирался с силами. Он походил на десятиборца, который уже преодолел девять видов, и ему оставался последний, но самый трудный.

– Я хочу сказать вам, Маркус, – начал он, – что знал вашего отца...

Глава 46

Маркуса словно обухом по голове ударили.

– Что, правда?

Как будто этот человек перед лицом смерти стал бы рассказывать сказки.

На лбу Чарльза Таггарда выступила испарина. Разговор давался ему с большим трудом. Позднее Маркус поймёт, что стал свидетелем того, как человек открывал тайну, которую слишком долго носил в себе.

– Что вам известно о занятиях вашего отца, Маркус?

– Почти ничего. Я был ещё ребёнком, когда он умер. – Поскольку Таггард выжидательно молчал, он продолжил: – Насколько я знаю, под конец отец запатентовал своё изобретение, которое принесло нам много денег. После его смерти. – Он осёкся, когда ему что-то стало ясно. – Денег, без которых я не был бы здесь. Всё это приключение, фирма с Блоком, всего этого не было бы без этих...

– Без этих двух миллионов евро, – завершил фразу Таггард. Он наблюдал за Маркусом, казалось, зная, что тот спрашивает себя, каким образом это может быть известно. – Человеком, с которым ваш отец заключил договор, был я.

– Вы?

Таггард устало улыбнулся.

– Признаюсь, я тоже вначале подумал: что за совпадение, когда увидел вашу фотографию в газете и прочитал фамилию... Но, может, случайностей в жизни меньше, чем мы думаем.

Маркус подался вперёд.

– Тогда вы должны знать, *что это было за изобретение!* – Лицо его исказилось. – Мы ведь не знаем этого.

Таггард кивнул, казалось, что ему приходится бороться за каждый вдох.

– Вы и не могли этого знать. Никто не должен был знать.

– Но...

– Всё это части одного целого, Маркус. Изобретение, договор, деньги. Вторжение в дом. И несчастный случай.

«Нет, – подумал Маркус. – Нет».

– До того, как поступить на службу в ЦРУ, я работал в одной консалтинговой фирме, «Eurocontact». На первый взгляд, ничего особенного; многие выпускники с моего курса попали в отрасль консалтинга. Тогда эта отрасль переживала свои великие времена. Там зарабатывали большие деньги, правда, и работали для этого невероятно много. Консалтинговые фирмы могли выбирать себе лучшие кадры. Так что это было и своего рода отличием. – Он с хрипом набрал воздуха в лёгкие. – Как правило.

– Может, что-нибудь сделать? – с тревогой спросил Маркус. – Открыть окно? Позвать доктора?

Таггард отрицательно покачал головой.

– Просто слушайте меня, пока мои лёгкие ещё не схлопнулись. Я должен выговориться, это единственное, что сейчас важно.

Маркус кивнул.

– О'кей.

– Итак... «Eurocontact» был консалтингом, но только внешне, на самом деле мы работали в тесной связи с Управлением национальной безопасности. Мы занимались промышленным шпионажем. Мы должны были обеспечить в мире приоритет американской экономики, нелегальными методами, если понадобится. – Он закашлялся, с нехорошим, будто задушенным шумом. – Я тогда гордился тем, что участвую в этом. Поначалу я честно думал, что делаю доброе дело.

Маркус встревоженно следил, как Таггард вымучивал из себя каждую фразу.

– Изобретение моего отца...

– Сейчас. Не так скоро. Сил ещё хватит не только на несколько слов шепотком. – Он облизнул пересохшие губы. – Всё строилось так: мы получали информацию от Управления национальной безопасности о том, где что в Европе намечается. Вы наверняка знаете, что УНБ содержит всемирную систему прослушивания, которая контролирует все телефонные разговоры, факсы, электронные сообщения и так далее – все, неважно где. Эта система называется «ECHELON»; в последние годы кое-какая информация об этом просочилась. Должно быть, это колоссальная система: компьютеры, которые могут распознавать язык и реагировать на сочетание определённых слов, проникать во все телефонные разговоры; другие компьютеры расшифровывают зашифрованные данные, УНБ располагает такими техниками декодировки, которые на десятки лет опережают всё, что есть в этом направлении... Итак, мы получали информацию, если в Европе кто-то изобретал что-то, что могло представлять потенциальную угрозу американским интересам. И тогда в дело включались мы, чтоб устранить эту опасность.

Маркус чувствовал, как к горлу подступает горячая волна.

– Устраняя того, кто...

– Нет. Я был так зачарован этим. Мы были воинами, которые не убивают, но всё равно побеждают. Нашим оружием была хитрость, обман и юридические уловки. И деньги, естественно. – Он мягко дотронулся до одного места на своей груди, осторожно его погладил. – Ничего, – улыбнулся он, заметив взгляд Маркуса. Потом, казалось, он снова ушёл в прошлое. – Тем не менее попасть к нам в руки удовольствием не было. Мы не убивали, но мы разрушали жизни. Часто достаточно было подкупа. Или шантажа. Посещение борделя, при котором появлялись компрометирующие снимки, например. При необходимости мы фабриковали компромат, чтобы кто-то потерял работу или доверие своих кредиторов. В

нашем распоряжении были лучшие в мире мастерские для подделки документов, понимаете? И мы играли в такую игру, которую наши жертвы не могли просечь. Подкупленные рецензенты, нотариусы, которые лгали под нашим давлением – мы делали из этого спорт, всему придавая легальный вид, обводя вокруг пальца другую сторону так, что она, ставя подпись под каким-то документом, не знала, какие берёт на себя обязательства, от чего отступается и что сдаёт. Мы называли это «экзекуцией». Потом западня захлопывалась. Жестокое пробуждение для другой стороны, что чаще всего означало банкротство. Одним неудачником больше в ряду горемык, что ходят по инстанциям и жалуются, что их обманули – ну да. Не запретишь же им. А нам доставалось изобретение, разработка, концепция, формула – да мало ли что. И тогда мы перепродавали это какой-нибудь американской фирме, делали хороший бизнес и защищали американский образ жизни от врагов.

Веки Маркуса будто жгло огнём.

– Я всегда считал такие истории бредом сумасшедших. Ну, теории заговора, вы знаете.

Таггард прикрыл глаза. Он говорил тихо, и Маркус наклонился над ним, чтобы слышать.

– Мы тогда боролись против коммунизма. Против угнетения и за свободу. И мы – Америка – были в этой борьбе одиноки. Особенно мало надежды было на европейские государства. Мы боялись Европы. Ведь мы были учёные-экономисты, не забывайте об этом. Мы умели считать. Мы видели, каким экономическим гигантом стала Европа. Если мы не позаботимся о том, чтобы США сохранили ведущую роль, то свобода окажется в опасности.

Маркус окинул взглядом умиравшего человека и спросил себя, не бессердечно ли будет, если он вновь попытается перевести разговор на своего отца.

Таггард, казалось, прочитал его мысли. Он открыл глаза.

– Ваш отец, – сказал он, – сопротивлялся. И не хотел придерживаться правил игры.

Прошлое

Джим Дунан вошёл в комнату, словно персонифицированная дурная весть, закрыл за собой дверь и подпер её спиной.

– Чарли, твой Вестерманн создаёт нам проблемы.

Чарльз Таггард, в свои почти сорок самый младший в группе «Южная Германия», «юнец», на которого навешивают самые неприятные рутинные дела, рассеянно оторвался от своих бумаг.

– Вестерманн? – переспросил он.

– Штутгарт. Изобретатель.

– А что с ним?

– Он грозит разоблачениями в прессе.

Чарльз протёр глаза.

– Этого он не может сделать. Параграф 32 договора. Если он откроет рот, пойдут штрафные санкции. Это его разорит.

– Похоже, ему плевать на это. Яйцеголовые переслали нам несколько записей его телефонных разговоров. Судя по ним, Вестерманн уже что-то готовит.

– Fuck! – выругался Чарльз Таггард. – Может, это была не лучшая идея – разлучить его с адвокатом. Тот хотя бы объяснил ему, в какое дерьмо он сейчас вляпается.

– Шеф решил ввести в дело команду «Микадо». План уже есть; они придут нынче вечером.

– А, ну хорошо. – Команда «Микадо» предназначалась для самых щекотливых случаев. Точно как в одноимённой игре,⁴⁵ они специализировались на устранении нежелательного элемента так, чтобы целое не пошатнулось. Излюбленной стратегией при этом было – так

---

⁴⁵ Цель настольной игры «микадо» – собрать как можно больше деревянных палочек, не сдвигая с места другие палочки.

скомпрометировать «клиента», что ему уже никто не верил.

Правда, непонятно было, как они хотят осуществить это с Альфредом Вестерманном. Тот был одержимым. Кроме его изобретений, у него практически не было пороков. Посади ему на колени голую женщину – и он ни на минуту не забудет про свои формулы.

– А я в их плане тоже задействован?

Джим кивнул.

– Ты позвонишь Вестерманну, скажешь, что все это было недоразумение, и попросишь его завтра вечером приехать в Карлсруэ. В ресторан «Оберландштубен». Столик на троих уже заказан. Скажи ему, что вы встретитесь там с гендиректором одной американской фирмы, которая хочет наладить производство его изобретения и распространить его по всему миру.

– О'кей. – Итак, ход игры менялся. Предполагался большой спектакль. «Гендиректором», естественно, будет человек из команды «Микадо», который наобещает этому штутгартскому изобретателю саму небесную синь. – Во сколько?

– В девять вечера. В двадцать один, как они здесь говорят.

Настоящее

– Ваш отец был пунктуален, – с трудом рассказывал Таггард. – Но недоверчив. И потом человек из «Микадо» так и не явился. Я пытался его задержать, убеждённый, что здесь какая-то неувязка. Я звонил по телефону, но ни до кого из остальных не дозвонился. В конце концов, у вашего отца лопнуло терпение, и он уехал.

– И нарвался на свою смерть, – сказал Маркус с тяжёлым чувством.

– Да, и нарвался на свою смерть. Я узнал об этом лишь на другой день. Как оказалось, человек из «Микадо» побывал там, но только для того, чтобы спуститься в подземный гараж ресторана и сделать кое-что с машиной вашего отца. Не знаю точно, что он сделал. Но уж наверняка не что-нибудь простое наподобие перерезанных тормозных шлангов, поскольку полиция бы это обнаружила. Если «Микадо» что-то делали, это был хай-тек. Авария была спланирована с точностью до плюс-минус десяти метров.

– А другая группа взломала лабораторию...

– Да.

Маркус уткнулся локтями в колени, сцепил пальцы и смотрел на бывшего агента ЦРУ и бойца промышленного шпионажа, стоящего на страже экономических интересов США.

– И ради чего всё это? Что же такого изобрёл мой отец?

Таггард вздохнул.

– Хотел бы я сказать вам это, но я никогда в глаза не видел этих бумаг. Такое у нас было предписание, понимаете? Мы не должны были впадать в соблазн затевать собственный гешефт на том, что закулисные эксперты считали самыми горячими изобретениями. Речь шла о способе, насколько я помню, который ваш отец называл *остракцияей*.

– Остракция? – такого слова ему не приходилось слышать.

– На сообщении экспертной группы стояли три звезды. Это означало высшую важность.

Маркус размышлял:

– Мой брат рассказывал однажды, что наш отец был убеждён, будто это изобретение совершит революцию в мировой экономике.

– Без сомнения. Нехваткой самоуверенности ваш отец не страдал. Правда, это свойство – самое распространённое среди изобретателей.

– А что стало с этими бумагами?

– Маркус, – проникновенно сказал Таггард. – Вы здесь не в романе Майкла Крайтона.⁴⁶ Что бы там ни изобрёл ваш отец, всё равно это не спасёт мир.

– Вы просто так мне это говорите.

---

⁴⁶ Майкл Крайтон (р. 1942) – американский писатель, пионер «технотриллера».

Таггард хрипло вздохнул.

– Насколько я припоминаю, документы были переправлены в некий Farsight Institut в Crooked River Pass, Орегон. Что они там с ними сделали, мне неизвестно. Таких вещей мы никогда не знали.

Орегон. Штат, граничащий с Айдахо. Ещё полгода назад это было бы совсем рядом. А теперь эти документы могли бы с таким же успехом лежать на обратной стороне Луны.

– Так вот, значит, как оно было, – с горечью констатировал Маркус.

– После этого я ушёл из «Eurocontact». Началась бумажная работа в ЦРУ, как я вам уже говорил. Но все эти годы меня тяготило, что я оказался участником сговора убийц. Я оказался не таким уж пройдохой, как сам о себе думал... – Голос Таггарда звучал всё тише. Силы, казалось, окончательно покидали его. – Я хотел загладить эту вину перед вами, Маркус. Поэтому я не упустил вас из виду. После вашей аварии я позаботился о том, чтобы ваш брат беспрепятственно вывез вас из страны. Я думал, может, хоть таким образом мне зачтётся мой грех... – Он закрыл глаза, задышал с булькающими хрипами. – Как вы думаете, Маркус?

Маркус сглотнул, вспомнил минувшие недели, вечера... Мужские разговоры, в принципе незначительные (о пустяках), а с другой стороны...

– Конечно, – сказал он. – Конечно, зачтётся.

Если бы он мог найти слова, он бы сказал умирающему, как благодарен ему. И что он прощает его.

Таггард снова с трудом разомкнул глаза, с усилием поднял руку и жестом подозвал его к себе. От него пахло смертью. Голос был еле слышен.

– Я должен сказать вам кое-что ещё, Маркус...

Когда Маркус вышел и тихо прикрыл за собой дверь, преподобный всё ещё стоял в коридоре – не человек, а мрачная гора в опустившихся сумерках.

– Как он там? – спросил.

– Он сказал, что теперь хочет уснуть.

Преподобный кивнул.

– Хорошо. Вы слишком долго пробыли у него. Это его наверняка утомило.

– Он не хотел отпустить меня раньше.

Установилась тишина, которая давила на уши.

– Может быть, он больше не проснётся, – сказал преподобный Смолл. Казалось, он вслушивался в себя. – Бог теперь позаботится о нём.

Маркус молчал. Он уже скорбел о человеке, который спас ему жизнь. Который принял его и делил с ним свой хлеб – в истинном смысле этого слова.

– Идемте, – Смолл указал ему на входную дверь.

Они вышли наружу. Там уже стемнело. Маркус почти осязал эту темноту. День пролетел как один час.

На пороге Смолл положил ему на плечо свою тяжёлую ладонь.

– А теперь идите к себе.

Его рука весила тонну.

– Это не я, – сказал Маркус. – С вашей дочерью, я имею в виду.

– Я знаю, – сказал преподобный. – Ребекка не смогла меня долго обманывать. Хотя, к сожалению, и пыталась это делать.

Он посмотрел на Маркуса сверху вниз.

– Но вы посягнули на продовольственные запасы общины. Это не может остаться безнаказанным. – Он отпустил его. – Мы оставим это дело, пока не свершится судьба Чарльза Таггарда. После этого мы устроим судебное заседание и вынесем вам приговор, как это предусмотрено нашими законами. А до того я налагаю на вас домашний арест. Сейчас вы отправитесь в дом Чарльза и останетесь там, пока за вами не придут.

Лес обступил деревню, чёрный и молчаливый, и выглядел более неприступной

крепостной стеной, чем когда бы то ни было. Маркус почувствовал, как на его сухие глаза наконец навернулись слёзы.

– Тогда я пошёл, – сказал он.

Слёзы никак не хотели пролиться. Может, потому, что он не знал, кого же ему оплакивать. Своего отца? Таггарда? Самого себя?

Когда опустилась ночь, он сидел за кухонным столом и прислушивался к боли, которая ворочалась у него в груди. Всплывали картины, воспоминания. Стопка журналов «Life», которую в детстве он нашёл на свалке; журналы большого формата с огромными фотографиями умопомрачительных ландшафтов и городских силуэтов, в мечты о которых он пускался... Настоящее сокровище из пятидесятых годов, полный, хорошо сохранившийся комплект за несколько лет!

У одного из школьных друзей он наткнулся на старые журналы «Reader's Digest», выпросил их и проглотил залпом. В гнетущей атмосфере родительского дома, отягощенной непрерывным ожиданием грядущего конца света, экологической катастрофы и предстоящего крушения, эти журналы были его убежищем, его спасательной шлюпкой, Ноевым ковчегом его души. Можно сказать, он держался на плаву только благодаря журнальным историям, которые рассказывали, как людям при помощи ума и способностей удавалось преодолеть все преграды и справиться с трудностями. Это вселяло в него надежду, что люди могут выбиться из посудомойщиков в миллионеры, из чистильщиков обуви – в промышленники, из мальчиков на побегушках – в сенаторы. Так Америка стала для него идеалом свободы и уверенности. Страна, где можно помериться силой с миром и реализовать свои возможности. Не «все возможности», как это зачастую упрощённо говорят; этого он никогда не ожидал. Однако в себя он всегда верил; он верил, что если достаточно страстно о чём-то мечтать, эта мечта сама даст тебе силы её осуществить. Вот что он вычитывал из всех этих статей, историй, биографий; этот нектар питал его, благодаря ему он внутренне освобождался от страха, который владел его отцом, да и всей Германией после войны. Чтобы вдобавок к внутренней свободе обрести и внешнюю, он не видел другого пути, кроме как уехать в Америку. Только там, он считал, человеку даётся свобода победить или потерпеть поражение. Там, он считал, нет страха, который сводит все усилия на нет.

И вот теперь это. Исповедь жизни человека, который считал, что защищает Америку и свои идеалы, предавая их. Который поддался одному из коллективных страхов, веря при этом, что спасает свободу.

Из-за этого погиб отец.

И вместе с ним погибло изобретение, которое, возможно, стало бы революционным.

Может, об этом-то он и скорбел. Об утрате мечты.

К одиннадцати часам свеча догорела. Он погасил её, взял карманный фонарь и принялся за дело.

– Эх вы, – шепнул ему на ухо, среди прочего, Таггард. – Вам нужно дизельное топливо? Котельный мазут – то же самое. В моём доме мазутное отопление, вы это помните? Конечно, котёл пуст – но лишь для отопительной системы. Его пополняют, когда в нём ещё остаётся десятая часть, вы этого не знали? Его нельзя опустошать совсем, потому что десятая часть – это отстой, полный взвесей и примесей. Мой котёл засорился, после этого я его отключил, но последняя десятая часть всё ещё в бак. Добрых тридцать галлонов, навскидку. Вам нужно только слить его и отфильтровать...

Мазутный бак стоял в дальнем конце гаража, без особых мер предосторожностей, за исключением того, что он был отнесён как можно дальше от жилой зоны. Внизу находился сливной кран.

Маркус собрал с полок все бумажные фильтры для кофе, какие нашёл, и отправился к баку.

То была кропотливая работа: слить в кастрюлю поллитра мазута, потом процедить через фильтр в канистру. Когда фильтр забьётся чёрной, зернистой грязью, выбросить его, вставить

новый, и так далее. Вначале он чувствовал вонь, потом чувствительность притупилась.

Часа в четыре утра его машина была запроважена, а в багажнике стояли ещё две полные канистры. Он упаковал свою сумку, прихватил и грязное бельё, все деньги, какие нашёл, и запас продуктов. Кое-что из инструментов. Немного, чтобы не нагружать машину. Груз стоил топлива. Напоследок он забрал и записные книжки Блока, которые со времени его прибытия так и валялись на стопке старых газет, собирая пыль. Пусть они ничего не стоили, но ведь ради них он сюда и приехал.

Так он, по крайней мере, говорил себе когда-то. Теперь он уже и не знал, зачем провёл здесь всю зиму. Знал только, что надо жить дальше.

И вот он открыл гараж, тихо-тихо, бесконечно осторожно. Ночь хоть и была в этот час самая глубокая, зато и звуки разносила далеко.

Тишина. Ни души. Тревоги никто не поднял.

Маркус подошёл к машине. Внутреннее освещение салона он предусмотрительно отключил и дверцу открыл заранее. И теперь, усевшись, он не захлопнул дверцу, а лишь притянул её, взялся за ключ зажигания, включил аккумулятор. Сейчас. Ну, заведись! С полоборота!

К кому он обращал эту просьбу? Не к богу преподобного Смолла, уж это точно. Маркус повернул ключ, стартёр взвыл как сирена, и мотор схватился. Газ. Поехал наугад, без света, лишь бы разогнаться, чтобы они уже не смогли его остановить.

Но никто и не пытался. Маркус включил стояночный свет, нашёл направление и поехал наугад, прочь из деревни Bare Hands Creek, в лес, до самой дороги, где он включил фары и нажал на газ.

Глава 47

Было холодно, сквозь веки проникал свет, а он лежал, скрючившись и втиснувшись куда-то. На заднем сиденье машины, обнаружил он, открыв глаза. Ах да, верно. Ну, это не так страшно. Пусть никогда в жизни он не сможет больше разогнуться, зато он на свободе.

Было слишком холодно. Одеяло, которое он прихватил с собой, не грело. Чёрт. Он с трудом приподнялся. Стёкла запотели; но было видно, что уже день. Он вспомнил, как остановился на ночлег на узкой лесной дорожке, за кустами.

Не разгибаясь выбрался на сырой, ледящий воздух. Ага, распрямиться всё же удалось... Его шумно освистали птицы.

Он снова влез в машину, на водительское место. Немедленно проверить, заведётся ли машина. Времена, когда можно было вызвать службу спасения, наверняка прошли навеки, думал он, включая зажигание. Выждал, повернул ключ – и мотор заработал.

Полчаса спустя Маркус доехал до какого-то посёлка. Небольшого, в две дюжины домов вдоль дороги. Он остановился перед маленьким супермаркетом. Деревня выглядела мёртвой, однако на двери магазина висела табличка «Мы открыты».

Дверь действительно открылась, с тихим, шаркающим звуком. Где-то в глубине звякнул колокольчик.

Рядом с кассой был бар, перед ним стояло три высоких табурета. Один – с лопнувшей обивкой. Над кофейной машиной на стене был прикреплен американский флаг, рядом стоял старый телевизор. Многообещающе. И газеты были, даже много, хоть и лежали в беспорядке и пожелтели от времени.

Маркус нашёл «Washington Post», датированную началом февраля, другие газеты были либо ещё старше, либо местные, так что проку от них не было.

– Новые больше не поступают, – объяснил надтреснутый голос.

Маркус обернулся. Из-за полки выступила старуха, опираясь на клюку карамельно-розового цвета.

– Машина не приходит, – продолжала она. – Не знаю, почему. Я звонила, но так и не поняла, чего они мне объясняли.

Маркус взял «Post».

– Ничего. Возьму вот это. – Старая газета была ему даже больше кстати, чтобы узнать о том, что произошло в мире за это время. В Саудовской Аравии был новый король, к тому же избранный народом. Это было интересно.

– Я вам отдам её за доллар. Потому что она уже не новая.

Маркус выудил из кармана долларовую купюру и положил её у кассы.

– Скажите, а нельзя ли кофе?

– Только свежесваренный. Одна чашка. Семьдесят центов.

– О'кей.

Она достала из коробки фильтр и вставила его в машину.

– С молоком? – спросила она, пока аппарат шипел, и взяла молочную бутылку, в которой была какая-то бледная, творожистая субстанция. – О, оно уже испортилось.

– Я всё равно пью только чёрный, – поспешно сказал Маркус.

– И без сахара? – Она взяла чашку и половину расплескала, пока донесла до стойки.

– Не надо, спасибо. – Маркус указал на полку, где лежали печенье, упакованные поштучно. – Можно взять вот это?

– Цена на упаковках.

Он выбрал себе безымянное овсяное печенье с не очень толстым слоем сахарной глазури. На вкус оно было как солома. Маркус поискал на упаковке срок годности и обнаружил, что он истек ещё полгода назад.

– Все уехали, – сказала женщина. – Хотели и меня заставить уехать вместе с ними, представляете? А кто же позаботится о кошках, спросила я. И кто присмотрит за магазином? Кто-то же должен за ним присмотреть. – Она с сомнением оглядела свои запасы. – Ну вот. Сейчас почти никто не приходит. Можно было бы, наверно, и уехать.

С виду ей было не меньше восьмидесяти. Седая, измождённая, растрёпанная. Вдоль лица виднелись белые линии – возможно, шрамы от подтяжек. От неё исходил сладковатый запах духов, к которому примешивались следы других, неаппетитных ароматов.

В следующем посёлке ему придётся попросить, чтобы кого-нибудь прислали за ней. Но в полицию он не пойдёт. Разве только анонимно позвонит.

Это навело его на мысль.

– Скажите, а телефон у вас работает?

Она недоверчиво глянула на него.

– А что с ним делается?

– А нельзя ли мне позвонить?

Она издала чавкающий звук.

– Двадцать центов за единицу. Только я должна надеть очки, иначе не увижу счётчик.

Телефон действительно работал. Даже связь с границей установилась без проблем. Пока шли гудки, Маркус соображал, который сейчас час в Германии. Ведь не ночь же, а? Нет, если здесь часов десять, то там... восемнадцать? Вечер.

– Вестерманн, – ответил звучный голос Фридера.

– Привет, брат! – сказал Маркус. – Это я.

Тот ахнул:

– Ну и выдержка у тебя! Исчезаешь на несколько месяцев, а потом просто говоришь «привет»!

– А что мне ещё говорить?

Фридер помедлил.

– Тоже верно. – Кажется, он всерьёз за него тревожился. С другой стороны, чему удивляться после того, как цивилизация столкнулась с айсбергом по имени «Peak Oil» и уже готова была затонуть. – Ты где? И как ты там?

– Я где-то в Айдахо, и я в порядке... Ну, не очень хорошо, но и не плохо. – Маркус кашлянул. – Чего я звоню... Ты был прав. Отца убили. Я встретил одного человека, который был в этом замешан.

– И кто он?
– Он уже умер.
– Нет, я имею в виду, он был из ЦРУ?
– Вроде того. – И Маркус коротко обрисовал брату то, что узнал от Таггарда, а потом спросил: – Тебе о чём-нибудь говорит понятие «остракция»?
– Остракция? – Фридер долго раздумывал. – Нет. Никогда не слышал.
– Вокруг неё всё и вертелось. Это был какой-то метод.
– Мне это ни о чём не говорит, – сказал Фридер. – Единственное, что я знаю, – отец считал это самым значительным своим изобретением.
– Видимо, не только он.

Фридер вздохнул.

– При том что и другие его изобретения тоже не были пустяком. Знаешь... Нет, ты не знаешь. Итак: может случиться, что соляная установка отца ещё совершит прорыв и будет внедрена.

– А разве она не внедрена уже давно? Ну, ведь твоя фирма...

– Приспособить принцип действия к жарким странам, это я имею в виду. – Фридер улыбнулся, это было слышно. – Не без твоего участия, кстати.

– Как это?

– После того как ты сбежал, мне пришлось забирать твои вещи из клиники. При этом я познакомился с одним арабом, который заинтересовался соляной установкой над реабилитационным бассейном. И – неисповедимы пути Господни – этот человек теперь стал саудовским королём и хочет заказать сооружение пробной установки в пустыне. Мне заказать.

– Поздравляю, – сказал Маркус и глянул на свою газету. Там был портрет короля, если это он. Старый человек с яркими чертами, в белом головном платке.

– Тут сейчас как раз всё закрутилось, – сказал Фридер.

– Здорово. – Он бы ему ещё кое-что сказал, но вспомнил про систему «ECHELON», компьютеры которой прослушивают все телефонные разговоры по всему миру, и решил оставить это при себе.

Они попрощались, Маркус пообещал как можно скорее позвонить снова и так далее. После этого он без особой надежды порывлся на стенде с картами и путеводителями и, к своему удивлению, нашёл. Карта северо-восточного Орегона, которую он купил, была, несомненно, уже не новая, но это не играло роли. Он нашёл ещё два почтовых конверта вместе с бумагой, расплатился и поехал дальше.

Америка, по которой он ехал, уже была не той страной, какую он знал.

Дороги, в том числе и четырёх-шестиполосные автострады, были пусты, как будто по телевизору шла прямая трансляция чемпионата по бейсболу или чума скосила всех жителей. Если и попадалось какое транспортное средство, то это был автобус или грузовик; легковых автомобилей Маркус почти не видел.

Это было неприятно, ибо имело следствием то, что на его машину обращали слишком пристальное внимание. Когда он проезжал мимо автобуса, все пассажиры поворачивали головы; если на обочине стояли люди, они прекращали разговоры и провожали его глазами. И некоторые из этих людей носили кожаный ремень с револьвером в кобуре.

Во многих местах, которые он проезжал, вдоль покинутых домов рядами стояли таблички с объявлениями о продаже. В промышленных районах было ещё хуже; они казались опустошёнными неведомой природной катастрофой: выгоревшие цехи, обугленные рёбра арматуры, выбитые окна, помятые, разграбленные машины у разрушенных торговых ларьков, на которых висели выцветшие плакаты о распродаже.

В Макколле он нашел телефонную будку, которая ещё действовала. Позвонил в полицию. Мужчина, ответивший ему, вздыхал, однако пообещал, что о старой женщине позаботятся.

В Медоузе он остановился, достал свои конверты и написал два письма. Оба адресовал

Фридеру, оба содержали одно и то же краткое сообщение о том, что он пережил и о чём узнал от Чарльза Таггарда. Одно из них он отнёс на почту в Медоузе, где его заверили, что письма за границу ещё доходят, правда, идут дольше, чем было раньше.

Второе письмо он опустил во Фрутвале. Могло ли УНБ тайно отслеживать и переписку? Скорее всего, нет. Ведь этого не сделаешь через компьютеры, и потребовалось бы гигантское количество сотрудников, которые вскрывали бы письма, прочитывали и снова запечатывали их.

Местами ещё попадались действующие супермаркеты. Все входы и выходы были защищены стальными, наспех сваренными решётками, парковки перед ними пустовали, а если где-то кто-то и толкал тележку с покупками к своему автомобилю, то его сопровождал служитель в форме с ружьём на плече и тут же увозил тележку назад. Бензозаправки ещё рекламировали низкие цены на горючее, но были огорожены цепями, а колонки стояли отключёнными. «Не заправляем», – коротко оповещало объявление, написанное от руки.

Маркус ехал своей дорогой. У него в машине были запасы, он ехал спокойно, равномерно, экономно. То есть не слишком быстро. Как можно меньше ускоряясь. Как можно скорее переходя на более высокую передачу. Ему казалось, он чувствует, как топливо поступает в карбюратор, как содержимого бака становится всё меньше. Это было почти болезненно, но помогало укрощать ступню, которая так и норовила нажать на газ по старой привычке.

На дорогах было много военных. Часто попадались серо-зелёные машины, полные солдат, которые тоже пялились на его автомобиль. И колонны тяжёлых бронемашин, движущихся незнамо куда неведомо зачем.

Однажды на пути попала заправка, которая ещё работала. Её территория была обнесена колючей проволокой на бетонных столбах. Женщина, сидевшая у въезда в зарешеченной кабинке, крикнула ему сквозь щель в стекле:

– На сколько вам?

– На пятьдесят долларов, – крикнул в ответ Маркус. – Дизель.

Она закатила глаза, взяла купюру, которую он просунул в щель, что-то потюкала в своей кассе и крикнула:

– Номер два!

Маркус подкатил к колонке номер 2. Хотя бы обслуживают. Тупого вида мужик поднялся со стула, взялся за заправочный пистолет, и указатель дополз до семи галлонов,⁴⁷ прежде чем отключиться.

Незадолго до Орегона мотор заглох в первый раз. Маркус свернул на обочину, дал двигателю немного остыть, прислушиваясь к зловещему безлюдью. Потом снова попытался завестись, но звук был по-прежнему безжизненный.

Итак, придётся всё же пачкать руки. Он безрадостно поднял капот, вызывая в памяти, что об этой грязной, вонючей машине рассказывал ему Кейт. Скорее всего, дело было в топливопроводе. Если подумать, откуда он заправлялся в первый раз, то подозрение о том, что фильтр засорился, приходило в голову первым.

Маркус достал инструменты. Молодец, что догадался захватить их! После нескольких попыток ему удалось разобрать топливопровод. Действительно, там была фильтрующая сетка, полностью забитая какой-то ржавчиной. Он поскоблил сетку, но почти ничего вычистить не удалось.

Хм-м. Некоторое время он сидел, уставившись на разобранные части. Можно было просто выкинуть этот фильтр и уповать на лучшее. Сколько ему ещё ехать? Километров, может, триста. Или попытаться смастерить замену?

В конце концов он вырезал из майки лоскут и приладил его на место сетки. Собрал всё

---

⁴⁷ примерно 26 литров. Прим. ред. FB2

снова и с напряжённым ожиданием повернул ключ зажигания. Результат его ободрил: мотор завёлся и заурчал, как кошечка. Ну вот. Не так уж всё плохо.

Но радовался Маркус не больше сотни километров. Он уже пересёк границу штата и ехал по трассе 84, грандиозно поднимающейся в горы, успел проехать Хантингтон, как вдруг под капотом что-то зловеще заскрежетало. Он убрал ногу с педали газа – должно быть, смехотворно недостаточная мера – и вырулил на обочину. Из-под капота валил дым.

Выглядело всё нехорошо, и когда он открыл капот, лучше не стало. Что-то где-то лопнуло, забрызгав всё вонючей, чёрной, маслянистой жидкостью, и та же жидкость неудержимо капала на землю.

Что делать? Про машину можно было забыть.

Снизу в горку поднимался грузовик, поблёскивающее серебром чудовище проехало мимо. Можно было бы попробовать добраться на попутных. Он посмотрел на дорогу, протянувшуюся до горизонта, единственный признак цивилизации посреди безлюдной пустыни, и понял, что ничего другого ему и не оставалось.

Он захлопнул капот, открыл багажник и принялся укладываться. Взять всё он не мог. Дорожную сумку можно было нести как рюкзак – уже хорошо. Провиант – только тот, который не требовал долгого приготовления. Вода, хоть и тяжело. Сменная одежда. Инструмент, который, как он думал, понадобится ему в конце пути. Карманный фонарь. Мобильный телефон, на всякий случай.

Что делать с записными книжками Блока? Четыре книжки, полные бессмысленных записей. Но он не смог их бросить и тоже затолкал в сумку.

Оставались две канистры грязного мазута. Вот этого было жалко. Он прикидывал, не припрятать ли его; может, когда-нибудь он вернётся сюда? Чепуха, тут же отверг он эту мысль. Лучше отдать горючее тому, кто его подвезёт.

И он стоял на обочине, у ног – две белые канистры и набитый битком рюкзак. За первые полчаса мимо него пронеслись два грузовика, не удостоив его даже сигнала. Вернее, один из водителей всё же покосился подозрительно. Может, они боялись нападения. Маркус надеялся на автобус; ведь автобусы ему попадались часто. Автобус-то наверняка остановится.

Однако следующим подъехал не автобус, а маленький ярко-зелёный автомобиль японской марки. И даже остановился. Водитель, пожилой мужчина с лицом горца, перегнулся через пассажирское сиденье, толкнул дверцу и крикнул:

– Эй! Садитесь!

Маркус объяснил насчёт мазута, на что мужчина, с сожалением посмотрев на канистры, сказал:

– Жалко, но мне ни к чему. – И похлопал по рулю. – Он у меня бензиновый.

– Может, для дома? Как котельное топливо?

– Спасибо, я отапливаюсь дровами, слава Богу. Давайте, ставьте всё в багажник; следующий будет рад. И куда же вы направляетесь? Я еду в Портленд.

Они погрузили канистры, потом Маркус сверился со своей картой.

– Если бы вы подбросили меня до Бейкер-Сити. Мне надо вот сюда. – Он указал на крошечный пункт рядом с Crooked River Pass.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Я бы вам не советовал. Оттуда вы больше никуда не уедете. Гиблое место. – Он поглядел на карту. – Лучше я доброшу вас до Пендльтона. Оттуда вы попытаете пробраться к югу по 395-й; там всегда кто-то едет.

Для Маркуса это был крюк в сто пятьдесят километров, но, пожалуй, лучше было последовать этому совету; мужчина, судя по всему, хорошо разбирался в ситуации.

– О'кей, – сказал он.

И они поехали.

– Я не мог вас бросить одного, – объяснил мужчина, когда останки машины, доверенной Маркусу Кейтом, скрылись из виду. – Надо же, остановиться просто на дороге! Можно подумать, вы последние месяцы провели в зимней спячке.

– А что? – спросил Маркус.

– А то вы не знаете, что творится? Не слышали про идиотов, которые считают, что всё можно взять при помощи ствола?

– Я жил на отшибе, в деревне, где даже телевизора не было, – сказал Маркус и подумал, что преподобный был, пожалуй, прав в своей тревоге: не прошло и дня в дороге, как он уже начал болтать про деревню. Он решил больше ничего не рассказывать и стал расспрашивать мужчину, что он-то делает в разъездах.

– Я техник, – ответил тот и указал на заднее сиденье, где стояли два больших ящика с инструментами и пластиковые боксы с запчастями. – Верчусь как заведённый. Уэйн П. Миллер, обслуживание принтеров и ксероксов. Начал уже чинить и факсы, сортировщики писем и тому подобное, а недавно привёл в действие даже автомат для подсчёта наличных денег. Грубо говоря, все приборы, которые так или иначе перемещают бумагу. Я бумажный фрик, чтоб вы знали. Бумага – это цивилизация, вот в чём я убеждён. Уберите бумагу, и наша культура исчезнет. Знаете, почему Китай в течение семисот лет опережал весь остальной мир? Потому что у них была бумага, а у всех остальных только этот идиотский, дорогой, неудобный пергамент. И только когда бумага распространилась, да ещё добавилось книгопечатание, всё поменялось местами.

Маркус вежливо кивал.

– В этом что-то есть.

– Но работать становится всё труднее, от недели к неделе, можно сказать, – продолжал Уэйн Миллер. Его пальцы были перепачканы чем-то чёрным; должно быть, принтерным порошком. – Всё труднее доставать запчасти. Их ведь самому не изготовить: современные машины слишком сложны для этого. Современный ксерокс, скажу я вам... Против него даже компьютер – тьфу. Вообще про Интернет можете забыть: всё мусор. Все эти речи про «Information Super Highway»⁴⁸ были всего лишь кампанией, чтобы продать побольше компьютеров. Но знание, увы, знание вы почерпнёте только из библиотеки. Из книг. Бумага, как я уже сказал...

Они миновали Бейкер-Сити и поехали по 84-й дороге, по долине, которая становилась всё более пустынной по мере того, как этот человек с обветренным морщинистым лицом рассказывал Маркусу, почему эта страна катится в пропасть:

– Потому что мы все – толпа придурков. Я не говорю о том, что вы можете закончить высшее учебное заведение и даже не знать ни одного иностранного языка. Это же стыдоба, но, как я понимаю, мы можем себе это позволить. Я говорю всего лишь о чтении. Свыше сорока миллионов американцев практически неграмотны. А те, что грамотны, не проводят за чтением книг и ста часов в год, зато почти две тысячи часов просиживают перед телевизором. А там только мусор и слабоумие. Так и выводят безмозглых зомби. Вы только посмотрите вокруг. В Калифорнии уже сколько лет подряд происходило отключение электросетей, а в Нью-Йорке нарушалось снабжение питьевой водой, и это было во времена, когда всё остальное ещё работало. И что было предпринято против этого? Ничего. И вас ещё удивляет, что Калифорния сидит без света, а в Нью-Йорке разразилась холера? Меня – нет. И лучше, скажу я вам, уже не будет. Я ведь вижу школы, куда я прихожу чинить технику. Они разваливаются на глазах. В некоторых половина классов заперты, уроки проводятся в спортзале. А библиотеки, если они ещё есть... У меня иной раз слёзы наворачиваются. Старые, растерзанные книги. Буквально липкие от грязи. Если вы приходите в библиотеку, а там нет даже справочника, в котором значится хотя бы предпоследний президент, чего можно ждать?

Дорога пошла под гору, открылся вид на обширную равнинную фермерскую землю.

– Посмотрите на меня. Я не учился в университете и не утверждаю, что я хоть в чём-то большое светило. Я всего лишь ремесленник, немного разбираюсь в множительной технике и в перемещении бумаги, ну, прочитал пару книг. Но этого было достаточно, чтобы сразу же

---

⁴⁸ Information Super Highway – ещё одно название Интернета.

понять, к чему всё приведёт, как только случился тот взрыв в Саудовской Аравии. Это было мне ясно, как дорожная карта. А в телевизоре сидели умники и рассуждали, что для такой нации, как мы, бла-бла-бла, эта проблема с нефтью вполне разрешима. У нас ведь и гигантские резервы в Техасе и Луизиане, так? Но если нефть во всём мире подходит к концу, зачем долго чесаться? Идиоты, ясное дело. И чего ждать от людей, которые работают на эти идиотские средства массовой информации, они и сами должны быть идиотами.

Маркус соглашался, крайне озадаченный тем зрелищем, который являли собой дороги и города.

– При том что здесь еще всё цело и невредимо, – горько воскликнул его собеседник. – А что творится в больших городах? И это только начало. Вот наступит следующая зима. Это будет катастрофа.

Навстречу им проехал грузовик, который вёз контейнер с китайскими надписями.

– Видите? Вот вам дар ясновидения Уэйна Прескотта Миллера. Ключевое слово: внешнеторговый баланс. – Он сокрушённо помотал головой. – Половина населения не может даже прочитать это слово по слогам. А другая половина, включая парней в Вашингтоне, считает это несущественной цифирью. – Он покосился на Маркуса. – А как обстоит с вами? Вы хоть знаете, что это такое?

– Соотношение экспортируемых и импортируемых товаров.

– Уже неплохо. Может быть, вам известно и то, что США уже лет тридцать имеет отрицательный внешнеторговый баланс?

– Да, об этом я слышал.

– И какие выводы о ходе кризиса можно было бы из этого сделать?

Маркус смотрел перед собой на обшарпанную приборную панель.

– Эм-м, понятия не имею.

Уэйн вздохнул.

– Может, я всё-таки гений? Итак. Отрицательный внешнеторговый баланс означает, что мы импортируем больше, чем продаём за границу. Если присмотреться, мы ввозим не только сырьё и нефть – это было бы даже хорошо для высокоразвитой страны, если закрыть глаза на то, что мы только воображаем себя таковой, – нет, мы ввозим товары повседневного спроса. Тряпки. Видеотехнику. Пластмассу. Продовольствие. Попросту все. Это значит, что вот уже тридцать лет мы потребляем больше, чем производим сами. Мы у всего мира покупаем то, что нам необходимо. И теперь я вас спрошу: как мы могли себе это позволить? Как мы всё это финансировали?

Маркус озадаченно смотрел на него. Такое положение дел он знал ещё со времён учёбы; это даже спрашивали на экзамене. Однако никому не приходило в голову задать такой простой вопрос.

– Эм-м, – опять повторил он. – Понятия не имею.

– Очень просто: в долг. Самое странное было то, что весь мир не только продавал нам свои товары, он и снабжал нас деньгами на покупку этих товаров. Вы не находите это странным? Я всегда находил. И всё это – на совершенно добровольной основе. Поскольку американская экономика пользовалась доброй славой, во всякий богоданный день где-нибудь в мире находились люди, которые решали инвестировать в США свои с трудом заработанные деньги, вложить их в государственные займы или в акции американских предприятий, причём в среднем по миллиарду долларов в день. *По миллиарду*, вы слышите? Инвестиции, кстати сказать, с которых они рассчитывали получить доходы. Но мы лишь радостно растрачивали эти деньги, полагаясь на то, что и на следующий день поступит очередной приход. Под конец мы вообще уже не производили ничего существенного, только доллары. Печатную бумагу, если угодно. – Он снова вздохнул. – Это и гложет меня больше всего.

До Маркуса постепенно дошло:

– И теперь это больше не работает. Потому что денег ни у кого больше не осталось.

– Вот именно. Поэтому всё рушится. Это было мне ясно с самого начала. Если мир затягивает пояс потуже, задыхаться начинаем мы. Вот только я не предусмотрел, что будет

нехватка запчастей. – Он помотал головой. – Не знаю, как мы будем выбираться из этой мясорубки. Образования никакого, а печатные машины псу под хвост, так что и новых книг уже не напечатаешь... Это «штопор», если хотите знать моё мнение.

В конце концов они добрались до Пендльтона. Не доезжая до города, Уэйн не пожалел времени, чтобы свернуть на площадку для отдыха водителей и, таща за собой Маркуса, расспрашивал их, пока не передал его шофёру, который ехал на юг по автостраде 395 и не нашёл что возразить против двух канистр дизельного топлива.

Это был альбинос, излучающий радостную и спокойную уверенность. Он явно пытался отпустить бороду, но это привело лишь к светлому пушку, обрамляющему линию его подбородка.

– Вы чем-то подавлены, – заметил он через несколько миль, в течение которых он что-то напевал себе под нос, а Маркус обдумывал услышанное от Уэйна.

Маркус поднял на него глаза.

– Да? Возможно.

– Есть для этого причины?

– Особо никаких. Просто... ну, ситуация, в которой находится мир. Кончается нефть, и, похоже, никто не знает, что делать.

– И вы находите это удручающим? – спросил водитель тоном искреннего удивления.

Маркус подумал, что этот шофёр похож на человека, который только что переучился на психотерапевта.

– А вы нет?

Тот отрицательно помотал головой.

– Господь мой пастырь, он поведёт меня, и я ни в чём не буду знать недостатка.

Ах, вон откуда ветер дует.

– О'кей, – осторожно ответил Маркус. – Ну, если так...

– А вы не верите в это?

– Хм-м. Я не знаю. Может, так оно и есть. – То, что с ним случилось, он тоже мог бы интерпретировать в этом смысле, озадаченно подумал он. Если бы захотел.

Шофёр сначала ничего на это не говорил, и поездка продолжалась в тягостном молчании.

– Когда вы были ребёнком, – внезапно спросил альбинос, – ваш отец водил вас в походы по лесу?

– Что-что? – Маркус вздрогнул. Походы по лесу? Да он был бы счастлив, если бы отец хотя бы краем глаза глянул на убежище в зарослях сада, которое он построил там вместе с соседским мальчишкой. – Нет.

– Жаль. А мой водил. Бывало, мы вдвоём по нескольку дней странствовали по лесам с палаткой, со снаряжением и провиантом...

– Должно быть, было здорово.

– Да. И я тогда усвоил: в такое путешествие не надо брать больше, чем необходимо.

– Благоразумно, – признал Маркус. – Хотя заранее не знаешь, что тебе понадобится.

– Но чем ты опытнее, тем лучше можно это оценить.

– Без сомнения.

– И тот, кто знает *всё*, уложит свой рюкзак наилучшим образом, не так ли?

Маркус кивнул.

– Если есть такие, кто знает *всё*.

– Бог, например, – подсказал ему водитель. – Бог всеведущ.

– О'кей, – согласился Маркус.

– Если идешь в путешествие с Богом, лучше поручить укладывать рюкзак именно ему.

Что это было? Может, этот тип под действием наркотика?

Водитель счастливо улыбнулся.

– Это, конечно, образно выражаясь, но в некотором смысле мы все странствуем по жизни с Богом. И он укладывает для нас рюкзак. Понимаете? Поэтому я не беспокоюсь за

нефть. Уж это в его ведении. То, что она на исходе, означает просто, что время близко.

– Время?

– Второго пришествия Господа. Он дал нам нефть, чтобы мы могли согреться и заправить наши машины. Если всё идёт к концу, то лишь потому, что скоро нам всё это не понадобится. – Ликующий взгляд сбоку. – Так просто, а? И такой великолепный повод для надежды.

У Маркуса отвисла челюсть, что было не так уж трагично: он всё равно не знал, что сказать.

– Вы что-то ничего не говорите, – заметил водитель через некоторое время.

– Я, эм-м... полностью захвачен вашей логикой, – с трудом выдавил Маркус. Он тайком поглядывал на этого человека. Было видно, что тот говорил со всей серьёзностью.

– Что-то непохоже, чтобы вы разделяли эту надежду. – Молочно-белое лицо повернулось к нему. – Неужто вы тот, у кого есть повод бояться второго пришествия Господа?

– Нет, – ответил Маркус и невольно закашлялся. – Абсолютно нет. Уж это беспокоило бы меня меньше всего на свете.

– Вот и хорошо.

– Правда, я спрашиваю себя, – продолжил Маркус, – почему Бог, раз уж дал нам нефть, большую её часть разместил среди мусульман?

«Лучше бы он подавился этим вопросом», – подумал Маркус сразу после этого, стоя с рюкзаком на обочине дороги и глядя вслед грузовику. Отзвук захлопнувшейся дверцы всё ещё стоял в ушах. Пахло пылью и выхлопом, и когда грузовик скрылся из виду, вдруг разом стало очень тихо.

Глава 48

Он оказался совсем не там, где надо. Этот сукин сын завёз его не в ту сторону. А на площадке для отдыха говорил другое. Лишь бы только разжиться канистрами с дизельным топливом. Ну, когда его Господь явится, то наверняка разберётся с ним!

А поначалу Маркус продолжал идти туда же, где скрылся грузовик, пока не дошёл до столба с указателем. Он тщетно искал это название на карте и ничего не мог понять, пока не сообразил, что находится на другой дороге. Между ним и его целью было не меньше ста километров по прямой. И нигде не видно было никаких машин.

От ходьбы в нём проснулась жажда. И голод тоже. Он сел у какого-то камня, прислонившись к нему, выпил несколько глотков воды, съел кусок чёрствого хлеба и немного твердой колбасы из своего дорожного запаса. Потом уставился в пустоту и стал думать, что делать.

Положение, как оно ему виделось, было очень серьёзным. Похоже было, что в радиусе пятидесяти километров тут не водилось ни одной живой души. Запасов было мало, предстояла ночь, а он понятия не имел, есть ли тут дикие звери, и если есть, то как от них защититься. Всё не слава Богу.

Он порылся в рюкзаке. Мобильный телефон всё ещё был заряжен, но не находил сети. Ну, замечательно. Если бы его аппарат был хотя бы из тех, в которые встроены навигаторы...

А ведь он подумывал о том, чтобы прихватить с собой компас. Он ещё раз сверился с картой. Для начала, хоть и досадно, придётся вернуться назад. Если будет ехать какая-то машина, он должен всеми средствами её остановить, даже если для этого ему придётся встать посреди дороги, кричать и размахивать руками.

Но никакой машины не было. Он шёл и шёл вдоль дороги, нигде не видя ни домика и не слыша ни звука. Всякий раз, сверяясь с картой, он замечал, что двигается медленнее, чем ожидал. Становилось всё темнее. И холоднее.

На какой-то вспомогательной стоянке он увидел большой, обветшавший деревянный ящик, заросший бурьяном, с остатками песка, еле прикрывавшими дно.

Да. В нём можно было спать. Удобно ли, это другой вопрос. Скорее нет. Зато не будет

испытывать агорафобии.

Крышка закрывалась. Хорошо помогает против диких зверей всех мастей. Но удастся ли её потом открыть? И можно ли дышать внутри?

Маркус обследовал ящик. Он беспрепятственно открывался – если только снаружи никто не навесит в петлю замок или не сунет палку. Во избежание этого он достал плоскогубцы и обрабатывал накидную петлю, пока она не отломилась. Уже лучше. И пусть ему, может, глаз не придётся сомкнуть за всю ночь, он всё же вырвал вокруг всю траву, чтобы выстлать ею все неровности и ямки.

И, против ожидания, заснул как убитый.

На следующее утро он чувствовал себя как колесованный: разбитым, занемелым. Неудобно спал – это было не то слово; болел каждый мускул.

Хотелось бы помыться. Но ничего, сойдёт и так. Всё равно тут некому морщиться от запаха его тела. А если подвернётся машина, его устроит и место в кузове.

Он поел хлеба, испечённого ещё в Bare Hands Creek, с мыслью, что отдал бы «полцарства» за кофе, и двинулся дальше. Ногами, которые, казалось, за ночь заржавели. Мускулы протестовали против каждого шага.

Поворот, который он углядел на карте, оказался неукреплённой полевой дорогой. Разве такое бывает? Он подробно изучил карту, даже прошёл по дороге вперёд, и она действительно поворачивала на северо-запад... Нет, всё было верно.

Стоит ли идти по ней? Если по большой дороге за полдня не проехало ни одной машины, то здесь уж точно не будет ни души. Если он свернёт, останется надежда только на свои ноги.

Но и другого пути он не видел. Если он хочет держаться твёрдой дороги, ему придётся возвращаться в Пендлтон, а это добрых семьдесят километров.

Некоторое время он ломал голову в поисках альтернативы, но так и не нашёл её. Ну и не надо. Тогда пойдёт пешком.

Поначалу было не так страшно. Он нашёл свой темп и шагал равномерно, погружённый в мысли, и всё казалось осуществимым.

Потом начался первый подъём.

Дорога тянулась в гору, пока он не запыхался, а потом стала подниматься ещё круче. Да приспособлен ли такой подъём вообще к машинам или рассчитан только на лошаков? Бог ты мой! А тут ещё выглянуло солнце, и он начал потеть. Всё чаще он останавливался, чтобы перевести дух, над ним вилась туча мошкар, но у него не было сил даже отбиваться от них. А солнце поднималось всё выше, наливалось силой. Лучше всего было раздеться до пояса, но это означало бы дополнительные укусы насекомых и опасность обгореть, и он остался в пропотевшей майке.

В полдень опустела первая бутылка воды, и в запасе осталась только одна. А что, если он не найдёт воды? До сих пор ему ни разу не попалось ни ручейка, ни родника. А если бы они и попались, он не знал, пригодна ли эта вода для питья.

Ремни импровизированного рюкзака врезались в плечи. Кожа под ними покраснела, а местами протёрлась и саднила. Ведь это был не настоящий рюкзак, что сыграло свою роль.

Он сделал привал и попытался определить свое местонахождение. Точность была невелика, у его карты был не тот масштаб, но создалось впечатление, что он продвигался вперёд слишком медленно. Он делал слишком много передышек. С другой стороны, передышки были ему необходимы, потому что он изнемогал.

Он и не знал, насколько это тяжело – идти пешком! Когда в последний раз он проходил такие расстояния? В школе они ходили в походы, но разве те расстояния превышали когда-нибудь десять-двенадцать километров, а?

А все остальные расстояния он всегда преодолевал на каком-нибудь транспорте. Иногда даже стыдно сказать, какие небольшие.

Днём стало так жарко, что ему пришлось искать укрытия в тени. Но и там было жарко, и он немного поспал. Только земля оставалась холодной. Трудно было поверить, что стоял всего

лишь март.

Прежде чем тронуться дальше, он ещё раз просмотрел свой рюкзак. Записные книжки Блока – вот уж действительно было бессмысленно таскаться с ними дальше. Он выдернул их из сумки и отложил в сторону. Потом инструменты. Отвёртки весили немного, комбинированные плоскогубцы всегда были необходимой вещью. Ломик был тяжёлый, но поскольку он мог одновременно служить и оружием, бросать его не захотелось. Без чего же можно обойтись? Без молотка, например.

Он ещё раз взял в руки одну из записных книжек. Собственно, как повод ещё немного посидеть. Маркус заметил, что втайне всё это время не терял надежды, что его пробьёт искра – и он поймёт, как Блок нашёл нефть; и тогда окажется, что Блок был прав, а Таггард нет. И если озарение снизойдёт на него именно здесь, посреди пустыни, на краю земли, в пешем странствии незнамо где – это станет событием, достойным быть воспетым будущими поэтами.

Но и в этот раз всё было как всегда. Он листал таблицы, полные цифр, смысла которых он не понимал, разглядывал диаграммы, не зная, что они обозначали, и читал термины, которые ни о чём ему не говорили. Станет ли когда-нибудь окончательно ясно, что всё это на самом деле ничего не значит? Всего лишь продукт фантазии, затонувшей в трясине бреда?

Он читал дневниковую запись, сделанную мелким, энергичным почерком Блока:

«Я не сдамся. Никогда, никогда, никогда. Сегодня здесь был пастор, хотел меня уговорить, чтоб я перестал. Огородный салат, а не человек, никогда в жизни не совершил ни одной проделки, рук ни разу не испачкал. И всё равно у него ревматизм, это видно. Да и простофиля он к тому же».

Читая, он так и слышал голос Блока, его суковатый австрийский акцент, снова чувствовал уверенность, которая исходила от этого пожилого человека и так зачаровывала.

И Маркус вдруг разом понял, что осилит этот марш-бросок. Чего уж тут осиливать? Только и делов, что сделать шаг, за ним другой, и так далее. До тех пор, пока он просто делает следующий шаг, всё будет в порядке. Всё дело только в нём, в следующем шаге. И совсем не надо думать о километрах, милях и прочих труднопредставимых мерах длины; это только зря подавляет человека. Достаточно думать о следующем шаге – и делать его, и повторять, и повторять это.

Маркус встал, чувствуя себя окрылённым. Нет, эти записные книжки он здесь не бросит. И он снова засунул их в рюкзак. Уж не настолько они утяжеляют его поклажу. Он снова надел ремни на плечи и сделал следующий шаг, потом следующий, потом следующий.

В какой-то момент дорога снова пошла вниз. Идти стало легче, но потом каждый шаг стал рвать коленные суставы, и начали болеть ступни. Вообще, его обувь была слишком тёплой, предназначенной для зимы; и у него было чувство, что в них стоит вода. Требовалось усилие воли, чтобы сделать следующий шаг.

Потом снова в гору. По непонятным причинам несколько километров подряд тянулась насыпная дорога, она расширилась и была проложена так, будто должна была стать проезжей, так что Маркус уже надеялся, что вскоре начнётся обжитая местность, однако щебёнка внезапно снова кончилась, дорога сузилась и нырнула в заросли.

Иногда он спотыкался и лишь с трудом удерживался на ногах. Он смочил водой другую майку и примостил её на голове, но кровь всё равно стучала в висках. Иногда попадались слякотные участки, иногда ветки хлестали его по лицу и рукам. Укусы насекомых начали свербеть, но если он чесался, становилось только хуже. Он закатал брюки, колени были исцарапаны, икры искушены.

Топкая почва? Это обнадеживало. В следующем таком месте он отправился искать источник воды, проник в чащу и продирался сквозь кусты, пока не наткнулся на стоячий пруд. Он выудил из рюкзака пустую бутылку и погрузил её, чтобы набрать воды, но вода оказалась коричневой и непрозрачной.

Он снова вылил её, поискал платок, попытался отфильтровать через него воду. Но вода по-прежнему оставалась отвратительной.

Он малодушно опустил на землю. И сам себе показался тупым идиотом. Может, он уже давно заблудился и даже не заметил этого.

Чёрт возьми! И эта мошкара вокруг! Его ступни, казалось, превратились в кровавое месиво, а может, и не казалось, а было так; он даже не хотел проверять это.

Вот опять комар, назойливый и крупный! Он ударил, но не попал.

Маркус был на пределе сил. О следующем шаге он уже не думал. Всё чепуха. Вся эта самомотивировка, все эти психостучки, которыми их пичкали на семинарах по продажам, – всё в задницу. Считается лишь то, что ты сидишь тут в дерьме, один-одинёшенек, и не знаешь, куда сунуться.

Он скинул с плеч рюкзак, раскрыл его, достал оттуда телефон. Боже правый, он нашёл сеть! На дисплее стояло: «Welcome!»

Стоп. Стоп. Его охватила дрожь. Спасение было близко, на расстоянии всего лишь нескольких нажатий на кнопки, но... Большое *Но*. Они его, возможно, и спасут. Но тут же арестуют. Если он нажмёт на эти кнопки, то его дороге придёт конец. Тогда всё было напрасно. Каждый его шаг. Всё.

Маркус погладил маленький аппарат. Он помещался в его ладони, влажный от его пота. Пластиковые кнопки. Уже сейчас цифровые данные мечутся туда и сюда между ним и какой-то радиостанцией. По этому сигналу его можно обнаружить, с точностью до нескольких метров.

Что будет, если он не выживет? Может, какое-то из этих насекомых уже давно впрыснуло в него яд, с которым в одиночку ему не справиться? Может, от какой-нибудь из этих колючек он заразился столбняком? Столько опасностей вокруг, и большинство из них ему вообще неизвестны.

Просто набрать службу спасения. Пока ещё есть связь. Через пару километров её может не быть. Набрать службу спасения, и всё будет хорошо.

Не так уж это и страшно. Ну, арестуют его, ну и что? За нелегальный въезд много-то ему не дадут. А остальные пункты – да действительно ли они ещё? Ну да, наверное, они ещё действительно.

Эта мысль поднялась на поверхность, как медленно всплывающий кит, и тысячи пугливых голосов хотели перекрыть её, хотели, чтобы он набрал наконец 9-1-1, это ведь было так просто...

Если он это сделает, ему никогда не узнать, из-за чего пришлось принять смерть его отцу.

Что-то побежало по его щекам, но это были не насекомые, это были слёзы. Окоченелым, почти артритным движением пальцев он отключил свой телефон. Сжал его, в то время как внутри поднималась неукротимая ярость, размахнулся и зашвырнул его подальше в кусты, подальше и навсегда.

Потом зажал руками рот, из которого рвался наполовину смех, наполовину всхлипы. Так он и сидел до тех пор, пока наконец не смог подняться и продолжить марш-бросок.

Когда солнце опустилось к горизонту, вопрос, делать ли следующий шаг, вообще уже не ставился. Его ступни делали это автоматически. Мысли погасли. Тупо и механически он плёлся вперёд, переполняемый крепнувшим подозрением, что движется к своей гибели.

Стемнело. Он искал место, куда можно было бы прилечь. О диких зверях он уже давно не беспокоился. Сначала стянул башмаки и носки, посмотрел на ступни, все в волдырях, хотя картина была не так страшна, как он боялся. Затем съел остатки провианта, выпил немного воды, лёг и уснул.

Проснулся Маркус оттого, что луч света щекотал лицо. Он сел как робот, оценил состояние своих ступней, натянул на них носки и башмаки и поднялся. Он больше не знал, зачем идти дальше. Он перестал об этом думать. Он шёл, и этого было достаточно.

Было немного холоднее, чем накануне. Некоторые ветки, касаясь лица, осыпали росой. Это действовало благотворно. Шаг за шагом. Он нашёл ритм, который был не просто шагом,

он был движением вперёд. Своеобразное чувство поднималось в нём, могучее, архаическое чувство, что он является частью древней традиции – традиции, которая была старше его, старше всего, что он до сих пор знал. В нём будто ожили воспоминания о древних временах, когда его дальние предки, охотники, миллионы лет назад прочёсывали саванны молодой планеты.

Пальцы его хватали свежие побеги, срывали на ходу, заталкивали в рот. Он жевал, ощущая горечь и влагу, и глотал со странной естественностью.

Дорога поднималась в гору, открывая неоглядные дали лесов, которые он пересекал. На одной стороне – далёкие гранитные зубцы, на другой – мятые полосы желтизны, а между ними только лес, волнами холмов под небом, полным свинцовых туч. Было безветренно, беззвучно, океан деревьев смыкался вокруг него с нерушимым спокойствием. Тонкая дымка лежала в долинах как молоко.

Мир, казалось, дышал.

Тени туч скользили по верхушкам, звенели цикады. Каждый шаг, который он делал, был частью этой мистерии, нотой в песне творения, оно в каждое мгновение возникало заново, вечно юное, издавна известное и никогда прежде не слыханное.

Все печали слетели с него, вся боль была забыта – нет, не забыта. Принята. Каким-то образом, Маркус сам не смог бы это объяснить, он понял, что всё это было необходимо, и всё то, что он увидел, стоило его усилий. Собственно, он не увидел – он узнал. Он смотрел на природу, а видел себя. Невозможно было представить себя в отдельности от этого. Где кончается он, и где начинается мир? Невозможно было провести границу. Размытый переход, сплошная среда, целое.

Как бороться против мира, как у него отвоёвывать что-то, как подчинять его, не навредив при этом самому себе? Он видел хищную птицу, кружившую в небе, и чувствовал её в своей крови. Он видел, как качнулась ветка, и почувствовал её в себе. В магический момент, которого ему уже никогда не забыть, он был един со всем.

К вечеру Маркус добрался до Crooked River Pass, маленького местечка у моста через узкий ручей. Тропа, по которой он шёл, закончилась прямо у Farsight Institut.

Территория была обнесена забором, и на нём висели таблички с впечатляющей надписью: «Farsight Institut. Частное владение. Вход запрещён. Территория охраняется. Внимание – научные эксперименты, опасно для жизни!»

Маркус и так не собирался заходить сюда открыто, тем более что было ещё светло. Он отступил назад, нашёл дерево, с которого всё хорошо просматривалось, и влез на него, сам себе удивляясь.

Потом он ждал, отдыхая и наблюдая за институтом.

Просторный ареал чем-то походил на ферму, но некоторые здания выглядели слишком урбанистично.

Он различил несколько сараев, хлев, жилой дом, в самом дальнем углу возвышался земляной холм, под которым, судя по всему, находилось подземное сооружение. Ускоритель частиц? Тир? Или всего лишь кегельбан? Со стороны не было видно.

Где мог находиться архив, в котором хранились технические документы? Похищенные конструкторские проекты, например. Трудно сказать. Он представил себе подвал, наверняка под основным зданием.

Причём, возможно, все усилия напрасны, и документы его отца давно уже находятся где-то в другом месте. Как-никак, минуло двадцать лет. За это время многое могло произойти.

Да и Таггард мог ошибаться.

Взгляд Маркуса вновь и вновь обегал территорию института. Ландшафт показался ему почему-то знакомым. Горная цепь на заднем плане, вершины, покрытые льдом... Возможно, он где-то видел фото института. Название тоже звучало так, будто он мог его где-то слышать. Только где? И когда? Он не мог вспомнить.

Строения, правда, с виду казались уже пришедшими в упадок, а то и брошенными. Газоны были давно не стрижены, некоторые кровли казались прохудившимися, и повсюду валялся ржавый, покрытый пылью и заросший бурьяном утиль.

Однако когда стемнело, в жилом доме зажглись огни. Значит, институт не заброшен. Но и следов активных исследований тут не наблюдалось.

Он составил свой план, пока ещё было что-то видно. Собак, казалось, тут не водилось, даже конуры он нигде не заметил. Равно как и других видимых приспособлений защиты и тревоги, сирен, гудков или ламп заливающего света. Был только ряд видеокамер, на которых светились красные диоды; мысленно он склонялся к тому, чтобы принять их за бутафорские. Ибо если нет освещения, что тогда могут увидеть камеры? Кроме того, размещены они были очень уж непродуманно.

Он облюбовал место, где мог, похоже, преодолеть ограду незаметно и без особенных усилий: ржавый угол, на котором проволочная сетка и без того была уже наполовину отогнута. За этой сеткой он мог пробраться вдоль холма, затем обогнуть деревянный сарай, ворота которого, как он разглядел, были закрыты на большой висячий замок. После этого он пересечёт открытое пространство до продолговатой пристройки к жилому дому, которая могла быть мастерской. Массивное кирпичное строение с подвальным этажом и зарешеченными подвальными окнами. Если бы ему пришлось размещать здесь архив, он выбрал бы именно этот подвал.

Когда стало слишком темно, чтобы усовершенствовать план дальше, он просто ждал. Вначале нетерпеливо, потому что время никак не двигалось вперёд, но потом нетерпение сменилось непривычно глубоким покоем, который наполнил его, словно ночной отзвук увиденного сегодня днём. Станным образом он не чувствовал усталости. Но и нервного возбуждения тоже не ощущал. Он просто знал, что войдёт туда – и всё.

Потом погасли и огни. Некоторое время ещё светился слабый жёлтый огонёк чердачного окна, потом и он погас. Кто бы там ни жил, он наверняка уже лёг в постель.

Маркус спустился с дерева в непроглядную темноту. На ощупь нашёл рюкзак, а в нём нашарил карманный фонарь, который, включив на самую слабую мощность, зажал между плечом и шеей, и в этом слабом свете собрал другие инструменты: ломик, естественно, тоже. Его он понесёт в руках. Отвёртки и щипцы рассовал по карманам. Перчатки придали бы образу завершённости, но их у него не было. О них он не подумал, покидая дом Таггарда, а если бы и подумал, подходящие вряд ли нашёл бы.

Но это не имело значения. Сегодня дело было не в отпечатках пальцев.

Он выждал минут сорок и осторожно двинулся, направив фонарь в землю. Ограда действительно не представляла собой никакого препятствия; он перекусил кусачками несколько петель сетки, а остальные отломилась сами, настолько они проржавели.

Он прислушался и отвернул сетку в сторону. Она тихо задрезжалась. Ни света, ни звука, ни возгласа. Хорошо. Дальше. И без спешки. Он крался вперёд, выверяя каждый шаг. Лучше медленно, чем споткнуться обо что-нибудь и наделать шуму. Осторожность оказалась не напрасной: он действительно один раз запутался в проволочной петле из-под какой-то брошенной упаковки. Нет, не ловушка и не капкан.

Добравшись до спуска в подвал пристройки, он остановился, прислонясь спиной к стене, постоял, пока дыхание и сердцебиение не успокоились. Потом спустился по ступенькам к двери подвала и посветил на замок.

Зазор между полотном двери и рамой был достаточно велик, чтобы просунуть ломик. Дверь издала истошный скрип, когда он налёг, и замок с хрустом вылетел из анкера.

Ночь, казалось, усиливала все звуки. Он быстро метнулся по лестнице наверх, прислушался, не шевельнётся ли что-нибудь. Ведь шуму на сей раз он наделал настоящего!

Он выждал четверть часа в полной готовности бежать, но всё оставалось спокойно. Конечно, отсюда он не мог слышать, не звонит ли кто в этот момент в полицию, но по ощущению вроде как не должен был. И Маркус решил, что взлом остался незамеченным.

Он снова включил фонарь, спустился по ступеням, нажал на дверь. В подвале пахло

опилками и деревом, химией и прелью. Значит, мастерская. Частично хотя бы.

В свете фонаря он увидел узкий коридор, из которого в обе стороны расходилось несколько дверей. Маркус попробовал их все по очереди. Ни одна не была заперта. За первой слева располагалось что-то вроде котельной, в каморке справа стояли стеллажи с банками краски. Вторая дверь слева вела к топливному баку, вторая справа...

В кино герои любят говорить: «Бинго!»⁴⁹ – когда находят то, что искали, и Маркусу это всегда казалось глупым. Но сейчас он почувствовал, как велико искушение воскликнуть точно так же.

Перед ним было помещение, размером, может быть, четыре на шесть метров, уставленное старомодными шкафами с выдвижными ящиками.

– Ну вот, – прошептал он, что, наверное, было более подобающим выражением. Он обошёл фронт шкафов. Каждый выдвижной ящик был пронумерован, но эти цифры ни о чём ему не говорили.

И все ящики были заперты на ключ.

Маркус закрыл дверь комнаты и взялся за ломик. Прекрасный всё же инструмент. Сухой щелчок – и первый ящик, полный подшивных папок, выехал ему навстречу.

Тут всё было свалено через пень-колоду. Нумерация, возможно, соответствовала хронологии размещения, тогда должна где-то быть картотека или банк данных, по которому можно целенаправленно искать определённый документ. Что-то вроде: «Изобретение Альфреда Вестерманна, Германия (похищено); см. номер 20345».

Но эта главная картотека располагалась, видимо, не здесь. А жаль. Он-то мнил себя уже у цели.

А что, вообще-то, содержали эти папки? Он вытянул одну и полистал. Кажется, серия опытов с какими-то растительными культурами. Датировано январём 1988 года. Что за опыты, обозначено не было, только указание на...

Маркус услышал характерное жужжание и уже хотел обернуться, как вдруг что-то сделало «шларккк» и вырвало папку у него из рук.

И пригвоздило к шкафу картотеки.

Гвоздь, и в самом деле! Достаточно большой, хватило бы распять кого-нибудь, и взялся он из ничего...

– Никаких резких движений, советую вам, – произнёс низкий, хриплый женский голос. – У меня в руках машинка для вбивания гвоздей. Ею можно убить так же верно, как из пистолета, только будет гораздо-гораздо больше.

Глава 49

Женщине было лет сорок пять, и она обладала комплекцией лесоруба. На ней были тренировочные штаны и майка без рукавов, во всей красе являющая взору её могучие плечи. Но жужжащая машина казалась тяжёлой даже в её руках, и дуло, в котором Маркус уже видел поблёскивающее остриё следующего гвоздя, беспокойно ходило туда-сюда.

От машинки отходил кабель, который она воткнула в розетку, как видно, где-то в коридоре. Какая прелесть!

– Кто вы такой? – спросила она, тяжело дыша. – И что вы здесь делаете?

Маркус попытался изобразить умиротворяющую улыбку.

– Ну, некоторым образом я взломщик. Правда, я ищу всего лишь то, что принадлежит мне...

Он произвольно опустил руки, от этого женщина вздрогнула и невзначай нажала на спуск. Раздалось «шларккк-шларккк», и ещё два гвоздя просвистели у самой его головы.

---

⁴⁹ «Бинго» (в англоязычном варианте лото) – именно этим словом выигравший должен оповестить о заполнении своей карточки.

– Не двигаться! – крикнула она.

Маркус застыл статуей, хотя его так и подмывало посмотреть, не обманул ли его слух и правда ли оба гвоздя вонзились позади него в бетон. Перед этим он питал нешуточное уважение к этой небольшой машинке, полагая, что женщина умеет с ней обращаться. Теперь он испытал настоящий страх, поскольку оказалось, что она *не умеет*.

– Послушайте, я вам ничего не сделаю. Но не могли бы вы отвести дуло этой штуки немного в сторону? На всякий случай.

Она всё ещё тяжело дышала.

– Вот уж этого вы точно не дождётесь.

Дурацкая ситуация. Маркус ободряюще кивнул.

– О'кей. Как скажете. – Он снова поднял руки вверх. – И что мы будем делать?

Она разглядывала его, сжав губы, явно не зная, как быть. Ну, класс. Какое-нибудь: «Сейчас вы с поднятыми руками медленно пойдёте впереди меня наверх, чтобы я могла позвонить в полицию», – обычное во всех этих детективах, здесь явно не сработает, поскольку кабель её машинки не отпустит её дальше, чем на два метра.

Короче, надо было договариваться.

– Послушайте, – начал Маркус, – давайте поговорим. Просто поговорим. Мы не найдём решения, если не поговорим. А найти решение нам придётся, иначе мы до утра здесь простоим.

– Без фокусов! – прошипела она.

– Мне не до фокусов, поймите, – заверил её Маркус, с неприятным чувством осознавая, что приёмы риторики в разговорах с клиентами, которым его когда-то обучили, вполне могут рассматриваться как уловки и приёмы, да именно так и рассматривались самими профессионалами сбыта. – Скажите, а что могло бы убедить вас, что я, в сущности, безобидный парень? У меня нет при себе оружия. Если хотите, я сделаю шаг вперёд – с поднятыми руками, разумеется, – чтобы вы могли меня обыскать.

Гвоздебойная машина взметнулась вверх.

– Стоять на месте!

– Хорошо-хорошо, я не сдвинусь. – Плана действий у неё не было, это ясно. Ситуация была ей не по силам. – Тогда другое предложение: я назову вам свою фамилию. Меня зовут Маркус Вестерманн. Я мог бы показать вам свой паспорт; он у меня в нагрудном кармане куртки. Деликатное место, ясное дело. Но если я пообещаю шевельнуть только одной рукой и очень медленно...

В этот миг жужжанье смолкло.

Глаза её расширились.

– Черт!.. – взревела она.

– Не беспокойся, Берниче, – донёсся из коридора другой голос. – Можешь опустить своё оружие. Я этого парня знаю.

Берниче опустила гвоздобойник и обернулась, фыркнув от негодования. Про взломщика она, казалось, и забыла.

– Ты что, рехнулась, в твоём-то состоянии!.. В постель!

– Угомонись.

Маркус не верил своим ушам. Этот голос!

В дверях показалась рука с вилкой кабеля, а затем и обладательница этой руки.

Это была Эми-Ли.

На сносях.

– Ты? – вырвалось у Маркуса, и он сразу вспомнил, где видел этот ландшафт и эту горную цепь. Не на фото. – Так это ранчо твоего отца?!

Но как это могло быть? Он ведь никогда не спрашивал, где именно они тогда были; а с момента его бегства из Bare Hands Creek ему бы и в страшном сне не привиделось, что он направляется именно сюда...

– Точнее говоря, *моё* маленькое ранчо, – сказала Эми-Ли. На ней была ночная рубашка,

а поверх неё – тонкий розовый халат. – Но поскольку мне его подарил отец, то да.

– Но как же... Я думал – здесь Farsight Institut. По крайней мере, на табличках так написано, и...

– Эми-Ли, ты здесь простудишься, – перебила Берниче.

– Мне не холодно. – Эми-Ли повернулась к мускулистой женщине. – Не могла бы ты на минутку оставить нас одних?

Теперь Берниче снова вспомнила про взломщика и злобно оглядела его.

– С этим типом? Здесь, внизу? Нет.

– Я обещаю, что через пять минут я поднимусь наверх.

– Ни в коем случае.

– Берниче!

Мускулистая женщина опустила своё оружие на пол.

– Пять минут. После этого я снова приду.

Эми-Ли оперлась о дверной косяк, сложив руки на своём огромном животе.

– Берниче – моя акушерка, – объяснила она. – Я хочу родить ребёнка дома.

Маркус кивнул.

– Весьма заботливая акушерка, должен сказать.

– Да, этого у неё не отнимешь. – Эми-Ли оглядела его с головы до ног. – Я даже не знаю, что сказать. Обнаружить тебя в моём подвале – это, пожалуй, самое последнее, чего я могла ожидать. И что же привело тебя сюда? Ты, кстати, выглядишь ужасно, Марк...

Тут Маркусу нечего было возразить.

– Это очень долгая история. Боюсь, в пять минут мне с ней не уложиться. – Он посмотрел на неё. – А ты выглядишь великолепно, если мне позволено будет это сказать.

– Спасибо, – холодно ответила она. – Однако как специалист по продажам ты должен знать, что не бывает ничего такого, что нельзя было бы объяснить за тридцать секунд. И так?

Она выглядела ещё лучше, чем когда-либо. Несомненно, это было связано с беременностью. Судя по её животу, она после его ухода очень быстро нашла своего *суженого*. И за отцовским благословением дело не стало.

Видимо, не подкачал с происхождением. Какой-нибудь Кеннеди, Рокфеллер, Буш или вроде того.

Маркус набрал в лёгкие побольше воздуха и выпалил:

– И так, в краткой форме: я ищу последнее изобретение моего отца. Некто, принимавший участие в его убийстве, сказал мне, что похищенные документы попали тогда в Farsight Institut. – Он указал на шкафы картотеки. – Возможно, где-то здесь. Если только я не заблудился.

– Вот видишь, уложился. – Она задумчиво огляделась. – Нет, я думаю, ты не заблудился. Я только сейчас начинаю понимать, как это всё взаимосвязано...

– Что ты имеешь в виду?

Она положила ладонь на живот и глубоко вздохнула.

– Уф-ф. Я тебе всё расскажу, и по мне так ройся в этом хламе сколько хочешь, но только не среди ночи... О Боже.

Маркус тревожно посмотрел на неё.

– Всё в порядке?

Она кивнула.

– Ничего-ничего.

– Эм-м, а скажи-ка... Не рискованно ли оказаться в такой глуши всего лишь с акушеркой? Ну, хотя бы отец твоего ребёнка мог бы... – Он запнулся. Неужто этот... отпрыск семейства Рокфеллеров, Кеннеди или Бушей мог её бросить?

– Отец моего ребёнка, – простонала Эми-Ли, – сейчас занят тем, что вламывается в чужие дома, которые одиноко стоят в такой глуши. И от него к тому же воняет так, будто он не мылся целую неделю.

Маркус смотрел на неё, и до него никак не доходило.

– Что?
Она закатила глаза.
– Да *ты* отец, чёрт тебя побери!
– Я? – Маркус засмеялся. – Как это может быть?
– Видишь ли, это связано с сексом. С тем, что так похоже на процесс бурения. Помнишь ещё, я надеюсь?
– По времени, я имею в виду, – пояснил Маркус. – Беременность длится... Сколько?
– Ровно девять месяцев. И по расчётам я должна была родить ещё вчера, – она погладила свой живот. – И после тебя у меня никого больше не было. Итак, либо отец ты, либо произошло медицинское чудо.
Маркус таранился на неё, подсчитывая:
– Сейчас у нас март... минус девять месяцев... Июнь! И в самом деле. – Неужто всё было так недавно? Ему казалось, что с того времени прошли десятилетия.
– В ту ночь, когда отключилось электричество, я думаю.
Маркус бросил на неё взгляд.
– Да.
Его охватила печаль, болезненное воспоминание о том моменте жизни вне времени и пространства, о чём-то, что было больше, чем оба они, больше, чем целый мир... Воспоминание о миге, про который они тогда не знали, насколько он прекрасен.
Эми-Ли снова сложила руки на животе.
– Но ты не должен чувствовать себя обязанным. Я справляюсь, как видишь. И подавать на алименты не буду, обещаю.
– Но я *чувствую* себя обязанным, – ответил Маркус. – То есть я... Я... Даже не знаю, что сказать. Ты исчезла, и...
– Я исчезла? Это *ты* ушёл, насколько я припоминаю. И когда я узнала о твоей аварии, мне сразу же сказали, что тебя не разыскать. – Она пожала плечами. – Но всё и так было ясно. В конце концов, я ведь сама во всём виновата.
– Что? Нет! Это было совсем не...
Эми-Ли стала кутаться в свой халатик.
– Ты не должен чувствовать себя обязанным, понятно? Я справлюсь. Я богатая женщина; уж если я не справлюсь, то кто тогда?
Маркус беспомощно смотрел на неё, не зная, что сказать. Ему хотелось встать перед её животом на колени, и то, что он испытывал это желание, потрясло его больше, чем всё остальное. Они зачали ребёнка. Тогда, в ту магическую ночь, когда мир остановился...
– А теперь идём наверх, – сказала она. – Тебе нужно принять душ, а мне надо спать. И я уже замёрзла.

– Я должна показать это мужу, – сказала Моника, когда Доротея дала ей почитать это предупреждение. – Он адвокат, ты это знаешь?
– О, – сказала Доротея. – Это было бы неплохо.
Друг Вернера по бывшему клубу внедорожников – клуб за это время прекратил своё существование – обещал позвонить, но с тех пор так и не объявился. Вернер уже жалел, что перезванивал ему, напоминая о себе и вынуждая его секретаршу врать.
У Габи тоже возникла идея.
– Повесь это на доску объявлений. Твоим покупателям это тоже будет интересно.
Доротею словно током пробилло при этой мысли. Может, это был азарт борьбы?
– Правильно, – сказала она, скопировала письмо и прикрепила его посередине доски, подложив под него лист ярко-красного цвета, несколько большего формата, чтобы лучше бросалось в глаза.
– Ну, это уже беспредел! – сказала первая же покупательница, прочитав это.
– Я им тоже напишу письмецо, но такое, что они его припрячут куда подальше! – возмутилась другая.

– Я расскажу мужу, – сказала третья. – Он в газете работает; он про это напишет.

Через три дня и в самом деле появилась статья в газете, которая в этих местах практически в каждом доме лежала на столе за завтраком. Статья была на целую полосу. Там рассказывалось о магазине Доротеи, с фотографиями. Потом следовало сообщение о предупреждении супермаркетов, приправленное фотографиями двух директоров, которые имели вид мрачных мафиози. И комментарий, неприкрыто призывающий к бойкоту.

Через две недели в магазине Доротеи появился молодой человек измученного вида. Он тёрся у полок, выжидая момент, когда в магазине не останется покупателей, и тут же подошёл.

– Госпожа Утц? Можно с вами поговорить?

Доротея, которая уже начала было наблюдать за ним, недоверчиво кивнула.

– Да вы ведь уже говорите.

Он волновался.

– Я из Дюффендорфа. Я новый директор «Fixkauf» и хотел бы, чтобы мы с вами уладили этот спор. Мы, естественно, отзовём это нелепое предупреждение и, если вы захотите, вы получите на блюде голову нашего юриста, который подбил нас на всё это, – только, пожалуйста, остановите этот бойкот. Мы и правда уже на пределе. Транспортные расходы поднялись настолько, что мы не справляемся... Бойкот свернёт нам шею.

И всё пошло как раньше, но в иные дни Доротея не могла отделаться от чувства, что она прячется в своём магазине, укрывшись от мира, который потерял управление и казался ей похожим на разлаженный часовой механизм, вот-вот рассыплется на части – на оси, пружинки и колёсики.

Новости она уже не смотрела. Выходила из комнаты, когда они начинались. Но соседи приносили ей газеты – в качестве упаковочного материала. Целый день заголовки маячили перед ней на столе, она заворачивала салатные кочаны в катастрофы, а морковку – в сообщения о банкротствах.

Каждый день разорялась какая-нибудь авиакомпания. А она и не знала, что их было так много. Туристические агентства предлагали поездки в основном на автобусах или по железной дороге; все каталоги, отпечатанные осенью, были объявлены недействительными; чартерные рейсы аннулировались. Кто хотел на Майорку, плыл на пароходе. Одна покупательница рассказывала о своей подруге, которая работала в аэропорту Пальма-де-Майорка и стала теперь безработной. А сам аэропорт превратился в павильон ужасов – призрачный, безжизненный и пустой.

Все больше было сообщений о странах, где служащие не получали зарплату, пенсионеры ждали свою пенсию, а пособия по безработице просто вычёркивались из бюджета. Во многих восточных странах экономика лежала в нокдауне, в Польше, Чехии, Греции, балканских странах государственные органы не могли собрать налоги, а если пытались добрать необходимое за счёт повышения ставки, это ещё больше удушало предприятия.

Когда Доротея читала такое, её охватывало предчувствие, что скоро всё то же самое начнётся и в Германии.

И Вернер намекал, что ожидается дальнейшее сокращение зарплаты. Официально это пока не объявлялось, но предугадывалось. Наряду со срывом контракта фирма имела проблемы с производством: один тип моторов больше нельзя было выпускать, поскольку не хватало одной детали. Чего-то вроде втулки из специальной керамики. Вернер, конечно, подробно объяснял ей, что это за деталь и какую роль она играет, но объяснял настолько многословно и с уходом в побочные процессы, что она вообще перестала что-либо понимать. Как бы то ни было, а без этой детали мотор не работал. Был один-единственный поставщик этой детали, обладавший к тому же патентом на неё, и тот разорился. Теперь отдел снабжения вертелся в поисках другой фирмы, которая могла бы производить эти керамические части, параллельно вёл лицензионные переговоры и готовил – на случай, если эти переговоры сорвутся – ходатайство об аннулировании патента ввиду его неисполнения... И такие вещи

якобы происходили теперь сплошь и рядом.

Всё было взаимосвязано. Именно как в часовом механизме. Вынь одну деталь – и часы перестают работать.

Больше всего её тревожило, что это коснётся и её магазина. Если она не получит товары, всё будет кончено. Если её покупатели не заработают достаточно денег, чтобы покупать у неё, тоже. Каждый был частью игры. И никто ни от чего не был защищён.

Однако Вернер смотрел на это по-другому. Каждый вечер он начинал с этого проекта ТДП. Когда приходило по рассылке сообщение фирмы о состоянии строительных работ, он распечатывал его и спускался с ним в кухню, чтобы прочитать вслух. Он мог часами разглагольствовать о дробильной установке, методах нагрева и так далее. Он питал прямо-таки страстные надежды на этот проект, и Доротее от этого было не по себе.

Послушать его, так рынок только и ждёт, когда появится угольный бензин, чтобы успеть обеспечить себя товаром. Все спешат опередить друг друга, поскольку о появлении угольного бензина уже объявлено. И скоро к ним поступят первые плоды проекта, – обещал он ей.

Только на это и осталось надеяться. Поскольку, если и дальше так пойдёт с ценами на бензин и сокращением зарплаты, скоро Вернер не будет зарабатывать себе даже на дорогу.

Основательно помывшись в душе, Маркус провёл короткую ночь в кровати для гостей, а когда поздним утром спустился вниз, обе женщины уже сидели за завтраком и спорили о том, не пора ли уже забыть о домашних родах и не поехать ли в клинику, чтобы ускорить их.

– Ещё не пора, – говорила Эми-Ли. – Время ещё терпит, я чувствую это.

– Ах, как я люблю эти разговоры про телепатическую связь матери с ребёнком, – с гадкой иронией отвечала Берниче. – Клиника-то не за углом, подумай об этом!

Маркус дал себя заметить, и ему тут же были поданы блины и в огромном количестве хороший кофе. Берниче извинилась за то, что чуть не пригвоздила его к стене, а Эми-Ли, как ему казалось, разглядывала его именно тогда, когда он на неё не смотрел.

Хотя, возможно, он принимал желаемое за действительное.

Кухня-гостиная была уютной: отделанная светлой древесиной, с прекрасным видом в сад и солидной мебелью того рода дерева, который от времени становится только лучше. За обеденным столом могло бы поместиться десять человек, так что на нём хватало места для множества варений, компотов и сиропов, которые он должен был «неприменно попробовать».

И, конечно, ему не удалось уклониться от подробного рассказа о том, как он сюда попал.

– Жуть, – сказала Эми-Ли, когда он закончил. – И ты даже понятия не имеешь, что это за изобретение?

– Ни малейшего.

– Тогда давай искать, – в её глазах блеснуло что-то от той голодной предприимчивости, которую он ещё хорошо помнил. Она поднялась, опираясь руками о стол.

– Эми-Ли! – запрочитала Берниче. – Тебе бы надо поберечься. Ты на девятом месяце беременности, пожалуйста, не забывай об этом. А если точно, так уже на десятом.

– Да, преждевременных родов уже не будет, это уж точно, – ответила Эми-Ли.

Она повела его через холл в кабинет, в котором уже давно никто не работал: на всех поверхностях лежала пыль, а на стене висел календарь 1992 года.

– Ты смотри-ка, – сказал Маркус, указывая на фирменный логотип.

То был рекламный подарок фирмы «Eurocontact». Каждый месяц был украшен символом какой-нибудь европейской столицы.

Эми-Ли уставилась на календарь.

– Постепенно я начинаю тебе верить.

– При том что сам себе я верю с трудом, – пробормотал Маркус. Подарок выглядел так простодушно, так неброско. Всего лишь фирма, которая завязывала контакты с Европой, ничего больше.

Эми-Ли выдвинула ящик стола, полный ключей.

– Может, мы и вправду найдём бумаги твоего отца, – сказала она, роясь в них. И достала

один ключ. – Вот. Каталог архива.

Она не преминула отправиться с ним в подвал. Всего там было шесть комнат, уставленных архивными шкапами, в одной из них и размещался каталог.

В выдвижных ящиках верхнего ряда хранились магнитные ленты и большие, гибкие дискеты на пять с четвертью дюймов.

– Ну, класс! – пробормотал Маркус. – Для таких теперь и дисковода не найдёшь.

– Ты начал не с того конца, – сказала Эми-Ли и выдвинула ящик в самом низу. – Маленький ребёнок может добраться только до нижнего ряда.

– Какой ещё ребёнок?

– Я, – ответила она. – Сон, который я тебе рассказывала однажды, помнишь? Это было не в Сиэтле. Это было здесь. – Она протянула ему большую, замусоленную карточку. Бледно-жёлтую, по краям разлохмаченную, с тонкими красными линиями.

И на самом верху было напечатано на машинке: «Вестерманн, Альфред».

– С ума сойти! – вырвалось у Маркуса. Он взял карточку у неё из рук.

В следующей строчке, немного налезавшей на верхнюю, было напечатано: «Остракция (Ш-2010, происхождение: „Eurocontact“)».

Он глянул на Эми-Ли, которая в этот момент с трудом разогнулась.

– Ты должна мне это объяснить.

Она оперлась о шкаф.

– Да. Видимо, должна. Итак, насколько я поняла то, что мне рассказывал папа, дело обстояло так: когда мама заболела, он привёл в действие все рычаги, чтобы ей помочь. Это была редкая болезнь, о которой мало что известно, поэтому он решил организовать её полное обследование. Сперва он искал университет, который взял бы у него деньги и провёл это обследование, но не нашёл. Потом он попытался учредить собственный институт, но не получил необходимых разрешений – как-никак, речь шла о бактериях и прочих опасных вещах. В конце концов он наткнулся на исследовательское учреждение правительства, от которого это правительство радо было избавиться.

Маркус указал на пол.

– Вот это самое.

– Оно. Тогда это был исследовательский институт, учрежденный президентом Картером. Институт занимался альтернативными энергиями и бактериями, которые могли бы разлагать масляный отстой и прочие вредные вещества. Администрация Рейгана хотела скинуть это дело со своей шеи. Но поскольку изначально учреждение считалось военной лабораторией, а вся долина представляла собой закрытую территорию, папе всё это и продали в комплекте.

Маркус вспомнил, как Ванг показывал ему свою долину.

– Твой отец говорил, что купил эту долину в попытке спасти твою мать.

– Только ничего не помогло. Она умерла ещё до того, как начались работы по переоборудованию.

Маркус огляделся, дивясь услышанному.

– И потом?

– С тех пор папиной ноги здесь не было. Сначала мне пришлось провести тут восстановительный ремонт.

– Невероятно. – Маркус помотал головой. – Даже не знаю, что и сказать.

Эми-Ли упёрлась ладонями в поясицу.

– Тогда давай не будем терять время и, наконец, докопаемся до этого изобретения.

Ну, это были уже мелочи. Римская цифра три означала номер архивного помещения. Маркус принёс ключ для шкафа с номерами 1-2999 и сразу же извлёк из нижнего ящика несколько толстых папок типа «Манила» и картонную коробку с надписью «Остракция».

Большая часть документов была написана по-немецки, частично почерком его отца, частично отпечатана на машинке. Он всё разложил на полу кухни-столовой, и обе женщины смотрели, как он читал эту кипу бумаг.

– «Остракция», – смог он наконец объяснить, – должно быть, сокращение от «осмотической⁵⁰ экстракции⁵¹».

– Вау, – сказала Эми-Ли. – Ну, хорошо, хоть объяснил.

– Изобретение моего отца, – продолжал Маркус, зачарованный тем, что он читал, – позволяет получать спирт практически из любых растительных отходов, которые в огромном количестве образуются в сельском хозяйстве. Причем спирт в качестве моторного горючего.

Теперь они поняли.

– Взамен бензина?

– Вот именно. Основной принцип такой: растительные отходы измельчаются и при помощи бактерий приводятся в брожение. Это процесс классический, примерно так варят пиво. Проблема всегда заключалась в том, что бактерии, производящие алкоголь, уже при сравнительно низком содержании алкоголя отмирают – они, так сказать, губят сами себя. И если надо было получить алкоголь, который годился бы для сжигания, его требовалось тщательно дистиллировать, а это процесс энергозатратный, затрачивать приходится больше, чем получаешь.

– То есть это нерентабельно.

– До сих пор цифры были неутешительны. Если этанол – так называют питьевой спирт – добывать из растительных материалов, на получение одного литра потребуется 36 тысяч килоджоулей энергии: на возделывание, удобрение, уборку урожая и главным образом на дистилляцию. А энергетическая ценность этого литра составляет всего 21 200 килоджоулей. Это значит, наши потери составят свыше сорока процентов.

– Ты говоришь: до сих пор? – встала Эми-Ли.

– Мой отец додумался вот до чего: если использовать отходы, которые накапливаются в сельском хозяйстве, – пустые стебли, наружные листья капусты, высевки, солома, всё, что *несъедобно* в кукурузе или в подсолнечнике, – то почти не потребуются дополнительных энергозатрат. Потому что эти культуры так и так сажают в продовольственных целях, не так ли? После этого нужно только обойти дистилляцию...

– «Только»?

Маркус кивнул.

– Тут есть одна хитрость. Мой отец нашёл путь получать спирт без дистилляции. – Он потянулся к картонной коробке, в которой они уже видели толстую, чёрную плёнку особенной структуры площадью с квадратный метр. Он поднял её. – Это плёнка, произведённая – ну, сегодня бы сказали – с помощью нанотехнологии. За счёт процесса осмоса она непрерывно экстрагирует из варёва алкоголь. У неё две стороны – одна рифлёная и одна гладкая. Варёво – на гладкой стороне, а на другой, рифлёной, выступает смесь из этанола и метанола, эта смесь ядовитая, если её выпить, однако в моторе она сгорает превосходно.

– Решение транспортной проблемы, – констатировала Эми-Ли.

– Вот именно. Алкоголь почти такой же энергоёмкий продукт, как и бензол, и может без проблем его заменить. К тому же сгорает он более экологично, а поскольку добывается из растений, не возникает дополнительной двуокиси углерода.

Берниче кашлянула.

– Может мне кто-нибудь объяснить, что такое «осмос»?

Маркус вытянул листок, на котором по-английски объяснялось несколько положений.

– Процесс диффузии между двумя растворами различной концентрации, которые разделены между собой полупроницаемой мембраной, – прочитал он. – Приведу наглядный пример: у нас в почках есть мембраны, через которые вода, мочевины и прочие нежелательные вещества из крови переходят в мочу, тогда как всё остальное остаётся там, где оно есть.

---

⁵⁰ Осмотический (от греч. осмос) – просачивание жидких веществ сквозь полупроницаемые ткани.

⁵¹ Экстракция – процесс разделения смеси с помощью растворителей.

Примерно так и можно представить себе этот процесс.

Эми-Ли наморщила лоб.

– Звучит подозрительно просто. Всегда спрашиваешь себя, почему до этого больше никто не додумался?

– На самом деле это не так просто, – сказал Маркус, раскладывая документы по темам в разные стопки. – Сам по себе процесс протекает лишь тогда, когда соблюдены определённые условия среды. И всё зависит от этой плёнки. Это в принципе высокосложная машина, которая в состоянии, так сказать, просеивать молекулы алкоголя, не пропуская при этом существенно более мелкие молекулы воды. Описание, как её произвести, – документ очень внушительный.

К концу дня Эми-Ли и Маркус сидели вместе на диване, а перед ними на ковре лежали документы. Маркус не заметил, куда девалась Берниче, да ему это было безразлично. С него достаточно того, что он сидит здесь и смотрит, как оранжево-красное солнце клонится к закату, заливая верхушки деревьев волшебным светом. Комнату, уставленную гигантскими растениями, наполняло тепло.

– И что ты собираешься теперь со всем этим делать? – спросила Эми-Ли.

Маркус задумчиво оглядел стопку бумаг – наследие его отца.

– Я думаю, в этом мой путь. Осуществить изобретение отца. Довести его до конца.

– Но ведь ты у нас не мастер на все руки. А кликать мышкой и изрекать заученные фразы – на этом далеко не уедешь.

– Время кликать мышкой, я думаю, и так прошло. А остальному можно научиться.

– И где ты собираешься это делать? И как?

«Хорошо бы здесь, – подумал Маркус. – У тебя».

– Ещё не знаю.

– Тебе понадобятся деньги.

– Конечно. Это тоже будет нелегко. Особенно если учесть, что я в полицейском розыске, в стране нахожусь нелегально и ещё кому-то задолжал.

– Ты сумасшедший.

– Наверное. – Ему хотелось обнять её. Но она с момента их новой встречи не допустила ни одного его прикосновения. Вот и теперь она сидела сама по себе, на другом конце дивана, раздутая самка, и в то же время была прекраснее, чем когда бы то ни было. – Я что-нибудь придумаю, – добавил он.

Она кивнула.

– Да уж наверное. Сюда же ты пробрался. И нашёл то, что искал.

«А что я, собственно, искал?» – спросил себя Маркус.

– Да, – сказал он. – Даже не верится.

Она подтянула к себе подушку.

– Может, ты хочешь уехать? Я могу позвонить Ксяю, он тебя подвезёт. Хоть завтра.

О'кей. Она хочет от него избавиться. Это тяжело, но, пожалуй, ему придётся с этим смириться.

– Вообще-то, я думал...

– Что?

– Ну. Раз уж в любой момент могут начаться роды, я хотел бы дождаться *нашего* ребёнка. Встретить его.

Эми-Ли отрицательно покачала головой.

– Мне эта идея не по вкусу.

– Я считаю, это самое меньшее, на что я мог бы рассчитывать.

– Но я этого не хочу.

– Но почему?

– Потому что это только вызовет ненужные чувства, и как знать, мы ещё наделаем глупостей. – В её голосе послышалась горечь.

Маркус посмотрел в окно, проследил взглядом за стайей птиц, сверкнувшей серебром.

– Это так или иначе вызывает чувства. Даже когда мы просто тут сидим.

– Забудь об этом.
Он помотал головой.
– Нет. Этого я никогда не забуду. Так же как не смог выбросить тебя из головы.
– Перестань, – резко сказала она.
– Я не хочу переставать. Хочешь знать, чего бы я хотел? Сидеть рядом с тобой, пока мы не состаримся и не поседеем. Вот чего я хочу.
Эми-Ли отвернулась и невесело рассмеялась.
– Мужчины!.. Ты просто видишь мой большой живот, и от этого у тебя идёт выброс гормонов, вот и всё.
– Я вижу *тебя*. И у меня в голове не укладывается, как я смог тогда уйти.
– И правильно сделал, что ушёл. Я была такая дурочка. Такая ветреница, из тех, что гордятся, когда мужчины пялятся им в декольте.
Воспоминание о том, с какой лёгкостью он тогда, в тот день в Нью-Йорке, перевёл стрелку своей жизни, захлестнуло Маркуса.
– Всё было бы иначе, если б я не ушёл... – прошептал он. Потом он вспомнил, что стояло за его уходом и, наверное, сыграло свою роль. – Надо было мне выдать Блока твоему отцу.
Эми-Ли медленно кивнула.
– Да. Блок. Его проклятый метод.
Несколько секунд было тихо. Слышалось мягкое потрескивание, как будто древесина расширялась.
Потом он услышал её слова:
– Отец требовал, чтобы я сделала аборт.
Маркус похолодел.
– Что?
– Он сказал, что это будет... – Она помотала головой, отгоняя слёзы. – Ах, да что там. Не хочу даже повторять.
Маркус протянул руку, коснулся её плеча, но она отстранилась.
– И потом? – спросил он.
Она пожала плечами.
– Это был разрыв. Не было никакой особой ссоры. Я просто уехала в Сиэтл, где у меня были друзья. Берниче, например. Впоследствии мы с папой сошлись на том, что он отпишет мне часть своего состояния, а я за это буду поддерживать с ним контакт. После этого я переехала сюда. – Она судорожно втянула воздух. – Может, когда родится ребёнок, будет лучше. Если я увижу, что он его примет. Но так, как раньше, уже не будет никогда... Да и зачем? Теперь, оглядываясь назад, я не понимаю, как я могла быть такой дурой! Что я с собой сделала?! И при этом считала себя такой умной. Женщина, которая умеет жить. Какая чепуха! Но это я поняла только тогда, когда впервые ощутила в себе ребёнка. Это изменило всё.
Маркус разглядывал круглый красный ковёр, смутный узор на нём и чувствовал, что должен сказать это сейчас, иначе не скажет уже никогда.
– Эми-Ли, я хотел бы остаться с тобой. Или взять тебя с собой. Как угодно, лишь бы мы были вместе...
Она отрицательно покачала головой, сжав губы.
– Нет. Ничего хорошего из этого не выйдет.
– Но почему?
Она обхватила себя руками, глубоко вдохнула и тихо, проникновенно сказала:
– Потому что ты никогда не забудешь, что я лишь притворялась перед тобой. Что я брала тебя на наживку, чтобы сделать гешефт. Что я тебя *использовала*. Ты всегда будешь помнить об этом, – и как бы ты смог мне после этого доверять? А если мы не будем доверять друг другу, мы не будем счастливы.
Маркус вспомнил их первую встречу, их двусмысленный разговор о буровых вышках и о промывочных жидкостях.
– Знаешь что? Всё это я, в общем, знал. Всё это было слишком безумно и вычурно, чтобы

быть настоящим. Но главное вот что: это не было для меня аргументом. Я просто хотел с тобой спать. Честно говоря, тогда я хотел спать хоть с какой-нибудь женщиной, и ты мне просто подвернулась. У меня к тому времени уже целую вечность не было секса, я был весь набит тестостероном до корней волос... Мне было всё равно, по каким причинам ты ложишься со мной. Главное, ложишься. И секс, честно, был тогда для меня игрой, в которой так или иначе один должен обдурить другого. Секс – это обоюдное использование друг друга. – Это признание хлынуло из него потоком, и он не мог его остановить. Да, так было. Но теперь это не так. – Он робко поднял на неё глаза. – Таковы мужчины. Боюсь, это заводской брак, ошибочная установка по умолчанию.

Она скептически оглядела его.

– Я уже не та женщина, какую ты знал.

– Я тоже больше не тот мужчина, какого ты знала.

– Весь следующий год я, скорее всего, буду крутиться вокруг этого ребёнка. Стану настоящей насадкой. Именно такой бабой, каких я раньше на дух не переносила.

– Я даже боюсь представить, что это маленькое существо сделает со мной.

– Никаких вечеринок, никаких вернисажей, никаких танцев до утра. Со всем этим покончено.

– Они и раньше-то выматывали силы.

– Никаких пилюль. Никакого кокса. Ничего крепче красного вина.

– А ещё твои ужасные старые пластинки, которые ты хранила.

Она даже засмеялась.

– Я их и сейчас ещё храню.

– Тогда давай поженимся, – сказал он и почувствовал в себе сумасбродное, головокружительное напряжение, безумную надежду: вдруг она согласится?

– О'кей, – сказала Эми-Ли.

– Прямо сейчас.

– Ты сумасшедший.

– Тебе лучше привыкнуть к этому с самого начала.

Берниче как громом поразило, когда Эми-Ли заявила ей, что выходит замуж, да к тому же немедленно, тотчас. Да они просто рехнулись! И как же они собрались это делать? Она ни за что не позволит, чтобы Эми-Ли сегодня вечером выходила из дому, тем более для такой дальней поездки на машине; только через её труп.

– Позвони Ксяю, – воскликнула Эми-Ли. – Пусть разыщет чиновника из ратуши и привезёт сюда.

– Из ратуши? Да где же он его найдёт в такое время? Ведь вечер пятницы!

– Вот и хорошо, – ответила Эми-Ли. – Значит, он уже ничем не занят.

Бормоча проклятия, Берниче ушла и где-то в глубине дома звонила, а Эми-Ли тем временем развернула кипучую деятельность. Она поставила охлаждаться две бутылки шампанского. Сунула в тостер хлеб, достала баночки с паштетами и принялась делать бутерброды. Посреди этого Берниче принесла ей телефон: она разыскала мирового судью, и тот хотел побеседовать с Эми-Ли.

Она объяснила ему положение дел: на сносях, неожиданно откуда ни возьмись появился отец ребёнка, ни о чём даже не подозревая, все счастливы – единственное, чего недостаёт, это помочь ребёнку родиться в законном браке.

– Ты невероятная, – шепнул ей Маркус в свободное ухо.

– Он говорит, по закону это возможно, – передала ему Эми-Ли, – если у тебя есть при себе паспорт...

– Он у меня в куртке.

– ...и если мы заплатим семьдесят долларов пошлины...

– Мы можем, нет?

– ...и если у нас есть два свидетеля. Пусть это будут Ксяю и Берниче. Ты не против?

Маркус поднял руки.

– Я ЗА всё.

– У нас нет колец, – вспомнила она.

Маркус задержал дыхание.

– И правда нет. – Ему было интересно, что сейчас будет. Разыщет ли ювелира или всё отменит?

Ни то, ни другое.

– Неважно, – сказала она в телефон. – Кольца не самое главное. Просто приезжайте.

Потом она потянула Маркуса с собой, распахнула дверь в нежилую, застоявшуюся комнату и сказала:

– Надо всё подготовить.

И он пылесосил, проветривал, двигал мебель, установил стол и пять стульев, справа и слева от стола поставил по одному растению, торшер.

Мировой судья прибыл в половине десятого вечера и был крайне озабочен. Вид импровизированного зала регистрации лишь незначительно поднял ему настроение. Коротко кивнув, он выложил на стол потёртую папку, достал из неё документы, печати и прочий необходимый инвентарь.

– Это вы брачующаяся пара? – сдержанно спросил он Маркуса и Эми-Ли и, когда они это подтвердили, сказал: – Хорошо. Тогда давайте начнём.

Он был неказист и сутул, казался заскорузлым, как крестьянин, однако дело своё знал. Он проверил паспорта, не поленился разобраться в европейском паспорте Маркуса, записал имена свидетелей, заполнил свидетельство о браке и после этого произнёс речь, очень впечатляющую – и всё это, вся процедура, которая тут совершалась, была словно водоворот, в который затянуло Маркуса. В какой-то момент его спросили, хочет ли он взять себе в законные супруги присутствующую здесь Эми-Ли Ванг, и он заглянул ей в глаза, которые были и юными, и вместе с тем мудрыми, и сказал «да», и всё пошло дальше, и она сказала ему «да», и потом этот угрюмый, неказистый человек объявил их мужем и женой.

Один вздох спустя, не успев поцеловаться с мужем, Эми-Ли вскрикнула, и на ковёр между её ног полился поток прозрачной жидкости.

– Ну вот! – довольно воскликнула Берниче. – Лопнул плодный пузырь.

Она взяла новоиспечённую миссис Вестерманн под руку и вывела её из комнаты, приговаривая что-то успокоительное.

Ксяо сохранял азиатскую невозмутимость и поздравил Маркуса подходящими к случаю словами. Судья взял приготовленный бокал шампанского, опрокинул в себя его содержимое и заявил:

– Да, много я повидал на своём веку, но такого ещё не случилось.

Глава 50

Маркус простился с Ксяо и мировым судьёй, а когда снова вернулся в дом, у Эми-Ли начались роды, при виде которых он потерял самообладание. Её тело словно терзали демоны, и он разом позабыл всё, что знал о родах раньше. К счастью, Берниче была само спокойствие – непоколебимая скала среди прибоев. Она уговаривала будущую мать, а для обезумевшего отца постоянно находила какое-нибудь неотложное дело.

Маркус не заметил, как начался новый день и на небо выползло солнце. Он видел и слышал только Эми-Ли: она обливалась потом, и кричала, и изрыгала проклятия, и её сотрясали силы, которые были по ту сторону её сознания. А Берниче знай приговаривала:

– Молодец, Эми-Ли, хорошо стараешься, умница.

И, наконец, свершилось чудо. Девочка. Крошечная и перепачканная кровью, сморщенная, страшенькая и просто чудесная, она лежала на груди у Эми-Ли – человеческое существо в миниатюре, у которого всё уже было на месте. Она сжимала кулачки и протестовала изо всех сил, когда огромная Берниче, довольно сюсюкая, хлопотала над нею.

Только теперь Маркус заметил, что плачет, всхлипывает и совершенно обессилен. При том что он ведь ничего не делал! Кроме того, что держал Эми-Ли. «Как смешно называть мужчин сильным полом», – думал он.

Тишина, возникшая затем, была полнейшим умиротворением. Они лежали в чистой постели, все трое, дитя было выкупано, накормлено и завернуто в мягкие пелёнки, и усталость опустилась на них, непреодолимая, как земное тяготение.

– Чудо, чудо, – бормотал Маркус, погружённый в созерцание непостижимо крохотного пальчика своей новорождённой дочки.

– Ты уже в двадцатый раз это повторяешь, – сонно сказала Эми-Ли.

Он чувствовал улыбку на своём лице. Это стало происходить с ним в последние часы само по себе.

– А я так думаю, что в сотый.

Он вдыхал аромат младенца. Дитя пахло молоком. Ещё какими-то присыпками и шампунем. Берниче руководила им во время купания ребёнка, и он даже не наломал при этом дров.

– Как мы её назовём? – спросила Эми-Ли.

Маркус подумал.

– Джой.

– А я хотела Кэролайн. Как мою мать.

– Тоже красиво. – Он мысленно проговорил оба имени, пытаясь представить себе, как это будет – звать ребёнка, который забегался в сад и не хочет идти в постель. – Давай возьмём оба имени.

– Джой Кэролайн Вестерманн?

– А что, звучит хорошо.

– Да. Звучит хорошо.

Хунг Ванг явился с визитом через день. Маленький и тихий, он стоял перед дверью и ждал, когда его попросят войти. Он заметно постарел с тех пор, как Маркус видел его. Кожа потемнела, и вид у него был изнурённый, как у человека, который много работает.

Но может, он и всегда был такой, а Маркус только теперь это заметил.

Никакой размолвки между отцом и дочерью не чувствовалось; они приветствовали друг друга с тем азиатским самообладанием, которое Маркусу, наверное, никогда не разгадать. По крайней мере, Хунг Ванг ни слова не проронил по поводу их внезапной женитьбы, хотя он, без сомнения, знал о ней от Ксяо.

Однако при виде внучки он явно растрогался, а когда он узнал её имя, то потерял дар речи. Он сел у кровати Эми-Ли, взял её за руку, долго смотрел в пустоту и наконец тихо сказал:

– Знаешь, в последнее время я понял, что далеко не всегда и не всё делал правильно. Это понимание для меня совершенно внове. – Он кивал, погрузившись в воспоминания. – Нет. Действительно, я многое делал неправильно. Очень многое.

Маркус почувствовал, что они хотят побыть наедине. Он сказал, что пойдёт поставить чай, и отправился на кухню.

Через некоторое время туда пришёл и Ванг.

– Она уснула, – сказал он и сел на табурет у кухонной стойки. – Ей, наверное, пока ещё тяжело, да?

– Да, – кивнул Маркус, налил пиалу чаю и протянул ему.

Ванг пригубил.

– Что это за изобретение, о котором рассказала Эми-Ли?

Маркус объяснил. Старик внимательно его слушал.

– Спирт, – сказал он. – Гм-м.

И больше ничего. Он пил чай мелкими, осторожными глотками, потом снова подставил пустую пиалу Маркусу и, пока тот подливал, спросил: как, собственно, так получилось, что он

снова очутился здесь?

И Маркус всё подробно рассказал. Ванг кое-что переспрашивал; в особенности его интересовало, что именно Таггард говорил ему о своей деятельности в «Eurokontakt».

– Да, – сказал он наконец. – Вот оно, значит, как. Они во всеуслышание борются с международным терроризмом везде, а в собственном доме его не видят. Соринка в чужом глазу – и бревно в собственном.

– Вы думаете, за всем этим скрывается заговор?

Ванг отрицательно покачал головой.

– Если бы так. Заговор-то можно раскрыть, заговорщиков под суд – и все дела. Нет, я боюсь, всё гораздо хуже. – Он отпил глоток чаю, подумал. – Это своего рода мафия. Она имеет в этой стране давнюю традицию. Отцы-основатели и идеалы, которые они вписали в Декларацию независимости – жизнь, свобода, стремление к счастью и так далее, – это светлая сторона американской истории. Но, к сожалению, не единственная. Мафия, *Cosa Nostra*, китайские Триады – это тёмная сторона. Вне этого аспекта историю этой страны не понять.

Маркус поднял крышку чайника, чтобы посмотреть, сколько там ещё осталось.

– Приходилось ли вам самому иметь дело... с такого рода людьми?

– Мой бизнес всегда был связан с Китаем, – ответил Хунг Ванг, чуть ли не развеселившись. – Ты думаешь, это обходилось без взяток? Без ножей, без крови, без угроз? – Он задумчиво покачал своей чашкой. – Самое коварное то, что такие структуры развиваются сами по себе. Задатки к этому я обнаружил и в себе. Допустим, у тебя есть хороший знакомый, который занимает влиятельное положение, а ты можешь оказать ему услугу и оказываешь. И однажды ты сам попадаешь под давление и просишь об услуге его, в обход закона, ну всего лишь чуточку в обход... Так всё и начинается.

– Понятно, – кивнул Маркус.

– Это не заговор. Это такая штука: «Так-делают-все». Плесень, которая разрастается там, где люди не видят смысла в морали, не видят смысла в собственном достоинстве. – Ванг допил чай. – Хотел бы я знать, как с этим бороться.

На этом созерцательный момент закончился, и перед Маркусом снова предстал прежний Хунг Ванг – деятельный, пышущий энергией. Он встал, сделал несколько шагов к террасе, повернулся и сказал:

– Это изобретение твоего отца... Нефть оно не заменит. Надеюсь, это понятно?

Маркус пожал плечами.

– Достаточно будет, если оно заменит бензин.

– Это тоже делу не поможет. Ты не отдаёшь себе отчёта в порядке величин. – Он принялся ходить взад-вперёд, орудуя пальцами, как счётами. – Сейчас в мире есть приблизительно, ну, 800 миллионов автомобилей. Ради простоты допустим, что все они легковые, и каждый пробегает за год, скажем, 20 тысяч километров. Всего это будет 16 триллионов километров пробега. Пусть в среднем расход каждого автомобиля на сто километров пробега составит 7 литров, это даст нам потребность в горючем чуть больше триллиона литров в год. – Он остановился. – Триллион, ты понимаешь? Миллион миллионов литров.

– Да. Понимаю, – сказал Маркус. Это произвело на него впечатление.

– Несколько лет назад я немного поиграл с мыслью купить фирму, которая производила из кукурузы промышленный спирт. Главным образом в качестве дополнительного горючего, кстати. Знаешь, сколько спирта они получали с одного гектара кукурузы? Целых три тысячи литров. Гектар, кстати сказать, это десять тысяч квадратных метров. И чтобы получить эти три тысячи литров спирта, требовалось десять тысяч литров бензина только для того, чтобы возделывать землю, внести удобрения и собрать урожай; это даже не учитывая дистилляцию.

Маркус непроизвольно сглотнул.

Ванг кивнул, сощурившись.

– Так выглядит реальность. Ясно, можно делать это при помощи такой плёнки, но ты должен отдавать себе отчёт, что этот продукт займёт на рынке лишь узкую нишу. А большое

колесо будет вертеться где-то в другом месте.

И тут же к Маркусу вернулось старое чувство, что он существует где-то на обочине настоящей жизни.

– И где же? – спросил он.

– У нас кризис. Повсюду цитируют, что китайский иероглиф для обозначения кризиса – тот же самый, что и для обозначения шанса. И это даже правда. Карты сейчас тасуются заново. Возникают возможности, каких не было в нормальные времена – за них надо только ухватиться! – Он хитро сощурил глаза. – Я вовремя, ещё до коллапса, вложил в акции фирм, которые строят атомные электростанции. Их курс в первые же недели проломил потолок. И я успел вовремя соскочить – ещё до того, как массе инвесторов стало ясно, что и урана хватит не навечно. И что лет через тридцать-сорок предстоит пережить ту же драму. Только эти отходы будут намного опаснее, чем какой-то выхлоп, остающийся от нефти. – Он постучал пальцем по груди Маркуса. – За последние полгода я удесятерил своё состояние. Огромный капитал, который я вложу в ядерный синтез. Синтезировать водород в гелий – это энергия звёзд. По нашим человеческим масштабам поистине неисчерпаемая. Тот, кто обуздает эту силу первым, будет держать в руках будущее человечества.

Маркус с сомнением смотрел на своего тестя.

– Но ведь в этом направлении бесплодно бьются уже десятки лет?

– «Бьются» ни шатко, ни валко. Пару миллионов сюда, пару миллиардов туда. Больше вложено в моторы для «Формулы-1», в кошачий корм или в бритвенные лезвия, чем в термоядерные исследования. – Ванг положил руку на плечо зятю. – Вы теперь – молодая семья, вы должны поначалу побыть вместе. Но через полгода или около того... Подумай. Я как раз сейчас завариваю эту кашу. И знаешь, где? В Китае. Там сейчас многое изменилось. Старые бетонные головы вымерли, а новые вожди мыслят жёстко экономически. У меня там уже участок с лучшими условиями, с минимальным налогообложением, с доступом к мастерским и поставщикам. В скором времени я снова полечу туда: надо согласовать ещё множество деталей договора. Но это будет ведущий в мире центр исследований, поверь мне. Там мы будем строить будущее.

Позднее к ним пришла Эми-Ли, и они говорили уже только о ребёнке, который тоже вскоре проснулся и заплакал, требуя материнского молока. В конце концов Ванг простился.

И Маркус ощутил, как в его жилах, словно наркотик, снова загорелся прежний, сладкий голод по великому и грандиозному.

Прошла первая неделя привыкания, не самого лёгкого. Чудесная, крошечная малышка нещадно вырывала их из сна по нескольку раз за ночь, выпутывалась из пелёнок и раскрывалась, наполняя свои подгузники странными продуктами, вязкой массой, клейкой, как смола, которая насилию оттиралась лишь с огромным количеством детского масла и громадным расходом бумажных салфеток. Едва они научились управляться с этой массой, как за ней последовал жидкий стул, который размазывался по всему телу, источая невероятную вонь и требуя немедленного купания.

Запасы комфортабельных памперсов с удобными липучками быстро подходили к концу. Их, как объяснила Эми-Ли, тоже было трудно достать, даже за большие деньги. В обозримом времени придётся возвращаться к матерчатым пелёнкам.

– Я обзвоню всю округу, может, удастся раздобыть хотя бы прокладки из целлюлозы, – со вздохом сказал Маркус.

То были трудные дни и изнурительные ночи, и казалось, что один ребёнок создаёт слишком много проблем для троих взрослых. А потом Берниче пришла пора возвращаться в Сиэтл; долгая и полная по новым временам опасностей поездка, хоть Ксяо и отвёз её до остановки автобуса, а автобусы сопровождали вооружённые охранники.

Но и без Берниче они как-то выдержали первый день. Вечером, когда Джой Кэролайн наконец уснула, Эми-Ли пришла к Маркусу в кабинет, где он расположился со своими документами и чертежами, не слишком, впрочем, далеко продвинувшись за эти дни.

– Привет, муж, – сказала она и упала в старое кожаное кресло.
– Привет, жена.
Она взглянула на лежащие перед ним бумаги.
– Ведь именно этого ты и хотел, не так ли? «Other people's ideas», которые ты осуществишь при помощи «other people's money».
Маркус кивнул.
– Только на сей раз мне не обойтись без пары по-настоящему хороших собственных идей. И спасут ли они положение, – в этом я как раз начинаю сомневаться.
Она наморщила лоб.
– Почему так?
Он указал на телефон.
– Я тут много названивал. И результат... Ведь плёнка для остракции – продукт высоких технологий. А хай-тек на последнем издыхании. Недостаток энергии, недостаток спроса, что там ещё? – Он подвинул к себе блок с записями. – Фирмы, которая в своё время изготовила этот кусок плёнки для моего отца, давно не существует. И некому её заменить. Исходных материалов не найти, и, как я выяснил, машины, на которых можно было эти исходные материалы произвести, тоже больше не раздобыть.
Эми-Ли нахмурилась.
– Плохо дело.
– Концепция гениальная, – сказал Маркус, – но мы слишком поздно спохватились. Технические возможности упали настолько, что такую пленку больше не производят.

Глава 51

Министр экономики защищал своё решение приостановить использование стратегических резервов нефти. Он следовал рекомендациям Международного агентства по атомной энергии.

– Это не имеет смысла, – объяснял он кучке журналистов, – поддерживать на прежнем уровне расход бензина за счёт всё большего использования запасов. Придётся приспособливаться к новым условиям, их не обойти.

Последовал ливень вопросов, из которых выделялись такие слова, как «разъездная работа», «дорога на работу», и «транспортные расходы».

– Вот что я вам скажу: если мы продолжим использование резервов, каверны нефтехранилищ к концу года опустеют. И что тогда? Что нам делать, если и у полиции больше не будет бензина? У вооружённых сил? Если надо будет строить электростанцию – и не будет дизельного топлива для строительных машин?

Пополнение резервов, объяснил он, невозможно. Для этого потребовались бы закупки в таких масштабах, что цена нефти именно из-за этого сразу бы выросла.

– Таково положение дел на сегодня, – добавил он. – Надо подождать, что принесут нам те разнообразные проекты, которые ведутся во всём мире. Уже в июле на нашем рынке появится угольный бензин, он разгрузит положение с обеспечением. В Канаде приступили к промышленной разработке нефтеносного песка бухты Атабаска...

Это, конечно, был проект, вызвавший большие споры. В теории нефтеносный песок канадской провинции Альберта представлял собой месторождение, по величине второе в мире после саудовских – а может, и вообще самое крупное, – однако добыча нефти из перемазанного битумом песка требовала такого гигантского количества пресной воды, химикатов, а также энергии, что критики говорили о заведомой крупномасштабной экологической катастрофе с весьма сомнительной к тому же доходностью. Когда по телевизору показывали картинку чудовищных карьеров вдоль реки Атабаска, казалось, что видишь чужую планету или кошмар.

Цены на бензин продолжали расти, в чём бульварная пресса обвиняла поочередно

правительство, нефтяные концерны или «шейхов». Первое преодоление отметки в пять евро за литр бензина «супер» антиглобалисты восприняли как повод устроить на площади перед зданием рейхстага праздник под девизом «Forget Globalization!»

– Рост цен на нефть – это конец глобализации! – заявила многочисленным камерам привлекательная, одетая в соответствии с ранними летними температурами пресс-спикер мероприятия. – Только дешёвая нефть допускала дешёвые перевозки, которые, в свою очередь, отнимали у региональных производителей географические преимущества перед большими концернами. Если яблоко, привезённое из-за моря, может стоить дешевле яблока, которое крестьянин снимает с дерева у своего порога, это разрушает локальные хозяйственные структуры и цементирует эксплуататорские отношения. В выигрыше при этом тот, у кого больше капитал, а остальные проигрывают.

Большинство съёмочных групп были довольны этим высказыванием и хорошими видами на вырез спикерши. Но один комментатор всё же спросил, а как же быть с медикаментами, удобрениями и тому подобным, ведь из-за дорогой нефти это тоже подорожает, а для развивающихся стран станет просто недоступным.

– Тут вы должны отдавать себе отчёт, кто за это в ответе. Ведь именно дешёвая нефть со всеми её продуктами привела к стремительному росту населения в тех регионах, где столетиями высокую рождаемость компенсировала высокая детская смертность. В последнее время люди там в принципе питались нефтью – в форме промышленно произведённых продуктов питания, главным образом из США. Которые были зачастую дешевле того, что производили местные крестьяне, так что они становились даже безработными. Другими словами, из-за дешёвой нефти и связанной с этим политики были привлечены огромные массы дешёвой рабочей силы, которым больше ничего не оставалось, как за минимальную плату работать на большие концерны. В итоге в этих странах ещё до «Peak Oil» стало хуже, чем раньше, но это вина тех, кто отвечал за такое развитие. И если теперь они, из-за дорожающей нефти, лишатся таких возможностей, это будет первый шаг к улучшению ситуации.

Пришло необычайно раннее, пылающее зноем лето, а с ним и известия о засухах, неурожае и голоде во многих странах у экватора. Пошли призывы к пожертвованиям, и эти жертвования собрали такие суммы, которые вызывали удивление ввиду проблем у собственного порога.

Затем случился скандал: организация, оказывающая помощь, закупила на собранные деньги продовольствие для голодающих районов Судана, а эти продукты заплесневели в складских помещениях итальянских и испанских портов, потому что их не смогли увезти в затронутые бедствием районы. Вид раздутых мешков с зерном и мужчин, которые в респираторах рылись в почерневших коробках, вызвал шок.

Военные обещали транспорт, но потом отказали, объяснил руководитель организации, которого с трудом отыскала одна съёмочная группа. А у них самих якобы больше не осталось денег.

Несколько дней все новости вертелись вокруг этой темы. Вмешается ли теперь Европейский Союз и доставит ли продовольствие в голодающие районы? Комиссия отвечала уклончиво. Мол, это рассматривается, производятся проверки, соответствующий комитет вникает в состояние дел.

Потом голод в Африке разом исчез с экрана, и другая тема возобладала в ток-шоу и в заголовках газет: либерализация телевидения. Так больше не может продолжаться, заявила группа влиятельных политиков, чтобы телевидение и дальше было связано путями предписаний, программы должны свободно приспосабливаться к вкусам и запросам публики. Мол, ни в какой другой отрасли такой несвободы нет.

Как обычно, газета «Bild» выразила эту инициативу одной фразой: «Впредь порно-ТВ с двадцати трёх часов?»

По всей стране не обсуждалось больше ничего другого. Больше каналов или меньше? Отмена платы? Платное телевидение? Каналы с контролем доступа? Многие каналы

бросились закупать фильмы индийского производства, бразильские и мексиканские сериалы, пока они ещё были по доступной цене. Дискуссии ещё продолжались, а некоторые каналы уже посмели вторгнуться в запретную доселе область, последовали жалобы, протестные акции озабоченных родителей.

Для известий о голоде в программах больше не находилось места.

Всё хуже обстояли дела с почтой. Письмо от Маркуса шло целых шесть недель. Но хорошее письмо, с фотографиями. Особенно позабавили Доротеею даты на фотоснимках: вот свадьба, а вот – на следующий день – дитя. Не слишком ли быстро? Впрочем, Маркус всегда старался всех опередить.

Эта Эми-Ли была мила, если судить по фото. Азиатские черты лица, ясно, но как-то они подходили друг другу, решила Доротея. Она была довольна, что брат к чему-то наконец пришёл. Она ему тоже напишет. Или позвонит, это будет быстрее. На вложенной карточке, правда, значился электронный адрес, но Интернет сейчас работал ненадёжно. Вернер уже рассказывал, что на фирме для отправки важных документов они снова извлекли на свет божий факсовые аппараты.

Но самым восхитительным было, конечно, фото маленькой Джой Кэралайн. Что за прелестное дитя! Доротея прикрепила фотографию у кассы, чтобы можно было целый день поглядывать, а когда кто-нибудь спрашивал, кто это, она отвечала:

– Моя племянница. В Америке.

Как это звучало!

Дела в магазине шли всё лучше. Доротея приняла ещё двух женщин, чтобы держать его открытым целый день и чтобы не запыхаться в часы наибольшей нагрузки – да, уже были и такие часы! Вторую кассу, подержанную, она недорого купила через Интернет, когда он ещё работал так, что на него можно было положиться.

И теперь она задумала очередной проект. Она заметила, что этой весной многие вскопали часть своих декоративных садиков, чтоб посадить там овощи и салат. С этим наблюдением совпало сообщение в газете, что строительные и садовые рынки бойко торгуют садовым оборудованием, семенами и рассадой, строительными комплектами для теплиц.

Она поговорила с деревенскими владельцами садов и огородов о том, не смогут ли они продавать часть урожая магазину. При этом она узнала, что многие не очень-то справлялись с огородом. Салат пожирала улитки, морковь росла кривая, петрушка погибала, редька деревенела. Это навело её на мысль организовать курсы.

Для этого ей, конечно, пришлось найти человека, который не только разбирался бы в выращивании овощей и фруктов, но умел бы и передать свои знания. Большинство крестьян, которых она знала, для этого не годились: все они были ворчунами, у которых не хватило бы терпения возиться с непутёвыми горожанами.

Она как раз заворачивала одной покупательнице – пожилой даме, которая приходила каждый день, но подкупала гомеопатические дозы – три морковки и салатный огурец, когда зазвонил телефон. Обычно в таких ситуациях она не подходила, и включался автоответчик, но поскольку сейчас она как раз ждала звонка от молодого агронома Тома Ханнена, которого ей порекомендовали и который писал статью об экологическом земледелии, она сказала покупательнице:

– Извините, я должна подойти.

Пожилая дама кивнула.

– Идите-идите. А я пока подумаю, не взять ли мне ещё и помидор.

Это был не Том Ханнен, это была Габи.

– Ты уже слышала?

– Что? – спросила Доротея.

– Значит, ты ещё не знаешь. У меня в магазине только что одна покупательница сказала, что «Fixkauf» в конце месяца закрывается!

– Не может быть, – сказала Доротея.

– Я позвонила в ратушу Дуффендорфа и спросила, и знаешь, что они мне сказали? Что «EuroCenti» тоже закрываются. С первого числа следующего месяца вся тамошняя торговая зона вымирает. – Она засмеялась. – Доро, мы их пережили!

– Боже мой, – пролепетала Доротея. Ей было не до смеха. Люди же сметут её будочку.

Не говоря уже о том, что во всей округе в радиусе тридцати километров больше не было ни одной бензоколонки.

С каждой неделей становилось легче. Ощущение чрезвычайной ситуации ослабевало, усталость проходила, и когда его дочка, скосив глаза, улыбалась ему, Маркус был счастливейшим человеком на свете.

Это чувство, правда, отступало, когда он приходил в кабинет. Чаще всего он просто сидел там, вновь и вновь просматривая те же чертежи, эскизы и расчёты, и счастливым его назвать было нельзя.

Это было безнадежно. А ведь он составил план, настоящие проектные документы, как его учили в институте, со спецификациями, календарным графиком и технологическими картами. Раздобыть лошадь, плуг и борону и возделывать поле. Места у них достаточно; соседский фермер покажет ему, что к чему. Потом посеять всё возможное: кукурузу, зерновые, овощи, подсолнечник и так далее, чтобы было чему забраживать. Оборудовать мастерскую. С этим следовало даже поспешить, потому что всё труднее становилось приобрести специальные инструменты, даже за большие деньги.

Но до сих пор ничего из задуманного он не сделал. Ничего. В мастерскую он даже ни разу не зашёл!

Ясно, малышка. Но дело не в ней. Этой отговорки хватит ненадолго.

Нет, это было чувство, что он только зря потратит время с этим проектом. Он постоянно думал о том, что сказал ему старый Ванг. Как он всё просчитал с этим триллионом литров спирта в год. Абсолютно утопично. Ему бы следовало самому до этого додуматься.

И заманчиво было то, что начал Ванг. Воздействовать на будущее. Поймать великий шанс. И вертеть большое колесо. Это манило.

Но, с другой стороны, в нём глубоко сидело чувство, что это совсем не то. Начать вместе с Вангом подстёгивать мир – не будет ли это пресным повторением? Так уже было с Блоком. Это походило на искушение реанимировать прежнее чувство жизни, вернуть тот быстрый, щекочущий нервы, неистовый затяжной экстаз, то безумное, разоряющее до нитки существование без передышки...

Но так у него уже не получится. Он лишился наивности, необходимой для того, чтобы так жить. Он больше не верил в это, и обратного хода это превращение не имело.

И все-таки оно манило. Может, оно всегда будет его манить? Может, он должен обходиться с этим влечением, как излеченный алкоголик с алкоголем: осторожно, осознавая опасность, как бы снова не скатиться назад.

Он прибрался. Переложил всё по-другому. Переставил шкафы с папками. Вытер пыль. Привёл в порядок бумаги отца, собственные заметки, положил записные книжки Блока в ящик стола...

Блок. Он взял одну из его книжек, сел в кресло и раскрыл её наугад, полистал, пока снова не наткнулся на дневниковую запись:

«Я должен твёрдо зарубить себе на носу никогда не полагаться на то, что говорят эксперты. Спросить их – это непременно. Но потом перепроверить самому. Самому пересчитать. Для этого по большей части и аттестат зрелости не нужен. Самостоятельно думать – этого достаточно».

Хм-м. Маркус поднял глаза, уставился в пустоту. Он вспомнил свой разговор с Вангом. Как он там сказал? Три тысячи литров с одного гектара.

Он отложил в сторонку записи Блока, взял бумагу для заметок и карманный калькулятор. Гектар, сколько, бишь, это? Один квадратный километр – это сто гектаров.

Значит, с одного квадратного километра можно получить 300 тысяч литров алкоголя.

Это звучало уже совсем по-другому.

Он считал дальше. Для получения триллиона литров потребуется...

Около 3,5 миллиона квадратных километров. Хм-м. Это было много. Это было приблизительно десять площадей Германии.

Он положил карандаш и принялся массировать глаза. Может, Таггард и был прав. Цивилизацию не спасёт и изобретение его отца.

Потом ему стала ясна его логическая ошибка.

Он вскочил, бросился в гостиную и стал обыскивать книжную стенку, высматривая какой-нибудь словарь, справочник или атлас, который содержал бы данные по странам и континентам.

Вот. Площадь США 9,3 миллиона квадратных километров. Почти в три раза больше. И решающим моментом в рассуждениях его отца как раз и было то, чтобы ничего не выращивать специально только в целях получения спирта. Выращивать нужно то, что пойдёт в пищу. Однако съедобная часть растения всегда была лишь крошечной его частью, остальное шло в отходы. Их зарывали в землю, гноили или сжигали, а идея отца была – пускать отходы на производство спирта.

Посему отпадают расчёты энергозатрат на выращивание растений. Эти расходы падают на то, что съедается, а не на горючее, добытое из отходов. Если удастся экстрагировать спирт без дистилляции, то его получение можно считать почти бесплатным.

Общая площадь суши Земли, прочитал он, составляет 135 миллионов квадратных километров, не считая Антарктиды. Существенную часть этой площади занимают пустыни, степи, горы или другие непригодные для возделывания земли, это ясно. Но даже если остракция работает лишь вполовину так, как дистилляция, проект осуществим: шесть миллионов квадратных километров суши так и так используются для сельского хозяйства.

Другими словами – Ванг просчитался.

– Думать самому, – бормотал Маркус. – Вот в чём дело.

Висячий замок: большой, тяжёлый, ржавый. Однако ключ подошёл и повернулся. Со скрежетом задвижка подалась. Маркус с грохотом раскрыл ворота, и свет дня ворвался внутрь.

Осветилась сокровищница. Плуг здесь уже есть. И борона тоже. А дальше стеллажи, на которых хранилась древесина, плексиглас, металл в форме полос, листа и труб. Шкафы с крепежом и гвоздями. Токарный станок, фрезерный, цепочная пила, несколько дрелей. Сварочный аппарат вместе с газовыми баллонами. Верстак, у которого могла работать дюжина людей.

– Механическая мастерская, – констатировал Маркус. – Всё ясно.

На первом этаже пристройки размещалась лаборатория, в которой пылились склянки с реагентами, горелки Бунзена, высокотемпературные печи и несколько приборов для анализа, дальше шла высокоточная мастерская с впечатляющим оборудованием. Сооружение под земляной насыпью было герметичной лабораторией для экспериментов с растениями, грибами и бактериями. Вход представлял собой воздушный шлюз с дезинфекционным душем, вентиляция не только всё ещё функционировала, но и располагала даже высокомошным фильтром, а в предбаннике висели шесть защитных костюмов разных размеров.

Кроме того, здесь была собственная артезианская скважина, которая доставала воду с глубины свыше ста метров, был также и агрегат автономного электроснабжения.

«Мой отец отдал бы правую руку за такие условия работы», – подумал Маркус, потрясённый увиденным. Если ему не удастся это здесь, то он представляет собой безнадёжный случай. «Кроме того, нигде не написано, что я всё должен делать один», – сказал он себе.

Номера домашнего телефона Кейта Пеппера больше не существовало. Справочное бюро «Райской Долины» так и не смогло ответить на вопрос о его новом местопребывании, но даже

за такой ответ высчитало три доллара пятьдесят центов. В конце концов Маркус позвонил в свою бывшую фирму.

– Ах, «Lakeside and Rowe» тоже пострадали на этом, как и все, – пожаловался ему по телефону неведомый сотрудник. – Свыше девяноста процентов были сокращены, и кто знает, что ещё будет с нами... Деньги больше ничего не стоят, финансовые консультанты больше никому не нужны, а договоры на обслуживание установленных систем каждый месяц расторгаются в таких количествах, что вы не поверите...

– Это значит, вы не сможете сказать мне, где теперь Кейт Пеппер? – уточнил Маркус.

– Должен признаться, это имя мне ни о чём не говорит. То есть я в этой фирме уже давно, но знать всех сотрудников по имени – это всё же...

– Я ищу человека, который смог бы мне помочь его найти. Можно поговорить с кем-то из его отдела?

– Хм-м. М-да. Ну, я мог бы соединить вас с шефом.

– О'кей, – сказал Маркус. Саймон Роу вспомнил бы его. Но вспомнит ли Кейта Пеппера, это другой вопрос. Но он хотя бы узнает, как он там...

– Мюррей, – услышал он сухой, лишённый юмора голос.

Маркус невольно прикрыл глаза. Джон Мюррей был шефом филиала, правильно. А Маркус совершенно про него забыл, вытеснил из памяти. Однако стоило ему сейчас услышать его голос, как снова у него в ушах возникла та фраза: «Я не доверяю вам; вы знаете, почему».

О'кей, придётся через это пройти. Хуже-то уже не будет.

«Улыбаться!» – напомнил он себе. Улыбку слышно по телефону, об этом им бессчётное число раз напоминали во время учёбы. Улыбка вызывает симпатию.

В данном-то случае уж точно нет.

– Добрый день, мистер Мюррей, – сказал он. – Это Маркус Вестерманн. – Он чуть было не назвал американскую версию своего имени. – Вы меня не помните?

Пауза, такая полная, будто обрезали провод. Потом:

– Помню. И очень хорошо.

О, как тяжело это даётся.

– Мистер Мюррей, у меня большая просьба. Я разыскиваю Кейта Пеппера, бывшего программиста из отдела...

– Я помню, – скупно сказал Мюррей. И снова пауза. – Он у нас больше не работает.

Маркус кивнул.

– Да, это я уже слышал. Я надеялся, что вы сможете мне помочь найти его. Для меня это действительно очень, очень важно.

Мюррей помедлил. Маркус готов был спорить, что тот раздумывает, не положить ли трубку.

– Насколько я знаю, – сказал он потом, и было заметно, как ему трудно было переступить через себя, – он работает в автомастерской в Ридинге. Переоборудует моторы с дизельного привода на фритюрный или вроде того. – Глубокий вздох. – Я могу дать вам номер его телефона.

– Это было бы замечательно, сэр, – тотчас ответил Маркус. Ясно. У Мюррея и должен быть номер телефона Кейта. Всегда бывают ситуации, когда надо спросить программиста о чём-то из его программы, даже если он давно уже уволен.

Мюррей продиктовал ему номер и добавил:

– Передайте ему от меня привет.

– Непременно, – с облегчением пообещал Маркус. – Сердечное спасибо, сэр, и всего доброго!

– Спасибо, – ответил тот, не так уж и ворчливо. – Вам тоже.

Кейт приехал добрую неделю спустя, на розовом лимузине, распространявшем по всей долине интенсивный запах фритюрни.

Он сиял от радости, что снова видит Маркуса, чуть было не бросился обнимать его, но

вовремя остановился и только ударил его по плечу так, что оно хрустнуло. Эми-Ли он учтиво пожал руку и сделал ей пару запутанных комплиментов, которые, видимо, мог по достоинству оценить только человек, помешанный на технике.

Есть и пить он не хотел, а сразу пожелал взглянуть на проект, о котором ему рассказывал по телефону Маркус, чтобы понять концепцию, которая за ним стоит.

– Гениально. Это гениально. – Он держал в руках большую схему молекулярной структуры остракционной плёнки, немного напоминающей архитектуру сложной программной системы, и водил пальцем по её линиям, кусая губы. – Да, это может функционировать. Разумный фильтр, так сказать. Разрази меня гром! И это придумал твой отец? Ещё двадцать лет назад?

– Двадцать один, если быть точным, – подтвердил Маркус и начал объяснять проблемы, которые возникают при производстве плёнки.

– Стоп, помедленнее! – перебил его Кейт. – Итак, лиловым здесь обозначен растровый⁵² материал?

– Да. На него наносятся эти части, которые мой отец называл молекулярным субстратом, а в наши дни можно было бы назвать наночастицами.

– Как они вообще производятся? Я имею в виду, это ведь всего лишь молекулы. Химически?

– Или каким-то способом литографии.

– А, понял. И потом их надо выравнивать магнитом...

– ...и закреплять. И всё это когда-то делать в промышленном масштабе.

Кейт присвистнул.

– М-да... Это трудно.

– А я-то надеялся, ты мне скажешь что-то более вразумительное.

– Конечно, скажу. Я ведь никогда не уйду с фирмы с пустыми руками, – засмеялся Кейт.

Он достал свой ноутбук, раскрыл его, включил – но тот издал лишь отвратительный звук, и экран остался тёмным.

В последний момент Кейт проглотил ругательство.

– Окончательно сдох, боюсь. Как раз тогда, когда позарез нужно.

– У меня здесь есть прекрасно оборудованные мастерские, – сказал Маркус с незаслуженной гордостью.

– Но у тебя же там нет контроллера-8219.

– Этого нет. А что это вообще такое?

Кейт вздохнул, отвинчивая дно своего прибора складной отвёрткой, которую носил на связке ключей.

– Самое новьё. Толком ещё не отработанное. Я его нечаянно уронил, и с тех пор он глючит.

Первая попытка ремонта не дала результата, и для второго захода они удалились в мастерскую. После этого стало ясно, что компьютер можно спокойно выбросить на помойку.

– Надо поставить жёсткий диск в другой компьютер, – сказал Кейт.

Они нашли компьютер, не слишком старомодный, и как раз снимали с него кожух, когда появилась Эми-Ли и спросила: не готовы ли они поесть и выпить?

– Сейчас, – пообещал Кейт. – Как только вытянем этим компьютером с этого жёсткого диска первые данные.

Эми-Ли посмотрела на нагромождение кабелей и серебристо поблёскивающих коробочек.

– Что за данные?

---

⁵² Растровый (от нем. растр – мотыга) – поверхность с чередующимися прозрачными и непрозрачными элементами для преобразования направленного на неё пучка света.

– Каждый сотрудник технической выездной службы «Lakeside & Rowe», – объяснил Кейт, – имел инструкцию: перед работой с системой клиента снять на свой компьютер резервную копию. Эта копия, опять же, дублировалась на нашем резервном сервере, и вот я позволил себе его скопировать. В утешение за потерю любимого рабочего места.

Эми-Ли недоверчиво улыбнулась.

– И тебе удалось это вынести?

Кейт широко улыбнулся.

– Я всё это упаковал в один файл, а потом этот файл стёр. Охранник заглянул в мой компьютер, но ничего в нём не нашёл. А дома я запустил «Undelete». Всё очень просто.

– Невероятно, – с улыбкой сказала Эми-Ли. В доме зазвонил телефон. – Ну, давайте, а я пошла, – сказала она и убежала.

Компьютер загрузился, опознал жёсткий диск и получил к нему доступ.

– Выглядит неплохо, – довольно пробормотал Кейт. – Так. Что ты ищешь? Тут у нас охвачена, конечно, не вся экономика США, но сектор хай-тека представлен достаточно полно.

– Да мне хватило бы и одной-единственной фирмы, лишь бы она производила то, что нам нужно. – Маркус сел рядом с Кейтом и рассуждал вслух: – Мы ищем фирмы, которые производили нанопродукты и вместе с тем по балансу стояли на ногах настолько крепко, что с некоторой вероятностью ещё существуют.

– О'кей. – Пальцы Кейта запорхали по клавиатуре. Возник перечень. – Вот. Двадцать две. Хватит для начала, а?

– Превосходно.

В этот момент вернулась Эми-Ли, белая как мел, лишь с трудом держа себя в руках.

«Что-то случилось с Джой!» – пронеслось в голове Маркуса, как только он её увидел. Одним прыжком он очутился возле неё, схватил её в объятия, испуганно заглянул в лицо.

– Что случилось?

Она дрожала.

– Папа. С ним несчастье.

– Несчастье?

– Авиакатастрофа над Тихим океаном. Он и Ксяо... О Боже.

Глава 52

Богатые и могущественные люди – капитаны экономики, президенты, шефы концернов, министры и так далее – гибнут в авиакатастрофах гораздо чаще, чем предвещает цифра риска остального населения. Это объясняется тем, что такие люди летают много чаще, чем обыкновенные граждане, ведь это неразрывно связано с исполнением их обязанностей. К тому же они чаще пользуются небольшими самолётами, которым имманентно присущ и большой риск: чем больше самолёт, тем лучше он противостоит превратностям, которые готовит воздушное пространство. По крайней мере, так говорит статистика.

Но можно взглянуть на это и по-другому. Становится не по себе, если составить список политически или экономически влиятельных персон, погибших в авиакатастрофах, присмотреться к сопутствующим обстоятельствам каждого отдельного случая и задать себе два вопроса: во-первых – кому была выгодна смерть этого человека на данный момент? И во-вторых – у кого были средства и возможности устроить авиакатастрофу и представить её в виде несчастного случая?

Далёкое прошлое

Французский инженер Фердинанд де Лессепс, уже разработавший проект Суэцкого канала, разработал ещё один проект – построить в Панаме канал через Центрально-Американский перешеек. Работы начались в 1881 году, они стоили жизни двадцати двум тысячам рабочих и привели в 1889 году к первой финансовой катастрофе. В

1902 году США перекупили этот проект за 40 миллионов долларов.

Панама входила тогда в состав Великой Колумбии, которая отказалась принять предложение президента Теодора Рузвельта и уступить территорию суши вокруг канала североамериканскому консорциуму. После чего в 1903 году у берегов Панамы появился американский военный корабль «Nashville», солдаты сошли на берег и назначили правительство под руководством французского инженера Филиппа Бюно-Варийа. Панама была объявлена освобожденным и независимым государством, и новое правительство согласилось на создание зоны господства США вокруг канала. Интересно, что соответствующий договор был подписан лишь госсекретарём США Хэм и Бюно-Варийа, но ни одним панамцем.

С 1906-го по 1914 год Панамский канал был наконец достроен.

В 1968 году к власти в Панаме пришёл путём военного переворота некий Омар Торрихос. Он был первым руководителем Панамы, который вступился за социальные интересы бедных и осложнил жизнь многочисленным иностранным концернам, которые до сих пор извлекали отсюда только прибыли. Он не скрывал своей решимости отстаивать свободу и независимость Панамы, не примыкая при этом к США или к СССР. И, само собой разумеется, он рассматривал зону канала как неотъемлемую часть Панамского государства, а договор 1903 года считал юридически ничтожным.

Во время президентства Джимми Картера Торрихос начал выдворять сотрудников различных американских организаций, обвиняя их в том, что они содержали в зоне канала тайные лагеря подготовки, где обучали технике прослушивания и методам пыток для операций секретных служб в Южной Америке. Картер не противился этим выдворениям; он даже заключил, к возмущению республиканской оппозиции, в 1977 году договор с Торрихосом, по которому полная автономия водного пути с 2000 года возвращалась к Панаме.

31 июля 1981 года, через несколько месяцев после вступления в должность Рональда Рейгана, который, равно как и будущий вице-президент Джордж Буш и министр обороны Каспар Вайнбергер, многократно публично поносил панамского президента, Омар Торрихос погиб в авиакатастрофе во время обычного рутинного полёта. Его преемником стал Мануэль Норьега, который ныне живёт во Флориде, США.

В Эквадоре живёт свыше пятнадцати процентов всех существующих видов птиц, и практически каждый день там открывают новые, доселе неизвестные виды растений. Однако с тех пор как нефтяной концерн «Тексако» в 1968 году обнаружил в эквадорском регионе Амазонки нефть, большая часть тропических лесов была выкорчевана. С тех пор как через Анды был проложен нефтепровод, он из-за протечек потерял вдвое больше нефти, чем вытекло при аварии танкера «Еххон Valdez»; нефти, которая заражала всю окружающую природу, истребляла животных и превращала реки в вонючие каналы. Ядовитые стоки, полные тяжёлых металлов и канцерогенных веществ, просто сливались в ямы или в реки.

Однако нефть очень скоро стала важнейшей статьёй экспорта страны, и Эквадор превратился в одного из крупнейших поставщиков США.

В 1979 году президентом Эквадора был избран Хайме Рольдос Агилера, и в 1981 году он представил проект закона, по-новому регулирующий энергетический сектор. Проект предусматривал поддержку строительства гидроэлектростанций, что просто напрашивалось в богатой горными реками географии Эквадора, и устанавливал новые законодательные основы отношений между нефтяными концернами и государством Эквадор.

В ответ концерны организовали кампанию, которая пыталась представить Рольдоса Агилеру «вторым Кастро». Рольдос, в свою очередь, стал изобличать связи между американской политикой и нефтяным бизнесом, используя при этом слово «заговор». Он грозил нефтяным концернам, что им придётся покинуть страну, если они будут проводить в жизнь проекты, идущие во вред народу Эквадора, и выдворял неугодных американцев.

24 мая 1981 года он погиб вместе со своей женой, несколькими членами его правительства и пилотами при падении самолёта над провинцией Лойя в Южном Эквадоре.

Его преемником стал вице-президент Освальдо Хуртадо Ларреа. Он позволил выдворенным вернуться, и в конце 1981 года компания «Тексако» приступила к гигантскому проекту вскрытия в заливе Гуаякиль.

Или гибель второго генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда 17 сентября 1961 года при таинственном крушении самолёта в Конго. Эта страна ещё до недавнего времени была бельгийской колонией, и усилия Хаммаршельда остановить там войну были костью в горле некоторых британских, бельгийских и американских предприятий...

Или крушение самолёта Джона Ф. Кеннеди-младшего...

Или, или, или...

Настоящее

– Принц Абу Мандур Саид, ваше величество. Ваш сын.

Король Абу Джабр Фарук встретил это известие молча. Он был погружён в созерцание мозаики на полу – переплетённых цветочных элементов в перламутре и обсидиане на фоне лазурита – и размышлял о бремени, которое налагает на человека такая служба, как у него.

Он знал от шефа своей секретной службы, что Саид вернулся из Сингапура. Он знал также много чего о том, что Саид там делал. Он был бы рад избежать этой встречи, но даже власть короля имеет свои границы, и это была одна из них.

– Пусть войдёт, – сказал король Фарук.

Двери распахнули. Вошедший мужчина уже имел мало сходства с его сыном, каким его помнил Абу. Он еле ковылял. От сиятельности принца не осталось и следа. Саид плохо выглядел, был болен, отмечен наркотиками и другими излишествами, названия которых были чужды Абу Джабру.

Но всё же то был его сын. Абу шагнул ему навстречу, простёр руки и сказал:

– Ну, здравствуй.

Саид остановился на некотором отдалении, то поднимая, то отводя глаза. Казалось, в нём шла борьба.

– Как ты мог так поступить? – наконец почти невразумительно произнёс он. – Стать королём по милости американцев?

Абу Джабр снисходительно ответил:

– Это совсем не так.

Саид, казалось, не услышал его. Да был ли он в себе? Какая-то развалина. Его место было в клинике. Да, он отправит Саида в клинику. Сразу, как только кончится этот разговор.

– Хорошо, что ты вернулся, – сказал он. – Ты нам нужен. Мы тут созвали... ну, можно сказать, съезд, чтобы внести ясность о крушениях на Раваре и в Рас-Тануре, и мы хотели бы, чтоб ты...

– Я делал только грязную работу, – прошипел Саид, злобно сверкнув глазами. Его шатало. – Мне ведь всегда достаётся только грязная работа...

С внезапностью, которой от него нельзя было ожидать, он выхватил из кармана пистолет и направил его в грудь Абу Джабра. Потом оцепенел, как будто не мог больше двинуться ни взад, ни вперёд, и его вытянутая рука с оружием задрожала.

Абу Джабр даже не шелохнулся.

– Сын мой, – сказал он спокойно, пытаясь поймать безумный взгляд Саида, – я уверен, что ты не хочешь того, что собираешься сделать.

Нижняя челюсть Саида тряслась. Он забормотал:

– Нельзя было, чтоб они заметили. Нельзя было, чтобы amerikani заметили, что произошло...

Абу Джабр медленно протянул руку.

– Это дело прошлое и больше не имеет значения. Подумай о своём сыне, Саид, и опусти оружие. Пока не свершилось непоправимое.

Наконец-то. Наконец в его глазах мелькнул проблеск сознания. Что-то до него дошло. Рука Саида опустилась, он, шатаясь, подался вперёд и захрипел.

Но пистолет из рук не выпустил.

– Саид, – сказал король. – Оставь это. Сохрани свою честь.

Голова Саида вскинулась, взгляд его наткнулся на отца, в глазах его возник ужасный, незнакомый блеск, он поднял оружие и выстрелил – дважды. Пули попали королю в грудь, он пошатнулся и упал навзничь. Тут же из-за гардин выскочили мужчины, специально выжидавшие там, и набросились на стрелявшего.

– Довольно! – послышался сквозь кашель голос короля. Он с трудом поднялся, держась за грудь. Двое охранников подскочили к нему, помогая встать.

– Хорошее дело бронежилет, – сказал король, хрипло дыша, – но я не знал, что всё равно будет так больно.

– Вас надо осмотреть, ваше величество, – с тревогой сказал один из мужчин. – Выстрелы могли сломать ребро.

Абу Джабр отмахнулся.

– Да, конечно. После. – Он подошёл к Саиду, своему второму ребёнку, который всегда был и самым трудным. Тот лежал на полу с остекленевшим взглядом, являя собой жалкий вид потерпевшего поражение.

– Я очень сожалею о случившемся, сын мой, – тихо сказал Абу Джабр. – Я хотел бы знать, с кем ты связался...

Саид ничего не ответил. Кровь текла из его раны на лбу.

Кровь, да. Мысль, что он увидит собственного сына на эшафоте, причинила ему боль.

– Уведите его, – сказал Абу Джабр.

Позднее, когда шеф его секретной службы помогал ему освободиться от жилета из кевлара,⁵³ незаметного под его тоубом,⁵⁴ явился по вызову министр энергетики.

– Ваше величество, – начал он, – я не могу выразить, как я рад, что вы...

– Да ладно, – перебил его Абу Джабр. – Мне уже многие говорили, что я безответственно подвергаю себя риску. – Он бросил взгляд в сторону шефа секретной службы. – Он был мне *сыном*.

– Конечно, ваше величество, – успокоил его тот.

Абу Джабр разгладил своё одеяние.

– Позвоните этому молодому немцу и поблагодарите его за предупреждение. И дайте ему задание на проект, который он нам предложил. – Король немного подумал и добавил: – И пришлите ко мне министра иностранных дел. Его ждёт много работы.

После звонка из Эр-Рияда потрясённый Фридер Вестерманн ещё долго держал в руках трубку. Подумать только, ведь поначалу он колебался, делать ли выводы из того, что сообщил ему Маркус, и предостеречь ли саудовский королевский дом! И вот его указание предотвратило покушение на короля Фарука.

Он смотрел за окно на двор своей фабрики, размышляя, то ли он делает историю, то ли несётся навстречу беде.

Он выдвинул ящик стола и отыскивал там письмо, отправленное его братом из США несколько месяцев назад:

---

⁵³ Кевлар – синтетическое волокно, обладающее высокой прочностью (в пять раз прочнее стали).

⁵⁴ Тоуб – длинное хлопчатобумажное одеяние, на которое можно надеть мантию или пиджак.

«Дорогой Фридер,

пишу тебе это письмо в дополнение к нашему телефонному разговору. Есть вещи, которые тебе необходимо знать, но которые я не могу рассказать по телефону, потому что перестал доверять телефонным проводам. Надеюсь, письмо – более надёжный посредник.

В основном я хочу пересказать тебе то, что мне поведал на своём смертном одре бывший агент ЦРУ по причинам, которые слишком долго объяснять...»

Прошлое

Чарльз У. Таггард, отправляя своё донесение о Саудовской Аравии Дональду Р. Хартфельду, приложил к нему письмо. В нём он невольно впал в юмористическое настроение, играя словами – это было у них в ходу ещё в университете: «Передай по инстанции! Что-то должно случиться, иначе что-нибудь случится».

Неделю спустя в его квартире зазвонил телефон. Это был Дональд, и он находился в Эр-Рияде.

– Надо встретиться. Скажем, в двенадцать в «Globe»? Я тебя приглашаю.

«The Globe» был роскошным трёхэтажным рестораном на высоте 240 метров, в стеклянном шаре на вершине башни Аль-Файзалия, ультрамодернового строения из стали и стекла, спроектированного звёздным английским архитектором Норманом Фостером.

Лифт доставил их наверх за двадцать пять секунд. После этого у Таггарда болело в ушах из-за резкой смены давления. Но вид на город посреди пустыни открывался фантастический.

Когда метрдотель провожал его к столику, за которым Дональд уже поджидал его, Таггарду бросилось в глаза множество столиков на двоих, за которыми сидели парочки, о чём-то явно секретничающие. Ресторан, видимо, служил тайным местом встречи любовных пар; то, что практически все женщины были без чадры, могло объясняться лишь тем, что полиция нравов не имела сюда доступа.

Со времени их последней встречи Дональд Хартфельд постарел и посуровел. У него были седые, коротко стриженные волосы такого же цвета, как глаза.

Фантастическими были и цены в меню. Поужинать здесь можно было начиная лишь от ста долларов – на человека, естественно. Но и греховность этого ресторана всё-таки имела свои границы: выпить здесь можно было только воды или сока.

– Я получил твой отчёт, – сказал Дональд после того, как они покончили с воспоминаниями об Огайо. – Ты посылал его ещё кому-нибудь?

– Пока нет, – ответил Таггард.

– Хорошо. – Принесли закуску. Кухня в «Globe» была средиземноморская, с обилием салатов из овощей, политых оливковым маслом. – Ты, кстати, питаешь иллюзии насчёт того, кто правит этим миром.

– Разве не мы? А я-то думал...

– Мы тоже.

– Но до поры до времени. Саудовцы в любой момент могут отключить нам свет.

Дональд снисходительно усмехнулся и покачал головой. Смотрел на Таггарда, словно прикидывая, как бы ему получше объяснить.

– Ты ведь был одно время в «Eurocontact», верно? – спросил он наконец.

– Был, – подтвердил Таггард.

– Вы же занимались там не только делами, обозначенными в вашем рекламном проспекте. А еще и смотрели за тем, чтоб европейцы не плясали у нас на носу и не ложились в постель с Советами.

Таггард отхлебнул глоток воды. Это было то, о чём посторонний знать не мог.

– О некоторых аспектах моей тогдашней деятельности я не могу распространяться, – сказал он.

Дональд ухмыльнулся.

– Да это понятно. Мы же коллеги. Я-то значусь в «HEAD». Та ещё консалтинговая фирма. Мы делаем то же самое, что и вы тогда, только в остальной, более дремучей части мира.

– Да?

– В бедных странах игра, естественно, ведётся по-другому, – сказал Дональд. – Изобретений там, как правило, нет, а экономические боссы, которым мы должны подпиливать стул, тоже скорее редкость. Мы строим эти страны. Такие специалисты, как я, проводят экспертизу для правительств, насколько баснословно рентабельны и прогрессивны те или иные гигантские инфраструктурные проекты – электросети, дороги, плотины, порты и так далее – и насколько они поднимут могущество их стран. Как только нам удаётся их убедить, мы помогаем им также в получении кредитов. Выгодных кредитов. Единственным условием является то, что все контракты заключаются с американскими фирмами.

– То есть деньги даже не покидают пределов США?

– Не покидают. Они переводятся из банков в Вашингтоне в какие-нибудь проектно-конструкторские бюро в Бостоне или Лос-Анджелесе. Однако та страна должна, естественно, возвращать всё, все кредиты с процентами. А мы подсчитываем так хитро, что очень скоро они уже не могут нам платить. И что тогда? Тогда идут переговоры об отсрочке. Но за это мы хотим ответных услуг. Размещения военных баз, например. Или доступа к ресурсам. Иной раз достаточно того, чтобы они проголосовали в ООН так, как нужно нам.

– И это срабатывает?

– Безотказно, десятки лет. Главное – следить за тем, чтоб не обидеть верхнюю прослойку. Они у нас купаются в деньгах. Денег у них хватает и на то, чтобы немножечко раздать, купив себе необходимую поддержку.

Таггард отодвинул свою тарелку, половину оставив нетронутой. У него совсем пропал аппетит.

– Это нечестно.

– Правильно. – Дональд продолжал невозмутимо жевать. – Но мы и не на Олимпийских играх. Дело не в том, чтобы честно играть, а в том, чтобы всегда выигрывать.

– Это совсем не та политика, которой хотели отцы-основатели. Это та политика, против которой они боролись, – политика Британской империи. Политика грабежа.

Дональд доел свою порцию.

– Отцам-основателям наше почтение, но в те времена места хватало на всех. Сегодня мир не таков. Сегодня есть лишь две возможности: либо мы контролируем мир, либо мир контролирует нас.

– Поэтому мир контролируем мы.

– Вот именно. Ты не совсем неправ; то, что делаем мы, – это самый современный вариант достигнуть мирового владычества. Намного бескровнее, чем его достигали бывшие колонисты. – Он высокомерно улыбнулся. – Это вопрос ментальности. Наша империя настолько абстрактна, что большинству даже невдомёк, что происходит.

– Кое-кто всё же просекает, – возразил Чарльз.

Дональд засмеялся. В этот момент он снова походил на того долговязого парня с отличными оценками и острым как бритва умом, который однажды, после обильной ночной попойки, открыл ему, что вектор движения задаёт не демократическое большинство, а умное меньшинство.

– И что они могут сделать? Если другие даже не понимают, о чём идёт речь?

Они молчали, пока официант убирал их тарелки и ставил перед ними новую бутылку воды.

– И какое отношение всё это имеет ко мне? – спросил затем Таггард.

– Я хотел бы воспрепятствовать тому, чтобы ты отправил своё донесение, скажем так, в «Вашингтон Пост». Церэушник раскололся, – такие вещи приводят журналистов в сильнейшее возбуждение. А на мой взгляд, это только лишний стресс себе на шею. – Он потерял мочку уха. – Ты знаешь, что люди из «Микадо» всё ещё существуют? Но нас всегда

мучает совесть, когда приходится их вызывать.

– И кого вы вызовете, если Сауды перекроют нефтяной кран?

– Этого они не сделают. Никогда.

Принесли основное блюдо. Рыбу. Абсурдно: посреди пустыни. Видимо, самолётом доставили с побережья. За такую цену можно всё.

– То, что ты здесь рассказал, не касается Саудовской Аравии. Я не думаю, что им когда-нибудь требовался кредит.

– Верно. – Дональд разглядывал свои ногти. – С этим была проблема. После того, как пошла нефть, у саудовцев сразу стало страшно много денег, они не знали, что с ними делать. А это тоже способ поймать их на крючок, не так ли? Мы предложили им управление этими деньгами.

– Что-что?

– Та же самая игра, только теперь мы могли раздавать *их* деньги. Преимущество было в том, что на это не требовалось согласия Конгресса и никто не мог совать нос в бухгалтерию. А при таком раскладе вообще сплошное удовольствие.

Таггард разглядывал своего бывшего соученика. Только теперь он заметил, что Хартфельд был одет неброско, но очень дорого. Костюм с виду итальянский, часы у него на запястье даже навскидку стоили не меньше пятидесяти тысяч долларов. «Удовольствие» – это слово с незапамятных времён было у Дональда Хартфельда синонимом «денег».

– Мы сказали им, что за эти деньги они должны купить ценные бумаги США. – Он с трудом подавил булькающий смех. – Идея им понравилась. Это ведь и правда замечательное, *верное* вложение, как все мы знаем. А с доходов они оплатили все эти дороги, небоскрёбы, водопроводы, аэропорты, города в пустыне и так далее, которые для них построили американские фирмы. Мы называем это «рециклингом нефтедоллара». – Он справился наконец со своим смехом. – Главной целью было, естественно, сделать Саудовскую Аравию зависимой от нас не меньше, чем мы зависели от неё.

Таггард помотал головой.

– Не понимаю, как они могли в это впутаться.

– Вынуждены были.

– И почему?

Дональд сардонически улыбнулся.

– Потому что Сауды боятся за свою власть с тех пор, как вкусили сладкой жизни, которую дают большие деньги. Все эти вечеринки, ночи в казино, оргии с дюжиной проституток. Жизнь в реактивных перелётах. Алкоголь.

Чарльз Таггард смотрел на своего бывшего студенческого товарища. Он понял.

– Потому что это... не по-ваххабитски!

– Точно. Прежде базисом их власти, оправданием их притязаний на господство была смычка с исламистскими пуританами. Но чтобы поддерживать эту смычку, им пришлось бы вернуться к жизни, которой они больше не хотят. И так, гарантами их господства стали мы. Это была сделка. Америка поддерживает дом Саудов – при необходимости даже против других арабских стран. За это мы гарантированно получаем нефть, причём по ценам, какие нам нужны. – Довольный Дональд откинулся на спинку стула. – При всей скромности – это было нашим выдающимся достижением.

Таггард задумчиво ковырял вилок своей рыбу.

– А вы не боитесь, что в один прекрасный день всё это рухнет?

Дональд Хартфельд отрицательно покачал головой.

– В перспективе мы всегда будем в выигрыше. А кто пойдёт против нас, тот за это заплатит.

Чарльз Таггард смотрел на свою посуду, читая на ней надпись: «Глоб – башня Аль-Файзалия».

– Король Файзал был против США.

Дональд кивнул.

- Вот именно.
- Что ты хочешь сказать?
- Ты же знаешь, что с ним стало?
- Его убил его племянник. Должно быть, тронутый умом.
- Дональд неторопливо сцепил пальцы и свысока улыбнулся.
- Точно. Это случилось в 1975 году, вскоре после эмбарго. «Микадо», как ты знаешь, предпочитает работать с несчастными случаями. Но есть там и люди, которые специализируются на тронутых умом убийцах-одиночках.

Глава 53

Настоящее Почти год спустя

Вернер приехал, как обычно, поздно. С тех пор, как большую часть пути он преодолевал на поезде, дорога отнимала у него вдвое больше времени. Тяжело было ездить в переполненных поездах, хлопотно с пересадками, но для большинства – как и для него – железная дорога стала единственным доступным средством транспорта.

– Что новенького? – пробормотал он, устало целуя Доротею в щёку. От него пахло дымом. Не сигаретным дымом – табак тоже мало кто мог себе позволить, – а смогом большого города. С тех пор как в домах немцы снова стали обогреваться углём и дровами, над городами повисли бурые облака, а случаи астмы и ложного крупа участились. И угольный бензин оказался на поверку настоящим гряземётом, хоть производители и обещали, что следующая ступень сооружения всё изменит.

– Пришло письмо от Маркуса, – сказала Доротея. Стол был уже накрыт, ужин – скромные тушёные овощи – доходил на плите.

– И что? Как там у него?

– Джой Кэролайн уже бегают как ненормальная, они еле успевают её ловить. Посмотришь фото? Прелестный ребёнок!

Вернер открыл холодильник, спросил:

– Пиво у нас ещё есть?

– Есть одно. В нижнем отделении.

– Как раз то, что мне нужно, – сказал он, доставая коричневую бутылку. – А как идёт судебный процесс?

Доротея подняла крышку кастрюли, ещё раз помешала варево.

– Уже закончился.

– И что? – спросил Вернер, держа наготове открывалку для пива.

– Вердикт тот же, что и в первой инстанции. Отец был втянут в мошеннический бизнес, и так далее.

– Значит, Эми-Ли ничего не унаследует?

– Ни цента. А расходы на адвокатов таковы, что дешевле махнуть на все рукой. У них есть ферма, мастерская и немного денег, и с этим им придётся перебиваться.

Вернер сердитым движением открыл бутылку.

– Но твой брат говорил, что доказательства подтасованы. Суд-то должен был это обнаружить!

– Какой интерес государству обнаруживать это, если оно может прибрать к рукам двести миллиардов долларов, заработанных китайцем? – Она кивнула в сторону холла. – Можешь сам прочитать письмо; оно лежит на телефонном столике.

Вернер со вздохом сел, позвал Юлиана к столу и потом спросил:

– А от ТДП что-нибудь было?

– По-прежнему ничего. Был ещё проспект от фирмы, которая скупает старые компьютеры.

– Да, это сейчас тоже бизнес. Новые стали так дороги... Из-за серебра, которое в них используется. Видимо, для его получения требуется много энергии.

Работы по строительству фабрики ТДП затянулись. Миновал уже третий срок, когда производственная линия *теперь уже наверняка* должна была вступить в действие и первым делом обеспечить котельным топливом своих пайщиков.

Проблемы с поставками, как и повсюду. Но если в ближайшее время топлива не будет, им ничего не останется, как перестраивать отопление. За деньги, которых у них не было.

Юлиан пришёл на кухню, упал на стул и сморщил нос.

– Опять овощи!

– Да, – твёрдо сказала Доротея. – И завтра опять будут овощи. Что есть, то и будем есть.

– Скажи спасибо, что вообще что-то есть, – проворчал Вернер. – Ты что, не смотрел новости? В Болгарии дети голодают.

– А разве не в Латвии? – спросила Доротея, раскладывая по тарелкам овощное рагу.

– Не-а, – сказал Юлиан, – ты перепутала бедствия. В Латвии другое: они там разлагают гидраты метана или как их там. И что-то вышло из-под контроля, до сих пор не могут справиться.

– Кое-где уже начались грабежи и перестрелки, – добавил Вернер. – То ли в Мексике, то ли в Канаде. Экономика везде приходит в упадок, государство больше не в состоянии собрать налоги, безработным не платят пособие... Заколдованный круг.

– Раньше государство всегда делало займы, – сказала Доротея.

Вернер скривился.

– Оно бы и сейчас залезло в долги, да никто не даёт. Одиннадцать процентов дают на государственный заём, а облигации всё равно никто не покупает.

– Приятного аппетита, – сказала Доротея и присела к столу.

Доставать продукты стало трудно. Зима посуровела, а войны и конфликты во всём мире не облегчали положение. Вроде бы войны велись не за нефть, но на самом деле как раз за неё. О голодающих регионах узнавали из крошечных сообщений; один журналист по телевизору сказал, что они сами избегают говорить об этом, поскольку картины зачастую слишком жуткие. Не говоря о том, что из-за недостатка горючего репортёры тоже не могут отправиться к месту событий.

– Это уже становится невыносимым, – сказал Вернер после ужина, когда Юлиан опять убежал в свою комнату. – Не осталось ничего, кроме проблем. Сегодня нам пришло одиннадцать уведомлений от поставщиков о несостоятельности. Теперь не знаем, где брать шины. И лопнул контракт на поставку пяти автобусов в Мадрид: у них нет денег.

Доротея кивнула.

– У меня уже сотня заявлений на следующий курс по огородничеству. Думаю, в этом году развернёмся. – Она посмотрела в окно, на тёмную долину, в которой горело теперь гораздо меньше огней, чем два года назад. – Но так и должно быть. Все идёт к тому, что по-другому уже и не выжить.

Возникла тишина. Потом Вернер подпер голову ладонями, посмотрел на неё и сказал:

– Мне предложили денежную компенсацию, если я уволюсь в следующем месяце.

Этого и следовало ждать. Доротея смотрела в пустоту, мысленно представляя себе состояние их счетов.

– И сколько предложили?

– Годовой оклад.

– А мне бы пригодился человек, который ездил бы по оптовым рынкам, – сказала Доротея и только после этого сообразила, как это обидно было слышать Вернеру.

– Ничего себе жизнь, – злобно пыхнул он. – Больше я в ней ни на что не гожусь.

Она потянулась через стол, взяла его за руки.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Но посмотри, ты же просто маешься с этой работой. Она уже едва окупается, и каждый день такие дальние концы...

– Вот ведь как, – упрямо продолжал он. – Больше я ничего не умею. Ну, программа

«Ява». Ну, «Ассемблер». Кому это всё теперь нужно? Бесполезные пустяки. – Он резко откинулся на спинку. – Вот стол сколотить – это дело. Вот что надо уметь. Корову подоить. Поле вспахать.

Так Вернер ушёл со своей работы. На часть его выходного пособия они купили небольшой фургончик (а их непроданный джип продолжал себе тихо ржаветь), и отныне он вставал ни свет ни заря, чтобы вовремя поспеть на оптовый рынок. Он обнаружил, что это вовсе не простое дело – распознавать хорошие товары и выгодные предложения, равно как и выстраивать правильные отношения, чтобы получать нужный товар и при дефиците. Он учился – часто на ошибках – определять, кому можно доверять, а кому нет, и постепенно вникнул в дело. Иной раз даже получал удовольствие.

Он видел, что они устроились ещё ничего. Один турок, торговец овощами, рассказывал про своего брата, у которого в Анталии был большой отель: тому пришлось его закрыть, потому что туристы больше не приезжали. Вообще туризм практически прекратил существование, денег на отпуск больше ни у кого не было. В тех регионах, куда раньше люди приезжали отдыхать, теперь царилла нужда, и кто мог, бежал оттуда.

– И моему брату ещё хорошо, – сказал торговец в заключение. – Ты слышал про Крым? На Чёрном море? Там эпидемия.

Действительно, всё чаще приходилось слышать, что в прежних райских курортных областях свирепствовали эпидемии, и среди них болезни, с которыми, считалось, было навсегда покончено, – такие как дифтерия и чума.

С приходом весны обнаружилось, что в Германии всё труднее достать новую обувь или одежду. Поскольку текстиль в Германии практически не производился, а перевозка из стран, куда это производство было перемещено, непомерно подорожала, людям всё чаще приходилось буквально драться за майки или нижнее бельё. Курсы кройки и шитья и торговля тканями переживали бум, и снова в продаже появились журналы с выкройками.

Единственным в какой-то мере положительным итогом стало то, что некоторые исчезающие породы рыб восстановились, потому что рыболовецкие суда реже выходили на лов, а многие фирмы закрылись.

А потом лопнул проект ТДП.

За окном лил дождь, гремел гром и сверкали молнии – настоящее расточительство энергии, а в это время Вернер и Доротея сидели в своей гостиной и читали заключение, пришедшее из банка.

Заключение, сделанное специалистом по поручению банка, гласило: максимальный коэффициент полезного действия 85 % практически недостижим. Процесс термической деполимеризации и расчёт его рентабельности основывался на допущениях, которые в будущем больше не осуществимы. Концепция исходила из того, что в наличии будут избытки отходов определённых категорий: пластика, автомобильных шин, органических отходов животноводства и так далее. Однако это – отходы прежнего, энергетически обеспеченного хозяйства, которое сейчас как раз исчезает. Приходится принимать во внимание, что этот вид отходов в обозримом времени станет недоступным. Тем более что эти отходы уже сегодня находят другое применение, а частично пользуются товарным спросом и раскупаются, так что даром их уже не получишь. Если раньше использование отходов кого-то избавляло от затрат на утилизацию, теперь рассчитывать на это не приходится, и все сделанные ранее калькуляции окончательно рушатся.

– «Таким образом, – зачитывал Вернер вслух, – ТДП нельзя рассматривать как источник энергии, а лишь как метод рециклинга, к тому же не очень хороший, ввиду условий, ожидаемых в будущем».

Поэтому банк прекращает дальнейшую поддержку этого проекта и требует возврата кредитов, предоставленных по договору такому-то, параграф такой-то и так далее.

Может, это свет такой странный, что Вернер кажется в его освещении таким мертвенно-бледным?

– Как же нам его возвращать? – спросил он надтреснутым голосом. – Ни с того ни с сего. Они что, с ума сошли?

Доротея молчала. Сейчас было совсем не время напоминать ему о том, что у неё с самого начала были на этот счёт недобрые предчувствия.

Вернер отложил письмо в сторону.

– Я с ними поговорю.

Доротею не удивило, что после переговоров он вернулся из банка совсем понурым и сказал:

– Мы потеряем дом.

– Да, – Доротея обняла его и прижала так крепко, что почувствовала, как бьётся его сердце. – Но я уже знаю, как быть...

Так и получилось, что они, в конце концов, перебрались в квартиру при магазине. Дом они арендовали целиком, так что сама квартира ничего им не стоила, а комнатам, казалось, понравилось, что в них опять кто-то поселился. Места, правда, было меньше. Но это означало и меньше расходов на отопление, и меньше уборки. Больше времени осталось на другое.

Они многое роздали, что-то смогли и продать из того, что раньше им пришлось бы выбросить. С их переездом весна расцвела окончательно, и настали первые тёплые дни, когда они могли сидеть под вечер во внутреннем дворике и пить кофе. Старые, годами не тревожимые розовые кусты выпустили первые бутоны.

– А что, уютно, – констатировал Вернер.

Может, это свет такой? Лицо у него было – будто исчезла серая туча, которая окутывала и угнетала его с давнего-давнего времени.

– Не правда ли? – Доротея улыбалась.

Вернер сделал благоговейный глоток. Настоящий кофе уже снова превратился почти в продукт роскоши.

– А хорошая была идея с этим магазином, – сказал он.

– Я тоже так считаю.

Он наклонился к клумбе, заросшей сорняками.

– А чем это здесь пахнет? Укропом, что ли? – Он отщипнул перистую веточку и понюхал её. – Ну точно. Укроп.

– Надо бы и правда что-нибудь посеять, – решила Доротея. – Петрушку, салат, бобы.

Вернер кивнул. Он взял овсяное печенье, к которому с недавнего времени пристрастился, задумчиво сжевал его и сказал:

– А твои курсы по огородничеству... Не пройти ли их и мне?

Том Ханнен был рослым мужчиной с длинными конечностями, густыми тёмными волосами и медлительными движениями. По нему было совсем не заметно, что он провёл уже пять таких курсов, и в каждом ему приходилось рассказывать приблизительно одно и то же.

В этот день двадцать два человека в резиновых сапогах собрались на его огороде и слушали его объяснения. Некоторые из них запаслись записной книжкой, ручкой и планшеткой. У Вернера эти приспособления остались ещё с его прежней фирмы.

– По-английски земледелие называется «agriculture», – сказал Том Ханнен. – В этом слове присутствует «culture», то есть культура. Этим выражается тот факт, что в земледелии многое состоит из знания, способностей, принципов и методов, которые развились за тысячи лет – и которые снова могут быть утрачены, если не прилагать усилий, чтобы сохранить и эту часть нашей культуры.

Он переступил с ноги на ногу.

– Вы уже видели сюжеты о США: разрушенные пригороды, трущобы из вилл, разграбленные поля... Возможно, кто-то из вас задавался вопросом, не ждёт ли то же самое и Германию.

– Это всегда был лишь вопрос времени, когда от них очередь дойдёт до нас, – проворчал

один мужчина.

– Я думаю, это не тот случай, – сказал Том Ханнен. – Европейские города, в отличие от американских, несмотря на обширные пригороды, всё ещё населены до самого центра, причём не только социально обделёнными людьми, но и средним классом, а то и состоятельными господами. То есть хорошая смесь. И центры наших городов застроены не небоскрёбами, которые в будущем нельзя будет использовать, а домами не выше семи этажей. К этому добавляется и то, что почти всюду существуют довольно неплохие системы общественного транспорта. В европейских городах, попросту говоря, ещё можно передвигаться пешком, если надо – поэтому жизнь в них может продолжаться и без нефти.

Прилетела сорока, села на ветку и склонила голову набок, словно тоже хотела послушать. Кто-то засмеялся, и она перевела любопытный взгляд на этого человека.

– Что касается земледелия, – продолжал Том Ханнен, – то в Европе оно, несмотря на все перемены, по счастью, не было тотально захвачено концернами и индустриальным гигантизмом, как это произошло в США. У нас вы легко отличите город от деревни, все поселения окружены сельскохозяйственными угодьями, и региональное аграрное хозяйство всё ещё сравнительно сильно развито. – Он обвёл взглядом присутствующих. – Другими словами, Европа имеет хорошие шансы прокормиться и впредь... А чтобы это так и было, начнём с первой грядки. Пожалуйста, возьмите себе вон там каждый по лопате...

Глава 54

Летом следующего года

Посреди дороги стояли семеро мужчин. На головах у них были шляпы от солнца, а в руках ружья, рубашки их промокли от пота, а лица выражали решимость не отступить.

Кейт Пеппер затормозил так, что машина остановилась вплотную перед ними, и положил обе руки на руль, чтобы они были видны, в то время как один из мужчин подходил ближе. Боковое стекло из-за жары было опущено.

– Если вы мне тут начнёте вешать всякую юридическую лапшу, – прорычал мужчина, – я снесу вам башку, паломник.

– Не имею такого намерения, – спокойно заверил Кейт.

Мужчина ударил себя кулаком в измождённую грудь.

– Мы здесь всё это посадили, мы и будем снимать урожай. Мы не станем возвращаться в город и смотреть, как наши семьи голодают, только потому, что в каких-то там бумагах написаны какие-то там слова, понятно?

Кейт глянул на поля по обе стороны дороги; они расплывались в жарком мареве.

– Вы меня с кем-то путаете.

Глаза мужчины глубоко запали. Он давно уже не брился, но борода у него так и не выросла. Тусклые волосы свисали слипшимися прядями.

– Но вы же явились от *тех*?

– Я не уверен, что понимаю, что вы имеете в виду, – осторожно объяснил Кейт.

– От фирмы недвижимости? Ну, раз вы всё ещё ездите на машине.

– Нет. Уж точно не от них.

Мужчины, следовательно, были захватчиками земель. О таких сообщалось всё чаще. Люди уезжали из городов и захватывали землю, раньше принадлежавшую крупным компаниям недвижимости, которые когда-то замыслили построить на этих землях поселки. Вначале полиция в это вмешивалась, случались перестрелки, были даже убитые, но в последнее время город уже редко предпринимал что-нибудь против самозахватов. У мужчин были хорошие шансы.

– Я всего лишь что-то вроде торгового представителя, – объяснил Кейт. – Я ищу посёлок, который называется Пирсдейл. Это где-то здесь, мне сказали.

Безбородый оглянулся на остальных, крикнул:

– Он хочет всего лишь проехать в Пирсдейл!
Под палящим солнцем никто не сделал лишнего движения.
– Прямо, – сказал один. – Миль пятнадцать ещё.
– Спасибо! – крикнул Кейт.
– Странно пахнет от вашей машины, – усмехнулся мужчина.
Кейт кивнул.
– Я езжу на фритюрном жире. Когда случается раздобыть его, конечно.
Мужчина удивлённо поднял брови.
– И что, получается?
– Ещё как, если надо.
– Тут вы правы, – горько сказал мужчина. – Когда-то я вёл кафедру искусственного интеллекта в университете Чикаго. Доктор Роберт Курцман. Сейчас я сам уже в это не верю, настолько это нереально.
Кейт согласился:
– Я понимаю, что вы имеете в виду.
Они дали ему проехать.
До Пирсдейла оказалось всего четырнадцать миль, и хотя посёлок с виду был заброшенным, фирма «Edgar Miller & Son», которая вот уже несколько поколений производила непромокаемый текстиль, всё ещё существовала. Кейт Пеппер остановился возле большого, выкрашенного в тёмно-зелёный цвет здания и вошёл внутрь.
Он встретил скрюченного старика, Эдгара Миллера-младшего, шефа и владельца, и тот с астматической одышкой поведал ему о почтенных традициях дома и о ключевых моментах истории: они славились специальными тканями всех видов, делали поставки во все концы света и удовлетворяли самые высокие запросы.
– Мы были поставщиками НАСА, молодой человек, – гордо просипел он. – Для космических скафандров астронавтов. Наши ткани побывали на Луне!
– Здорово! – восхитился Кейт. Было, правда, заметно, что те великие времена давно миновали. В глубине цеха он насчитал трёх рабочих, а в маленькой застеклённой конторке секретарша печатала письма на механической пишущей машинке.
– Даже русские покупали у нас. Не много, но всё же. В наших папках есть счета «Роскосмосу»; у кого ещё такие есть? И, конечно, мы оснащали космическую станцию... – Он вздохнул. – Это вы уже застали, да? Которая рухнула.
– В январе, да, помню...
– Это трагедия, вы не находите?
Кейт поддакнул и воспользовался паузой, чтобы изложить своё дело. Почти обнадёженный – после того что он тут услышал.
– «KARPELLING-SUPERTEX»? – повторил старик. – Да, был у нас такой. Хороший был прибор. Многие вещи вообще можно было сделать только на нём.
– Вы сказали, *был*?..
– Мы его продали в прошлом году. На металлолом. Мне очень жаль, но пришлось. – Он покачал головой. – Прежние ткани мы больше не выпускали. Только палаточный брезент. Водоотталкивающий. Сейчас большой спрос на палаточный брезент.
Вернувшись в машину, Кейт взял в руки свой список и вычеркнул из него строчку «Edgar Miller & Son», Пирсдейл. Оставалось ещё две строки.
Обратный путь он проделал другой дорогой. Он видел полицейские машины, едущие в сторону захватчиков земель, и пожелал захватчикам хорошего исхода.

Весь минувший год Маркус и Кейт провели, обследуя двадцать две фирмы, производившие материалы, прослоённые нанотехнологическими методами. Скоро выяснилось, что телефонными переговорами не обойтись; приходилось ехать на места, расспрашивать людей, выходить на след. Для этого годился только Кейт, поскольку над Маркусом всё ещё висела угроза ареста. Помимо этого, Кейту, в силу его прежнего хобби, по

всей стране были известны люди, у которых он не только мог найти приют, но которые хорошо знали свои места и людей, соответственно, тоже, – и так далее.

В одной из таких поездок он, кстати, узнал, что Брюс, которому когда-то удалось перевести на керосиновый привод фольксваген-«жук», взорвался при попытке переоборудовать тойоту на водородный привод.

Эти поиски не были совсем уж безрезультатными. Хотя большинства фирм уже и не существовало, но они смогли побеседовать с прежними владельцами и выяснили многое о проблемах и технических возможностях производства nano-технологических продуктов. Они разыскали одного производителя в Портленде, который согласился им поставить подходящую матричную ткань – несколько тюков они сразу купили про запас – а в университете Сиэтла нашлась лаборатория с приборами, способными производить nano-частицы, необходимые для остракционной плёнки. Этот контакт они завязали через Берниче: по случаю семейной поездки в Сиэтл незадолго до первого дня рождения Джой Кэролайн выяснилось, что брат акушерки работает в университете и знает кого-то, кто занят в этой области.

Но нерешённой проблемой оставалось сведение всего этого воедино, то есть, собственно, изготовление плёнки. Из отрывочных записей и тех сведений по технике производства, которые они накопили, стало понятно, что имеющийся кусок плёнки был произведён на особой машине для пропитки текстиля. Эта машина, «KAPPELLING-SUPERTEX», была в своё время задумана для того, чтобы снабдить текстиль модным эффектом блеска или оснастить его определёнными свойствами – например, способностью отталкивать какую-нибудь особую грязь или пропускать пар или что-то в этом роде. Для производства остракционной плёнки требовалось дополнительное приспособление, прежде всего потому, что «молекулярная субстрата», то есть nano-частицы, в процессе закрепления распределялась магнитом. Конструкторские чертежи для этого дополнительного приспособления в документах были.

Единственное, чего не хватало, – самой машины.

Немецкой фирмы «KAPPELLING GmbH», как они быстро выяснили, давно уже не существовало. Уже в девяностые годы она была куплена конкурентами и вскоре ликвидирована. От бывшего американского торгового представителя они узнали, что он импортировал когда-то все четырнадцать машин этого типа; он передал им список, который Кейт теперь и обрабатывал. И из него не вычеркнутыми оставалось ещё два пункта.

«За школой направо», – значилось на описании дороги, которое дал ему его приятель Бурт. Приятно было снова увидеться с Буртом. Он перебивался тем, что ремонтировал приборы всех видов; такое занятие однозначно было перспективно. А его теперешняя подруга чинила одежду так, что она становилась как новая, и оба процветали, если вспомнить, какая была обстановка. По крайней мере, вечер они провели прекрасный.

А вот это здание, наверное, и есть школа. Типичное строение из красного кирпича, двухэтажное, с мачтой, откуда печально свисал звёздно-полосатый флаг.

Одна комната на втором этаже была выгоревшей. Её окна зияли прокопчённой чернотой, как две пустые глазницы. Лишь в одном классе сидели дети, и все они повернули головы в сторону машины Кейта, когда тот медленно проезжал мимо.

Он свернул направо. Дома на широкой, тенистой улице по большей части были брошенными. Выбитые стёкла, двери нараспашку, поломанная мебель на газонах.

Но некоторые дома не пустовали – и назло обстоятельствам даже «благоденствовали». В садиках паслись козы, привязанные к колышкам. На верёвках сушилось бельё, а под водосточными трубами стояли бочки, чтобы собирать дождевую воду. У одного дома стояла даже лошадь, а рядом телега, в которую её можно было впрячь.

Показалась бензоколонка, в точности по описанию. Закрылась она, должно быть, уже очень давно. Вокруг валялся мусор, сами колонки исчезли, а в распахнутых дверях конторки сидела чёрная кошка, словно карауля то, что осталось.

Может, остановиться в уединённом месте и дозаправиться из канистры, припасённой в

багажнике? Лучше, чтоб никто не видел, сколько канистр он возит с собой. Это могло пробудить алчность, а от неё добра не жди. Достать бензин становилось всё труднее, даже за большие деньги. О причинах говорили разное. Значит, схлопнулось очередное нефтяное поле, которое перенапрягли в попытке компенсировать падение добычи. Кейту это было ясно; ведь всегда одно цепляется за другое, а беда не приходит одна, разве не так? Если в доме сломалась стиральная машина, можно держать пари, что в ближайшие две недели откажет холодильник, телевизор или другой прибор. Почему же с нефтяными полями должно быть по-другому?

К той нефти, которая ещё поступала, в первую очередь прикладывались военные, забирая столько, сколько им нужно. В последнее время всё чаще поговаривали, что атомное оружие представляет собой проблему; если ракеты не поддерживать должным образом, они перестают действовать. А даже подозрения об этом допустить нельзя, иначе исчезнет эффект устрашения, и снова станет мыслимой большая война. Так что приходилось, невзирая на цену и обескровливание остальных отраслей, пускать значительную долю нефти в инфраструктуру атомного вооружения.

«После бензоколонки вторая улица налево – и до конца». Кейт ещё раз перечитал записку и поднял глаза. М-да. Это здесь, но что касалось предприятия «Nu-Chem», поставщика полупроницаемой плёнки всех видов для нужд химической промышленности, то Бурт однозначно был не в курсе.

Кейт вышел из машины. Пахло дымом: должно быть, пожар, который сровнял с землёй здание фирмы, случился не так давно. Он перешагнул через расплюснутую сетку ограждения. Должно быть, тут не обошлось без нескольких приличных взрывов, если судить по состоянию стальных несущих опор.

Он прошёлся по разрушенной территории, ища какую-нибудь фирменную табличку, которая подтвердила бы ему, что он не ошибся адресом.

Пожаров было на удивление много. Причиной часто были поджоги – попытка вытянуть из страховщиков хоть немного денег. Акция отчаяния, которая в большинстве случаев оканчивалась неудачей.

Кейт споткнулся о какую-то железяку, лежавшую в золе, нагнулся и поднял её. И опознал на ней логотип – красную букву «К» на синем фоне.

Адресом он не ошибся. Только опоздал.

Здесь, в тени кукурузного поля, приятно было заниматься прополкой. Должно быть, дул ветер. Маркус хоть и не ощущал его, но слышал, как шелестели пожелтевшие на солнце, высохшие стебли.

Пропалывать капусту было просто, попутно можно было размышлять. А подумать есть о чём. Он был пока что недоволен конструкцией машины. Основные элементы были ясны, но целое требовало ещё столько работы, что в принципе машина могла считаться лишь лабораторным образцом. Требовался принцип, который годился бы на практике. Машина, которая работала бы надёжно, экономично, безотказно. Чтобы с ней мог управиться любой идиот. Сам по себе метод действовал. Если не считать того, что они ещё не нашли возможности производить плёнку. Вначале зелёная масса подавалась в измельчитель, который перемалывал её в пыль. Технически это было просто и ещё поддавалось оптимизации с точки зрения энергозатрат и срока службы.

Измельчённая масса смешивалась с горячей водой и бактериальной культурой. Что касалось бактериальных штаммов, их богатый выбор они нашли в архиве Farsight Instituts вместе с подробным описанием и результатами исследований. Здесь знали толк в бактериях и их возможностях. Не говоря о том, что такие микроорганизмы – по большей части дрожжевые – возникали и сами по себе: при брожении вин, например.

Полученный бульон, который через некоторое время приобретал запах браги, поступал в ёмкость, дно которой создавала плёнка. Требовалось поддерживать определённую температуру и постоянно перемешивать, чтобы вся брага приходила в соприкосновение с плёнкой, тогда на нижней стороне плёнки вскоре повисали капельки с острым запахом –

пахло, конечно, не виски «Джек Дэниэлс», но чем-то не менее спиртосодержащим. Ёмкость стояла с лёгким наклоном на один угол, куда всё и стекало. Добыча была внушительной – временами достаточной, чтобы обеспечить собственным топливом поездки в город по делам, – однако не такой обильной, как ожидалось по расчётам. Слишком много алкоголя так и оставалось в браге.

Через определённое время, когда спирт уже почти не выделялся, эту брагу выливали и остаточный алкоголь сжигали. После чего оставались гранулы, пригодные в качестве удобрения. Отец Маркуса продумал и этот аспект, которому отводилась существенная роль: растительные отходы сельского хозяйства содержали минеральные вещества, которые полагалось снова вернуть земле, чтобы не высасывать из неё соки. Спирт, химическая формула которого C_2H_5OH , состоял только из углерода, кислорода и водорода; таким образом, остракция не вовлекала в свой круговорот никакие минеральные вещества.

Но всё было пока что далеко от совершенства. Метод действовал, а аппарата не было. Маркусу сильно мешало то, что измельчение, размешивание, а главным образом подогрев браги и плёнки до сорока градусов Цельсия расходовали энергию. Поддержание температуры массы плохо сказывалось на балансе.

– Папа! Папа! – услышал он звонкий голосок дочки.

Он выпрямился, оглянулся и с улыбкой смотрел, как Джой Кэролайн бежит к нему, как всегда, полная необузданной энергии.

В дверях террасы показалась Эми-Ли, издали показывая ему знаками телефон.

– Кейт! – крикнула она.

– Мне подойти? – Беспроводные телефоны к тому времени почти совсем исчезли из обихода, потому что необходимая для них электроника стала слишком дорогой.

Эми-Ли отрицательно помотала головой и показала большим пальцем вниз.

Значит, снова сорвалось. Оставался всего один, последний адрес. И маловероятно, чтобы с ним всё получилось.

– Чёрт! – пробормотал Маркус. Он поднял Джой Кэролайн на руки и пошёл с ней к дому. – Что, жарко сегодня, а?

– Жа-ко, – прокартавила она. – Очень жа-ко. – Она ещё плохо говорила, что уже вызывало тревогу Эми-Ли. – Солнце жа-ко.

– Да, – кивнул Маркус, – солнце жаркое.

Он вдруг резко остановился. Посмотрел в сторону теплицы, которую построил сам. Глянул вверх на безоблачное небо.

– Солнце жаркое, – повторил он. – Вот именно!

Страна, казалось, стала больше, чем была «при нефти».

Кейт опять проезжал мимо одного из таких полей, что тянутся до горизонта, и снова видел людей, которые цепочкой двигались по полю, склоняясь к чахлым стеблям в бороздах. Среди них было много детей, – они работали, вместо того чтобы ходить в школу. Если так пойдёт дальше, следующее поколение уже позабудет всё на свете. Некоторые мужчины были одеты в рваные костюмы; они носили их когда-то в благословенные офисные времена, но эти костюмы больше им не понадобятся. А на спинах у некоторых женщин был привязан ребёнок, – раньше это можно было видеть только в Африке.

Всё это были горожане, которые могли заработать себе на хлеб, лишь трудясь в поле. Обитали они тут же, при дороге, самым везучим достались хижины из досок, жести и гофрированного картона, другие довольствовались брезентовым навесом и голой землёй. Рядом стояли две туалетные будки и бак с водой, но, несмотря на это, вонь стояла такая, что, даже проезжая мимо, приходилось зажимать нос.

А на обочине дороги, словно издеваясь, стоял древний рекламный щит с плакатом, потрёпанным ветрами и дождями, но надпись ещё гласила: «Ты будешь поражен!» Реклама некогда новой модели «Шевроле».

Немного погодя Кейт углядел сквозь молодые деревья, недавно посаженные,

территорию фермы. Господский дом с террасой, розовыми клумбами и сверкающим фонтаном, обнесённый высокой железной решёткой. Дом охраняли вооружённые мужчины.

Позже он проезжал мимо большой стройки и видел, как лошади ворочают рельсы и шпалы, а рабочие орудуют баграми и лопатами. Две драги одиноко маневрировали по ландшафту. Тут по решению правительства строилась одна из новых железнодорожных линий.

Кейта обогнала большая машина, бронированный лимузин, сверкающий лаком и хромом, с тонированными стёклами. Богатые люди всё ещё водились, и для них не играло роли, сколько стоит галлон бензина, им было в удовольствие, что наконец-то они могут свободно разъезжать и не торчать в пробках.

Однако дороги во многих местах уже находились в плохом состоянии и лучше не станут. Ведь и асфальт – тоже продукт нефти. Пока это были просто неровности, лишь изредка встречались выбоины, которые возникли из-за мороза в минувшую зиму.

Но таких колдобин будет всё больше, и дороги станут непроезжими. Тогда богатым не помогут и их деньги.

И тогда страна станет ещё больше, гораздо больше.

– ...а последняя фирма, – закончил свой отчёт Кейт, – оказалась на военной территории. Мне, что называется, и слова не дали сказать. Сразу выдали памятку, куда жаловаться. – Он положил поверх списка свёрнутый листок с эмблемой военной части.

Маркус подпер кулаком подбородок.

– Хм-м. Плохо дело.

Список имел удручающий вид. Четырнадцать адресов, все зачёркнуты. Четырнадцать пометок, гласивших: «опоздали», «опоздали», «опоздали».

Так многое начато слишком поздно. Если бы чуть раньше очутиться перед фактами, конец нефти не стал бы такой проблемой.

Теперь же дело обстояло так: спасительная соломинка есть, но до неё уже не дотянуться.

Эми-Ли подкладывала Кейту в тарелку еду и рассказывала, какие попытки заинтересовать проектом государственные структуры ей не удалось. Все письма ушли в пустоту либо вернулись с отрицательным ответом. Она со вздохом добавила:

– А я-то думала, что у меня такие связи!

Маркус взял ломоть хлеба.

– Сейчас, наверное, все инстанции захлестнула волна безумных предложений. Может, мы затонули где-то между «Вакуумной энергией», «Холодным ядерным синтезом» и людьми, которые заново взялись за вечный двигатель.

Кейт заполнил рот изрядной порцией.

– А нет бы просто приехать и посмотреть? – сказал он, жуя.

Эми-Ли мелко нарезала картофелину для Джой Кэролайн.

– Они даже не задумываются. Отделяются отпиской на всё, что связано с энергетическими концептами.

Кейт покачал головой.

– И что будем делать?

– Будем продолжать, – сказал Маркус. Он уже автоматически вспоминал о записных книжках Блока всякий раз, как только возникали такого рода вопросы. В последнее время он часто заглядывал в них. Всё ещё пытаюсь разгадать, что старик хотел сказать своими цифрами, набросками и диаграммами. И когда ему встречались заметки между строк, все эти его пассажи – «Я не сдамся, даже если все они встанут на голову», – в нём тоже просыпалось упрямство, которое ему приятно было ощущать. – Я тут, кстати, состряпал новую концепцию, – продолжал он, глядя на Кейта. – Мне бы хотелось знать, что ты на это скажешь.

Рыжеволосый и – после изнурительной поездки – уже не такой объёмистый мужчина поднял брови.

– Давай посмотрим.

Маркус достал свой эскиз. На нём был изображён вертикальный цилиндр, стоящий на короткой ножке. Сверху вставлялась неглубокая воронка, и такая же коническая надставка выступала из нижней плоскости.

– Сверху загружаем зелень. Измельчитель – под воронкой, видишь?

Кейт кивнул.

– О'кей. И дальше?

– Решающим моментом является то, что мы используем солнечный свет. Цилиндр из стекла, непосредственно за ним – чёрная поверхность. Этим мы достигаем парникового эффекта, который согревает всё внутри. Необходимые сорок градусов легко достижимы.

– Цельсия, – уточнил Кейт.

– Да.

– Когда-нибудь и я к этому привыкну. И потом?

– Плёнка натянута внутри цилиндра, причём так, чтобы приходиться в соприкосновение с брагой возможно большей поверхностью и чтобы экстрагированный спирт мог хорошо стекать. Тут надо немного поэкспериментировать с формой, чтобы брага не оседала преждевременно. Мне видится такая вот винтовая рампа.

Кейт задумчиво разглядывал эскиз, как обычно, забыв про еду.

– Хорошо. А что это внизу?

– Здесь спирт стекает в ёмкость. По этой трубке можно выпускать брагу и в специальном отсеке автоматически выжигать остатки спирта...

Кейт указал на прямоугольник.

– Вот в этом ящичке?

– Правильно. Причём теплоту сгорания можно для чего-нибудь использовать, например, для привода измельчителя.

– Хорошо. Мне нравится. – Кейт вернул ему эскиз. – Не хватает только плёнки, ведь так?

– Да. Только этой крошечной мелочи.

– Здорово.

Маркус наколот на вилку кусочек лука.

– И как ты думаешь? Есть у них там в их военном опорном пункте «KAPPELLING» или нет?

– Судя по зданию, там всё исправно. В отличие от остальных фирм, где я побывал. *Очень* сильное отличие.

Эми-Ли взяла свёрнутый листок.

– А что тут?

Кейт пожал плечами.

– Список имён, вплоть до сенаторши, которая возглавляет компетентный комитет Конгресса.

– Может, я кого-нибудь здесь знаю, – сказала она и развернула листок.

Маркус смотрел через её плечо. Во всех этих чинах и названиях подразделений американских вооружённых сил он никогда не разбирался... Но что это?

– Дай-ка мне, – он взял у Эми-Ли листок и пошёл к телефону.

– Что такое? – обиделась Эми-Ли. – И кому ты звонишь?

– Сенаторше, – Маркус, набрав номер, вернул ей листок.

Она разглядывала его.

– Сенатор Мария Дамиано? Ты её знаешь?

– Нет, – ответил Маркус. Гудки пошли. Уже хорошо. Такое тоже стало теперь редкостью.

Кейт поднял голову.

– Уж не воображаешь ли ты, что можешь так запросто позвонить *сенаторше*?

Однако изрядный опыт Маркуса в преодолении приёмных ему тут даже не понадобился. Здесь, как и всюду, многое стало проще. Он сказал секретарю, что хочет поговорить с госпожой сенатором, и тот после недолгих встречных расспросов соединил его.

- Добрый день, госпожа сенатор, – сказал Маркус, – это говорит Маркус Вестерманн.
– Добрый день, мистер Вестерманн. Чем могу быть полезной?
Маркус набрал воздуха.
– Сперва один вопрос – вы, случайно, не родственница некоего Сильвио Дамиано?
Он услышал её удивлённый смех.
– Нет, не родственница, – ответила она. – Но я за ним замужем.

Глава 55

Сильвио встретил его на вокзале Вашингтона. Он почти не изменился, разве что осунулся, но это сейчас происходило почти со всеми.

– То, что меня тогда вышвырнули из «Lakeside & Rowe», было самым лучшим, что случилось со мной в жизни, – рассказывал он, когда они спускались по эскалатору в метро. – Сейчас бы я Мюррею в ножки поклонился. Ты случайно не знаешь, что он теперь подделывает?
Маркус улыбнулся.

– Я звонил ему около года назад. Он ещё держался молодцом.

Столичное метро по-прежнему работало – в отличие от большинства других городов.

– Они тогда зарезервировали мне место в «первом классе», других просто не было, а им же надо было избавиться от меня в тот же день, – весело рассказывал Сильвио. – Мне пришлось сесть рядом с женщиной, по виду итальянкой, и хоть мне тогда было ни до чего, я просто заговорил с ней. Я сам не знаю, как это получилось, мы тут же разговорились и проговорили весь полёт, все восемь часов. При том что она взяла с собой в дорогу важную работу.

– Давай я отгадаю, – сказал Маркус. – Её звали Мария.

Сильвио засмеялся.

– Мне было невдомёк, ты понимаешь? Она так хорошо говорила по-итальянски... Я даже не обратил внимания на её фамилию. Томпсон! Не самая типичная итальянская фамилия. Мы условились на следующий вечер встретиться в Риме, и только тут я сообразил, что она американка. Уже потом она мне рассказала, что баллотируется в сенат от Нью-Гемпшира! Но к тому моменту с нами уже всё произошло, я думаю, и было поздно.

Маркус с удивлением заметил, что уже отвык от оживления большого города. Так много людей, и все так спешат...

– А почему она летела в Италию?

– На похороны. Да ничего трагического, её бабушка, которая умерла в сто один год.

– И вы поженились?

– Через три недели, как раз успели до того, как началась горячая пора предвыборной борьбы. – Он смущённо улыбнулся. – Я всё время собирался тебе позвонить, но руки не дошли. Ты даже представить себе не можешь, что такое предвыборная борьба. – Он помолчал. – Была раньше. Я думаю, те времена прошли.

Они взошли по лестнице к Капитолию, который произвёл на Маркуса впечатление, хоть и оказался неожиданно маленьким. Мария, невысокая, пластичная женщина с умопомрачительной улыбкой, уже поджидала их и провела мимо охраны, так что Маркусу не пришлось показывать свой паспорт. Он всё ещё не знал, в каком он статусе, и сенаторша, выслушав его проблему, пообещала что-нибудь предпринять.

– И что, она правда работает, ваша машина? – спросила Мария, когда они сидели в её небольшом, выдержанном в жёлтых тонах кабинете.

– Из-за нехватки плёнки это очень маленький аппарат, но он работает, – подтвердил Маркус. – Вчера утром я ехал к нашему вокзалу, и мой автомобиль работал на спирту из этого аппарата.

Она кивнула.

– И у вас есть всё, что нужно для презентации?

– Да.

– Хорошо. Я уже прозондировала, кто в правительстве может заинтересоваться вашим проектом. – Она одарила его улыбкой на миллион долларов. – Через час президент ждёт нас в Белом доме.

Так началась акция таких масштабов, какие могла реализовать, пожалуй, лишь Америка. После того, как Маркус объяснил президенту принцип остракции, тот созвал министров, которым Маркусу пришлось ещё раз всё объяснять. Те призвали специалистов, дюжины, сотни, и Маркус прочитывал свой доклад снова и снова. В промежутке между докладами в Вашингтон привезли и опытный образец машины, его осматривали, испытывали, делали заключения. Анализировали проектную документацию, переводили описание на английский. И приняли решение.

Пришла в движение мощная машинерия.

В телевизионном обращении президент сказал:

– Падение нефтедобычи привело народное хозяйство во всём мире, и наше в том числе, в плачевное состояние. Теперь у нас в распоряжении есть метод, который, если внедрить его достаточно быстро, обещает развернуть роковой ход событий в другую сторону.

Он обрисовал суть дела и то, что сделают США: не больше и не меньше, как быстро обеспечат мир аппаратами для получения спирта по принципу остракции и тем самым заново создадут условия для транспортного сообщения и международной торговли.

Президент сознательно употребил при этом фразу, которую еще в июне 1947 года сказал госсекретарь Джордж К. Маршалл в своей речи в Гарвардском университете, очерчивая то, что впоследствии вошло в историю как «План Маршалла»:

«Очевидно, что Соединённые Штаты должны сделать всё, что в их власти, чтобы ускорить выздоровление мировой экономики, без которого не будет ни политической стабильности, ни долговременной прочности мира».

Несмотря на эту известную ассоциацию с планом Маршалла и сходными акциями прошлого – «воздушным мостом», связавшим Западный Берлин с ФРГ, и высадкой на Луну, – теперешние участники ощущали себя ближе к Манхэттенскому проекту, то есть к созданию атомной бомбы, поскольку практически с первого момента все только и говорили что о «Вестерман-проекте». Первоначальное, бесцветное название проекта (что-то наподобие «New Fuel», что ли) тут же было предано забвению.

Ассоциация имела свои основания. Это была операция огромного масштаба. С той же решимостью и теми же организационными средствами, с какими США выиграли материальную битву Второй мировой войны, а позднее запустили на Луну людей, было запущено перевооружение мира с бензина на спирт – намерение, тем более востребованное перед лицом хворой безнадёжности.

Первым делом следовало наладить промышленный выпуск остракционной плёнки, затем произвести в достаточном количестве аппараты и доставить их до потребителей. Надо было перестроить моторы с бензина на спирт, обучить крестьян обращению с новой техникой. И, наконец, создать инфраструктуру для накопления, хранения и распределения нового горючего.

Последний ещё уцелевший «KAPPELLING-SUPERTEX» разобрать не пришлось: одна из тайных служб сохранила чертежи. Немедленно запустили серию в десять тысяч машин.

Для некоторых деталей, которые уже нигде нельзя было достать, понадобилось построить фабрики. Построили.

Потребовалось усовершенствовать способ производства нано-порошка, чтобы иметь в распоряжении достаточное количество. Усовершенствовали.

Обязательным было согласование с правительствами, администрациями и союзами всех стран, которые будут участвовать в новой системе. Согласовали.

Недостатка в инженерах и конструкторах не было. Вскоре сотни их взялись за прибор,

эскизы которого набросал Маркус, чтобы изучить его во всех мыслимых аспектах и, если возможно, усовершенствовать. Управленцы проводили учет сельскохозяйственных предприятий, их площадей и профиля, чтобы разместить аппараты оптимально. Надо было создать на всех языках инструкции по применению, учебные материалы и вспомогательные книги по проведению ремонта, напечатать их и распространить, организовать семинары, обучить специалистов. Люди из маркетинга снимали телевизионные ролики, давали объявления, планировали и проводили кампании, чтобы как можно скорее научить людей обращению с новыми технологиями.

Неправильное написание фамилии изобретателя (с одним «н»), впрочем, так и укоренилось. Цилиндрические приборы, которые вскоре наводнили США, а через некоторое время и весь мир, упорно именовались «вестерманами», и что бы Маркус ни предпринимал, ничто не помогало ввести в это название вторую букву «н». Когда это название вошло в словари, он окончательно сдался.

Впрочем, «вестерманы» захватили не весь мир: некоторые арабские страны, в первую очередь Саудовская Аравия, категорически запретили применение этих аппаратов. Ислам запрещал алкоголь – и точка.

Завоевал арабские страны другой Вестерманн...

Наконец-то Фридер понял, что показалось ему в этой праздничной церемонии таким странным: совсем не было музыки. Ни марша, ни национального гимна, ни музыкантов. Только навесы под знойным небом, невероятное количество ковров, ряды стульев и флаги всех стран, участвующих в проекте. А их было очень много. Не только почти все арабские соседи, но и некоторые европейские страны, вплоть до Словении.

Женщин среди присутствующих было очень мало. Премьер-министр Греции была единственной женщиной столь высокого ранга, и, судя по всему, она тоже маялась в ожидании, когда же праздник закончится.

Когда мусульмане удалялись в один просторный шатер на свою полуденную молитву, европейцы с журналистами из всех стран стояли в ожидании, сжимая в руках стаканы с соком. Вода с добавлением лимонного или яблочного сока, а также щепотки соли – за годы строительства это стало тайным оружием Фридера против жары.

После молитвы группы снова перемешались, арабские одеяния соседствовали с костюмами. Стулья были снабжены именованными табличками, дипломаты тщательно продумали порядок рассадки.

Несмотря на смерть короля Фарука, вызвавшую глубокий траур, – он мирно почил несколько недель назад в преклонном возрасте – судьба, дарованная лишь немногим властелинам, – саудовский флаг не был приспущен. Как Фридер уже знал, он не приспускается никогда, ибо надпись на нём, белым по зелёному, есть мусульманский символ веры, а значит, Слово Божье, которое не склоняется ни перед одним смертным, в том числе и перед королём.

Исполняющий обязанности регент, Таталь Аль-Рашид, вышел к пульту, подождал, когда установится полная тишина, и затем приветствовал собравшихся на торжественное открытие Солярной электростанции имени короля Фарука.

Возможно, вскоре он станет следующим королём Саудовской Аравии. Правила престолонаследования в этой стране никогда не были простыми. На сей раз маджлис аль-Шура, совет старейшин, сходил на кандидате, которому передавался королевский сан. Ему же предоставлено было решать, просто ли так принять этот сан или поставить его на народное голосование. Уже было два кандидата: один из совета старейшин, другой – со стороны. Оба пожелали пройти через народное голосование – и оба потерпели поражение. Однако после короля Фарука взойти на престол без одобрения народа было уже неприемлемо, и Аль-Рашид тоже высказался за проведение народного голосования, которое должно было состояться через две недели. А до тех пор он оставался регентом с ограниченными полномочиями.

– ...а теперь я хочу дать слово архитектору, конструктору и строителю установки, господину Фридеру Вестерманну, – закончил регент с жестом государственного деятеля. Говорили, он имел хорошие шансы быть избранным. Тогда он станет первым королём, происходящим не из семейства Саудов.

Фридер встал, под вежливые аплодисменты поднялся на сцену и подошёл к пульту. Он сосредоточился, глядя на море лиц, которые смотрели на него, а позади них он видел море песка, среди которого, словно остров из света, стояла электростанция. Сотни квадратных километров полированного солнечного отражения, сверкающего, словно жидкое серебро, и кажущееся отсюда миражом.

– Я с радостью принимаю звание архитектора, – начал Фридер. – Строитель я тоже, но всего лишь один из тридцати шести тысяч тех, кто работал на этом проекте, и каждый из них внёс свой вклад.

Аплодисменты, вежливые. Ну да. Видимо, он слишком начитался Брехта.

– Конструктором же я был бы никудышным без советов и помощи моего коллеги Ахмада Аль-Мансура, который научил меня строить в пустыне. – Кряжистый старый инженер-строитель сидел в третьем ряду и сиял, как масляный блин.

Фридер перешёл к техническим пояснениям – той части своего выступления, которая предназначалась в основном для журналистов. Присутствующие политики либо давно знали его аргументы наизусть, либо в очередной раз не хотели их слушать.

– Перед тем как разразился Реак нефтедобычи, потребление энергии в мире составляло шестнадцать терраватт – это шестнадцать тысяч гигаватт, или шестнадцать миллиардов киловатт. Производилось такое количество энергии по большей части из ископаемых носителей – таких, как нефть и уголь, затем из расщепления атома и частью из силы ветра, воды и так далее.

Вот, один уже задремал. Не султан ли Омана?

– Это было всё равно что перебиваться сухими крошками, – невозмутимо продолжал Фридер, – тогда как за спиной у нас стоял богато накрытый стол. Ибо что такое жалкие шестнадцать терраватт по сравнению со ста восемьдесятю тысячами терраватт, которыми солнце облучает нашу планету? Эта энергия, более чем в десять тысяч раз превышающая ту, что мы с трудом отнимаем у земли, облучает нас постоянно, и дело даже не в том, что её много, она, по нашим масштабам, дана нам на все времена и никогда не иссякнет. Решением короля Фарука было принять этот дар небес.

Снова аплодисменты, достаточно громкие, чтобы задремавший султан встрепенулся.

– Тем самым Саудовская Аравия выбрала путь, который сделает эту страну и в будущем важнейшим в мире поставщиком энергии – даже когда запасы нефти будут исчерпаны полностью. Мы собрались здесь сегодня, поскольку проект, каким он был задуман, завершён. Но на этом ничего не кончается. Электростанция в любое время может быть расширена. Могут строиться и дополнительные электростанции этого типа – пустыня ещё велика.

Настало время передать слово регенту, чтобы тот торжественно включил рубильник. На самом же деле этот рубильник ни на что не влиял, если не считать лампочки, которую он зажигал. Электростанция давно уже действовала, обеспечивая электричеством весь регион Персидского залива и поставляя изрядный объём энергии в Европу. Несмотря на неизбежные потери в сетях. Несмотря на потери в гидроаккумулирующих электростанциях, которые были необходимы, чтобы обеспечить равномерное снабжение. Таких гидроаккумулирующих станций было две: в горах Асира они целыми днями качали огромные количества воды снизу в высокие водохранилища, а ночью эта вода через турбины стекала назад. К северу от электростанции примерно то же самое делали пневмоаккумуляторы, нагнетая воздух в подземные каверны.

Умнейшим шахматным ходом Фарука было то, что все союзы, все договоры об электроснабжении и участии он обсудил с окружающими государствами и закрепил ещё до начала строительных работ. Таким образом, он уменьшил вероятность нападений – так легко осуществимых – на станцию, ибо каждая такая атака была бы нападением на целое

объединение государств.

Момент настал. После нескольких слов – судя по всему, религиозного содержания, на арабском языке – регент перекинул рубильник, и зажглось световое табло с логотипом нового государственного предприятия «Saudi SOLAR».

Маркус разом проснулся. Было ещё темно, за окном едва обозначились первые голубоватые сумерки. Эми-Ли крепко и глубоко спала, и Джой Кэролайн тоже.

Отчего он проснулся? От какого-то звука? Он прислушался. Нет, было тихо. Первые птицы, да, но это было нормально. Лёгкий свист ветра на террасе – тоже.

Но этот вопрос не давал ему покоя. Он выскользнул из кровати, босиком спустился по лестнице. Всё спокойно. Даже мебель и разбросанные по полу игрушки, казалось, ещё спали в тусклом свете наступающего дня.

Он открыл дверь на террасу, поёжившись от утренней прохлады. Напротив, у сарая, стоял его остракционный аппарат. Его привезли вчера вечером, с дружеским приветом и карточкой, подписанной самим президентом.

Наверное, в этом было дело. Когда рабочие сгружали этот аппарат и устанавливали на отведённое для него место, ему снова вспомнилась поездка в Вашингтон. Как закурился этот вихрь.

Как-то быстро сумели устранить обвинения, выдвинутые против него. И без лишних церемоний дали ему гражданство: чтобы можно было сказать, что спасение разработано американцем, – так ему в шутку объяснил позднее один журналист.

Теперь он был американский гражданин. Жил здесь. Ведь этого он и хотел. Только не так, как он думал.

Он прошлёпал по холодным, влажным от росы плиткам террасы, пошёл по сырой траве к агрегату. Собственно, агрегат был слишком велик для их крошечной фермы. Но, наверное, решили, что недостойно давать изобретателю маленькую модель.

Агрегат был хорош. Совершенный по форме. В нём добавилось много деталей, начиная со способа крепежа наружной оболочки и кончая самоуравновешивающимся, устойчивым опорным приспособлением и продуманным механизмом загрузки зелени.

Его охватила тихая боль. Все это забрали у него из рук. Это больше не был его прибор. Что, наверно, было справедливо, поскольку он и так действовал на базе изобретения отца.

Ну ладно. Жизнь идёт своим чередом.

Он остановился, наслаждаясь свежестью утреннего воздуха, пропахшего смолой и сырой землёй. Как быстро рассвело! Он посмотрел, прищурившись, в сторону гор, над которыми разгоралась заря. Можно было видеть, как день разбегается по долине, как исчезают тени, как до всего дотрагивается тёплый свет – коснувшись сперва конька на крыше сарая, потом стекая по скату крыши, к верхушке его машины, скользя по её новенькому боку...

Внезапно Маркус понял, что он видит перед собой.

Его давнее видение!

Вот она стоит перед ним – Башня Вестерманна! Цилиндр, облицованный стеклом, возносится к небу, и в нём отражается восходящее солнце, – ведь это и есть та самая картина, которая постоянно вела его!

Озноб пробежал по его телу.

Потом он заметил наклейку – на одном из стеклянных элементов. Видимо, на том месте, куда обычно наклеивают адрес доставки. Но на этой наклейке было отпечатано жирным чёрным шрифтом лишь одно слово: «Вестерманн».

Когда вниз спустилась Эми-Ли, Маркус всё ещё сидел в траве и продолжал смеяться. Она спросила, что тут случилось такого смешного, а он обнял её и воскликнул:

– Я пришёл! Я пришёл! Я добрался до своего места...

Два года спустя

Спортивный самолёт без предварительного оповещения появился в запретной части воздушного пространства над Вашингтоном и не отвечал на позывные надзора.

На сей раз – не так, как несколько лет назад, – сработало всё. Все предписанные процедуры были исполнены. После третьего обращения и ультимативного требования немедленно развернуться в воздух поднялись истребители-перехватчики и приблизились к самолёту, красному Piper Saratoga III, чтобы оттеснить его с курса. Орудия ПВО на крыше и в саду Белого дома взяли его на прицел, готовые выстрелить по достижении критической дистанции.

– Я вижу за штурвалом мужчину в чёрной лыжной шапочке, – передал один из пилотов.

– О'кей, это не тот, кто случайно сбился с курса, – прорычал дежурный в микрофон. – Сажайте его.

Всё внимание в этот момент было приковано к маленькой спортивной машине. И осталась незамеченной крылатая ракета типа «Cruise Missile», которая в эти минуты тоже приближалась к Вашингтону, только существенно ниже.

Маленький красный «Piper» тупо держался своего курса, хотя один из перехватчиков почти касался его своими крыльями. Пожав плечами, один из пилотов другого пристроился к «Piper» в хвост и откинул предохранитель с кнопки «огонь». Это была противная работа, но эту работу надо было делать. Он выждал, когда спортивный самолёт окажется над малонаселённым районом, нажал кнопку, и «Piper» разлетелся на куски в клубке огня, из которого на землю попадали лишь раскалённые куски металла.

– Дрянь такая! – сказал дежурный и подумал об отчёте, который ему придётся сейчас писать.

В следующее мгновение кто-то вскрикнул у экрана радиолокатора.

Но было уже поздно. «Cruise Missile», известная тем, что попадает в заданную цель в полёте ниже всех радарных систем и с точностью до нескольких метров, ударила в Белый дом и взорвалась. Президент, его семья, восемь членов правительства, равно как и большинство присутствовавших в этот час сотрудников и обслуживающего персонала, были убиты, когда полностью рухнуло западное крыло и Овальная зала, а в остатки здания попадали бетонные обломки перекрытий. Те, кто уцелел при взрыве, стали жертвами быстро распространившегося огня.

То был опустошительный удар, и никто так и не взял на себя ответственности за него. Крылатая ракета была американского производства, как показали исследования, но о чём это могло говорить? Оружие этого вида распространялось по всему миру, бывало, и похищалось, бывало, и продавалось.

Велись бесконечные обсуждения, восстанавливать ли Белый дом в его первоначальном виде или проектировать заново, но к единому мнению не приходили. Тем временем руины поросли бурьяном. Вице-президент когда-то устроил себе временную резиденцию в Филадельфии, у себя на родине, да так и остался там. Конгресс последовал за ним – тоже, ясное дело, лишь временно, но тоже остался.

Вашингтон же, федеральный округ Колумбия, стал городом-призраком. Правительство являлось важнейшим работодателем, и теперь, когда его здесь больше не было, многие потянулись отсюда прочь. Дома пустели, разрушались, после чего люди стали разбредаться ещё больше. Наконец остались только те, кто уехать не мог, и стали разводить скот в заброшенных садах.

Так в один прекрасный день Сильвио и Мария оказались перед воротами Маркуса – на машине с нагруженным остатками скарба прицепом. За кофе они рассказали, что собираются ехать в Ванкувер, где Мария нашла место доцента политики и истории.

– Больше не хочу баллотироваться в сенат, – объяснила она. – Постоянно мотаться в Филадельфию становится всё труднее: дороги с каждым морозом всё хуже, а получить место в самолёте теперь трудно даже для сенатора. Не говоря уже о том состоянии, в каком теперь

находятся эти самолёты...

– И вот мы подумали, уж если уезжать из округа Колумбия, так по-настоящему, – добавил Сильвио. – Кроме того, пора и о детях подумать.

Они дали уговорить себя остаться ночевать и за ужином рассказали, что после нападения многие уезжают из Вашингтона. Это уже не тот город.

– Некоторые считают, что «Вестерман-проект» был ошибочным решением, – сказала Мария. – Они говорят, что США на этом только поистратились, а мировое хозяйство так и не спасли. Что вместо этого лучше было бы захватить нефтяные поля Венесуэлы. И что, в конечном счёте, замены нефти нет.

– Но Вашингтон ведь всё ещё столица, – воскликнула Эми-Ли. – Нельзя же так просто её бросить!

В камине потрескивали поленья. Что-то – возможно, еловая шишка – прокатилось вниз по крыше. То был год перед началом больших беспорядков.

Сильвио и Мария переглянулись. И тогда Сильвио сказал, водя пальцем по краю своего бокала и производя тем самым тихий, печальный скрип:

– Я не знаю. В истории случается много странных вещей. Взять, к примеру, Рим. Рим был столицей самой великой империи, какую к тому времени видел свет; империи, которая просуществовала дольше, чем любая другая до или после неё, и которую мир до сих пор помнит. В сотом году в Риме был миллион жителей – что при тогдашнем состоянии населения Земли соответствовало бы сегодняшнему сорокамиллионному городу. Это был невообразимо богатый и великолепный город. Он был центром универсума.

Он отнял палец от бокала, и скрип смолк.

– В тысяча сотом году, то есть спустя тысячу лет, в Риме осталось лишь пятнадцать тысяч жителей. А в восемнадцатом веке, когда где-то уже начиналась промышленная эра, в римском Форуме всё ещё паслись коровы.

Эпилог

Тридцать лет спустя

Он вышел на палубу, чтобы увидеть, как корабль входит в порт Гамбурга. Пахло водорослями, и небо было ясное. Вид корабельных мачт и грузовых кранов, залов и пирсов в восходящем солнце был великолепен.

Мимо проскользнул парусник, катамаран с флагом басков на корме. Маневровый катер пыхтел, выпуская клубы белого дыма; выхлопная вонь ударила Маркусу в нос.

Всё ли он взял? Он обшарил карманы своего пиджака, нащупал паспорт, футляр с очками для чтения. Он надеялся, что с багажом всё будет так, как ему обещали.

Причалили. С борта бросили концы, мужчины на причале поймали их и накрутили на швартовые палы. Могучее стальное тело «Короля Уильяма» швырнуло о каменную стену так, что за него стало страшно. Но моряки своё дело знали. Судовые моторы взревели, вода вспенилась, а пассажиры спокойно дожидались конца манёвра.

Едва он ступил на землю старого континента, как перед ним очутился Юлиан. Он был в точности такой же, как на фото.

– А, ты уже тут! – воскликнул Маркус, протягивая руку. – Ну, привет, племянник.

– Привет, дядя Маркус, – улыбнулся Юлиан. – Только не говори, что я вырос совсем большой.

– Да как бы я посмел? Хотя именно так мне и кажется. Наверное, потому, что с возрастом скукоживаешься, сдаётся мне.

– Вопрос перспективы, как известно.

Сколько же Юлиану? Должно быть, уже за сорок, а? В расцвете лет, как говорят. Однако для профессора математики он выглядит на удивление юным. И на удивление нормальным.

Они подождали, когда выгрузят багаж. Юлиан осведомился, как прошла поездка.

– В последнее время ходит много слухов о пиратах.

– Половину пути нас сопровождал военный крейсер. Нас и грузовое судно, которое шло в Ирландию, – рассказал Маркус. – Но погода вначале была отвратительная.

– Я удивлялся, почему ты не полетел самолётом. Когда я услышал, что рейс Нью-Йорк – Париж опять возобновлён, я думал, ты наверняка полетишь.

– Ах, знаешь, я налетался в своё время... Кроме того, когда ещё помнишь старые самолёты и видишь разницу... Нынешние просто экстремальны. О, вот мой чемодан.

Когда они прошли таможенно, Юлиан повёл его к парковке, а там – к тёмно-красному автомобилю.

– Ты что, весь этот путь проделал на машине? – удивился Маркус.

Юлиан достал из кармана кодовую карточку.

– Нет, я приехал поездом. Это депозитная машина. Я состою в сообществе депозитных машин, знаешь? Очень удобно.

Они погрузили вещи в багажник и сели в машину.

– А что это за сообщество? – спросил Маркус.

Пока выезжали с территории порта, Юлиан объяснил:

– Это большое предприятие, которое содержит депозит автомобилей во всех узловых местах. Как член сообщества, я плачу ежемесячный взнос и могу использовать любой депозитный автомобиль, какой найду. При помощи вот этой карточки-ключа. Поездки рассчитываются по использованию, и в конце месяца я получаю счёт.

– Понятно, – сказал Маркус. – Раньше это называлось «Car-Sharing».

– Боюсь, что мой английский никуда не годится, – признался Юлиан. – «To share» означает... что?

– Делить.

– А, да. Понял. Car-Sharing. Да, точно. – Он лихо вписался в поворот. – У вас там, за океаном, тоже такое есть?

Маркус отрицательно покачал головой.

– Страна там слишком велика для этого. – Он посмотрел в окно. – Постой, но мы же не к вокзалу едем?

– Нет. – Юлиан просиял. – Я достал билеты на дирижабль, который курсирует вдоль Рейна. Думаю, тебе понравится.

– Дирижабль?

– Ежедневно ходит по маршруту Гамбург – Бремен – Дюссельдорф – Кобленц. – Казалось, больше всего он радовался за себя. – Когда стало ясно, что ты приезжаешь рано утром, я позвонил им, и вот – удалось.

Ехать на дирижабле и в самом деле оказалось очень приятно, хотя Маркус был бы рад и европейскому поезду. С другой стороны, в поездах он ещё наездится. Он хотел съездить и в Австрию, чтобы навестить могилу Блока, но в первую очередь к сестре...

– Как мать чувствует себя с тех пор, как осталась одна? – спросил он.

Юлиан вздохнул.

– Ну... Смерть отца она пережила тяжело, можешь сам представить.

– Сколько же ему было?

– Ровно семьдесят, – Юлиан отвернулся, скрывая взгляд, в котором смешались досада и боль. – Ему не следовало больше работать в свинарнике, его предупреждали. Эта новая форма ящура опасна именно для пожилых людей.

– Да, я слышал. – Маркус глянул вниз. Дирижабль двигался так низко, что можно было видеть даже людей в квартирах. – Я уже целую вечность не говорил с твоей матерью. Всё надеялся, что снова наладят Интернет. А вместо этого и телефонные кабели пришли в негодность.

– Теперь хотят проложить новые, – сказал Юлиан. И с болью улыбнулся. – У меня довольно смутные воспоминания об Интернете. Какие-то яркие картинки на экране. Отец

всегда чертыхался, когда начались сбои; вот это я помню.

Они летели над железнодорожной линией. Маркус всё ждал, когда же будет проезжать поезд, но так и не дождался.

– С железной дорогой было то же самое. Её пионеры думали, что свяжут весь мир в единое целое. Потом всё рухнуло, все эти войны и так далее... И только потом развилась собственная железнодорожная сеть. Так что надежда есть.

Стюард наконец принёс кофе.

– Газеты тоже принести? – поинтересовался он.

Маркус полез за деньгами и только потом вспомнил, что его доллары тут не годятся.

– А какие там новости?

Стюард с крашеными усиками пожал плечами.

– Обычные. Последние известия с австралийской войны, насилие и анархия в Южной Америке... И результаты футбольного чемпионата Среднего Востока. Израиль побил Ливан 1:0 на дополнительной минуте и теперь встретится в финале с Сирией.

– Возьмём одну, – сказал Юлиан.

Они разделили части, и Маркус начал с новостей. Опять столкновения между китайскими и австралийскими войсками, это продолжается уже несколько лет. Опять сотни граждан Австралии азиатского происхождения интернируются. И всё ещё беспорядки в Венесуэле, которая, кажется, никак не может смириться с иссяканием своих нефтяных полей.

– Против Сирии у них шансов нет, – заявил Юлиан. – Без Бен Шолема. Это центральный нападающий. У него травма, тут написано.

– За футболом я не слежу, – признался Маркус и сложил газету. – А правил американского футбола мне уже не постичь.

Юлиан тоже отложил свою часть газеты.

– А как там у вас вообще? Иногда доходят слухи, что Соединённые Штаты больше не соединённые, потом опять оказывается, что слухи преувеличены...

Маркус вздохнул.

– К сожалению, не преувеличены. Доллар везде пока един. И у нас пока есть президент. Но он сидит главным образом между всеми стульями. Не считая того, что...

Он выглянул в окно. Всё чаще можно было видеть ряды вестерманов. Пролетали как раз над картиной, столь типичной для последнего времени, но которую ему ещё не приходилось видеть из такой перспективы: машина у заправки крестьянского хозяйства, которое продаёт горючее на свой страх и риск. Двое мужчин болтают между собой, а бак наполняется.

– Там, где я живу, сейчас de facto государство с названием Норсуэст Пацифик. Оно охватывает старый Орегон, Вашингтон – штат, не город – и Северную Калифорнию. Нам пока лучше, чем всем остальным, но у нас большие проблемы с беженцами с юга. И на побережье – с пиратами из Азии; это становится всё драматичнее.

Юлиан серьёзно посмотрел на него.

– А юг – это...

– Сначала юго-запад – Южная Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта, Колорадо. Сейчас почти безлюдная земля. Земледелия почти никакого, следовательно, недостаток горючего. И это там, где без кондиционеров и искусственного водоснабжения погибнешь. Не говоря уже о нарастающих конфликтах с Мексикой. Это щекотливая тема с тех пор, как штаты Новой Англии отказались поставлять средства для военной охраны этой границы. А потом юго-восток, теперь это Божий штат. Женщины обязаны носить платки, кто говорит об эволюции, того сажают в тюрьму, а воскресная месса – обязанность. Так говорят, во всяком случае. И Высокогорные Равнины, поставщики горючего, которые, невзирая на это, приходят во все большее запустение. Штаты Северной Монтаны, где выжить могут только звероловы да овцеводы. И так далее. Но по северному маршруту страну пока что можно пересечь на поезде беспрепятственно.

Юлиан тяжело вздохнул.

– Похоже на то, что мы здесь не так уж и плохо живём.

– Да, живёте неплохо.

– Тогда почему ты остался там?

Маркус задумчиво оглядел его.

– Это трудно объяснить. Потому что когда-то в моей жизни была непреодолимая тяга туда. Потому что я чувствовал себя там на своём месте. – Он вспомнил горы и побережье Тихого океана, бескрайние дали и запахи лета и добавил: – И потому что мне там нравится, несмотря ни на что.

– Мы-то надеялись, что твоя жена приедет с тобой. Мы бы хоть наконец с ней познакомились.

Маркус взял свою чашку, допил последний глоток остывшего кофе.

– Мы так и планировали. Но потом что-то помешало. Ссора, как всегда. Глупая, жестокая, обидная ссора...

Его брак относился к разряду того, о чём он говорил: «несмотря ни на что». Что-то у них с Эми-Ли сложилось совсем не так, как они себе представляли.

Поездка вниз по долине Рейна была волнующе прекрасной. Лодки, плывущие по реке, старинные замки, склоны с виноградниками... Слишком уж быстро они добрались до Кобленца, где дирижабль закрепился на остановке Эренбрайтштайн и где их встречала семья Юлиана.

– Это Майя, моя жена. Это Эрвин, наш младший, а это Мейнхард. Наша старшая, Эрмина, к сожалению, в отъезде в Авиньоне, по школьному обмену.

Маркус кивнул.

– Это, конечно, важнее, чем старый дядюшка, которого она всё равно не знает.

Оба мальчика с любопытством разглядывали дядю из Америки. Эрвину было лет тринадцать, Мейнхарду пятнадцать. Жена Юлиана Майя была худенькой неприметной женщиной, но это только на первый взгляд, пока ты не попадал под прицел её небесно-голубых глаз. Она безбоязненно расспрашивала его, вытягивала из него всё то, о чём Юлиан не посмел спросить.

Да, рассказывал Маркус, они всё ещё живут в Crooked River Pass. Дети – замечательные парни, оба, а старшая, соответственно, самая красивая в мире девушка. Замужем, естественно. Только с внуками пока что-то не получается.

Через некоторое время осмелели и мальчики.

– А какая у тебя вообще профессия? – спросил Эрвин.

Маркус улыбнулся.

– Я руковожу институтом, который спасает от забвения старые методы и технологии. Если ты хочешь знать, как производят целлофан, можешь спросить у нас. Если ты находишь старую машину, то мы наверняка сможем её починить. И если тебе попадётся в руки дискета или флэшка, мы, пожалуй, сможем прочитать, что на ней записано.

– А что такое флэшка?

– Это он тебе расскажет после ужина, – окоротил его Юлиан.

И потом они въехали в очаровательный старый переулок, и их небольшой дом изнутри оказался просторнее, чем казался снаружи. Вкусно пахло жареным мясом и пряностями. В столовой Маркус увидел, что стол в его честь сервирован хорошей посудой.

Пластиковой.

Он невольно засмеялся.

– Ах ты, Боже мой.

– О, я совсем забыла, – Майя залилась краской. – Моя мама тоже всегда смеётся. Вы же такую посуду раньше всегда выбрасывали, да?

Маркус взял в руки тарелку, лёгкую и белоснежную.

– Ну-ну. Эта всё-таки стабильнее, чем одноразовая посуда в те времена. Но всё равно пластик...

– Но пластик – это же здорово! – воскликнул Эрвин. – Мне на день рождения подарили шариковую ручку, вся из пластика! – Он оглянулся на своего отца, ища поддержки. – Пластик

ведь делают из нефти, да?

– Да, – подтвердил Юлиан.

Наконец и Мейнхард открыл рот.

– А папа рассказывает, что раньше нефть просто сжигали. Это правда?

Маркус заглянул в его глаза, которые знали совсем другой мир, чем тот, в котором рос он сам. В теперешнем мире все ещё находили нефть, но она была драгоценнее золота.

– Да, – подтвердил он. – Мы её просто сжигали. Мы бы и последнюю каплю пустили в расход, если бы кое-что не помешало.

Майя сказала, что с едой придётся немного подождать, и Юлиан повёл Маркуса в свою рабочую комнату в мансарде. Там пахло табаком, и самодельные полки из морёного дерева прогибались под тяжестью книг.

– Помнишь? – он вытянул одну папку и достал из неё пожелтевшие ксерокопии. – Это ты мне когда-то прислал.

Маркус оторвался от кожаных корешков книг – многие из них имели русские названия – и глянул на листы.

– Ты их сохранил? – То были копии нескольких страниц из записных книжек Блока. Много лет назад он отправил их Юлиану по почте, выполняя обещание, данное ему когда-то по телефону: показать ему документы, если он когда-нибудь найдёт их.

Юлиан сел на свой стул, обитый зелёной кожей, и принялся набивать трубку.

– Не только сохранил, – сказал он. – Я их изучил.

– Изучил? – Маркус разглядывал эти бессмысленные таблицы, имеющие такой основательный вид. – Что тут изучать? Блок умер в помрачении рассудка. Всё это было чистой фантазией.

– Это не так, – возразил Юлиан.

– То есть?

– Ты ведь раньше имел дело с анализом данных, не так ли? «Data mining» это называлось, если я не ошибаюсь. – Его английское произношение резало слух.

Маркус кивнул.

– Да. Но я всего лишь продавал соответствующие программы. В методе, который за этим стоял, я ничего не смыслю.

– Тем не менее. – Юлиан чиркнул спичкой и неторопливо поджег табак в своей трубке. – Дело в том, что основополагающие математические методы за последние тридцать лет ушли далеко вперед. У меня в институте мы как раз этим и занимаемся. Распознавание образов, автоматическая классификация и тому подобное, – добавил он, попыхивая трубкой.

– Распознавание образов, – повторил Маркус, полный предчувствий. – Дай-ка я отгадаю. Ты обнаружил в этой таблице образ.

– Безупречно отличающийся от произвольно возникающих текстов. – Он выпустил к потолку кольцо дыма. – Эта история завораживает меня с тех пор, как я впервые о ней услышал. Знаешь ли ты, что скважина Блока в Штейре все еще даёт нефть? Я там был. Это правда. – Юлиан достал из папки фотографии и протянул ему. На снимке была буровая вышка, одиноко маячившая посреди холмистого ландшафта, огороженная и окружённая скудным кустарником.

– Нет, я этого не знал, – признался Маркус.

– Производительность этой скважины не уменьшилась за прошедшие более чем сорок лет. Но самое удивительное, – сказал Юлиан и с наслаждением затянулся своей трубкой, – что никто не знает, откуда эта нефть берётся.

– В этих местах Австрии нефть добывали и сто лет назад. – Маркус пытался припомнить детали. – Нефть, должно быть, происходит из зоны молассы⁵⁵ или из венской мульды.⁵⁶

---

⁵⁵ Моласса – комплекс горных пород.

⁵⁶ Мутьда – вогнутая складка земной коры.

– А вот и нет. Ни место, ни глубина скважины не позволяют сделать такой вывод. Кроме того, недавно проанализировали биохимический состав этой нефти. Она однозначно происходит не из известных резервуаров. – Юлиан подался вперёд. – Поэтому я хочу, чтобы ты прислал мне все документы полностью. Естественно, меня устроят и копии.

Так вот в чём заключалась великая задача! И вот когда ей пришло время!

Маркус рассматривал фотографии, несколько потрясённый. Ведь о нефтяном источнике Блока он только слышал, но никогда его не видел.

Он поневоле вспомнил обещание, которое дал когда-то Блоку.

Боже милосердный! Вот уж никак не ожидал, что окажется здесь перед такой дилеммой.

– Юлиан, – сказал он наконец, – я, честно говоря, не знаю, хорошая ли это идея, продолжать в этом направлении...

Ему самому не понравилось, как это прозвучало. Он говорил как старик! Как человек, который наконец устроил свою жизнь и больше не хочет, чтобы в ней что-то менялось.

– У Блока была одна мысль, которая тогда казалась мне очень убедительной, но сегодня она меня отпугивает.

– А именно?

– В ранней истории Земли были времена, когда содержание CO₂ в атмосфере пятикратно превышало нынешнее. Куда девался весь этот углекислый газ? Или, лучше сказать, куда девался углерод этого газа? По теории Блока выходило, что он ушёл в глубокие слои земли благодаря процессу бактериального разложения и там превратился в нефть и уголь. – Маркус потирал грудь, вдруг ощутив в ней тревожное стеснение. – Если это верно, то это означает, что где-то ещё залегают достаточно угля и нефти, чтобы упереть содержание CO₂ в атмосфере. Ты представляешь, что это может значить? Это был бы не только смертельный удар по земному климату. Это был бы конец человечества. Мы бы тем самым создали мир, в котором больше не смогли бы жить.

В этот момент на потолочной балке зазвонил латунный колокольчик, от которого по стене отходил тонкий провод, исчезая в полу.

– Пора к столу, – улыбнулся Юлиан. Он погасил свою трубку. – Знаешь, я не собираюсь ввязываться в нефтяной бизнес. Меня привлекает чисто математическая задача.

– Да, – сказал Маркус. – Но это всегда так и начинается. С чего-то малого и безобидного...

Слово благодарности

Я хочу поблагодарить: доктора Габриеля Фрама из Кёльнского университета, а также финансового консультанта Андрэ Купце за подробные разъяснения в деле банковских инвестиций.

Моего старого друга Макса Гаппа за существенные разъяснения в вопросах сельского хозяйства.

Мою коллегу Кве Ду Лю за её советы на тему китайских имён.

Олафа Шильгена из фирмы «AUDI» за введение в нынешнее состояние нанотехнологических методов производства.

Майка Шёнефельда за закулисную информацию по вопросам экономики и организации производства.

И, как всегда, моего коллегу Тимоти Штала за надёжные подсказки в части повседневной жизни в США.

Как водится, никто из этих людей не несёт ответственности за то, что я сделал из их подсказок. Все ошибки – на моей совести.